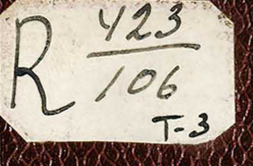
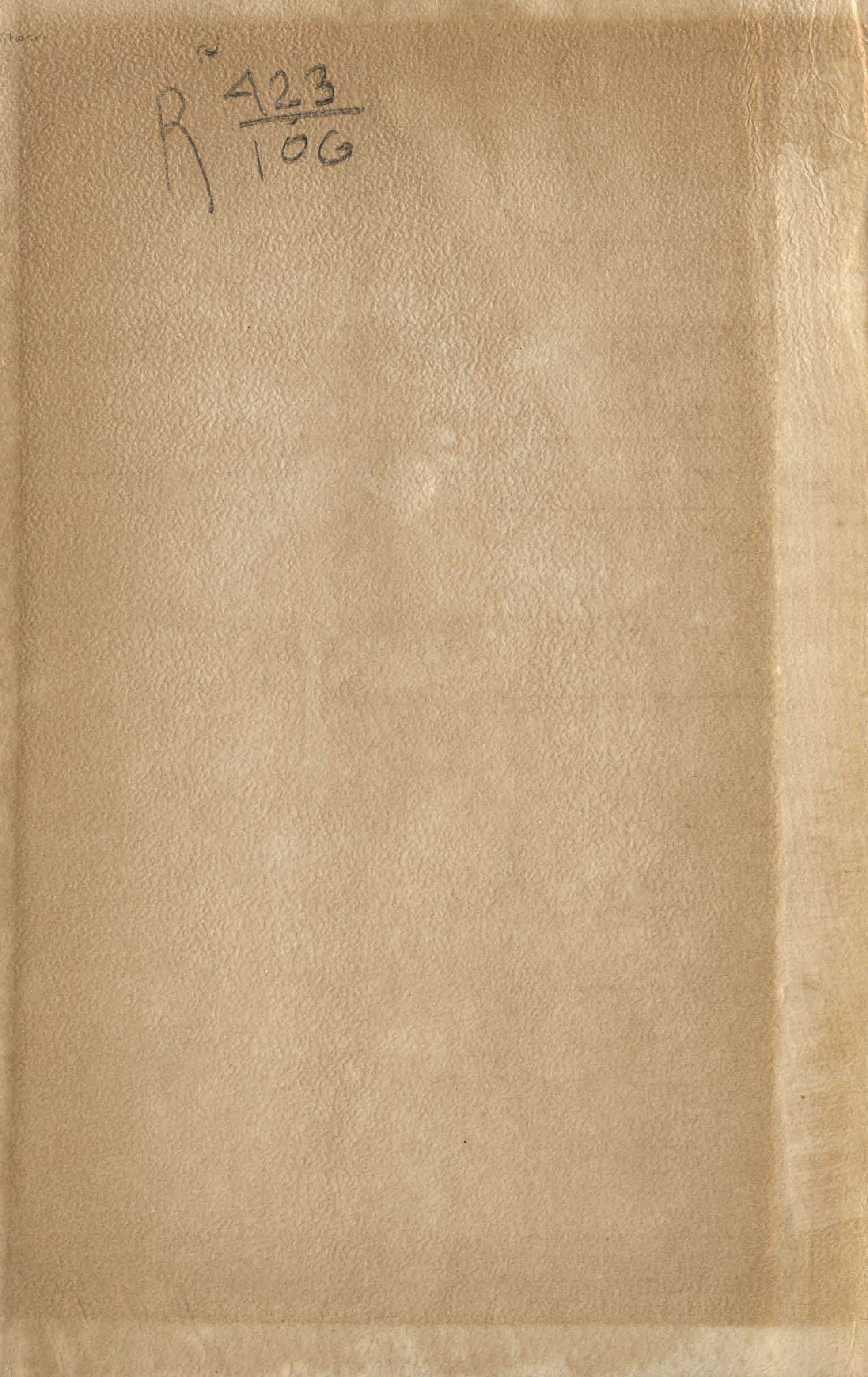

ИСТОРИЯ XIX ВЕКА

R 423/106

ИСТОРИЯ XIX ВЕКА

ПОД РЕДАКЦИЕЙ ПРОФЕССОРОВ

ЛАВИССА и РАМБО

ПЕРЕВОД С ФРАНЦУЗСКОГО

Второе дополненное и исправленное издание под редакцией профессора
Е. В. ТАРЛЕ

3
ТОМ

ОГИЗ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1938

ВРЕМЯ РЕАКЦИИ И КОНСТИТУЦИОННЫЕ МОНАРХИИ

1815—1847

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА I

ВЕНСКИЙ КОНГРЕСС

1814—1815

I. Политика союзников

Тайные статьи Парижского трактата. Навязав Франции 30 мая 1814 года мирный договор в Париже, союзные державы, входившие в состав коалиции 1813 года, достигли той цели, которую, начиная с 1792 года, преследовали все коалиции и которой Англия и Россия в 1804—1805 годах дали совершенно четкое определение: ввести Францию в ее старые границы, «сковать» ее в этих пределах, поставить ей преграды на тот случай, если она снова попытается ворваться в Бельгию или захватить левый берег Рейна, и, наконец, держать под своей опекой и изолировать монархию Бурбонов, ослабленную уже условиями, при которых она была восстановлена. Конституционная хартия, данная Людовиком XVIII, должна была ограничить власть французского короля в первую очередь в вопросах внешней политики. Восстановленная в интересах мира, монархия Бурбонов была непопулярна именно вследствие того, что ее восстановление было связано с этим миром. «Более чем столетний опыт, — писал Кауниц в 1791 году, — не раз дававший всей Европе почувствовать перевес, который в общей системе политического равновесия доставляли Франции, при господстве абсолютного монарха, географическое положение и неисчерпаемые ресурсы этого королевства, этот опыт убедил в особенности Австрию, что для полного и продолжительного спокойствия собственных владений последней наиболее благоприятными являются такое ослабление и усложнение внутренних пружин грозной французской монархии, которые были бы способны в будущем отвлечь ее силы от внешних авантюр». Так думала в 1791 году Австрия и так же смо-

трела на дело Англия: обе помнили об эпохе Людовика XIV. А в 1814 году, после Республики и Наполеона, это стало общим мнением Англии, Австрии, Пруссии и России. «Отныне, — сказал в 1815 году император Александр о конституционной монархии восстановленных Бурбонов, — эта нация, достигнув внутреннего мира, перестанет питать агрессивные замыслы против Европы».

Шомонский договор (март 1814 г.) закреплял соглашение союзников, основанное на этих взглядах. Парижский трактат, подписанный Англией, Австрией, Россией, Пруссией, Испанией, Швецией, Португалией и Францией, явился его выполнением. Статья 32 гласила: «По истечении двухмесячного срока все державы, вовлеченные с той и другой стороны в настоящую войну, пошлют своих уполномоченных в Вену, для того чтобы на общем конгрессе выработать точные постановления, долженствующие дополнить настоящий трактат». Франция, как и другие державы, должна была послать своего делегата в Вену. Императоры и короли, утверждавшие в сношениях между собой и перед лицом всей Европы, что целью их союза является восстановление монархического режима во Франции и в Европе, не могли исключить из европейского конгресса реставрированную монархию, как они рассчитывали в Шатильоне исключить Наполеона.

Но союзники сговорились предоставить Франции чисто показную роль, дать просто внешнее удовлетворение ее национальному достоинству и устроить так, чтобы на конгрессе она фигурировала лишь для вида, в качестве свидетеля, и допускалась только к подписанию протоколов. Эти пункты и явились предметом тайных статей, присоединенных к Парижскому трактату. Первая из этих статей гласила: «Постановления относительно территорий, уступаемых его христианнейшим величеством (французским королем)... и отношения, результатом коих должна явиться система действительного и прочного равновесия в Европе, будут урегулированы на конгрессе *на основаниях, принятых по общему соглашению союзными державами*, и согласно общим постановлениям, содержащимся в нижеследующих статьях». Таким образом, *союзные державы*, т. е. *четыре шомонских союзника*: Австрия, Великобритания, Пруссия и Россия — оставляли *исключительно за собой* право установить основные принципы, на которых должен будет покоиться европейский мир. Они не желали больше никого допускать к обсуждению этих вопросов, а для того чтобы Франция ни под каким видом не могла

туда проникнуть, они принудили ее заранее подписаться под следующими постановлениями: образование на северной ее границе Нидерландского королевства — буферного государства, составленного из Бельгии и Голландии; передача Ломбардии и Венецианской области в руки Австрии; предназначение «немецких областей, расположенных на левом берегу Рейна», «для территориального расширения Голландии и для вознаграждения Пруссии и других немецких государств»; независимость отдельных государств Германии и образование союза между ними. Этими мерами предосторожности союзники надеялись совершенно связать Франции руки, скрыть от нее существовавшие между ними разногласия и предупредить все попытки, которые она могла бы, ввиду этих разногласий, сделать с целью взорвать систему их мероприятий и снова завоевать себе уважение и влияние в Европе.

А разногласия были глубоки. Единственный пункт, в котором союзники были действительно солидарны, это — условия, которые они считали нужным навязать Франции. Поэтому 31 мая секретным протоколом представители *четырех* — Меттерних, Кэстльри, Гарденберг и Нессельроде — решили отложить «до Венского конгресса все споры относительно окончательного устройства как областей, уступленных Францией, так и тех, которыми союзники должны были распорядиться в Германии». Последний пункт относился главным образом к Саксонии, король которой, оставшийся верным союзу с Францией, считался ввиду этого низложенным и содержался в качестве военнопленного в Берлине. Его низложение делало в то же время вакантным занимаемый им престол Варшавского великого герцогства.

Александр I, игравший первую роль при триумфальном вступлении союзников в Париж, по низвержении Наполеона стремился к гегемонии над Европой. Он заставил отложить открытие конгресса сначала до 1 сентября, а затем до 1 октября. Русский император хотел тем временем повидаться с английским королем, посоветоваться с королем прусским и, одним словом, устроить все дела сообразно своим намерениям. В своих манифестах союзники провозглашали великие *принципы*: неотъемлемые права, восстановление законного правительства, охрана публичного права, независимость народов. Они противопоставляли эти принципы «правонарушениям», «насилиям», «позорному игу» Французской республики и Империи. Но с разрушением этой Империи принципы сделали свое дело. Никто из *четырех* ни в коей мере не собирался

из-за пустых фраз поступиться своими собственными интересами. «Легитимистский принцип, — писал посланник Александра в Париже, Поццо ди Борго, — был далеко не единственным и уже наверное не главным мотивом, побудившим европейских государей добиваться реставрации». Другими мотивами были соображения собственной выгоды, и эти мотивы союзников нашли свое выражение в частных трактатах, положенных в основу коалиции 1813 года. Теперь надлежало согласовать эти обязательства между собой, и союзники рассчитывали достигнуть цели, опираясь на «право завоевания», являвшееся с их точки зрения самым неотъемлемым правом.

Пруссия и Россия. Первым по времени из этих трактатов, представлявшим вместе с тем наибольшие трудности для выполнения и больше всего поглотившим внимание конгресса, был Калишский трактат, заключенный 28 февраля 1813 года между Россией и Пруссией. Александр обязался «не слагать оружия до тех пор, пока Пруссия в статистическом, географическом и финансовом отношениях не будет восстановлена в пределах, соответствующих тем, какие существовали до указанного периода (1806)». Обязательство это было подтверждено 14 июня в Рейхенбахе Англией и 9 сентября 1813 года в Теплице Австрией. Трактаты не содержали никаких определенных территориальных указаний, так как в этом существенном пункте между пруссаками и русскими существовало разногласие. Пруссаки требовали полного восстановления своих территориальных границ, существовавших до 1806 года, т. е. возвращения им большей части бывшего великого герцогства Варшавского. Русские дипломаты не соглашались на это, так как эти области входили в ту долю из наполеоновского наследства, которую Александр намеревался взять себе.

Александр держал великое герцогство в своих руках, но его планы этим не ограничивались. Возвращаясь к великодушным и в то же время честолюбивым воззрениям своей юности, он мечтал путем обмена германских и итальянских областей приобрести польские провинции, захваченные Австрией в 1772 и 1795 годах и Пруссией в 1793 и 1795 годах, и сделаться королем этой восстановленной Польши, связанной личной унией с Российской империей. Осуществление этих замыслов раздвинуло бы границы Российской державы до границ старой Германии. Пруссаки взирали на этот план со страхом, австрийцы — с завистью. Австрийцы требовали себе обратно польские области, уступленные ими Наполеону

в 1809 году и вошедшие в состав великого герцогства; у них не было никакого желания отдать Галицию во власть России.

Наконец, сами русские высказывались против проекта своего императора. Они совершенно не допускали, чтобы Россия отказалась от громадных польских провинций, приобретенных ею в 1772, 1793 и 1795 годах. Разрушение Польши представлялось им делом защиты России. При этом русские дипломаты указывали, что восстановление Польши было бы столь же непрочным, сколь и опасным предприятием. Чтобы привлечь симпатии поляков, им нужно было бы предоставить свободные учреждения, сейм и вольности, а это сделало бы Польшу неудобным соседом и грозным примером для России. Окажется ли Польша с анархическими инстинктами своей шляхты,—страна, где почти нет третьего сословия, если не считать евреев, и где крестьянская масса находится в крепостном состоянии, — способной к повиновению, может ли она прочно привязаться к началам самоуправления и легко ли будет управлять ею? «Можно ли поверить, — писал Нессельроде, — чтобы в польском сердце могло когда-нибудь возникнуть желание видеть Польшу русской? Каким образом император мог бы в одной части своих владений быть самодержавным, а в другой — конституционным монархом?» «Наконец, — заключает Нессельроде, — русский народ имеет право на то, чтобы с его пожеланиями считались: предприятие это по существу было бы антинациональным». Александр занял выжидательную позицию, но по мере того как союзники получали в свое распоряжение все большую массу завоеванных территорий, он снова возвращался к своему первоначальному плану с той лишь разницей, что готов был ограничиться образованием «Польши» только из польских провинций Австрии и Пруссии. [1]

Русский император придумал комбинацию, которая, как ему казалось, способна была примирить все противоречия. Саксонский король был великим герцогом Варшавским; он потерял все свои владения. Теперь следовало бы предоставить немецкую часть его владений — Саксонию — Пруссии, а польскую часть—великое герцогство — отдать России. Таким образом Пруссия станет твердой ногой в Германии и водворится в самом сердце древней империи; [2] из державы на две трети

---

[1] Т. е. без включения в это новое (подчиненное русскому императору) государство всех тех владений, которые со времени трех разделов Польши целиком вошли в состав Российской империи. — *Прим. ред.*

[2] Здесь и дальше имеется в виду средневековая, так называемая «Священная Римская империя» германской нации. — *Прим. ред.*

славянской, какой она стала после разделов 1793 и 1795 годов, она превратится в державу более чем на две трети немецкую и из всех германских государств будет насчитывать наибольшее количество немцев. На этой основе между Александром и Фридрихом-Вильгельмом III и было достигнуто соглашение. Но, во всяком случае, оно держалось в секрете, так как остальные союзники не только не обнаруживали сочувствия к этой комбинации, но даже относились к ней весьма враждебно.

Англия и Австрия. Англия или, точнее говоря, английские министры и дипломаты ничуть не интересовались судьбой Саксонии и ее короля. Их нисколько не трогало, что этот король будет лишен своих владений; в территориальном расширении Пруссии в пределах Германии они видели только выгодные для себя стороны. Но они отнюдь не хотели допустить, чтобы Россия присоединила к себе всю прусскую и австрийскую Польшу. Это придало бы ей слишком большую силу в Европе, а следовательно, и на востоке.

В отношении востока Австрия испытывала те же опасения и даже более осязаемые и более непосредственные. Кроме того, водворение Пруссии в Саксонии — на самой границе Чехии и превращение ее в первенствующую немецкую державу было для Австрии и угрозой и в некотором смысле унижением, на которое она не могла согласиться. Во всяком случае, если бы ей и пришлось примириться с неприятным для нее присутствием русских в Варшаве, то отказаться от возвращения уступленных ею в 1809 году Наполеону польских провинций она готова была лишь в обмен за новые области в Италии. Честолюбивые мечты Австрии уже давно были направлены в эту сторону. Меттерних возвращался к планам Тугута. Он готов был начать с русскими торг, который в свое время велся Австрией в Кампо-Формио с Бонапартом. Ввиду этого Меттерних без колебаний начал переговоры с Мюратом о разделе папских владений (трактат 11 января 1814 г.). За часть этих владений, отведенную неаполитанскому королю, Австрия должна была получить папские легатства. [1] Кроме того, Меттерних намеревался еще захватить альпийские проходы под предлогом необходимости поставить преграду французским вторжениям. Он видел, что восстановленные на своих престолах в Италии монархи не в состоянии удержаться на них без поддержки австрийской армии, и он помышлял об

[1] Под «легатствами» понимались следующие города со своими округами, входившие в Церковную область, принадлежавшую папе, — Болонья, Феррара, Форли, Равенна, Урбино, Песаро и Велетри. — *Прим. ред.*

образовании из всех этих австрийских клиентов союза, во главе которого, в качестве покровителя и верховного правителя, стоял бы император Франц, — союза, который отдал бы во власть Австрии всю Италию. Носились слухи, что в Праге 27 июля 1813 года был подписан тайный договор, по которому Англия выражала свое согласие на этот проект. Но Россия дала бы свое согласие только в обмен за польские провинции, а Пруссия — за Саксонию. Оба вопроса были связаны между собой, и от них зависело все остальное.

Таким образом, среди четырех союзников образовалось три партии. Лето 1814 года прошло в бесплодных переговорах. Тем временем германские народы, которым Кутузов от имени своего повелителя обещал в марте 1813 года независимость и конституцию, «составленную в старинном духе германских народов», которая позволила бы «возрожденной, помолодевшей, могущественной и объединенной Германии снова занять подобающее ей место в среде европейских наций», — эти германские народы волновались, роптали, требовали исполнения данных обещаний и восстановления Германской империи. Они дрожали от негодования при одной мысли, что вся масса пролитой крови и принесенных жертв может не привести ни к какому иному результату, кроме расширения Пруссии, разрушения древнего германского государства и отдачи народов во власть новых господ.

II. Политика Франции

Виды Людовика XVIII. Французскому правительству не были известны тайны союзников; но оно догадывалось об их существовании, благодаря дружеским сообщениям заинтересованных сторон и главным образом благодаря жалобам мелких итальянских и немецких дворов, видевших для себя угрозу: одни со стороны Пруссии, другие со стороны Австрии. Отсрочки заседаний конгресса достаточно ясно показывали, что *четыре* союзные державы не добились соглашения относительно статей, которые они решили выработать исключительно *между собой*. По тому молчанию, которого они придерживались относительно Франции, очевидно было, что они попрежнему упорно хотели отстранить ее от участия в решении этих крупных вопросов. Кэстльри написал 14 августа Веллингтону, английскому посланнику в Париже, а Веллингтон напомнил Талейрану, что существуют обязательства, заключенные «в такую эпоху, когда Англия далеко не могла считать французское правительство в числе своих друзей». Распри союзников

открыли брешь, через которую Франция только и могла снова вернуться в Европу, занять там свое место и со временем, быть может, разорвать цепи образовавшейся против нее коалиции.

В этом заключалась главная задача политики Людовика XVIII, и с этой именно целью задуман был тонкий, остроумный и глубоко дипломатический план, который король, по соглашению со своим министром Талейраном, выработал для французской делегации на конгрессе.

Прежде всего Людовик XVIII должен был найти средства, чтобы вывести Францию из того изолированного положения, в которое поставили ее союзники и в котором они намерены были ее удержать. Страх и зависть к могуществу Франции лежали в основе коалиции и связывали воедино ее составные элементы. Доставить какой-нибудь предлог для подозрений союзников, проявить какое бы то ни было стремление к территориальному расширению, внушить беспокойство англичанам в отношении Бельгии, а пруссакам и всем немцам вообще в отношении левого берега Рейна — это значило бы немедленно сблизить союзников и дать оружие в руки тем, кто, как, например, пруссаки, одушевлены были неумолимой ненавистью к Франции и хотели отнять у нее Эльзас и Лотарингию.

Поэтому в распоряжении Франции было лишь одно средство для того, чтобы расколоть союзников: это средство заключалось в том, чтобы успокоить их. Союзники навязали Франции отказ от своекорыстных притязаний, и это было ее единственной силой. Союзники организовали хитрую систему предосторожностей против честолюбия и двуличия французской политики, но они не предвидели того случая, когда Франция откажется от своих честолюбивых замыслов или, вынужденная обстоятельствами, захочет быть искренней. Союзники заставили ее отказаться от политики уловок и интриг, но этим самым они внушили ей в некотором смысле «политику принципов». Людовик XVIII и Талейран это поняли, и их искусство заключалось в том, что они сумели извлечь силу и способы действия из наложенных на них обязательств.

Коалиция боролась с Францией и принудила ее подписать Парижский мир во имя европейского государственного права; и Франция намеревалась выступить на конгрессе во имя этого самого права и потребовать от всех применения его ко всем постановлениям, навязанным ей. Франция хотела доказать свое уважение к принятым на себя обязательствам энергичным отстаиванием всеобщего применения положенного в их

основание принципа. «Следовало, — говорил Талейран, — дать понять, что Франция довольствуется тем, что имеет; что она искренно отказалась от прежних завоеваний; что она чувствует себя достаточно сильной и в своих прежних границах; что она и не думает стремиться к их расширению; что она, наконец, полагает теперь свою славу в умеренности. И если она хочет, чтобы к ее голосу еще прислушивались в Европе, то настаивает она на этом лишь потому, что намерена защищать права других народов против всякой попытки нарушения этих прав». Эта роль самоотречения была, быть может, «не лишена известного величия», но она уже, во всяком случае, не была лишена известной ловкости. Франция собиралась завоевать себе «достойное и почетное положение, опираясь на свою полезную роль защитницы слабых».

Многие выдающиеся умы признавали эту политику подлинно традиционной политикой французской дипломатии. В эпоху своего благополучия Франция извлекала из нее почет и преимущества и то, что она отказалась от этой политики при Людовике XIV по неопытности, а в эпоху Республики и Империи из-за своей страсти к пропаганде и к гегемонии, было ошибкой. [1] Отказаться для самой себя от крупных завоеваний, так как они неосуществимы без крупных разделов; помешать слишком большому усилению мощных государств; защищать мелкие государства от покушений на них со стороны крупных; суметь сохранить в международных отношениях такую систему равновесия сил, которая, гарантируя всем мир, обеспечила бы Франции, рядом с раздробленной Италией и разъединенной Германией, влияние тем более эффективное, что оно было бы одновременно и умеряющим, — эта политика, связанная с именем Генриха IV, была также политикой Ришелье и Мазарини. Ее же воспринял осторожно, но с достоинством, Верженн при Людовике XVI. Эту же политику прежде всего рекомендовал Талейран вновь образованной республике еще в 1792 году.

Такой же политикой умеренности намерен был руководствоваться Людовик XVIII, когда в 1795 и 1800 годах он надеялся вступить на престол. Людовик XVIII с тех пор не изменил своих взглядов. Талейран также продолжал оставаться при

---

[1] Здесь французский автор дает в корне неверное освещение всей истории французской внешней политики. И Людовик XIV не по «неопытности», и Директория не по «страсти к пропаганде» захватывали чужие земли, а делали это из того же стремления к гегемонии и из того же желания использовать материальные ресурсы присоединяемых стран, т. е. по тем же причинам, которые лежали в основе захватнической политики Наполеона. — *Прим. ред.*

своей точке зрения, которая у него стала как бы постоянной задней мыслью, своего рода мысленной оговоркой при всех тех отступлениях от той политики умеренности, которые Талейрану в его долгой деятельности приходилось допускать, чтобы удержаться на месте. Взгляды его были полностью подтверждены действительностью. Оба они — король, исходя из принципиальных мотивов, а министр — из соображений расчета — пришли к одному и тому же заключению, так как оба руководились опытом, пониманием реальных соотношений сил и инстинктивным чутьем, подсказывавшим им, в чем состояли неизменные интересы Франции в европейских делах. Таким образом, под непосредственным внушением Людовика XVIII и на основании указаний и заметок Талейрана были составлены сентябрьские *Инструкции* 1814 года. Редактировал их старший чиновник при министерстве иностранных дел Лабенардьер. Эти «Инструкции» были вплоть до Парижского трактата 1856 года блестящим подтверждением и законченным проявлением этой политики и представляли собой кодекс и устав правил французской дипломатии.

Инструкции Талейрана. «Франция находится в том благоприятном положении, при котором ей не приходится желать нарушения справедливости в пользу утилитарных соображений и искать своей частной выгоды, противоречащей справедливости, выгодной для всех». Справедливость требует, чтобы «государь, владения которого захвачены, продолжал признаваться государем, если только он добровольно не уступил кому-нибудь своих прав». Существуют два основных принципа публичного права: во-первых, самый факт захвата еще не дает завоевателю суверенных прав, если законный государь не уступил завоеванной территории; во-вторых, чьи-либо суверенные права существуют для всех государств вообще лишь постольку, поскольку они эти права признали. Отсюда следует, что саксонский король должен послать на конгресс своего уполномоченного и требовать признания своих прав, а Мюрат, который не признан ни Англией, ни Францией, ни Россией, не может в качестве неаполитанского короля послать своего уполномоченного. Справедливость и публичное право требуют, чтобы государства не были вынуждаемы против их воли к образованию конфедераций, а отсюда следует, что германские государства, независимость которых была признана Парижским трактатом, должны принять участие в работах конгресса и, в частности, в обсуждении проекта конфедерации, которую им предстоит образовать.

«К этим соображениям справедливости присоединяется для Франции и мотив выгоды: все, что отвечает интересам мелких государств, совпадает и с ее интересами». Если мелкие итальянские и германские государства пожелают вернуть свою независимость и сохранить ее, Франция должна будет им в этом помочь. Австрия уже не опасна для Германии, но ее честолюбивые мечты направлены теперь в сторону Италии, а Пруссия стремится занять в Германии место Австрии. «В Италии нужно бороться с Австрией, которая стремится утвердить там свое господство, противопоставив ее влиянию противоположные интересы; в Германии этой же политики следует придерживаться относительно Пруссии. Самое географическое положение прусской монархии придает ее честолюбию характер естественной необходимости. Никакие принципиальные соображения ее не сдерживают... Прусские эмиссары сеют волнение в Германии, изображая дело так, будто Франция готова снова в нее вторгнуться... и требуют, чтобы Германия, в интересах своей же собственной охраны, отдалась в руки Пруссии».

А отсюда вытекают такие последствия: восстановление саксонского короля, восстановление короля из династии Бурбонов в Неаполе, возвращение легатств римскому папе, обеспечение Сардинии от австрийских вторжений и введение Австрии и Пруссии в их прежние границы, при компенсации первой за потерю Бельгии территорией бывшей Венецианской республики. Было бы, несомненно, справедливо распространить эту политику исправлений и на Польшу, восстановив тем самым равновесие сил в том виде, в каком оно находилось в 1792 году, так как Францию ведь возвращали в границы того времени. Но здесь пришлось бы натолкнуться на непреодолимые препятствия. Ни Пруссия, ни Австрия, ни Россия ни за что не согласились бы вернуть Польше то, что они захватили в 1772, 1793 и 1795 годах. Никто из русских не дал бы своего согласия на отказ от Литвы: «Россия желает восстановления Польши не для того, чтобы потерять то, что она раньше приобрела; она хочет восстановления, чтобы приобрести то, чем она еще не обладает». «Если бы, тем не менее, русский император, вопреки всем вероятностям, согласился отказаться от находящихся в его владении польских земель, а он, очевидно, не мог бы этого сделать, не подвергая себя личной опасности со стороны своих подданных, то король (Франции), хотя и не ждет от этого счастливых результатов..., ни в коем случае не стал бы этому противиться». Но если Россия оставляет за собой Литву, если она просто намерена

присоединить к Российской империи великое герцогство Варшавское, расширив его за счет Австрии в сторону Галиции, то принципиальная постановка вопроса исчезает. Остается уже только вопрос своекорыстных расчетов, а в интересы Европы совершенно не входит допущение такого угрожающего расширения России вплоть до Одера. В этих условиях самым мудрым решением будет возвращение к тому положению вещей, которое существовало до 1807 года.

Швейцария должна будет образовать независимую и нейтральную конфедерацию. «Оттоманская Порта представляет собой такую европейскую державу, дальнейшее существование которой очень важно для поддержания европейского равновесия. Весьма полезно поэтому гарантировать ей существование». И в то же время Франция должна будет сохранить свои старые прерогативы, свою прежнюю торговлю и капитуляции, а также право покровительства католикам на Востоке и европейских дипломатических агентов — «франков», как их называли в Турции. При такой системе Франция снова добьется повсюду влияния и уважения. «События последнего времени оставили по себе впечатления, которые необходимо сгладить. Франция является настолько могущественным государством, что остальные народы могут быть спокойны лишь при уверенности в ее миролюбивых стремлениях, а чем отчетливее будет их представление об ее справедливости, тем легче они почерпнут и эту уверенность».

В этой системе все отдельные части теснейшим образом связаны между собой. «Почти вся совокупность подлежащих обсуждению конгресса вопросов зависит от одного и того же принципа и отказаться от этого принципа в одном пункте значило бы отказаться от него совершенно». Поэтому-то приписывается такая чрезвычайная важность решению предварительных вопросов, организации конгресса и провозглашению принципов. Французским уполномоченным даются самые тщательные предписания не допускать на конгресс никого из тех, кто не имеет права заседать на нем, а также не соглашаться на исключение из конгресса никого из тех, кто имеет право участвовать в нем. И наконец, даются самые точные предписания, для того чтобы конгресс действительно собрался, конституировался и прежде всего определил, какие государства должны послать на конгресс своих представителей и какие вопросы должны на нем разбираться.

Таким образом, занятая Францией позиция была неуязвима. Франция противопоставляла союзникам правовые принципы, которые они сами раньше торжественно провозгласили.

Конечно, государи и дипломаты — русские, прусские и австрийские — имели в виду лишь одно, а именно: подражать всем приемам побежденного ими Наполеона и обойтись с «выморочной» Французской империей[1] так, как в свое время они поступили с впавшей в анархию Польшей; причем они полагали, что не обязаны отчетом в своих действиях решительно никому. Но четвертая союзница, Англия, не могла итти за ними по этому пути так далеко. Английскому правительству приходилось публично давать объяснения для оправдания своих действий. Английский представитель Кэстльри лично был, конечно, так же равнодушен, как и его коллеги, к вопросам принципов и международного права; но не так обстояло дело с английским парламентом. Уже по одному тому, что в Лондоне имелись парламентская трибуна и пресса, где постановления конгресса могли подвергаться обсуждению, эти постановления подлежали санкции со стороны общественного мнения. В этом-то пункте Талейран и надеялся прижать английских дипломатов. И в этом-то и заключалось главным образом значение тех его принципиальных заявлений, которые он составлял не столько в назидание своим коллегам, сколько для того, чтобы через посредство газет, которые к удовольствию Талейрана узнали об этих заявлениях, возбуждать общественное мнение.

Правда, если взглянуть на прошлое Талейрана и на пройденный им извилистый путь от Отенского епископства до Венского конгресса, через кабинет Дантона, министерство иностранных дел в эпоху Директории, двор Наполеона, Берлин, Тильзит и Эрфурт, то взятая им на себя роль могла бы показаться щекотливой. Талейрану предстояло навязать участникам конгресса в довольно своеобразном сочетании не только принципы своего нового повелителя, но и свою собственную персону. Для этого требовалась с его стороны величайшая наглость, на которую, впрочем, он был вполне способен, а со стороны его коллег — необычайная снисходительность. Но и роль и игравший ее артист оказались на месте. Очутившись все за зеленым сукном, партнеры, вместе разыгравшие столько достославных партий, принуждены были приспособляться к новым обстоятельствам. Ни один из них

[1] На юридическом языке слова «выморочное имущество» означают: имущество, оставшееся без законного наследника или владельца. На Венском конгрессе речь шла о разделе не Франции, а тех частей империи Наполеона, которые путем завоеваний и захватов он включил в свои владения. — *Прим. ред.*

не был здесь самим собой; все они представляли нечто совершенно отличное от их собственного прошлого, от их прежних действий и даже от их личных взглядов. И это нечто было как раз тем принципом, в силу которого восстановленный ими на престоле Людовик XVIII царствовал во Франции и на который Талейран, посланник Людовика XVIII, ссылался на конгрессе. Талейран говорил от имени короля, являвшегося безупречным в смысле охраны принципа легитимизма. Впрочем, кто посмел бы поставить Талейрану в упрек его измену прошлому? Если он служил в свое время узурпаторской политике Республики и Империи, то и другие дипломаты поочереди принимали в ней участие. Они подписывали с Республикой и Империей договоры: Пруссия в Базеле, Берлине и Регенсбурге; Австрия в Кампо-Формио и в Люневиле, и в 1810 году, во время бракосочетания Наполеона с Марией-Луизой, Россия в Тильзите и Эрфурте. Один лишь английский посланник мог бы еще держать себя надменно, но он получил приказание молчать. Итак, все согласились на том, чтобы предать прошлое забвению. В разговорах с глазу на глаз, в тайных статьях, которые не приходится мотивировать, они могли еще пренебречь принципами государственного права; но они не могли этого делать в своих протоколах и декларациях. И, таким образом, эти скептические и безнравственные старые авгуры вынуждены были без смеха смотреть друг на друга и, внутренне бранясь, присутствовать на церковном спектакле, который разыгрывал Талейран, их руководитель в цинизме и развращенности, — этот «хромой чорт», как они его называли, ставший в результате их коалиций и милостью их побед первосвященником их же собственной церкви.

Впрочем, занятая Францией позиция имела и свои слабые стороны. Франции нельзя было выходить из своей роли поборника бескорыстия даже по самому незначительному поводу. Если бы она это сделала, то все бы пропало; сразу же все ее заявления стали бы расцениваться, как лицемерные, и вся эта великолепная политика принципов сразу упала бы до уровня вульгарнейшей интриганской игры. Никогда еще политика не требовала большей выдержанности. В интересах тех элементов, которым эта политика не нравилась, было сбить ее с толку, расстроить ее, одним словом, ввести французских дипломатических агентов в искушение, вовлечь их в какую-нибудь сделку и таким образом скомпрометировать. Меттерних, конечно, не преминул это сделать. Кроме того, и это было еще важнее, принятая Людовиком XVIII поли-

тика неизбежно вела к полному антагонизму с Россией и Пруссией, интересы которых были солидарны и государи которых были связаны узами самой нежной и прочной дружбы. Людовик XVIII справедливо считал их неразлучными, и, не желая ни в коем случае ни пожертвовать в лице саксонского короля своим принципом в угоду Пруссии, ни содействовать замыслам ее правительства, он должен был вступить в конфликт с Россией. Французский король легко решился на это. Рост русского могущества внушал ему беспокойство, а смутно ощущавшееся им наличие чего-то безмерного в этой нации оскорбляло его дух классика. Исполненный противоречий Александр — одновременно и благородный и лукавый, но политичный даже в своих проявлениях великодушия — представлялся взорам этого чистейшей воды вольтерианца просто комедиантом.

Александр принял по отношению к Людовику XVIII покровительственный тон; он обращался с ним, как с каким-нибудь прусским королем, который всем был обязан царю и от которого царь мог требовать всего. Но потомок Людовика XIV не имел ни малейшей склонности ни выказывать благодарности, ни еще меньше играть роль подчиненного. Он был так же горд восьмивековым существованием своей династии, как и ревнив к тому, чтобы не прослыть обманутым кем бы то ни было. Людовик XVIII не мог забыть ни высылки из Митавы, ни Тильзита, ни интриг с Бернадоттом, ни скептицизма, который проявлял Александр к принципу легитимизма, ни претензии этого самодержца навязать конституционную хартию французскому королю и попытки его образовать во Франции при участии значительного количества дворян и нескольких либералов русскую партию против французского короля. Наконец, так как Людовик XVIII искренно желал мира в интересах восстановления своей монархической власти, обновления национальной мощи и примирения французов с их старой королевской династией, то его политика совпадала с его личными вкусами, которые влекли его к Англии. В данный момент интересы Франции и России были солидарны. Относительно же будущего король мало беспокоился, так как он прекрасно знал, что в тот день, когда силы Франции будут восстановлены и когда Россия будет нуждаться в ней, а Франция сочтет для себя выгодным сблизиться с Россией, сближение это произойдет само собой.

Но в данную минуту, и особенно на Венском конгрессе, Людовик XVIII, сообразуя свои действия с расчетами Але-

*

ксандра и становясь в ряды его протеже, унизил бы себя перед лицом современников и потерял бы шансы сделаться в будущем таким союзником, дружбы которого ищут и услуги которого вознаграждают. Если бы он стал добиваться от Александра неопределенного обещания какого-нибудь территориального расширения и унизился бы до политики подачек, то он возбудил бы подозрения, подтвердил бы обвинения против себя со стороны врагов и изолировал бы себя; ибо в этом пункте (т. е. в вопросе об увеличении французской территории) Англия была непоколебима, Австрия настроена враждебно, а с Пруссией об этом нечего было и заговаривать. Он очутился бы в полной власти у России, которая, держа его в своих руках, впредь не имела бы ровно никакого желания, ради его удовлетворения, ссориться с остальными своими союзниками.

Людовик XVIII не был способен проникнуть в гений русского народа; но чрезвычайно тонкий и лукавый ум французского короля заставлял его догадываться о тех весьма ловких комбинациях, которые Александр умел с таким изяществом скрывать от поверхностных наблюдателей под внешней маской энтузиазма, чувствительности и либерализма. Александр отнюдь не помышлял об уничтожении коалиции, которая была делом его рук и служила ему орудием для достижения его честолюбивых замыслов о гегемонии над Европой. Он и не думал о территориальном расширении Франции, да и целью коалиции было как раз помешать такому расширению. Но поставив Францию в такое положение, которое соответствовало его выгодам, Александр желал отдалить ее и от Австрии и от Англии, оставаясь сам в союзе с обеими этими державами. Он хотел, чтобы Франция, кроме него, не имела никаких других союзников и чтобы он во всякое время мог располагать ею в своих интересах. Русскому императору никогда и в голову не приходило пожертвовать в угоду Франции Пруссией; но он считал выгодным для себя иметь справа и слева двух одинаково преданных и одинаково послушных помощников своей политики — короля прусского и короля французского. Таким образом, он хотел привлечь к себе Людовика XVIII не для того, чтобы расторгнуть союз *четырех*, а для того, чтобы с привлечением на свою сторону Франции в нем укрепиться и сделаться его неоспоримым главой и повелителем. Впрочем, даже и этой комбинации он предпочитал полюбовное улажение всех вопросов *вчетвером*, и это обнаружилось в Вене с самого же начала.

III. Подготовка к конгрессу

Меры, направленные к исключению Франции. Четыре союзные державы заранее условились, что в первых числах сентября они соберутся на предварительные совещания. И действительно, до прибытия государей и уполномоченных других держав в Вену, где Меттерних представлял Австрию, приехали Нессельроде, представитель от России, Гумбольдт и Гарденберг — от Пруссии, Кэстльри и брат его Чарльз Стюарт — от Англии. Они сделали как раз то, что предвидел Талейран, а именно: составили программу работ конгресса. Программа эта, разработанная Гумбольдтом, была 16 сентября сообщена четырем союзным державам, а 18-го союзные дипломаты решили урегулировать *только между собою* польские, итальянские и германские дела. Но на следующий же день им пришлось убедиться, что между ними далеко еще не существует полного единодушия.

Дипломаты начали с самого щекотливого из всех этих вопросов, а именно — с раздела великого герцогства Варшавского. Гарденберг потребовал для своего государя часть этого герцогства, на что Нессельроде возразил, что русский император желает получить его целиком. Меттерних указал на то, что герцогство было завоевано не одной лишь русской армией, что австрийцы также содействовали этому завоеванию и что, не отрицая за Россией права на вознаграждение, хотя Александр и заявлял, что он не намерен производить захватов, они не могут согласиться уступить ему провинции, прежде входившие в состав Австрии. Краков и Замостье расположены слишком близко от Вены, чтобы Австрия позволила русским прочно там водвориться.[1] Восстановление самого названия Польши уже представляет известную опасность и притом же противоречит всем ранее заключенным трактатам. На это Нессельроде возразил, что Краков и Замостье абсолютно необходимы России в интересах военной защиты. Гарденберг добавил, что Торн не менее необходим для защиты Пруссии и что Пруссия ни в коем случае не даст своего согласия на восстановление Польши. Напротив, Кэстльри отметил, что в английском парламенте восстановление Польши встретит полное сочувствие, но при этом подразумевается целая и независимая Польша, а не Польша урезанная и подчиненная России.

---

[1] Замостье в 1795 году по третьему разделу Польши отошло к Австрии. Стратегически для Австрии Замостье было важнее Кракова. — *Прим. ред.*

При таких условиях оказалось более чем когда-либо необходимым захлопнуть двери перед французами, и так как союзники никак не могли разрешить вопроса по существу, они занялись дискуссией о формальной стороне. Это и явилось предметом совещания, состоявшегося 22 сентября у Меттерниха. Совещание вернулось к тексту Парижского трактата, и была зачитана первая его секретная статья: «Постановления относительно территории... будут урегулированы на конгрессе на основаниях, принятых союзными державами между собой». Участники конференции признали, что выражения «урегулированы» и «урегулированы союзными державами между собой» ясно указывают на то, что речь идет о таких совещаниях, в которых Франция не должна принимать участия. Весьма важно также, чтобы Франция не присутствовала на предварительных обсуждениях, так как в случае ее участия «она будет высказываться по каждому вопросу, за или против того или иного решения, все равно, будет ли оно связано с ее собственными интересами или нет; она будет поддерживать или высказываться против того или другого монарха в зависимости от собственных соображений, а это даст повод мелким владетельным князьям Германии возобновить ту систему интриг и козней, которая в значительной степени является причиной всех бедствий последних лет. Вот почему крайне важно не вступать в переговоры с французскими уполномоченными до тех пор, пока этот вопрос не будет разрешен».

Но если исключить Францию, то придется одновременно исключить Испанию, Португалию и Швецию, которые тоже подписали Парижский трактат. В таком именно смысле и были утверждены протоколы совещания 18 сентября. Меттерних, Гумбольдт, Гарденберг и Нессельроде подписали это постановление. Кэстльри не решился присоединиться к нему без оговорок, а сделанная им оговорка прокладывала путь для допущения французов к обсуждению этого вопроса: «Я все-таки полагаю, что принятые здесь решения будут подвергнуты свободному и открытому обсуждению вместе с двумя остальными державами, как сторонами дружественными, а не враждебными». Две остальные державы, которых Кэстльри не решался официально отстранить, были Франция и Испания. В интересах соглашений было, конечно, весьма желательно достигнуть полного единогласия, но, сказал Кэстльри, «я не могу согласиться на то, чтобы меня могло абсолютно связывать какое-нибудь большинство».

Представители *четырех союзных держав* собрались еще раз 23 сентября, чтобы выработать текст того сообщения, которое

они намерены были сделать французам и испанцам; относительно Португалии и Швеции вопрос больше не поднимался. В конце концов был подписан протокол, в котором было сказано, что вопросы разбиваются на две категории: 1) то, что относится «к основным интересам Европы и касается взаимоотношений между державами, установления границ и решения судьбы областей, временно занятых и управляемых союзными державами», т. е. вопросы о Польше, Германии и Италии. Эти вопросы будут обсуждаться *четырьмя союзными державами*, и когда они придут к какому-нибудь соглашению, то сообщат результаты своих трудов представителям Франции и Испании и «пригласят их высказать свои мнения и пожелания»; 2) выработка федеративного договора для Германии. Эта работа будет поручена правительствам Австрии, Пруссии, Баварии, Вюртемберга и Ганновера. К этому протоколу был присоединен *проект декларации*, гласившей, что державы, подписавшие Парижский трактат, будут руководить занятиями конгресса, но не будут решать ни одного вопроса без содействия тех держав, которые имеют право принимать участие в их обсуждении.

Прибытие французских делегатов. В таком положении находились дела, когда 23 сентября в Вену прибыл Талейран в сопровождении герцога Дальберга, маркиза Латур-Дюпена, графа Алексиса де Ноайля и Лабенардьера. Вена была переполнена дипломатами. Все настоящие или мнимые государства, которые с 1798 года либо подвергались грабежу, либо сами грабили других, требовали возвращения своих владений или хлопотали о подтверждении своих прав. Вся старая Германская империя и даже такие государства, как Мальтийский орден послали туда своих представителей или агентов. Всего здесь собралось двести шестнадцать представителей разных стран. Затем начали съезжаться и монархи. Русский император и прусский король прибыли 25 сентября. При венском дворе собрались все прежние посетители эрфуртского театра (1808) и гости дрезденского замка (1812), кроме саксонского короля, находившегося в плену в Берлине, Марии-Луизы, жившей вдали от света в Шёнбрунне, и Наполеона, сосланного на остров Эльбу. Начались бесконечные, ставшие легендарными празднества, и, по преданию, издержки на них достигли 40 миллионов франков. Но несмотря на празднества, настроение там было далеко не мирное. Немецкий дипломат Гагерн рассказывает, что, приехав в Вену 15-го, он уже 21-го слышал разговоры о войне. «Союзники были солидарны между собой, — прибавляет он, — лишь

в одном пункте: все они были против Франции, и это обстоятельство скоро повернулось в ее же пользу».

Но вначале французские делегаты чувствовали себя полностью изолированными. Талейран приготовился к этому, и тем не менее ему понадобились весь его апломб и вся его ловкость, чтобы не оплошать при первых же встречах, при этих своего рода рекогносцировках, от которых зависел успех всего выработанного им плана действий. «К нему относились с отвращением, — говорит Гагерн. — Сколько раз во время празднеств, устраивавшихся в честь конгресса, я видел его одиноким, всеми оставленным вплоть до того момента, когда я подходил к нему, чтобы вывести его из затруднительного положения или рассеять его дурное настроение. В этой роли со мной чередовались англичане. Даже отель Талейрана мало посещался. Но это продолжалось недолго. И скоро все коренным образом изменилось. Ум Талейрана, его настойчивость, принципы, которых он придерживался, его любезность, — когда он хотел ее проявить, — восторжествовали над всеми препятствиями. Со стороны представителей крупных держав он встретил высокомерное и сдержанное отношение, со стороны мелких — подозрительность. Первые повторяли, что в Париже они проявили слишком большую скромность в отношении денежной контрибуции и территориальных возмещений». «Я видел, — говорит Талейран, — что они были пресыщены удовлетворением, которое дает сознание благородного поступка». Он знал, что от них ему нечего ждать. Поэтому он обратился к другим. Прежде всего ему нужно было успокоить их насчет намерений Франции. Бескорыстие ее, о котором он намеревался повсюду объявить, должно было встретить везде недоверчивое отношение.

Талейран видел, что все готовы верить только действиям, а не словам; однако необходимо было расположить умы в свою пользу, и он направил все свои усилия в эту сторону. Он сразу заметил, что наиболее чувствительным пунктом является молчание, которое «четверка» хранила по отношению ко всем остальным, и претензия союзников решать все между собой. Здесь намечалась возможность связи между Талейраном и всеми теми, кто не входил в число «четырех», чем он и воспользовался. «Я не стал жаловаться,— пишет он.— Я ограничился тем, что сообщил об испытываемом мной неудовольствии посланникам второстепенных дворов, которые имели общие со мной интересы. Вспомнив, что встарину в политике их стран наблюдалось доверие к Франции, они вскоре начали смотреть на меня, как на свою опору...». Дело в том, что

среди дипломатов, подписавших трактат 30 мая и заявлявших притязание на руководство конгрессом, один лишь Талейран хотел и мог говорить в пользу малых держав. И так как им было выгодно верить ему, то они и поверили. «Желание мира,— говорил Талейран Гагерну,— является единственным средством, которое поможет Франции добиться влияния. После стольких дурных примеров она должна дать и хороший. Нужно быть добрым и умеренным европейцем. Франция не требует ничего, решительно ничего кроме того, что выражено в прелиминариях к миру, а именно — справедливого распределения сил между державами».

Таким образом, Талейран, разгадав игру союзников, предупреждал их, пользуясь как раз той «уловкой», возможность которой они хотели у него отнять. Впрочем, он имел нужные ему сведения. Испанский уполномоченный Лабрадор, отстраненный так же, как и Талейран, от крупных дел, не встречал, однако, такого недоверия; Сен-Марсан, сардинский посланник, проникал всюду; оба они предупредили Талейрана о готовившемся против него заговоре. Наконец, к смущению Кэстльри, Талейран без особого труда отгадал, что этот посол взял на себя обязательства, которые его тяготят и за которые, в случае необходимости, он побоится дать ответ перед парламентом. Таким образом, не теряя ни одного дня, Талейран уже 28 сентября выделил из своих инструкций одну из наиболее продуманных и наиболее пригодных для опубликования и распространения и составил на основании ее записку, в которой доказывал, что нет ничего более справедливого, чем восстановление независимой Польши, но и ничего более опасного, чем создание русской Польши.

В тот же самый день Александр, недовольный прусскими министрами и их притязаниями на линию Вислы, имел совещание с Фридрихом-Вильгельмом. В результате этой беседы Гарденберг, Нессельроде, Гумбольдт и Штейн, советник русского императора по германским делам, подписали протокол, по которому Саксония целиком отходила к прусскому королю с тем лишь условием, что, превратившись в часть владений этого государя, она все же сохранит название Саксонского королевства. Это было как бы введением и первым условием к тому, чтобы великое герцогство Варшавское под именем Царства Польского перешло к России. Протокол этот должен был, впрочем, держаться в строгой тайне вплоть до того дня, когда русский император найдет нужным вывести свои войска из Саксонии и передать управление ею в руки прусского короля. Но так как днем открытия конгресса было публично

объявлено 2 октября, было невозможно откладывать его еще дольше, не объясняя причин новой отсрочки и не собрав для обсуждения этого вопроса представителей держав, подписавших трактат 30 мая. Меттерних 30 сентября пригласил к себе делегатов шести государств: Австрии, Испании, Франции, Великобритании, Пруссии и России. Это предварительное собрание должно было решить вопрос о ходе работ конгресса и, в частности, о роли Франции.

Талейран на совещаниях. Талейран должен был занять определенную позицию, и от его манеры держаться на этом совещании зависело, останется ли он в тени или будет пользоваться известным влиянием. Он мастерски сыграл свою роль. Меттерних сообщил ему содержание протокола от 22 сентября. Талейран внимательно прочел его и обратил внимание на то, что слова «союзные державы» повторяются там несколько раз. «Союзные,— сказал он,— но против кого? Это не может быть против Наполеона, так как он на острове Эльбе. Несомненно также, что это не против французского короля, так как он является гарантией прочного мира. Господа, будем говорить откровенно: если существуют еще *союзные державы*, то я здесь лишний». На это ему ответили, что на слове «союзные» они не настаивают. Заметив, что этот первый выпад произвел на них известное впечатление, Талейран сделался смелее и уже высказался напрямик: «А между тем, если бы меня здесь не было, вы бы живо ощущали мое отсутствие. Из всех вас я один, быть может, не требую ничего. Я требую для Франции лишь одного, а именно — чтобы к ней относились с уважением. Она достаточно сильна своими богатствами, пространством, численностью и духом своего населения... Повторяю, я не требую ничего, а вам приношу необычайно много. Присутствие министра Людовика XVIII освящает здесь принцип, на котором покоится весь общественный порядок. Европа прежде всего нуждается в том, чтобы раз навсегда была отвергнута идея, будто право приобретается голым фактом завоевания, и чтобы в полной силе восстановлен был священный принцип легитимизма, на котором основываются порядок и устойчивость общества...» Затем, переходя к проектируемой декларации, Талейран спросил, когда откроются заседания общего конгресса, в котором согласно Парижскому трактату должны были принять участие представители всех государств, вовлеченных в войну. Если державы, подписавшие этот трактат, должны были взять на себя руководящую роль, то для этого им следовало, по крайней мере, получить полномочия от остальных, а дать такие полномочия мог

только конгресс. «Неответственные министры могли легко принять известные меры, но лорд Кэстльри и он, Талейран, находятся в совершенно ином положении». Кэстльри признался, что «эти мысли и ему приходили в голову», и таким образом завязался общий разговор.

Кто-то упомянул про короля неаполитанского, под которым подразумевался Мюрат. Лабрадор высказался об этом государе в самых резких выражениях, и Талейран, чувствовавший себя теперь уже вполне непринужденно, позволил себе произнести следующую фразу: «О каком это неаполитанском короле идет речь? Мы совершенно не знаем человека, о котором здесь говорят». Со стороны бывшего министра Наполеона, который основал это королевство и приходился шурином королю, это было невероятной наглостью. Талейран не знал этого «человека»! А между тем они вместе фигурировали в целом ряде торжественных церемоний и кортежей, хотя бы на коронации императора. Молчание, которым был встречен этот вопрос, показало, что слова эти были сказаны Талейраном весьма кстати. Меттерниху, который недавно еще вел переговоры с Мюратом, приходилось молчать, так как он не осмеливался вслух признаться в подписании договора с неаполитанским королем. Ни русский, ни английский представители не соглашались признать Мюрата. Один лишь прусский делегат Гумбольдт, впрочем, не заинтересованный в этом деле, заметил, что державы в свое время признали Мюрата и гарантировали ему владение государством. «Те, кто гарантировали ему это, не должны были, а следовательно, и не могли этого сделать»,— заявил Талейран. На этом собрание разошлось, с тем чтобы выработать новый проект декларации.

«Вмешательство Талейрана и Лабрадора убийственно отразилось на наших планах,— пишет в своем дневнике Фридрих фон Гентц, секретарь конгресса.— Они протестовали против принятой нами ранее процедуры. В продолжение двух часов они сильно нас пробирали. Это была сцена, которой я никогда не забуду. Князь Меттерних не замечает так ясно, как я, всей затруднительности и даже ужаса нашего положения».

Талейран и Александр. С этого момента Талейрану был открыт доступ на все совещания, ему принадлежала теперь в Вене известная роль, и с этого дня прекратилась его изоляция. Пользуясь своим выгодным положением, он составил 1 октября ноту, которую разослал своим коллегам — представителям Австрии, Испании, Великобритании, Прус-

сии и России. В этой ноте Талейран доказывал, что только *восемь* держав, подписавших Парижский трактат, имеют достаточные основания для подготовки к конгрессу; что конгресс этот непременно должен собраться,— хотя бы для проверки полномочий,— и после этого можно будет разделиться на комитеты. В тот же день Талейран отправился на аудиенцию, данную ему императором Александром. Последний был страшно раздражен имевшим место накануне вмешательством Талейрана. Казалось бы, что Талейран должен был почувствовать себя неловко в присутствии монарха, для которого он в Эрфурте (и позже) предал тогдашнего своего повелителя Наполеона и вместе с которым еще недавно работал над делом реставрации своего нового повелителя — Людовика XVIII. Но тот факт, что он вместе с Александром принимал участие в столь различных делах и что у них имелось столько общих тайн, о которых им обоим выгодно было не вспоминать, настраивал Талейрана, напротив, на очень непринужденный лад.

Александр и Талейран разговаривали между собой так, словно они познакомились только недавно в Париже при восстановлении монархии во Франции, бывшем прелюдией к восстановлению публичного права в Европе. Между ними произошел следующий своеобразный диалог: «Поговорим о наших делах,— сказал император,— мы должны здесь же покончить с ними».— «Это зависит от вашего величества. Они будут быстро и счастливо закончены, если ваше величество внесет в эти дела то же благородство и то же величие души, какие были внесены во французские дела».—«Но каждый должен соблюдать свою пользу».— «И каждый же должен сохранить свои права».— «Я удержу то, что занимаю».— «Ваше величество пожелает удержать лишь то, что законно ему принадлежит».— «В этом вопросе я солидарен с великими державами».— «Я не знаю, считает ли ваше величество в числе этих держав Францию».— «Да, конечно, но если вы не хотите, чтобы каждый нашел в этих делах свою выгоду, чего же вы желаете?»— «Я ставлю право на первый план, а пользу на второй».— «То, что полезно для Европы,— и есть право» — «Государь, этот язык не ваш. Он вам чужд, и ваше сердце против него протестует».— «Нет, я повторяю: то, что полезно для Европы, — и есть право». Тогда Талейран прислонился к стене, горестно приговаривая: «О, Европа, Европа! Несчастная Европа!» Александр, размахивая руками, воскликнул: «Я скорее предпочту войну, чем откажусь от областей, которые я занимаю!» Затем он вдруг спохватился и со словами

«сейчас начнется спектакль» вышел. Он был не на шутку разгневан; но Талейран видел и выдерживал на своем веку и не такие сцены и особенно этим не смущался. «Положение наше трудное,— писал он Людовику XVIII,— и с каждым днем оно может сделаться еще труднее... Министры вашего величества могут, пожалуй, столкнуться с такими препятствиями, что им придется отказаться от всякой другой надежды, кроме надежды спасти честь Франции. Но до этого мы еще не дошли».

3 октября состоялось собрание у Меттерниха, причем последний потребовал, чтобы Талейран взял назад свою ноту от 1 октября. Талейран отказался сделать это. Меттерних стал снова намекать на то, что все дела должны решаться лишь четырьмя державами. На это Талейран возразил: «Если вы поставите вопрос таким образом, то я всецело на вашей стороне; я совершенно к этому готов и ничего другого и не требую».— «Что вы хотите этим сказать?» — «Очень просто: я не стану принимать участия в ваших совещаниях; я останусь здесь только в качестве члена конгресса и буду ждать его открытия». План союзников мог удаться лишь при условии сохранения полной тайны. Талейран же грозил разоблачить его со скандалом; если бы ему предоставили свободу действий, то он из уполномоченного побежденной Франции превратился бы в защитника интересов Европы, обманутой и эксплоатируемой теми, кто обязался дать ей порядок и спокойствие. В самом деле, как ни опасно было допускать его на частные совещания, все же было лучше иметь его на этих совещаниях, чем вне их. Союзники готовы были пойти на что угодно, лишь бы не раскрывать своих карт. Таким образом Талейран остался, но чем дальше, тем больше он повышал тон. Он составил на основании своих инструкций новую ноту, в которой заявлял, что конгресс непременно состоится и что он действительно будет открыт; по поводу этой ноты он имел разговор с Кэстльри и убедился, что англичанин формально, а отчасти и по существу, с ним соглашается.

Но прежде чем подчиниться необходимости и согласиться на расторжение Шомонского договора, отнестись с доверием к Франции и, более того, обратиться к ней за содействием, Кэстльри и Меттерних готовы были исчерпать все средства, чтобы как-нибудь убедить своих союзников и вступить с ними в компромисс. Кэстльри составил 4 октября меморандум, при редактировании которого он явно руководился нотой, переданной ему 28 сентября Талейраном, и в этом меморандуме высказался за сохранение status quo ante в Польше.

Можно ли предположить, что Австрия и Пруссия вступили в союз и заключили договоры в Калише и Рейхенбахе «единственно в интересах территориального расширения России, уничтожая даже при этом свои собственные границы и оставляя таким образом свои столицы открытыми и беззащитными?» Превратить Польшу в свободную нацию, в независимое государство — было бы актом справедливости, но нельзя, отдавая ее России, превращать ее в «грозное военное оружие»; поэтому «до тех пор, пока его императорское величество (Александр I) будет настаивать на этом прискорбном проекте, представление какого бы то ни было плана восстановления порядка в Европе, равно как и открытие настоящего конгресса являются невозможными».

Декларация об открытии конгресса. Гентц с величайшими, однако, усилиями составил преисполненный намеками, неясностями и бюрократическими двусмысленностями проект декларации, откладывавшей открытие конгресса до тех пор, пока «вопросы достаточно созреют для того, чтобы результаты соответствовали требованиям Парижского трактата и законным ожиданиям современников». Таким образом, конгресс был отложен до 1 ноября. Представители шести держав были созваны на 8 октября к Меттерниху для обсуждения этого проекта. Талейран, приглашенный явиться несколько раньше открытия заседания, застал там Меттерниха, который хотел вызвать его на разговор и особенно — добиться от него какого-нибудь компрометирующего и неосторожного выражения, спровоцировать его на какие-нибудь вопросы или, по крайней мере, на беседу на темы, представляющие специальный интерес для его государя. Таких тем не оказалось, да их и никогда не было, кроме одной, имевшей лишь мнимую значимость: мы имеем в виду неаполитанский вопрос. Все знали, что французскому королю очень хотелось низложить Мюрата, чтобы водворить снова на престоле своего родственника Фердинанда. Но считать Людовика XVIII — одного из хитрейших и терпеливейших людей своего времени — способным пожертвовать своим принципом как раз в том пункте, где этот принцип должен был сам собою восторжествовать,— это значило глубоко заблуждаться относительно его характера.

Естественный ход вещей был против Мюрата. Нетрудно было понять, что если Меттерниху придется отказаться от легатств Папской области, то он предоставит Мюрата собственной участи и постарается от него как-нибудь отделаться. Но возврат папе легатств был связан с вопросом о возвращении престола саксонскому королю и являлся прямым

применением легитимистского принципа в том виде, как его понимал Людовик XVIII. Защищая права саксонского короля, он защищал и права папы, а с момента возвращения папе его владений Мюрат терял для Австрии всякий интерес. Так оно и случилось. Меттерних не помышлял больше об ограблении папы, так как никто его в этом стремлении не поддерживал. С этого момента Мюрат был обречен на гибель, и вся игра Меттерниха сводилась к тому, чтобы завлечь этого несчастного короля в какую-нибудь ловушку, в которую бы тот слепо попал. Талейран знал об этих намерениях Меттерниха через Сен-Марсана и других итальянцев. Поэтому он не испытывал никакого желания принимать в качестве услуги, оказываемой его государю, такой акт Меттерниха, к которому Меттерниха толкал его собственный интерес.

Меттерних мог убедиться в этом при первых же намеках, сделанных им в этот день Талейрану. Последний выказал готовность договориться с Австрией по главным вопросам, но при этом указал на то, что от него держатся в стороне и окружают его густой сетью тайн. «Что касается меня,— прибавил Талейран,— я этого не делаю, да я в этом и не нуждаюсь: в этом и заключается преимущество людей, действующих только на основании принципов. Вот бумага и перья. Желаете вы написать, что Франция ничего не требует и даже ничего не примет? Я готов под этим подписаться».— «Но вот, например, неаполитанский вопрос, ведь он прямо вас касается?»—«Он касается меня не более, чем всех прочих. Для меня это лишь принципиальный вопрос». И, воодушевившись, Талейран объяснил, что он понимает под «принципиальными вопросами»: восстановление Бурбонов в Неаполе, а саксонского короля в Дрездене, отклонение прусских притязаний на Саксонию, Люксембург и Майнц и русских притязаний на Варшаву. Эти «принципы» совпадали с «интересами» Австрии. Талейран знал это очень хорошо и без особого удивления выслушал ответ Меттерниха: «Мы стоим гораздо ближе друг к другу, чем вы это думаете. Обещаю вам, что Пруссия не получит ни Люксембурга, ни Майнца. Мы столь же мало желаем, как и вы, чрезмерного расширения России, а что касается Саксонии, то мы сделаем все от нас зависящее, чтобы сохранить от нее, по крайней мере, часть».

Затем приступили к совещанию. Талейран принял проект Гентца и согласился на совещания, которые должны были предшествовать конгрессу, так как теперь он был уверен в том, что будет туда допущен и что союзники откажутся от мысли заранее решать все вопросы *между собою*. Но Талей-

ран потребовал, чтобы к тому пункту, где говорилось о предстоящем 1 ноября открытии конгресса, были добавлены слова: «Будет поступлено согласно принципам публичного права». Это предложение вызвало целую бурю. Особенно горячо вознегодовали пруссаки. Весьма тугой на ухо Гарденберг вскочил и, стуча кулаком по столу, с угрожающим видом произнес несколько отрывочных слов: «Нет, милостивый государь... публичное право... это бесполезно... это разумеется само собой». «Если это само собой разумеется,— возразил Талейран,— то еще лучше будет, если мы это ясно скажем». Гумбольдт также кричал: «При чем тут публичное право?» — «А при том, что вы находитесь здесь»,— снова ответил Талейран, помнивший, как в Тильзите Пруссия чуть было не исчезла с карты Европы. Кэстльри задал ему вопрос, будет ли он более сговорчив, если ему дадут удовлетворение по этому пункту. Талейран, в свою очередь, спросил его, чего можно при сговорчивости ждать от Англии в неаполитанском вопросе. Кэстльри обещал Талейрану поддержать его требование всем своим влиянием. «Я поговорю об этом с Меттернихом; я имею право на свое мнение в таком важном деле».— «Вы даете мне слово?» — «Даю вам слово». После двухчасовых дебатов была в конце-концов принята и поставлена несколькими строками выше фраза: «С тем, чтобы результат соответствовал принципам публичного права, постановлениям Парижского трактата и пр.» [1]

Талейран добился многого. Он нащупал слабое место союзников; однако он не заблуждался относительно всей трудности задачи, состоявшей в том, чтобы заставить публику поверить его, Талейрана, словам о праве и бескорыстии. Он прекрасно понимал также, что нельзя добиться торжества даже самых справедливых принципов, если за ними не стоит сила, способная их поддержать. Вот почему он писал 13 октября королю: «Те, кто знают наше отрицательное отношение к их претензиям, думают, что мы можем им противопоставить одни лишь отвлеченные рассуждения. Император Александр сказал

---

[1] В общепринятом смысле слова термин «публичное право» означает: «государственное право», т. е. учение о правах и обязанностях во взаимоотношениях государства и отдельных граждан и групп граждан. Но на Венском конгрессе под этим термином условились понимать также и международное право (le droit des gens), т. е. учение об отношениях самостоятельных государств друг к другу, о нормах, регулирующих эти отношения как во время мира, так и во время войны. Дипломаты Венского конгресса противопоставляли «принципы права и справедливости» принципу завоевания и возникавшему на основании завоевания полному произволу времен Наполеона. Конечно, с их стороны это было лишь тактическим приемом. — *Прим. ред.*

несколько дней тому назад: «Талейран разыгрывает здесь роль министра Людовика XIV». Гумбольдт, стараясь одновременно и привлечь к себе и запугать саксонского посланника фон Шуленбурга, сказал ему: «Французский уполномоченный выступает здесь с довольно благородными заявлениями; но одно из двух: или за этими заявлениями скрывается какая-нибудь задняя мысль, или за ними нет никакой силы, способной их поддержать. Поэтому горе тем, кто поверит этим словам! Самым лучшим средством к прекращению всех этих речей и к выходу из теперешнего нерешительного положения было бы, если бы ваше величество в декларации, обращенной к своим народам, ознакомили их с принципами, преподанными нам для руководства, объявили бы, что вы твердо намерены ни в коем случае от них не отступать, и хотя бы только намекнули на то, что справедливое дело не останется без поддержки». В ожидании этого шага Талейран начал просвещать представителей мелких государств: «Безрассудство неистовствует повсюду,— говорил он Гагерну.— Все здесь делается с величайшим легкомыслием. Ни один вопрос не разработан как следует. Забывают, что это уже не Шомон.[1] Нам не нужно ничего, решительно ничего, ни одной деревушки, но мы хотим добиться справедливости. И если нам в этом будет отказано, то я не остановлюсь перед тем, чтобы в знак протеста покинуть конгресс. Лично мне Бельгия не нужна. Знаете ли вы, в чем заключаются мои интересы в Бельгии? В свободе судоходства по речным путям — вот все, чего я хочу».

IV. Саксонский и польский вопросы

Раздоры среди союзников. Принятая 8 октября декларация была 13-го сообщена всем уполномоченным. И в чаду банкетов, пиров, торжественных оперных и драматических представлений снова началась работа нот, контрнот, меморандумов, конфиденциальных заявлений и интриг. Невозможно было сделать ни шагу вперед, пока не будут решены польский и саксонский вопросы, и вокруг этого лабиринта происходила глухая борьба, причем в ход пускались подкопы, мины и контрмины. Но вся эта борьба привела лишь к тому, что пропасть между союзниками все более расширялась.

[1] В Шомоне во время войны 1814 года союзники скрепили свое соглашение против Наполеона. — *Прим. ред.*

Кэстльри и Меттерних выступали в польском вопросе единодушно, но Меттерних, не решаясь действовать открыто, выдвигал на первый план Кэстльри. С другой стороны, пруссаки, уверенные в благоприятном отношении России к их притязаниям на Саксонию, так как царь 28 сентября обещал отдать им это королевство, старались теперь освободиться от выполнения другой половины сделки, т. е. от предоставления России герцогства Варшавского и главным образом Познанской провинции. Они пытались тайком разузнать намерения австрийцев и англичан; они признали опасность внедрения русских в Польше, они намекали на то, что если им будет отдана Саксония, они готовы будут примкнуть к Австрии для удержания России в должных пределах (нота Гарденберга к Меттерниху 9 октября, сообщенная лорду Кэстльри 10-го). Но Кэстльри и Меттерниха не так-то легко было завлечь в ловушку. Подозревая существование какого-то тайного договора между Пруссией и Россией, Кэстльри 11 октября ответил Гарденбергу, что он готов уступить Саксонию Пруссии на том условии, что Пруссия не станет требовать ее в качестве компенсации за территориальные уступки русским в Польше. В то же время Кэстльри попросил аудиенции у царя.

Александр предупредил его и сам отправился к Кэстльри. Результатом происшедшего между ними разговора явилось письмо и длинный меморандум, которые Кэстльри адресовал Александру 12 октября и в которых нашли развитие основные положения его меморандума 4 октября. Он писал: «Уполномоченные Великобритании, Франции и Испании и, вероятно, также уполномоченные остальных европейских государств, крупных и мелких, одинаково смотрят на этот проект. В каком же неудобном положении очутится Европа, если ваше императорское величество не пожелает отказаться от своего проекта и решительно намеревается овладеть герцогством Варшавским наперекор общему мнению!..» «Он ставит вопрос именно так, как мы его понимаем, — пишут французские уполномоченные.— Он доказывает, что положение в Европе требует либо восстановления старой Польши, либо того, чтобы этот источник смуты и это яблоко раздора раз навсегда исчезли из сферы европейских дипломатических комбинаций».

Кэстльри доверил французам содержание своей беседы с царем и свои ноты (меморандумы 4 и 12 октября). Меттерних старался выяснить, чего хотят французы. «Вы кажетесь нам собаками, которые очень хорошо лают, но не кусаются,— говорило Дальбергу одно доверенное лицо Меттерниха,— а мы одни не хотим кусать». Это доверенное лицо Меттерниха

добавило, что если бы австрийцы были более уверены в твердой решимости Франции, то стали бы действовать энергичнее; тогда России пришлось бы уступить, а Пруссии — подчиниться. Пробовали прощупать также и представителя Баварии, глубоко заинтересованной в защите прав второстепенных государств, а тем самым и в восстановлении Саксонии. Меттерних поручил спросить у маршала Вреде, расположена ли Бавария вступить в союз с Францией и Австрией.

Талейран посылал письмо за письмом в Париж, требуя новых инструкций и в особенности военной демонстрации. Бавария вооружалась. Мелкие немецкие государи, обеспокоенные явным намерением Пруссии занять в будущем Германском союзе господствующее положение, в частности представители Вюртемберга и Ганновера, заявили, что они не дадут своего согласия ни на какое постановление, касающееся германских дел до тех пор, пока не будет разрешен вопрос о Саксонии. Но в этом вопросе Кэстльри продолжал злобно упорствовать как бывший член антинаполеоновской коалиции против единственного немецкого короля, оставшегося верным Наполеону, а также в угоду своим прусским коллегам, в союзе с которыми он воевал начиная с 1813 года. Кэстльри питал надежду, что составлением и обнародованием громких принципиальных нот относительно Польши он в состоянии будет оправдать в глазах парламента эту уступку в вопросе о судьбе Саксонии. Талейран, которому было известно затруднительное положение английского представителя, засыпал его аргументами, доказывая, что оба эти вопроса теснейшим образом связаны между собой. Кэстльри продолжал думать, что, дав пруссакам удовлетворение, он отвлечет их от России и таким образом уладит польский вопрос без помощи Франции. «По свойственной ему манере оценивать наши силы,— писал Талейран в письме к королю от 31 октября,— можно судить, что больше всего он боится Франции». «Вы имеете,— сказал он мне,— двадцать шесть миллионов человек; мы их расцениваем как сорок миллионов». Однажды у него вырвалось следующее восклицание: «Ах, если бы у вас не оставалось больше никаких замыслов относительно левого берега Рейна!»

Александр, выведенный из терпения, пригласил прусского короля приступить к выполнению тайного договора от 28 сентября и занять своими войсками Саксонию. Затем он поручил позондировать Талейрана, который в этом вопросе оказался весьма несговорчивым. Тогда царь пригласил Талейрана к себе, надеясь подчинить его своей воле, смутить или подкупить; во всяком случае, он предпочитал первое средство, как более

*

лестное для его самолюбия и более удобное для его политики. Свидание это состоялось 22 октября. Началось оно окриком, по-наполеоновски: «В Париже вы стояли за идею польского королевства. Каким же образом вы изменили свое мнение?» — «Государь,— ответил Талейран,— я остался при прежнем мнении. В Париже речь шла о восстановлении всей Польши. Тогда, как и теперь, я хотел ее независимости. Но теперь дело обстоит совершенно иначе. Вопрос этот в настоящее время подчинен вопросу об установлении таких границ, которые обеспечили бы безопасность Австрии и Пруссии».— «Им нечего опасаться. Впрочем, у меня в герцогстве Варшавском 200 000 человек; пусть попробуют меня оттуда выгнать. Я отдал Саксонию Пруссии, и Австрия на это согласна».— «Не знаю, согласна ли на это Австрия. Мне трудно этому поверить, так как это совершенно противоречит ее интересам. Но разве согласие Австрии может сделать прусского короля владельцем того, что принадлежит саксонскому королю?»— «Если саксонский король не отречется от престола, то будет увезен в Россию и останется там до своей смерти. Один король там уже умер». После этого многозначительного намека на разделы Польши и на печальный конец Станислава Понятовского Александр продолжал: «Я полагал, что Франция мне кое-чем обязана. Вы всегда говорите о принципах. Ваше публичное право для меня не существует; я знать его не хочу. Что для меня значат все ваши пергаменты и ваши трактаты?»

Для Александра наступил момент, когда он мог пустить в ход имевшиеся у него в запасе средства обольщения и соблазна. Но у него не было ни в данный момент, ни вообще когда бы то ни было намерения привлечь к себе симпатии Франции ценой каких-нибудь территориальных уступок. Он думал лишь о том, чтобы заполучить ее даром, поймав на ее же собственную удочку, а так как она выдвигала принципы, — дать ей удовлетворение по этому пункту, но только не в Германии. «Прусский король,— сказал Александр,— будет королем прусским и саксонским, как я буду императором всероссийским и царем польским. Содействие, которое Франция окажет мне по этим двум пунктам, будет мерой тех услуг, которые я окажу ей в вопросах, могущих ее интересовать». Эти слова могли относиться только к неаполитанским делам. Но Талейран не был человеком, способным попасть в ловушку и ради какой-то призрачной уступки расстаться с очень ловко выбранной позицией.

Он вышел с этой аудиенции более чем когда-либо убежденным в невозможности расколоть Пруссию и Россию или,

вернее, отвлечь прусского короля от императора Александра. Меттерних и Кэстльри убедились в этом тогда же на собственном опыте. Подражая своему английскому коллеге, Меттерних отправил 22 октября Гарденбергу ноту, в которой он заявлял о своем согласии на временную оккупацию Саксонии пруссаками на том условии, что Пруссия объединится с Австрией и Англией для противодействия осуществлению русских проектов в Польше. Меттерних и Кэстльри могли — рискуя, впрочем, сами оказаться обманутыми — вести с Гарденбергом переговоры о какой-нибудь тайной сделке, направленной против России, но прусский король ни в коем случае не должен был об этом знать. Малейшая попытка скрыть что-нибудь от своего друга юности, который дважды спас ему престол и которому он на полях битвы клялся перед богом в вечной верности и дружбе, представлялась ему изменой и была ему глубоко противна. Гарденберг был вынужден представить ему ноту Меттерниха. Не зная, что эта нота является ответом на намеки и высказывания его же собственных министров, возмущенный Фридрих-Вильгельм отнес ее царю. Александр в это время был накануне отъезда в Венгрию. Он позвал Меттерниха к себе, и между ними произошел, как пишет Талейран, «разговор, в течение которого, как это достоверно известно, он обращался с этим министром так высокомерно и применял такие резкие выражения, что они могли бы показаться из ряду вон выходящими даже по отношению к собственным его слугам». В довершение немилости Меттерних, получивший подобный отпор от всемогущего императора за свою попытку спасти Саксонию, был обвинен немцами в желании выдать с головой это королевство, чтобы услужить России. Был момент, когда Меттерних смутился и заговорил о выходе в отставку. Что касается Кэстльри, то Александр 30 октября послал ему письмо вместе с меморандумом, который был составлен Чарторыйским; в этом письме он разбирал по пунктам английский меморандум.

Открытие конгресса. Комитеты. Тем временем приближался конец октября. Все волновались и требовали открытия конгресса. Неужели же столько усилий должны были привести к такому общему разочарованию, к такому банкротству победоносной Европы?! Неужели же предстояло снова воевать ради раздела того, что осталось после Наполеона? Волей-неволей, чтобы хоть чем-нибудь заняться, необходимо было прибегнуть к уловкам, связанным с вопросами процедуры. 30 октября представители *восьми* держав, подписавших Парижский трактат, собрались у Меттерниха; Португалия и Швеция

снова заняли место, на которое они имели право, и вместе с Испанией составили подмогу, готовую поддержать Талейрана. Меттерних заявил, что имеется еще несколько важных нерешенных вопросов, но что это не мешает приступить к проверке полномочий представителей тех государств, которые послали своих делегатов на конгресс. Комиссии, составленной по жребию из представителей Англии, Пруссии и России, поручено было произвести проверку полномочий. Спор начался по поводу распределения работы между отдельными комитетами, которыми должна была руководить делегация от восьми держав; эти последние должны были служить посредниками между государствами, заинтересованными в том или ином вопросе. Ведь невозможно было, в самом деле, созвать пленум конгресса и превратить его в дипломатический парламент. Но предложение распределить работу между комитетами равносильно было поднятию предварительного вопроса о допущении посланников саксонского короля и Мюрата. Составлялись протоколы за протоколами, и дело затягивалось. Тем временем мало-помалу образовывались комитеты по менее спорным вопросам. Так, один комитет по германским делам, в котором фигурировали Австрия, Пруссия, Бавария и Ганновер, работал уже с 14 октября. 14 ноября был образован комитет по швейцарским делам, в который вошли представители Австрии, Пруссии, Англии и России.

Записка Талейрана о Саксонии. Тем временем Талейран получил из Парижа декларации и инструкции, которых он просил у короля. Прежде всего в *Монитере* 22 октября была опубликована следующая нота: «Франция не питает зависти ни к кому, она стремится лишь к восстановлению справедливого равновесия. Она ничего не добивается вне своих границ; она не намерена прислушиваться ни к каким инсинуациям, стремящимся установить систему погони просто за выгодой... и снова беря на себя роль, которая некогда обеспечила ей уважение и признательность народов..., Франция хочет опять стать опорой слабых и защитницей угнетенных». Затем следовало письмо короля, написанное 27 октября, одобрявшее декларации, сделанные на конгрессе Талейраном. «Нужно показать, что за словами стоит сила, и я дам приказ привести армию в военное положение». Из других писем Талейран узнал, что король имел беседу с Веллингтоном, английским посланником в Париже, что они в конце концов пришли к полному соглашению, что Веллингтон написал об этом в Лондон и что Кэстльри скоро получит приказание выступить в защиту Саксонии. Ввиду этого Людовик XVIII

в дополнительных инструкциях, помеченных 25 октября, разрешил своему послу действовать солидарно с Австрией и Баварией, откровенно поговорить об этом, если это понадобится, с Кэстльри и заявить, что указанные государства «могут рассчитывать со стороны короля на самую энергичную военную поддержку для противодействия видам России и Пруссии как на Польшу, так и на Саксонию».

Почувствовав поддержку, Талейран перешел в наступление и 2 ноября пустил в обращение *Мотивированную записку о Саксонии (Mémoire raisonné sur la Saxe)*, имевшую целью возбудить внимание общественного мнения в Германии и Англии. В Германии автор старался подействовать указанием на соблазн, который породит низложение саксонского короля, на заразительность этого примера, на опасность, заключающуюся в усилении прусского могущества; в Англии— следующим аргументом, подтвержденным историей целого столетия: «Одним из предлогов, приводившихся в доказательство необходимости присоединить Саксонию к Пруссии, было желание сделать из этой последней барьер против России. Но государи обеих этих стран [1] связаны узами такой дружбы, что пока оба они будут живы, им нечего опасаться друг друга. Таким образом, предосторожность эта могла бы относиться только к весьма отдаленному будущему. Но что сказали бы горячие сторонники этого присоединения, если бы им пришлось в будущем оказаться свидетелями того, как Пруссия опирается на Россию, чтобы добиться в Германии еще большего расширения, облегченного присоединением Саксонии, и, с своей стороны, поддерживает Россию в ее предприятиях против Турецкой империи? Такая перспектива не только возможна, но даже весьма вероятна, так как это в порядке вещей».

Факт тот, что подобное положение наступило и что Европа была этим потрясена до основания. Дружба между государями перешла от отцов к детям и продолжалась между Николаем, братом Александра, зятем Фридриха-Вильгельма III, и Фридрихом-Вильгельмом III, а позднее между Фридрихом-Вильгельмом IV и его братом Вильгельмом I и племянником их Александром II. Дружба эта помогла Пруссии осуществить, и даже сверх ожиданий, ее заветные мечты 1814 года. Территория Пруссии, увеличенная на целую треть, возвысилась до размеров Германской империи. А в 1866—1871 годах Прус-

---

[1] России и Пруссии. — *Прим. ред.*

сия добилась отвоевания Эльзас-Лотарингии у Франции. Союз между Россией и Пруссией прекратился лишь в 1878 году, когда Россия захватила на Востоке свою долю и когда Пруссия сочла удобным расторгнуть договор и, получив свое с избытком, не нуждаясь в дальнейших завоеваниях, принудила Россию возвратить свою добычу.

Пруссаки занимают Саксонию. Со всех сторон говорили о войне, и Талейран не только не старался положить конец этим слухам, но даже сам распространял их. Теперь уже не пытались изолировать его. Тогда Александр решился нанести удар, который, по его мнению, должен был раз навсегда покончить с происками его противников. 8 ноября Репнин, командующий русским оккупационным корпусом в Саксонии, попрощался с саксонцами и объявил им, что они переходят во власть прусской администрации «в силу соглашения, состоявшегося между Россией и Пруссией и признанного Австрией и Англией». 10 ноября прусские генералы вступили во владение Саксонией. Эта новость не была еще известна в Вене, когда в субботу 12 ноября император Александр снова пригласил к себе Талейрана. Факт уже совершился, но требовалась ратификация его конгрессом, и для русского императора было желательно получить согласие Франции. Это свидание было повторением предыдущего, с той только разницей, что тон беседы был более мягким и более обходительным. Александр старался представить саксонский вопрос в виде семейного дела (мать Людовика XVIII была саксонкой) и намекнуть, что более непосредственный семейный интерес Бурбонов лежит в другом месте. Прежде он делал на эту тему лишь отдельные намеки, теперь же он заговорил открыто: «Надеюсь, что все это поведет к сближению между Францией и Россией. Каковы на этот счет намерения короля?» — «Король никогда не забудет услуг, оказанных ему вашим величеством».— «Послушайте, давайте заключим сделку: будьте предупредительны ко мне в саксонском вопросе, а я буду предупредителен к вам в вопросе неаполитанском. С этой стороны я не имею никаких обязательств».— «Ваше величество прекрасно знает, что подобная сделка невозможна. Эти два вопроса не равноценны. Не может быть, чтобы ваше величество не желало в неаполитанском вопросе того же самого, чего желаем мы».— «Попробуйте тогда убедить пруссаков, чтобы они вернули мне мое слово!» — «Прусский король находится целиком под влиянием вашего величества, и вы имеете полную возможность его удовлетворить».— «Каким образом?» — «Оставив ему побольше территории в Польше!» —

«Вы предлагаете мне довольно странный исход: вы хотите, чтобы я платил из своего кармана».

У Талейрана создалось впечатление, что в сущности царь начинает сдаваться и что если найти какой-нибудь выход, способный удовлетворить пруссаков и в то же время не заставляющий Александра пожертвовать слишком многим из его претензий, то царь согласится на компромисс из опасения всеобщей войны. По окончании аудиенции Талейран узнал, что пруссаки уже вступили во владение Саксонией и что Меттерних и Кэстльри были удивительным образом одурачены Гарденбергом. Гарденберг, приняв их *условное* согласие за *безусловное*, превратил их предложение уступить Саксонию Пруссии в том случае, если она соединится с ними против России, в окончательное разрешение занять Саксонию и официально заявил об этом согласии Австрии и Англии. Талейран застал их, особенно Кэстльри, страшно разгневанными: английскому министру меньше всего пристало являться перед парламентом в роли одураченного дипломата. Но Талейран ничуть не скрывал от себя, что англичане решатся на расторжение Шомонского договора лишь в случае крайней военной необходимости.

Александр, со своей стороны, пожелал выказать предупредительность и послал к Талейрану Чарторыйского. Но царский посланец, как и сам царь, ограничился неопределенными заявлениями, и по этому пункту Талейран так и не смог выразиться более точно, чем он это сделал в письме от 20 ноября: «Император Александр обнаруживает намерение сблизиться с нами». Впрочем, Людовик XVIII и не выражал желания итти дальше. «Впервые пробуждаются, наконец, идеи справедливости,— пишет он Талейрану 26 ноября.— Русский император сделал шаг назад, а в политике, как и во всем остальном, первый шаг никогда не бывает последним... Государь этот, однако, ошибается, если думает завлечь меня в союз (политический, разумеется) с Россией. Как вам известно, моя система — это всеобщий союз, а отнюдь не частные; последние служат источниками войны, тогда как первый является гарантией мира». Именно ради этого мира, который он готов был, так сказать, взять с бою, Людовик XVIII вооружался и уполномочивал Талейрана образовать союз с Австрией, Баварией и, в крайнем случае, с англичанами.

Заявления, сделанные Репниным и прусскими генералами в Саксонии, подтверждая все опасения австрийцев, вызвали в Вене взрыв всеобщего негодования. Это еще более возмутительная узурпация, кричали немцы, чем все узурпации

Наполеона. На Кэстльри и Меттерниха сыпался со всех сторон, в связи с их мнимым согласием на занятие Саксонии, целый град вопросов, на которые они не могли дать ответа, и упреков, которые они были не в силах отвратить. И волнение дошло до апогея, когда из Варшавы было получено воззвание великого князя Константина к полякам, приглашавшее их сплотиться под старым знаменем Польши для защиты своих находящихся под угрозой прав. Со всех сторон раздались обвинения. Шварценберг громогласно заявил, что если бы он и подозревал об этих планах русских, он ни за что не отступил бы перед ними и не подписал бы перемирия 20 января 1813 года. Наконец все начали с тревогой задавать себе вопрос, какое впечатление эти раздоры и бессилие Европы произведут на эльбского изгнанника и как потрясен был бы весь мир, если бы Наполеон вдруг появился на сцене. Англичане и австрийцы начали уже подсчитывать наличные силы. Австрия и Германия могли выставить 350 000 человек, Россия и Пруссия приблизительно столько же. Чтобы нарушить это равновесие, нужна была третья сила. Талейран повторял, что у французского короля имеется под ружьем 130 000 человек, и нельзя было не признать, что поддержка этой армии решала вопрос. Александр жаловался на Бурбонов, демонстративно показывался на прогулках с принцем Евгением и ронял иногда слова, вроде следующих: «Что ж, если меня к тому принудят, то можно будет спустить на них с цепи чудовище».

Но, излив свой гнев, каждый в глубине души должен был признать, что война повела бы к политическому банкротству, к национальной и социальной опасности для всех монархических правительств. И все продолжали угрожать друг другу войной только для вида, чтобы принудить противника отступить перед такой комбинацией сил, которая (на бумаге) делала борьбу слишком неравной и оправдывала компромисс. Одни лишь прусские военные надменно, и может быть без притворства, потрясали мечами; но прусские дипломаты, более благоразумные, не отказываясь от своих притязаний, готовы были начать переговоры о средствах к практическому осуществлению этих претензий. Волей-неволей им приходилось пойти на компромисс. Во второй половине декабря происходил обмен нотами; одна из них, посланная Талейраном Меттерниху, предназначалась для обнародования. В ней Талейран в очень изящной форме повторял свои декларации о бескорыстии Франции и делал важную уступку, говоря, что после восстановления саксонского короля во всех его правах Людо-

вик XVIII первый готов будет посоветовать ему воспользоваться именно этими правами и уступить Пруссии ту часть своих владений, которая признана будет необходимой, для того чтобы вернуть Пруссии ее прежние (до 1806 года) территориальные размеры (нота 19 декабря).

Пруссаки упорно отстаивали свои доводы: им было обещано, говорили они, не только восстановление в прежних размерах, но и округление их владений; притом, прибавляли пруссаки, намекая на свободные территории на левом берегу Рейна, саксонскому королю можно предоставить владения в другом месте. [1] Но Александр, видя, что ему не удастся присвоить себе великое герцогство Варшавское целиком и что ему придется отказаться от мысли получить Галицию от австрийцев, встречая притом даже со стороны русских сопротивление своим планам восстановления Польши, стал падать духом. Стоило ли расторгать Шомонский союз и рисковать новой войной из-за комбинации, которую осуждали лучшие его советники, которая была не популярна в Российской империи и которая далеко не приводила в энтузиазм поляков.

Александр уже допускал восстановление на престоле саксонского короля с условием, чтобы этот государь уступил часть своих владений пруссакам. Царь соглашался на то, чтобы Пруссия получила обратно от Польши Познань. Пруссия должна была только отказаться от своей доли в разделе 1795 года, т. е. от Варшавы, за известную компенсацию, которую ей следовало получить как в Саксонии, так и в Германии. Австрия и Англия выказали готовность войти в соглашение на основе этого принципа, и начались переговоры относительно числа жителей, размеров территории и пограничных линий. А так как пруссаки оспаривали правильность подсчетов, то Кэстльри задумал учредить статистическую комиссию. В состав ее должны были войти представители только четырех союзных держав. Во всяком случае он счел полезным уведомить об этом Талейрана. Последний не пожелал сделать никаких возражений против образования комиссии; он дал свое согласие, как будто бы у него просто спросили совета и как будто не подлежало никакому сомнению, что в комиссии должен заседать также представитель Франции. Затем он прибавил, что лучше было бы Англии, Франции и Австрии предварительно принять постановление, гласящее, что права саксонского короля ими признаются. Кэстльри

[1] Меттерних — Гарденбергу 10 декабря 1814 года; Гарденберг — Александру 16 декабря и Меттерниху 2 и 16 декабря; Талейран — Меттерниху 19 декабря 1814 года.

удалился в крайнем смущении; у него нехватило духу сказать Талейрану, что французы исключены из комиссии. Он доложил об этом союзникам. Пруссаки и слышать не хотели о Талейране. Ни Меттерних, ни Кэстльри не имели мужества признать, что они состоят в конфиденциальных сношениях с французским посланником, и на Чарльза Стюарта была возложена не слишком приятная миссия объявить Талейрану об его исключении из предполагаемого состава комиссии. Это значило через три месяца рисковать повторением сцены, имевшей место 30 сентября.

Талейран совершенно не допускал, чтобы право французского уполномоченного участвовать в комиссии могло подвергаться сомнению. «Против этого есть возражения», — признался ему Стюарт. — «Кто возражает?» — «Не мой брат (Кэстльри)». — «А кто же?» — Стюарт нерешительно ответил: «Это...» и пробормотал слово «союзники». При этом слове у Талейрана лопнуло терпение. Он заговорил о том, что Европа ждет от английского посланника другой линии поведения; он сказал, что с самого начала переговоров Кэстльри от этой линии отклонился, что его манера держаться не останется в тайне и будет осуждена в Англии и что на Кэстльри падет ответственность за последствия. Он жаловался на услужливость обоих английских представителей по отношению к Пруссии и в конце концов заявил, что «если они пожелают все время оставаться людьми времен Шомонского договора и действовать как члены коалиции, то Франции придется удалиться с конгресса»; что он ни одного дня не останется в Вене, если уполномоченный французского короля не будет приглашен в комиссию. Стюарт передал об этом ультиматуме союзникам, и, вопреки желанию пруссаков, представитель Франции был приглашен.

Это произошло 23 декабря. В тот же вечер Талейран и Меттерних столковались относительно порядка и характера предстоящей работы. Талейран предложил, чтобы при исчислении населения принимались во внимание цифры населения не только с чисто количественной, но и с качественной стороны. «Польский крестьянин, не имеющий ни капитала, ни земли, ни промышленности, — говорил он, — не должен быть поставлен на одну доску с жителем левого берега Рейна или самых плодородных и богатых областей Германии». Меттерних согласился с этой мыслью и тут же набросал на бумаге в форме инструкции эти соображения высшей политики касательно подсчетов народонаселения. Комиссия собралась 24 декабря. Дальберг представлял в ней Францию.

Заседания комиссии происходили 24, 25 и 28 декабря. Но ей приходилось в некотором смысле лишь разбираться в материалах. Распределение людей и территорий подготовлялось на стороне, и эту работу союзники также попытались произвести *вчетвером*, в величайшем секрете, на совещаниях, состоявшихся 29 и 30 декабря. 29 декабря Гарденберг предложил перевести саксонского короля на левый берег Рейна и предоставить ему там часть бывшего архиепископства Трирского и Люксембург. Саксонию же он требовал всю целиком для прусского короля. 30-го Разумовский от имени царя развил следующий общий проект: Пруссия получит обратно Познань и возьмет всю Саксонию; саксонский король будет переведен на Рейн, где ему достанутся Трир, Бонн и Люксембург; русский император получит остальную часть герцогства Варшавского в качестве присоединенного к России государства, оставляя за собой возможность дать ему в будущем независимую конституцию, а со стороны России — расширить его границы настолько, насколько он найдет это нужным. После этого следующее совещание было назначено на 2 января.

Трактат 3 января. 1 января 1815 года Кэстльри получил известие, которое сильно изменило положение вещей. Между Англией и Соединенными Штатами был заключен мир; отныне Англия получала возможность свободно располагать всеми своими силами, а принц-регент был всецело согласен со взглядами французского короля на германские дела. Почувствовав себя свободнее, Кэстльри воспрянул духом. Добавим, что зависть к Франции и страх перед ней также сыграли свою роль. Мысль о водворении саксонского короля на берегах Рейна внушала англичанам чувство беспокойства. «При таких условиях, — писал лорд Ливерпуль, — саксонский король, вероятно, станет всецело креатурой Франции и будет склонен в дальнейшем скорее поддерживать виды французского правительства на Нидерланды, чем противодействовать им». С этого момента притязания пруссаков стали казаться англичанам совершенно недопустимыми, а сами пруссаки невероятно дерзкими. Что же касается русских, то Кэстльри составил себе о них совершенно определенное представление. Он прямо высказал это Талейрану. «Русские, — сказал он ему 2 января,— намерены предписать нам решения; не в характере Англии принимать их от кого бы то ни было». Исходя из этих заявлений, Талейран начал намекать на необходимость достигнуть соглашения трех держав. Кэстльри так воодушевился, что предложил письменно изложить свои мысли об этом соглашении. На другой день, 3 января, он принес свою записку. Она

была показана Меттерниху, и в тот же вечер между Францией, Австрией и Англией был подписан тайный договор.

Три договаривавшиеся державы обязывались действовать согласно, «с полнейшим бескорыстием», для практического осуществления Парижского трактата; если же им не удастся достигнуть этой цели мирными средствами, то каждая для защиты той из них, которая подвергнется нападению, выставит корпус в 150 000 человек. Бавария, Голландия, Ганновер и Сардиния будут приглашены примкнуть к этому договору.

Этот договор был торжеством Талейрана. Он писал королю: «Коалиция больше не существует... Франция уже не занимает в Европе изолированного положения... Ваше величество действует согласно с двумя первостепенными державами, с тремя второстепенными государствами, а скоро и со всеми государствами, не руководствующимися революционными принципами и правилами. Ваше величество будет поистине главой и душой этого союза, образованного для защиты принципов, впервые провозглашенных вашим величеством».

Это была цельная политика. Многие из тех, кто в эпоху реставрации критиковал ее самым живейшим образом и впоследствии с такой же живостью ставил ее в укор Людовику XVIII и Талейрану, должны были, однако, воздать должное этой политической концепции, как согласной с традиционной политикой Франции, одобрять за продолжение этой политики правительство Июльской монархии и впоследствии оплакивать как измену национальным интересам Франции то, что она была оставлена при Второй империи. [1] В этом лучшее ее оправдание. Неудобной стороной этой политики было то, что она вызывала неудовольствие Александра I, но кто знал этого монарха, тот мог быть уверен, что его благожелательное отношение к Франции будет возрастать пропорционально тем услугам, которых он сможет от нее ждать. А в 1815 году ничто не содействовало в такой степени ограничению его притязаний, как его соперничество с англичанами и его желание разъединить Францию и Англию.

---

[1] Смотри, между прочим, известную речь Тьера, произнесенную 3 мая 1866 года: «Я должен показать вам, в каком отношении право подвергалось возмутительному поруганию. Существуют две державы, союз между которыми уже совершенно закреплен, так как он неизменен, и нет силы, способной его разрушить: это союз между Пруссией и Россией. Ввиду такого положения вещей какая держава является для Франции самой важной?.. Конечно, Австрия...» Далее Тьер указывал, что пруссаки «хотят воспользоваться немецкой идеей», чтобы восстановить Германскую империю, и осуждал предположение, что Франция за известное вознаграждение «могла бы поддержать эту политику».

После 1820 года, в момент усиления активности России на Востоке, авансы делались уже не Александром, и с тех пор он уже больше не считался с трактатом 3 января.

Этот трактат не замедлил оказать свое действие. Согласованные заявления Австрии, Великобритании и Франции доказывали, что между ними достигнуто единодушие, и им не приходилось прибегать к угрозам, чтобы убеждать в этом. Пруссаки пробовали еще оказывать некоторое сопротивление; они непременно хотели получить Лейпциг, чтобы забраться в самое сердце старой Германии. Споры о цифрах и границах еще продолжались, но с 5 января Кэстльри мог уже писать, что всякая опасность войны миновала. Он должен был вернуться в Лондон к открытию парламентской сессии, и ему хотелось явиться туда не с пустыми руками. Что же касается Александра, то с тех пор как он пошел на компромисс и речь шла уже только о пререканиях из-за границ, он думал уже лишь о том, чтобы поскорее покончить с переговорами.

Разрешение саксонского и польского вопросов. Не считая практических деталей, в течение февраля были окончательно установлены следующие основные положения: король Саксонский, восстановленный на своем наследственном престоле, отказывается от великого герцогства Варшавского и уступает часть своего королевства Пруссии. Австрия получает обратно восточные округа Галиции, уступленные ею великому герцогству Варшавскому в 1809 и 1810 годах, и отказывается от Западной Галиции, которой она владела с 1795 по 1809 год. Пруссия отказывается от обратного получения той части Польши, которая в 1807 году составляла великое герцогство Варшавское, за исключением той территории, которая под названием великого герцогства Познанского должна послужить ей к восстановлению связи между старой Пруссией и Силезией. Она дополняет свои владения шведской Померанией, частью Саксонии и территориями на правом берегу Рейна, остатками Вестфальского королевства, а также Кельном, Бонном и Триром на левом берегу Рейна под общим названием Рейнской провинции. Пруссия и Австрия признают учреждение Царства Польского, царем которого будет император всероссийский и которое получит собственную администрацию. Краков станет нейтральным вольным городом. Все эти постановления явились предметом целого ряда отдельных трактатов: между Австрией и Россией, Россией и Пруссией, Пруссией, Австрией и Россией, Саксонией и Пруссией (3, 18, 22 мая 1815 года; *Заключительный акт конгресса*, 9 июня 1815 года, ст. 1—26).

Решения эти были далеки от того, чтобы удовлетворить пруссаков. Вместо того, чтобы согласно их желаниям превратить Пруссию в наиболее цельное и наиболее проникнутое немецким духом германское государство и дать ей Лейпциг и Дрезден, ее оставили как бы повисшей в воздухе, разбив на два совершенно различных куска; в нее клином врезались государства, соперничавшие с нею, недоверчиво к ней относившиеся, а в случае войны несомненно враждебные, как, например, Ганновер. Наконец, со стороны Франции она рисковала первая получить удар, не имея возможности во-время принять меры к своей защите, а в случае перекройки карты Европы в пользу Франции Пруссии в первую очередь грозила опасность подвергнуться завоеванию. Вместо лютеранской Саксонии, хотя и проникнутой антипрусским духом, но в дальнейшем благодаря общности нравов и интересов несомненно более способной к ассимиляции, пруссакам навязали более подвижных и более наделенных воображением рейнских католиков, которые уже попривыкли к французской администрации, которые стояли за наполеоновский Гражданский кодекс и у которых Франция оставила глубокие и живые воспоминания. Прирейнские жители тем более тяготели к Франции, что новое ее правительство, сохраняя Гражданский кодекс и гарантируя владельцам национальных имуществ их собственность, благоприятствовало католической церкви и держалось политики мира. Таким образом, оно давало им все те преимущества, которые со времен Консульства привлекали их симпатии на сторону Франции, и освобождало от тех тягот, которые заставили их отшатнуться от Франции в эпоху Империи, — от военной службы и от борьбы с духовенством.

Но на эту сторону вопроса во Франции совершенно не обращали внимания. Французы ничего не хотели замечать, кроме враждебной и агрессивной Пруссии, выдвинутой в авангард коалиции англичанами, для того чтобы охранять Германию и Голландию. Талейрана сильно упрекали в том, что он не поддержал предложения, по которому саксонский король должен был получить владения на Рейне. Но, не говоря уже о забвении принципа, составлявшего всю силу и политику Людовика XVIII, не говоря уже о неудобстве, которое заключалось в предоставлении Пруссии возможности сконцентрироваться в Германии, забывают, что, содействуя водворению саксонского короля на берегу Рейна, Франция должна была бы сама навсегда отказаться от всяких притязаний на эту территорию. По отношению к этому государю, бывшему ее клиентом, она очутилась бы в том же положении, что и по

ВЕНСКИЙ КОНГРЕСС

отношению к Баварии. Она не могла, проводя в Германии политику покровительства второстепенным государствам, сохранять в отношении Рейна заднюю мысль ограбить эти самые государства. Наконец, саксонскому королю в качестве католика было бы столь же легко ассимилировать прирейнских жителей, сколь это было трудно Пруссии. Здесь Франция гораздо больше угрожала Пруссии, чем Пруссия ей. «Ничто не может быть проще и естественнее, — говорил Талейран, когда перед ним настаивали на этом пункте, — чем отобрать у Пруссии уступленные ей провинции, тогда как если бы они были отданы саксонскому королю в виде компенсации за его прежние владения, отнять их у него было бы и очень трудно и слишком жестоко».

V. Конгресс и возвращение Наполеона с острова Эльбы

Неаполитанские дела. В то время как этот основной вопрос приближался к окончательному разрешению, неаполитанские дела развертывались естественным ходом событий благодаря самому характеру неаполитанского короля, получившего свое королевство из рук Наполеона и желавшего пережить Империю, интересы которой были единственным основанием его пребывания на престоле. «Ваше величество, — писал Талейран 28 декабря Людовику XVIII, — могли убедиться на основании присланных мною документов, что я не теряю из вида неаполитанских дел. Я не забываю также и Delenda Carthago, [1] но не с этого конца нам нужно теперь начинать». Талейран был вполне прав, когда не хотел обременять себя этой второй легитимистской тяжбой и дорого платить за услугу, которую союзники вынуждены были оказать ему даром.

Меттерних обещал Мюрату сохранить ему его «революционный» трон в то время, когда измена Мюрата представлялась ему необходимой для уничтожения французского владычества в Италии и когда он надеялся поделить с Мюратом папские владения. Но после того как французы были выгнаны из Италии и повсюду началась реставрация, Австрии пришлось

[1] «Карфаген должен быть разрушен», — этими словами, по преданию, Катон Старший кончал каждую свою речь в римском сенате. Талейран хотел здесь выразить ту мысль, что он никогда не забывал и всегда повторял на Венском конгрессе, что следует удалить Мюрата с неаполитанского престола. — *Прим. ред.*

отказаться от своих притязаний на легатства. В интересах Австрии было теперь уничтожить тот очаг революции, каким мог бы стать Неаполь в руках Мюрата и заменить этого, все же всегда сомнительного с точки зрения легитимности, государя союзником Бурбонов, который будет всегда покорен и которому ничего другого и не нужно будет, кроме покровительства со стороны Австрии. Вся тонкая и коварная игра Меттерниха сводилась к тому, чтобы заставить Мюрата самого подготовить себе гибель. 29 июля 1813 года Сен-Марсан писал из Вены, что император Франц по поводу Мюрата выразился следующим образом: «Надеюсь, что он сам послужит орудием своей гибели». А 20 октября Сен-Марсан сообщал о следующих словах Меттерниха: «Я отдал бы всю вселенную за известие, что король Фердинанд восстановлен на своем престоле. К несчастью, мы не можем в настоящий момент содействовать этому силой оружия». Посланник Фердинанда слышал такие же уверения. «Австрия совершенно оставила мысль о поддержке Мюрата», — сообщал он своему двору 12 сентября.

Но, совершая это двойное предательство, Меттерних испытывал некоторое смущение перед Талейраном. Он рисковал тут дать слишком много пищи иронии своего коллеги и чересчур раскрыть свои карты, признавшись в своих тайных поступках. Не будучи в состоянии продать Мюрата послу Людовика XVIII, он попытался заслужить благоволение этого короля, оставляя Мюрата на произвол судьбы. Эта сделка послужила предметом подозрительных переговоров, происходивших в Париже при королевском дворе между Бомбеллем, посланцем Меттерниха, Блака, доверенным Людовика XVIII, и Веллингтоном, который преследовал в лице Мюрата последнего помощника Наполеона и хотел выговорить для Англии у неаполитанских Бурбонов морскую станцию на Средиземном море.

Веллингтон прибыл в Вену 3 февраля в качестве заместителя Кэстльри, который уехал оттуда 14-го. Он заявил, что в случае необходимости Франция была бы в состоянии принудить Мюрата убраться из Неаполя и восстановила бы там Фердинанда, что Англия оказала бы Франции в этом поддержку при условии, что Франция, в свою очередь, окажет ей содействие в борьбе против торговли неграми. В ответ на это Талейран опубликовал заявление о том, что Франция при поддержке Испании возьмет на себя операцию по восстановлению неаполитанских Бурбонов, если Австрии будет неприятно вмешиваться в это дело. Трудность положения

Австрии заключалась в том, что она по трактату, заключенному в январе 1814 года, обязалась защищать Мюрата. Мюрат потребовал исполнения этого обещания и попросил свободного прохода для войск, которые он намерен был послать против армии Людовика XVIII (нота 25 января 1815 года, врученная в Вене 23 февраля). Меттерних в одинаковой мере старался как уклониться от выполнения этого своего обязательства по отношению к Мюрату, так и от того, чтобы допустить французов в Италию. Он категорически заявил Талейрану, что Австрия будет рассматривать вступление французской армии в Италию как достаточное основание для объявления войны (нота 25 февраля). Но на следующий же день он заявил посланнику Мюрата Кампо-Кьяро, что этой гарантии для него должно быть совершенно достаточно, что вооружения Мюрата не имеют поэтому никакого смысла, что они только напрасно волнуют Италию и что всякое движение неаполитанской армии за пределы этого королевства будет рассматриваться как расторжение союза и нападение на Австрию (нота 26 февраля). Этот тонкий хитрец рассчитывал на то, что ввиду непрекращающихся вооружений Франции Мюрат непременно откроет военные действия и, развязав тем самым руки Австрии, позволит ей восстановить Фердинанда на престоле. Обстоятельства послужили осуществлению этого плана еще в гораздо большей степени, чем Меттерних мог предполагать.

Союз с Австрией угнетал Мюрата. Убежденный в том, что этот союз не поможет ему урвать ни одного клочка из папских владений и что после устройства итальянских дел в Вене царствование его потеряет в Италии всякий смысл, он под влиянием тех же самых мотивов, которые побудили его изменить Наполеону, пришел к расторжению своего договора с Австрией. Мюрат мечтал поднять против австрийского владычества всю Италию и стать для нее национальным государем-освободителем. Затем, узнав о намерении Наполеона оставить остров Эльбу и опасаясь, что император в наказание за измену выгонит его из Неаполя, он хотел заблаговременно упрочить свое положение, сделать себя необходимым и постарался ускорить развитие событий. Его переписка с Наполеоном была перехвачена и в копиях доставлена в Париж. Блака передал эти документы Веллингтону, который 4 марта доложил о них в Вене. Меттерних был этим весьма доволен, а Мюрат окончательно осужден и уже на завтра обречен на гибель.

Меры против Наполеона. 5 марта курьер сардинского короля привез посреди бала известие, что Наполеон оставил остров Эльбу. Наступило всеобщее смятение, быстро сменив-

шееся яростным гневом. Александр, еще совсем недавно в своем раздражении против Талейрана и Людовика XVIII поговаривавший о возможности спустить с цепи «чудовище», теперь требовал его окончательного уничтожения. Он говорил, что «дело это касается его лично, что он упрекает себя за допущенную им неосторожность и должен оправдаться в своей ошибке, заключавшейся в оставлении Наполеона на острове Эльбе, что эту войну, возобновляющуюся по его вине, он будет вести до последнего солдата и до последнего рубля». Пруссаки, почуяв удобный случай для более полной мести, чем в 1814 году, и для осуществления захватов, которые им тогда не удалось произвести, разжигали раздражение своего союзника. Теперь можно было воочию убедиться, насколько химеричны были планы тех французов, которые пытались отвлечь Пруссию от России и сблизиться с Александром с задней мыслью, что Россия добьется для Франции какой-нибудь части Германии или Бельгии. Достаточно было одной угрозы новых притязаний со стороны Франции, достаточно было одной мысли о том, что Парижский трактат может быть пересмотрен, для того чтобы союзники снова сблизились и чтобы Шомонский договор оказался более крепким, чем когда бы то ни было. 13 марта восемь держав, подписавших Парижский трактат, заявили, что *Буонапарте* нарушил «единственное легальное право», с которым связано было его существование, объявили его «вне гражданских и общественных законов» и предали «общественной опале». Это было объявление «вне закона», практиковавшееся и Конвентом и правительством 18 брюмера, но переведенное на монархический язык. В то же время державы обещали свою поддержку французскому королю и французской нации против узурпатора. Талейран подписал договор, превращавший Людовика XVIII в союзника Европы против Наполеона.

Вскоре стало известно, что, высадившись во Франции, Наполеон был встречен всеобщими приветствиями. Его продвижение в Париж, по крайней мере по проявлениям народной радости, напоминало триумфальное возвращение его из Египта в 1799 году. Войска изменяли королю, Франция отказывалась от Бурбонов, и Людовик XVIII принужден был бежать. Таким образом, Франция собственными руками разрывала Парижский трактат. Союзники ничуть не сомневались, что, переходя на сторону Наполеона, французы хотели вместе с ним и с его помощью восстановить границы республики, ее естественные границы, т. е. границу Рейна, издавна окруженную в воображении народа священным ореолом и

являвшуюся для французов единственным условием славного и прочного мира. «Не подлежит никакому сомнению, что для обратного завоевания Бельгии и левого берега Рейна с восторгом двинутся в поход все солдаты и даже рекруты», — писал незадолго до того временно исполнявший обязанности министра иностранных дел Жокур. И союзники прекрасно это понимали. Главной гарантией мира для них были Людовик XVIII, монархия и хартия. А так как реставрированная монархия обнаружила свою неспособность привлечь к себе симпатии нации и управлять ею, и так как французы явно выказывали свое отвращение к этой монархии, то союзники снова оказывались в тех же условиях, в каких находились до падения Наполеона. Но они возвращались к этому положению с чувством разочарования перед неудавшейся операцией, сожалея о проявленной ими прежде по отношению к французам умеренности и с твердым намерением найти более действенные гарантии против воинственных порывов и революционного духа этой нации.

Восстановление коалиции. 25 марта *четыре* союзных державы торжественно возобновили Шомонский договор с целью «сохранить в силе» Парижский трактат и, как гласила грозная оговорка, «с целью дополнить постановления этого трактата». Тщетно Наполеон, пытаясь пустить в ход политику, за неприменение которой в свое время упрекали Людовика XVIII, пытался снова завязать сношения с Россией и отвлечь ее от Австрии и Англии. Он переслал Александру договор 3 января, который по чьей-то непростительной небрежности попал в его руки. Но теперь этот трактат был уже мертвой буквой. Александр, вообще не долюбливавший Меттерниха, выказал последнему свое неудовольствие по поводу этого документа, что, впрочем, ничуть не помешало им столковаться по всем вопросам. Но в отношении англичан Александр не испытывал или по крайней мере не выказывал никакого раздражения. Он велел даже написать Кэстльри письмо, насквозь проникнутое умонастроением 1812 года. Если же он делал вид, что возмущен позицией Талейрана и Бурбонов, подписавших этот договор с Австрией и Англией (что он так легко прощал последним двум государствам), то это происходило потому, что ему выгодно было иметь явный повод к неудовольствию против Талейрана и тем самым предлог, позволявший не брать на себя обязательства опять восстановить на французском престоле старшую линию Бурбонов.

Возвращение Наполеона с острова Эльбы и бегство Людовика XVIII в Гент одним ударом разрушили здание, с таким

умом и искусством возведенное Талейраном. Дело в том, что все это искусное построение было основано на реставрации, на принципе легитимизма, в силу которого реставрация была произведена, на провозглашении этого принципа союзниками и на совпадении его с интересами Франции, на сознании союзниками необходимости поддерживать реставрированную монархию и на тех гарантиях мира, которые последняя повторно делала в своих же собственных интересах. Возвращение Наполеона снова отбрасывало Европу к политике факта и силы. «Принципы», по совершенно справедливому замечанию Талейрана, и прежде признавались союзниками лишь постольку, поскольку они ни в чем не противоречили их интересам, а теперь они окончательно превратились в абстрактную формулу, лишенную всякого политического значения. Наступил возврат к правилу Александра, которое было характерно для всей старой дипломатии: «Выгоды Европы — это и есть право». Союзники в весьма жесткой форме дали это почувствовать послу Людовика XVIII. Разыгрываемая Талейраном роль была искусственна. Вся сила Талейрана заключалась в самой силе вещей, а его искусство — в том, что он умел это понимать и использовать. Но как только он лишился прочной опоры, маска упала, и остался человек с необычайным апломбом, поразительно ловкий, но посрамленный событиями, сбившийся в своих расчетах, невыносимый и вызывавший презрение. Он уже больше не разыгрывал роли «министра Людовика XIV», он был теперь не более как министром Иакова II. [1] Тщетно пытался Талейран выбраться из тупика. Он исчерпал все хитрости. Он пытался добиться от союзников публичного заявления, что целью войны является восстановление Бурбонов. Он старался вырвать у них обещание, что границы Франции, признанные Парижским трактатом, останутся без изменения, и, чтобы добиться этой гарантии, втерся в коалицию и привлек туда же Людовика XVIII. Он надеялся таким образом затруднить союзникам ограбление государя, который действовал заодно с ними. Но то был государь, лишенный теперь престола, бежавший из своей страны, утративший и свою армию и свою популярность. То был «претендент» 1795 года, возвратившийся в свое изгнание, и каждый, сообразуясь со своими утилитарными расчетами, оставлял за собой право обращаться с ним как с изгнанником и человеком, нуждающимся в покровительстве.

[1] Иаков II Стюарт — английский король, изгнанный из Англии революцией 1688 года; долго проживал из милости при дворе Людовика XIV во Франции. — *Прим. ред.*

И теперь Талейран явил миру отвратительное (хотя и корректное, с точки зрения династических интересов, принципов легитимизма и старого европейского публичного права) зрелище: французский посланник от имени французского короля подписывается под заявлениями и действиями, направленными против Франции и французской армии.

Александр и Франция. В 1814 году союзники долгое время сильно расходились в мнениях относительно формы правления, которую следовало бы установить во Франции. За исключением англичан, все они скорее терпели реставрацию, чем сами ей содействовали. В 1815 году эти разногласия возобновились. Австрийцы снова начали подумывать о предоставлении престола Наполеону II и о назначении регентства. Пруссаки думали лишь о том, как бы выжать побольше миллионов и захватить побольше территорий, и отнюдь не намерены были связывать себя обязательствами по отношению к какому бы то ни было французскому правительству. Эти свои мстительные намерения они скрывали под предательскими заявлениями, будто французы вольны назначить себе какое им угодно правительство, лишь бы это правительство давало Европе гарантии мира. А эти гарантии сами они предпочитали получить в виде земли и денег.

Александру Бурбоны надоели. Ему нужна была монархия, менее гордая своим происхождением, которой он бы мог распоряжаться по своему усмотрению, и такой монарх, который был бы одновременно и более популярен во Франции и более зависим от России.

Одни англичане попрежнему желали восстановить на престоле Людовика XVIII. «Недостаточно еще низвергнуть Бонапарта, не следует также открывать двери якобинцам», — говорил лорд Кленкарти. «Якобинцы, — возражал Александр, — опасны лишь как помощники Бонапарта, и вот почему следует стремиться к тому, чтобы оторвать их от него. Прежде всего необходимо низвергнуть его. В этом мы все согласны. Я со своей стороны посвящу этой цели все свои силы и не успокоюсь до тех пор, пока она не будет достигнута». «Но, — прибавил он, — низвержение Бонапарта — это лишь половина дела; далее нужно будет подумать о безопасности Европы, которая не может быть спокойна до тех пор, пока не будет спокойна Франция, а достигнуть умиротворения Франции можно только при установлении в ней такого правительства, которое будет подходящим для всех». Кленкарти заметил, что таким как раз и явилось бы правительство Людовика XVIII. Но Александр указал ему на фактическое поло-

жение дел и закончил следующим намеком: «На мой взгляд, примирить всех может только герцог Орлеанский: он француз, он Бурбон, он женат на принцессе из дома Бурбонов, у него есть сыновья; еще в молодости он служил делу конституции; он носил трехцветную кокарду, которую, как я уже указывал на это в Париже, ни в каком случае не следовало отменять. Он объединит все партии». Кленкарти стал указывать на опасности, связанные с нарушением законного престолонаследия и с введением политики узурпаций, но не смог убедить Александра.

«Легитимизм» всегда раздражал русского императора. Самое это слово оскорбляло его как какая-нибудь неучтивость или недостаток уважения к его короне. Со времени посещения им Парижа, где Людовик XVIII, по его словам, обращался с ним как с «выскочкой» и не счел нужным предложить ему «синюю ленту»; со времени неудавшейся попытки устроить брак между великой княжной и герцогом Беррийским, брак, впрочем, почти невозможный, так как оба двора не хотели, да и не могли сделать никакой уступки в вопросах религии; со времени переговоров в Вене, где Талейран беспрестанно надоедал ему своими «принципами», — самолюбие Александра в этом пункте более чем когда-либо совпадало с его интересами. Впрочем, он тогда говорил тем же языком, что и в 1804 году, когда замышлял свой грандиозный план перестройки Европы под русской суприматией. В 1814 году он довел это дело до конца, и теперь предстояло его завершить. «Во Франции, — говорил Александр, — конституция непременно должна быть монархической... Кабинеты столкуются между собой относительно лица или династии, которых можно привлечь к управлению Францией. Если это будет Бурбон, то они решат, какой именно... Они решат также, какого образа действий следует от него потребовать и какие условия он должен подписать...» [1] Этим и объясняются проявленное Александром в 1814 году желание посадить на престол Бернадотта, его антипатия к Людовику XVIII, превратившаяся во вражду, а также проявленная им в 1815 году благосклонность к Луи-Филиппу и его многозначительная попытка с помощью плебисцита возвратить Франции трехцветное знамя. Ясно, что восстановленный таким образом король был бы обязан ему решительно всем и уже не смел бы, подобно Людовику XVIII, обращаться

[1] Секретные инструкции Новосильцеву от 11 сентября 1804 года; Mémoires de Czartoryski, т. II, стр. 32; Мемуар русского кабинета 1815 года; Correspondance de Pozzo di Borgo, т. I, стр. 128 и сл.; Письма лорда Кленкарти к Кэстльри от 11—15 апреля 1815 года.

с преемником Екатерины со всем высокомерием династии Капетингов. Король Франции при таких условиях значил бы даже меньше, чем прусский король. Дата его прихода к власти по воле большинства считалась бы с 1815 года, и весь монархический престиж перешел бы от протеже к покровителю, от Парижа к Петербургу, где царствовал бы новый Карл Великий.

В результате, 12 мая появилась декларация, возвещавшая, что согласие французской нации на возвращение престола Бонапарту будет признано равносильным объявлению войны. Европа ни в каком случае не заключит мира с Бонапартом, но союзники готовы «уважать свободу Франции во всем, в чем она не будет расходиться с их собственной безопасностью и с общим спокойствием Европы».

Мюрат разделил участь своего господина. 28 марта союзники решили открыть против него военные действия. 12 апреля Австрия объявила ему войну, а 29 апреля подписала договор о союзе с Фердинандом IV.

VI. Заключительный акт

Итальянские дела. С этого момента реставрация Бурбонов в королевстве Обеих Сицилий стала совершившимся фактом, признанным восемью державами (ст. 104 Заключительного акта).

Разрешение этой проблемы облегчило решение всех других вопросов, относящихся к Италии. Было постановлено предоставить Парму в пожизненное владение Марии-Луизе австрийской, супруге Наполеона. По ее смерти Парма должна была перейти к Марии-Луизе испанской, бывшей королеве Этрурии, и к ее детям; а пока эта принцесса получала Лукку, которая затем должна была быть возвращена Тоскане. Тоскана переходила в наследственное владение эрцгерцога Фердинанда австрийского, а Модена — эрцгерцога Франца д'Эсте (ст. 98—102 Заключительного акта). Папа получал обратно легатства Равенну, Болонью и Феррару, кроме части Феррарской области, расположенной на левом берегу реки По (ст. 103). Сардинский король получал Геную, и право наследования, вопреки притязаниям Австрии и согласно желанию Франции, обеспечивалось за Савойско-Кариньянской ветвью (ст. 85 и 86). И, наконец, Австрия, которая благодаря брачным связям господствовала над Апеннинским полуостровом, получала Ломбардию, Тироль, всю территорию бывшей Вене-

цианской республики, Вальтелину, Триест, Далмацию и Иллирию (ст. 93, 94, 95 Заключительного акта).

Германские дела. Германские дела заняли целый ряд заседаний. Все те, кто мечтал и стремился превратить Германию в великое государство, кто в 1813 году взялся за оружие для освобождения своего отечества, кто был свидетелем могущества нации тогда, когда она была единой, и кто желал ей величия и роли, соответствующих ее действительной силе, — все они стремились к восстановлению Германской империи в форме национальной федерации. Штейн взял на себя перед лицом Александра роль убежденного защитника этой партии. 5 ноября 1814 года он писал царю: «Согласно принципам справедливости и либерализма союзных держав, Германия должна пользоваться политическими и гражданскими свободами, власть государей должна быть ограничена, злоупотребления власти должны прекратиться, а древнее дворянство, славное своими воинскими подвигами, своим влиянием в советах, первенствующим положением в церкви, не должно быть отдано во власть капризов деспотов, руководимых якобинской и злобной бюрократией; права всех должны быть точно определены и обеспечены, а Германия должна перестать быть обширным вместилищем угнетателей и угнетенных». Среди немецких государей не было ни одного, в интересы которого входило бы осуществление этих пожеланий. Все владетельные князья хотели быть у себя государями и повелителями, распоряжаться своими подданными по своему усмотрению и не встречать никакой помехи (ни внутри, ни извне) в пользовании своей верховной властью. Мысль о создании могучей империи оскорбляла и пугала, за исключением одного, всех немецких государей, видевших в ней умаление своей верховной власти. Единственный, кто мог ожидать выигрыша, был прусский король. Но поскольку сам он не должен был сделаться императором, он не хотел ничьей империи. Австрия, которая не смела, да и не могла желать германской императорской власти для самой себя, тем менее хотела, чтобы она досталась Пруссии. Мечта о Германской империи потерпела такое же крушение, как и мысль о даровании немецкой нации общего публичного права.

Соседние державы, Россия и в особенности Франция, не могли не испытывать опасения при мысли об объединенной, сконцентрированной и сложившейся в империю немецкой нации. В их интересах было, так сказать, нейтрализовать Германию, проявившую себя в 1813 и 1814 годах такой грозной силой. Но достигнуть этой нейтрализации наиболее дей-

ственным способом можно было, использовав противоречия, имевшие место внутри самой же Германии. Партикуляризм германских государств и населяющих их жителей, несогласия между Севером и Югом, соперничество крупных государств между собой и всех мелких с крупными, конфликты между подданными и правителями, а также объединение всех правителей в целях удержания своих подданных в состоянии повиновения и несогласия — словом, все эти моменты давали возможность ослабить одних с помощью других и противопоставить все единичные силы объединяющей силе целого. Цель эта и была достигнута созданием Германского союза, который был благодеянием для европейского мира и для спокойствия соседей Германии, но глубоко разочаровал немецких патриотов.

Тридцать четыре владетельных государя и четыре вольных города Германии, признанные равноправными, составили союз «для внутренней и внешней охраны безопасности Германии, независимости и неприкосновенности вступивших в союз государств». Союзному сейму, который состоял из дипломатов, представлявших отдельные государства, и в котором председательствовала Австрия, поручено было заведывание делами Союза. В случае объявления войны Союзу ни один из его отдельных членов не имел права вступать в переговоры с неприятелем. Союзные государства не должны были заключать никаких договоров, противоречащих безопасности Союза; но с этой оговоркой они могли входить в союзы с другими государствами. В случае конфликта между собой они должны были прибегать к посредничеству союзного сейма. Если это посредничество не приводило к удачному результату, должен был вступать в действие верховный суд, приговоры которого не подлежат апелляции. В общих чертах это было осуществлением плана вечного мира, предложенного аббатом Сен-Пьером (*Акт* 8 июня 1815 года, заключенный между союзными германскими государствами; ст. 53—63 Заключительного акта).

Остатки бывшего Рейнского Пфальца, часть области между Рейном и Мозелем, были отданы Баварии. Майнц был предоставлен Гессен-Дармштадту и обращен в федеральную крепость; такова же была участь города Люксембурга, отданного вместе с великим герцогством (на правах личной унии) нидерландскому королю. Ганновер был объявлен королевством, находившимся во власти английского короля (ст. 16—52 и 67—68 Заключительного акта).

Нидерланды, Швейцария. Королевство Нидерландское, образованное из Бельгии и Голландии, было отдано принцу Оранскому-Нассау (ст. 55—56 Заключительного акта).

Швейцария, в которую были включены Валлис, Женева и Невшатель, составила конфедерацию из девятнадцати свободных, независимых и нейтральных кантонов (ст. 74—84 и 91—92 Заключительного акта; провозглашение нейтралитета 27 мая и 20 ноября 1815 года).

Речные пути. Работорговля. Конгресс вынес декларацию относительно свободы речных путей (ст. 108—117 Заключительного акта), устав о старшинстве дипломатических агентов (ст. 118, 17 Заключительного акта; *регламент* 19 марта 1815 года) и декларацию относительно отмены торговли неграми (8 февраля 1815 года, ст. 118, 17 Заключительного акта).

Все эти пункты являлись предметом частных договоров между заинтересованными в каждом отдельном вопросе государствами; все эти договоры были в основных своих частях собраны в один трактат, который 9 июня 1815 года был подписан в Вене восемью государствами, подписавшими Парижский трактат, и получил название *Заключительного акта Венского конгресса.*

Восточный вопрос. Императору Александру и его советникам хотелось включить в этот трактат постановления, относящиеся к Оттоманской империи. Январской нотой 1815 года русское правительство обратило внимание держав на зверства, совершонные турками над христианами, в особенности в Сербии, и на необходимость для христианских государств взять на себя защиту живущих в Турции христиан. Далее нота указывала, что звание естественного защитника православных принадлежит русскому императору так же, как титул покровителя католиков на Востоке принадлежит французскому королю. «Дело негров было подвергнуто обсуждению собрания государей на основании божественного кодекса... этого палладиума государственного порядка; на основании тех же принципов главы семьи европейских народов имеют право потребовать от Порты прекращения ее жестокостей». Грек Каподистрия, пользовавшийся особым расположением императора Александра, поддерживал интересы своих соотечественников и единоверцев и выступил искренним и пылким защитником греков, корфиотов и сербов, подобно тому как Чарторыйский выступал в защиту поляков, а Штейн в пользу немцев. Александр предлагал провозгласить принципом европейского права постоянное вмешательство России в пользу восточных христиан. Это значило признать русский протекторат над греками, превратить неясные пункты Кучук-Кайнарджийского договора в ясные и твердые постановления

общего характера, предоставить России юридическое право проводить на Востоке свою собственную политику и преследовать свои собственные интересы и превратить русскую супрематию в Турции в один из пунктов европейского публичного права. Понятно, что Александр к этому стремился, но столь же понятно, что англичане этому решительно воспротивились. У Талейрана была инструкция добиваться того, чтобы Турция была поставлена под охрану всей Европы. Меттерних считал «европейскую гарантию весьма существенным пунктом для интересов Австрии». Обсуждение восточного вопроса вскрыло бы наличие глубоких разногласий между державами, и потому его старались избежать. Впрочем, все это так и осталось попыткой, не вышедшей за пределы частных разговоров, и по данному вопросу даже ничего не было запротоколировано.

VII. Европа и конгресс

Характер Заключительного акта. Из всех конгрессов своего времени Венский конгресс является самым значительным по важности, обширности и количеству решенных на нем вопросов. А Заключительный акт 9 июня 1815 года является самым обширным трактатом, который когда-либо был подписан. Это — первая попытка дать Европе хартию, по крайней мере территориальную, определить размеры владения каждого государства и путем коллективного договора положить начало прочному миру, основанному на торжественном его признании, на гарантии, данной ему подписью восьми главных европейских государств, на невозможности расторгнуть этот договор, не рискуя оказаться вне закона, и, наоборот, на возможности внести в него изменения с согласия санкционировавших его сторон. Это было новым явлением. Такое состояние Европы, при котором права каждого вытекают из обязанностей для всех, было чем-то столь чуждым для государственных людей старого режима, что понадобилась двадцатипятилетняя война, для того чтобы приучить их к этому явлению и доказать его необходимость. Да и к этому сознанию их привела усталость и невозможность продолжать борьбу ввиду истощения людей, израсходования денег и материальных средств.

Франция пыталась произвести всеобщее урегулирование европейских отношений, исходя из высшего принципа легитимизма, рассматриваемого как принцип, на котором должна основываться передача монархической власти. Принцип легитимизма должен был представлять собой сущность верховной

власти. Императоры и короли поставили этот принцип как бы эпиграфом к первой главе своего официального публичного права; они афишировали его в общественных местах и провозглашали его в своих воззваниях, обращенных к народам, но на практике применяли его лишь в той мере, в какой он не противоречил их интересам и расчетам. Окончательное соглашение в гораздо меньшей степени явилось результатом общего подчинения высшему принципу, чем столкновением взаимных притязаний. В действительности это соглашение было известной комбинацией с целью установить политическое равновесие.

Значение трактатов. Трактаты являются выражением отношений, существующих в момент их заключения между материальными и моральными силами заключающих их государств. Трактаты эти могут быть более или менее прочными в зависимости от того, оцениваются ли эти силы с большей или меньшей точностью и широтой, восходят ли производящие эту оценку люди к основным причинам и предвидят ли их последствия, меньше ли они учитывают случайные обстоятельства и больше неизменные явления государственной и национальной политики. Устанавливаемые этими трактатами права никогда не переживают тех условий, в которых они возникли.

Какими бы неполными ни казались воззрения Венского конгресса, какими бы случайными, произвольными и даже противозаконными ни были некоторые из их практических применений, этот конгресс обеспечил, тем не менее, Европе наиболее продолжительный и благотворный период мира и развития цивилизации за все время ее существования. И, однако, здание это рухнуло, и места, где в нем образовались первые трещины, были как раз теми, в которых дипломаты проявили всю тонкость своего искусства, представлявшего собой, впрочем, не больше чем дипломатические ухищрения. Дипломаты с достаточной точностью вычислили количество жителей, населяющих территории, подлежавшие распределению. Они постарались даже по данным Статистической комиссии определить экономическую, военную, сельскохозяйственную и промышленную ценность и силу населения, степень его производительности и возможность его использования. Но они совершенно не учитывали ни умонастроения населения, ни его морального уровня, ни традиций, ни его стремлений, ни всего того, что делает из каждого человека индивидуальность, а из групп этих людей — нацию. А это значит, что материальные силы были учтены, в то время как моральными силами пренебрегли или не хотели их признать. И это-то погубило все дело конгресса.

Причины уничтожения венских договоров. Венские дипломаты перекраивали территории и раздавали направо и налево целые народы, как прежде делали государства, поделившие между собой Польшу. Они нисколько не интересовались отношениями между территориями и занимающими их народами и не задумывались над тем, пожелают ли эти народы замкнуться в отведенных им границах, или попытаются их разрушить. Они организовали Европу в государства и организовали ее так, как будто в Европе вовсе не существовало наций. А между тем нации всегда являлись одновременно и субъектом и объектом политики. Существование и жизнь государств определяется нациями, которые они представляют. В прежние времена эти факты могли игнорироваться, как это обычно случается с великими естественными законами, которые управляют явлениями природы задолго до того, как ученым удается их открыть и определить. Но после 1814 года такое игнорирование становилось уже крупнейшей ошибкой. Французская революция провозгласила, проповедывала и всюду пробуждала как своими принципами и примером, так и своими завоеваниями национальный дух, т. е. идею, гласящую, что только сами народы имеют право располагать своей судьбой, что люди, сознающие свою принадлежность к одной и той же национальности, имеют право сложиться в нацию и что для каждой нации основным принципом жизни, принципом чувства достоинства является независимость. Собравшиеся в Вене дипломаты считали эти принципы губительными для монархического строя; они хотели покончить с этими принципами раз навсегда; они думали, что для уничтожения действия французской революции достаточно объявить ее несуществовавшей и передвинуть границы на поверхности Европы. Но было уж слишком поздно. Венские договоры последовательно рушились один за другим в тех пунктах, где этот жизненный принцип новой Европы подвергся непризнанию или насильственному нарушению.

И прежде всего это произошло в Нидерландах, где католики-бельгийцы, очень привязанные к своей церкви и к своим традиционным местным вольностям, были подчинены правительству голландских протестантов, от которых их отделяло различие нравов и интересов. Венский конгресс деспотически объединил такие элементы, связь между которыми всегда основывалась лишь на принуждении и которые были разделены уже в течение двух столетий.

В Польше благородная и мужественная нация, неспособная, может быть, к самоуправлению, но неспособная также

забыть, что за тридцать лет до того она была независимой, оказалась раздробленной, подчиненной иностранным государям, насильно связанной с народами, которые отличались от нее религией, происхождением и интересами. Таким образом, эта нация была принесена в жертву путем возмутительного нарушения публичного права при старом режиме и путем печального нарушения публичного права при новом порядке вещей.

То же самое в Италии, где нация, фактически объединенная под французским владычеством и получившая от французов военную организацию, была низведена до уровня простого географического термина. [1]

Венские трактаты оказались несостоятельными и в Германии, где народы, поднявшие оружие для борьбы за независимость отечества, были осуждены на бесплодные мечтания о величии этого отечества в прошлом и принуждены устраивать свою судьбу, сообразуясь только с тем, что было выгодно их соседям. Таким образом, в Европе создался целый ряд очагов революции, которые, вспыхивая один за другим, должны были сначала потрясти здание, а затем окончательно его разрушить.

Наконец, победоносная Европа недостаточно считалась с французской нацией. Она рассчитывала, отняв у Франции ее завоевания, заставить ее позабыть о былой славе. Францию хотели обуздать и унизить, но только оскорбили. Даже с точки зрения системы равновесия точный подсчет сил не позволял отбросить Францию в границы 1792 года. Ведь Австрия и Пруссия получили обратно, и даже с избытком, те владения, которые они завоевали с этого времени. Всем было прекрасно известно, что с 1792 года в умах французов идея республики и национальной независимости отожествлялась с границами древней Галлии, с «естественными границами». Монархическая Европа никогда не соглашалась признать это стремление, а между тем именно оно и лежало в основе двадцатитрехлетней войны. [2] Но было ли разумно и в этом пункте считать незначительной и несуществующей такую глубоко национальную и сильную идею? Не требовала ли благоразумная политика принятия некоторых мер, для того чтобы, сохраняя интересы и идеи французов, облегчить им переход к новому

[1] Слова Меттерниха: «Италия — это только географический термин». — *Прим. ред.*

[2] Автор повторяет здесь свою ложную пронаполеоновскую теорию о том, будто Наполеон воевал *только* для укрепления и защиты «естественных границ» Франции (Рейна и Альп). — *Прим. ред.*

К. МЕТТЕРНИХ

порядку вещей? При таких условиях французы мало-помалу признали бы преимущества этого порядка вещей: цельность и сплоченность Франции среди раздробленных наций и слабых и разбросанных государств, как Голландия, Германия и Италия.

Вместо этого Францию отбросили назад, заставляли отожествлять, как в 1795 году, свободу и естественные границы, связать внутреннюю борьбу против октроированной хартии с требованиями внешней политики, направленными против «ненавистных» трактатов 1815 года, и сделать расторжение этих трактатов вопросом французского патриотизма. Вопреки разумно понимаемым интересам Франции французскую нацию превратили в естественного союзника всех народов, возмущавшихся против этих трактатов. А французские правительства, готовые искать популярность в славе, силой необходимости привлекались к союзу с теми европейскими правительствами, которые из честолюбия стремились к расторжению Венского трактата или в своих династических интересах эксплоатировали национальные стремления народов.

Таким образом, в 1830 году революция совершилась столько же ради защиты хартии, сколько и ради приобретения рейнской границы. Бельгия, воодушевляемая примером Франции, восстала и отделилась от Голландии. Польша возмутилась, и возглас «Да здравствует Польша!» был на парижских улицах в 1830—1832 и 1848 годах как бы возгласом французской революции. В 1859—1860 годах император Наполеон III соединился с Пьемонтом и создал объединение Италии, а в 1866 году предоставил Пруссии свободу действий в химерической надежде, что Франция получит благодаря этому часть левого берега Рейна. «Подобно большинству французского народа, — говорил он в мае 1866 года, — я ненавижу трактаты 1815 года, которые в настоящее время некоторые хотели бы сделать единственною основою нашей внешней политики». [1]

Таким образом, подорванные в самом начале и в самом своем основании, потрясенные в 1830 году, частично опрокинутые в 1848 году, затем с большим трудом, посредством разных подпорок и пристроек кое-как восстановленные венские договоры были совершенно уничтожены в 1859, 1860, 1866 и 1870 годах созданием независимой и нейтральной Бельгии, Итальянской монархии и Германской империи. В настоящее

[1] Речь, произнесенная в Оксере в ответ на речь Тьера от 3 мая 1866 года. Во французском тексте здесь ошибка или опечатка: сказано «intérieure», а нужно читать: «extérieure». Наполеон III говорил о *внешней*, а вовсе не о внутренней политике. — *Прим. ред.*

время ни в области фактов, ни в области принципов не осталось ничего от того, что составляло самое существо деятельности Венского конгресса, и, за исключением бельгийских дел, эти разрушения не оказались такими вредоносными ни для одной нации, кроме нации французской, так часто проклинавшей эти договоры и в такой сильной степени содействовавшей их уничтожению. [1]

---

[1] Автор здесь хочет выразить ту мысль, что образование единой Италии (1859—1870) и единой Германии (1864—1871) — два факта, оказавшиеся вредными и опасными для Франции, так как она вместо слабых и разъединенных соседей получала двух соседей единых и сильных. Между тем именно эти два факта (воссоединение Италии и воссоединение Германии) и уничтожили окончательно все, что еще оставалось к середине XIX века от постановлений Венского конгресса 1814—1815 годов. — *Прим. ред.*

ГЛАВА II

СВЯЩЕННЫЙ СОЮЗ И КОНГРЕССЫ

1815—1823

Мирная политика и конгрессы. В одном мемуаре о Венском конгрессе Гентц, корреспондент господарей Валахии, писал: «Пышные фразы о «восстановлении общественного порядка», «обновлении европейской политической системы», «прочном мире, основанном на справедливом распределении сил», и т. д. произносились для того, чтобы внушить спокойствие народам и окружить этот торжественный съезд ореолом величественного достоинства; но настоящей целью конгресса *являлся раздел между победителями отнятой у побежденного добычи*». [1]

Со стороны Гентца это было некоторой клеветой на венских дипломатов. Не подлежит никакому сомнению, что их первой и, быть может, главной задачей был раздел остатков Французской империи, и прежде всего каждый из союзников заботился только об удовлетворении вожделений, возбужденных видом такой массы свободных территорий. Но как только первый голод был несколько утолен и каждый захватил свою долю добычи, все почувствовали одинаковую потребность в отдыхе и одинаковое желание насладиться в полной безопасности вновь приобретенными благами. На этих чисто эгоистических чувствах сделана была попытка основать целую систему общей политики, сущность которой два года спустя сформулировал Меттерних. «Одним из главнейших признаков, можно сказать даже основой современной политики, — писал он в 1817 году австрийскому императору, — служит и должно служить *спокойствие*, а основной чертой спокойствия является *уверенность во владении*». [2] Эта консер-

---

[1] Напечатано в «Мемуарах» Меттерниха, т. II, стр. 474.
[2] 17 апреля 1817 года, «Мемуары», т. III, стр. 62.

вативная политика в течение, по крайней мере, некоторого времени не должна была опасаться каких-либо сюрпризов со стороны военных сил Франции, находившейся под бдительным надзором целого кордона враждебных государств и даже оккупированной на три года, — а в случае необходимости и на пять лет, — союзными армиями.

Но зато у союзников опасение вызывали французские идеи, — те идеи свободы, равенства и народного суверенитета, которые в продолжение двадцати лет распространялись по всей Европе солдатами Республики и Империи, всемогущие идеи, которые были пущены в ход самими консервативными монархами в 1813 году, когда нужно было поднять народы против Наполеона. Как говорил Гентц, «реакция 1813 года, которая временно задержала революционное движение во Франции, но не покончила с ним, пробудила его и в остальных государствах». Народы, — а немецкий народ в особенности, — не забыли ни героических песен, ни воззваний и обещаний 1813 года. Еще хорошо помнили *Песню меча* Кёрнера: «Расти, немецкая свобода, расти над нашими трупами!» В университетах постоянно вспоминали манифест монархов: «Народы, будьте свободны! Мы все — свободные люди!» Повторяли слова Витгенштейна: «Все сословные различия стираются перед этими великими идеями: король, свобода, честь и отечество». Если у монархов память и была коротка, то не все же они были столь ограничены в умственном отношении, как какой-нибудь принц Гессенский: они прекрасно знали, что народы не дремали в продолжение последних семи лет. Они прекрасно знали, что бельгийцы против своей воли были связаны с Голландией, саксонцы и прирейнские жители — с Пруссией, итальянцы — с Австрией, а поляки — с Россией; что если померанский гренадер и донской казак ничего не видели в Шампани и Бургундии, кроме плодородной земли, то кадет Преображенского полка и студент из Университетского легиона [1] увидели там граждан, права и вольности которых коалиция вынуждена была уважать, несмотря на все свое могущество.

Монархи замечали эту «болезнь», как выражался Меттерних, и понимали, что понадобятся самые энергичные меры, чтобы помешать ее распространению. А эти меры могли оказать свое действие лишь при условии однообразного и все-

[1] Автор под «кадетами» понимает здесь юных офицеров русской гвардии, будущих декабристов, а под «Университетским легионом» — германский полк из студентов-добровольцев, который в 1813—1814 году пошел на борьбу против Наполеона. — *Прим. ред.*

общего их применения. Любая уступка либеральным идеям в одной какой-нибудь стране сделала бы для всех остальных народов невыносимым сохранение того абсолютистского режима, который монархи и помимо своих эгоистических интересов признавали по совести наиболее совершенным и наиболее способным обеспечить благосостояние и процветание государства. Отсюда вытекала необходимость постоянного единодушия между монархами и тщательной согласованности их мероприятий. Следствием этого явилось то, что система изолированности, которая нарушалась в случаях конфликтов и была общим правилом государственной жизни Европы, уступила место своего рода коллективной жизни, обсуждению и разрешению на конгрессах всякого общего вопроса, который мог угрожать европейскому миру. Все это было, правда, не очень ново, и в царствование Людовика XVI последний великий министр монархии Верженн выработал совершенно аналогичный план. «Не встречается, — писал он в 1779 году, — никаких препятствий к тому, чтобы дворы, ясно и дружески объясняясь по поводу предметов, способных вызвать раздоры, всегда могли предупредить наступление такого момента, когда для мирного соглашения не остается уже места». [1] В этом и заключалась вся политика конгрессов, и разрешение баварских дел в Тешене в 1779 году являлось первым ее практическим применением.

Трактат Священного союза. Мистическая декларация, подписанная царем, австрийским императором и прусским королем и получившая известность под названием *трактата Священного союза*, была как бы манифестом новой политики. Первая мысль о таком союзе зародилась, кажется, в голове короля Вильгельма в 1813 году, на другой день после битвы при Бауцене. Текст договора, составленный в Париже царем, был просмотрен госпожой Крюднер, которая была тогда нимфой Эгерией Александра. «Я желаю, — сказал он ей, — чтобы император австрийский и король прусский присоединились ко мне в этом акте поклонения божеству и чтобы весь мир видел, что мы, подобно восточным волхвам, признаем высшую власть спасителя. Молитесь вместе со мной и просите бога, чтобы мои союзники согласились подписать этот договор». Союзники подписали его 26 сентября 1815 года, но официально содержание этого трактата было опубликовано лишь в феврале 1816 года.

---

[1] Инструкция Корберону, 28 июня 1779 года.

Три государя, «глубоко убежденные в том, что необходимо сообразовать политику держав с высокими истинами, преподанными нам вечной религией бога-спасителя», провозглашали «перед лицом всего мира свою непоколебимую решимость принимать за основу своих действий только заповеди этой святой религии, заповеди правды, милосердия и мира». Отныне, «согласно словам священного писания», они будут видеть друг в друге братьев и соотечественников, будут «связаны узами истинного и неразрывного братства» и станут оказывать друг другу «при всяком случае и всюду поддержку и помощь». Обязательства монархов распространялись и на подданных. «Единственным принципом их поведения должно быть: оказывать друг другу взаимные услуги; выказывать друг другу взаимные симпатии и неизменную благосклонность; считать друг друга членами одной и той же христианской нации ввиду того, что три государя сами смотрят на себя как на людей, которым провидение вручило для управления три отрасли одной семьи». «Все державы, которые пожелают торжественно признать эти принципы, будут с величайшей готовностью и симпатией приняты в этот Священный союз».

Все это было выражено в тщательно пронумерованных статьях, как оно и подобает всякому настоящему трактату, с обычным введением и разъяснением мотивов и с приличествующим обращением к «святой и нераздельной троице», которое предшественники этих государей не забыли вставить даже во введение к первому трактату о разделе Польши. Подобный язык уже больше не употреблялся королями с тех пор, как в 847 году сыновья Людовика Благочестивого, занятые спасением «их общего королевства», торжественно провозгласили «необходимость жить в дружбе и согласии, как этого требуют веления божии и истинное братство».

Людовик XVIII примкнул к Священному союзу 19 ноября, накануне подписания злополучного Парижского трактата. Его примеру последовал целый ряд монархов. Можно было думать, что англичане от этого уклонятся, так как их посланник Кэстльри заявил, что английский парламент, состоящий из людей положительных, готов примкнуть к практическому договору о субсидиях или союзе, но ни в коем случае не примкнет к простой декларации библейских принципов, переносящих Англию к мистическим временам Кромвеля и «круглоголовых». И, тем не менее, принц-регент подписал договор. [1]

---

[1] Это фактическая ошибка: принц-регент Георг (будущий Георг IV) *отказал* в своей подписи, заявив, что согласно английской конституции король не мо-

Какова была ценность этого акта и какое значение ему придавалось? Некоторые видели в нем как бы первый симптом предстоящего крестового похода против турок, о котором мечтал царь; в 1816 году, когда этот документ был опубликован, Порта взволновалась и запросила объяснений у Вены и Лондона. Либералы признали в нем открытие систематических действий, планомерной кампании против них и против либеральных идей. Это не совсем совпадало с действиями Александра I, который незадолго до того навязал Бурбонам хартию и рекомендовал им лойяльно применять ее на практике и который даже собирался дать очень либеральную конституцию Польше. Только значительно позже, после революции в Неаполе, на конгрессе в Троппау в 1820 году ему суждено было обратиться к реакционной политике и примкнуть к абсолютистским доктринам Меттерниха. Последний, впрочем, взял на себя задачу очистить царя от обвинений, выдвинутых либералами: мысль о том, что союз был основан для ограничения народных прав и усиления абсолютизма, была клеветой на благороднейшие намерения монархов, говорит Меттерних; декларация эта была не чем иным, как моральной манифестацией, выражением мистического настроения императора Александра и притом неподходящим и неудачным символом единения между монархами, *пустым и звонким документом*. Меттерних должен был вложить в него определенное содержание, подобно тому как Наполеон наполнил реальным содержанием бесплотные формы сийесовской конституции, и под влиянием Меттерниха Священный союз действительно сделался лигой монархов против народов.

Впрочем, монархи почти немедленно оставили почву абстракций и смутной мистической фразеологии и при возобновлении Шомонского договора 20 ноября 1815 года приняли весьма определенное и совершенно конкретное решение. «С целью обеспечения и облегчения практического исполнения настоящего договора, — гласит статья VI, — и для упрочения дружеских отношений, связывающих в настоящее время четырех монархов на благо всему миру, высокие договаривающиеся стороны условились периодически собираться в определенные сроки на совещания, посвященные великим общим интересам и рассмотрению мер, которые в каждую

жет брать на себя каких бы то ни было обязательств без дополнительной подписи министра, который и отвечает перед парламентом и перед судом. Но тогда же, в 1816 году, Георг написал Александру I письмо, в котором заявлял о полном своем личном согласии со всеми принципами, положенными в основу Священного союза. — *Прим. ред.*

данную эпоху признаны будут наиболее благотворными для спокойствия и процветания народов и для сохранения европейского мира». Этот стиль, без сомнения, был еще целиком пропитан духом Александра; но сущность принадлежала Меттерниху, а идея этих великих периодических съездов, своего рода европейской директории, обсуждающей и решающей все вопросы общего порядка, принадлежала уже безусловно ему.

Канцлер Меттерних. Теория права вмешательства. В продолжение восьми приблизительно лет австрийский канцлер играл в Европе преобладающую роль, и политическая система, применявшаяся в период 1815—1822 годов, и до сих пор еще сохраняет название *меттерниховской системы*. Мало было на свете таких самовлюбленных и проникнутых таким сознанием важности собственной персоны людей, как Меттерних. Автобиография, напечатанная в виде введения к его запискам, представляет собою поразительный памятник его высокомерия. Современники не имеют у него других эпитетов, как *маленький* Нессельроде, *бедный мечтатель* Каподистрия; Тьер для него — *глупец и акробат*, Берье — *дурак;* только Ришелье [1] и Мазарини — *достойные люди*. Сам он — наместник бога, факел, светящий всему человечеству, громадная моральная сила, которая после своего исчезновения оставит по себе незаполнимую пустоту. Трудно найти человека, в котором гипертрофия своего *я* достигла бы подобной степени развития.

Этот надменный человек был заклятым врагом революции, против которой он твердо решил бороться до последнего издыхания. Он сам называл себя человеком старого закала, «человеком прошлого». Говоря о революции, он прибегал всегда к целому ряду самых резких метафор. Революция выступает у него то в виде болезни, то в виде вулкана, то в виде пожара, грозящего все уничтожить, то в виде стоглавой гидры, готовой пожрать общественный порядок. Он ненавидит и парламентский режим, так как это — режим, к которому применима поговорка «уйди прочь, а я займу твое место», и представительный образ правления, который является системой «постоянных переворотов». По мнению Меттерниха основным благом государственной жизни должен быть покой, а в его понимании покой означал неподвижность.

Основой политической системы Меттерниха является право силы, а ее целью — безопасность во владении. Он полагает,

[1] Здесь Меттерних имеет в виду не своего современника герцога Ришелье (французского министра), а кардинала Ришелье, государственного деятеля XVII века. — *Прим. ред.*

что *изолированных* государств, характерных для древности, больше не существует, но что в настоящее время сложились *общества* государств, где каждая отдельная держава со своими частными интересами связана со всеми остальными рядом общих интересов. Государства составляют коллективный организм, каждый член которого должен иметь своим девизом: «Не делай другому того, чего не желаешь, чтобы сделали тебе самому». Этот коллективный государственный организм должен поддерживать равновесие между отдельными своими частями, и если один из его членов пожелает подняться над другими, то остальные должны соединиться и общими силами принудить его подчиниться общему порядку. «Таким образом, политика имеет своей целью сохранение или восстановление международных отношений на основе взаимности, под гарантией признания приобретенных прав и уважения к данному обещанию».

Все это, в общем, очень старо. Задолго до Меттерниха два выдающихся деятеля XVII века, Ришелье и Мазарини, создали теорию европейского равновесия. Новым в меттерниховской системе являются лишь те выводы, которые канцлер намеревался сделать из положения о солидарности между государствами. Солидарность эта была чисто морального свойства и не подтверждалась никаким писаным документом, если не считать трактата Священного союза. Но моральный договор, создаваемый общностью интересов, имеет для Меттерниха ценность писаного договора. Если кто-нибудь нарушает его, — путем ли материальных посягательств или вредного морального влияния, — другие государства имеют право во имя этого договора вернуть нарушителя обратно в его границы или «очистить» его, если он подвергся моральной заразе. Таким образом, провозглашается *право вмешательства*, это специфическое лекарство против революции, применение которого предписывается и регулируется конгрессами.

Такие аргументы и теории были вполне естественны и логичны в устах австрийского государственного деятеля; они соответствовали традициям Габсбургов и совпадали с их интересами. Габсбурги, всегда обнаруживавшие тенденцию к абсолютной власти, не могли согласиться на отказ от благодеяний этой системы непосредственно после того, как им в течение XVIII столетия удалось с величайшим трудом осуществить свои мечты. С другой стороны, габсбургская монархия, этот пестрый конгломерат враждебных друг другу народов, пестрая смесь непримиримых национальностей, соединить которые не удалось вековыми усилиями, быстро распалась бы на

части, если бы пропаганде учения о народном суверенитете была предоставлена свобода. Монарх, господствовавший над немцами, венграми, чехами и сербами и недавно присоединивший к числу своих подданных поляков и итальянцев, не мог допустить свободного выражения того мнения, что народы имеют право на самоопределение.

Ахенский конгресс. Пятерной союз. Меттерних был далеко не так энергичен в деле применения на практике своих принципов, как в их теоретическом обосновании. За теоретиком скрывался государственный деятель. Государственный человек пользовался теоретиком, но сам не только отказывался ему служить, но и подчинял его себе всякий раз, когда этого требовали эгоистические интересы. Это с особенной ясностью обнаружилось в 1818 году, когда предстояло открытие Ахенского конгресса и выработка его программы. По правде сказать, конгресс этот был не из тех, что должны были основываться на новых принципах. Началом своим этот конгресс восходил к Священному союзу, но не им он был вызван к жизни. Он являлся в некотором смысле продолжением дебатов, открывшихся в 1815 году в Париже, и был как бы эпилогом к трактату 20 ноября. В интересах европейской безопасности и в интересах упрочения Бурбонов Франция была оккупирована иностранными войсками. Могла ли эта оккупация закончиться без всяких затруднений в 1818 году, или же ее следовало продолжить до крайнего срока, предусмотренного трактатом, т. е. до истечения полных пяти лет? В этом — по крайней мере на взгляд Меттерниха — заключался единственный вопрос, подлежавший обсуждению союзных монархов.

Царь хотел гораздо более широкой программы. Ему принадлежала инициатива конгресса; ему хотелось, чтобы этот конгресс был чем-то вроде нового Венского конгресса и чтобы в нем приняли участие представители всех монархов — как крупных, так и мелких. В особенности ему хотелось пригласить туда представителей испанского короля, который в 1817 году обратился к Священному союзу с просьбой о помощи против возмутившихся подданных своих южно-американских колоний. Эта перспектива не могла улыбаться англичанам, которым освобождение испанских колоний открывало огромный рынок для сбыта промышленных продуктов, — рынок тем более важный, что континентальная блокада, заставившая Европу искать в своей собственной индустрии средства для удовлетворения своих потребностей, отчасти отняла у Англии континентальный рынок. Для того чтобы

создать противовес внушавшему ему опасения франко-русскому сближению, Меттерних нуждался в союзе с Англией; поэтому он готов был дать удовлетворение английским желаниям. С другой стороны, он опасался, чтобы Франция, как это случилось в 1815 году в Вене, не окружила себя свитой из представителей второстепенных государств, если им позволено будет фигурировать на конгрессе, и чтобы она, только что снова допущенная к участию в концерте европейских держав, не нарушила во второй раз существующего между ними согласия. Однако Меттерниху, не имевшему возможности говорить царю о своих опасениях касательно франко-русского сближения, удалось убедить его в вескости последних соображений. Но он все-таки добился постановления, гласившего, что рассмотрению подвергнутся на конгрессе только французские дела. Контрреволюция не была для него предметом вывоза.

В конце сентября в Ахене собрались: австрийский император в сопровождении Меттерниха, царь, сопровождаемый Нессельроде и Каподистрией, прусский король с Гарденбергом и Бернсторфом, лорд Кэстльри и Веллингтон, герцог Ришелье, Рейневаль и Мунье. Совещания открылись 29 сентября. 2 октября протоколом, превращенным 18-го в окончательный договор, постановлено было, что очищение Франции от оккупационной армии произойдет самое позднее 30 ноября. Ришелье доказывал, что французской армии, реорганизованной Гувион-Сен-Сиром, вполне достаточно для того, чтобы обеспечить Бурбонам безопасность; с другой стороны, бо́льшая часть французской контрибуции была союзникам выплачена. Аргументация Ришелье тем благосклоннее принималась монархами, что некоторые побаивались, как бы продолжительное пребывание их солдат в стране революции не оказало на них зловредного влияния.

Но этим был разрешен лишь самый простой из вопросов. Гораздо труднее было решить, какого образа действий должна Европа вообще держаться впредь по отношению к Франции. По мнению Меттерниха ни в интересах Европы, ни в своих собственных Франция не должна была быть предоставлена самой себе; ее следовало привлечь к концерту четырех держав. Герцог Ришелье ничего другого и не требовал. На его взгляд, оставалось лишь превратить четверной союз в пятерной; для Европы от этого не возникало никакой новой опасности, а положение Людовика XVIII должно было стать более достойным его сана. Царь был недалек от того, чтобы дать свое согласие на этот план. Но предубеждение против

Франции было в нем еще слишком сильно для того, чтобы это решение, хотя и указывавшее самый простой и самый почетный для всех выход, могло быть принято. Меттерниху, без сомнения, хотелось избежать такого положения вещей, при котором «сохранение четверного союза могло внушить мысль, что Франции, умиротворенной и управляемой законным своим королем в конституционных формах, угрожает какая-нибудь опасность». Тем не менее, он принципиально признавал, что «благоразумие властно требует сохранения союза», который облегчит быстрое принятие репрессивных мер в том случае, если во Франции «снова возникнет кризис». Мнение Меттерниха одержало верх над мнением царя. Шомонский трактат был 1 ноября возобновлен в третий раз; союз между державами оставался в полной силе, и они должны были принять общие меры для восстановления порядка во Франции в том случае, если «в этой стране произойдет какой-нибудь переворот, угрожающий спокойствию или безопасности ее соседей». Таким образом, право вмешательства было провозглашено с полной определенностью.

Это постановление было сообщено Ришелье, но не было предано гласности. После этого «его христианнейшее величество» (король Франции) было приглашено «присоединить свои советы и свои усилия» к советам и усилиям союзных монархов для «охранения существующих договоров и отношений, ими установленных и признанных всеми европейскими государствами». Торжественная декларация 15 ноября оповестила всю Европу об образовании нового союза. «Этот августейший союз» ставил себе «основной целью строжайшее соблюдение международного права». Он ставил себе задачей давать всегда «пример справедливости, согласия и умеренности», покровительствовать миру, содействовать внутреннему процветанию государств и «пробуждать религиозные и нравственные чувства, влияние которых, к сожалению, было столь ослаблено несчастными событиями последнего времени».

О чем декларация умалчивала, но что Меттерних хотел формально урегулировать, — это те практические меры, с помощью которых монархи думали обеспечить Европе столько благодеяний. Тайный протокол, составленный в тот же день, что и декларация, т. е. 15 ноября, вводил периодические съезды монархов «для совместного обсуждения их собственных интересов» и чрезвычайные съезды в случае серьезных и непредвиденных событий. Всякое государство, которое пожелало бы обратиться к суду пяти союзных держав, могло надеяться быть выслушанным и найти у них нужную

материальную поддержку. Монархи взаимно гарантировали друг другу обладание престолами и полноту власти и обещали такую же гарантию всякому государю, который обратится к их помощи для подавления революционных попыток со стороны своих подданных. Гентц, бывший секретарем этого конгресса, очень хорошо уточнил его значение. «Государи и их министры прекрасно поняли ту политику, которую диктовала им общая опасность, — писал он. — Они живо почувствовали необходимость взаимного доверия и заставили умолкнуть все другие соображения ввиду высшего долга, который заключался в защите власти от крушения и в спасении народов от их собственных заблуждений. Не беря на себя излишних обязательств, они пришли к тесному соглашению относительно той политики, которой следовало придерживаться в разгаре бури». С этого момента была организована контрреволюционная лига. Понятно, что Меттерних был доволен проделанной работой и имел полное основание заявить, что никогда не видел «более милого маленького конгресса».

Первое применение права на вмешательство. Карлсбад и Вена. Для того чтобы судить о практическом значении этих теорий и договоров, недоставало лишь каких-нибудь опытов их применения на деле. События, имевшие место в Германии, либеральная агитация, убийство Коцебу, совершонное Карлом Зандом, доставили Меттерниху удобный случай для производства такого опыта. Он косо смотрел на тех немногих немецких монархов, которые казались расположенными даровать своим подданным представительные собрания, обещанные 13-й статьей федерального договора. Почти непосредственно вслед за закрытием Ахенского конгресса Меттерних открыл настоящую кампанию, направленную к тому, чтобы побудить прусского короля, в согласии с австрийским императором, принять меры, способные обезвредить тех, кого он называл революционерами и тевтономанами. Король не вполне еще проникся этими доводами, когда произошло убийство Коцебу. Негодование, испытанное Меттернихом, не помешало ему быстро сообразить, что легко будет использовать это ужасное преступление против либералов. И действительно, «он приложил все свои усилия, — как он сам писал, — к тому, чтобы дать этому делу наилучший ход и извлечь из него наибольшую выгоду».

Уполномоченные союзных немецких государств, собравшиеся в Карлсбаде, а затем в Вене, послушно исполнили все то, чего хотел от них добиться австрийский канцлер. По

смыслу постановлений *Заключительного акта* охранение порядка и спокойствия внутри государств Германского союза было в принципе делом отдельных правительств. Но Союз обязан был и имел право вмешаться в том случае, если беспорядки, вспыхнувшие внутри одного из государств, угрожали спокойствию остальных. Даже не будучи приглашен пострадавшим правительством, Союз имел право вмешаться и самостоятельно принять все меры, которые были бы признаны им способными восстановить порядок. В числе этих мер предусматривалось также военное вмешательство, и государство, которому поручалась эта обязанность, должно было принять миссию, возложенную на него союзным сеймом. В силу этих решений установлена была общая цензура над немецкой прессой, при каждом университете введены были особые комиссары, а в Майнце учрежден был специальный комитет, которому поручено было следить за демагогическими происками. На все эти меры сейм согласился без сопротивления, и усилия немецких либералов были парализованы на долгие годы. Опыт оправдал все возлагавшиеся на Союз надежды. Кроме того, Меттерних дополнил свою теорию и усовершенствовал свою систему; приемы вмешательства и действие права на вмешательство получили точную формулировку: вмешательство могло быть вооруженным, и для его применения достаточно было, чтобы какое-нибудь правительство оказалось не в состоянии справиться с партиями, враждебными установленному порядку.

Конгресс в Троппау. Вскоре в Европе представился случай применить эту теорию на практике. В январе 1820 года возмутившаяся испанская армия принудила Фердинанда VII снова ввести в действие конституцию 1812 года. В марте царь предложил державам принять против революционеров энергичные меры. Но Англия уклонилась от этого предложения, а Меттерних последовал ее примеру. Первой были выгодны беспорядки, происходившие в Испании, равно как и восстание ее американских колоний. Меттерних же, с одной стороны, предчувствовал, что дело военного вмешательства в данном случае несомненно будет возложено на одну лишь Францию, и задавал себе вопрос: не будут ли французские солдаты при встрече с испанскими революционерами также охвачены либеральными настроениями? С другой стороны, он опасался, как бы Франция в случае успеха не приобрела слишком преобладающего влияния на Пиренейском полуострове. В данном случае политический деятель опять забывал доктрину и аргументацию теоретика.

Дело изменилось, когда неаполитанские солдаты, в свою очередь поднявшие возмущение, навязали королю Обеих Сицилий Фердинанду I ту же самую конституцию 1812 года. Неаполитанский бунт мог послужить исходной точкой широкого объединительного движения, а Австрия, которая благодаря своим ломбардо-венецианским владениям была заинтересована в итальянских делах, не могла равнодушно смотреть на события, угрожавшие ее владениям. Меттерних немедленно двинул австрийские войска в северную Италию; но итти дальше он не решался, не выяснив предварительно мнения остальных держав. Франция, между прочим, предложила созвать новый конгресс. «Нет ли в данном случае места для одного из съездов, предусматриваемых Ахенским соглашением, — писал Ришелье Меттерниху. — Можно ждать только лишь хороших результатов от такой меры, которая, подтверждая существование тесного единодушия между пятью державами, способна успокоить благонамеренные элементы и устрашить злонамеренных людей». У Ришелье, который не хотел позволить хозяйничать в Италии одной Австрии и таким образом еще усилить там свое влияние, была задняя мысль выступить в роли посредника между неаполитанским народом и его королем и в продолжение тех нескольких недель, что должны были пройти до открытия конгресса, склонить всех ко взаимным уступкам. Этот план, о существовании которого Меттерних догадывался и успеха которого он боялся, провалился вследствие упорства старого Фердинанда, подстрекаемого Австрией, и вследствие возбужденного состояния умов неаполитанцев.

20 октября 1820 года в Троппау прибыли оба императора, прусский наследный принц, Меттерних, Нессельроде, Каподистрия, Гарденберг, Чарльз Стюарт и посланники Франции при венском и петербургском дворах — герцоги Караман и де Ла Ферронэ. Все дипломатическое искусство Меттерниха направлено было к тому, чтобы принудить Европу признать те принципы, которым он недавно доставил победу в Германии. Это сопряжено было с известными трудностями. В длинной записке, прочитанной им при самом начале совещаний, он старался доказать, что всякое правительство имеет право контролировать политические перемены, происходящие в другом государстве, если только эти изменения по своему характеру являются угрозой для безопасности его соседей. Специально для данного случая он добавлял, что договор, заключенный 12 июня 1815 года между австрийским императором и неаполитанским королем, включал со стороны последнего

обязательство не допускать в своем государстве никаких органических перемен, стоящих в противоречии со старыми монархическими принципами или с теми правилами, которые приняты императором во внутреннем управлении своими итальянскими владениями. Поэтому остается лишь возвратить Фердинанду в полном объеме его неограниченную власть.

Представители Франции и Англии находились в чрезвычайно щекотливом положении. Обе эти страны, в которых господствовал конституционный режим, не могли выступить в качестве противников этого самого режима у других народов. Ла Ферронэ в своих *Предварительных замечаниях (Observations préliminaires)* позволил себе выразить открытое порицание выводам Меттерниха. Как впоследствии сделал это Манюэль, которому пришлось поплатиться за свои слова исключением из состава палаты, Ла Ферронэ осмелился даже напомнить о том вреде, который причинен был Людовику XVI иностранным вмешательством. Наконец, он подчеркивал тот факт, что звание конституционного монарха налагало на Людовика XVIII особую сдержанность. Что же касается английского представителя, тот прямо заявил, что, присутствуя на конгрессе в качестве простого зрителя, он не может подписать никакого протокола постановлений, так что пришлось ограничиться составлением простого журнала заседаний.

Если царь не хотел признать за Австрией на основании трактата 1815 года права на военное вмешательство, то зато он был твердо убежден, что государства, входящие в состав пятерного союза, имеют право и обязаны обсудить неаполитанский вопрос. Он требовал, чтобы этот принцип снова был провозглашен в торжественной декларации, после чего неаполитанскому королю будет сделано предложение дезавуировать все меры, проведенные революционерами, принять необходимые меры для восстановления спокойствия в его королевстве и «для установления такого порядка вещей, который будет соответствовать действительным желаниям населения». В случае если он уклонится от исполнения этого долга, Австрия приступит от имени Европы к оккупации Неаполитанского королевства. Одним словом, царь хотел, чтобы неаполитанский король отменил конституцию, навязанную ему его подданными, но чтобы после этого он сам даровал им либеральные учреждения.

Это не могло нравиться Меттерниху. Австрия ни в коем случае не могла допустить существования в Италии какого бы то ни было конституционного государства. Поэтому необходимо было разрушить последние остатки либеральных securities поползновений

новений у Александра. Меттерниху еще раньше удалось вырвать у царя заявление, что «с 1814 года царь ошибался относительно общественного настроения, что он наделал много зла и постарается его исправить». В длинных беседах канцлер нарисовал перед Александром картину грозно надвигающейся со всех сторон революции. Еще совсем недавно (24 августа) она разразилась в Португалии; чувствовалось, что она уже готова разразиться в Пьемонте; даже во Франции самые благонамеренные министры находились во власти капризов палаты. Следует заметить, что другим замыслом Меттерниха было поссорить царя с Францией. Лишь одни неограниченные монархи достаточно сильны для того, чтобы спасти находящееся в опасности общество, и никогда еще тесное сближение между ними не представлялось более настоятельным, никогда еще оно не могло дать более блестящих результатов.

Усилия Меттерниха увенчались полным успехом. Без ведома французских и английских представителей министры Австрии, России и Пруссии составили протокол, который 19 ноября был прочитан на конгрессе и который циркулярной депешей этих трех дворов, датированной 8 декабря, был доведен до сведения всей Европы. Входящие в состав европейского союза государства, во внутреннем строе которых произойдет какая-нибудь перемена, вызванная бунтом, перестают считаться членами этого Союза. Союзные державы откажутся признать перемены, произведенные незаконным путем. Для того чтобы привлечь обратно в лоно Союза те государства, в которых произойдут подобные перемены, державы предпримут сперва дружественные шаги, а затем пустят в ход принудительные меры, если применение силы окажется неизбежным. Эти постановления были применены по отношению к Неаполю: Фердинанд был приглашен явиться в Лайбах для совместного совещания с союзниками относительно интересов своего королевства. В случае если усилия трех дворов не увенчаются успехом, на Австрию возлагалась обязанность обеспечить восстановление порядка вооруженной рукой.

Декларация трех дворов вызвала энергичный протест английского правительства, которое отказывалось признать право на вмешательство. С своей стороны, французское правительство также заявило, что оно не может присоединиться к протоколу 19 ноября. Но эти протесты носили чисто платонический характер; в то же самое время Франция и Англия заявляли о своем горячем желании не разрывать Союза, и оба эти государства твердо решили не ставить никаких препят-

ствий действиям трех монархов. Ришелье тем не менее попытался еще раз сделать излишним вмешательство Австрии, живо убеждая неаполитанских либералов по собственному почину изменить конституцию в монархическом смысле. Но либералы ни о чем и слышать не хотели, и Фердинанд смог выехать из Неаполя только после того, как он торжественно поклялся перед палатой защищать конституцию против союзников.

Конгресс в Лайбахе. «Какую роль станет теперь играть неаполитанский король? — писал герцог Ришелье. — Заявит ли он, что все его уступки были вырваны у него насилием? Я не могу без отвращения думать о такой низости». Едва высадившись в Ливорно, Фердинанд написал австрийскому императору письмо, в котором он дезавуировал все акты, навязанные ему революцией. Если бы не вмешательство французского посланника Блака, то он даже подписал бы обращение к вооруженной помощи союзных монархов. В Лайбахе под диктовку Меттерниха Фердинанд написал письмо, в котором предлагал неаполитанскому парламенту отречься от революционных учреждений и подчиниться его абсолютной власти, как этого хотели державы. «Если отказ этот будет добровольным, то дело будет при его участии улажено, но даже и в этом случае дворы требуют гарантий, необходимых для безопасности соседних государств». Одной из этих гарантий была, во всяком случае, военная оккупация. Представители союзных держав в Неаполе должны были поддержать это королевское послание коллективным давлением на принца-регента; но французский и английский представители предпочли остаться в стороне. Неаполитанский парламент отклонил притязания монархов как «несовместимые с достоинством, честью и независимостью нации». Австрийские войска, выступившие в поход в начале марта, 24-го вступили в Неаполь почти без ружейного выстрела и затем остались для наблюдения за применением реформ, программу которых Меттерних, вопреки тщетным протестам Франции, сам составил в Лайбахе.

Конгресс был официально закрыт. Было решено, что монархи соберутся в следующем году во Флоренции, как вдруг одно за другим получились известия о восстании пьемонтцев в Александрии (10 марта) и о попытке князя Ипсиланти поднять восстание в дунайских провинциях. Монархи остались в Лайбахе, но официальных общих совещаний не было. Австрийская армия даже без поручения Европы вступила в пьемонтские владения, где 10 апреля был восстановлен прежний полити-

ческий строй. Что же касается событий на Востоке, то Меттерниху удалось представить их царю как «новое покушение революционеров, имеющее целью отвлечь внимание союзников на Восток для того, чтобы освободить себе поле действий и без всякой помехи чинить свои разрушительные происки в Италии, Германии и Франции». Ему удалось заставить монархов одновременно уведомить константинопольское правительство, что «верные публично объявленным принципам, они никогда и нигде не станут поддерживать противников общественного порядка». Но во всяком случае, так как до тех пор Турция стояла в стороне от общеевропейских дел, то Европа «предоставляла Порте самой озаботиться охранением своей собственной безопасности». По мнению Меттерниха, на все это дело следовало смотреть, как на «стоящее вне цивилизации». Оно должно было «плохо кончиться» для греков. Но «там, за восточными границами, триста или четыреста тысяч повешенных, зарезанных и посаженных на кол людей не шли в счет!»

Таким образом, Меттерних мог рассматривать Лайбахский конгресс как новое торжество своей политики, так как главный пункт его доктрины — право на вооруженное вмешательство — был санкционирован державами. Впрочем, далеко не всеми, и при несколько более внимательном рассмотрении оказывалось, что соглашение пяти держав стремится по всем правилам логики уступить место союзу трех неограниченных монархов. Англия категорически отказалась подписать Троппауский и Лайбахский протоколы; а Франция подписала их, сделав лишь при этом определенные оговорки относительно размеров права на вмешательство. Заключительная декларация конгресса была составлена только от имени Австрии, России и Пруссии.

В течение 1822 года внутренние перемены готовы были на самое короткое время сблизить Францию с политикой неограниченных монархий; но эти же самые события все более и более отдаляли от этой политики Англию. Во Франции ультрароялистская партия решительно взяла перевес над осторожной умеренной партией, которую в правительственных сферах представлял Ришелье. В Англии Кэстльри, хотя публично и протестовавший против политики Меттерниха, но тайком всегда ее поддерживавший, сошел со сцены, а преемник его Каннинг должен был согласовать свои действия со своими заявлениями. Это скоро обнаружилось на Веронском конгрессе.

Веронский конгресс. Конгресс, предусмотренный монархами во время их встречи в Лайбахе, открылся 20 октября

1822 года. Он должен был снова заняться рассмотрением итальянских дел. Но с самого же начала итальянские дела отодвинулись на задний план. Ими занимались лишь постольку, поскольку решено было по просьбе самого Фердинанда продлить оккупацию королевства Неаполитанского австрийскими войсками. Все внимание императоров, прусского короля и представителей Франции и Англии было поглощено происшедшей в Испании революцией. Больше всех горячился царь; он заявил, что восстановление законного правительства в Мадриде необходимо в интересах всей Европы, что пока он не уладит этого дела, он не уедет из Вероны, хотя бы ему пришлось здесь состариться и поседеть. Эта горячность приводила в замешательство французское министерство. Виллель, в самом деле, с одной стороны предвидел, что Англия не преминет уклониться от испанских дел, а с другой стороны опасался экспедиции в Испанию как с точки зрения финансов, так и с точки зрения духа французской армии. К несчастью, его коллега Матьё де Монморанси, министр иностранных дел и представитель Франции на конгрессе, разделял чувства царя, а другой французский уполномоченный, Шатобриан, посол в Лондоне, склонялся к войне, способной, по его мнению, доставить Бурбонам некоторый военный престиж, которого им нехватало. В первом же заседании Монморанси, вместо того чтобы держаться, как предписал ему Виллель, «выжидательной политики», заявил, что господствующая в Испании анархия представляет опасность для Франции и что война весьма вероятна. На какую моральную и материальную поддержку со стороны держав, спрашивал он, может рассчитывать в таком случае правительство Людовика XVIII? Впрочем, Франция намерена действовать самостоятельно и тогда, когда найдет это нужным.

Это последнее притязание не могло понравиться ни царю, ни Меттерниху. Они полагали, что в отношении Испании следует держаться той же политики, что и в отношении Неаполя, и что монархический порядок будет там восстановлен от имени Священного союза, причем французская армия явится лишь исполнительницей постановления европейской директории. Поэтому, вместо того чтобы предоставить Людовику XVIII выбор времени и подходящих условий, монархи сами выработали в Вероне как бы процедуру разрыва и объявления войны. Было принято следующее решение: правительства России, Австрии, Франции и Пруссии одновременно пошлют своим посланникам в Мадриде ноты, требующие от испанского правительства немедленного возвращения Фердинанду всей

полноты его суверенных прав. В случае отрицательного ответа посланники должны оставить Мадрид, после чего Испании будет объявлена война.

Представитель Англии Веллингтон с первого же дня отказался дать свое одобрение проектировавшемуся вмешательству. Когда речь зашла об отправке ноты в Мадрид, он еще решительнее заявил, что английское правительство находит вмешательство лишенным всякого основания и чреватым опасностями, что оно отказывается послать ноту и что его представитель в Мадриде останется на своем посту с миссией «приложить все свои старания к успокоению того брожения, которое несомненно будет вызвано вручением нот со стороны остальных держав». Во Франции Виллель находил, что Монморанси своими заявлениями слишком сильно связал правительство французского короля; он предписал даже настойчиво просить монархов, чтобы они согласились временно отсрочить отправку нот. Вместо всякого ответа монархи заявили, что Франция вольна выбирать подходящий с ее точки зрения момент, но что они со своей стороны намерены приступить к немедленным действиям. Шатобриан имел слабость уступить, довольствуясь следующей смешной оговоркой: «французское правительство оставляет за собой право отозвать своего посла несколько позже союзников». 13 декабря отправлены были ноты трех неограниченных монархов, а 14-го конгресс был распущен.

Европа и на сей раз была оповещена о принятых европейской директорией решениях посредством циркулярного послания, в котором снова изложены были ее руководящие принципы. Монархи не заботились ни о чем, кроме мира и счастья народов; для обеспечения этих благ они боролись и будут впредь бороться, не покладая оружия, против силы мрака и лжи. Испания — «этот печальный пример тех последствий, к которым неизбежно приводит всякое покушение против вечных законов нравственного порядка», должна быть возвращена к сознанию долга.

Что касается Греции, представителей которой конгресс отказался принять, то хотя и желательно улучшить участь греков-христиан, но их восстание против законной власти султана заслуживает решительного осуждения. Соглашение между монархами является тем более необходимым, так как «проявление зла в столь различных пунктах и тот факт, что всюду оно принимает одинаковые формы, слишком ясно доказывает общее его происхождение». «Поэтому монархи льстят себя уверенностью, что в тех, кто призван осуществлять

верховную власть, они повсюду встретят истинных союзников, уважающих одинаково дух и букву тех актов, которые составляют основу европейской системы и находят свое выражение в положительных постановлениях».

Петербургская конференция. Распад Священного союза. Циркуляр 14 декабря 1822 года был последним манифестом Священного союза, подобно тому как испанская экспедиция была последним актом вмешательства во внутренние дела какой-либо страны от имени Европы. Надо еще заметить, что правительство Людовика XVIII далеко не так торопилось привести в исполнение вынесенный в Вероне приговор, как того желал царь. Французский посланник оставил Мадрид только 18 января 1823 года, т. е. почти на месяц позже своих коллег — представителей Австрии, России и Пруссии, а экспедиция началась только в мае. В английском парламенте Брум воскликнул, что «история не знает министров более коварных, более лживых и более чуждых всем понятиям добросовестности и чести, чем министры французского короля», а премьер-министр Каннинг заявил, что если Англия не противодействует силой «противозаконному нападению» Франции, то лишь потому, что она чувствует себя совершенно изолированной. Командующий экспедицией герцог Ангулемский возвратился из похода, страдая душой за свое отечество, которое послужило орудием в руках жесточайшей реакции.

События, происходившие в Греции, должны были повести к окончательному распаду Священного союза, так как они содействовали отдалению России от Пруссии и Австрии и сближению ее с Францией и Англией. Между тем царь намерен был поручить европейской конференции уладить балканский вопрос, подобно тому как это имело место по отношению к итальянскому и испанскому вопросам, и с октября 1823 года он занялся организацией нового конгресса, который должен был состояться в С.-Петербурге. Проволочки со стороны Меттерниха, надеявшегося, что египтянам удастся раздавить греков в несколько месяцев, и со стороны Англии, желавшей сохранить полную свободу действий, повели к тому, что совещания могли открыться лишь в феврале 1825 года. Заседания не отличались особой торжественностью, и, за исключением царя, на конференции не присутствовал ни один монарх. Заключительный протокол 7 апреля просто гласил, что к Порте будет обращена просьба добровольно дать своим подданным надлежащее удовлетворение, а в случае ее отказа это сделать, державы предложат свое посредничество. Но не было и речи ни о коллективном выступлении, ни о при-

нудительных мерах для того, чтобы побудить греков и турок подчиниться решениям Европы. Англия, с целью обрести себе сторонников среди греков, вошла в сношения с их временным правительством, что было равносильно его фактическому признанию, и задержала Ибрагим-пашу у порта Навплии. Между тем царь, собиравшийся повести непосредственные переговоры с Каннингом об устройстве греческих дел, 1 декабря (19 ноября ст. стиля) 1825 года скончался в Таганроге.

Преемник его, Николай I, по своим абсолютистским инстинктам должен был, казалось бы, больше склоняться к солидарным действиям с Меттернихом. Но Николай считал, что будучи одним из членов монархического «франкмасонского ордена», он прежде всего русский государь и что частные интересы России должны стоять для него выше общих интересов всех монархов. Он был бессознательным носителем национальной политики, — той самой, которая отдалила Англию от Священного союза и которая оттолкнула от него и Россию. До тех пор пока монархи полагали, что борьба с либеральными идеями и либеральным движением представляет для них главный интерес, соглашение оставалось в полной силе. Священный союз давал осязательные результаты лишь в качестве общества взаимного страхования от революции. Но в конце концов монархи были вынуждены прислушиваться к интересам своих народов и своих стран.

Экономические интересы англичан заставили их первыми покинуть концерт европейских держав (Священный союз); интерес, который представляло для России ослабление Турецкой империи, оторвал от него в свою очередь и ее, и с этого момента от александровского Священного союза и от меттерниховской моральной пентархии [1] осталось одно лишь воспоминание.

---

[1] «Власть пятерых» (Англия, Россия, Пруссия, Австрия, Франция). — *Прим. ред.*

ГЛАВА III

ФРАНЦИЯ

ВТОРАЯ РЕСТАВРАЦИЯ

1815—1828

I. Политические партии

Министерство Талейрана — Фуше. 6 июля 1815 года в Сен-Дени Людовик XVIII, по совету Веллингтона и Талейрана, сформировал свое новое министерство в следующем составе: Талейран получил портфель министра иностранных дел, Фуше — полиции, Гувион-Сен-Сир назначен был военным министром, барон Луи — министром финансов, Жокур — морским, Паскье — министром юстиции и временно исполняющим должность министра внутренних дел, Деказ получил назначение в префектуру полиции. 8 июля в *Монитере* был опубликован декрет о роспуске палаты, и в тот же день Людовик XVIII, «восстановленный, но униженный», по выражению Жозефа де Местра, въехал в Париж «во главе англичан и пруссаков, имея по одну руку преступление, а по другую — порок»; этими словами Шатобриан характеризовал Фуше и Талейрана.

Министерство Талейрана — Фуше 16 июля решило, невзирая на возражение Гувион-Сен-Сира, распустить Луарскую армию; 24 июля оно составило, при деятельном участии Фуше, проскрипционные списки, в которых последний, по словам Талейрана, «не забыл ни одного из своих друзей», а 22 августа произвело выборы. Ни для какой другой работы это министерство не годилось, да и не могло годиться, и должно было скоро сойти со сцены, осуждаемое одновременно и иностранцами и королевскими приближенными. Роялисты были возмущены тем обстоятельством, что в совете министров заседает «цареубийца» Фуше. Александр не мог простить Талейрану

ни оппозиции, которую последний оказывал всем его проектам на Венском конгрессе, ни договора с Австрией и Англией, заключенного им 3 января 1815 года. Фуше был принесен в жертву первым и 19 сентября назначен посланником при дрезденском дворе. 24 сентября Талейран подал королю прошение об отставке, надеясь, что она не будет принята. «Если кабинет подает в отставку, то я найду других министров», — ответил король.

Людовик XVIII. «Нас провели», — говорил своим интимным друзьям Талейран, пораженный этим ответом, совершенно противоречившим всем его ожиданиям и всем его представлениям о характере короля. Было ли это естественной склонностью или результатом долгой и бездеятельной жизни в качестве претендента, но Людовик XVIII боялся всяких деловых забот и избегал всякого труда. Физической неподвижности, на которую его обрекала подагра и изуродованные ноги, соответствовала некоторая оцепенелость духовной деятельности. Насквозь проникнутый сознанием законности своих прав, убежденный в божественном их происхождении, он намерен был неуклонно пользоваться ими и спокойно наслаждаться властью; трон был для него просто самым мягким из всех кресел. Политический режим, подобный английскому, Людовику XVIII нравился в том отношении, что позволял царствовать, не управляя и возлагая на министров всю тяжесть деловых забот, — такой режим благоприятствовал его лени и дилетантским наклонностям. Какая-нибудь ода Горация или удачно переданная сплетня занимали его гораздо больше, чем заседание совета министров или выработка законопроекта.

С другой стороны, ясный и скептический ум короля, мало способный поддаваться иллюзиям, определенно подсказывал ему, что Францией невозможно управлять иначе, как на основе либерального режима, и он прекрасно понимал, что при малейшей попытке произвести какие-нибудь существенные перемены в учреждениях, созданных революцией, он ставит на карту свою корону с величайшим риском окончательно ее потерять. А в шестьдесят лет ему вовсе не хотелось снова начать цыганскую жизнь, бродя с одного места на другое — из Вероны в Митаву, оттуда в Гартвель, Гент и т. д. Двадцать с лишним лет изгнания внушили Людовику XVIII отвращение к такому бродяжническому существованию, и, по словам Тьебо, «он твердо решился умереть на престоле, и у него хватило ума и благоразумия, чтобы осуществить свое желание на деле». Такой монарх, если бы

он был один и мог свободно следовать влечениям своей природы, вполне был бы способен дать Франции возможность постепенно пройти школу парламентского режима. К несчастью, он был не один, а стремление к спокойствию неоднократно заставляло его делать уступки резким выходкам окружавших его фанатиков и давлению еще более фанатической палаты, далеко не являвшейся точным отражением общественного мнения страны.

Приближенные короля. Среди приближенных Людовика XVIII мы должны прежде всего указать на родного брата короля, графа д'Артуа, который любил хвастать тем, что он и Лафайет — единственные люди во Франции, не изменившие своих убеждений с 1789 года. Это был узкий ум, с ограниченным кругозором, упорный в своих немногих идеях, сторонник крайней реакции, которую граф д'Артуа считал и законной и возможной; он имел свой собственный отдельный двор в Марсанском павильоне, свой тайный кабинет, свое закулисное министерство и пытался играть роль «контрправительства», опираясь на фанатических эмигрантов, надеждой и королем которых он был. Рядом с ним стоял сын его, герцог Ангулемский, не лишенный здравого смысла и сердца, но отличавшийся какой-то странной робостью и обезличенный своим отцом и своей женой, влиянию которых он подчинялся и увлечения которых разделял. Герцогиня, дочь Людовика XVI, испытывала вполне понятную ненависть ко всему тому, что связано было с революцией; ее чисто мужская энергия заставляла ее не только одобрять все резкие меры, но даже требовать еще более суровых: никто не добивался так беспощадно, как она, осуждения маршала Нея. Что же касается герцога Беррийского, то слишком занятый игрой в генералы, он совершенно не вмешивался в политику, а если ему иногда и приходилось высказывать какое-нибудь мнение, то это делалось с такой резкостью и грубостью, что мнение это весьма неохотно выслушивалось и не производило особого впечатления на уравновешенный и спокойный ум Людовика XVIII.

Партии: ультрароялисты. Вокруг этого роялистского главного штаба шумела немногочисленная, но весьма крикливая армия чистых роялистов, так называемых «ультра», которые вследствие растерянности слишком ограниченного избирательного корпуса дважды получили большинство в палате. Внезапное их падение в период Ста дней, тревога, пережитая в изгнании, сожаления о едва лишь возвращенной и так легко снова утерянной власти — все это довело их страсти

и ненависть до бешенства. Для ультрароялистов вся Франция была сплошь населена изменниками, соумышленниками «ужасного заговора», и Ла Бурдоннэ точно выражал мысли своей партии, когда требовал «оков, палачей, казней». Процессы и юридические убийства Лабедуайера, Нея, братьев Фоше, Мутон-Дюверне и многих других не в состоянии были утолить их жгучую жажду мести и кары, и эта бешеная страсть к репрессии и привела в конце концов к учреждению превотальных судов. Затем предстояло переделать дух нации, «раздавить», как этого требовал уже Ламеннэ во время Империи, эту «разрушительную философию, которая произвела такие опустошения во Франции и которая опустошит весь мир, если не будет, наконец, поставлена преграда ее дальнейшему распространению».

Для достижения этой цели необходимо вернуть духовенству преобладающее положение в государстве, и если невозможно предоставить ему школьную монополию, то хотя бы подчинить его надзору все дело народного образования; по отношению к прессе рекомендовалось пользоваться всеми деспотическими приемами императорского режима, обуздать ее с помощью цензуры и установления системы предварительных разрешений для всех периодических изданий. Если ультрароялисты не доходили до требования возвращения национальных имуществ, владение которыми против всякой справедливости было гарантировано королевской декларацией, то они считали, что все ограбленные собственники уж по меньшей мере получат вознаграждение за понесенные потери в награду за страдания, которые они претерпели во имя «правого дела». Если бы король вздумал оказать сопротивление этим проектам, то следовало именно в интересах самой монархии не считаться с этим сопротивлением и кричать «И все-таки да здравствует король!» (Vive le roi quand même!). Вожаками этой партии были Ла Бурдоннэ, Шатобриан, Корбьер, Витроль и Виллель; теоретиком ее — Бональд. Газеты ультрароялистов назывались: *Белое знамя (Drapeau Blanc)*, *Ежедневная газета (Quotidienne)*, *Монитер (Moniteur)*, *Парижская газета (Journal de Paris)*, *Французская газета (Gazette de France)*, *Консерватор (Conservateur)*, *Религиозный Вестник (Mémorial religieux)*. *Журналь де Деба (Journal des Débats)* вплоть до разрыва между Шатобрианом и Виллелем по большей части шел рука об руку с ультрароялистской прессой.

К партии крайних роялистов примыкало тайное общество с религиозной окраской, получившее известность под именем

Конгрегации (La Congrégation), политическая роль которого была официально признана с парламентской трибуны в 1826 году аббатом Фрейсину, министром по делам церкви. Своими начальными корнями Конгрегация восходила к эпохе Революции. В то время, когда публичное отправление богослужения было запрещено, несколько верных католиков собирались для выполнения своих религиозных обязанностей в бывшей семинарии заграничных миссий. Позднее эта группа продолжала существовать вопреки конкордату. С 1808 года и со времени ареста Пия VII она приняла характер тайного общества для защиты религии и одновременно превратилась в роялистскую ассоциацию, направленную против Наполеона и подготовлявшую Реставрацию. В 1814 году, по совету графа Феррана, вожаки этого общества сообщили о его организации королю и приняли в свой состав канцлера Дамбрэ. Вскоре в числе его членов начали фигурировать граф д'Артуа и наиболее непримиримые роялисты. Усилиями этого общества удалось избрать в 1815 году депутатов «бесподобной палаты» *(Chambre Introuvable)*,[1] оно же доставило людей 1822 года, а также депутатов возродившейся «бесподобной палаты», получившей название «вновь обретенной палаты» *(Chambre Retrouvée)*.

Духовенство, соединяя служение алтарю со служением престолу, употребляло все свое влияние в пользу реакции, и религиозная пропаганда сделалась одной из форм ультрароялистской пропаганды. Созданное аббатом Ронзо при Империи учреждение, сперва разрешенное Наполеоном, а затем в 1809 году запрещенное, а именно институт «Французских миссий», было при участии аббата Форбен-Жансона, реорганизовано в 1814 году, и по всей стране началась деятельная кампания проповедей, вызвавшая впоследствии в целом ряде пунктов, например в Бресте и в Клермоне, довольно серьезные беспорядки. Во время министерства Виллеля дело «Французских миссий» было дополнено деятельностью «Миссионеров веры». Менее шумной, но, быть может, более действительной была непрестанная, повседневная деятельность приходских священников, проповедывавших войну против современных идей и даже отказывавших в отпущении грехов покупщикам национальных имуществ.

Что же касается армии избирателей крайних роялистов, то она рекрутировалась главным образом среди сельских дворян, крупных помещиков и их арендаторов.

---

[1] Точнее: «палата, подобную которой невозможно найти». — *Прим. ред.* См. *Ferrand*, comte. Mémoires, стр. 149.

Роялисты-доктринеры. Против крайних стояли умеренные роялисты, желавшие лойяльного применения хартии, в котором они, по выражению Деказа, думали найти средство «национализировать королевство и роялизировать Францию». Они намеревались примирить старую и новую Францию, надеясь привести представителей бывших привилегированных сословий к искреннему признанию нового общественного и политического порядка, созданного революцией, а буржуазию — приучить смотреть на реставрацию, как на явление вполне законное. В рядах этой партии можно было встретить и давнишних роялистов и даже бывших эмигрантов, как герцог Ришелье и де Серр, и членов прежних революционных или императорских законодательных собраний, как, например, Ройе-Коллар, вначале теоретик, а затем вскоре и глава партии, а также Камилла Жорданна, Ленэ, Мэн де Бирана и бывших чиновников Империи, как Паскье, Беньо, де Баранта, Кювье, Мунье, Гизо и, наконец, Деказа, который сделался фаворитом Людовика XVIII и должен был составить министерство в духе своей партии.

Этих людей называли *либералами*, но они были до чрезвычайности умеренные либералы, которых справедливее было бы назвать *авторитарными либералами*, либералами, поддерживающими принцип твердой власти. Для них право короля стояло бесспорно выше прав нации, и они ни на минуту не допускали и мысли, чтобы воля нации, представленная ее депутатами, могла противиться воле короля. «В тот день, когда правительство очутится во власти парламентского большинства, — говорил Ройе-Коллар при обсуждении избирательного закона 1816 года, — в тот день, когда будет фактически установлено, что палата может отвергать министров короля и навязывать ему других, которые будут ее собственными, а не королевскими министрами, — в этот день наступит конец не только нашей Хартии, но и нашей монархии». Наиболее подходящим к ним названием — *доктринеры* — эти деятели обязаны были известной напускной строгости своих рассуждений и догматическому тону своих виднейших ораторов и писателей. Их газетами были: *Независимый (L'Indépendant)*, превратившийся в 1817 году в *Конституционалиста (Constitutionnel)*, *Французский вестник (Le Courrier Français)*, *Цензор (Le Censeur)*, нечто вроде газеты-журнала, и *Журналъ де Деба (Le Journal des Débats)* после 1824 года. *Конституционалист*, важнейшая из газет того времени, имела несколько более 20 000 тиража. Партия состояла преимущественно из богатых буржуа, из фабрикантов или крупных

коммерсантов, к которым, вместе с множеством бывших сановников Империи, примыкали представители либеральных профессий, в частности адвокаты и судейские. До 1830 года доктринеры вместе с крайними роялистами и составляли большинство избирательного корпуса, состав которого цензовой системой был сокращен с 110 000 до 88 000 избирателей.

Независимые. Рядом с роялистами-конституционалистами стояли независимые. Хотя они были представлены в палате 1815 года очень слабо, но имели за собой большинство в стране, и число их непрерывно нарастало до 1820 года. Они не придерживались того взгляда, что все те вольности, на которые имела право Франция, вписаны в Хартию. Независимые открыто заявляли, что не преследуют никакой другой цели, кроме развития конституционных учреждений; но в глубине души многие из них были врагами легитимной монархии. Если одни из них, представители старой родовитой знати, как герцог де Бройль (Broglie) и маркиз де Шовлэн, или же буржуа, как Казимир Перье, стояли на границе доктринерской партии, то другие, как Лаффит, Манюэль, генерал Фуа, Лафайет, считая Бурбонов «неисправимыми», желали перемены династии и уже подумывали о герцоге Орлеанском. Независимые были непримиримыми противниками всех исключительных законов, неутомимыми защитниками свободы печати и на деятельность обществ религиозной пропаганды ответили образованием *Общества друзей прессы*, в котором председательствовал герцог де Бройль и которое было распущено в 1819 году.

Органами независимых были: *Минерва*, которую редактировал Манюэль, журнал *Историческая библиотека*, позже *Глобус (Le Globe)*, а в последний год существования легитимистской монархии — *Насьональ (Le National)* и *Время (Le Temps)*. Их поэтом был республиканец Беранже, их памфлетистом — Поль-Луи Курье. Вмешательство духовенства в политику сделало независимых врагами «поповской партии», и во всех городах, где появлялись миссионеры, они требовали, чтобы театры сейчас же ставили *Тартюфа*. Республиканцы, или, как тогда говорили, — якобинцы, бонапартисты, офицеры на половинном жалованье, бывшие солдаты, патриоты, возмущенные иностранным нашествием, рабочие крупных городов, крестьяне, с беспокойством взиравшие на возвращение дворян и на их вызывающее поведение, студенты, множество буржуазной молодежи, увлеченной императорской эпопеей, — все эти элементы сталкивались в этой партии,

которую вполне справедливо можно было бы назвать *партией трехцветного знамени.*

Подобно крайним роялистам, имевшим свою *Конгрегацию*, независимые имели свое тайное общество *Карбонариев (La Charbonnerie* — братство угольщиков), скопированное с итальянских карбонариев. Общество карбонариев было организовано около 1821 года Базаром и Бюше; целью их было низвержение Бурбонов. «Принимая во внимание, — гласил устав, — что сила не есть право и что Бурбоны были возвращены во Францию иностранцами, карбонарии объединяются, для того чтобы вернуть французской нации свободное пользование правом, заключающимся в самостоятельном выборе подходящего для нее правительства». Общество разделялось на секции, насчитывавшие по 20 членов и называвшиеся *вентами (ложи)*; оно управлялось центральным комитетом, носившим название *верховной венты (haute vente)*. Каждый участник общества вносил ежемесячно по одному франку и должен был иметь кинжал, ружье и пятьдесят патронов; он давал обещание слепо исполнять приказания неизвестных ему вожаков. Общество карбонариев насчитывало множество приверженцев в учебных заведениях и в армии; оно, по всей вероятности, состояло в сношениях с Лафайетом и Манюэлем и, наверное, было вдохновителем многочисленных, но совсем бесплодных военных заговоров в 1821 и 1822 годах.

Таковы были партии, на которые делилась Франция с 1815 по 1830 год и которые боролись за овладение государственной властью. Так как пресса представляла собой могучее орудие воздействия на общественное мнение, а палата являлась легальным средством для направления правительственной политики, и так как хартия не урегулировала положения прессы и не установила избирательной системы, то самые серьезные и ожесточенные бои должны были произойти и действительно произошли именно по этим двум вопросам.

II. Умеренные министерства

Министерство Ришелье. 24 сентября Людовик XVIII, приняв отставку Талейрана, поручил герцогу Ришелье составить новое министерство. Товарищами Ришелье по кабинету были: Воблан в министерстве внутренних дел, Деказ в полиции, Барбе-Марбуа в юстиции, Корветто в министерстве финансов, герцог де Фельтр в военном и Дюбушаж в морском министерствах.

Этот выбор был продиктован королю стремлением добиться от союзников не слишком тягостных условий мира и спасти Францию от потери провинций. Ришелье, бывший генерал-губернатор в Одессе, пользовавшийся большим уважением царя, скорее всякого другого мог добиться от Александра I согласия быть посредником между союзниками и Францией в пользу последней. И только ввиду этого патриотического соображения и уступая настроениям самого царя, Ришелье решился взять на себя функции, от которых он отказывался два месяца тому назад. Он считал «низостью оставить несчастного короля на произвол судьбы в том ужасном положении, в котором он тогда находился», и он принес себя в жертву. Это самопожертвование было не бесполезным, и если в первое время после подписания второго Парижского трактата (1815) он считал себя «достойным эшафота», то впоследствии, когда его патриотическая скорбь несколько утихла, он мог себе сказать, что на его месте никто не достиг бы лучших результатов и никто не добился бы более благоприятных условий.

Ришелье не был честолюбив, он был честным и совершенно бескорыстным человеком. Как сказал о нем Вильмэн во Французской Академии, «он отличался естественным величием духа и умеренностью, был чужд заурядных страстей и признавал только справедливость и долг». Несмотря на то что Ришелье пострадал от революции больше, чем кто бы то ни было, что он был разорен и изгнан из своего отечества, он не мог, однако, понять мстительной злобы бывших эмигрантов и в разговорах с Виллелем называл по этому поводу сумасшедшими его самого и его друзей. Не испытывая особой любви к конституционному режиму, он имел самое искреннее желание лойяльно применять хартию, так как речь шла в данном случае о верности королевскому и его собственному слову, и он предвидел, что «бесподобная палата», явившаяся результатом августовских выборов, создаст ему в этом отношении большие затруднения.

Бесподобная палата (Chambre introuvable). Согласно избирательной системе, действовавшей при Империи, палата была избрана окружными и департаментскими избирательными коллегиями, составленными из пожизненных избирателей. К этим коллегиям префекты присоединяли добавочных избирателей по десяти на каждый округ и по двадцати на департамент. Окружные коллегии составляли список кандидатов, из числа которых департаментские коллегии выбирали депутатов. Из 402 выбранных таким образом членов палаты около 350 были крайними роялистами, поспешившими немедленно

по избрании высказать одушевлявшие их чувства в ответном адресе на тронную речь короля. Палата, констатируя «почти безграничное милосердие короля», требовала, чтобы «вслед за милосердием начало действовать правосудие». Она обещала ревностно содействовать «выработке законов, необходимых для осуществления этого положения». Далее она выражала другое пожелание, — чтобы религия стала сильнее, чем закон, и чтобы управление страной было доверено только людям «с чистыми руками». Таким образом, воля палаты сводилась к изданию репрессивных законов, к принятию законов в пользу духовенства и к чистке чиновничьего аппарата.

Исключительные законы. Министерство поспешило представить два законопроекта: один о призывах к возмущению (о «мятежных возгласах»), а другой о временной отмене свободы личности. Последний законопроект рассматривался первым. Только два человека имели мужество высказаться против него: в палате депутатов Войе д'Аржансон, а в палате пэров Ланжюинэ, который характеризовал этот проект как возвращение к закону о подозрительных. Ройе-Коллар, де Серр и Паскье ограничились советом применять этот закон на практике с некоторой осторожностью. Закон давал правительству право арестовать и держать под стражей до конца следующей сессии, не отдавая под суд, всякое лицо, обвиняемое в злоумышлении против особы и власти короля, против членов королевской семьи или против государственной безопасности. В общем, это было восстановлением lettres de cachet. [1] Впрочем, Деказ, пересылая новый закон своим подчиненным, сопроводил его циркуляром, в котором право издавать приказы об аресте ограничивалось судебными следователями, префектами департаментов и префектом полиции и рекомендовалось этим чиновникам пользоваться своим правом с соблюдением меры. Этот циркуляр очень не понравился крайним роялистам.

Законопроект о призывах к возмущению показался слишком умеренным. Паскье было поручено переработать его в смысле усиления наказаний, и министерство приняло новый текст. Во время дебатов некоторые депутаты требовали смертной казни для всякого, кто поднимет трехцветное знамя, но палата не пошла так далеко. Тем не менее закон этот отличался чрезмерной суровостью, и приобретал еще более

[1] Бывшие в ходу при старом режиме (до 1789 года) приказы об аресте, исходившие от короля. Арестованного можно было держать в заключении без суда и даже без предъявления обвинения в течение произвольно большого срока. — *Прим. ред.*

грозный характер тем, что при известных обстоятельствах применение его предоставлялось самым страшным чрезвычайным трибуналам — превотальным судам.

Закон, вводивший превотальные суды, был представлен на рассмотрение палаты военным министром, герцогом де Фельтром, и поддержан Ройе-Колларом и Кювье. Им, впрочем, не пришлось расточать особого красноречия, чтобы добиться принятия его палатой; он слишком соответствовал яростным чувствам депутатов, чтобы не быть вотированным с энтузиазмом. Один Войе д'Аржансон имел мужество бороться с этим законопроектом, и только 13 депутатов присоединились своим голосованием к его протесту.

На основании этого закона в каждом департаменте учреждался суд, состоявший из одного военного «прево», имевшего, по меньшей мере, чин полковника и исполнявшего обязанности прокурора, одного председателя и четырех судей, взятых из суда первой инстанции. Компетентный во всех политических преступлениях, этот трибунал решал дела без участия присяжных и без права апелляции; приговор приводился в исполнение в 24 часа; право помилования было фактически отменено, так как король мог пользоваться им лишь в том случае, если сам суд прибегал к его милосердию. Закон этот приобретал еще более возмутительный характер, ввиду того что он был объявлен имеющим обратную силу, т. е. суды получили право (и пользовались этим правом) разбирать дела, имевшие место до его опубликования. В июле 1816 года закон этот стоил жизни четырем крестьянам в департаменте Сарты, а в Монпелье — пяти национальным гвардейцам, виновным в том, что на другой день после Ватерлоо они разогнали или обезоружили некоторые группы роялистов, водрузивших белое знамя. Превотальные суды действовали вплоть до 1817 года и приговаривали направо и налево к смертной казни, к ссылке, к изгнанию и тюремному заключению. В некоторых местах они приводили население в такой страх, что от них бежали, куда глаза глядят; так, например, в 1816 году в Лионе вследствие деятельности генерала Канюэля в течение трех месяцев число рабочих станков упало из-за бегства рабочих с 28 000 до 7000.

В настоящее время наиболее поразительным кажется то обстоятельство, что эти исключительные меры так же охотно вотировались доктринерами, как и крайними. В душе Ройе-Коллара, Беньо, Баранта и Паскье угрызения совести заговорили лишь тогда, когда ультрароялисты представили законопроект об очистке магистратуры, уничтожавший не-

сменяемость судей. Министерство в свою очередь испугалось чрезмерного рвения крайних и устроило так, что палата пэров отвергла закон, принятый депутатами. Это, впрочем, не помешало министерству отделаться путем увольнения в отставку от судейских чиновников, подозреваемых в излишней мягкости. В то же время оно отозвало целый ряд префектов и супрефектов и произвело чистку в армии, в университетах, в Институте, где была закрыта секция моральных и политических наук и откуда исключены были все «цареубийцы». Но вся эта ликвидация прошлого, все эти исправительные меры казались ультрароялистам еще недостаточными. Отсюда их предложение вернуть церкви руководство народным образованием и ведение актов гражданского состояния и восстановить церковные имущества, отсюда лишение пенсий бывших священников, вступивших в брак, и отмена развода, «позорящего свод законов».

Амнистия. Общественное мнение начинало волноваться. Ришелье отдавал себе в этом отчет и чувствовал, что «доводить людей до отчаяния» опасно. До сих пор он еще не осмеливался открыто порвать с «экзальтированными» (ультрароялистами), но принужден был это сделать при обсуждении вопроса об амнистии.

Воззвание, изданное 28 июня 1815 года в Камбрэ и обещавшее прощение «заблудшим» французам, исключало из этой амнистии «зачинщиков и подстрекателей ужасного заговора», которых впоследствии должны были указать обе палаты. Проскрипционные листы, составленные 24 июля без участия парламента одним только Фуше, предавали 19 человек военному суду, а 38 других отдавали под надзор полиции до тех пор, пока палаты не решат их участи. На другой день после казни маршала Нея, 8 декабря, Ришелье предложил, чтобы преследование, начатое против лиц, внесенных в первый лист, продолжалось, а лица, внесенные во второй — подверглись изгнанию. Всем же лицам, которые хотя и принимали участие в бунте, но не попали в списки, даровалась полная и неограниченная амнистия. Между тем палата, по инициативе Ла Бурдоннэ, уже около месяца занималась вопросом об амнистии. Она отказывалась признать ограничительный характер за проскрипционными списками Фуше; она находила их неконституционными и намеревалась их расширить в силу воззвания, подписанного королем в Камбрэ и постановлений указа 24 июля. Палата собиралась исключить из амнистии и предать суду всех министров, членов Государственного совета, маршалов, генералов, комендантов

и префектов, служивших во время Ста дней, и «цареубийц», которые в течение того же периода согласились принять какое-нибудь место, заседали в одной из двух палат или подписали Дополнительный акт. Кроме того, все члены фамилии Бонапартов должны были быть объявлены навсегда изгнанными из пределов королевства. И, наконец, все лица, принимавшие активное участие в бунте, подлежали денежной ответственности. Это было замаскированным возвращением к конфискации, и около 1200 человек оказывались обреченными на изгнание.

Этот составленный Корбьером проект, который Веллингтон и Поццо ди Борго называли *бешеным*, был выдвинут против министерского проекта. Напрасно Ришелье, «удрученный горем», пытался убеждать, напрасно он доказывал, что королю принадлежит в полной мере право помилования, как исконная прерогатива монархической власти. Ультрароялисты возражали на это, что в силу хартии король согласился разделить законодательную власть с палатами, что амнистия приостанавливает действие закона, а законы не могут изменяться без согласия палат. Во время обсуждения закона крайние роялисты защищали с высоты парламентской трибуны теорию, которая в сущности была подлинной доктриной конституционного и парламентского строя. Когда Деказ сослался на волю короля, то ораторы правой ответили ему, что для полноты своего значения эта воля нуждается в дополнении волей парламента. Доктринеры Ройе-Коллар, Паскье и де Серр отстаивали королевскую прерогативу. После пятидневной жестокой борьбы (побег Лавалетта довел ярость правой до апогея) министерство большинством девяти голосов одержало верх. Однако множество «цареубийц» было внесено в списки лиц, подлежавших изгнанию (7 января 1816 г.). Палата пэров приняла этот закон без прений. С этого момента роялистская партия раскололась, а министерство, успевшее возбудить ненависть крайних, сделалось жертвой бесконечных интриг, в которых принимал участие граф д'Артуа. Что же касается короля, то он был глубоко оскорблен поведением правой. «Если бы этим господам предоставить полную свободу действий, — сказал он Поццо ди Борго, — то в конце концов и я сам подвергся бы чистке».

Роспуск палаты. Эти раздоры еще более усилились по поводу законопроекта о преобразовании избирательной системы, установленной хартией. Тогда как правительство в своем проекте старалось уменьшить число избирателей и обеспечить себе преобладающее влияние в избирательных коллегиях,

крайние роялисты требовали понижения избирательного ценза с 300 до 50 франков. Эта реформа повысила бы число избирателей до двух миллионов. Доктринеры поддерживали министерство. Ройе-Коллар оспаривал то положение, что депутаты являются и могут быть представителями нации. По его мнению, депутаты являются «делегатами хартии, а не делегатами народа, и составляют только нечто вроде совещательной комиссии». Напротив, ораторы правой, с Виллелем и Ла Бурдоннэ во главе, заявили, что депутаты — «органы национального общественного мнения» — избираются народом для «защиты его интересов и для контроля над поведением министров». Палата должна быть независима и способна оказывать решительное влияние на правительство. Для того чтобы захватить в свои руки правительство и получить возможность восстановить аристократический режим, сторонники монархии «божьей милостью» и старые сторонники абсолютной власти превращались таким образом в защитников великой революционной идеи народного суверенитета. Выработанный крайними роялистами закон провалился в палате пэров, и как только в конце апреля 1816 года был вотирован бюджет, Людовик XVIII, раздражение которого против палаты все возрастало, поспешил закрыть сессию и отсрочить заседания этой «бесподобной палаты» до октября.

Крайности ультрароялистов начинали беспокоить и иностранные державы. В январе [1] граф Нессельроде писал Ришелье: «Дебаты, имевшие место в палате депутатов, производят возмутительное впечатление; если путем новых выборов вам не удастся достигнуть лучшего состава палаты, то можно ждать больших несчастий». Поццо ди Борго (русский посол в Париже) получил приказание «дать раз навсегда понять графу д'Артуа, что он не должен ждать от держав содействия в деле возведения его когда-нибудь на престол, если он будет придерживаться системы бессмысленной реакции». Веллингтон писал [2] Людовику XVIII, чтобы во имя «спокойствия Европы» обратить его внимание на интриги, ведущиеся против «заслуживающего доверия» министерства принцами королевской семьи и придворными. В глубине души патриотизм Ришелье был возмущен этим вмешательством иностранцев во внутренние дела Франции. «Лучше умереть от руки французов, чем существовать благодаря покровительству иностранцев», — писал он Деказу. Он стеснялся порвать с людьми,

---

[1] 26 января 1816 года.
[2] 7 февраля 1816 года.

которые «в конце концов были все же роялистами», и страшился неизвестности, которую сулили ему новые выборы. Его колебания и опасения усилились после заговора адвоката Дидье в Гренобле. Это было незначительное и даже безумное предприятие, варварски подавленное генералом Донадьё и военными судами и стоившее жизни двадцати пяти участникам, в том числе шестнадцатилетнему юноше. Король был в нерешительном настроении. Однако Деказ, при содействии Паскье и Гизо, доказал ему, что роспуск палаты безусловно необходим. 13 августа король дал свое согласие на эту меру, но тем не менее приказ о роспуске был подписан только 5 сентября. Биржа ответила на него повышением государственной ренты на 3 франка.

Палата 1816 года. Новым указом число депутатов было доведено до 258. Префекты и президенты избирательных коллегий, перетасованных указом, повели от имени короля энергичную кампанию против крайних. Доктринеры были сплошь переизбраны; группа девяти независимых, которые также были переизбраны, увеличилась вступлением в нее Лаффита и Бонди; ультрароялисты потеряли массу мест, и министерство могло рассчитывать на большинство примерно в 40 голосов.

В своей речи на открытии палат 4 ноября Людовик XVIII выразил твердую свою решимость заставить всех уважать Хартию и подавлять «уклонения, вызванные как злонамеренностью, так и чрезмерным рвением». Вместе с тем, он призывал к единению. «Пусть умолкнет ненависть, — сказал он, — и пусть сыны одного и того же отечества превратятся в братскую семью». Этому положению не суждено было осуществиться, но в период 1816—1820 годов Франция могла, по крайней мере, насладиться относительным миром, а новая палата во многих обстоятельствах обнаружила свою способность к плодотворной работе.

Деказ. В продолжение этих четырех лет главная роль принадлежала человеку, который, не будучи даже председателем совета министров, был тем не менее настоящим руководителем министерства, по крайней мере, в области внутренней политики, а именно Деказу, фавориту Людовика XVIII. Советник парижского суда, затем старший секретарь при дворе Летиции (матери Наполеона), в 1814 году примкнувший к Бурбонам и подвергшийся изгнанию во время Ста дней Деказ при второй реставрации был назначен благодаря барону Луи префектом полиции. Он отличался гибким, разносторонним и тонким умом, любезными манерами, всеми признаками открытого характера, был блестящим собеседни-

ком. Последним качеством он главным образом и прельстил короля, который вскоре не мог уже обходиться без своего префекта, а в сентябре 1815 года пригласил его в министерство полиции. Деказ был в сущности очень властным человеком, которого насильственные меры не пугали; упорно добиваясь роспуска «бесподобной палаты», он, с другой стороны, оставил без последствий просьбу о помиловании семи приговоренных к смертной казни, поданную гренобльским военным судом и поддержанную не слишком жалостливым Донадьё. Но этот властный человек обладал здравым пониманием действительности; он понимал, что возврат к прошлому невозможен и ясно видел тщету всех попыток, направленных к изменению нового общественного порядка. Деказ знал, что Франция нуждается в известной свободе, которую он считал вполне совместимой с монархической властью Бурбонов, но он хотел вводить эту свободу постепенно, как бы малыми дозами. Он искренно желал примирить враждебные элементы французского общества и, по его любимой формулировке, привлечь одних к королю посредством хартии, а других — к хартии посредством короля. Деказ сумел мало-помалу внушить свои идеи Людовику XVIII, и доверие короля дало ему на некоторое время возможность сделать попытку применить их на практике.

Избирательный закон 1816 года. Главным делом парламентской сессии 1816 года было принятие избирательного закона. Законопроект этот был представлен министром Ленэ, который с мая месяца заменил в министерстве внутренних дел Воблана, слишком подчинившегося графу д'Артуа. После бурных дебатов, тянувшихся в продолжение 14 заседаний, и столь же резких, как и в предыдущем году, закон был вотирован 5 января 1817 года 132 голосами против 100. В палате пэров этот закон прошел большинством всего 17 голосов. 5 февраля закон был опубликован. Согласно постановлениям хартии избирателями объявлялись все французы, достигшие 30 лет и платившие 300 франков прямых налогов. Для того чтобы быть избранными, нужно было иметь 40 лет от роду и платить 1000 франков налогов. Выборы происходили прямой подачей голосов в главном городе департамента, причем избирательные коллегии сами составляли свое бюро. Ежегодно пятая часть депутатов подлежала переизбранию. Этот закон, по данным официальной статистики, отдавал всю избирательную власть в руки 90 000 человек, удовлетворявших условиям ценза. Прямая подача голосов в главном городе округа (chef-lieu) сводила почти к нулю то исключи-

тельное влияние, которым пользовались крупные землевладельцы и сельские дворяне в окружных коллегиях при системе двустепенных выборов. Но избиратели, платящие 300 франков прямых налогов, оказались гораздо более либеральными, чем предполагали Ленэ и доктринеры, авторы нового закона. Это с ясностью обнаружилось во время ежегодных выборов: при каждом частичном возобновлении палаты число независимых прогрессивно увеличивалось. Партия эта насчитывала в 1817 году 25 депутатов, в 1818 — 45, а в 1819 году — 90.

При обсуждении двух законопроектов, одного — о смягчении закона, отменявшего свободу личности, и другого — о продлении до 1818 года закона, вводившего цензуру и систему предварительного разрешения для газет, обнаружилось, что среди крайних роялистов имеются ярые «защитники» свободы. Когда независимый Войе д'Аржансон повторил свой мужественный протест прошлого года, то вместо свистков слова его были встречены рукоплесканиями со стороны Ла Бурдоннэ и его друзей. Корбьер с негодованием протестовал против невыносимого полицейского режима. Виллель громко заявлял, что свобода слова представляет собою пустую формальность, если она не дополняется свободой печати. Впрочем, все ультрароялисты цинично признавались, что они единогласно вотировали бы те же самые и даже более суровые законы, если бы эти законы были предложены министрами из их партии. При обсуждении бюджета они проявили тот же дух систематической оппозиции, но не могли помешать разрешению займа в 300 миллионов, заключенного в видах скорейшего очищения французской территории от оккупационных войск союзников. Благодаря этому займу герцог Ришелье добился от держав удаления 30 000 солдат оккупационного корпуса.

Лионские волнения. Хотя ультрароялисты и лишились своего влияния в министерстве, но воодушевлявшие их чувства разделялись еще множеством должностных лиц. Об этом можно было ясно судить по той свирепости, с которой превотальные суды подавляли волнения, совершенно не носившие политического характера и вызванные весной 1817 года в нескольких департаментах неурожаем и дороговизной хлеба. Еще яснее это обнаружилось в июне при подавлении в Лионе заговора, в котором главную роль играли, повидимому, агенты-провокаторы дивизионного генерала Канюэля, бывшего лейтенанта Россиньоля в Вандее, и префекта Шаброль-Крузоля. Вплоть до сентября в Лионе свирепствовал террор, несмотря на все усилия пресечь его, делавшиеся генеральным комиссаром полиции Сенвилем, который в конце концов

разоблачил перед министерством все эти безобразия. Мармон, посланный в Лион для расследования этого дела, был так возмущен, что потребовал предания суду Канюэля, и в докладе, представленном герцогу Ришелье, заявил, что «генерал тысячу раз заслужил смертную казнь и что, отправив на эшафот этого палача, король сделает истинно доброе дело и заслужит благодарность своих подданных».

Граф д'Артуа не мог простить Мармону этого доклада. Дело в том, что принц и окружавшие его лица рассчитывали воспользоваться лионскими событиями, чтобы запугать короля и поссорить его с его министрами. Надежда эта была разбита. Влияние Деказа росло изо дня в день, и ему удалось удалить из министерства одного за другим последних союзников ультрароялистов. Дамбрэ был заменен Паскье, а Дюбушаж и герцог де Фельтр принуждены были накануне частичных выборов 1817 года уступить место Моле и маршалу Гувион-Сен-Сиру. Во время этих выборов в Париже из восьми депутатов не было избрано ни одного крайнего роялиста; Лаффит, шедший во главе списка независимых, был единственным кандидатом, прошедшим в первой же баллотировке, а его единомышленники были бы все выбраны во время перебаллотировки, если бы в последний момент не состоялось соглашения между доктринерами и крайними роялистами. Тем не менее, Делессер и Казимир Перье были избраны. В провинции независимые выиграли около 15 мест, и Ришелье и Ленэ начали уже испытывать некоторое беспокойство и подумывать об изменении избирательного закона.

Военный закон. Тронная речь 1817 года возвестила о предстоящем закрытии превотальных судов, о внесении законопроекта о рекрутском наборе и намекнула на скорую эвакуацию из Франции иностранных оккупационных войск. Внесенный еще прежде законопроект о печати был с многочисленными изменениями принят палатой депутатов, затем отвергнут пэрами, и цензурный режим продлен еще на год.

Закону о рекрутском наборе суждена была лучшая участь, и фактически он действовал до 1868 года. Со времени роспуска Луарской армии состав французской армии был низведен до двух гвардейских дивизий и нескольких корпусов, рекрутировавшихся по областям путем вербовки волонтеров и называвшихся по имени своих департаментов, и наконец из национальной гвардии, главным командиром которой был граф д'Артуа. Но к моменту удаления иностранного оккупационного корпуса и вступления Франции в ряд великих держав необходимо было позаботиться о создании настоящей

армии. Вербовка добровольцев не могла дать достаточного контингента, и хотя рекрутчина, ненавистная французской нации еще со времен Империи, и была торжественно отменена хартией, к ней, конечно, приходилось вернуться, но окольным путем. Теоретически армия должна была пополняться главным образом путем добровольного поступления на военную службу. Ежегодный призыв 40 000 человек должен был служить для пополнения войсковых частей. Все молодые люди, достигшие двадцатилетнего возраста, тянули жребий; вытащившие «плохие номера» состояли в течение шести лет на действительной службе; а в течение следующих шести лет они могли быть призваны в роты ветеранов, предназначенные для формирования резервной армии. Таким образом получалась на период мирного времени армия в 240 000 человек. Кроме того, закон определял правила производства в чины. Офицером мог быть только тот, кто прослужил по крайней мере два года в унтер-офицерском чине или окончил военную школу, причем третья часть мест подпоручиков предоставлялась исключительно унтер-офицерам. Две трети всех офицерских чинов предоставлялись по старшинству, и, за исключением особо выдающихся подвигов, нельзя было получить производства в следующий чин, не пробыв четыре года в низшем чине.

Ультрароялисты ожесточенно боролись с этим законопроектом. Они нападали на роты ветеранов, так как в течение первых нескольких лет эти роты должны были состоять исключительно из бывших солдат Империи. Но наибольшее их негодование вызвали постановления относительно производства в чины, так как этими постановлениями был решительно положен конец скандальному фаворитизму, восстановленному в 1815 году. Если не дошли до полковников с четырехлетним стажем, то зато происходили назначения маршалами эмигрантов, никогда не бывавших в огне, и капитанами — молодых людей, которые никогда не держали шпаги в руке. По мнению ультрароялистов, назначение офицеров было королевской прерогативой, и личное усмотрение короля не должно было стесняться никакими уставами. В палате Гувион-Сен-Сир заявил, что солдаты Империи создали славу Франции и что страна имеет право «гордиться этими людьми, которыми Европа не переставала восхищаться». Граф д'Артуа вмешался в прения письмом к королю, — письмом весьма резким, в котором он протестовал против отказа от прав короны, высказывал свое порицание политике, практиковавшейся со времени роспуска «бесподобной палаты», и возмущался министерством,

отставки которого требовал. Людовик XVIII весьма остро реагировал на выходку своего брата и в очень решительном письме выразил свое твердое намерение всеми силами поддерживать министерство, пользующееся полным его доверием. Он не хотел «быть королем двух народов», и все усилия его правительства, заявлял он, направлены будут к тому, чтобы «содействовать конечному слиянию этих двух народов, раздельное существование которых и без того уже длится слишком долго, в один народ». [1]

Разногласия в министерстве. Но до осуществления этого пожелания было еще очень далеко. На деле разногласия все усиливались. В палате умеренные роялисты образовали две группы: правый центр и левый центр, и министерство, уже не располагавшее компактным большинством, должно было опасаться двойной оппозиции: крайних роялистов и независимых. Да и в самом министерстве было еще весьма далеко до полного единодушия. Деказ и Гувион-Сен-Сир стояли за вполне определенную либеральную политику, тогда как Ришелье и Ленэ явно склонялись к сближению с правой. Резкие выходки и интриги со стороны крайних роялистов усилились. Они дошли даже до каких-то неопределенных попыток составления заговора среди гвардейских офицеров, целью которого, по слухам, должен был быть арест министров, а в крайнем случае и низложение Людовика XVIII.

Раскрытие этого заговора, получившего название «Заговор на берегу» (Conspiration au Bord de l'Eau), повело к еще большему отчуждению короля от партии ультрароялистов. Вскоре после этого Людовик узнал о секретной записке, составленной Витролем в присутствии графа д'Артуа и разосланной всем монархам. В этой записке указывалось на опасности, которым политика министерства подвергает Бурбонов и всю Европу, и требовалось «откровенное и открытое вмешательство», способное привести короля «к более простым и более здравым идеям». Витроль был исключен из тайного совета и вычеркнут из списка «государственных министров». Меры, направленные против графа д'Артуа, заключались в реорганизации национальной гвардии, в которую отныне были записаны все плательщики налогов, и в уничтожении комитета главных инспекторов, составленного исключительно из его креатур. Но меры эти приняты были под влиянием Деказа и Гувион-Сен-Сира почти вопреки желаниям Ришелье и Ленэ.

[1] Людовик XVIII намекал тут на теорию, очень тогда модную во Франции, о том, что дворянство — это потомки франков, некогда завоевавших Галлию, а остальной народ — это галлы, подвергшиеся завоеванию. — *Прим. ред.*

Выборы 1818 года еще более углубили расхождения во взглядах среди министров. Несмотря на создание *Консерватора* и на усилия его сотрудников де Брюжа, Полиньяка, Витроля, Бональда, Шатобриана, Ламеннэ, а быть может именно вследствие их усилий и резкости их контрреволюционных статей, роялисты чистой воды потерпели новое и еще более тяжелое поражение. Независимые, превосходно организованные, выиграли 19 мест, и само правительство не смогло помешать избранию двух человек, одни имена которых внушали тревогу Европе: Лафайета и Манюэля. Последний был выбран в двух избирательных коллегиях и, между прочим, в настоящем роялистском центре — Вандее.

Министерство Дессоля — Деказа. Возвратившись из Ахена, где ему удалось, наконец, добиться от держав удаления оккупационной армии, Ришелье твердо решил произвести изменения в избирательном законе и с целью сближения с правой вступил в переговоры с Виллелем. Но этого сближения можно было добиться лишь ценой удовлетворения ненависти крайних роялистов, принеся им в жертву либеральных министров Деказа, Гувион-Сен-Сира и Паскье. Попытки Ришелье склонить своих коллег к изменению их политической ориентации оказались тщетными. Тогда он подал было в отставку, но по приказанию короля взял свое прошение обратно и попытался составить новое министерство, но и на этот раз усилия герцога ни к чему не привели. Этот кризис, тянувшийся в продолжение всего декабря и имевший главной целью удаление Деказа, закончился 29 декабря 1818 года образованием министерства, номинально возглавляемого генералом Дессолем, а фактически — Деказом. Государственный советник Порталь сделался морским министром, де Серр — министром юстиции, барон Луи — министром финансов, а Гувион-Сен-Сир сохранил портфель военного министра. Министерство полиции по просьбе Деказа было упразднено как несовместимое с принципом свободы. Получилось однородное и вполне либеральное министерство.

Что же касается Ришелье, то он без всякого сожаления покинул пост, принять который в свое время согласился лишь из патриотических побуждений. С того момента, как Франция была очищена от иностранцев, Ришелье считал свой долг выполненным. В проникнутом благородными чувствами письме герцог старался расположить царя в пользу своих преемников, восхваляя их заслуги, добрые намерения и преданность королю. Он призывал всех своих друзей в обеих палатах оказывать поддержку новому министерству. Ришелье

вышел из министерства менее обеспеченным, чем вступил туда, но когда он узнал, что два либерала — Лалли-Толендаль в палате пэров и Делессер в палате депутатов — внесли предложение о назначении ему вознаграждения от имени нации, то он поспешил обратиться к председателям обеих палат с письмом, в котором отклонял эту милость. «Я ни в коем случае, — писал Ришелье, — не могу согласиться на то, чтобы из-за меня на плечи нации взвалено было новое отягчающее бремя. Остается залечить еще слишком много ран, для того чтобы я позволил себе при таких условиях стремиться к увеличению моего личного состояния. Уважение моей страны, благоволение короля и голос моей совести меня вполне удовлетворяют». Когда, невзирая на резкую оппозицию ультрароялистов и некоторых независимых, палаты назначили ему пожизненную пенсию в 50 000 франков, он пожертвовал ее в пользу госпиталей города Бордо.

Массовое назначение новых пэров. Новому министерству недолго пришлось выжидать случая, для того чтобы ясно обнаружить свое твердое намерение держаться либеральной политики. В феврале 1819 года Бартелеми, бывший автор Базельского трактата, предложил палате пэров вотировать резолюцию, «в силу которой к королю будет обращена покорнейшая просьба представить проект закона, вносящего в организацию избирательных коллегий необходимые изменения». Деказ энергично восстал против этой резолюции, но палата пэров не обратила внимания на его протесты. В палате депутатов Лаффит предложил подать королю адрес с просьбой оставить избирательный закон без изменения. Де Серр объявил, что этот адрес совершенно излишен, так как министерство твердо решило не предлагать никаких перемен. Через два дня, 4 марта, в палату пэров поступил уже принятый палатой депутатов закон, по которому финансовый год отныне должен был начаться с 1 июля, чтобы положить конец системе временных месячных ассигновок, неизбежной при запоздалом открытии парламентской сессии. Пэры отвергли этот закон, не пожелав даже рассмотреть его и выслушать объяснения министра.

Ответ не заставил себя долго ждать: 6 марта *Монитер* объявил о назначении 60 новых пэров — наполовину маршалов, генералов и высших сановников Империи. Эти *новоиспеченные*, по выражению Ришелье, пэры обеспечили Деказу большинство; это было как бы 5 сентября для пэрства. [1] Эта

[1] 5 сентября 1816 года была внезапно распущена ультрароялистская «бесподобная палата», а 6 марта 1819 года ультрароялисты испытали подобный же

мера, как объяснял *Монитер*, не являлась мерой, вызванной особыми обстоятельствами. Король, который не мог вычеркнуть целый двадцатипятилетний период из французской истории, пожелал «привести пэрское достоинство в соответствие с состоянием новой Франции».

Предложение Бартелеми было передано в палату депутатов. Во время дебатов министр юстиции де Серр высказал суровое порицание преступлениям «белого террора» и попыткам фанатиков на юге запугать присяжных, на которых возложен был запоздалый разбор дел о многочисленных убийствах, совершонных роялистами в южных департаментах. Речь де Серра увлекла депутатов, и 150 голосами против 34 предложение Бартелеми было отвергнуто.

Законы о печати. За день до этого голосования де Серр внес законопроект о свободе печати. Статья 8 хартии обеспечивала французам «право оглашать и печатать свои мнения, соблюдая повиновение законам, наказующим злоупотребления этой свободой». Закон 1814 года, введя для газет систему предварительного разрешения, сохранял в силе наполеоновский режим. Ордонансом 1815 года сюда была добавлена еще цензура. В 1817 году, при министерстве Ришелье, Паскье выработал проект, сущность которого один депутат правой верно резюмировал в следующих выражениях: «Свобода печати для газет отменяется. Правительство будет расправляться с ними, как ему заблагорассудится». Виллель и Ройе-Коллар оказались почти единодушными в своем требовании положить конец этому произволу, и из общих дебатов с достаточной определенностью выявилась та мысль, что проступки по делам печати должны подлежать ведению суда присяжных, а не коронных судов. В конце концов пришли только к тому, что действие цензуры было продлено еще на один год. Чтобы избегнуть предварительного разрешения, многие газеты превратились в непериодические издания. Для избавления от цензуры приходилось печатать в виде брошюр те статьи, которые ею не пропускались в газетах. Процессы по делам печати были бесчисленны и часто носили совершенно ребяческий характер. *Независимый (L'Indépendant)* был закрыт за статью о Салоне 1817 года, в которой говорилось о портрете ребенка с синими цветами. Эта картина была принята за портрет Римского короля, тогда как на самом деле это был какой-то маленький баварец. Некоторые адвокаты, как Дюпен, Барт, Мерилу, Мокар, Моген, сделали эти процессы своей

тяжкий удар от назначения 60 новых пэров, которое обеспечивало за умеренно-либеральным министерством большинство голосов. — *Прим. ред.*

специальностью и приобрели широкую популярность своими смелыми защитительными речами, не менее волновавшими общественное мнение, чем парламентские прения. О них говорили даже на великосветских празднествах, и на балу у Лаффита можно было услышать следующее обращение молодой дамы к своему кавалеру: «Но скажите, по крайней мере, вы стоите за свободу печати?»

Поэтому тройной закон, выработанный Гизо, герцогом де Бройлем и Ройе-Колларом и внесенный де Серром, был хорошо встречен публикой и прошел в обеих палатах огромным большинством. Отныне печать подлежала действию общих законов. Первый закон определял преступления и проступки и распределял их на 4 разряда: оскорбление особы короля; публичный призыв к преступлению или проступку; оскорбление общественной нравственности и добрых нравов; диффамация и публичное оскорбление. Правая требовала, чтобы сюда же было внесено и оскорбление государственной религии, и несмотря на протесты де Серра, была принята следующая неопределенная редакция: «Оскорбление общественной и религиозной нравственности». В отношении диффамации, вопреки протестам многочисленных чиновников, бывших депутатами парламента, в качестве исключения было допущено предъявление доказательств в случаях обвинений, выдвинутых против должностных лиц или чиновников.

Второй закон касался юридической компетенции. Все преступления и проступки по делам печати подсудны суду присяжных. Простая клевета подлежала ведению исправительных судов.

Третий закон относился специально к газетам. Цензура и предварительное разрешение отменялись. Требовалось только заявление двух ответственных издателей и денежный залог в 10 000 франков ренты для ежедневных газет в департаментах Сены, Сены-и-Уазы и Сены-и-Марны.

Финансовое устройство. Не менее полезна была деятельность палаты и в области финансов. Она тщательно обсуждала роспись доходов и расходов и требовала строжайшей экономии в бюджете. Палата установила следующее принципиальное положение: всякий кредит, вотированный на один год и в течение этого времени не использованный, считается отмененным. Каждый министр должен был впредь ежегодно представлять отчет по операциям истекшего бюджетного периода, а также сравнительную таблицу произведенных расходов и открытых палатой кредитов. Со своей стороны, министр финансов должен был впредь представлять общую

таблицу поступления валовых доходов, государственного долга и состояния казначейства.

Все эти мероприятия оказали благоприятное действие на государственные финансы и на экономическую жизнь нации. Рента (правда, не без участия спекуляции) достигла курса в 80 франков. Весьма удачная промышленная выставка доказала съехавшимся в большом числе иностранцам, что, несмотря на тревожные крики и пессимистические предсказания, которые распространялись ультрароялистами при европейских дворах, Франция при полулиберальном режиме быстрыми шагами приближалась к восстановлению своего благосостояния. Король и страна могли лишь поздравить себя с политикой, которой придерживались Деказ и его товарищи. Но частичные выборы 1819 года, к сожалению, изменили это настроение.

Распадение министерства Деказа. Избирательная кампания, которую комитеты независимых вели с величайшей энергией, закончилась избранием 28 депутатов левой, в том числе и генерала Фуа. Чистых роялистов выбрано было только 5. Департамент Изер выбрал аббата Грегуара, бывшего члена Конвента, который в 1792 году первым потребовал отмены монархии и предания суду Людовика XVI. Это избрание, которому ультрароялисты содействовали в надежде произвести скандал, глубоко оскорбило Людовика XVIII и вызвало лицемерные вопли всех крайне роялистских газет и их абонентов. Крайние правые сочли своим долгом использовать избрание Грегуара для выступлений против избирательного закона и либеральных постановлений предшествовавшей сессии. Министерство уступило этим крикам. В то время как палата отказалась принять в свою среду аббата Грегуара, не решаясь, однако, объявить его недостойным депутатского звания, как этого требовала правая, Деказ постановил распустить *Общество друзей печати*, содействие которого было ему, однако, в целом ряде случаев очень полезно. Затем он представил своим коллегам проект изменения избирательного закона. Генерал Дессоль, Гувион-Сен-Сир и барон Луи отказались последовать за Деказом по этому пути, заявив, что признают только либеральную политику, и подали в отставку. 19 ноября 1819 года Деказ сделался председателем совета министров и для пополнения кабинета вручил портфель министра иностранных дел Паскье, финансов — Руа, военного — Латур-Мобуру. Министерство поспешило подготовить, после совещания с Виллелем и правой, проект нового избирательного закона. 14 февраля этот законопроект должен был поступить на обсуждение палаты.

Убийство герцога Беррийского. Падение Деказа. В воскресенье 13 февраля 1820 года, около 11 часов вечера, при выходе из Оперы герцог Беррийский, только что успевший усадить в карету герцогиню, которой нездоровилось, столкнулся с каким-то человеком, всадившим ему длинный нож в правый бок. Герцог скончался в 5 часов на простой кровати в одной из комнат театральной администрации, окруженный всеми своими близкими, не переставая до последней минуты просить о помиловании своего убийцы, седельщика Лувеля. Покушаясь на жизнь герцога Беррийского, Лувель хотел положить конец династии Бурбонов. Его преступление повело к падению Деказа и вернуло Францию к худшим дням «бесподобной палаты».

В палате Клозель де Куссерг потребовал предания суду Деказа как «сообщника в убийстве». «Наиболее виновной является не та рука, которая нанесла удар», — писал Шатобриан. Однако в течение четырех дней король упорно сопротивлялся требованиям своей семьи, настаивавшей на удалении Деказа. Он готов был спасать страну, «но без крайних». Но в конце концов Людовик XVIII уступил и против своей воли расстался с тем, кого называл своим сыном. Возведение Деказа в герцоги и пэры и назначение его посланником в Лондон явились публичным доказательством королевской признательности и симпатии.

Второе министерство Ришелье. Герцог Ришелье, которого незадолго до того Деказ убеждал вернуться в министерство, сначала отказался взять на себя роль председателя совета и уступил только настояниям графа д'Артуа. Последний дал честное слово дворянина, что он сам и его друзья окажут Ришелье полную поддержку: «Я буду вашим первым солдатом», — заявил граф. Ришелье не взял себе никакого портфеля, потребовал, чтобы министерство осталось в прежнем составе, и заменил Деказа Симеоном.

Возвращение к исключительным законам. Один за другим палатам были представлены на рассмотрение три закона: первый ограничивал свободу печати, второй — свободу личности, а третий вносил изменения в избирательную систему. Первый отсрочивал на 5 лет введение в действие либерального закона 1819 года и восстанавливал цензуру и предварительное разрешение для газет и периодических или полупериодических изданий, посвященных целиком или частью политическим вопросам. Закон об ограничении свободы личности предоставлял председателю совета, министрам внутренних дел и юстиции право ареста и содержания под стражей

в продолжение трех месяцев административным порядком всякого лица, подозреваемого в заговоре против государственной безопасности или против членов королевского семейства. Обсуждение этих двух законов доставило генералу Фуа случай обнаружить свои качества великого и смелого оратора.

Немедленно образовался комитет, в который вошли Лаффит, Лафайет, Казимир Перье и Манюэль, для организации национальной подписки и распределения собранной таким образом суммы на защиту и оказание помощи гражданам, пострадавшим от применения этих двух законов. Министерство начало преследовать газеты, оказывавшие содействие этому комитету. Тогда последний изменил свою организацию и превратился в тайный комитет, принявший явно антидинастический характер и поставивший себе целью подготовить и организовать борьбу против Бурбонов. Главными членами этого комитета были Лафайет, Манюэль, Дюпон де л'Эр и адвокат Мерилу. Множество газет принуждено было прекратить свое существование, в том числе *Минерва (La Minerve)*, *Слава (La Renommée)* и *Цензор (Le Censeur)*, в которых печатались памфлеты Поля-Луи Курье, имевшие громадный успех.

Закон о двойных вотумах. Избирательный закон, опубликованный в конце 1820 года, глубоко изменил состав палаты и избирательных коллегий. Он увеличил число депутатов, повысив его до 430, и восстановил всякого рода коллегии — окружные и департаментские. Окружные коллегии, состоявшие из избирателей, плативших 300 франков налога, назначали 258 депутатов — по одному депутату на каждый округ. Департаментские коллегии, составленные из четвертой части внесенных в списки избирателей, плативших наивысшие налоги, назначали 172 депутата. Таким образом, некоторые избиратели вотировали дважды: раз в окружных коллегиях, а другой раз в департаментских, и этим создана была своего рода избирательная денежная аристократия, состоявшая приблизительно из 12 000 человек. Отсюда этот закон и получил название *закона о двойных вотумах*. Кроме того, бюро избирательных комиссий назначались правительством, а избиратели должны были открыто писать имя своего кандидата на глазах председателя бюро.

Обсуждение этого закона — *избирательная битва*, как говорили в публике, — продолжалось не менее месяца. Начавшись 6 мая, оно закончилось только 12 июня. В дебатах приняли участие 123 оратора, и палата сделалась ареной

самых бурных сцен. Доктринеры, с Ройе-Колларом и Камиллом Жорданом во главе, и либералы, с генералом Фуа и Манюэлем, отчаянно боролись за сохранение старого закона, и одно время нельзя было предугадать, на чью сторону склонится победа. Параграф 1, выражавший самый принцип закона, прошел лишь большинством 5 голосов. Ответом на парламентские бои были бои на улицах. В продолжение нескольких дней происходили манифестации на площади Согласия и на бульварах, а у ворот Сен-Дени и Сен-Мартен имели место даже кавалерийские атаки против толпы. Лилась кровь, и с теми, кто позволял себе к крику «Да здравствует король!» прибавлять «Да здравствует хартия!», обращались, как с бунтовщиками.

Торжество ультрароялистов. Крайние роялисты встретили избирательный закон бурными приветствиями; они рассматривали его как залог своего близкого торжества. Рождение герцога Бордосского, «дитяти чуда», через 7 месяцев после смерти герцога Беррийского (29 сентября 1820 г.) еще усилило их энтузиазм, дошедший до крайних пределов после ноябрьских выборов. Вновь появились в большом количестве люди «бесподобной палаты», ничуть не остепенившиеся и более чем когда-либо полные решимости служить контрреволюции. Из 220 мест роялистам досталось 198. Министерство оказалось вынужденным пригласить в кабинет двух лидеров правой: Виллеля и Корбьера. Абсолютистская и клерикальная пропаганда возобновилась с неслыханной силой. Ордонансом 27 февраля 1821 года Корбьер отдал коллежи под надзор епископов, «дабы обеспечить религиозное и моральное руководство юношеству, естественно склонному поддаваться соблазну теорий, возвышенных и благородных на вид». Вокруг *Конгрегации*, руководимой иезуитом Ронсеном, Жюлем Полиньяком и Матьё Монморанси, организовалось множество вспомогательных обществ, стремившихся воздействовать на общественное мнение в реакционном духе. Таковы были общества *Хороших книг*, *Хорошей литературы*, *Хорошей науки*, *Ассоциация св. Иосифа*. Либералы ответили на это образованием тайных обществ: *Рыцари свободы*, а затем *Братство угольщиков* (карбонариев); оба эти общества состояли в сношениях с некоторыми членами тайного парламентского комитета: Лафайетом, д'Аржансоном, Лаффитом, Манюэлем и Дюпон де л'Эром.

Выборы 1821 года довершили торжество роялистов, надежды которых еще более разжигались успехом европейских абсолютистов в Троппау и Лайбахе и неудачей неаполитанской и

пьемонтской революций. Правые выиграли 74 места из 88; 50 новых депутатов были ультрароялистами.

Отставка Ришелье. Ришелье поставил себе за правило вносить «как можно меньше таких законопроектов, которые способны возбуждать страсти». «Каналы, сельскохозяйственный устав, проселочные дороги, улучшение администрации и общественно полезные учреждения — вот, что нам нужно. Это будет выгодно и для страны и для нас самих,— писал он де Серру. — Чего я боюсь, это предложений в пользу эмигрантов». А именно этого и хотели граф д'Артуа и эмигранты.

Некоторые министры, чтобы сохранить свои портфели, уже готовы были пойти навстречу желаниям правых. Так, например, Латур-Мобур и Лористон, сделавшийся министром королевского двора, представили совету министров проект указа, которым увольнялись в отставку 150 генералов исключительно для того, чтобы предоставить фаворитам графа д'Артуа возможность быть произведенными в высшие чины. Паскье и Ришелье возмутились этим проектом и заставили его отклонить. Но у Ришелье уже больше не было защитников. Больной и сильно постаревший король всецело подпал под влияние своей фаворитки, госпожи дю Кайла, которая была орудием в руках графа д'Артуа. Когда палата высказала свое враждебное отношение к законопроекту, сохранявшему цензуру для газет, но в то же время удерживавшему либеральный институт присяжных, Ришелье напомнил графу д'Артуа о честном слове, данном им на другой день после смерти герцога Беррийского, и потребовал обещанного ему тогда полного содействия. «А, милейший герцог, вы слишком буквально поняли мои слова, — ответил граф д'Артуа. — И притом в то время мы находились в таких затруднительных обстоятельствах!» Краснея за графа при виде такого бесстыдного нарушения данного им честного слова, Ришелье немедленно вручил королю прошение об отставке. А 15 декабря 1821 года в *Монитере* появился список новых министров: Виллель — министр финансов, Корбьер — внутренних дел, Монморанси — иностранных дел, Пейронне — юстиции, Клермон-Тоннер — морской, а герцог Беллюнский — военный министр. Все это были ультрароялисты, намеренные управлять страной исключительно в интересах своей партии.

При министерстве Ришелье правительство ограничилось отнятием вольностей, дарованных при Деказе. При министерстве Виллеля оно открыто попыталось произвести частичную реставрацию старого порядка.

III. Правление крайних роялистов

Виллель. Виллель, будучи в 1815 году мэром Тулузы, даже и не попытался воспрепятствовать кровавым насилиям белого террора в этом городе. Выбранный депутатом, он всегда сидел на скамьях правой, а его положительный ум и выдающиеся деловые способности быстро выдвинули его и сделали одним из лидеров партии ультрароялистов. Прежде всего это был ловкий человек, отличавшийся скорее изворотливостью и хитростью, чем возвышенным характером, и в этом отношении стоявший гораздо ниже Ришелье. Виллель не заслуживал также своей репутации великого министра, так как, способный разбираться в текущих делах и мелких деталях, он был лишен понимания общих идей и не умел заглядывать далеко в будущее. Виллель правил как лидер партии, но не как государственный человек или как настоящий политический деятель, способный возвыситься над интересами данного момента и заботящийся о создании чего-нибудь прочного, чего-нибудь такого, что соответствовало бы истинным чувствам страны и удовлетворяло бы какой-нибудь действительной ее потребности.

О Виллеле говорили, что он умереннее своей партии; но тем не менее, он принял на себя ответственность за законы о печати, о святотатстве, о назначении миллиардного вознаграждения эмигрантам. Товарищи Виллеля по министерству отличались от него лишь меньшим умом, за исключением, впрочем, Корбьера, который стоял с ним наравне. Это был крестьянин по происхождению и по манерам, грубоватый, честный человек, упрямый и лойяльный бретонец, прямой до резкости, плебей, столь же преданный ультрароялистским идеям, как и его коллега, виконт Матьё Монморанси, первый барон христианского мира. [1]

Законы о печати. Первые же предложенные министерством законы ясно показывали, в каком духе оно намерено было править. Пейронне внес 2 января 1822 года два законопроекта: первый—о проступках, совершаемых путем использования печати, и второй — о надзоре за газетами. Первый законопроект был выработан еще при предшествовавшем министерстве де Серром. Пейронне внес в него лишь некоторые дополнения. Новый закон усиливал наказания (денежный штраф и тюремное заключение), установленные законом 1819 года, и ввел

---

[1] Семья Монморанси считалась древнейшей во всей французской аристократии. — *Прим. ред.*

наказания за новые проступки, часто не имевшие никакого отношения к печати, как, например, призывы к возмущению, срывание или разрушение знаков королевской власти, ношение неразрешенных королем эмблем. Самая существенная сторона нового закона заключалась в том, что рассмотрение процессов по делам печати отнято было у суда присяжных и передано судам исправительной полиции. По требованию некоторых депутатов был, кроме того, введен оригинальный пункт, гласящий, что палаты, превращенные в специальный трибунал, сами судят лиц, виновных в их оскорблении.

Дебаты длились с 15 января до 6 февраля. Тщетно ораторы левой и левого центра — одни, руководимые Себастиани, другие — Ройе-Колларом,— боролись против этого законопроекта, оспаривая одну статью за другой. Напрасно де Серр красноречиво защищал компетенцию суда присяжных. Закон был принят 234 голосами против 73. 50 депутатов левой в знак протеста воздержались от голосования.

На следующий день началось обсуждение закона о надзоре за газетами. Доклад был сделан Мартиньяком, незадолго перед тем выбранным в депутаты от департамента Жиронды. Цензура попрежнему оставалась отмененной, но могла быть восстановлена простым указом (только не во время избирательных периодов). Для всякой новой газеты или издания требовалось опять предварительное разрешение. Королевские суды имели право временно приостанавливать или даже совершенно прекращать всякое периодическое издание, стремящееся к нарушению общественного порядка, нападающее на государственную религию или на один из признанных культов, на королевскую власть или на «прочность конституции». Наконец, установлен был новый вид преступления — тенденциозность: преследованию подлежали газеты, поместившие ряд статей, которые, взятые в отдельности, могли показаться невинными, но совокупность которых явно указывала на разрушительные тенденции. Некоторые ораторы указывали на неясность нового закона, но Мартиньяк возразил, что в этом-то и заключается его сила. Ройе-Коллар совершенно верно сформулировал цель авторов этого законопроекта, когда сказал: «Они стремятся поразить в качестве опасного того, кого нельзя преследовать как виновного». Один либеральный депутат, Жирарден, доставил себе коварное удовольствие прочесть, будучи все время прерываем криками правой, речь, являвшуюся резкой критикой законопроекта, и среди всеобщего хохота заявить, что эта речь была произнесена в 1817 году Виллелем. Закон все-таки прошел.

В палате пэров против обоих этих законов высказались граф Бастар, старший президент Лионского суда, Талейран, Барант, Моле, герцог де Бройль и Паскье. «Этот закон,— говорил Моле в речи, получившей самое широкое распространение,— является не ограничением свободы печати, а полным ее уничтожением. Это просто попытка обеспечить в журналистике монополию за одной партией». И расширяя рамки дебатов за пределы данного частного вопроса и переходя к обсуждению общей политики кабинета, Моле показал, что эта политика стремится к установлению такого режима, который хотя с внешней стороны и не противоречит букве хартии, но фактически ведет к ограничению общей свободы в интересах усиления привилегий небольшой кучки. Ришелье, очень редко всходивший на трибуну, потребовал, к величайшему негодованию ультрароялистов, чтобы цензура ни в коем случае не могла быть восстановлена помимо голосования обеих палат. В палате пэров оппозиция имела не больше успеха, чем в палате депутатов. Законы были приняты.

Официальные кандидатуры. Во время частичных выборов в мае 1822 года министерство пустило в ход все имевшиеся в его распоряжении средства, для того чтобы обеспечить успех кандидатам своей партии. Официальный циркуляр вменял чиновникам в обязанность «в пределах своих прав содействовать избранию депутатов, искренно преданных легитимной монархии и учреждениям, дарованным мудростью короля». *Журналъ де Деба (Journal des Débats)* выражался еще яснее. «Всякий чиновник,— заявляла газета,— должен или уйти в отставку или по мере сил служить тому правительству, которое дает ему работу». Таким образом, за исключением Парижа, где из 12 депутатов выбрано было 10 либералов, выборы закончились так, как этого хотело министерство.

Официальная поддержка оказывалась только самым «чистым из чистых». Теперь уже оказывалось недостаточным быть просто роялистом; министерство боролось с бароном Луи в Париже и с де Серром в Кольмаре и провалило их обоих. Вернулись худшие дни 1816 года. Ультрароялисты жадно накинулись на теплые местечки. Их газеты требовали генеральной чистки административного аппарата. Либералам, говорили они, должны быть закрыты все пути к карьере. Но такое заявление было равносильно объявлению вне общих законов большинства французов. Конгрегация, которую в министерстве представлял Монморанси, предписала возведение аббата Фрейсину, гермополлисского епископа, в специально

восстановленное для него звание главы французских учебных заведений (Grand Maître de l'Université).

Заговоры. Подобный режим естественно должен был вызвать целый ряд заговоров. То была эпоха оживленной деятельности Общества карбонариев. Пропаганда велась очень энергично, в особенности среди офицеров, состоявших на половинном окладе, среди унтер-офицеров и солдат. Повсюду подготовлялись военные бунты. Целью этого движения было низвержение династии и установление временного правительства, в состав которого должны были войти Лафайет, де Корсель, Войе д'Аржансон, Кёхлин и Дюпон де л'Эр и которое «снова предоставило бы слово стране». Это была чрезвычайно туманная, но единственно возможная формула, если принять во внимание необычайную пестроту участвовавших в заговорах элементов, среди которых имелись и сторонники герцога Орлеанского, и бонапартисты, и республиканцы.

Все попытки заговорщиков неизменно кончались неудачей. Один из первых заговоров среди учеников Сомюрской школы был обнаружен 22 декабря 1821 года. Бельфорское движение, которым должны были руководить Лафайет и де Корсель, закончилось неудачей 1 января 1822 года. В феврале того же года несколько более успешно выступил генерал Бертон: 22 февраля ему удалось организовать в Туаре повстанческую группу; он двинулся на Сомюр, где к 23-му подготовлялось восстание. Но он не смог проникнуть в город и спасся благодаря содействию сомюрского мэра Мопассана. Новая неудача ждала его в Ла Рошели, где пропаганда была организована 4 сержантами 45-го линейного полка: Бори, Рау, Губеном и Помье. В марте они были арестованы, увезены в Париж, приговорены к смерти и казнены 21 сентября на Гревской площади. Старшему из них было 27 лет. На просьбы о помиловании Людовик XVIII ответил: «Долг выше милосердия». Бертон попался в июне в ловушку, расставленную ему одним унтер-офицером гвардейских карабинеров. Его судили в Пуатье, приговорили к смерти и казнили вместе с тремя соучастниками. Кроме того, было вынесено еще 11 заочных смертных приговоров, а 32 обвиняемых были приговорены к тюремному заключению на сроки от одного до пяти лет. Кольмарский суд присяжных, который не был, без сомнения, так подобран, как жюри в Пуатье, состоявшее исключительно из чиновных людей и кавалеров ордена св. Людовика, оказался более снисходительным по отношению к 23 обвиняемым по бельфорскому делу: только 4 человека были осуждены, да и то лишь на 5 лет тюремного заключения. Тем не менее

суровость репрессии запугала карбонариев; 1822 год был особенно богат заговорами, но позднее попытки добиться низвержения Бурбонов посредством военных бунтов более не повторялись.

Война с Испанией. Клерикальная и абсолютистская партии приобретали с каждым днем все большее влияние, и влияние это обнаруживалось не только в области внутренней политики, — оно давало себя чувствовать и в области внешней политики Франции. Влиянием этих партий было вызвано вмешательство Франции в испанские дела, вмешательство, которому король и Виллель лично очень мало сочувствовали. Чувства короля в этом отношении ясно обнаружились при назначении уполномоченных на Веронский конгресс. Он не хотел послать туда только одного министра иностранных дел Монморанси, так как знал, что последний является решительным сторонником войны. В товарищи ему был дан Шатобриан, французский посланник в Лондоне. Выбор этот нельзя не признать странным, так как и Шатобриан был склонен к политике вмешательства. Но его назначения добивался Виллель, бывший тогда его другом и желавший иметь на конгрессе человека, которого он считал себе преданным. Виллель взял на себя временное заведывание министерством иностранных дел и в то же время сделался официальным председателем совета министров, которым он фактически руководил с самого момента образования министерства.

Частичные выборы в ноябре 1822 года, на которых чистые роялисты отняли у либералов 30 депутатских мест, сделали вмешательство еще более неизбежным. Правые газеты требовали его самым решительным образом и доходили даже до обвинения Виллеля в измене. Поддерживаемый королем, Виллель, однако, отказался отозвать из Мадрида французского посланника одновременно с отозванием оттуда послов северных держав. Монморанси подал в отставку, но был заменен Шатобрианом, который тогда еще скрывал свои воинственные убеждения. Но, очутившись в министерстве, он сбросил маску, и Виллель дал себя вовлечь в военную авантюру. Французский посланник был отозван из Мадрида, а тронная речь, произнесенная королем 28 января 1823 года на открытии парламентской сессии, возвещала, что «сто тысяч французов готовы с именем св. Людовика на устах двинуться в поход для того, чтобы сохранить испанский престол за одним из потомков Генриха IV, спасти это прекрасное королевство от гибели и примирить его с Европой».

При обсуждении ответного адреса в обеих палатах произошла первая стычка: Барант, Дарю, Талейран и генерал Фуа единогласно выразили свое осуждение проектировавшейся войне. Но настоящее сражение началось тогда, когда Виллель одновременно с бюджетом представил законопроект, санкционировавший выпуск займа в сто миллионов «на экстраординарные и настоятельные расходы». Записалось 56 ораторов, желавших принять участие в прениях по докладу Мартиньяка. «Если война, затеянная вами против независимости Испании, справедлива, то в таком случае справедлива была и та война, которую 30 лет тому назад вели против нас иностранцы,— воскликнул Ройе-Коллар. — ...И мы напрасно побили австрийцев». Генерал Фуа напомнил, что до сих пор Виллель сам был противником испанской экспедиции. Делессер, Биньон, Себастиани один за другим выступили против выводов доклада, не возбуждая своими речами особенной ярости правой, когда 26 февраля слово было предоставлено Манюэлю.

Исключение Манюэля. Манюэль заметил, что вмешательство Франции в испанские дела под предлогом спасения жизни Фердинанда рискует вызвать катастрофу, подобную той, которую в свое время вызвало во Франции вмешательство иностранцев во французские дела. «Должен ли я говорить о том, — прибавил он,— что опасность, угрожавшая королевскому семейству, усилилась именно с того момента, когда Франция, революционная Франция, почувствовала, что для своей защиты она должна прибегнуть к новым силам, найти источник новой энергии...» Правая не дала ему докончить. Его обвинили в апологии цареубийства, не дали ему возможности объясниться и даже не позволили сформулировать свои объяснения в письменной форме. 27 февраля Ла Бурдоннэ внес предложение об исключении Манюэля, а 1 марта это исключение было вотировано. Ройе-Коллар назвал этот акт государственным переворотом. Манюэль же заявил, что не признает законности принятой против него меры и что уступит только насилию. На следующий день Манюэль явился на заседание в костюме депутата. Введенные в зал национальные гвардейцы отказались поднять на него руку. Тогда позвали жандармов, которые схватили смелого депутата и потащили вниз по ступенькам трибуны. Когда правая воспротивилась чтению протеста, составленного депутатами левой, то последние в числе 60 человек покинули палату и в продолжение всей сессии больше туда не возвращались. Депутаты левого центра продолжали ходить на заседания,

но с этого момента воздерживались от всякого участия в голосовании.

Роспуск палаты. Успех испанской экспедиции опьянил ультрароялистов. До сих пор их несколько сдерживала боязнь настроения армии. Но теперь, успокоенные с этой стороны, они решили, что им все дозволено, что наступило, наконец, время переделать Францию по своему желанию и в своих интересах. В феврале 1824 года либеральные газеты *Конституционалист (Constitutionnel)* и *Французский Вестник (Courrier Français)* следующим образом резюмировали программу реакционеров: «Предоставить духовенству ведение актов гражданского состояния, обеспечить ему независимые доходы и поручить ему дело воспитания юношества; восстановить цехи и права мастеров в цеховых корпорациях; лишить лиц, имеющих патенты, политического влияния; создать с помощью соответствующего законодательства землевладельческую аристократию; дать вознаграждение эмигрантам; поставить законодательные преграды дроблению поземельной собственности». По поводу этого резюме редакторы роялистской газеты *Еженедельник (La Quotidienne)* заявили, что «если либералы участвуют в выборах для того, чтобы не допустить осуществления этих требований, то они (редакторы) советуют роялистам пойти на выборы именно для того, чтобы этого осуществления добиться». И действительно, избирательному корпусу предстояло избрать новых депутатов, так как 24 декабря 1823 года Виллель распустил палату. Он решился на эту меру потому, что вместе с Шатобрианом стремился к отмене системы частичных выборов и не считал возможным добиться изменения этой системы от палаты, выбранной как раз на ее основе. Он надеялся также избавиться одновременно от оппозиции и левых и крайней правой. Он думал, что избранная под его влиянием на 5 или на 7 лет палата обеспечит ему продолжительное и спокойное пребывание у власти. С другой стороны, назначение 27 новых пэров усиливало правительственное большинство в верхней палате.

«Вновь обретенная палата» (La Chambre Retrouvée). Все средства были пущены в ход для того, чтобы обеспечить успех правительственным кандидатам. Чиновникам, превращенным в агентов по выборам, приказано было вести подведомственных им граждан к избирательным урнам. В своем знаменитом циркуляре Пейронне выдвигал принцип, что в области избирательной политики чиновники обязаны беспрекословно исполнять волю начальства: «Тот, кто вступает в какую-нибудь должность, берет в то же время на себя обя-

зательство отдавать все свои силы, таланты и влияние на службу правительству, это — договор, обеспеченный обоюдностью. Если чиновник отказывается от исполнения услуг, которых ждет от него правительство, то он тем самым изменяет данному им слову. А это есть не что иное, как определенное и не могущее быть взятым обратно сложение с себя обязанностей. Правительство считает себя свободным от всяких обязательств по отношению к тому, кто не оказывает правительству услуг, которые должен оказывать». Избирательные списки подверглись радикальной переделке; масса либералов была освобождена от налогов, для того чтобы их можно было вычеркнуть из этих списков. Чтобы лишить генерала Фуа права быть избранным, его (без его ведома) освободили от всех личных и поимущественных налогов. Префекты, епископы и генералы действовали вполне солидарно. 25 февраля 1824 года было днем торжества роялистов. На 430 избранных депутатов было только 15 либералов, все остальные принадлежали к правой, причем 120 депутатов были членами Конгрегации. По выражению, которое приписывалось Людовику XVIII, «бесподобная палата» была вновь обретена («La Chambre Introuvable était retrouvée»).

Септеннат. Конверсия. При открытии парламентской сессии король объявил палатам, что к ним поступают на обсуждение два законопроекта: по первому из них должна была быть восстановлена семилетняя продолжительность полномочий палаты депутатов, а второй преследовал разрешение единовременной выплаты ссуженного под государственную ренту капитала или конверсию с заменой государственной ренты «такими бумагами, которые приносили бы процент, более соответствующий проценту облигаций по другим займам». Эта операция должна была сделать возможным «снижение налогов и излечение последних ран, нанесенных Революцией». Этими словами возвещалась предстоящая выдача вознаграждения эмигрантам. Речь короля давала членам Конгрегации только частичное удовлетворение, так как он совершенно умалчивал о религиозном вопросе. Адрес палаты подчеркнул это упущение в следующих двух фразах: «Религия требует охранительных законов для культа и более достойного существования для своих служителей. Делу народного образования совершенно необходима поддержка».

Одновременно с внесением в палату депутатов законопроекта о конверсии и в палату пэров закона о септеннате Виллель, в угоду правой, предложил закон о наказаниях за проступки, совершаемые в церквах. Кража со взломом,

совершонная в предназначенном для богослужения здании, наказывалась смертью; похищение священных сосудов без взлома влекло за собой вечную каторгу; беспорядки, произведенные даже вне отведенных для богослужения помещений, повреждение крестов, статуй или других религиозных памятников наказывались тюремным заключением и денежным штрафом. Этот законопроект был принят пэрами. Это был как бы первый набросок закона о святотатстве. Но как раз святотатство и не предусматривалось этим законом, который депутаты признали недостаточным и который был взят министерством обратно для переработки.

Закон о септеннате легко прошел и в палате пэров и в палате депутатов, несмотря на речи Ройе-Коллара и Ла Бурдоннэ, который по личным мотивам находился в систематической оппозиции к Виллелю. С проектом конверсии министру повезло меньше. Эта операция была многими понята превратно, так как в ней увидели нечто вроде замаскированного банкротства. Другие, в особенности либералы, нападали на этот проект потому, что прибыль, которую казна предполагала получить от конверсии, должна была пойти на вознаграждение эмигрантов. Кроме того, некоторые депутаты правой опасались, что конверсия может оттолкнуть от Реставрации большую группу владельцев государственной ренты. Тем не менее Виллелю удалось добиться принятия этого закона в палате депутатов. Но в палате пэров он наткнулся на непреодолимое сопротивление. Поражение министра в этом пункте стало несомненным с того момента, как парижский архиепископ, высокопреосвященный де Келен, выступил против проекта «во имя несчастных и обездоленных».

Смерть Людовика XVIII. Отклонение проекта конверсии имело своим последствием перемену в составе министерства. Шатобриан в палате депутатов, равно как и в палате пэров, воздержался от защиты законопроекта и от того, чтобы склонять своих друзей вотировать за него. Виллель без особого труда добился от Людовика XVIII, который вообще недолюбливал Шатобриана, отставки министра иностранных дел. Тогда Шатобриан ударился в крайнюю оппозицию и увлек за собой *Журналъ де Деба (Journal des Débats)*. Портфель министра иностранных дел был передан графу Дама, который с момента окончания испанской экспедиции заменял герцога Беллюнского в военном министерстве. В совет были приглашены два влиятельных члена Конгрегации: герцог Дудовиль в качестве министра двора и сын его Состэн де Ларошфуко, друг королевской фаворитки дю Кайла, в качестве директора

департамента изящных искусств. Последний был таким образом вознагражден за свое деятельное участие в деле подкупа органов печати. Так как преследования газет часто кончались оправданием или легкими приговорами, то министерству пришла мысль купить известное число газет как правой, так и левой оппозиции для того, чтобы или вовсе прекратить их издание, или же переменить состав их редакций. Деньги для этой цели брались из секретных фондов и с цивильного листа. Таким образом были приобретены *Молния (La Foudre)*, *Орифламма (L'Oriflamme)*, *Парижская газета (Journal de Paris)*, *Французская газета (Gazette de France)* и *Европейские картинки (Les Tablettes Européennes)*, из редакций которых немедленно ушли такие сотрудники, как Тьер, Ремюза и Минье. Попытка купить *Ежедневник (La Quotidienne)* закончилась скандалом, который был разоблачен Ла Бурдоннэ с парламентской трибуны. Более простым средством принудить оппозицию к молчанию было восстановление цензуры; к этому средству и прибегнул Виллель за несколько недель до смерти Людовика XVIII, который скончался 16 сентября 1824 года.[1] Торжественные похороны его состоялись в базилике Сен-Дени через месяц со всей помпой и церемониалом дореволюционной эпохи. Граф д'Артуа сделался королем под именем Карла X.

Карл X. Мы уже видели, чем был Карл X: он обещал быть королем эмигрантов и действительно стал им. Людовик XVIII, повидимому, предвидел опасность, угрожавшую Бурбонам со стороны подобного государя, если только верно, что на своем смертном одре, протягивая руку для благословения маленького герцога Бордосского, он произнес знаменитые слова: «Пусть Карл X побережет корону этого ребенка!» Следует заметить, что вступление Карла X на престол не вызвало никакого беспокойства в стране, не знавшей настоящих намерений короля, и что даже в Париже при своем торжественном въезде в город он был встречен горячими приветствиями национальной гвардии и народа. Его приветливое обращение, доступность, удачные словечки доставили ему даже известную популярность, которая на время еще возросла благодаря некоторым ловким мероприятиям, вроде многочисленных помилований лиц, пострадавших за политические преступления, и отмены цензуры. Но это первое хорошее впечатление быстро изгладилось. Принятые им с первых же дней

---

[1] Во французском тексте грубая опечатка: вместо 1824 года указан 1825 год! — *Прим. ред.*

царствования меры другого характера с ясностью обнаружили подлинное умонастроение короля. Не оставалось места ни для какого сомнения в том, что Карл X был человеком прошлого хотя бы уже потому, что он восстановил старинные титулы *дофина* и *дофины*, *madame* и *mademoiselle*, и старинные должности вроде *menin* (пестун принца). Его ненависть ко всему тому, что так или иначе было связано с новыми веяниями, в скором времени с особенной яркостью обнаружилась в факте увольнения в отставку более 250 генералов, находившихся с 1 января 1816 года не у дел, в том числе Груши, Вандамма, Газана, Эксельманса. Наконец, тронная речь возвещала палатам желание короля представить последовательно на рассмотрение парламента «улучшения, требуемые священными интересами религии, а также важнейшие отрасли законодательства». Она возвещала им также, что наступил момент осуществить мудрый план, намеченный Людовиком XVIII для уврачевания последних ран, нанесенных революцией. Таким образом, сменился король, но система правления осталась та же. Карл X продолжал дело своего брата; он сохранил и его министров и его программу вместе с законом о святотатстве и вознаграждением эмигрантов. Программе этой предстояло даже несколько расшириться, так как к ней вскоре должны были прибавиться законы о майорате и о прессе. Наконец, в царствование столь набожного короля религиозные вопросы должны были занять самое выдающееся место, и клерикальная партия намерена была попытаться добиться в этом вопросе самых широких уступок.

Закон о святотатстве. Это немедленно обнаружилось в палате пэров, где первые же два внесенных законопроекта касались учреждения женских монастырей и святотатства. Предлагалось, в нарушение действующих законов, предоставить королю право разрешать простым ордонансом основание женских монашеских орденов. Паскье высказался против этой системы, которая, логически развиваясь, должна была впоследствии повести к такому же нарушению закона в пользу мужских монашеских орденов. Таким путем можно было в один прекрасный день притти и к юридическому восстановлению ордена иезуитов, которые фактически возвратились во Францию, но существование которых было незаконным. Паскье одержал верх над Виллелем, и закон был исправлен в том смысле, что ни одна новая конгрегация не могла быть основана помимо голосования палат.

Закон о святотатстве встретил более ожесточенную, но менее удачную оппозицию. Новый проект был воспроизведением

проекта предыдущей сессии, но в гораздо более суровом виде. По новому проекту смертная казнь грозила уже не только за кражу со взломом, но и за осквернение священных сосудов; этот закон доходил даже до того, что назначал «казнь отцеубийц», т. е. отсечение кисти и обезглавление, за осквернение святых даров. Даже целиком сочувствовавшая проекту комиссия предложила смягчение текста: внесена была оговорка, что такая суровая мера пускается в ход, только если осквернение святых даров произошло в публичном месте. Моле, герцог де Бройль, Ланжюинэ, Барант, Паскье, Порталис, Понтекулан выступили против этого проекта. Шатобриан подвел резюме всем аргументам, говорившим за отклонение закона. Он доказал, что этот закон противоречит самому духу христианства, и заклеймил его в короткой фразе: «Этот проект оскорбляет человечество, не доставляя охраны религии». Бональд, защищавший проект с искренним фанатизмом, прибегал к самым плачевным приемам: по его словам, общество, передающее святотатца в руки палача, тем самым только отсылает его пред лицо его естественного судьи. В палате сам министр Пейронне готов был свалить ответственность за этот закон на депутатов. «Этот законопроект— дело ваших рук»,— заявил он. Несмотря на красноречие Ройе-Коллара, закон был принят 210 голосами против 95. А через 5 дней он был опубликован.

Закон этот вызвал в стране настоящее оцепенение. «Я берусь предсказать контрреволюционной партии,— сказал Ройе-Коллар,— что жестокие репрессии, даже если они останутся только на бумаге, повредят ей самой и падут позором на ее голову». Предсказание его оказалось исключительно верным. Хотя закон этот никогда не был применен на практике, тем не менее он сильно подорвал авторитет легитимной монархии и больше всех других законов оттолкнул от нее симпатии общества.

Миллиардное вознаграждение эмигрантов. Закон о вознаграждении эмигрантов произвел еще худшее впечатление, так как материальные последствия его сразу же дали себя почувствовать всему населению. С другой стороны, дебаты по поводу этого закона вновь пробудили чувство оскорбленного французского патриотизма, чуткость которого вообще усилилась вследствие условий, в которых произошло восстановление Бурбонов. Карл X называл эту меру «великим актом справедливости и мудрой политики». Возможно, что это и было политическим актом в том смысле, что владельцы национальных имуществ, до сих пор, невзирая на формальные гарантии,

Ф. ШАТОБРИАН

С портрета Жироде

даваемые им хартией, постоянно беспокоившиеся за свою собственность, могли отныне считать себя совершенно обеспеченными от всяких посягательств на нее. Но это уже во всяком случае не было актом справедливости. Совершенно неоспоримо, что на вознаграждение имели право те эмигранты, которые просто оставили пределы Франции для спасения своей жизни. Но для тех из них, которые содействовали нашествию иностранцев на Францию и подняли оружие против своего отечества, конфискация имуществ была наказанием вполне законным. Кроме того, вознаграждение касалось интересов одних лишь владельцев недвижимой собственности; а между тем от революционных законов пострадало немало лиц, богатство которых заключалось в движимой собственности. Наконец, французы, подвергшиеся иностранному нашествию, пострадали не меньше, чем виновники этого нашествия; и разве справедливо было заставлять первых нести на себе всю тяжесть уплаты вознаграждения вторым?

Эти соображения были высказаны в палате пэров и в палате депутатов двумя лицами, которые, принадлежа к старому привилегированному сословию, лично могли от этого закона только выиграть. Мы говорим о герцоге де Бройле и о графе де Тиаре. «Истинный смысл этого закона,— сказал герцог де Бройль,— заключается в желании подчеркнуть, что эмигранты защищали справедливые права и боролись за правое дело; а это равносильно осуждению всех тех, кто сражался за независимость страны, т. е. семи восьмых Франции». Авторы закона претендовали на то, чтобы залечить последние из нанесенных революцией ран; в действительности же они этим только оживляли старые раздоры и страсти и «раздували плохо потушенный пожар». В палате депутатов речь генерала Фуа, выступившего и против самого принципа вознаграждения и против чрезмерности предложенной суммы, произвела такое впечатление даже на предубежденное собрание, что Виллель счел нужным сейчас же на нее ответить. Министру приходилось бороться не только с левой оппозицией. Крайняя правая находила проект недостаточным; она называла проданные во время революции имущества *крадеными*. Де Бомон предлагал, чтобы эмигрантам были возвращены их прежние владения и чтобы вознаграждение, если только оно безусловно необходимо, было выдано покупщикам отобранных национальных имуществ. В конце концов министерский проект был принят обеими палатами. Но в палате депутатов против законопроекта высказалось 124 голоса, т. е. гораздо больше, чем предполагали его авторы.

Всем земельным собственникам, владения которых по каким бы то ни было мотивам были конфискованы во время революции, предоставлено было денежное вознаграждение, размеры которого были в 20 раз больше, чем доход от их земель в 1790 году. Так как общий доход от конфискованных имуществ в 1790 году оценивался в 30 миллионов, то выпущено было на 30 миллионов трехпроцентной ренты с номинальным капиталом в один миллиард. Вся операция должна была закончиться в 5 лет. В действительности было размещено 26 миллионов ренты, представлявшей капитал в 625 миллионов. Распределение производилось весьма неравномерным образом. Как и предвидел генерал Фуа, самые крупные суммы достались лицам, окружавшим короля. Герцог Орлеанский, которому закон, навязанный Карлом X своим министрам, только что возвратил удельные имения, формально уничтоженные Учредительным собранием, получил тем не менее и при распределении вознаграждения 17 миллионов франков.

Последствием закона о вознаграждении эмигрантов явилась конверсия ренты в трехпроцентную; эта конверсия стала необходимой для того, чтобы можно было покрыть новые расходы без введения новых налогов и повышения старых.

Борьба с «поповской партией». 29 мая 1825 года Карл X короновался в Реймсе с соблюдением старинного церемониала. Послание архиепископа Латиля заявляло в совершенно определенных выражениях, что король получает свою корону по наследству от своих предков и что, обращаясь к церковному освящению, он намерен просить у неба благодати, необходимой для выполнения долга, налагаемого на него его правами. Это было новым торжеством для сторонников Конгрегации и для *поповской партии*, претензии и требовательность которой возрастали с каждым днем.

С согласия короля они заставили Виллеля возбудить преследование против двух либеральных газет — *Французского Вестника (Le Courrier Français)* и *Конституционалиста (Le Constitutionnel)*, — которые провинились в том, что разоблачили интриги своих противников, отметили совершенно нерелигиозный характер деятельности миссий и протестовали против возвращения иезуитов во Францию. Прокурор Беллар требовал приостановки *Конституционалиста* на месяц, а *Вестника* на три месяца «ввиду направления данных газет, которое явствует из общего их содержания и которое способно нанести ущерб должному уважению к государственной религии». Парижская судебная палата под председательством Сегье отвергла требования прокурора. Как гласил приговор суда,

«ни в коем случае нельзя признать нарушением должного уважения к государственной религии или злоупотреблением свободой печати обсуждение или осуждение появления в стране всяких недозволенных законом ассоциаций, указание на заведомо имевшие место поступки, противные религии и даже добрым нравам, или на менее достоверные опасности и излишества доктрины, которая одновременно угрожает независимости монархии, верховной власти короля и общественным вольностям, гарантированным хартией и декларацией французского клира в 1682 году, декларацией, которая всегда признавалась и провозглашалась государственным законом». Этот приговор привел ультрамонтанов в крайнюю ярость.[1] Но их притязания начинали уже пугать даже искренно религиозных и преданных королевской власти людей; в газете *Белое знамя (Le Drapeau Blanc)* граф де Монлозье в целом ряде резких и сильных статей указал на опасность, которая угрожает государству, обществу и религии от тайной и противозаконной организации иезуитов.

Закон о майсрате. За несколько дней до произнесения этого приговора парижским судом скончался генерал Фуа. Его похороны послужили поводом к грандиозной манифестации. 30 ноября магазины на бульварах были закрыты в знак траура, и стотысячная толпа провожала гроб на кладбище Пер-Лашез. Публичная подписка в пользу его детей, которых он оставил без всяких средств к существованию, в несколько недель дала миллион. Эта манифестация была глубоко знаменательна; она ясно подтверждала справедливость слов, произнесенных в палате депутатов Казимиром Перье: «Здесь, в зале заседаний, нас только 7 человек, но за нами стоит вся Франция».

Король и его министры не хотели этого понять, и первый же закон, представленный палатам в течение сессии 1826 года, относился к восстановлению майората. В изложении мотивов Пейронне заявлял, что речь идет о том, чтобы положить конец мобилизации поземельной собственности, а также об образо-

---

[1] Ультрамонтанами назывались лица, настаивавшие на беспрекословном повиновении папе во всех вопросах об отношениях церкви и государства; а «галликанской партией» называлась партия, стремившаяся ограничить бесконтрольную власть папы властью собора французских епископов, который должен был обеспечить за французской церковью известную степень самостоятельности относительно папы. Галликанцы признавали, что в делах, не касающихся догматов церкви, государственная власть имеет право на повиновение со стороны духовенства. Слово «ультрамонтан» означает в точности человека, живущего «за горами», или приверженца той власти, представитель которой живет «за горами» (за Альпами), в Риме. — *Прим. ред.*

вании и упрочении помещичьих родов в интересах укрепления устоев общества. По этому законопроекту, в случаях перехода недвижимого имущества, с которого взималось не менее 300 франков поземельного налога, без завещания *(ab intestat)*, та часть этого имущества, которою наследодатель мог бы распорядиться по своему усмотрению, должна перейти по праву майората к старшему сыну. А преимущественная доля *(le préciput légal)*, которая по закону отходит к одному из сонаследников, должна предпочтительно браться из недвижимостей. Равным образом разрешались двухстепенные субституции.

Этот проект имел вид настоящего вызова, брошенного в лицо общественному мнению. Закон этот являлся прямым посягательством на равенство, т. е. на то завоевание революции, которым французы дорожили больше всего. Несмотря на то, что закон этот мог интересовать только 80 000 семей из примерно шести миллионов общего количества французских семей и что он ни в коей мере не принуждал отца семейства создавать майораты для старшего из своих сыновей, так как оставлял за ним полную свободу составления завещания, — закон этот вызвал во всей стране невероятное волнение. За дебатами в палате пэров следили с величайшим интересом. Проект, имевший очень плохого защитника в лице Пейронне, подвергся одновременно нападкам и со стороны людей, выдвинутых революцией, как Моле, Паскье и Молльен, и со стороны представителей древней знати, как Барант и де Бройль. 120 голосов против 94 высказались против первого параграфа, представлявшего собой основу всего закона. Статья, относившаяся к субституциям, была принята. Вечером весь Париж был иллюминован; толпа двигалась по бульварам, выкрикивая приветствия палате пэров. Радость была не менее велика в провинции, где поражение министерства было отпраздновано банкетами.

Кампания против иезуитов. Монлозье. Некоторые газеты объявили этот проект делом иезуитов и духовенства, после чего кампания против ультрамонтанов возобновилась с новой силой. Монлозье напечатал «Справочную записку», в которой он, отметив влияние «поповской партии» на министерство, палату и администрацию, требовал применения эдиктов, изданных некогда против иезуитов, исполнения законов, направленных против вмешательства духовенства в светские дела, и признания обязательным изучения декларации 1682 года в семинариях.

Появление в свет сочинения Ламеннэ «Религия, рассматриваемая в ее отношениях к политическому и общественному

строю», которое представляло собой нечто вроде ультрамонтанского контрманифеста, насквозь проникнутого духом Григория VII и Иннокентия III, довело страсти до крайнего напряжения. Министерство, с одной стороны, прекратило выдачу пенсии Монлозье, а с другой — отдало под суд Ламеннэ, надеясь таким образом удовлетворить всех. Но при обсуждении военного бюджета и сумм, отпущенных на содержание полковых священников, депутат Ажье, ярый роялист, в свою очередь напал на «тайную власть иезуитов в коротком платье» и заявил, что если Франция вынесла военный деспотизм, то она ни в коем случае не намерена терпеть деспотизм лицемерия.

Через несколько дней при обсуждении бюджета культов аббат Фрейсину, министр духовных дел, желая доказать, что Конгрегация ничуть не опасна, признал ее существование, которое до тех пор отрицалось самым энергичным образом; он признал также, что иезуиты вернулись во Францию, хотя и прибавил, что их терпят не как орден, а как отдельных лиц... «Не приходится,— сказал он,— опасаться их влияния на дело народного образования, так как в их руках находится всего семь учебных заведений, заведывание которыми доверено им епископами». Эта речь, которую Виллель характеризовал как «наивную неосторожность», получила в стране самую широкую огласку. В палате пэров Ленэ, при поддержке Паскье, спросил, что означает эта терпимость? А Монлозье подал в парижский суд формальную жалобу на религиозные и политические конгрегации, образованные в нарушение закона, на иезуитов и на тех епископов, которые в своих посланиях восхваляли этот орден и ультрамонтанские доктрины Ламеннэ. Большинством сорока голосов против пятнадцати суд вынес приговор, гласивший, что действующие законы решительно не допускают восстановления иезуитского ордена ни в какой форме, но что закрытие учебных заведений и роспуск ассоциаций, образовавшихся вопреки государственным постановлениям, эдиктам, законам и декретам, являются исключительно делом высшей государственной полиции. Поэтому суд признал себя некомпетентным по вопросу, возбужденному Монлозье.

«Закон справедливости и любви». Решение парижского суда было как бы предупреждением правительству. Однако правительство не поняло смысла аплодисментов, которыми встречено было это решение, так же, как в свое время не поняло и значения подписки, открытой в пользу детей генерала Фуа. От правительства требовали, чтобы оно освободилось от влия-

ния ультрамонтанов, — оно ответило законопроектом о печати.

Законопроект был направлен прежде всего против непериодических изданий. Всякое сочинение объемом в 20 листов и менее должно было за пять дней до выпуска в свет быть представлено в управление книжного ведомства. Всякое нарушение закона влекло за собой конфискацию издания и, кроме того, денежный штраф в 3000 франков для владельца типографии. Выпуск хотя бы части издания из стен типографии до истечения законного срока приравнивался к печатанию подпольных сочинений и наказывался штрафом в 3000 франков. Сочинения, размером не превышающие 5 листов, облагались гербовым сбором в 1 франк с первого листа каждого экземпляра и по 10 сантимов со следующих листов.

Ни одно периодическое издание не могло выйти в свет без предварительного объявления имени издателей, их адреса и адреса типографии. Каждый лист в 30 квадратных дециметров подлежал гербовому сбору в 10 сантимов. Владельцы газет несли ту же ответственность, что и владельцы типографий, и на одну газету их полагалось не больше пяти. В случаях оскорблений личности судебное преследование начиналось ex officio.[1] Денежный залог и штраф были сильно повышены, и закон не жалел тюремного заключения для виновников. Наконец, закону придана была обратная сила, так что всякое общество, не соответствовавшее постановлениям этого закона, подлежало роспуску.

Прочитав этот законопроект, Казимир Перье резюмировал его сущность следующей короткой фразой: «Типографское дело уничтожено во Франции в пользу Бельгии». Через несколько дней в *Монитере* появилась статья, защищавшая планы Пейронне и именовавшая предлагаемый закон «законом справедливости и любви». Этому выражению, так же как и выражению Шатобриана «вандальский закон», суждено было сохраниться. Либеральная пресса и органы правой впервые оказались единодушными в своей кампании против закона, «нарушавшего все права и сулившего всеобщее разорение». Промышленники, почувствовавшие угрозу себе со стороны нового закона, подали коллективные протесты. Даже Французская Академия, несмотря на свой ультрароялистский характер, сочла нужным представить королю ходатайство, составленное Шатобрианом, Лакретелем и Вильмэном. Король отказался принять это прошение, а министерство

---

[1] Т. е. по собственной инициативе властей, не ожидая жалобы оскорбленного лица. — *Прим. ред.*

вычеркнуло Вильмэна из числа докладчиков в Государственном совете, Лакретеля — из списков драматических цензоров, Мишо же был лишен должности королевского чтеца.

В палате депутатов прения по поводу закона длились целый месяц. Против проекта и против министров с одинаковой энергией выступали ораторы как крайней правой, так и левой — Ажье, Ла Бурдоннэ, Бенжамен Констан и Ройе-Коллар. «Не будет больше ни писателей, ни владельцев типографий, ни газет — таков предстоящий нам режим печати,— сказал Ройе-Коллар.— По сокровенной мысли авторов этого закона выходит, что в великий день сотворения мира была допущена неосмотрительность, выразившаяся в том, что человек, единственный во всей вселенной, вышел из рук творца свободным и разумным существом, отчего и произошло все зло и все заблуждения. И вот появляется более высокая мудрость, которая берется исправить эту ошибку провидения, ограничить его неблагоразумные дары и оказать премудро оскопленному человечеству услугу в том смысле, чтобы привести его в состояние блаженного неведения животных». «Из уважения к человечеству,— закончил Ройе-Коллар свою речь,— которое этим законом унижается, и к справедливости, которую он оскорбляет, я искренно скорблю о внесении такого законопроекта». Закон со значительными поправками был, однако, принят 233 голосами против 134.

Состав комиссии, выбранной для рассмотрения закона в палате пэров, ясно показывал, что закон будет отвергнут. Впрочем, верхняя палата уже дала доказательство своей независимости, постановив, согласно заключениям Порталиса и вопреки возражениям аббата Фрейсину, переслать министерству жалобы Монлозье на иезуитов. Таким образом, комиссия для рассмотрения закона о печати превратилась в следственную комиссию и вызвала для опроса заинтересованных лиц: журналистов, владельцев типографий и книготорговцев. Между тем пэры были глубоко возмущены безобразными происшествиями, вызванными грубым поведением полиции во время похорон герцога Ларошфуко-Лианкура. Министерство убедилось, что, настаивая на своем проекте, оно придет к верному поражению, и взяло его обратно. Как и после отклонения закона о майорате, Париж и другие крупные города устроили иллюминацию, и шумные манифестации в честь палаты пэров происходили повсюду.

Роспуск национальной гвардии. Ряд постигших правительство неудач, как и всеобщие манифестации, должны были бы открыть глаза и королю и Виллелю. Министр должен был бы

понять, что ему пора устраниться, тем более, что сам избирательный корпус все более расходился с министрами и на частичных выборах несколько раз систематически проходили одни только либеральные кандидаты. В палате депутатов самую резкую оппозицию составляла уже не левая, а крайняя правая, и лица, входившие в «партию отступников»,[1] несколько раз уже заговаривали о предании министерства суду и об отказе от вотирования бюджета. Но Виллель не только не думал об уходе в отставку, но, напротив, намерен был во что бы то ни стало удержаться у власти, не отступая перед применением все более насильственных средств.

Через десять дней после того как правительство взяло обратно законопроект о печати, 29 апреля король производил на Марсовом поле смотр национальной гвардии. Его встретили бурными приветствиями. Но вскоре к крикам «Да здравствует король!» примешались крики «Да здравствует хартия!», а когда легионы проходили церемониальным маршем, направляясь в свои казармы, перед домом министра на улице Риволи раздались крики «Долой министров! Долой Виллеля!». В тот же вечер на концерте у герцогини Беррийской Виллель просил короля немедленно распустить национальную гвардию. Невзирая на возражения подавших в отставку герцога Дудовиля, аббата Фрейсину и Шаброль-Крузоля и вопреки собственному желанию, король дал Виллелю разрешение распустить национальную гвардию. Это было крупнейшей ошибкой, так как мера эта вызвала неудовольствие всей парижской буржуазии, до тех пор настроенной враждебно только против министров, но еще преданной Карлу X. К тому же национальным гвардейцам было оставлено их оружие, которым они и воспользовались в июле 1830 года для борьбы с королевской властью.

Отсрочка парламентских заседаний. Коалиция оппозиционных элементов. При обсуждении бюджета на 1828 год против Виллеля, кроме обычных его противников из крайней правой и левой, выступила новая оппозиция. Некоторые депутаты умеренной правой отказались вотировать бюджет и стали обвинять министра вместе с Готье в том, что он волнует общественное мнение, вносит раздоры в ряды сторонников порядка, играет — по непредусмотрительности или по слабости — в руку врагам свободы, ведет к озлоблению клерикальной партии и своим упорным желанием во что бы то ни

---

[1] Т. е. роялисты, не желавшие поддерживать крайний реакционный курс, взятый Виллелем с 1824 года. — *Прим. ред.*

стало остаться у власти ставит под угрозу самое существование конституционной монархии. Поэтому, как только бюджет был вотирован обеими палатами, Виллель поспешил закрыть парламентскую сессию.

Министр решил дать своим врагам последнее сражение — изменить состав верхней палаты путем назначения новых пэров, распустить палату депутатов и путем энергичного давления на выборы добиться благоприятного для себя большинства в новой палате. Через два дня после закрытия парламентской сессии простым указом была восстановлена цензура: ни один номер газеты и ни одно периодическое издание не могли выйти в свет без предварительной визы. Эта мера оказалась, впрочем, совершенно бесполезной и повела лишь к тому, что еще больше озлобила противников Виллеля и заставила их теснее сблизиться. Брошюры ускользали от цензуры, а тайная розничная продажа шла почти совершенно свободно. Образовалось общество для защиты свободы печати, одним из самых пылких инициаторов которого был Шатобриан. В общество вошли писатели, принадлежавшие как к левой, так и к крайней правой, и оно издавало брошюры и тех и других.

С другой стороны, так как все предвидели роспуск палаты, образовалось другое общество, решившее держаться на строго легальной почве, с тем чтобы организовать партию оппозиции, ввести в определенные рамки ее стремления и подготовить избирательную кампанию. Это общество называлось: «Помогай себе сам, — и небо тебе поможет» *(Aide-toi, le ciel t'aidera)*.[1] Основателями его были сотрудники газеты *Глобус (Globe)*, молодые доктринеры, которые при возникновении газеты в 1826 году наметили себе программу — держаться на равном расстоянии от всех крайних партий, образовать нечто вроде партии золотой середины и бороться за всеобщую терпимость и свободу. В вопросе о иезуитах и в период разоблачений, сделанных Монлозье, установки редакции этой газеты обратили на себя внимание. Она защищала ту мысль, что свобода мнений должна быть неограничена, что ультрамонтанская доктрина имеет такое же право на уважение, как и всякая другая, и что иезуиты имеют право на свободу преподавания. Благодаря таланту своих сотрудников — Вите, Жуффруа, Ампера, Дюшателя, Ремюза, Сент-Бёва и Гизо — газета быстро приобрела большое влияние. Эти же самые люди руководили и новым обществом, президентом которого

[1] Соответствует русской пословице «На бога надейся, а сам не плошай». — *Прим. ред.*

был Гизо. Рекомендованная ими тактика заключалась в коалиции всех оппозиционных сил и в выставлении общих избирательных списков, в которые в день голосования должны были войти все кандидаты как правой, так и левой, решившиеся опрокинуть министерство Виллеля.

Роспуск палаты. Падение Виллеля. Возвратясь из путешествия в Сент-Омерский лагерь и в северные департаменты, Карл X, составивший себе по встречавшим его приветствиям преувеличенное понятие о своей популярности и заблуждавшийся относительно предела того, что страна способна от него вытерпеть, склонился к мнению своего министра. Он назначил 6 ноября 76 новых пэров, подписал указ о роспуске палаты и назначил новые выборы на 17 и 24 ноября. Цензура была отменена; на эту меру, как и на победу при Наварине (1827), рассчитывали в смысле привлечения части избирателей на свою сторону.

Но иллюзия эта продолжалась недолго. В Париже либералы собрали пять шестых всего числа голосов. Ройе-Коллар был избран в семи коллегиях, а Пейронне, выставивший свою кандидатуру в Бурже и в Бордо, провалился в обоих этих городах. Левая насчитывала 180 депутатов; оппозиционная правая — 70; сторонники министерства располагали не более чем 170 голосами. Поражение было полное.

Виллелю ничего больше не оставалось, как уйти в отставку. Однако весь декабрь прошел в бесплодных переговорах, имевших прежде всего целью позволить Виллелю остаться во главе измененного министерства. Но когда все комбинации провалились, Карл X одно время стал думать о Полиньяке, бывшем тогда посланником в Лондоне. Но затем, по совету Шаброля, которому он тоже поручил было составить кабинет, Карл X 4 января 1828 года решился доверить портфель министра внутренних дел Мартиньяку, которого он поставил одновременно и во главе министерства. Товарищами Мартиньяка по кабинету были: Ла Ферронэ — министр иностранных дел, Порталис — юстиции, Руа — финансов, де Ко — военный министр, Шаброль — морской, Сен-Крик — министр торговли; в министерстве церковных дел, из которого было выделено народное просвещение, остался Фрейсину; Виллель, Корбьер, Пейронне и Клермон-Тоннер были произведены в пэры.

Министерство Виллеля было министерством непрерывных капитуляций перед требованиями крайней правой. Чувствуя всю опасность крайностей этой партии, Виллель иногда проявлял попытки к сопротивлению, но затем снова поддавался им и уступал, ничего при этом не выигрывая в глазах крайних

роялистов, которые помнили только о его противодействии. О нем говорили, что он всегда на год отстает от авангарда контрреволюции, и по тому, что́ он отвергал в данном году, можно было судить о том, что́ он будет защищать в следующем. Таким образом, он оттолкнул от себя и тех, кого пугали новые законы, и тех, кто их ему навязал. Он не руководил, а позволял собою руководить, но при этом якобы сопротивляясь. Политическим результатом его пребывания у власти была всеобщая смута в стране, распавшейся на враждебные лагери, сильное возбуждение религиозных страстей и падение престижа самого короля в общественном мнении. Но Виллелю следует отдать справедливость в том смысле, что его финансовая политика была замечательна: он старался установить повсюду порядок и экономию, и материальное благосостояние Франции при нем значительно повысилось. Наконец, в сношениях с иностранными государствами он всегда умел говорить веским и решительным тоном, приличествующим достоинству великого народа.

ГЛАВА IV

РОССИЯ

ВНУТРЕННЯЯ ИСТОРИЯ

АЛЕКСАНДР И НИКОЛАЙ

1815—1847

Прежде чем продолжать историю революций Восточной Европы этого периода, следует охарактеризовать один из наиболее могущественных факторов этих драматических событий, показать, что́ представляла собою в эту эпоху Российская империя. Посмотрим, чем была Россия в последние годы царствования Александра I и в первые годы царствования Николая I.

Мистицизм Александра. Мы видели, каким событием было омрачено начало царствования Александра I. [1] С того времени поверхностная, но тонкая и сложная натура Александра находилась под неотступным впечатлением скорбного и трагического воспоминания, и никогда не покидавшее его религиозное чувство все больше и больше окрашивалось меланхолией и тоской. Гибель Москвы, спасение России и ее торжество придали этому религиозному чувству новые силы и новое направление. Как можно было не сделаться верующим после «чуда 1812 года»? Возвышение России после стольких бедствий, ее военные успехи и последовавшая за ними мировая слава — разве все это не было делом рук «провидения»? Но религиозное чувство царя, одновременно экзальтированное и утонченное, находило мало удовлетворения в русском православном культе, состоявшем почти исключительно из обрядов, в культе, лишенном влияния на внутренний мир человека и не испытавшем на себе живительного действия религиозных кризисов Запада. [2] Множество русских людей

---

[1] См. т. II, стр. 128.

[2] Этой неясной фразой автор выражает мысль, будто католицизм более «живителен» для душевного мира человека, чем православие. Только что в пред-

этой эпохи томилось той же скорбью, что и император. Они стремились разбить узкие рамки национальной религии и вне их искали согревающего тепла и жизни. Одни возвращались к старым ересям, к расколу, не подвергавшемуся больше преследованию властей; другие давали себя соблазнить тайнам масонства, число лож которого в империи непрерывно возрастало. Некоторые, как, например, семейства Голицыных и Гагариных, стремились обрести свое моральное возрождение в католицизме. А изгнанные из Петербурга в 1815 году, но терпимые в империи до 1820 года иезуиты занимались обращением мятущихся в новую веру. Еще большее количество людей искало морального возрождения в протестантизме, плодотворном в своей свободе и в своем разнообразии, и для них библия, которую до тех пор мало читали как русские, так и французы, являлась как бы чудесным откровением. Повсюду возникали библейские общества, большею частью английского происхождения: в Петербурге было учреждено отделение Лондонского британского и иностранного библейского общества. Оно получило разрешение переводить библию на все неславянские языки империи, тогда как право перевода на русский язык оставалось за святейшим Синодом. Скоро образовалось Русское библейское общество, и даже в Черкасске появилось библейское общество казаков. Россия словно была обуреваема жаждой познания неизвестного, и эту эпоху можно считать началом того великого движения умов, которое в наши дни привело к Толстому и толстовству. [1]

Александр I, чувствительный и почти женственный по натуре, увлекся этим движением, резко отличаясь в этом смысле от своих братьев Константина и Николая, которых вполне удовлетворяла государственная религия, являвшаяся прочной опорой государственного строя и военной дисциплины. Было известно, что царь давал аудиенцию депутации квакеров, молился и плакал вместе с ними, целовал руки их старейшине Аллену. Впрочем, «свет» ловили отовсюду, откуда бы он ни шел, и министр просвещения Голицын принимал

шествующей главе читатель мог ознакомиться с тем, как возмущались *в это самое время* все сколько-нибудь свободные умы во Франции притязаниями католической церкви. Католицизм, православие и все иные существующие и существовавшие религии всегда в одинаковой мере выступали противниками человеческого прогресса, сознательным орудием угнетения и одурманивания масс. — *Прим. ред.*

[1] Толстовство не имеет ровно ничего общего с движением, о котором здесь идет речь, уже потому, что Толстой резко и категорически отрицает «божественность» Христа и все без исключения существующие церкви. Неправ также автор и касательно тяги к протестантизму: ничего подобного не было. — *Прим. ред.*

в Зимнем дворце Татаринову, главу секты хлыстов, и присутствовал при их священной пляске, в то время как царь в письме к одному отцу семейства ручался, что во всем этом нет ничего «противного религии».

В эту эпоху в Европе процветало целое поколение женщин, проникнутых религией и бывших в то же время интриганками, жаждущими влияния. Они смело обращались к сильным мира сего, так как говорили от имени бога и с библией в руках. Все эти проповедницы, обращавшие ищущих в истинную веру, становившиеся при случае просительницами и имевшие одну общую черту — ненависть к Наполеону, образовали после уничтожения Великой армии нечто вроде Армии спасения. Самой знаменитой из них была Юлия Фитингоф, разведенная жена барона Крюднера. После весьма светской жизни она вдруг сделалась набожной и мистически настроенной. С 1812 года она предсказывала падение «черного ангела», т. е. Наполеона, и наступление эры мира и всеобщего счастья под покровительством «белого ангела», т. е. Александра. Она предрекала также обновление мира через Священный союз царей и торжество евангелия в братстве народов. Ее письма попали в руки Александру, который их жадно прочитал и разрешил пророчице писать непосредственно ему самому. После первого падения Наполеона Крюднер предсказала возвращение его с острова Эльбы и новое кровопролитие, за которым последует всеобщий мир. Когда это ее предсказание почти целиком оправдалось, она в Гейльбронне в июне 1815 года удостоилась чести быть представленной царю. После этого Крюднер виделась с Александром довольно часто, сделала его главной приманкой своего салона и приобрела большое влияние на царя и его приближенных. Она, можно сказать, продиктовала ему знаменитый акт Священного союза (26 сентября 1815 г.).[1] Крюднер присутствовала также на большом смотру в равнине Вертю и затем приветствовала царя речью, прославляя его величие и то, что он «осмелился во главе своей армии открыто исповедывать спасителя, благословившего его, и бога, который создал его примером всему миру». Приближенных Александра стало беспокоить влияние, которым пользовалась баронесса. Прусский король говорил, что «она обладает всеми небесными дарами, кроме здравого смысла». Александр, боясь, наконец, оказаться смешным, сперва перестал с ней видеться, затем отказался полу-

[1] Это — преувеличение. Есть данные, говорящие о том, что идея Священного союза зародилась у Александра еще летом 1813 года, после битвы под Люценом и задолго до сближения с баронессой Крюднер. — *Прим. ред.*

чать от нее длинные послания, обильно снабженные выдержками из библии и евангелия; потом запретил ей проповедывать в пределах его владений [1] и, наконец, в 1818 году выслал ее из Петербурга, [2] поступив с нею, между прочим, так, как он всегда поступал с людьми, которыми больше всего увлекался.

Новая эволюция в настроении Александра. Возврат к деспотизму. 1815 год был как бы апогеем славы Александра. Он представлялся не только победителем победителей, но и как бы всемирным освободителем. Он был единственным «либералом» среди коалиционных государей. Казалось, что ему одному Германия, Италия и Нидерланды обязаны своим освобождением, Швейцария — своей автономией, Сербия — своим спасением, а Франция — своей хартией. Он реформировал Польшу и дал ей конституцию. Он помышлял также о том, чтобы дать конституцию России. Даже негры находили в нем защитника: он был решительным аболиционистом. В своих собственных владениях он освободил крестьян Эстляндии (в 1816 г.), Курляндии (в 1817 г.) и Лифляндии (в 1819 г.).

Но этой его любви к свободе после 1815 года суждено было продержаться не дольше, чем после 1801 г. На европейских конгрессах, где он играл роль царя царей, обнаруживается от конгресса к конгрессу ослабление его либерализма.[3] В 1818 году в Ахене он выступает за эвакуацию французской территории и за либеральную ориентацию политики Людовика XVIII; еще в Карлсбаде он избегает слишком компрометировать себя немецкой реакцией. Но в Троппау,

---

[1] Он запретил Крюднер в 1821 году только агитировать в пользу греков (запрет был ей сообщен частным письмом императора, пересланным через А. И. Тургенева). — *Прим. ред.*

[2] Крюднер высылали также из Бадена, Вюртемберга, Баварии, Саксонии, Базеля и из многих швейцарских кантонов. Она снова увидела Александра лишь в 1821 году и выступила в защиту дела Греции, но ее вежливо выпроводили. Она умерла в 1824 году в шестидесятилетнем возрасте.

[3] Александр I всегда сбивал с толку наблюдавших его и говоривших с ним современников, особенно иностранцев. Полушутя он несколько раз называл себя республиканцем, совсем серьезно говорил о своей ненависти к абсолютизму. Но на деле он самым ревнивым образом охранял свою самодержавную власть и никогда ею ни в малейшей степени не поступался. Уже готовя коалицию в 1804—1805 годах против Наполеона, Александр мечтал о роли «Агамемнона, вождя царей», о том, как коалиция победит Наполеона и водворит легитимную монархию во Франции. Эту роль он и постарался осуществить в 1814—1815 годах. Священный союз не под влиянием Меттерниха, а прежде всего с полнейшего согласия и одобрения самого Александра сделался боевым орудием мировой реакции в 1815—1825 годах. На всех конгрессах Александр был ничуть не меньше Меттерниха защитником различных планов контрреволюционной вооруженной интервенции в Италии, в Испании, в Южной Америке и жестоких поли-

Лайбахе и Вероне он уже проявляет себя врагом либеральных стремлений итальянцев, испанцев, греков. Он уже борется против своего польского парламента и поддерживает во Франции реакционный кабинет своего друга герцога Ришелье. Два факта если не вызвали, то по меньшей мере ускорили эту прискорбную эволюцию. В 1819 году это было убийство царского агента Коцебу, о котором речь будет ниже, и в 1820 году так называемый бунт Семеновского полка, одного из гвардейских полков. Командиром этого полка был настоящий зверь, по фамилии Шварц; Шварц собственноручно бил солдат палкой, дергал их за усы, плевал им в лицо; ни один парад не проходил без палочных ударов. Храбрые солдаты, герои стольких битв, привыкли со стороны своих русских начальников к лучшему обращению, чем обращение этого «проклятого немца». И вот однажды роты Семеновского полка отказались итти на парад. Полковник Шварц, чувствуя себя виновным в этом и боясь ответственности, не посмел ничего предпринять для восстановления порядка. Он спрятался. Этим бунт и ограничился. [1] Царь находился в то время в Троппау. Меттерних, узнавший, повидимому, эту новость раньше самого царя, извлек из нее большую пользу, заставив Александра отказаться от либеральных намерений.

С этого момента в России волею царя началась новая эра, выразившаяся в репрессиях, совершенно не соответствовавших преступлениям. Военный суд приговорил зачинщиков «бунта» в Семеновском полку к повешению, а полковнику Шварцу постановил отрубить голову. Но если Шварц был признан настолько виновным, то разве не заслуживали солдаты, которых он тиранил, некоторого снисхождения? [2] Под предлогом смягчения приговора царь сделал его еще более жестоким: восемь солдат были прогнаны шесть раз сквозь строй через тысячу человек, затем сосланы в сибирские руд-

цейских преследований в германских государствах. Единственным в самом деле близким к нему человеком от начала до конца его царствования был гнусный палач Аракчеев, отношения к которому Александр I *никогда* не изменял. Такова историческая действительность, показывающая, что все «либеральные» слова и разговоры царя, все его намеки на желание дать конституцию не только Польше, но и России и т. п. — были и оставались пустыми словами, без реального значения. В особенности это относится к последнему десятилетию его правления. — *Прим. ред.*

[1] Это не совсем так. Дело началось с принесения «ротою его величества» коллективной жалобы на жестокость Шварца и с требования, заявленного коллективно в строю, об отмене обучения десятками, особенно в праздничные дни. — *Прим. ред.*

[2] Царь заменил Шварцу смертную казнь простым отставлением от службы. — *Прим. ред.*

А. С. ПУШКИН

С портрета Тропинина

ники; другие были расформированы по гарнизонам восточно-европейской части России или Сибири. От славного Семеновского полка осталось одно только имя. Он был целиком заново сформирован.[1]

Реакция. Аракчеев и «обскуранты». Впрочем, Александру казалось, что он имеет основания жаловаться на всеобщую неблагодарность: на неблагодарность со стороны как народов, так и царей, на неблагодарность, проявляемую как либеральной Францией, так и Францией Людовика XVIII, на неблагодарность Германии, Италии, Польши и даже самой России, поскольку произошел мятеж Семеновского полка. Человеком, который явился выразителем этой обиды Александра на род человеческий, человеком, давшим свое имя эпохе беспощадной реакции — *аракчеевщине*, был Аракчеев. Он затмил даже своих помощников — князя Александра Голицына, министра народного просвещения, и фанатичного Серафима, архиепископа Новгородского и Петербургского.

Алексей Аракчеев был одновременно самым верным и самым грубым проводником деспотизма Павла I. Достигнув чина полковника, затем генерала, он был грозой армии из-за своей мелочности по отношению к разным служебным деталям и жестоких взысканий за малейшие упущения, причем дело доходило до того, что он давал пощечины офицерам и немилосердно бил солдат. В 1799 году Палену удалось его удалить. Павел I вернул его слишком поздно для себя, не сумев этим предотвратить катастрофу 12 марта 1801 года. Искренняя и шумная печаль Аракчеева при известии о цареубийстве, портрет царя Александра, который он всегда носил на груди, привлекли к нему неожиданно благосклонность Александра I. Аракчеев был восстановлен во всех своих званиях и должностях, достиг высших чинов и в 1812 году был назначен военным министром.

Аракчеев изобрел для русских солдат и крестьян новый бич в виде *военных поселений*.[2] В деревнях целого ряда уездов Аракчеев поселил солдат; если они еще не были женаты, их заставляли жениться на дочерях крестьян, и сыновья от этих браков обречены были стать солдатами. И солдаты и крестьяне были подчинены одному и тому же военному распорядку. Аракчеев считал эту систему великолепной: солдат

[1] Сыновья нижних чинов Семеновского полка старше десятилетнего возраста были отняты от родителей, обращены в кантонистов и распределены по так называемым «военно-сиротским отделениям». — *Прим. ред.*

[2] Инициатором военных поселений был не Аракчеев, а сам Александр I. — *Прим. ред.*

поможет крестьянину в полевых работах, сыновья крестьян станут солдатами. В сельском хозяйстве не будет недостатка в рабочих руках, у армии — в рекрутах. Казна при этом только выиграет, потому что будут налицо хорошие полки, которые почти ничего не будут стоить. Аракчеев считал, что он вводит в усовершенствованном виде австрийскую систему «военных границ». Но медаль имела и свою оборотную сторону. Русские крестьяне, которые были так привязаны к своим старым привычкам, страдали от этих *поселений*, от слишком тесной жизни с военными поселенцами, от принуждения отдавать за них своих дочерей, от того, что они должны были растить своих сыновей для военной службы и что самим им приходилось переносить двойное рабство: крепостное право и военный режим.

Согласно указу 26 апреля 1817 года в окрестностях озера Ильменя был размещен первый полк; к 1822 году здесь была уже поселена целая дивизия; вскоре численность военных поселений достигла 60 000 солдат и 30 000 лошадей, причем содержание всего этого войска целиком легло на плечи 400 000 крестьян. «Военные поселения» были распространены на Новгородскую, Харьковскую и Екатеринославскую губернии. Вспыхнули восстания, которые были жестоко подавлены. Но военным поселениям не суждено было пережить эпоху, когда Аракчеев был еще в фаворе. [1]

Под влиянием архиепископа Серафима и министра Голицына реакция принимает другой характер: она направляется уже не против солдат и крестьян, а против науки и литературы, она получает название *обскурантизма*.

---

[1] Аракчеев, владевший поместьем в Грузине, по реке Волхову, перенес на управление своими крестьянами те же методически придирчивые привычки, которые он проявлял раньше в казармах. Это была регламентация, доведенная до крайности и простиравшаяся вплоть до самых мельчайших деталей: каждые три года крыши домов полагалось окрашивать заново в красный цвет, причем полагалось употреблять 15 фунтов краски на 40 фунтов масла, и т. д. Малейшее нарушение каралось самым суровым образом. Для наказания своих крестьян он изобрел специальную палку, «аракчеевскую», вымоченную в соленой воде. Чаша бедствий для его подданных переполнилась тем, что этот жестокий человек взял в любовницы жену одного из своих кучеров Настасью Минкину, еще более жестокую, чем он сам. Став полновластной хозяйкой, она занималась мучительствами и пытками, приказывала сечь на конюшне своего собственного мужа и изощрялась в жестокостях, особенно в отношении женщин. Брат одной из ее жертв отомстил за сестру, смертельно ранив фаворитку ударом ножа. Страшно было смотреть на горе Аракчеева. Царь, соболезнуя, послал архимандрита Фотия утешить фаворита «во имя религии» и умолять его «сохранить себя для отечества». Кроткий Александр разрешил Аракчееву — в нарушение законов, по которым такие случаи подлежали компетенции одного лишь Сената, — расправиться не только с убийцей, который получил 175 ударов кнутом и умер на месте, не только с его сестрой, которую уже пытала перед своей смертью Настасья и которая, получив 125 палочных ударов, также скон-

Голицын сперва был назначен генеральным прокурором святейшего Синода, что его очень удивило, так как он сам признается, что был человеком рассеянным, светским и ленивым. «Рассеянная жизнь, придворные привычки, мой веселый характер — все это мне казалось несовместимым с такими серьезными занятиями». Принадлежа к «нечестивой школе XVIII века», Голицын раньше «ни во что не верил». Но еще более серьезным недостатком его было то, что он совершенно не обладал ни постоянством, ни твердым характером. Сделавшись министром культов и народного просвещения, он стал подготовлять свое «обращение». Он запретил издания мистиков, вроде *Сионского вестника*, издатель которого, Лабзин, был выслан в Симбирскую губернию (1822), запретил секты хлыстов, придирался к «раскольникам». Духовенство не верило в искренность его обращения, и в 1824 году Серафим с помощью Аракчеева добился отставки Голицына, который был заменен адмиралом Шишковым. В церкви раздались песни ликования, и архимандрит Фотий писал: «Безбожие уничтожено, богохульствующая армия дьявола побеждена, ересь и раскол приведены к молчанию, все общества, враждебные богу, сокрушены. Мы имеем министром только нашего спасителя Иисуса Христа, во славу бога отца. Аминь!»

Но в сущности Голицын уже предвосхитил дело Шишкова. Его управление университетами было настолько реакционно, что, по донесениям полиции от 1818 и 1819 годов, его обвиняли в том, что он превратно понимает «благожелательные намерения государя», распространяя «суровые принципы христианства на абстрактные науки, не имеющие влияния на веру», и в том, что он наметил план воспитания, «который

чалась, но и с 22 крестьянами и крестьянками, единственное преступление которых состояло в том, что они не прибежали на помощь любовнице Аракчеева.

В это время скончался Александр. Аракчеев, опасаясь, что восшествие на престол Николая может повлечь за собой общую амнистию, осмелился ускорить казни. Это стало причиной его опалы. Он получил приказ отправиться путешествовать за границу, был смещен со всех должностей и принужден в конце концов проживать только в своих имениях. Он прожил там до 1834 года, предавшись благочестию, занятый делами благотворительности, и умер, устремив глаза на портрет Александра I, льстя себя надеждой встретить его на небе. Таким образом, варварство, не тронувшее Александра, возмутило Николая, который и избавил Россию от этого бича.

(Рассказ этот неточен в конце. Повлекла за собой опалу Аракчеева вовсе не расправа с подозреваемыми в убийстве Настасьи Минкиной: Николай и не думал протестовать против всех творившихся в Грузине ужасов. Да и опалы в точном смысле слова вовсе не было, и никакого приказа путешествовать или жить в своем имении и т. п. Аракчеев никогда не получал. Николай I лично не любил Аракчеева и просто согласился на его просьбу об отставке от должностей. — *Прим. ред.*)

*

находится в противоречии с цивилизацией XIX века». Голицыным была начата и почти закончена «чистка» русских университетов.

Попечителем Казанского университета был Магницкий, старый друг Сперанского, отказавшийся от своих прежних французских идей. Он поставил себе целью организовать преподавание, «соответствующее принципам акта Священного союза». Магницкий изгнал из университета одиннадцать профессоров, вычеркнул из списка почетных членов «цареубийцу» Грегуара, исключил из библиотеки в числе других подозрительных книг *Право мира и войны* Гроция, запретил преподавать геологическое учение Бюффона, так же как и астрономическое учение Коперника, Галилея и Ньютона, предписал, чтобы на «академических (университетских) актах» доклады по минералогии и другие перемежались с молитвами и церковными песнопениями. Профессор литературы должен был доказывать литературное превосходство библии над всеми светскими авторами; профессор истории — предлагать в качестве образца *Всеобщую историю* архиепископа Боссюэ; профессор философии — поучать, что научные истины носят случайный (относительный) характер и что единственная абсолютная истина основывается на откровении, данном Христом; профессор политической экономии — твердить о добродетелях, которые «превращают блага материальные в блага духовные». Ввиду того что медицина должна была стать насквозь христианской, вскрытия как святотатство по отношению к умершим были с этого момента запрещены, и анатомическое препарирование перенесено на кладбища. Ректор Никольский в своем курсе математики трактовал треугольник как символ троицы.

Из Харьковского университета изгнали двух профессоров. Самым любопытным был случай с четырьмя профессорами Петербургского университета: профессором философии Галичем, профессором статистики Арсеньевым, профессором политических наук Германом и профессором всеобщей истории Раупахом. Первый был обвинен в том, что преподавал философию Шеллинга, а три других в том, что они воспроизводили теории Шлецера, протеже Екатерины II. Шлецера при этом обвиняли в «робеспьеризме» и «маратизме». Попечитель Рунич вел расследование на основании записей или высказываний учащихся. Министр Голицын не осмелился указать царю, как нелепо такое расследование, и четыре профессора были уволены со службы; более того — они оставались под угрозой уголовного обвинения, которое затянулось до 1827 года.

В 1822 году запретили принимать в Дерптский университет студентов, посещавших раньше германские университеты; в 1823 году запретили ездить учиться в германские университеты, а в 1824 году вычеркнули из программ в качестве «излишних» политические науки. В Харькове и Дерпте студентам было запрещено посещать театры, так как это было «противно морали» и «отвлекало от занятий».

Цензура запретила большую часть русских журналов. Она исправляла и калечила стихи поэтов. В 1818 году Голицын счел опасным произведение Станевича *Беседа о бессмертии души*, между тем как делегированные архиепископом Серафимом священники защищали его как соответствующее учению церкви. Шишков пошел еще дальше Голицына и предложил более суровый закон для цензуры, но царь не решился его принять.

Последние дни Александра. Александр, это «счастливое исключение среди своих», принес больше вреда своим подданным, чем самый неукротимый деспот, потому что в известные периоды своей жизни не переставал будить и поддерживать в них мечты о свободе, чтобы затем их же наказывать за это в периоды реакции. Еще в 1825 году он заверял в своем либерализме: «Что бы обо мне ни говорили, я жил и умру республиканцем».

Последние годы Александра были омрачены разочарованиями, явившимися как бы результатом проявлений его неустойчивой и своеобразной воли. Он давно уже не жил с императрицей. Трое детей, которых он имел от одной связи и которых он нежно любил, умерли в раннем возрасте. Ему пришлось оплакивать самую любимую из сестер, Екатерину, королеву Вюртембергскую (1819). В то время как поляки боролись за парламентские свободы, дарованные им Александром, русские с раздражением смотрели на восстановленную на окраине империи Польшу. Они упрекали также Александра в безразличии к избиению греков на Востоке, а большое наводнение, опустошившее Петербург в 1824 году, представлялось им карой неба за отказ в помощи Греции. В сентябре 1825 года, волнуемый грустными предчувствиями, обеспокоенный зловещими предсказаниями, омраченный пробудившимися воспоминаниями 1801 года, Александр покинул Петербург, чтобы отправиться на юг, в Таганрог, где он и умер 1 декабря от злокачественной лихорадки.

Политические идеи в России. Опасные изгибы политики Александра содействовали пробуждению политических идей в России. Екатерина II и Александр льстили себя мыслью, что в известные моменты своего царствования они не только

разделяли воззрения просвещенных людей своего времени, но даже опережали их и вели просвещенных людей за собой. Но когда Екатерина II и ее внук сами повернули назад, люди эти за ними не последовали. Число тех, кто читал произведения французских философов, то прославляемых, то запрещаемых в зависимости от изменчивых фантазий людей у власти, становилось больше, чем когда бы то ни было. Русские офицеры, вернувшиеся из Франции после трехлетнего пребывания там вместе с оккупационной армией, принесли с Запада новые впечатления и освободительные идеи. Русские офицеры только теперь начинали понимать, чем в действительности была эта французская революция, с которой им было предписано бороться и которая вместе с Наполеоном чуть было не завоевала мир. Реставрация Бурбонов оказалась для них другим уроком. Многие думали то, о чем писал Пестель: «Я увидел тогда, что большинство важнейших установлений революции были сохранены при восстановлении монархии как благотворные, в то время как раньше мы все, и я первый, восставали против этой революции. Из этого я заключил, что она (революция), повидимому, была вовсе не так дурна, как нам ее представляли, и что в ней даже было много хорошего. Я укрепился в этой своей мысли, когда увидел, что государства, в которых она не имела места, оставались лишенными многих прав и свобод».

Эти офицеры, возвратившись в Россию, после того как они присутствовали при первых опытах парламентской свободы во Франции, снова находили в своей стране абсолютизм монарха, крепостную зависимость крестьян и зверство телесных наказаний, от которых не были избавлены даже их собственные солдаты, их товарищи по оружию в героической борьбе против Наполеона. Они видели опять придирчивую полицию, отсутствие независимой юстиции, тиранию цензуры, обскурантизм, господствующий в университетах, и повсюду презрение к человеку и к человеческому достоинству. «Тогда, — продолжает Пестель в своей автобиографии, — тогда начали зарождаться во мне идеи конституционной монархии и идеи революции; эти последние были еще слабы и не оформлены, но мало-помалу они становились и более ясными и более твердыми... От идей конституционной монархии я перешел к идеям республиканским».

Тайные общества при Александре. Многие мыслили и говорили, как Пестель. Путь, по которому следовало итти для реализации новых идей, был им подсказан пребыванием во Франции: надо было организовывать тайные общества. В 1816

и 1817 годах в России образовался *Союз спасения, или истинных и верных сынов отечества*, который формулировал свою цель словами: «Добиться, наконец, благодеяний, которыми русский народ награжден своим великодушным монархом». В действительности общество имело целью установление конституционного режима. Среди основателей этого общества были: Александр и Никита Муравьевы, Сергей и Матвей Муравьевы-Апостолы, князья Илья Долгоруков, Сергей Трубецкой, Федор Шаховской, полковник Глинка, капитан Якушкин, Новиков и Павел Пестель. В 1818 году общество получает новый устав и новое название — *Союз благоденствия*. Так как в составе общества были и умеренные и революционеры, то в нем не могли договориться об окончательной организации и еще менее о цели, которой следовало достигнуть, и о средствах, которые для этого надо было применить. Некоторые из членов общества, как Якушкин или Шаховской, говорили, что надо убить императора. Члены союза учредили центральную *думу*, сносившуюся с управами, установленными в провинции или, скорее, в главных военных центрах.

В 1821 году произошел раскол и образовалось два общества: *Северное общество* в Петербурге, центре первой армии, и *Южное общество* в Тульчине, пополняемое из офицеров второй армии, расквартированной на юге. Первое стояло за конституционную монархию, второе — за республику. В Петербурге основателем общества был Никита Муравьев, автор гражданского *Катехизиса*, но вскоре преобладающее влияние перешло к Рылееву, сыну бывшего полицмейстера. [1] В Тульчине во главе общества стоял Пестель, сын бывшего почтмейстера. [2] Таким образом, потомки старых сообщников деспотизма возглавляли революционное движение.

Пестель не отказывался ни от насильственных мер, ни от цареубийства, ни даже от соглашения с недовольными поляками, в чем его упрекали русские патриоты. С тех пор как Николай Тургенев уехал в Лондон, а Никита Муравьев отошел, Северное общество с Рылеевым, Александром Бестужевым и его тремя братьями, с офицерами Батенковым, Вадковским, Свистуновым, Якубовичем, Завалишиным, отставным поручиком Каховским и литератором Кюхельбекером изменило свою физиономию. Оно обратилось к проектам действия и активно проводило свою пропаганду среди офицеров корпу-

---

[1] Отец Рылеева был управляющим делами князя Голицына. — *Прим. ред.*

[2] Отец Пестеля, И. Б. Пестель, был президентом Главного почтового управления, сенатором, а с 1806 по 1818 год — сибирским генерал-губернатором. — *Прим. ред.*

сов, расположенных в Петербурге или в окрестностях. Здесь имелись как люди действия, так и безумцы. Завалишин говорил: «Революцию нужно начинать с головы» — и советовал уничтожить всю императорскую семью. Якубович и Каховский предлагали свои услуги для совершения цареубийства. В то время как Рылеев заканчивал *Катехизис*, начатый Никитой Муравьевым, Пестель составлял *Русскую правду*, представлявшую собой одновременно и кодекс и республиканскую конституцию. Южное общество признавало за энергичным Пестелем титул диктатора. Северное общество сделало менее удачный выбор: диктатором был князь древнего рода, но человек легкомысленный, мягкий и бесхарактерный — Сергей Трубецкой. [1]

Вскоре на юге обнаружилось существование третьего общества — *Соединенных славян*, которое, впрочем, имело гораздо меньшее значение; основанное подпоручиком артиллерии Борисовым, оно предлагало федерацию всех славянских национальностей. Это общество не замедлило слиться с Южным обществом.

В 1824 году, когда стало известно о предполагаемом царском смотре в Белой Церкви, заговорщики юга стали обсуждать проект цареубийства. Смотр не состоялся. Когда в 1825 году в Саратовском полку уволили со службы полковника Швейковского, чуть было не вспыхнуло восстание. Говорили о том, чтобы послать в Таганрог людей для убийства императора. Полковник Артамон Муравьев предложил взять на себя выполнение этого акта.

Незадолго до своей смерти Александр I получил в Таганроге через унтер-офицера Шервуда сведения, достаточно точные, но далеко неполные, об организации Южного общества. Это и вызвало увольнение Швейковского. Донос капитана Майбороды окончательно открыл ему глаза. В момент смерти Александр имел, повидимому, очень ясное представление об опасностях, угрожавших его империи. Опасности эти еще усиливались последствиями свойственной Александру нерешительности: он оставлял Россию в неизвестности относительно того, какой из его братьев должен стать его преемником. Создавшимся междуцарствием он давал повод готовой разразиться революции.

Вопрос о наследовании. Междуцарствие. Кто будет наследником императора Александра? Он оставил трех братьев: Константина, сорока шести лет от роду, воспитанного, подобно ему самому, Екатериной II и бывшего в то время генералис-

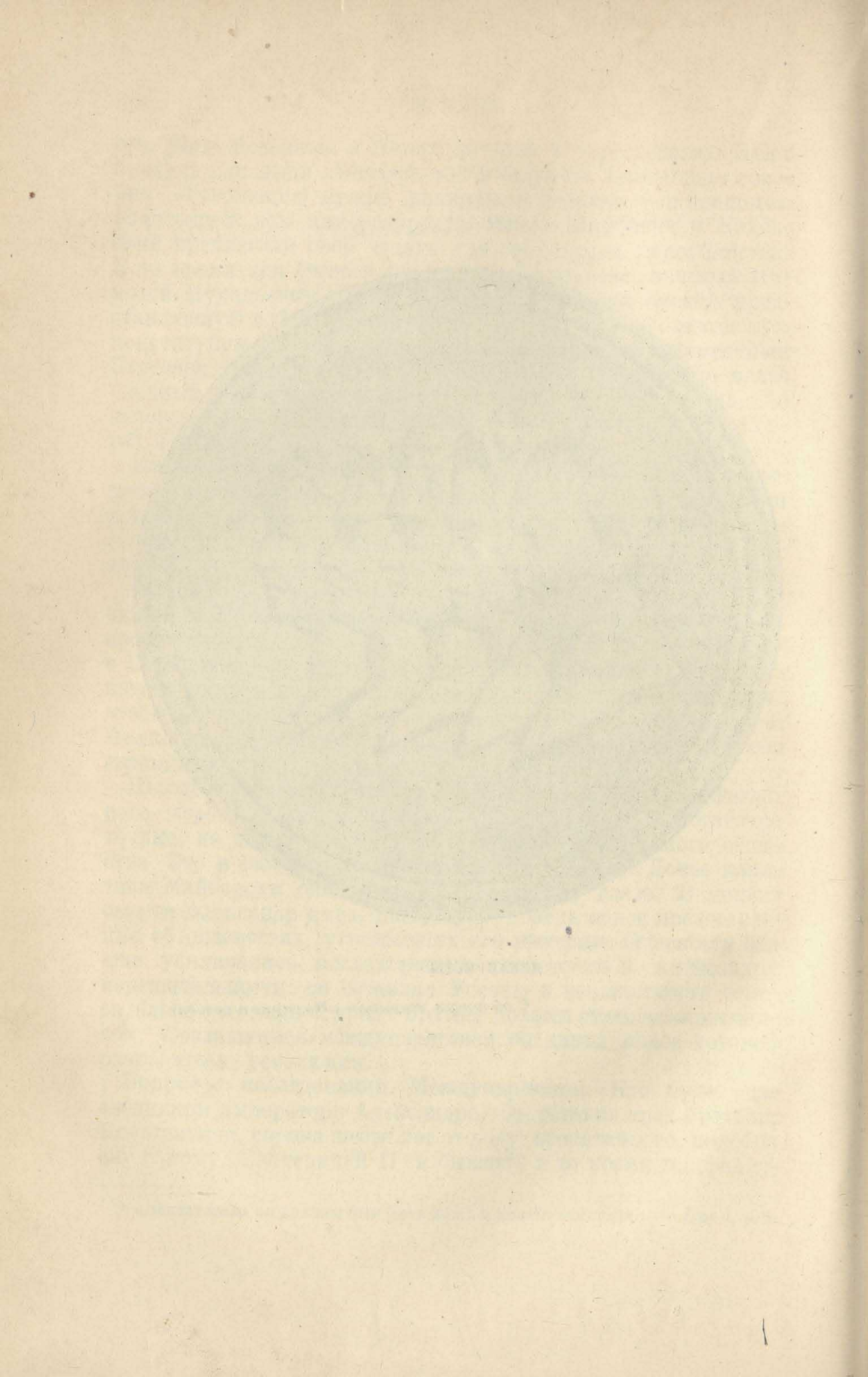
---

[1] «Диктатором» он должен был быть лишь в момент восстания. — *Прим. ред.*

ДЕКАБРИСТЫ

С обложки журнала „Полярная звезда“

симусом в Польше, Николая и Михаила, бывших почти на двадцать лет моложе и составлявших как бы другое поколение, совершенно не знавшее великой бабки. По европейскому наследственному праву, принятому законом Павла I, наследником престола должен был быть Константин. Но мы знаем чувства, выраженные Константином на следующий же день после катастрофы 12 марта 1801 года.[1] Эти чувства, которые Константин неизменно сохранял спустя столько лет, были так хорошо известны Александру, что в 1819 году он говорил Николаю и его жене, прусской принцессе: «Вы должны знать заранее, что вы призваны вступить на престол».

В марте 1820 года Константин развелся со своей женой, саксен-кобургской принцессой; в мае того же года он вступил в морганатический брак с полькой Иоанной Грудзинской, для которой добился титула княгини Лович. Когда в следующем году Михаил навестил Константина в Варшаве, тот подтвердил брату свое определенное намерение отречься от русского престола в пользу Николая. Когда Николай в свою очередь приехал навестить Константина, последний окружил его в Варшаве многозначительными почестями. Наконец, в январе 1822 года Константин написал императору, прося формально объявить о своем отречении, говоря, что не находит в себе «ни склонности, ни дарований, ни силы, необходимых для того, чтобы быть когда-либо возведенным в сан государя». Девятнадцать дней спустя Александр сообщил ему, что он сам и императрица-мать приняли его отречение. Эти два письма остались неизвестными даже великому князю Николаю. Затем Александр составил акт для утверждения нового порядка наследования. Знали об этом акте только императрица-мать, Аракчеев, министр Голицын и московский архиепископ Филарет. Акт этот был составлен в четырех экземплярах, которые в величайшем секрете были положены на хранение в Успенский собор в Москве, а также в архивы Государственного совета, святейшего Синода и Сената в Петербурге. Николай и его жена еще ничего не знали об этих распоряжениях.[2] Мы увидим, какие бедственные последствия были вызваны этим избытком предосторожностей.

7 декабря 1825 года Константин сообщил в Варшаве своему брату Михаилу о смерти Александра. Константин проявил некоторое раздражение, когда высокие сановники приветствовали его титулом императора. 8 декабря он написал Ни-

---

[1] См. т. II, стр. 129.

[2] Николай знал и об отречении Константина и о предстоящем своем воцарении в случае смерти Александра. — *Прим. ред.*

колаю, заверяя его в своем повиновении и верности, и поручил своему брату Михаилу доставить письмо в Петербург. В Петербурге Николай только 9-го узнал о смерти императора. Тотчас же он велел всем полкам и придворным чинам присягнуть на верность императору Константину. Сам Николай тоже принес присягу и подписал ее. Когда он отправился к императрице-матери и объявил ей, что «выполнил свою первую обязанность по отношению к государю», она с ужасом воскликнула: «Николай, что вы сделали!» Она сообщила ему о существовании акта, призывавшего его к власти. Николай упорствовал в своем решении и продолжал требовать принесения присяги Константину. Тем временем собрался Государственный совет, и был прочитан акт о престолонаследии. Итак, императором был Николай. Но тут же объявили, что Николай только что сам присягнул Константину. Один уже отказался от престола, а теперь отказывался и другой. Императора больше не существовало. Николай сам повел членов Государственного совета в дворцовую церковь для принесения присяги Константину. Сенат и святейший Синод должны были последовать этому примеру.

Подобные же сцены происходили в Москве с той только разницей, что архиепископ Филарет не осмелился вскрыть акт, хранившийся в Успенском соборе. Ожидали приказаний из Петербурга. Пришел приказ присягать Константину.

То было совершенно необычайное для России зрелище. Предыдущий век был периодом самой жестокой борьбы за трон, периодом революций, государственных переворотов, цареубийств. А теперь между двумя братьями происходило соревнование в отказе от трона. Но это состязание в великодушии имело почти те же последствия, что и самое горячее соперничество.

Между тем великий князь Михаил прибыл 14 декабря [1] с письмом Константина в Петербург, обеспокоенный тем, что он слышал дорогой. Николай был принужден примириться с очевидностью: поскольку Константин настаивал на своем отречении, императорская власть переходила к нему, Николаю. Теперь нужно было добиться новой присяги от войск, сановников и высших государственных учреждений. Но заставить отречься от первой присяги такой религиозный народ, как русский, и особенно заставить отречься солдат было делом очень нелегким. Присяга — это то, что связывало юридически права императора и армию; присяга создавала и солдата и государя. Верность присяге, однажды принесенной, являлась делом

[1] 15 декабря (3 декабря старого стиля). — *Прим. ред.*

чести, совести, религии. И это глубокое смятение совести происходило как раз в такой момент, когда тайные общества, уже давно готовые действовать, выжидали случая для выступления.

День 26 декабря (14 декабря старого стиля) в Петербурге. В петербургских полках внешне царило полнейшее спокойствие. Полиция, однако, указывала на многочисленные собрания офицеров. Доблестный Милорадович, военный губернатор города, отвечал на эти предостережения: «Оставьте этих шалунов в покое и не мешайте им читать друг другу их плохие стихи». Николай потерял еще десять дней на отправку писем Константину для объяснения ему нового положения, создавшегося из-за первой присяги; он упрашивал Константина приехать и ожидал ответа. 24 декабря Николай получил от командующего южной армией Дибича очень подробные на этот раз сведения об организации тайных обществ, о проектах революции и цареубийства. В тот же день он получил письмо Константина с новым отречением. Константин к тому же отказывался покинуть Варшаву. Тем самым Николай сразу и бесповоротно оказался императором перед лицом готовой разразиться революции. Он тут же поручил Сперанскому составить манифест о восшествии на престол; манифест содержал в себе требование принесения новой присяги, назначенной на послезавтра, т. е. на понедельник 26 декабря. Николай писал Волконскому: «Послезавтра я буду императором всероссийским, или же я буду мертв». 25-го на заседании Государственного совета Николай зачитал манифест, а 26-го, в 8 часов утра, направился в приемный зал Зимнего дворца, где был собран генералитет и высшие гражданские чины. Николай изложил факты, прочел манифест и сказал: «Если мне суждено быть императором хотя бы только на один час, я сумею доказать, что достоин им быть».

Принесение присяги началось как в собрании высших государственных учреждений, так и в церквах. Император ожидал в Зимнем дворце донесений о том, что происходит в казармах. В большинстве гвардейских полков присяга была принесена без значительных инцидентов. Но в Московском полку офицеры-заговорщики удержали солдат от присяги, уверяя их, что настоящий император Константин заключен в тюрьму, так же как и великий князь Михаил. Они увлекли за собой половину полка с заряженными ружьями, с развернутым знаменем, зарубили бригадного генерала [1]

---

[1] Были тяжело ранены генералы Фредерикс и Шеншин и легко ранен полковник Хвощинский. — *Прим. ред.*

и заняли позицию на Сенатской площади, около памятника Петра Великого, недалеко от Зимнего дворца. К ним присоединились отдельные военные и кое-кто из народа. Толпа кричала «Да здравствует Константин!» В этот момент у Николая под рукой была лишь рота Финляндского полка, пришедшая на смену караула во дворце, и знамя этого полка первое склонилось перед новым императором. Подходы ко дворцу были заняты многочисленной, но мирной толпой, из которой раздавались отдельные выкрики «Да здравствует Константин!» Толпа стояла, обнажив головы. Николай один приблизился к этой толпе, импонируя ей своим огромным ростом и стальным взглядом голубых глаз, и прочел манифест, вызвав этим бурю приветственных кликов. Затем он обнял стоявших вблизи и предложил всем разойтись по домам.

Вскоре прибыл первый батальон преображенцев, затем Милорадович со многими генералами и офицерами. Милорадович, раскаиваясь в том, что почти не принял предосторожностей, направился к восставшему Московскому полку, стоявшему спиной к Сенату и окруженному кордоном стрелков. Он велел подать себе лошадь, пробился сквозь толпу и кордон стрелков, остановился в десяти шагах от полка и обратился к нему с речью. Внезапно раздался выстрел, и Милорадович упал на руки одного из своих адъютантов. Отставной поручик Каховский убил его выстрелом из пистолета. Таков был конец героя стольких битв, в которых он, подобно Мюрату, никогда не был ранен. Николай, очень взволнованный этим известием, сказал: «Ясно, что будут стрелять и в меня». Тем не менее он, в свою очередь, во главе роты преображенцев приблизился к мятежникам. Встретив по пути конную гвардию, он велел ей построиться на Сенатской площади. В этот момент подоспели, с тем чтобы присоединиться к мятежникам, флотские экипажи, увлеченные морскими лейтенантами Арбузовым и Николаем Бестужевым. Несколько офицеров, пытавшихся войти в переговоры с мятежниками, были обстреляны. Император тоже приблизился; его встретили криками «Да здравствует Константин! Да здравствует Конституция!» [1] и ружейными выстрелами. «Несчастные, — воскликнул он, — они хотят, чтобы пролилась кровь!»

---

[1] Многие солдаты, повидимому, принимали «Конституцию» за жену Константина.

(Это примечание французского автора дает еще одно подтверждение тому, что в основу рассказа о 14 декабря автор отчасти кладет официальную версию и официозные рассказы об этом деле. — *Прим. ред.*)

Великий князь Михаил, полковник Московского полка, бросился в казармы своего полка, где оставалась еще половина солдат, не решавшихся присоединиться к восставшим, но продолжавших верить в басню о заключении в тюрьму Константина и Михаила. Достаточно было солдатам увидеть Михаила, чтобы принести присягу. Михаил привел их на Сенатскую площадь, намереваясь «восстановить честь» полка и отнять у восставших полковое знамя. Вскоре к императору подошли новые силы: гвардейские саперы, кавалергарды, остатки Преображенского, Финляндского, Семеновского и Павловского полков и, наконец, пешая гвардейская артиллерия под командой генерала Сухозанета. Стало известно о присоединении к восставшим двух батальонов гвардейских гренадер. Они были увлечены своими офицерами и явились со знаменем. Одному из этих батальонов под предводительством поручика Панова удалось проникнуть во двор Зимнего дворца, где солдаты кричали «Мы за Константина!» — «В таком случае вот ваша дорога», — холодно сказал им Николай. Полковник Стюрлер, командир гвардейских гренадер, гнавшийся за своими солдатами, был смертельно ранен выстрелом из пистолета, произведенным опять-таки Каховским. Отпадение других воинских частей было приостановлено офицерами, верными Николаю. На Сенатской площади собрались: часть Московского полка и гвардейских гренадер с двумя знаменами, флотские экипажи, множество одиночек и гражданских заговорщиков — всего от 3000 до 4000 человек, голодных, полузамерзших, переступавших с ноги на ногу, без начальника, который бы ими командовал, уже деморализованных бездеятельностью.

Великий князь Михаил сделал было попытку поговорить с моряками, и был момент, когда Кюхельбекер нацелился в него из своего пистолета; затем пытались заговорить с солдатами оба митрополита, петербургский и киевский, Серафим и Евгений, голоса которых были заглушены барабанной дробью; наконец, сделал попытку император, но был опять встречен выстрелами.

На Адмиралтействе пробило 3 часа, а для Петербурга в декабре это почти ночь. Вопреки советам свиты император высказывал явное нежелание открывать огонь. Сухозанет, который не мог добиться от императора этого приказа, попытался тоже заговорить с мятежниками. «Принес ли ты нам конституцию?» — было их ответом, и пуля срезала плюмаж его шляпы. Тогда раздались четыре пушечных выстрела. Мятежники обратились в беспорядочное бегство. Они бежали по

улицам, по набережным, по замерзшей Неве. Три других пушечных выстрела и несколько кавалерийских атак очистили Сенатскую площадь. Николай вернулся в свой дворец победителем. В общем число убитых не достигало трехсот человек. [1] Мятеж, вызванный офицерами, был бессознательным у солдат, которые искренно верили, что они сражаются за свою присягу. Этот мятеж был чисто военным: в нем не принимали участия ни высшие государственные учреждения, ни петербургское население, ни нация.

Вот к какой грустной неудаче привели восемь лет подготовки в тайных обществах, бахвальство офицеров, предлагавших совершить цареубийство, и планы конституции Никиты Муравьева, Рылеева и Пестеля. А между тем большинство этих офицеров-мятежников храбро сражались во время наполеоновских войн. Чего им нехватало — это вождя: Рылеев не был человеком действия; «диктатор» Трубецкой не показывался в течение целого дня. Со стороны власти — то же отсутствие благоразумия, та же растерянность. В самом начале Николай, имевший в своем распоряжении одну единственную роту, был весь во власти мятежных солдат и толпы. И если он остался в этот день победителем, то этим был обязан своему личному хладнокровию и своей императорской осанке.

Восстание на юге. Северные заговорщики не сумели даже связать своего выступления с выступлением на юге. В тот день, когда в Петербурге шло сражение, генерал Дибич по приказу Николая приступил к аресту Пестеля и двенадцати членов общества. Аресты вызвали беспорядки в трех центрах действия Южного общества: в гарнизонах Тульчина, Каменки, Василькова. Когда на юге узнали о событии 26 декабря в Петербурге, там стали возникать самые безумные и самые отчаянные планы. Поручик Поджио требовал от полковника, князя Волконского, чтобы тот поднял полк и повел его на Петербург, с тем чтобы там провозгласить республику. Поджио предлагал отправиться туда для убийства императора. Сергей Муравьев-Апостол хотел начать революцию с Польши, организовать убийство Константина в Варшаве. Однако и он сам и его брат Матвей, а также Михаил Бестужев и другие вожаки, за которыми пристально следили, были вынуждены прятаться. Их арестовал в Трилисье полковник Гебель, но им удалось бежать. Сергей тотчас же поднял восстание в Черниговском полку и послал гонцов, чтобы собрать разбросанные повсюду

---

[1] Убитых было гораздо больше. Но полиции было велено убрать поскорее трупы, и множество не только убитых, но и раненых было сброшено в проруби и полыньи Невы. — *Прим. ред.*

части. С их помощью удалось собрать от 3000 до 4000 человек, но то были люди нерешительные, встревоженные, мучимые своей солдатской совестью. Было намерение двинуться на Киев, который мог бы стать центром обширного восстания. Но когда узнали о приближении императорских войск, то изменили маршрут. В Мотовиловке встретили две роты гренадер, которые держали сторону Константина. Сергей Муравьев-Апостол имел неосторожность сказать им: «Впрочем, товарищи, на что нам нужен Константин? Мы обойдемся без него, как и без его брата Николая... Крикнем все «Да здравствует республика!» Один старый гренадер ему ответил: «Мы охотно крикнем «Да здравствует республика», если ваше благородие нам это прикажет. Но кто же будет нашим императором?» [1] Сообразно получаемым известиям мятежники совершали марши и контрмарши. Войско восставших таяло на глазах. Наконец, 15 января утром, недалеко от Белой Церкви, между Устиновкой и Королевкой, восставшие оказались окруженными войсками генерала Гейсмара. Сергей Муравьев-Апостол сказал: «Нам остается только отважно умереть!» Он построил в каре шесть рот Черниговского полка и двинулся прямо на пушки. Одного залпа картечью было достаточно, чтобы вызвать беспорядочное бегство. Сергей Муравьев-Апостол упал тяжело раненным, а его брат Ипполит был ранен смертельно. Среди 700 пленных были: Бестужев, Матвей Муравьев-Апостол, Кузьмин и др. Самодержавие на юге одержало победу еще быстрее, чем на севере.

Процесс декабристов. В Петербурге, где с вечера 26 декабря первые донесения полиции беспрерывно пополнялись новыми данными, Николай уже мог отдать себе отчет в причинах, вызвавших революцию. Вторая присяга, явившаяся для солдат решающей движущей силой, была для офицеров-заговорщиков лишь поводом и удобным случаем. В то время как солдаты из уважения к своей присяге и из-за ошибочно понятого чувства верности держали сторону Константина, офицеры стояли за конституцию, за республику. Разветвления заговора распространялись по всей России. Детали его стали постепенно выясняться. Число членов этой организации было велико, и среди них находились высшие офицеры, штаб-офицеры, генералы, флигель-адъютанты императора, самые громкие имена России, «князья-рюриковичи». К вечеру были арестованы лишь люди незначительные, а руководители, избежав

---

[1] Одна из легенд, усердно распространявшихся в придворных сферах после 14 декабря. — *Прим. ред.*

картечи, собрались у Рылеева в ожидании вестей с юга и из военных поселений (где, впрочем, ничего не произошло). «Диктатор» Трубецкой скрывался у графини де Лаваль, своей тещи, или у своего зятя Лебцельтерна, австрийского посла.

Вскоре были арестованы один за другим главные вожаки. Трубецкой, приведенный к Николаю, обезоружил его своим смирением, полнотой своих признаний, своими мольбами. Император с пренебрежением объявил Трубецкому, что дарует ему жизнь, и отправил его в крепость. При виде Каховского, убийцы Милорадовича, Николай не мог сдержать своей ярости: «Презренный, покрытый кровью нашего самого прославленного генерала!» Рылеев, гордый, скромный, не опускавший перед ним глаз, заинтересовал царя: «Какой интерес побуждал вас к действию?» — спросил он его. — «Интерес моей страны». — «Что было вашей целью?» — «Конституция, либеральное правление, общественные свободы». В течение нескольких дней царь по 6—7 часов в день допрашивал заключенных. Ввиду того что арестованные поступали массами как с севера, так и с юга, была создана большая следственная комиссия. Царь сам захотел руководить ею. Протоколы этой комиссии являются достоверным источником этой истории. Среди обвиняемых были некоторые, как Трубецкой, которые старались только умалить приписываемую им роль. Якубович и Каховский смело отрицали проекты цареубийства. Булатов покончил самоубийством в тюрьме. Александр Бестужев гордо держался перед судьями: «Я знал наперед, — говорил он, — что это предприятие не имело никаких шансов на успех; я знал также, что придется пожертвовать своей жизнью... Час жатвы наступит позже». Император сказал Бестужеву, что он мог бы его простить, если бы был уверен, что в будущем он найдет в нем верноподданного. «Э, государь! — ответил Бестужев, — вот это именно и есть то, на что мы жалуемся, вот почему мы устроили заговор. Величайшее злоупотребление как раз и заключается в том, что император может делать все, что он желает... Предоставьте свершиться правосудию».

11 июня работы комиссии были закончены. За 5 месяцев она допросила 240 заключенных и 3000 свидетелей. В числе 121 обвиняемого было 7 князей, 2 графа, 3 барона, 2 генерала, 23 полковника или подполковника. Они предстали перед Верховным судом в составе 80 членов от Государственного совета, Сената, святейшего Синода. Подсудимые допрашивались в течение нескольких недель. Все инкриминируемые поступки были сведены судом к трем главным пунктам обвинения: 1) тайные общества и восстание вообще; 2) военный мятеж;

М. Ю. ЛЕРМОНТОВ

С гравюры Иордана

3) проекты цареубийства. 31 обвиняемый были приговорены к смерти через отсечение головы; 17 — к гражданской смерти и к пожизненным каторжным работам. Остальные наказания были: лишение прав дворянства, каторжные работы на срок, постоянная или временная ссылка в Сибирь, высылка разжалованных офицеров в полки простыми солдатами; для особой категории, в которую входили 5 человек (Рылеев, Каховский, Пестель, Сергей Муравьев-Апостол, Михаил Бестужев-Рюмин), — четвертование. Этим пятерым Николай заменил один вид казни другим — повешением. Все другие осужденные на смерть были помилованы. Почти все приговоры, кроме смертных, были снижены на одну или две категории.

Казни и ссылки. 25 июля на гласисе Петропавловской крепости совершилась казнь пяти осужденных к повешению. Эта казнь была необычной для России, так как смертная казнь была официально отменена при царице Елизавете. У подножия виселицы Рылеев произнес следующие слова: «Пыл моего политического рвения, любовь к родине могли ввести меня в заблуждение, но поскольку патриотизм был единственной побудительной силой наших действий — я ожидаю смерти без страха». Пестель сказал: «Я убежден в том, что рано или поздно Россия найдет в моей *Русской правде* средство против всех зол; моя ошибка в том, что я хотел пожать раньше, чем посеял». [1] Неловкость палачей привела к тому, что только Каховский и Пестель были повешены сразу. У трех остальных веревка соскользнула на капюшоны, которыми были прикрыты их головы; осужденные сорвались, и Бестужев при этом сломал себе обе ноги. У них на глазах снова начались приготовления к казни. Рылеев сказал: «Итак, будут говорить, что ничто мне не удалось, даже смерть». А Муравьев-Апостол произнес: «Проклятая страна, где не умеют ни составлять заговоры, ни судить, ни вешать». Прошло с четверть часа, прежде чем казнь была совершена.

В следующие дни последовали высылки в Сибирь. Осужденные, закованные по четверо в ряд, размещались на вязанках соломы в телегах. Многих утешила в их испытаниях достойная восхищения преданность жен, матерей и сестер, которые последовали за ними в далекое изгнание. Жена Трубецкого, француженка, урожденная де Лаваль, провожала его до Нерчинска. [2] Другая француженка, Полина Гебль, из Шампиньи

---

[1] Эти речи — апокриф, взятый из ходивших тогда слухов. Только слова Муравьева-Апостола, повидимому, имеют некоторое фактическое обоснование. — *Прим. ред.*

[2] И осталась с ним в Сибири. — *Прим. ред.*

(Лотарингия), последовала за своим любовником, кавалергардом Анненковым. В первые годы ссыльные принуждены были вести жизнь каторжников. Затем, смотря по степени наказаний, которые они должны были отбывать, им было дозволено жить как сибирским поселенцам. Некоторые после смягчения наказания смогли, еще в царствование Николая, поступить на службу в Сибири или вернуться в Россию. Большинство получило полное помилование только в 1856 году, по обнародовании всеобщей амнистии наследником Николая.

Несмотря на ошибки, неблагоразумие, опрометчивость, декабристы, если не считать нескольких безумцев или подозрительных, представляли собой цвет общества по своему происхождению, по благородству стремлений, по личной храбрости, по высокой культурности. Их ссылка была изгнанием доблестных людей, мыслителей, поэтов, а их возвращение из ссылки отмечено повышением интеллектуального и морального уровня страны. Многие из них впоследствии получили известность в литературе, в экономических науках, даже на государственной службе, и сделались ценными помощниками Александра II, «царя-освободителя». [1]

Характер правления Николая. День 26 декабря 1825 года завершил формирование характера Николая. Этот день в некотором смысле как бы предназначил его к роли душителя революций. И в Европе, такой беспокойной в ту эпоху, у него не было недостатка в случаях проявить себя поборником прав монархов. После того как Николай одно время мечтал задушить французскую и бельгийскую революции 1830 года, он увидел себя вынужденным бороться в своих собственных владениях с польской революцией. Позднее, в 1848 и 1849 годах, он усмиряет венгерскую и румынскую революции. Проникнутый идеями легитимизма, он поддерживал дурной мир с французской Июльской монархией. Не следует, однако, забывать при этом, что он сыграл известную роль в освобождении Греции.

В самой империи Николай всю свою энергию посвятил принципу самодержавия, скомпрометированному «республиканскими» мечтаниями и смутными стремлениями Александра I. В России, как и в Европе, его правление имело целью достигнуть, по выражению Ламартина, «неподвижности мира». Его самодержавие, опирающееся на официальную церковь, не терпело ни масонских лож, ни библейских обществ;

---

[1] Александр II решительно никого из возвращенных декабристов не приблизил к себе. — *Прим. ред.*

эти последние были распущены в 1827 году. Зато он управлял по-военному православной церковью, назначив председателем святейшего Синода, со званием обер-прокурора, гусарского генерала, своего флигель-адъютанта Протасова. Николай не останавливался и перед тем, чтобы преследовать на военный манер[1] упорствующих раскольников и особенно диссидентов западной России (униатов), заставляя их отречься от союза с Римом и стать настоящими православными.

Реформы и попытки реформ. К гордости самодержца у Николая присоединялось глубокое сознание обязанностей и ответственности, налагавшихся на него этим титулом. Он был прилежен, точен, трудолюбив, охотно погружался в военные и административные мелочи, был бережлив в расходовании государственной копейки. Он старался оправдать свою чисто консервативную политику искренним стремлением к прогрессу в мелочах. Если он ограничивал приглашение иностранных воспитателей и воспитательниц в дворянские дома, если он только в виде исключения разрешал русской молодежи учиться в западных университетах, то он создал, в то же время, двойной рассадник русских учителей: *Профессорский институт* (в Дерпте) для подготовки работников высших учебных заведений и *Главный педагогический институт* для подготовки преподавателей начальных и средних школ. Разрешения на заграничные поездки предоставлялись дворянам на пять лет, остальным русским подданным на три года. Суровая цензура наблюдала на границе и внутри империи за литературными произведениями. Недоверие к немецкой философии дошло до запрещения преподавания философии в университетах. Преподавание философии было доверено духовенству и стало тем самым как бы отраслью богословия. Суровая система паспортов, придирки полиции, протекционистская и даже запретительная система таможенных пошлин, пограничная цензура — все это привело к тому, что Россия казалась отделенной от остальной Европы как бы китайской стеной.

Николай, однако, пытался ввести в своей империи некоторые материальные и социальные улучшения. В его царствование была проведена первая русская железная дорога из Петербурга в Москву. Были возобновлены работы по канали-

---

[1] Французский автор здесь употребил слово dragonner. Это намек на варварское преследование во Франции при Людовике XIV протестантов, когда к ним на постой ставили драгун, которым разрешалось делать с упорствующими протестантами, с их женами, детьми и имуществом решительно все, что заблагорассудится. Этот прием для обращения людей в католицизм назывался «драгонадами». — *Прим. ред.*

*

зации Волги и Дона, улучшена навигация по Днепру. Снова занялись кодификацией русских законов. В 1830 году появилось *Полное собрание законов* империи, в 1832 году — *Свод действующих законов*, в 1845 году — *Уложение о наказаниях уголовных и исправительных*. В целях разгрузки гражданских судов были созданы коммерческие суды. Николай осуществил идею своей бабки, великой Екатерины: создать нечто вроде третьего сословия под названием «почетных граждан», пользующихся теми же правами, что и купцы первой «гильдии». «Почетные граждане» могли составляться из художников, имевших аттестат Академии художеств, и из лиц, имевших свидетельство о среднем образовании или университетский диплом. Николай ввел в крестьянских собраниях для сельских общин баллотировку белыми и черными шарами. [1] В вопросе об освобождении крестьян, столько раз поднимавшемся при Екатерине II и Александре, Николай придерживался существующего порядка вещей, приказывая преследовать распространителей слухов об освобождении и предписывая возвращать господам, если нужно — силой, непокорных крепостных. Он ограничился тем, что указом 1842 года установил условия, на которых могли заключаться между помещиками и крестьянами договоры об освобождении, количество которых с каждым днем все возрастало. Другими указами было признано за крестьянами и общинами право приобретения недвижимого имущества. Но Николай стремился к большему: он приказывал тайно изучать средства разрешения этого назревшего социального вопроса, и трудами его комиссий воспользовался впоследствии Александр II. Автор *Правды о России*, очень враждебный Николаю, все же сказал о нем: «Как бы враждебно он ни относился ко всяким идеям свободы, он не переставал всю жизнь думать об освобождении крепостных». [2]

---

[1] Очевидная путаница: баллотировка шарами была в дворянских собраниях. — *Прим. ред.*

[2] Автор неправильно характеризует отношение Николая I к крестьянскому вопросу. Никогда Николай не помышлял об освобождении крестьян. Напротив, ничто так не преследовалось при нем, как самые отдаленные поползновения — в печати ли, или в устном слове — намекнуть на необходимость уничтожения крепостного права. Он называл себя «первым русским помещиком», и при нем администрация и суд делали всегда без исключения все от них зависящее, чтобы покрывать все бесчисленные злоупотребления помещичьей властью и преступления помещиков (вплоть до убийства крепостных помещиками). Вместе с тем Николай I видел опасность подобного положения вещей и, если нельзя никак сказать, что он думал об уничтожении крепостного права, то должно вполне признать, что он очень был озабочен вопросом, как поставить крестьян в такое положение, чтобы они примирились все-таки со своей крепостной неволей. Все созывавшиеся Николаем

Литература и искусство. Царствование Николая, несмотря на всю суровость цензуры, часто смягчаемой им же самим, [1] оказалось одним из самых плодотворных периодов русской литературы. Сергей Соловьев начинает свою большую *Историю России*, а Полевой издает свою *Историю русского народа*. Несколько журналов, как *Северная пчела*, *Наблюдатель*, *Отечественные записки*, *Современник*, *Телескоп*, *Москвитянин*, умудрялись существовать, и число их читателей все время возрастало.

За чисто классической литературой эпохи Александра последовала теперь другая, проникнутая жаром западного романтизма. Среди поэтов мы видим Лермонтова, Кольцова и самого великого из всех — Александра Пушкина. *Ревизор* Гоголя, *Горе от ума* Грибоедова и первые комедии Островского знаменуют собою развитие комедии нравов. А в таких произведениях, как *Мертвые души* Гоголя, *Капитанская дочка* Пушкина, *Обыкновенная история* Гончарова, *Тарантас* Соллогуба, *Переселенцы* Григоровича, *Питерщик* Писемского, *Бедные люди* Достоевского и *Записки охотника* Ивана Тургенева, мы видим совершенно оригинальный и вполне национальный расцвет русского романа. В лице Глинки, автора опер *Жизнь за царя* [2] и *Руслан и Людмила*, Россия имеет своего первого великого композитора. Таким образом, период железного ига наиболее ярко выраженного самодержца стал периодом подлинного русского литературного возрождения.

комитеты и комиссии по крестьянскому вопросу имели именно такую цель, и никакой другой не имели. И во внутренней как и во внешней политике Николай 1 является последовательнейшим реакционером, жестоким гонителем всякой мысли о свободе, о равноправии сословий, об индивидуальной независимости. Таким он взошел на престол после Декабрьского восстания и таким сошел в могилу. Такие события, как Июльская революция 1830 года во Франции, или Польское восстание 1830—1831 годов, или революционная буря 1848 года, только усиливали реакционную ярость Николая. — *Прим. ред.*

[1] Николай I не только никогда не смягчал цензуры, но сажал очень часто цензоров на гауптвахту за недостаточно суровое с их стороны отношение к авторам. — *Прим. ред.*

[2] *Иван Сусанин. — Прим. ред.*

ГЛАВА V

ЮГО-ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА

1814—1821

I. Колебание основ Турецкой империи

Общее состояние Турецкой империи. В эпоху Венского конгресса Турецкая империя находилась под угрозой гибели. От реформ Селима не осталось почти никаких следов, а Махмуд, сожалевший об этой неудаче, не решался еще открыто взять на себя продолжение реформаторской политики. Янычары попрежнему господствовали в Константинополе. В администрации, за которой не выходивший из сераля султан имел лишь слабое наблюдение, замечалось все большее разложение. Алжир и Тунис находились в чисто номинальной зависимости от Порты, и Европа не признавала вассальных уз, связывавших эти области с Турецкой империей. Багдадский пашалык фактически был почти совершенно независим. В Аравии вахабиты продолжали оказывать упорное сопротивление войскам Мехмеда-Али. Последний, отделавшись от мамелюков, правил Египтом почти на правах независимого государя. В Малой Азии ускатский паша Чапван-оглу отвоевал себе нечто вроде королевства, из которого султан никак не мог его выбить; во внутренних областях шли вечные раздоры между деребеями; а на побережье господствовала всесильная олигархия Кара-Осман-оглу. Что касается европейских владений Турции, то если Болгария со времени смерти Пазван-оглу была почти усмирена, то Босния, где беи отличались непокорностью, постоянно волновалась. В Албании власть Али Тепеделенского была еще не поколеблена.

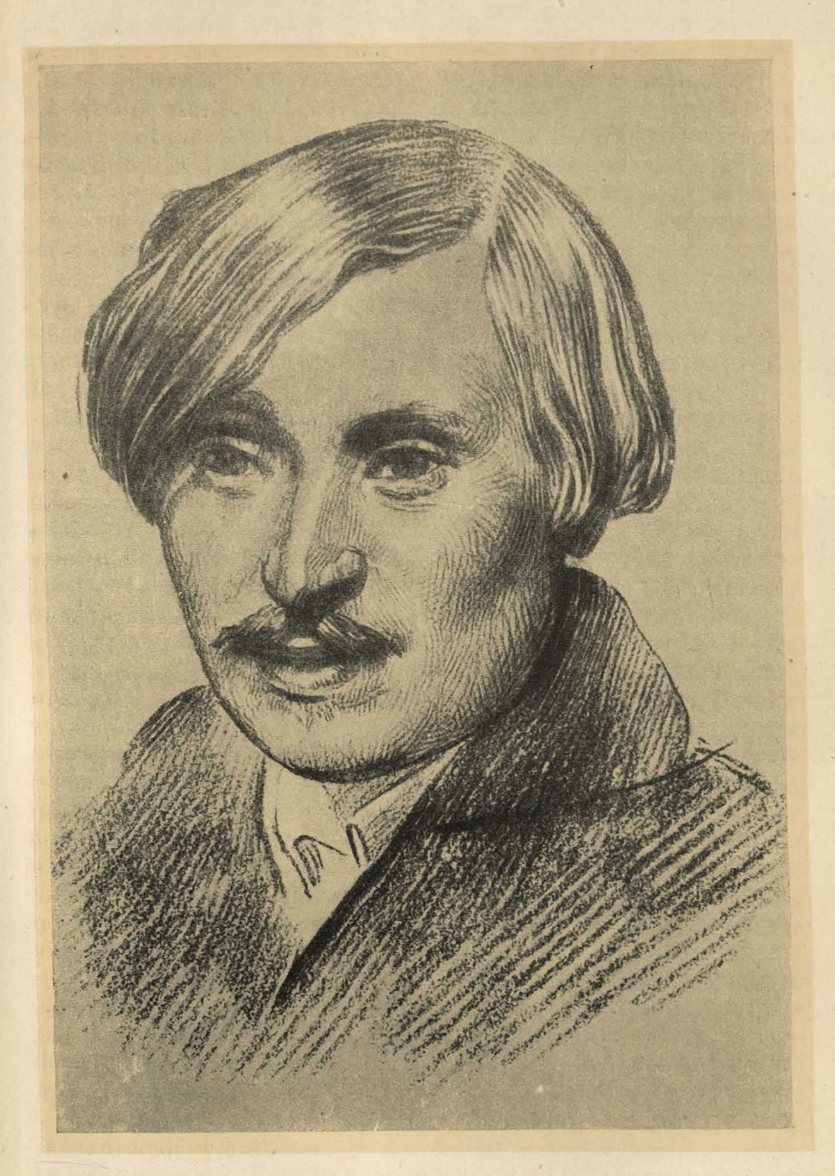
Христианское население, ободренное первыми успехами, стремилось к полному освобождению. Сербы под предводи-

тельством Милоша вырвали у султана целый ряд уступок, сделавших их почти независимым народом. Черногорцы, которые на своей небольшой территории фактически пользовались независимостью, помышляли о расширении своих владений. Привилегии Молдавии и Валахии были Бухарестским трактатом не только подтверждены, но даже расширены, и тем не менее население этих княжеств не считало себя удовлетворенным. Наконец, начал пробуждаться греческий народ, и это пробуждение проявлялось как в военных приготовлениях, так и в мирной пропаганде школ и газет. Если образовавшееся в 1814 году в Афинах общество *Филомузы* еще скрывало свои политические стремления под оболочкой чисто литературной программы, то иначе обстояло дело с *Дружественной гетерией* (Ἑταιρία φιλική). Это было тайное общество, возникшее приблизительно около того же времени и ставившее перед своими членами задачу «военного объединения» не только всех греков, но даже «всех христиан Турецкой империи в целях торжества креста над полумесяцем».

Александр I и русская политика на Востоке. Эти стремления открыто поддерживались русским правительством, глава которого, пользовавшийся преобладающим влиянием в Европе, был твердо намерен ускорить падение Турецкой империи и добиться окончательного ее разрушения. В 1812 году Александр прекратил свои удачные военные действия против Махмуда лишь для того, чтобы обратить все свои силы против Наполеона. Но когда господство французов было сломлено и на Западе был восстановлен мир, он снова вернулся к старому «турецкому» плану Екатерины II. Россия господствовала на Черном море благодаря Крымскому полуострову; владения ее простирались к югу от Кавказа, и она имела возможность напасть на Малую Азию с тыла. Россия держала в своих руках устья Дуная, а признанное за ней право протектората над Молдавией, Валахией и Сербией доставляло ей все новые предлоги для вмешательства в турецкие дела. Толкование, которое Александр давал Кучук-Кайнарджийскому трактату, побуждало его выдвигать все большие требования и выступать в качестве посредника между турками и всей массой их христианских подданных. Он считал, что его миссия заключается в том, чтобы охранять турецких христиан, а в случае надобности и освободить их из-под турецкого ига. Каким путем будет разрешен восточный вопрос в том виде, в каком этого ему хотелось, Александр и сам не знал, но твердо решился не только использовать, но и вызвать

удобный случай, который позволил бы ему осуществить свои планы. С 1815 года Александр начал проявлять к турецким делам такой настойчивый и многозначительный интерес, что Порта и заинтересованные в ее защите державы заволновались. Невозможно было закрывать глаза на благосклонное внимачие, которое царь оказывал вождям эллинской пропаганды. Фанариотские князья были осыпаны его милостями. Бывший валахский господарь Константин Ипсиланти бежал в Россию, где и умер в 1816 году. Два сына его, Александр и Димитрий, которые позднее, в 1821 году, подали сигнал к греческому восстанию, были адъютантами русского императора. Уроженец Корфу Каподистрия, столь же преданный идее освобождения своей родины, как и они, был одно время любимым министром Александра. Царь не только не препятствовал тому, чтобы этот государственный деятель стал председателем общества «Филомузы», но и разрешил Гетерии учредить свое центральное управление на русской территории. На глазах снисходительной русской полиции грек Скуфас, основатель этого общества, посылал из Одессы распоряжения своим главным помощникам.

Восточный вопрос на Венском конгрессе. Среди держав, которых беспокоила восточная политика петербургского кабинета, Австрия и Англия давно уже занимали первое место. Если бы это зависело только от князя Меттерниха, Венский конгресс не закрылся бы без того, чтобы не гарантировать торжественно путем общеевропейского соглашения существование и неприкосновенность Оттоманской империи. Британское правительство поддерживало усилия Меттерниха и предлагало Порте свое покровительство. Но Порта сама ставила препоны этой политике; она опасалась, что европейская гарантия уменьшит ее авторитет и нарушит ее политическую самостоятельность; мысль об английском посредничестве, в котором она усматривала скрытый протекторат, пугала ее. Впрочем, ввиду возражений России, вопрос этот ни разу не мог быть поставлен на конгрессе. Официально царь всегда устранял его, ставя все тот же предварительный вопрос. Александр требовал, чтобы одновременно с гарантией, предоставляемой султану относительно его владений, державы гарантировали и испанскому королю обладание колониями, прекрасно понимая, что Англия ни в коем случае не согласится с подобным предложением. Царь предоставлял Каподистрии вести пропаганду в пользу греческого дела и принял от Александра Стурдзы записку, составленную

Н. В. ГОГОЛЬ

в благоприятном для греческой нации духе; грекам же он дружески рекомендовал «потерпеть». Царь принял также прошение от сулиотов, которые обращались к нему как к «отцу греческого народа». Одним словом, Австрия и Англия ничего не могли с ним поделать. Когда в июне 1815 года конгресс закончился и Наполеон на время снова овладел французским престолом, державы нашли, что это неблагоприятный момент для ссоры с Россией. Интересы греков не были приняты во внимание дипломатами; та же участь постигла и интересы турок. Заключительный акт Венского конгресса был составлен так, как будто Оттоманской империи вовсе не было на свете. Европа отложила на время решение Восточного вопроса, рассчитывая пока выпутаться из затруднительного положения молчанием.

Новые угрозы со стороны России. Бессилие конгресса подняло дух Александра. После поражения Наполеона при Ватерлоо этот монарх задумал пресловутый трактат Священного союза (26 сентября 1815 г.), который под своей мистической и туманной фразеологией плохо скрывал заднюю мысль, грозную для Турецкой империи. Разве за аффектацией, с которой он в этом странном документе говорил о «христианской нации» и о солидарности, существующей между всеми ее членами, не скрывалась смутная мечта о крестовом походе против турок или, по меньшей мере, намерение этими самыми заявлениями поставить оттоманский мир вне общего публичного права? Именно так склонны были думать Австрия и Англия. Порта, со своей стороны, не могла скрыть своего беспокойства, когда русский император в феврале 1816 года опубликовал этот договор. Она потребовала объяснений от венского и лондонского дворов, которые могли успокоить ее лишь наполовину. Порта потребовала также объяснений у царя; но мирные уверения, которые она получила, были не в состоянии скрыть от нее угрожавшей опасности.

В самом деле, как могла Турция поверить, что Александр не питает по отношению к ней никаких недоброжелательных замыслов, когда он, под предлогом обуздания морских разбоев берберийских пиратов, предложил (в декабре 1816 года) всем европейским государствам принять сообща меры не только к тому, чтобы наказать мусульманских корсаров, но и чтобы разрушить *все естественные и искусственные источники их силы*? Это предложение явно обнаруживало его намерение оккупировать некоторые господствующие пункты на Средиземном море. В марте 1817 года стало известно, что

царю удалось путем тайных переговоров добиться от Испании обещания уступить ему Порт-Магон. С другой стороны, Александру очень хотелось бы провести свой военный флот через Босфор и Дарданельский пролив. Но Англия, Австрия и даже Пруссия заняли по отношению к этому вопросу такую позицию, что, не желая рисковать расторжением Священного союза, Александр дезавуировал сам себя и отказался от своих проектов. Правительство Великобритании открыто выступило в роли защитника Турции на Средиземном море. Благодаря содействию Австрии англичанам уже удалось (по трактату 5 ноября 1814 года) добиться протектората над Ионическими островами, которые России очень хотелось бы отнять в свою пользу. Правда, Англии нелегко было получить на этот трактат согласие Порты. Но в конце концов Махмуд, по совету венского двора, смирился и признал законным водворение англичан на Корфу, так как не мог не понимать, что это соседство очень выгодно для Турции (1817). [1] Таким образом, Ионические острова превратились в британский форпост, с которого англичане, следя за русскими происками, наблюдая и сдерживая Грецию, могли в несколько дней достигнуть берегов Дарданел и Константинополя.

Итак, со стороны моря у царя были связаны руки. Но на суше он мог свободно производить свои угрожающие демонстрации. В то время как остальные державы насколько возможно сокращали контингент своих армий, Александр в конце 1816 года держал еще под ружьем 640 000 солдат, готовых двинуться в поход. Вместе с тем он не только отказывался выполнить те пункты Бухарестского договора, которые были для него обременительны, например, эвакуировать некоторые крепости, незаконно удерживаемые с 1812 года на берегах Черного моря, — но даже жаловался на то, что Порта не выполнила всех взятых на себя обязательств, говорил о военной дороге, которую ему следовало получить в южной части Кавказа, и требовал для сербов всех обещанных им вольностей. Русский посланник в Константинополе Строганов начал новые переговоры по поводу различных спорных пунктов и при этом держал себя так высокомерно по отношению к дивану, что вряд ли его поведение способно было содействовать смягчению разногласий. Махмуда нелегко было

---

[1] В обмен на это Махмуд добился возвращения ему нескольких пунктов по эпирскому и албанскому побережьям (Парга, Бутринто и др.), которые некогда принадлежали венецианцам, а впоследствии были отняты англичанами у Наполеона.

запугать требовательным тоном, и спорящие стороны никак не могли столковаться. В 1820 году переговоры ни на шаг не подвинулись вперед. Ни одна из сторон не хотела ни уступить, ни взять на себя ответственность за полный разрыв. В ожидании удобного момента, чтобы начать действовать, царь нарочно оставлял спор со своим противником открытым.

Гетерия и ее успехи с 1814 по 1820 год. Опасения турецкого правительства еще усиливались из-за успехов и возраставшей смелости Гетерии. Александр делал вид, что не знает о существовании этого общества; оно, между тем, имело членов даже среди его приближенных. На самом же деле царь прекрасно знал об обществе и покровительствовал ему настолько, что в конце 1816 года Скуфас мог без всякой помехи избрать Москву местом своих операций. В это же время в Санкт-Петербурге находился великий сербский изгнанник Кара-Георгий. Оказанные ему там почести и встреченная им поддержка немало содействовали его сближению с Гетерией, которая скоро доставила ему возможность вернуться на родину. Но как только Кара-Георгий явился в Сербию, соперник его Милош, не желавший уступить ему свое место, не остановился перед преступлением, лишь бы отделаться от соперника. Кара-Георгий в июне 1817 года был убит Воницей, давшим ему приют, а голова его в виде трофея была отправлена в Константинополь.

Это неудачное начало ничуть не обескуражило членов Гетерии. Спустя некоторое время они попытались склонить на свою сторону самого Милоша. Но этот эгоистический и осторожный вождь весьма холодно отнесся к их предложениям (1817—1818). Общество тем не менее продолжало расти. В 1818 году оно осмелилось перенести свое главное местопребывание в Константинополь, где ему удалось ускользнуть от бдительности турецкой полиции, благодаря соучастию фанариотов и всех более или менее видных греков, живших в этой столице. После смерти Скуфаса (в декабре 1818 года) во главе общества был поставлен комитет из восьми человек, из которых только один жил в Константинополе, а остальные разъехались по другим турецким городам и за границу, чтобы там создать вокруг себя новые очаги пропаганды. Один из них был отправлен в Петербург, а другой в Бухарест (1819). С этого момента Гетерия развернула широкую деятельность в Молдавии и Валахии, и вскоре ей удалось приобрести видных сторонников даже среди приближенных обоих господарей.

С особенным успехом Гетерия распространяла свои революционные идеи среди греческого населения. Перребос, Анагностарас, Фармакис и множество других эмиссаров разъехались от ее имени по островам, по континентальной Греции и особенно по Морее с целью заблаговременно подготовить христианско-национальное восстание, которое, как они утверждали, непременно будет поддержано русским императором. Клефты и арматолы тайно обещали свое содействие. Теодор Колокотронис, живший изгнанником на Корфу, объявил о своем предстоящем возвращении. Прелаты и священники массами вступали в ряды общества. Могущественный бей Майны Петр Мавромихалис был без труда привлечен на сторону повстанцев. С другой стороны, из различных областей Греции были посланы агенты в Петербург, для того чтобы сообщить русскому правительству о состоянии умов и разузнать, на какую помощь с его стороны могут рассчитывать греческие патриоты.

В это время, правда, настроение царя и политические его симпатии были уже не совсем такие, как в 1815 году. Александр теперь испытывал меньше любви к свободе, но зато гораздо больше боялся революции. На Ахенском конгрессе (в ноябре 1818 года) царь снова частично подпал под влияние Меттерниха и реакционной политики. Несколько позднее либеральная агитация в Германии (1819) и восстания в Испании, Португалии и Италии (1820) произвели на его колеблющуюся натуру такое сильное впечатление, что, не переставая желать освобождения христиан из-под турецкого ига, он уже не смел подстрекать их к освободительной борьбе. Теперь царь рекомендовал грекам терпение. Ясно было, что он боится показаться изменником монархическому делу. Но, с другой стороны, все понимали, что, несмотря ни на что, он остался непримиримым врагом турок. Его непостоянство и слабость были достаточно известны. И потому сохранилась надежда снова вовлечь его в крестовый поход против турок. Впрочем, если революционные вспышки в Испании и Италии охлаждали Александра, то они, напротив, чрезвычайно разжигали гетеристов. Пример этот казался им заслуживающим подражания. Сгорая нетерпением взяться за оружие, они уже не могли больше сдерживаться, когда султан Махмуд, вызвав новую внутреннюю войну, сам усилил затруднения, которые его уже давно одолевали.

Махмуд и Али-паша. Этот государь, весьма желавший поднять во всех областях империи свой непризнанный авторитет, успел за последние годы одержать над пашами не-

сколько незначительных побед, которые придали ему преувеличенную смелость. В Малой Азии Махмуд разрушил власть деребеев, а также владычество рода Чапван-оглу и Кара-Осман-оглу. Вахабиты были побеждены (1818). Босния была почти умиротворена. Теперь падишах мечтал о ниспровержении египетского и янинского пашей. А так как в данный момент он не мог добраться до первого, то счел удобным приняться за второго, ненавидимого христианским населением и встречавшего противодействие даже со стороны своего собственного сына Вели, который вытеснил его из Фессалийского пашалыка. Дерзость непокорного паши, который хотел умертвить одного из своих врагов в самом центре столицы, доставила султану предлог провозгласить его бунтовщиком и объявить вне закона (апрель 1820 года). Но гораздо проще было осудить Али, чем привести приговор в исполнение. Пришлось выслать против Али две армии, которым с большим трудом удалось блокировать его в Янине. В декабре пришлось армии усилить, а несколько позднее (в январе 1821 года) прислать для принятия над ними команды лучшего турецкого генерала Хуршид-пашу, который некогда победил Кара-Георгия и с недавнего времени был губернатором в Пелопонесе. Хуршид принужден был оставить эту провинцию и отправиться в Эпир, где в течение долгого времени он не мог добиться никаких серьезных успехов. Отъезд его из Пелопонеса должен был ускорить уже готовую вспыхнуть революцию. Али Тепеделенский пытался было вступить в переговоры, но в конце концов, убедившись, что ему не добиться помилования, призвал на помощь христиан, возвратил сулиотам их крепости и бросился в объятия Гетерии. Фессалийские, акарнанские и эпирские арматолы и клефты, понимавшие, что для них очень выгодно принять его сторону, преодолели свою старую ненависть к Али и выступили в его защиту. Вся Греция трепетала от волнения, и слова Меттерниха: «Берегитесь! Это начало грандиозного революционного движения» — оправдались.

Гетерия под руководством Ипсиланти. Гетерия решила не откладывать дольше вооруженного восстания. Так как заговорщики нуждались в военном руководстве, то они не преминули отправиться за ним в Россию, и в апреле 1820 года князь Александр Ипсиланти принял предложенное ему высшее командование. Это был не слишком удачный выбор. Вождь этот носил дорогое для греков имя, но состоял уже давно на русской службе и потому очень плохо знал население, которое ему предстояло призвать к восстанию. Он был слишком

уверен, что достаточно ему подать сигнал к открытию военных действий, чтобы увлечь императора Александра, содействие которого представлялось ему необходимым для успеха задуманного предприятия. Вместе с тем, по своей нерешительности и взбалмошности Ипсиланти точно не знал, будет ли он действовать в интересах греков, в интересах царя или в своих собственных.

Прежде всего Ипсиланти в продолжение нескольких месяцев не мог определенно остановиться ни на одном плане кампании. Только в июле 1820 года он покинул Петербург, чтобы оттуда отправиться сначала в Киев, а затем в Одессу. В октябре и ноябре он не решил еще, следует ли ему сразу ринуться в Грецию или избрать операционным базисом румынские княжества. Наиболее благоразумные из друзей убеждали его, что наилучшей почвой для него будет Пелопонес, где к нему примкнет все население; что в Молдавии и Валахии греческое происхождение повредит ему в глазах бояр, издавна притесняемых фанариотами; что румынские крестьяне, мало проникнутые еще идеями свободы и полные недоверия к грекам, не обратят внимания на его призывы к оружию; наконец, что помощь сербов, без которой он не сможет обойтись, очень мало вероятна, так как этот народ относится одинаково подозрительно и к грекам и к румынам и почти удовлетворен теми вольностями, которые предоставлены ему Портой.

Несмотря на все эти предостережения, Ипсиланти в конце концов решился начать свое вторжение с дунайских княжеств, где войска царя могли бы быстро притти к нему на помощь и где он надеялся, быть может, выкроить себе королевство. Но он потратил еще много недель на приготовления и совещания. Ипсиланти вел продолжительные переговоры с Милошем сербским, который держался в стороне и в конце концов не дал никаких определенных обещаний. С другой стороны, он с детской наивностью подготовлял восстание, которое должно было разразиться в центре Константинополя и, как он думал, отдать в его руки вместе со столицей и самого султана.

Теодор Владимиреско. Наступил февраль 1821 года. Проекты Ипсиланти начали получать огласку и с каждым днем становились все менее осуществимыми. Его проволочкам был положен конец только тогда, когда валахский господарь Александр Сутцо неожиданно скончался и когда воспользовавшийся этим благоприятным для него событием солдат Теодор Владимиреско на свой страх подал румынскому насе-

лению сигнал к восстанию. Этого агитатора подстрекали некоторые гетеристы, рассчитывавшие сделать его орудием для достижения своих целей. Но сам он, несомненно, хотел работать только для себя. Во всяком случае, Владимиреско не намерен был действовать в интересах фанариотов вообще и Ипсиланти в частности. Он заявлял, что борется исключительно во имя румынской нации и что взялся за оружие не столько для того, чтобы способствовать греческому влиянию, сколько для того, чтобы бороться с ним. Вскоре вся Малая Валахия оказалась в руках Владимиреско, а в конце марта он овладел Бухарестом.

Ипсиланти в Румынии (1821). Получив известие об этих событиях, князь Ипсиланти решил приступить, наконец, к действиям. 25 февраля он перешел Прут вместе с двумя своими братьями, князем Георгием Кантакузеном и восемьюстами кавалеристами. В прокламации, обращенной к дакийцам, Ипсиланти, стараясь не испугать их, заявлял, что только пройдет через их страну, направляясь в Грецию, но добавил, что *если какие-нибудь отчаянные турки осмелятся попрать ногами их землю, то эта дерзость будет наказана одной великой державой.* В Яссах молдавский господарь Михаил Сутцо высказался в его пользу. Вскоре после того Ипсиланти обратился к грекам с напыщенной прокламацией, в которой, не довольствуясь напоминаниями о славных деяниях древности, призывал их последовать примеру современных народов, которые в это самое время боролись за свои права и вольности. 25 марта он снова обратился к румынской нации и на этот раз открыто призывал ее присоединиться к нему. 7 апреля он прибыл, наконец, в Колентину, недалеко от Бухареста. Но на этом и закончились его успехи.

Отряд Ипсиланти увеличился самое большее на 4000—5000 человек. Румыны не двинулись с места. Владимиреско, который имел с Ипсиланти свидание, выказал полную холодность и сохранял свою независимость. Но что погубило Ипсиланти, так это главным образом неодобрение, высказанное его дерзкой попытке русским правительством. Император Александр находился на Лайбахском конгрессе, когда получил письма, в которых глава Гетерии извещал его о своем вступлении в дунайские княжества и просил поддержки. Царь только что узнал о военном бунте в Пьемонте и под влиянием Меттерниха, упрекавшего его в попустительстве революционному движению, счел нужным отречься от всякой солидарности с тайным обществом, которое сильно походило на общество

карбонариев и которое, подобно этому последнему, сеяло мятежи среди народов.

Правда, наряду с официально высказанным ему неодобрением фанариотский князь получил от Каподистрии и Нессельроде конфиденциальные сообщения, из которых явствовало, что царь вовсе уж не так рассержен, как он старается показать. Что ему было делать? Продолжать ли свой поход и смело ринуться к грекам, которых он призывал к оружию, или же открыто и без промедления отказаться от своего предприятия? Ипсиланти не сумел сделать ни того, ни другого. Отступив на Тарговишты с целью приблизиться к австрийской границе, через которую он думал тогда бежать, он потерял еще несколько недель, в то время как виддинский, силистрийский и браиловский паши уже наводняли дунайские княжества своими войсками.

Подозревая измену со стороны Владимиреско, движения которого у него в тылу казались ему подозрительными, Ипсиланти приказал схватить Владимиреско и казнить его без суда (4 июня 1821 г.). Этот насильственный поступок окончательно восстановил румын против Ипсиланти. Многие из его сторонников, упрекавших князя в том, что он обманул их, посулив им помощь русского царя, покинули его, а некоторые перешли даже на сторону турок. Наконец, после битвы с виддинским пашой при Драгашани (19 июня) Ипсиланти покинул свое войско (27 июня) и перешел на трансильванскую территорию; австрийское правительство посадило его в тюрьму.[1] Кантакузен также бежал в Бессарабию. Остатки отряда рассеялись или были перебиты турками. Для дунайских же княжеств наиболее осязательным результатом ипсилантиевской авантюры было опустошение их турецкими войсками; ареной таких опустошений они уже были и должны были надолго еще остаться.

II. Война за греческую независимость

(1821—1829)

Восстание в Греции. Если румынская нация осталась глуха к призывам Ипсиланти, то совсем иначе обстояло дело с греками, которые давно уже ждали только сигнала к восстанию. С первых же дней апреля революционное движение с быстротой молнии охватило все греческое население. Не

---

[1] Он вышел оттуда только в 1827 году и вскоре после того умер.

В. Г. БЕЛИНСКИЙ

С гравюры Иордана

потребовалось даже никакого согласования действий между отдельными провинциями или городами. Каждый округ вооружался самостоятельно во имя отечества и религии, не задаваясь вопросом, найдет ли его пример подражание. Не отказываясь также и от разбоя, клефты повсюду, на суше и на море, дрались как герои и проявили истинно гражданскую доблесть. Вследствие растерянности и бессилия турок, почти все силы которых были сосредоточены в Албании или Румынии, инсургенты за несколько месяцев сделались господами почти всей Греции. Успехи их были невелики в Фессалии и Македонии, где Хуршид и его помощники в состоянии были дать им надлежащий отпор, но зато восстание победоносно распространилось в Пелопонесе, где в руки инсургентов (в августе — октябре) попали Наварин, Монемвазия, Триполица; в то же время повстанцы через Мисолунги, Салону и Фивы сильно укрепились в континентальных провинциях; волнение начало охватывать и Эвбею, а около двухсот кораблей, вооруженных купцами Гидры, Специи и Псары, направлялись через острова Архипелага, готовые водрузить знамя независимости даже на берегах Малой Азии.

Но, несмотря на все эти успехи, дело греческой свободы далеко еще не было выиграно. Греческая нация, так громко требовавшая признания своих прав, лишена была организации и руководства. Прежде всего ей нужны были законы и правительство. Князь Димитрий Ипсиланти прибыл, правда, в июне, чтобы принять командование от имени своего брата, а так как в то время последнего считали еще победителем, вожаки морейских отрядов в течение некоторого времени признавали его власть. Но когда имевшие место в Румынии события стали известны, власть эта стала чисто номинальной. Впрочем, греки вовсе и не намерены были подчиняться России, интересам которой явно служил вождь Гетерии. Прежде всего они хотели быть независимыми. Эту-то независимость Греции и провозгласило перед лицом всей Европы национальное собрание, созванное в Эпидавре 1 января 1822 года, выработавшее временную конституцию. Эта конституция провозгласила национальный суверенитет, равенство граждан перед законом и свободу вероисповеданий. Она учредила сенат, состоявший из выбранных на один год депутатов, и исполнительный совет из пяти членов, избираемых также на год этим собранием из лиц, в него не входящих. Исполнительный совет назначал министров, ответственных перед сенатом. Сначала председательство в этом правительстве было предоставлено князю Александру Маврокордато, просвещенному

дипломату и либералу, симпатии которого склонялись скорее к западным державам (особенно к Англии), чем к петербургскому кабинету.

Организация Греции едва лишь успела наметиться в самых общих чертах, как это хрупкое здание чуть было не оказалось опрокинутым мощным натиском Турции. При известии о вторжении гетеристов в дунайские княжества, а особенно при известии о греческой революции мусульманский фанатизм вспыхнул во всей империи ярким пламенем. Константинопольский патриарх был повешен во всем своем торжественном облачении, а восемьдесят епископов или архимандритов были умерщвлены. Христианские церкви подверглись разграблению или разрушению. Тысячи христиан погибли насильственной смертью. В 1821 году на островах Кипре и Крите, в Кидонии и во многих других пунктах произошла страшная резня. В апреле 1822 года капудан-паша Кара-Али прибыл с флотом, чтобы снова подчинить турецкому игу остров Хиос, который недавно объявил себя сторонником Греции. Этот веселый и цветущий уголок был залит кровью. 23 000 жителей острова были вырезаны, а 47 000 проданы в рабство. В то же время Хуршид-паша, вступивший, наконец, в Янину и пославший Махмуду голову Али Тепеделенского, обратил все свои силы против греческих инсургентов. Фессалия, Беотия и Аттика были преданы огню и мечу. Западная Греция была опустошена; Маврокордато, разбитый при Пете (16 июля), отступил вместе с сулиотом Марко Боцарисом до города Мисолунги, где вскоре и был осажден. Наконец, 30 000 турок под предводительством Драмали угрожали Пелопонесу страшным разрушением. Казалось, что Греция окончательно погибла; но ее героизм и неумелый образ действий ее врагов спасли ее. Все силы Мореи собрались вокруг Колокотрониса; неутомимый паликар тревожил пашу неожиданными нападениями, изолировал его, отрезал подвоз продовольствия, блокировал — и в несколько месяцев турецкая армия растаяла и исчезла. В январе 1823 года Навплия, Коринф и Афины были во власти греков. Осада Мисолунги была снята. И, наконец, турецкий флот, который не в силах был уберечься от брандеров, пускаемых смелыми моряками Псары и Гидры (Канарис, Миаулис, Томбазис и др.), с позором возвратился в Дарданелы.

Греческая революция и дипломатия до Веронского конгресса. Греция дала доказательства своей энергии и жизнеспособности, и Европа, которая впоследствии должна была признать за ней право на самостоятельное национальное

существование, поступила бы благоразумнее, если бы тогда же признала ее независимость. Но дипломатическое соперничество, которое можно было легко предвидеть, в течение долгого времени мешало державам это сделать.

Возвратившись в Россию, Александр, который, как ему казалось, принес уже достаточно жертв политике Меттерниха, высказав в угоду ему неодобрение Ипсиланти, и видя, насколько дело греков популярно в России, снова стал поддаваться влиянию Каподистрии. Не довольствуясь возобновлением старого русско-турецкого спора, он нашел новый источник неудовольствия против султана в тех насилиях, которым подвергались тогда христиане в Турецкой империи. 28 июня 1821 года он потребовал за себя и за весь «христианский мир» удовлетворения в высокомерном ультиматуме, после которого обратился к европейским великим державам с запросом: 1) какую позицию они намерены занять в том случае, если между Россией и Турцией вспыхнет война и 2) какую систему намерены они предложить вместо турецкого господства, если это господство в результате войны будет свергнуто? Затем 8 августа он отозвал своего посланника из Константинополя. В этот момент царь, повидимому, твердо решил ниспровергнуть турецкое владычество. Он предлагал Франции значительную долю из турецкого наследства.[1] Но Австрия и Англия решительнее, чем когда бы то ни было, воспротивились его проектам. После долгого промедления оба эти двора сделали русскому императору представления, по смыслу которых выходило, что поддержка Греции равносильна поддержке революции, а на поставленный им вопрос ответили, что они не допустят, чтобы между Россией и Турцией вспыхнула война. Этого было вполне достаточно для того, чтобы поколебать решимость Александра. Впрочем, его расположение к грекам значительно охладело, когда он увидел, что они удалили от власти Димитрия Ипсиланти, провозгласили национальный суверенитет и приняли конституцию, насквозь проникнутую принципами революции. Царь очень желал, чтобы образовалось греческое государство, находящееся под покровительством России, но мысль о независимой Греции вовсе ему не улыбалась. Кроме того, натолкнувшись на сопротивление Англии и Австрии и не имея возможности

---

[1] «Взгляните на карту, — говорил он французскому посланнику де Ла Ферронэ, — от Гибралтарского пролива до Дарданельского пролива, выберите, что вам подходит, и рассчитывайте не только на согласие, но и на искреннюю активную помощь России... Нужно, чтобы турки были отброшены как можно дальше и чтобы все могли притти к полюбовному соглашению...»

*

рассчитывать на Пруссию, которая в то время приспособляла свою политику к политике Австрии, он считал возможным затеять восточную авантюру лишь при содействии Франции. А Франция, где агитировали карбонарии, бывшие тогда полными господами в Испании, не располагала достаточной свободой действий. Главным стремлением Бурбонов было в то время вызвать контрреволюцию по ту сторону Пиренеев в ожидании, когда это же самое можно будет проделать по эту их сторону, у себя дома. С 1822 года эта забота овладела также и всеми помыслами Александра. Таким образом, не заключая с Турцией полного мира, он в середине этого года стал смотреть на нее несколько снисходительнее и довольно благосклонно отнесся к развлекавшим его конференциям, происходившим в Вене с июня по сентябрь и имевшим целью оттянуть греческий вопрос. Он пошел даже на открытый разрыв с Каподистрией, который перестал быть его министром и удалился в Женеву, где жил в качестве частного лица.

Таким образом, открывшийся в октябре 1822 года Веронский конгресс, на который греки возлагали некоторые надежды, не выказал никакой симпатии греческому восстанию. В деле улажения своих разногласий с Турцией царь полагался теперь на добрые услуги Австрии и Англии. Что же касается греков, то Александр, подобно прочим государям, выражал неодобрение их восстанию, объявлял их недостойными своей благосклонности и не настаивал на допущении их делегатов (дожидавшихся в качестве просителей в Анконе) на конгресс. Этим делегатам поручено было апеллировать к солидарности всех христиан, протестовать против всякого отождествления греческого восстания с итальянскими или испанскими революциями и, наконец, просить, чтобы участь Греции не была решена без участия ее представителей. Но напрасны были все призывы главы греческой делегации Андрея Метаксаса, который обращался лично к папе, к русскому императору, к французскому уполномоченному, — конгресс отказался его принять и предложил ему уехать обратно.

Междоусобная война в Греции (1823—1825). Греция была предоставлена своим собственным силам, и ей необходимо было по крайней мере объединить все эти силы против турок и не разрывать на части национальный организм собственными руками. Между защитниками Греции никогда не было полного единогласия. А после достигнутых ими в 1822 году успехов инсургенты, повидимому, решили, что в единстве нет больше никакой нужды, и вступили на путь, который должен был вскоре привести их к междоусобной войне.

Три местных правительства, образовавшихся в 1821 году в Морее, Западной Греции и Восточной Греции, продолжали существовать наряду с центральным правительством и совершенно его обессиливали. Новому национальному собранию, созванному в феврале 1823 года в Астросе, не без труда удалось прекратить их существование. Но оно не могло положить конец соперничеству, которое с самого начала войны проявилось между сторонниками гражданского управления (приматами) и сторонниками военного режима (вождями паликаров), так же как и между представителями Мореи, которые хотели забрать все руководство в свои руки, представителями Румелии (континентальной Греции) и островами, стремившимися к той же цели. Неукротимый Колокотронис, принудивший в апреле национальное собрание избрать его в члены исполнительного совета, воспрепятствовал назначению президентом Маврокордато и под угрозой смерти принудил последнего (в июле) удалиться в Гидру. Колокотронис сначала терроризировал собрание в Триполице, а затем хотел принудить его перебраться в Навплию — город, где он был полным хозяином и куда собрание отказалось за ним последовать. Правительство, в котором он господствовал, вскоре совершило столько насилий и беззаконий, что собрание сочло нужным отрешить от должности одного из его членов. Но Колокотронис не только не подчинился этому постановлению, но попытался в декабре насильственно распустить национальное собрание. Последнее должно было бежать в Краниди, где оно провозгласило низложение Колокотрониса и его товарищей. В январе 1824 года был образован под председательством Кондуриотиса новый исполнительный совет, представлявший главным образом интересы островов. Таким образом получилось два правительства и два собрания. Законному правительству пришлось осадить Навплию, а затем двинуть свои войска на Триполицу, где вождь бунтовщиков основал свою главную квартиру. Гражданская война продолжалась вплоть до июля, когда побежденный Колокотронис был амнистирован. Но когда вскоре после этого, в октябре, законодательный корпус счел нужным возобновить полномочия Кондуриотиса, непокорный паликар снова поднял знамя восстания. Потребовалось еще три месяца, чтобы с ним справиться, после чего пришлось заключить Колокотрониса в тюрьму в Гидре (январь 1825 г.). Около того же времени жадный и коварный Одиссей, пользовавшийся громадным влиянием в Восточной Греции и не имевший другой цели, как добыть себе там княжество, также перестал подчиняться

распоряжениям законного правительства. Побежденный и униженный, он в конце 1824 года продался туркам и только в марте 1825 года был схвачен бывшим своим лейтенантом Гурасом, который приказал казнить его в Афинах.

Если и не все вожаки отрядов так резко порывали отношения с правительством, как Одиссей и Колокотронис, то среди них не было ни одного, который фактически не считал бы себя стоящим выше законов и который не вел бы войну на собственный страх. Большинство предводителей отрядов шли, куда им хотелось, сражались, когда им заблагорассудится, и почти никогда не получая жалованья от государства, жили только грабежом. Солдаты вели себя так же, как их начальники. И эти обычаи господствовали не только на суше, но и на море, делая его положительно недоступным. Каждый греческий моряк был одновременно и патриотом и пиратом. Под предлогом военных действий против неприятеля корсары Архипелага захватывали без разбора суда всякого происхождения и всех национальностей. Греческие адмиралы не могли брать на себя выполнение операций, требующих продолжительного времени, так как матросы нанимались только на один месяц и часто оставляли службу даже до истечения условленного срока.

Махмуд и Мехмед-Али. Египтяне в Морее (1825). Все эти раздоры и бедствия несомненно привели бы Грецию в самом непродолжительном времени к окончательной гибели, если бы враги ее отличались дисциплинированностью, организованностью и особенно обладали бы материальными средствами, которых им как раз и нехватало. Но уже начиная с третьего года войны турецкое правительство только с величайшим трудом добывало себе деньги и солдат. Оно дошло до того, что начало фальсифицировать монету. Оно принуждало частных лиц отдавать ему свои драгоценные вещи. Правительству нехватало людей, действительно способных к флотской службе. Что же касается сухопутной армии, то оно не могло положиться на верность албанцев, которые вели войну в своих собственных интересах и которые, чтобы затянуть ее, часто сознательно поступали наперекор планам турецких генералов. По всей империи среди христианских подданных султана замечалось глухое брожение. Мусульманское население пало духом, и из его среды уже невозможно было больше производить наборы. Янычары обнаруживали все большее неповиновение. Паши, посылаемые против греков, завидовали друг другу и вели между собою нескончаемые распри. Взаимное

соперничество парализовало все их усилия в продолжение кампании 1823 года.

На востоке турки опустошили Беотию и Аттику, но сами, истребляемые болезнями и нищетой, должны были в конце концов отступить. На западе после выигранной ими битвы при Карпенице, во время которой (19 августа) погиб Марко Боцарис, они осадили Анатолико. Однако этот город был выручен войсками Маврокордато, и осаждавшие его принуждены были в разгар зимы (декабрь 1823 г.) совершить отступление в самых бедственных условиях. Крепость Акро-Коринф, господствовавшая над проходом между Мореей и континентальной Грецией, попала в руки греков. На море новый капудан-паша Хозрев мог только снабжать продовольствием Патрас, Модон и Корон, которые оставались еще в руках турок на Пелопонесском побережье; неустанно преследуемый Миаулисом, он должен был бесславно возвратиться в Константинополь.

После стольких беспорядочных и бесплодных усилий Порта была почти совершенно истощена. Ни на одном из трех главных театров военных действий (Восточная Греция, Западная Греция, Морея) ей никак не удавалось сконцентрировать больше 10 000 человек. Находясь в столь затруднительном положении, Махмуд по совету Австрии, страстно желавшей его победы, решил обратиться с просьбой о помощи к своему могучему вассалу, которого он ненавидел и с которым охотно поступил бы, как с янинским пашой, но который в данный момент был для него недосягаем и даже мог диктовать ему свою волю.

Египетский паша Мехмед-Али, который победил вахабитов и военные успехи которого в Нубии и Сенааре были не менее значительны, чем в Аравии, обладал многочисленной обученной и дисциплинированной по европейскому образцу армией, а также флотом, почти столь же многочисленным, как флот его сюзерена, и уже во всяком случае лучше вооруженным и имевшим лучших командиров. Махмуду уже раньше пришлось обращаться к помощи паши для восстановления мусульманского господства на островах Кипре и Крите. На Крите эта борьба, энергично поддерживаемая со стороны греков Афентулисом, а затем Томбазисом, тянулась два года. Она закончилась как раз в это время полным поражением инсургентов (1824). Но честолюбивый паша не любил ничего делать даром, и пришлось оставить за ним управление отвоеванными таким образом территориями. Когда к нему обратились с просьбой помочь своему повелителю взять обратно Пело-

понес, главный очаг греческой революции, он не отказался, но выговорил себе за свои услуги очень высокую плату. Сын его Ибрагим, который должен был командовать экспедиционным корпусом, был назначен морейским пашой. В арсеналах Каира и Александрии начались немедленно грандиозные приготовления. В несколько месяцев все было готово, и в конце июля 1824 года египетский флот поднял паруса. Он состоял из 54 военных кораблей, эскортировавших 400 торговых судов, на которых находилось 16 700 человек десантных войск и 150 орудий полевой артиллерии. Во главе сухопутной армии стоял Ибрагим, а эскадрой командовал зять Мехмеда-Али, Хасан-паша, уже отличившийся в войне с Критом.

Для того чтобы обеспечить себе сообщение с Египтом, Ибрагим сначала, по соглашению с капудан-пашой, посвятил несколько месяцев морским операциям, не увенчавшимся, однако, особенным успехом. Желая помочь его предприятию, Хозрев напал на Псару, и этот остров, снова завоеванный турками, постигла почти такая же участь, что и остров Хиос. Отсюда он предпринял неудачное движение против Самоса. В сентябре оба флота соединились в Будруне (Галикарнас). Но все их попытки против Самоса и других островов были отражены Миаулисом, который взял обратно Псару и держал под угрозой оттоманские силы. В декабре Ибрагим, находя время года неудобным для похода в Грецию, расположился на зимние квартиры на Крите. Здесь он получил значительные подкрепления и смог (в феврале 1825 года) отправить в Морею две мощные дивизии, за которыми вскоре двинулся сам с главными своими силами. В марте он высадился, наконец, в Модоне и направился к Наварину — первоклассному морскому порту, который он намеревался сделать своей главной операционной базой.

Никогда до тех пор Греции не приходилось иметь дело с таким могучим неприятелем. Она не успела еще оправиться от междоусобной войны, и Ибрагим застиг ее врасплох. Президент Кондуриотис наскоро собрал немногочисленный отряд и двинулся навстречу Ибрагиму. Но он не был военачальником, и паликары питали к нему очень мало доверия. Притом на греков угнетающим образом подействовало превосходство египетской тактики. Ибрагим, напавший на них при Кремиди, без особого труда обратил их в бегство (19 апреля). А через месяц Наварин, осаждаемый с суши и с моря, вынужден был капитулировать (18 мая). При таких ужасных обстоятельствах между враждующими партиями состоялось

временное примирение. Старому Колокотронису, которому снова была дарована амнистия, поручено было руководить защитой Пелопонеса. Но все его отчаянные усилия не могли помешать Ибрагиму занять Триполицу и продолжать свой поход на запад. 22 июня паша находился в Мили, т. е. в нескольких милях от Навплии, которая служила местопребыванием греческого правительства. Успехи, одержанные Миаулисом и Сахтурисом на море, не имели настолько решительного характера, чтобы принудить египетскую армию к отступлению. С другой стороны, грозный полководец Решид Мехмед-паша, который был назначен недавно «румели-валиси» и командовал войсками в Албании и Фессалии, осадил со всеми своими силами город Мисолунги, который ему приказано было взять под страхом смертной казни в случае неуспеха. Торжество мусульман казалось обеспеченным, а Греция на этот раз представлялась обреченной.

Филэллины. Греция пала бы в неравной борьбе, если бы ей на помощь не пришли, наконец, иностранные державы, к заступничеству которых она так долго и так тщетно взывала. Многие правительства, до тех пор относившиеся к ней индиферентно или недоброжелательно, начали выказывать ей некоторую симпатию и заботливость, когда увидели, что она близка к гибели. Каким образом могла произойти эта удивительная перемена? Мы не в состоянии были бы объяснить ее, если бы стали искать причины только в расчетах дипломатии, игнорируя при этом то движение общественного мнения в пользу Греции, которое происходило с самого начала войны во всей Европе. Мы должны поэтому описать в самых общих чертах зарождение и развитие филэллинизма с 1821 до 1825 года.

Умственное и моральное возрождение эллинского народа, которое стало заметно в конце XVIII и начале XIX века, привлекло к нему сочувствие таких знаменитых людей, как, например, Шатобриан и лорд Байрон. [1] Когда это возрождение греческой нации перестало ограничиваться словами и литературными проявлениями и стало выражаться в действиях, то дело этого маленького народа начало пользоваться во всей Европе величайшей популярностью. Конечно, греки имели и свои недостатки, но европейская публика хотела в них видеть одни только достоинства, так как в конечном счете они отстаивали дело цивилизации против варварства.

---

[1] С 1809 по 1811 год лорд Байрон путешествовал по Греции, где он написал первые песни *Чайльд-Гарольда* и нашел сюжеты для некоторых из лучших своих поэм *(Гяур, Абидосская невеста, Корсар, Лара).*

В Европе полюбили этот народ за его славное прошлое, за его долгие страдания, за его слабость, за нежелание нести ярмо рабства, за борьбу с исламом, которая придавала ему характер борца за христианство. Во Франции сторонники и противники революции, либералы и ультрароялисты сходились в своем преклонении перед греками и в стремлении притти к ним на помощь, и все желали им полной победы.

В Германии, в Англии, а также во Франции появилась масса сочинений, посвященных греческому вопросу; публика интересовалась ими, — журналы и газеты наперерыв отстаивали дело греческой нации. Поэты воспевали подвиги, победы и несчастья греков. В 1821 году образовались комитеты для сбора всякого рода пожертвований и для вербовки волонтеров. Такие комитеты возникли в Штутгарте, Мюнхене, Цюрихе, Берне, Женеве и Марселе, а впоследствии в Лондоне и Эдинбурге и даже в Соединенных Штатах. Первые волонтеры (англичане Норман, Эбней-Гастингс, Гордон) скоро нашли подражателей, число которых непрерывно возрастало. Из Марселя в продолжение двух первых лет войны было отправлено восемь партий филэллинов. Если правительства и пытались вначале наложить узду на пропаганду, которую политические деятели Священного союза признавали опасной, то эти попытки окончились полной неудачей. Когда дело революции показалось надолго проигранным в Италии и Испании, тогда взоры всех, замешанных в революционном движении, обратились на Восток, и участники освободительного движения массой направились в Грецию, чтобы там продолжать свою борьбу за свободу. В конце 1823 года пьемонтцы Санта-Роза, Колленьо и француз Фавье предложили эллинскому правительству свои услуги. В это же самое время лорд Байрон принес в дар этому делу свой гений, свое имущество и себя самого. Известно, что он умер 19 апреля 1824 года в Мисолунги после тщетных попыток примирить враждебные партии, разрывавшие на части Грецию. Благодаря, главным образом, содействию Байрона правительству Навплии удалось с успехом заключить в Англии заем в 800 000 фунтов стерлингов, без которого оно оказалось бы совершенно лишенным материальных средств.[1] В начале 1825 года лондонские банкиры дали свое согласие на заключение нового греческого займа, на этот раз в 2 миллиона фунтов

[1] Это неточно: заем был устроен исключительно по желанию и согласно планам статс-секретаря по иностранным делам Великобритании Джорджа Каннинга. — *Прим. ред.*

стерлингов. А так как в это время положение Греции становилось все более критическим, то во всей Европе, а особенно в Германии, Швейцарии и Франции, движение в пользу греков приняло самые широкие размеры. Новый баварский король Людовик I, исповедывавший настоящий культ Греции, послал туда деньги и множество офицеров, между прочим одного из своих адъютантов, полковника Гейдека. В Женеве банкир Эйнар оказывал искусное содействие терпеливой политике Каподистрии, который, живя отшельником в этом городе, держал в своих руках все нити греческой революции и выжидал того момента, когда ему снова можно будет выступить на сцену. В Париже образовалось Филантропическое общество помощи грекам, в комитете которого принимали участие представители всех политических партий (Шатобриан и Лаффит, Ларошфуко, Дальберг, Сент-Олэр, Фитц-Джемс, Лафайет, Бенжамен Констан). За 1825 и 1826 годы одно это общество доставило грекам около трех миллионов франков денежной субсидии, не говоря уже о солдатах, оружии, снаряжении и одежде, которые оно им постоянно отправляло.

Но, к несчастью, не все средства, с 1821 года направлявшиеся *филэллинами* в Грецию, были ею использованы. Деньги часто раскрадывались или употреблялись не по назначению недисциплинированными и жадными вождями, оспаривавшими друг у друга руководящую роль. Что же касается добровольцев, то греки не всегда оказывали им дружественный прием; ревниво относившиеся ко всякому иностранному влиянию и неспособные подчиниться требованиям европейской дисциплины, вожди-паликары в течение долгого времени щеголяли презрением к опытности, военным познаниям и талантам офицеров-филэллинов, многие из которых, возмущенные оказанным им пренебрежением, отказались от участия в военных действиях. Санта-Роза не мог добиться командования отрядом. Он был убит при осаде Наварина в качестве простого волонтера. И только после взятия этой крепости и Триполицы, когда египтяне стояли уже лагерем перед Навплией, греки, умудренные несчастьем, которое сделало их более справедливыми, стали выказывать больше доверия своим союзникам, которых они так долго игнорировали. Полковнику Фавье, который в течение двух лет служил грекам, можно сказать, почти против их воли, правительство поручило, наконец, организацию корпуса регулярных войск (τάκτίκος) и командование. Это было ядро армии, которой Греция после четырех лет войны еще не имела. Но какое зна-

чение могла иметь эта запоздалая мера ввиду приближения войск Ибрагима?

Дипломатический поворот в пользу Греции. Греции необходима была помощь великих держав, в ожидании которой ей нужно было выиграть время. И она выиграла его благодаря повороту, совершившемуся в ее пользу в британском кабинете. Этот поворот мы сейчас постараемся объяснить.

Руководство английской дипломатией с конца 1822 года находилось в руках Каннинга, смелого политического деятеля, который не чувствовал такого панического страха перед успехами революции, как Кэстльри. Не подлежит никакому сомнению, что этот государственный человек стоял за сохранение Оттоманской империи. Но он был в основном оппортунистом, а так как греческая нация за последние несколько лет обнаружила явные доказательства своей жизнеспособности, он стал склоняться к мысли, что конечная ее победа неизбежна. А раз Греции наверное предстоит победа, то нельзя допустить, чтобы она считала себя обязанной своим успехом державе, являющейся соперницей Англии. Поэтому Англия должна быть готова в решительный момент взять в свои руки руководство движением для того, чтобы, во-первых, отнять это руководство у России, а во-вторых, придать делу оборот, сообразный с британскими интересами, и воспрепятствовать окончательному разрушению Оттоманской империи. Прибавим, что Каннинг понимал необходимость считаться не только с общественным мнением (которое в Лондоне, как и повсюду, было решительно настроено в пользу греков), но и с английскими капиталами, вложенными в греческую революцию. Наконец, до английского министра доходили слухи, что французские филэллины предлагали инсургентам в короли какого-нибудь французского принца, например, сына герцога Орлеанского. [1] Англия должна была позаботиться о том, чтобы ее не предупредили другие. Этим и объясняется перемена ею политического фронта.

Александр ждал окончания испанской войны, чтобы снова подвергнуть обсуждению Священного союза свой старый спор с Турцией, [2] причем теперь, как и прежде, он связывал его

---

[1] Речь шла о герцоге Немурском, кандидатура которого на греческий престол была выставлена в 1824 году и настойчиво поддерживалась в 1825 году французским филэллином генералом Рошем.

[2] Царь требовал от Порты не только урегулирования недоразумений, связанных с Бухарестским трактатом; он требовал от нее также восстановления прежнего положения вещей в Молдавии и Валахии, эвакуации обоих этих княжеств турецкими войсками, освобождения сербских депутатов, арестован-

с вопросом об умиротворении Греции. Но Англия предложила ему до проектируемых им совещаний представить свои соображения относительно реорганизации этой страны, и царь, попавшийся на удочку, заявил (в январе 1824 года), что, по его мнению, восставшие области должны быть разделены на три группы (Западная Греция, Восточная Греция и Морея), каждая из которых будет превращена в вассальное княжество Порты на таких же приблизительно условиях, как Молдавия и Валахия. Подобное предложение должно было в одно и то же время привести в раздражение и султана, который требовал от своих подданных безусловного повиновения, и греческую нацию, которая с негодованием отвергала всякую мысль о дроблении Греции и о вассальном ее подчинении Турции. Этим проектом русское правительство обнаружило собственные своекорыстные стремления. Из этой программы явствовало, что оно, конечно, стремится к потрясению или разрушению Оттоманской империи, но что оно не желает допустить образования на Балканском полуострове достаточно свободного и достаточно сильного государства, способного обходиться собственными силами и не нуждающегося в покровительстве России. Можно себе представить, как широко был использован английскими дипломатами подобный документ как в Навплии, так и в Константинополе!

Теперь английское правительство начало выказывать грекам явную благосклонность. Оно признало за ними право блокады, позволило им снабжаться продовольствием на Ионических островах и открыто благоприятствовало филэллинам. Русский проект о дроблении Греции на три куска был разоблачен в июне 1824 года. Так как правительство Навплии сочло нужным ответить на него протестующей нотой, которую оно (в августе) адресовало главным образом лондонскому кабинету, Каннинг сообщил ему в ноябре, что если грекам это непременно понадобится, то Англия не откажет им в своем посредничестве. При этом английское правительство отказалось принимать участие в Петербургской конференции по греческому вопросу. Открывшаяся, наконец, в феврале 1825 года эта конференция, бесплодность которой в достаточной степени могла быть обусловлена хотя бы только коварством австрийского правительства, закончилась в апреле плачевным фиаско. Но шаги, которые вслед за тем были предприняты царем, перед каждой из великих держав в отдельности, с тем,

---

ных в Константинополе в 1821 году, дарования Сербии автономной конституции и отмены правил, стеснявших русскую торговлю в турецких водах.

чтобы получить разрешение на вмешательство в греческие дела, тоже не увенчались успехом.

Напротив, влияние Англии, которая имела теперь на своей стороне общественное мнение Греции, продолжало безостановочно возрастать. Мы уже видели выше, что к концу июня 1825 года дело греческой независимости казалось окончательно проигранным. Но через несколько дней Европа с изумлением узнала, что Греция на время избегла уничтожения. Ибрагим, занесший уже руку для окончательного удара, вдруг остановился. Навплия была спасена, и в июле египетская армия повернула обратно к Триполице и Наварину. Неожиданный этот поворот был вызван заявлением английского офицера, коммодора Гамильтона, которому, без сомнения, английское правительство разрешило пригрозить паше возможностью британского вмешательства.

Царь, огорченный и раздосадованный неудачей своей политики, вскоре после этого (в августе) заявил, что отныне умиротворение Греции отступает для него на задний план, что он больше не обращается к Европе ни с какими предложениями и только оставляет за собой право получить от Турции удовлетворение своих требований. А если это удовлетворение не будет ему, наконец, дано, он уже собственными силами постарается его добиться. Решится ли он осуществить свою угрозу, не останавливаясь даже перед войной — этого никто не знал. Но на всякий случай Англия старалась принять меры предосторожности. Организованный в Греции вскоре после отступления Ибрагима сбор подписей, вылился в форму прошения, адресованного в августе лондонскому двору и выражавшего пожелание, чтобы Англия официально приняла под свое покровительство греческий народ и дала ему короля. Принц Леопольд Саксен-Кобургский, признанный протеже Англии, почти открыто предназначался занять место будущего главы нового государства. Таким образом, Каннинг добился своей цели: Греция отдавала свою судьбу в его руки. Восточный вопрос отныне не мог быть разрешен ни вопреки Англии, ни без ее участия. Казалось даже, что скоро в его разрешении ей одной будет принадлежать решающая роль.

Лондонский двор не счел удобным ответить формальным согласием на адресованную ему петицию, ибо это означало бы ссору с Турцией, чего Англия ни в коем случае не хотела. Но она не хотела также обескураживать греков. Она дала им знать (в октябре), что если в данный момент и не может дать своего согласия на их просьбу и нарушить по отношению к ним, равно как и по отношению к туркам, принятую ею

систему благожелательного нейтралитета, то, тем не менее, она не оставляет заботы о них и не позволит никакой державе навязать им решение, противное их интересам. При этом она не скрывала своего намерения занять Грецию английскими войсками, в том случае если русская армия проникнет в пределы Оттоманской империи.

Мисолунги и Афины (1826—1827). Между тем военные действия в Греции продолжались, и если этой стране удалось на время избежать неминуемой катастрофы, то далеко еще нельзя было сказать, чтобы она была застрахована от всякой опасности. В течение еще почти двух лет положение на военном фронте оставалось для нее неблагоприятным.

В конце 1825 года правительство Навплии не имело денег для уплаты жалованья своим войскам, которые разбегались или беспощадно грабили страну. Флот почти совершенно обессилел из-за отсутствия дисциплины среди матросов и из-за их побегов со службы. Колокотронис и его шайки нанесли Ибрагиму во время его отступления значительный урон. Но еще больше вреда они причинили Пелопонесу. Греки, не успевшие оправиться от тревоги, вызванной осадой Навплии, с тоской обратили свои взоры на Мисолунги. Если этот оплот Западной Греции падет под ударами неприятеля, то Решид-паша в самом непродолжительном времени окажется под стенами Афин; а если Афины в свою очередь падут, то он сможет напасть на Морею, и еще вопрос — захочет ли и сможет ли Англия спасти Грецию и на этот раз.

Город Мисолунги, куда укрылись сулиоты и греки, бежавшие из Эпира, Акарнании и Этолии, насчитывал тогда около 15 000 жителей, в том числе 5000—6000 человек, способных носить оружие; уже около 8 месяцев город сопротивлялся атакам Решид-паши с героизмом, вызывавшим восхищение всей Европы. Но в декабре румели-валиси получил подкрепления от Ибрагима, который принял главное руководство осадой, и с этого момента падение крепости стало почти неизбежным. Бесстрашный Миаулис, правда, успел в январе 1826 года доставить в крепость обозы с продовольствием, что дало возможность продолжить защиту города еще на несколько недель. Но чтобы принудить неприятеля снять блокаду крепости, против него следовало бы двинуть вспомогательную армию через центральную Грецию. А эта область, к несчастью, была разорена и не могла прокормить экспедиционный корпус, который правительство не в состоянии было снабдить всем необходимым. Единственно, что мог сделать исполнительный совет, это — поручить Фавье с его регулярным отрядом

произвести диверсию со стороны острова Эвбеи. Но этот смелый офицер, которому присоединенные к его отряду вожди паликар из зависти плохо помогали, потерпел полнейшую неудачу, а эта неудача деморализовала и дискредитировала регулярные войска (март—апрель 1826 г.).

Мисолунги, все более теснимый осаждавшими его войсками и превращенный артиллерией Ибрагима в груду развалин, потерял последнюю надежду. После того как Миаулису не удалось во второй раз прорвать блокаду (15—19 апреля), осажденные с мужеством отчаяния решили сделать ночную вылазку и пробиться сквозь неприятельские линии. Но, оказалось, враг был предупрежден, и мисолунгцы были встречены страшным огнем. Только 1800 человек с трудом успели пробиться и добрались до Салоны. Остальные были перебиты или отброшены обратно в город, куда по их следам ворвались турки и египтяне. Множество греков предпочло взорвать себя вместе со своими домашними, чем сдаться в плен. Огромное большинство населения было безжалостно умерщвлено. В живых остались только 3000—4000 жителей, которые были проданы затем в рабство (22—23 апреля 1826 г.).

Взятие Мисолунги произвело сильнейшее впечатление на всю Европу и вызвало новый взрыв симпатий к Греции. Но усилия филэллинов, направленные к спасению этой несчастной страны, оказались тщетными вследствие новых раздоров, вспыхнувших среди инсургентов. В апреле 1826 года Кондуриотис был удален из состава правительства национальным собранием, собравшимся в Эпидавре. Исполнительная власть была доверена комиссии из 11 человек под председательством Заимиса, а наблюдение за нею поручено было комитету национального собрания. Эта комбинация привела к самой плачевной анархии. Никто не повиновался новому правительству, и скоро (в ноябре) ему пришлось удалиться на остров Эгину. Вскоре после этого Колокотронис и Кондуриотис открыто заявили, что не признают власти правительства, и, невзирая на законное национальное собрание, заседавшее на Эгине, распорядились выбрать другое, которое собралось в Гермионе (январь—февраль 1827 г.). Правительство обратилось к посредничеству Англии и стало обнаруживать готовность всецело отдать свою судьбу в руки этой державы. Колокотронис и его приверженцы, напротив, причисляли себя к сторонникам России. Два англичанина — генерал Чэрч и адмирал Кокрэн, — которые прибыли как раз в это время, для того чтобы посвятить свои силы греческому делу, с трудом добились слияния этих двух собраний в одно, которое съехалось

в Трезене (1 апреля) и выработало новую конституцию. Генерал Чэрч был назначен генералиссимусом, а адмирал Кокрэн поставлен во главе морских сил. Это было успехом для английской партии; но русская партия могла похвалиться еще большим успехом, добившись вручения исполнительной власти президенту (πρόεδρος), на должность которого был выбран не кто иной, как Каподистрия. Этот дипломат, хотя и живший в стороне от дел в Женеве, всегда считался агентом царя. Впрочем, Каподистрия в течение продолжительного времени еще не мог приехать в Грецию, а в ожидании его прибытия национальное собрание вручило правительственные функции комиссии из трех человек, которую с первого же дня никто не стал признавать (апрель—май 1827 г.).

Тем временем Ибрагим, отделившись от Решид-паши, возвратился в Морею; он не мог добиться покорения майнских горцев и в отместку за это предал Пелопонес огню и мечу. Решид оккупировал центральную Грецию, дошел со всеми своими силами до Афин, овладел городом и осадил Акрополь (июль), защищавшийся Гурасом с несколькими сотнями паликаров. Атака, предпринятая против турецких окопов при Хайдари Карайскакисом и Фавье, не увенчалась успехом (19 августа). Напрасно первый из этих полководцев перенес военные действия в центральную Грецию, взял Салону и угрожал турецкой линии сообщений (ноябрь 1826 г. — февраль 1827 г.). Паша не тронулся с места. Напрасно Фавье, прорвав блокаду, устремился в крепость с 600 солдат регулярных войск и с военными снарядами (13 декабря). Храбрые филэллины, напавшие в феврале на турок, были отброшены. Наконец, Чэрч и Кокрэн оказались в мае не счастливее их и после целого ряда бесполезных битв сочли нужным отступить, — первый со своей сухопутной армией, второй — с флотом. С этого момента оставленному на произвол судьбы Акрополю оставалось только сдаться, что он и сделал при посредстве адмирала де Риньи, командира французской левантской эскадры, выговорившего для гарнизона свободное выступление с отданием воинских почестей (5 июня 1827 г.).

Лондонский договор и Наваринская битва (1827). Теперь Решиду ничего больше не оставалось как двинуться в Пелопонес. Греция снова очутилась на краю гибели. И только тогда державы, заинтересованные в недопущении ее окончательной гибели, решили активно вмешаться.

Александр I скончался 1 декабря 1825 года; его преемником сделался его брат Николай, который заявил, что он намерен *продолжать* дело своего предшественника, но *не начи-*

нать его сначала. В марте 1826 года он обратился к Турции с угрожающим ультиматумом, сообщавшим о намерении России решить оружием спор, который давно уже тянулся между предшественником Николая и Портой. Но Англия немедленно дала понять царю, что она не позволит ему воспользоваться войной и одному, по своему произволу, разрешить греческий вопрос. Не рискуя восстановить против себя Англию, Николай должен был согласиться на протокол от 4 апреля, по которому он обещал поддержать английское посредничество между турками и греками, причем это посредничество должно было привести к созданию самостоятельного греческого королевства, права которого призваны будут гарантировать великие европейские державы.

Уладив этот вопрос, Каннинг, от всей души не желавший допускать конфликта между турками и русскими, взялся (вместе с Меттернихом) за улаживание недоразумений между царем и султаном. Махмуд в течение некоторого времени делал вид, что не хочет уступать. Чтобы поставить Россию в затруднительное положение, он даже подстрекнул Персию к войне с этой державой (июль). Но Николая, которому притом сразу улыбнулось военное счастье, не так-то легко было отвлечь от главной его идеи. Он прекрасно знал, что военные силы султана доведены почти до полного истощения. Кроме того, Махмуд одним ударом уничтожил недавно корпус янычар (15 июня). Старая военная организация Турции была разрушена, новая еще не сложилась. Поэтому Николай с величайшей настойчивостью угрожал открытием военных действий. Вот почему Порта 7 октября 1826 года решилась, наконец, на заключение Аккерманского договора.

Этим соглашением подтверждался Бухарестский трактат, а также привилегии Молдавии и Валахии, подлежавшие в ближайшем будущем санкционированию возобновлением хатти-шерифа 1802 года. Россия дала только свое согласие на назначение впредь господарей из среды бояр, а не из среды именитых фанариотских семей, как это было прежде. Сербия должна была в ближайшие полтора года получить давно уже обещанную ей конституцию. За царем закреплялась территория, которую в тот момент занимали в Азии его войска. Порта брала на себя обязательство искоренить грабежи пиратов. России предоставлялась полная свобода торговли в турецких водах и портах. Наконец, Порта обещала считаться с ходатайством царя в пользу тех государств, коммерческие суда которых еще не получили свободного доступа в Черное море. Одновременно с главным договором были заключены также

две добавочные конвенции, из которых одна относилась к Молдавии и Валахии, а другая — к Сербии.

Опасаясь помешать заключению Аккерманского договора, ни Англия, ни Россия не сообщали пока Порте о существовании протокола 4 апреля. Но этот протокол попрежнему оставался в силе, и в конце 1826 года Австрия, Пруссия и Франция получили приглашение к нему примкнуть. Первая из этих держав, как и следовало ожидать, отказалась; вторая, не осмеливаясь еще открыто отделиться от Австрии, последовала ее примеру. Что же касается правительства Карла X, которое уже давно испытывало на себе давление общественного мнения, считавшего необходимым выступить в защиту дела Греции, то оно понимало, что не следует ронять влияние Франции на Востоке, предоставляя Англии и России одним улаживать греческий вопрос. Кроме того, и лондонский и петербургский кабинеты с одинаковой настойчивостью приглашали Францию примкнуть к протоколу 4 апреля, так как каждый из них хотел воспользоваться ею в качестве противовеса своему сопернику. Таким образом, Франция (в январе 1827 года) заявила, что в принципе она присоединится к России и Англии с тем, чтобы предложить, а в случае необходимости и навязать Турции и Греции свое посредничество. Напрасно Австрия целым рядом соблазнительных предложений пыталась помешать заключению этого тройственного союза. Падение Афин побудило три заинтересованные державы не медлить дольше, и 6 июля был, наконец, подписан Лондонский договор, обусловивший спасение и освобождение греческого народа. Так как следовало предвидеть, что Порта отвергнет предложение посредничества, то было постановлено, что в этом случае три договаривающиеся державы учредят консульства в главных греческих городах и силой навяжут воюющим сторонам перемирие (по крайней мере на море), причем предполагалось, что эта принудительная мера не означает объявления войны ни той, ни другой стороне.

Греки с полной готовностью примкнули к этому трактату. Но Порта, до конца поддерживаемая Австрией в своих иллюзиях и гордости, высокомерно отвергла его. Ввиду этого командиры английской, русской и французской эскадр, адмиралы Кодрингтон, Гейден и де Риньи, приступили в сентябре к насильственному прекращению военных действий по всему побережью, которое, по всем вероятиям, должно было в будущем войти в сферу владений нового греческого королевства. Ибрагим старался выиграть время. Несколько

*

недель прошло в бесплодных переговорах, а 18 октября три союзные эскадры появились на Наваринском рейде, где в то время стоял соединенный турецко-египетский флот, имевший в своем составе 90 судов и 16 000 матросов. Через два дня европейские эскадры вошли в порт, для того чтобы передать турецко-египетскому флоту приказ покинуть Грецию. Немедленно завязалось сражение, которое продолжалось не больше двух часов и закончилось почти полным уничтожением оттоманских сил. 6000 убитых, разрушение 3 линейных кораблей, 16 фрегатов, 26 корветов, 12 бригов и 5 брандеров — таковы были результаты этой битвы для турецко-египетского флота. И чтобы сохранить несколько оставшихся ему судов, Ибрагим должен был обязаться не пользоваться ими больше против греков.

Известие об этой большой битве имело своим результатом прежде всего оживление надежд и увеличение претензий эллинского правительства. Уверенные, что отныне им нечего бояться своих неприятелей, по крайней мере на море, греки поспешили участить свои нападения на турок и расширить сферу своих операций. В ноябре они напали под предводительством Фавье на остров Хиос. В то же время под начальством Чэрча они сделали решительное усилие отнять у турок Акарнанию и Этолию. А позже (в 1828 году) они снова сделали попытку овладеть Критом. Их политические руководители полагали, что чем бо́льшую территорию они успеют захватить, тем больше им удастся удержать, и что дипломатам, при установлении границ нового королевства, придется поневоле считаться с фактическим положением вещей.

Русско-турецкий конфликт; кампания 1828 года. Сражение при Наварине не только не сделало Турцию более сговорчивой, но, напротив, ожесточило ее до такой степени, что она утратила всякую способность к осторожным действиям. Махмуд потребовал прежде всего полного удовлетворения за уничтожение турецкого флота и обнаружил такую неуступчивость в отношении посредничества, что посланники трех союзных держав (8 декабря) оставили Константинополь. А через несколько дней султан призвал своих мусульманских подданных к священной войне; в изданном по этому поводу весьма гневном манифесте он нападал главным образом на Россию, обвиняя ее в том, что она давно уже не перестает сеять смуту в Турецкой империи и обманула турецкое правительство в Аккермане, уверив его, что не намерена больше вмешиваться в греческий вопрос. При этом султан давал понять, что, соглашаясь в 1826 году на требования рус-

ского царя, он имел в виду только выиграть время и лучше приготовиться к отплате (18 декабря).

Особенную смелость придала Порте позиция английского правительства, которое не только не выражало удовлетворения по поводу победы при Наварине, но даже как бы отрекалось от нее, называя это событие *несчастным*, и прежде всего казалось занятым тем, чтобы не сыграть в руку русской политике на Востоке. Каннинг умер за несколько месяцев перед тем. Веллингтон, который (в январе 1828 года) оказался у власти, не питал никакой симпатии к грекам и старался с помощью многозначительных обещаний отвлечь Францию от союза с Россией.

Но единение парижского и петербургского кабинетов казалось в тот момент неразрывным. Поэтому Николай, не скрывая своих воинственных проектов, сделал 6 января 1828 года следующие формальные предложения: 1) занять Молдавию и Валахию (русскими войсками); 2) использовать союзные эскадры для блокады Константинополя и Александрии, а также для освобождения и защиты Мореи; 3) предоставить Каподистрии, президенту Греции, [1] значительную денежную субсидию; 4) поручить трем посланникам, аккредитованным в последнее время при константинопольском дворе, съехаться в Корфу для организации конференций, имеющих целью облегчить заключение мира. В это время царь ничего еще не знал о турецком манифесте 18 декабря и не совсем еще освободился от войны с Персией. Избавившись от этой последней заботы благодаря выгодному для России Туркманчайскому миру (22 февраля) и узнав о манифесте, которым он был глубоко возмущен, Николай твердо решил не откладывать больше открытия военных действий против турок. В течение некоторого времени Австрия пыталась целым рядом доводов предостеречь его от этого шага, но ей это не удалось. В конце апреля царь сообщил европейским дворам о своих намерениях, а 7 мая русская армия начала переправляться через Прут.

Лондонский кабинет сумел пока добиться от Николая только обещания, что русский флот не станет предпринимать на Средиземном море никаких действий без предварительного соглашения с английской и французской эскадрами. Во всех других отношениях Николай оставлял за собой свободу действий, и английскому правительству ничего больше не оставалось, как предоставить ему эту свободу. Веллингтон (в июле) снова открыл в Лондоне прерванную с некоторого времени

---

[1] В это время он как раз приступил к управлению островом Эгина.

конференцию трех союзных держав и согласился на ведение в Корфу переговоров, которые начались 9 августа. Не решаясь сама занять Морею из опасения возбудить подозрения Порты, которую она не переставала заверять в своей неизменной дружбе, Англия согласилась на отправление туда французского корпуса, с тем чтобы заставить удалиться оттуда египтян и турок (19 июля). В соответствии с этим генерал Мезон с 15 000 солдат отправился в Морею. Так как незадолго до этого Мехмед-Али в силу конвенции 6 августа обязался отозвать свои войска, то Ибрагим без сопротивления вывел своих солдат из Мореи. Турки после простой лишь видимости сопротивления также эвакуировали те приморские пункты, которые оставались в их руках, и до истечения 1828 года весь Пелопонес был освобожден от турецкого владычества.

Что касается царя, то вначале военные действия были для него неблагоприятны. Ввиду того что европейское общественное мнение приписывало России огромное превосходство как в военном, так и в финансовом отношении, в Европе полагали, что царь с легкостью восторжествует над турками в течение одной кампании. Но это было далеко не так. Русские, правда, добились довольно больших успехов в Азии, где Меншиков и Паскевич менее чем в 6 месяцев взяли Анапу, Поти, Карс, Ахалкалаки, Ахалцых и Ардаган. Но в Европе, где именно и должен был быть нанесен главный удар, они потерпели целый ряд довольно серьезных неудач. Русская армия, плохо вооруженная и имевшая плохое руководство, заняла Молдавию и Валахию, переправилась через Дунай, но только с величайшим трудом взяла Варну и не смогла овладеть лагерем при Шумле, где укрепились для защиты балканских проходов новые турецкие войска, обученные по-европейски. Наконец, русской армии пришлось снять осаду Силистрии и с огромными потерями отступить в дунайские княжества (октябрь—ноябрь). Меттерних, хотя и не без преувеличения, сравнивал это отступление с отступлением Наполеона в 1812 году.

Кампания 1829 года. Адрианопольский трактат. Если бы это зависело только от венского двора, то против России образовалась бы коалиция, чтобы принудить ее заключить мир. Но в состав этой коалиции должны были бы войти Пруссия и Франция, а обе эти державы отказались поддержать предложение Австрии. Англия же старалась убедить Карла X возобновить вместе с нею в Константинополе переговоры об умиротворении Греции. Франция от этого не отказывалась, но она хотела, чтобы этот шаг был предпринят не иначе, как с согласия царя (16 ноября). А Николай, в свою очередь,

потребовал, чтобы до начала новых переговоров в Константинополе Лондонская конференция (на которой Россия была представлена) выработала окончательно программу, которая должна была лечь в основу мирного договора. Так и было сделано, и протокол 22 марта 1829 года, в значительной степени совпадавший с предложениями русского правительства, должен был послужить инструкцией для дипломатических агентов, отправлявшихся на Восток. В силу этого соглашения (главные его пункты обсуждались на совещаниях, происходивших в Корфу) эллинское государство должно было включить в себя Морею, Цикладские острова, Эвбею и континентальную Грецию вплоть до заливов Воло и Арта. [1] Новое государство должно было получить монархическую конституцию и управляться христианским монархом, не принадлежащим ни к одной из царствующих во Франции, Англии или России династий. Первый монарх нового государства должен был быть назначен с одобрения Порты тремя союзными державами; Греция должна была ежегодно уплачивать султану дань в размере 1 500 000 пиастров и вознаградить за потерю имущества турецких землевладельцев, вынужденных покинуть греческую территорию.

Вскоре после этого султан принял с большим почетом французского и английского посланников, но не обнаружил никакого желания согласиться на какое бы то ни было посредничество и примкнуть к Лондонскому протоколу. И только военная неудача могла сломить его упорство. Кампания 1828 года не решила ничего, но зато кампания 1829 года привела к решительным результатам. В Азии Паскевич дошел до Эрзерума, которым и овладел. В Европе русская армия, усиленная, реорганизованная и поддержанная диверсией греков, которые в это время напали на турок со стороны Эпира и Фессалии, снова появилась в Болгарии под предводительством Дибича, разбила (в июне) турок при Кулевче, взяла Силистрию и, совершив необычайно смелый переход через Балканы, 20 августа дошла до Адрианополя. А спустя несколько дней русские аванпосты оказались на расстоянии нескольких миль от Константинополя.

---

[1] Веллингтон внес, правда, в это разграничение решительную оговорку. Англия, опасавшаяся для принадлежавших ей Ионических островов непосредственного соседства Греции, хотела, чтобы новое государство было ограничено на северо-западе рекой Аспропотамо, а не морем. И она не отказывалась (как мы это увидим дальше) от надежды добиться соглашения, соответствующего ее видам.

Русский полководец сильно рисковал и ставил все на карту. Углубившись в неприятельскую страну и далеко отойдя от своей операционной базы, он имел в строю не больше 20 000 человек и мог подвергнуться фланговому нападению скутарийского паши, который шел на него форсированным маршем. И тем не менее султан и его министры, узнавшие в Константинополе о приближении неприятеля, потеряли голову. Им показалось, что Турецкая империя окончательно погибнет, если они не подпишут немедленного мира. [1] А их растерянность привела к Адрианопольскому трактату, который и был подписан 14 сентября 1829 года.

По этому трактату царь возвращал султану завоевания, сделанные русскими войсками в Европе, за исключением островов в устьях Дуная, но в Азии он сохранял, кроме городов, уступленных ему по Аккерманскому договору, также еще Анапу, Поти, Ахалцых, Атцкур и Ахалкалаки. Все права Молдавии, Валахии и Сербии были подтверждены и гарантированы. Порта предоставляла всем русским судам, а также судам всех наций, с которыми она состояла в мире, право свободного прохода через Дарданельский и Босфорский проливы. Русским подданным предоставлялась полная свобода торговли в Турецкой империи и свобода плавания по Черному морю. Султан должен был уплатить царю 11 500 000 дукатов военной контрибуции, а в обеспечение этой уплаты Болгария и дунайские княжества должны были временно оставаться оккупированными русскими войсками. Наконец, в отношении Греции Порта признала без оговорок постановления трактата 6 июля и протокола 22 марта. К основному содержанию мирного договора были присоединены конвенция относительно уплаты контрибуции и особый договор относительно Молдавии и Валахии.

---

[1] Если бы это зависело только от царя, то Турецкая империя тогда же исчезла бы с лица земли. Что же касается французского правительства, бывшего тогда союзником царя, то оно в то время было так мало расположено защищать Турцию, что тайно предлагало Николаю уничтожить Оттоманскую империю и произвести ее раздел. По этому проекту турки изгонялись с Балканского полуострова; Россия должна была получить Молдавию и Валахию; Австрия — Сербию, Боснию, Герцеговину и турецкую Далмацию. Вся остальная часть полуострова вместе с Грецией должна была составить новое государство, во главе которого предполагалось поставить голландского короля; владения последнего тоже подлежали разделу: голландские провинции отошли бы к Пруссии (которая получила бы также и Саксонию), Бельгия — к Франции, рейнская Пруссия досталась бы саксонскому королю. Англии предложили бы взять голландские колонии; наконец, берберийские (североафриканские) владения Турции получили бы независимость.

Этот мирный договор был для России величайшим из триумфов, какого она только могла достигнуть в то время на Востоке. В результате потери Молдавии, Валахии, Сербии и Греции, новое положение которых несомненно представляло шаг к полной независимости, Оттоманская империя, подорванная в своих основах, была открыта со всех сторон русскому влиянию. Кроме того, царь держал Турцию в своих руках благодаря контрибуции, которую она, очевидно, была не в состоянии выплатить. В Азии он владел на основании последнего договора несколькими пунктами, откуда легко мог начать против нее нападение. Свобода плавания по Черному морю и проливам, выговоренные царем коммерческие преимущества для России, влияние царя на вассальные государства и его притязания на протекторат над всеми христианскими подданными Турецкой империи давали ему громадную власть над ней. И Николай I эксплоатировал Турцию, парализовал ее и во всякое время мог найти предлог к ссоре с нею. Таким образом русский царь господствовал над Турцией с меньшими издержками и меньшим риском, чем если бы он овладел Константинополем. Он прикидывался умеренным в своих требованиях, но на деле стал властителем Востока.

III. Турецкая империя и христианские национальности после Адрианопольского трактата

1. Турция

Махмуд и его военные реформы. Турецкая империя страдала хронической болезнью, важнейшим симптомом которой наряду с финансовым банкротством была военная дезорганизация. Янычарский корпус, эта недисциплинированная и варварская милиция, давно уже играл роль одного из деятельнейших факторов ее разложения. Махмуд имел возможность в этом убедиться. Поражением в двух последних войнах он был обязан главным образом той неудаче, которую потерпели реформы Селима. Янычары составляли настоящую касту, наделенную непомерными привилегиями; сыновья наследовали отцам, а вербовавшиеся извне рекруты выходили обыкновенно из отбросов населения. Обосновавшись со своими семьями в Константинополе и в главных городах империи, янычары занимались всевозможными ремеслами вплоть до самых предосудительных, а становясь солдатами, они только то и делали, что грабили и мучили мирных жителей или же затевали

бунты. Янычары отказывались выступать в поход против неприятеля. Казнокрадство офицеров, которые спекулировали на жалованье солдат, постоянно вводило правительство в заблуждение относительно их наличного состава: жалованье выдавалось на 400 000 человек, а когда нужны были войска, то их оказывалось в наличии не более 20 000.

Махмуд, которому пришлось долго скрывать свою ненависть к янычарам, тем не менее не стал дожидаться Адрианопольского трактата, для того чтобы возобновить по отношению к ним политику Селима. Уже в 1822 году, не решаясь еще уничтожить этот корпус, он сделал попытку его реорганизовать. Но все его усилия привить янычарам европейскую тактику и дисциплину закончились полнейшей неудачей. Для борьбы с греками ему пришлось прибегнуть к помощи вассала. Успехи, одержанные египетскими войсками, превосходная организация которых вызывала в нем зависть, побудили его снова взяться за реформы. Ободренный взятием Миссолунги, поддерживаемый улемами, которых янычары восстановили против себя своим безбожием, одобряемый высшими сановниками империи, которым муфтий сообщил о своих намерениях, султан издал 28 мая 1826 года указ о сформировании регулярного корпуса *акинджи* (солдат действительной службы), в который каждая из 51 *орт*, стоявших гарнизоном в столице, должна была поставить по 150 человек. Это новое войско предполагалось вооружить, обмундировать и обучить по-европейски под руководством приглашенных из Египта офицеров.

Главный штаб янычар, который султану удалось привлечь на свою сторону, подчинился без особого сопротивления. Но с унтер-офицерами и рядовыми дело обстояло иначе. 12 июня началось новое строевое учение, а 15-го вспыхнуло восстание. Бунтовщики разграбили дворец великого везира и некоторых других высших сановников, требуя предания их смерти. За этим последовали быстрые и страшные репрессии. Махмуд, принявший уже заранее все меры предосторожности и ничуть не испугавшийся бунта, приказал развернуть против мятежников *санджак-и-шериф* (знамя пророка) и отбросил их к площади Этмейдан, где окруженные со всех сторон янычары были безжалостно истреблены картечью и ружейным огнем. В этот день погибло от 6000 до 7000 янычар; множество других, взятых в плен, было казнено в следующие дни. Остальные рассеялись. Победа султана была полная. Ввиду этого он приказал совершенно уничтожить *оджак*, и мера эта вскоре была приведена в исполнение по всей империи. Вместе с тем

был уничтожен орден дервишей *Бекташи*, которые всегда действовали солидарно с янычарами. 20000 бродяг было выслано из Константинополя. А так как через несколько месяцев (в августе—октябре) некоторые из побежденных стали устраивать в столице поджоги, то султан приказал отрубить еще немалое количество голов, и победа осталась за законом.

Уничтожив корпус янычар, Махмуд отдал предписание создать корпус регулярной армии — «победоносное войско пророка Магомета», который был сформирован зятем султана Хусейн-пашой и, достигнув численности в 40 000 человек, был уже в состоянии с честью померяться с русской армией в 1828 году. С этого момента старания Махмуда улучшить организацию турецкой армии не прекращались. В Константинополь были приглашены в качестве инструкторов европейские офицеры. Морская, артиллерийская и инженерная школы, основанные Мустафой III и Селимом, были восстановлены, а в Западную Европу были посланы турецкие молодые люди для изучения военного дела. Была создана специальная школа по образцу Сен-Сирской для подготовки пехотных и кавалерийских офицеров. Махмуд распорядился, чтобы негодное и очень устарелое вооружение армии было постепенно обновлено и усовершенствовано. Он приказал произвести обширные фортификационные работы на армянской границе, а также вдоль Балканской линии. Флот, к восстановлению которого Махмуд стремился, был тоже предметом его постоянных забот. Наконец, считая, что состоящие на действительной службе войска, которыми он мог располагать, недостаточны для защиты империи от первоклассной державы, как, например, Россия, он учредил (6 августа 1834 г.) под названием *асакири-редифеи-мансури* регулярную и постоянную армию запаса, в которую призывались молодые люди от 23 до 32 лет с тем, чтобы в каждом санджаке или военном округе из них составился батальон силой в 1400 человек.

Гражданские реформы. Махмуд обнаружил не меньшую склонность к реформам гражданского порядка. Будучи большим поклонником европейской цивилизации (с которой он был, впрочем, мало знаком), он был намерен ввести ее в своем государстве путем декретов. Он хотел, чтобы турецкие провинции имели хорошие пути сообщения, и издавал соответствующие приказы. Махмуд ввел в Турции новую отрасль администрации — почтовые учреждения. Его реформаторский пыл и настойчивость росли вместе с затруднениями, на которые он наталкивался; деятельно проводя реорганизацию армии,

он в то же время учредил военный и гражданский орден *Нишани-Ифтикяр;* он приказал издавать в Константинополе газету (на французском и турецком языках), оттоманский *Монитер*. Махмуд вводил западные обычаи, устраивал празднества, балы и концерты по европейскому образцу, ввел паспортную систему, запрещал ношение тюрбана и сам подавал пример, одеваясь по-европейски. К концу своего царствования он основал в приморских портах лазареты и приказал, чтобы суда выдерживали обязательный карантин. Наконец, желая доказать, что Турция хочет выйти из того изолированного положения, которое оказалось для нее столь гибельным, Махмуд учредил постоянные посольства при французском, английском и австрийском дворах.

Новые смуты в Турецкой империи. Но вся эта запоздалая и беспорядочная деятельность, носившая к тому же насильственный характер, не могла удержать Турцию, давно уже вступившую в стадию разложения, от дальнейшего упадка. Махмуд не умел связать свои реформы в единую систему. Не обладая ни достаточным образованием, ни достаточно широким кругозором, он не был в состоянии дать этим реформам надлежащее направление и следить за их применением на практике. Султан умел только приказывать, грозить и наказывать, чем он иногда чересчур злоупотреблял. Махмуд правил как настоящий восточный деспот, совершенно не зная действительности, бывал часто обманут и почти никогда не добивался повиновения. Поэтому-то все его законодательные мероприятия, прекрасно выглядевшие на бумаге, практически почти ни к чему не приводили. Престиж султана вне Турции мало повысился: Европа видела в нем только монарха, побежденного при Адрианополе. Когда в 1830 году Франция рассорилась с алжирским деем, вассалом турецкого султана, то она сама с этим деем и расправилась и захватила город Алжир, нисколько не считаясь с протестами Махмуда. Эти протесты не помешали Франции и в дальнейшем продолжать завоевательную политику.

В самой Турции паши обнаруживали, как и прежде, непослушание и угрожали власти султана. Военные реформы Махмуда вызывали в них враждебное чувство, а некоторые из них открыто этим реформам противодействовали и массами принимали к себе на службу опальных янычар. В 1830 и 1831 годах скутарийский и багдадский паши долго оказывали упорное сопротивление всем войскам султана; в конце концов они покорились, но подчинение это было чисто фиктивным. Вплоть до конца царствования Махмуда смута и бунты не прекращались в Ал-

бании, Боснии и Македонии. В Азии султану пришлось долго воевать с курдами, а в Триполи — с арабами. Самый могущественный из турецких вассалов, египетский паша, не побоялся в 1831 году поднять оружие против своего государя. Историю борьбы Мехмеда-Али против Махмуда читатель найдет в другом месте. Укажем только, что султан, не будучи в состоянии защищаться собственными силами и опасаясь приближения египтян к Константинополю, принужден был униженно просить помощи у России и что Николай в награду за оказанную русскими морскими и сухопутными силами помощь добился от султана (8 июля 1833 г.) подписания договора в Ункяр-Искелеси, которым ознаменовалось полное подчинение Турции видам петербургского кабинета. Удовлетворенный своей безграничной властью над султаном, царь, спустя некоторое время, простил ему часть контрибуции, обусловленной Адрианопольским трактатом, которую Порта не в состоянии была уплатить, и согласился эвакуировать дунайские княжества (1834). Но Николай оставил в своих руках Силистрию[1] и возвратил эту крепость только в 1836 году за 30 миллионов пиастров, которые султан, без сомнения, никогда не мог бы уплатить без помощи Англии, заинтересованной в этом деле. И уже накануне смерти Махмуда (1 июля 1839 г.) египетский паша, спровоцированный на новую войну, нанес его войскам решительное поражение при Незибе.

Непопулярность Махмуда. Махмуд давно уже был непопулярен, и непопулярность эта, которую никак нельзя было объяснить только его военными и дипломатическими неудачами, за последние годы его царствования еще возросла. Реформаторская политика Махмуда восстановила против него мусульманский мир, предрассудки которого он недостаточно щадил; он как бы даже находил особое удовольствие в том, чтобы без всякой надобности дразнить правоверных мусульман. Верные последователи ислама в своем благочестивом невежестве считали изменой все те уступки, которые султан делал христианской цивилизации. Против него были не только паши и бывшие янычары, но вся турецкая нация и все вообще магометанские народы, государем которых он сделался благодаря перевороту 1808 года. Султан, одевавшийся по-европейски, позволявший своим женам появляться в общественных местах, употреблявший (и не без излишества) вино вопреки запрещению Корана, присутствовавший на банкетах и балах

---

[1] Остальную часть Болгарии, а также Румелию, русские эвакуировали в силу договора, заключенного с Портой 10 апреля 1830 года.

неверных, заимствовавший у христиан их обычаи, нравы и учреждения, — такой султан недостоин был, по мнению недовольных, носить саблю Османа. Вопреки постановлениям святого закона, запрещавшего изображения человеческого лица, Махмуд приказал чеканить монету со своим изображением и повесить свои портреты в казармах. Стали вопить о святотатстве, и султан должен был изъять из обращения монету и убрать портреты.

Находили странным даже то, что к концу своего царствования Махмуд не хотел жить взаперти в серале, как его предшественники, а находил удовольствие в разъездах и посещении некоторых провинций своей империи. Во время этих разъездов султан встречал со стороны народа одни лишь выражения недовольства. Однажды по возвращении из путешествия в Болгарию (1837) он узнал, что некоторые из его советников, принадлежавших к партии «старых турок», воспользовались его отсутствием и составили заговор с целью лишения его власти и даже жизни. В другой раз, когда он проезжал по Галатскому мосту, какой-то дервиш, пользовавшийся славой святого, остановил его и крикнул: «Падишах-гяур, неужели ты еще не насытился своими мерзостями? Аллах требует у тебя отчета в твоем нечестии. Ты разрушаешь ислам...» и т. д. Султан приказал казнить дервиша, но после этого ненависть к султану только усилилась.

2. Греция

Протокол 3 февраля 1830 года и Леопольд Саксен-Кобургский. Протокол 22 марта имел характер временной меры, которую греки, за неимением ничего лучшего, приняли с целым рядом оговорок. Но как только турки прекратили военные действия, греки стали настойчиво требовать пересмотра протокола. Впрочем, три подписавшие протокол державы не были солидарны в том, чтобы принудить греков уважать его постановления, и Лондонская конференция не замедлила изменить его в их пользу. Греки требовали полной независимости. Франция и Англия с тем большей охотой были готовы удовлетворить их в этом смысле, что если бы Греция осталась в вассальных отношениях с Портой, Россия постоянно вмешивалась бы в их дела под предлогом их защиты (как она это делала с Молдавией и Валахией). И греки добились своего. С другой стороны, Россия, желавшая насколько возможно ослабить Турцию и привести в замешательство

Англию (боявшуюся за Ионические острова), хотела, чтобы новое государство на западе простиралось до залива Арта, как на это можно было рассчитывать по смыслу протокола 22 марта. Но Великобритания на это не согласилась. Таким образом, протоколом от 3 февраля 1830 года были приняты следующие постановления: Греция образует независимое государство; границы ее не перейдут за Аспропотамо; образ правления ее будет монархический, и корона Греции будет предложена Леопольду Саксен-Кобургскому (кандидату Англии).

Этот принц не особенно интересовался греческим престолом. Поэтому он не только не согласился сразу на сделанное ему предложение, но еще поставил ряд условий. Леопольд хотел: 1) чтобы независимость нового государства была *гарантирована державами;* 2) чтобы размеры королевства были увеличены присоединением некоторых островов (Самос, Крит и пр.) и расширением границ к северу; 3) чтобы ему была предоставлена денежная помощь и 4) чтобы Греция не была сразу лишена военной поддержки тройственного союза. [1] На это конференция ответила ему, что независимость страны и заем в 60 миллионов будут гарантированы, что французские войска будут оставлены в Морее еще на год, но что границы, установленные протоколом 3 февраля, не подлежат изменению (протокол 20 февраля). Леопольд, правда, без особого энтузиазма, склонялся к принятию этого соглашения. Порта примкнула к нему (24 апреля) безоговорочно. Но с Грецией дело обстояло иначе. Каподистрия, подстрекаемый Россией и желавший сохранить власть в своих руках, предпринял ряд действий, имевших целью отбить у принца всякую охоту принять предложенную ему корону. Со времени своего прибытия в Навплию (январь 1828 г.) Каподистрия держал себя как настоящий диктатор. Он приостановил действие конституции 1827 года и управлял страной по собственному произволу, если не считать контроля целиком преданного ему сената. Под его влиянием сенат 10 апреля заявил, что греческий народ имеет право высказать мнение насчет своей будущей судьбы и что конституция должна подвергнуться свободному обсуждению народных представителей; что новое государство не может удовлетвориться границами, установленными конвенцией 3 февраля, и, наконец, что принц Леопольд должен будет принять православие. Каподистрия же приглашал Леопольда приехать в Грецию. Но при этом он описывал ему

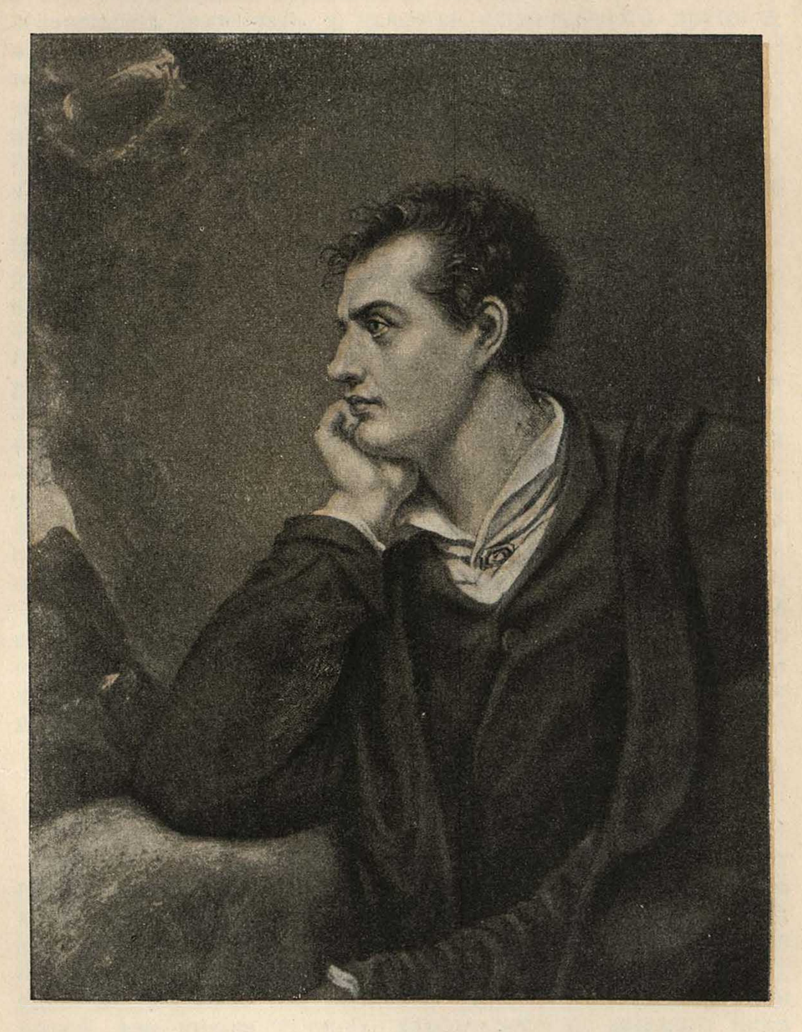
[1] Англии, Франции и России. — *Прим. ред.*

в таких мрачных красках нищету и анархию этой несчастной страны, недисциплинированность и варварство будущих его подданных и разочарование, вызванное в Греции решением держав относительно границ, что Леопольд, и без того не слишком расположенный связывать свою судьбу с этим народом, решительно отказался от греческой короны (21 мая).

Конференция должна была снова приняться за работу. Но разразившаяся вскоре Июльская революция и вызванное ею во всей Европе потрясение отвлекли внимание трех союзных держав от греческого вопроса, и, таким образом, участь Греции оставалась еще в течение некоторого времени нерешенной.

Смерть Каподистрии. Итак, Каподистрия остался у власти. Но деспотические и насильственные приемы его управления сделали его крайне непопулярным. Его упрекали в том, что он бесконечно затягивает введение в действие конституции. Кроме того, греческий народ видел в нем агента русской политики и опасался, как бы он не вздумал поставить страну под протекторат царя. Его полицейские строгости и суровое отношение к прессе окончательно ожесточили недовольных. В начале 1831 года гидриоты возмутились против Каподистрии. Скоро восстание охватило и острова. Майноты под предводительством могущественной семьи Мавромихалис также взялись за оружие (апрель). Инсургенты, руководимые Миаулисом, овладели флотом. Каподистрия, как и следовало ожидать, обратился к царю за помощью. Русская эскадра блокировала на Поросском рейде Миаулиса, который предпочел скорее взорвать свои суда (13 августа), чем выдать их русским. А через два месяца (9 октября) Каподистрия был убит в Навплии братьями Георгием и Константином Мавромихалис. Тогда анархия усилилась. Исполнительная комиссия, во главе которой был поставлен брат Каподистрии, не сумела заставить себе повиноваться. Скоро возникли два правительства: одно в Навплии, другое в Мегаре. Но подавляющее большинство населения высказалось за мегарское правительство, враждебное русскому влиянию. Это мегарское правительство в конце концов и восторжествовало, овладев Навплией (10 апреля 1832 г.).

Вступление на престол Оттона Баварского. Лондонская конференция вмешалась, наконец, чтобы прекратить всю эту сумятицу. Русский император уже несколько месяцев вел переговоры с Францией и Англией, с одной стороны, и с Портой — с другой, чтобы дать грекам короля и попытаться путем увеличения греческой территории завоевать их признатель-

Д. БАЙРОН

С портрета Вестали

ность. Обе западные державы, не желавшие дать Николаю I возможность выступать в качестве единственного друга и покровителя греческой нации, уступили его настояниям. Протоколом 7 мая 1832 года греческая корона была отдана молодому Оттону Баварскому (сыну короля-филэллина Людвига I), причем ему были обещаны те самые гарантии, которые недавно были предложены Леопольду. Ему подана была также надежда, что территория нового королевства, ограниченная устьем Аспропотамо, будет расширена до залива Арта. Порта не только не воспротивилась назначению нового короля, но даже без особых затруднений согласилась за вознаграждение в 12 миллионов на расширение греческих границ (21 июля). На этот раз и греки признали постановления конференции (8 августа). В начале следующего года (6 февраля 1833 г.) король Оттон смог уже высадиться в Навплии вместе с советом регентства, которому поручено было управлять страной от имени юного короля вплоть до достижения им совершеннолетия, т. е. до 1835 года, и с 3500 баварских солдат, которые сменили французские гарнизоны, стоявшие в Морее. Греция сложилась, наконец, в самостоятельное государство. Теперь ей оставалось упорядочить свою администрацию и завоевать политическую свободу внутри страны. Этим задачам она главным образом и посвятила себя в первые годы царствования Оттона. В области внешней политики она стремилась к расширению своей территории далеко за установленные для нее пределы. Но проявить это свое стремление на деле она смогла только значительно позднее.

3. Сербия и Болгария

Хатти-шериф 1830 года и автономия Сербии. Бухарестский трактат обещал сербам политическую автономию, за которую они так долго боролись. Но турецкое правительство, избавившись в 1813 году от Кара-Георгия, не сдержало своих обещаний, а Милош Обренович должен был в 1815 году удовольствоваться тем временно установившимся порядком вещей, тем modus vivendi, характеристика которого была дана в другом месте.[1] Этот хитрый, честолюбивый, лишенный всякой совести воевода постарался затем ценою преступления отделаться от Кара-Георгия, которого гетеристы убедили возвратиться в Сербию (июль 1817 года). Вскоре после

[1] См. т. II, стр. 205—207.

того Порта утвердила его в звании верховного *князя*, которое дали ему в ноябре сторонники. Нисколько не расположенный компрометировать себя ради греков, он, во имя своих интересов, с 1821 года сумел держаться перед султаном как его верный слуга, а Махмуд из политических расчетов награждал его за эту верность целым рядом мелких уступок, которые значительно усиливали его власть. Однако конституция, обещанная в 1812 году, не была еще дарована в 1826 году. Сербские депутаты, посланные в свое время в Константинополь с требованием ее осуществления, были даже задержаны там в качестве заложников, и это насильственное задержание сербской делегации было в течение долгого времени одной из причин неудовольствия Александра I против Высокой Порты. В конце концов султан отпустил их на свободу. Но Николай I пошел в своих требованиях дальше брата, и к Аккерманскому договору была присоединена дополнительная конвенция, по которой падишах обязался в течение 18 месяцев издать грамоту, обеспечивающую Сербии следующие привилегии: свободное избрание воевод; независимость администрации; свободу вероисповедания; слияние всех видов обложения в один налог; присоединение округов, первоначально отделенных от княжества; переход принадлежащих мусульманам имуществ в управление казны (с обязательством уплачивать доход с этих имуществ вместе с уплатой дани Порте); свободу торговли; разрешение сербским купцам путешествовать по областям Оттоманской империи с собственными паспортами; основание больниц, школ, типографий и, наконец, запрещение мусульманам (за исключением лиц, принадлежащих к гарнизонам) селиться в стране.

Русско-турецкая война задержала выполнение этих обязательств, и только после Адрианопольского трактата хаттишерифом, изданным в августе 1830 года, Порта торжественно санкционировала привилегии Сербии. Начиная с этого момента страна эта сделалась автономной не только юридически, но и фактически. Правда, она оставалась в вассальном подчинении у Турции и обязана была платить ей дань, а Белградская крепость попрежнему была занята турецким гарнизоном, но в отношении администрации, полиции, суда, в вопросах вероисповедания и в экономическом отношении она зависела только от своего местного правительства. Сербия имела свои финансы и свою национальную милицию. Так как Турция все еще не исполняла своего обещания присоединить к Сербии те округа, которые раньше были от нее отделены, Милош в 1833 году занял их силой и выселил оттуда мусульман.

Этот самовольный поступок не помешал ему, впрочем, добиться от Порты новых льгот, так как султан, хотя и не желавший в принципе признать за семьей Милоша наследственные права, согласился (1835) на то, чтобы княжеское достоинство перешло от Милоша к его сыну, а от последнего к его внуку. Вскоре после того (1836) князь в свою очередь отблагодарил султана за эту милость, содействовав подавлению попытки одного из своих родственников вызвать в Болгарии, все еще терпеливо сносившей турецкий гнет, восстание, аналогичное сербскому.

Правление Милоша. Милош ввел в своем княжестве упорядоченную администрацию и гражданское законодательство, в значительной степени заимствованное им из Кодекса Наполеона. Он освободил крестьян от крепостной зависимости и унифицировал налоги. Но, установив в стране порядок, он управлял ею с таким деспотизмом, что в конце концов стал очень непопулярен. «Он присваивал себе, — говорит один историк, — все, что ему приходилось по вкусу — земли, дома, мельницы, и сам устанавливал цены на то, что брал. Он приказал сжечь одно из белградских предместий, так как намерен был возвести там новые постройки. Милош продолжал требовать от народа исполнения таких повинностей, которые носили характер барщины. Например, крестьяне из Ужицы должны были являться в Крагуевац, чтобы помочь ему скосить его сено. Жители принуждены были принимать на постой его солдат и кормить их, не получая за это никакого вознаграждения. Милош не отступал ни перед какими средствами, чтобы обеспечить себе монополию на наиболее доходные статьи торговли; он приказал огородить леса, где паслись стада его свиней, тогда как в прежнее время эти леса были открыты для общего пользования... Сделки на срок были запрещены, а так как Милош был самым крупным купцом в Сербии, то было очевидно, что эта мера, ведущая к стеснению торговых компаний, не могущих обойтись без кредита, имела своей целью сосредоточить в руках князя всю прибыль от торговых операций. Облеченный властью на основании султанского *берата*, он, повидимому, воображал, что он не только князь, но и полный хозяин земли, народа и всего, чем владеют его подданные».

Недовольство в Сербии. Падение Обреновичей. Всеобщее недовольство прорвалось наружу благодаря боярам, власть и привилегии которых Милош игнорировал в продолжение двадцати лет. После того как в 1835 году вожакам этой аристократии (Вучичу, Петроневичу и др.) удалось вырвать

у него некоторые уступки, вскоре показавшиеся им недостаточными, они сумели привлечь на свою сторону диван, и 24 декабря 1838 года хатти-шерифом, который также гарантировал сербам независимость судебной власти, свободу личности и неприкосновенность собственности, султан заставил Милоша признать контроль совета из 17 членов. А когда Милош вздумал силой вернуть себе неограниченную власть, сербы взялись за оружие и принудили его (12 июня 1839 г.) отказаться от престола. Милошу наследовали его сыновья: сначала Милан (умерший в том же году), а затем Михаил. Последний поспешил избавиться от Вучича и Петроневича, — тогда волнения возобновились. Старый Милош, поселившийся в Валахии, очень волновался во время восточного кризиса 1840 года. Он говорил, что нужно вызвать всеобщее восстание румынского, сербского и болгарского населения. В Константинополе боялись, как бы сын его не увлекся проектами отца или отец не вытеснил его с сербского престола. Противники Обреновичей склонили Порту к организации нового переворота, который нашел поддержку у венского двора. Вучич и его сторонники снова появились в Сербии, изгнали Михаила (август 1842 года) и заставили скупщину избрать на его место молодого Александра, внука Кара-Георгия. Петербургский кабинет, правда, потребовал вторичных выборов, а когда новые выборы оказались неблагоприятными для Обреновичей (июнь 1843 года), затеял заговор с целью низвержения Александра (1844). Но Александр все-таки сохранил власть, русское же влияние на время было в Белграде устранено.

Пробуждение Болгарии. Освобождение Сербии дало толчок Болгарии, которая под влиянием славянской пропаганды начала понемногу выходить из своего оцепенения и, в свою очередь, делала робкие попытки завоевать себе свободу. Мы видели раньше, [1] как этот народ начал возвращаться мыслью к своему прошлому и мечтать о лучшем будущем. После монаха Паисия, написавшего историю болгарского народа, и епископа Софрония (умершего в 1815 году), возродившего болгарский язык, самое благотворное влияние на Болгарию оказал русский писатель Венелин, выпустивший значительный труд о древних и современных болгарах. Болгары стремились освободиться из-под греческого влияния, они основывали средние школы (как, например, школа в Габрове, основанная в 1835 году), и с помощью школы и книги

[1] См. т. II, стр. 182—184.

у них создавались новое национальное самосознание и своя собственная литература. А с 1844 года в Болгарии появились и газеты. Поэт, историк, лингвист и этнограф Раковский начал приобретать в стране популярность, и его агитация имела успех.

В болгарском народе пробудилось национальное самосознание. Если раньше Болгария не требовала признания своих прав с оружием в руках, то это происходило оттого, что ее духовное возрождение началось очень поздно. С другой стороны, это объясняется еще и тем, что южная Болгария, находившаяся на весьма близком расстоянии от Константинополя и постоянно занятая турецкими войсками, не могла сделать ни малейшего движения, не рискуя навлечь на себя самые суровые репрессии, а северная Болгария как область по преимуществу равнинная совершенно не годилась, в противоположность Сербии или Греции, для партизанской войны. Русская армия, проникшая в эту страну в 1828 году, подняла дух болгар, которые приветствовали ее и оказывали ей всевозможные услуги. Таким образом, по прошествии нескольких лет мысль о восстании против своих мусульманских повелителей уже не так страшила этот недавно еще рабский народ. Это ясно обнаружилось в 1841 году, когда болгары, доведенные до крайности вымогательствами и притеснениями одного паши и тайно подстрекаемые русским правительством, отважились на открытое возмущение. Правда, это движение было без труда подавлено, а восстание потоплено в крови, но болгарские патриоты не потеряли надежды, и пропаганда национального возрождения, сделавшая эту первую попытку возможной, продолжалась с большей энергией, чем когда бы то ни было.

4. Румынские княжества

Молдавия и Валахия с 1821 по 1829 год. В Румынии национальное самосознание проявилось уже в 1821 году в восстании Теодора Владимиреско, который потребовал от Порты возвращения княжествам их старинных прав и дарования им «конституции, соответствующей демократическим традициям древних учреждений». Это движение не имело ничего общего с попыткой гетериста Ипсиланти, имевшего в виду главным образом освобождение Греции. Владимиреско высказывался даже открыто против фанариотов. Он хотел, чтобы греки-фанариоты были исключены из состава администрации и чтобы румынам предоставлены были не только избирательные

права, но и возможность выбирать в господари туземцев. Владимиреско не замедлил поэтому сблизиться с турками, чтобы выступить против Ипсиланти, который в конце концов отделался от него посредством преступления. Румынское население, которое оплакивало смерть Владимиреско (и которое и по настоящее время продолжает видеть в нем героя и мученика), не оказало никакой помощи греческим инсургентам. Поэтому Порта в награду за их верность уже в 1822 году вернула им административную автономию, которой они пользовались до восстания. Два новых господаря (Григорий Гика и Иоанн Стурдза), взятые на этот раз не из константинопольских греков, а из туземных бояр, были посланы в Бухарест и в Яссы. Мало-помалу в княжествах восстановилось спокойствие, и появилась возможность приступить к осуществлению некоторых общеполезных начинаний. Поэтому Россия не переставала протестовать против нарушения трактатов, предоставлявших ей протекторат над княжествами, и Высокая Порта, как мы видели выше, должна была дать ей полное удовлетворение в соответствующих статьях Аккерманского договора (8 октября 1826 г.).

В силу этого договора господари должны были отныне выбираться местными диванами из среды туземных бояр и утверждаться султаном; они назначались на семь лет и были переизбираемы; они подлежали удалению от должности только в случае тяжкой провинности и с согласия русского правительства. Эти господари имели право облагать население налогами и повинностями согласно постановлению хатти-шерифа 1802 года, *считаясь* при этом *с представлениями* не только сюзеренной державы, но и *державы-покровительницы.* [1] Княжествам предоставлялась полная свобода торговли, если не считать, с одной стороны, обязательных поставок для Порты, а с другой — продовольственного снабжения населения. Наконец, для того чтобы уничтожить следы последних беспорядков и улучшить положение княжеств в административном отношении, была обещана в самом непродолжительном времени выработка общего регламента, с применением его к каждому из княжеств в отдельности.

Для выработки этого статута в 1827 году собралось два комитета из четырех членов (из которых двое были назначены Россией, а двое — господарем). Но работа этих комитетов, проводившаяся под контролем и надзором русского ге-

---

[1] Т. е. России. — *Прим. ред.*

нерального консула, не была еще доведена до конца, когда император Николай объявил Турции войну (7 мая 1828 г.). Начиная с этого момента провинции Молдавия и Валахия лишились автономной администрации; занятые русскими войсками, они в управление графа Палена, а затем генерала Желтухина подверглись страшнейшим притеснениям, причем с ними обращались как с завоеванной страной. Смягчения этих бедствий пришлось ждать от Адрианопольского трактата (14 сентября 1829 г.), который свел почти к нулю и без того сильно урезанные права Порты на дунайские княжества.

В силу этой конвенции господари назначаются уже не на семь лет, а пожизненно. Губернаторы смежных турецких провинций лишаются права вмешиваться в какой бы то ни было форме в дела обоих княжеств. Граница княжеств определяется течением Дуная вплоть до впадения в него Прута. Порта уступает Валахии все города, которыми она владела на левом берегу реки (Журжево, Браилов, Калафат и т. д.). Мусульмане, живущие в княжествах, должны оттуда выехать. Княжества освобождаются от обязанности снабжать съестными припасами Константинополь, турецкие крепости и арсеналы. Молдавия и Валахия начинают выплачивать дань султану лишь через два года после ухода оттуда русских войск. Наконец, господари получают право набирать милицию, необходимую для защиты страны и для полицейской службы, равно как и для надзора за соблюдением санитарных правил в отношении приезжающих в страну иностранцев.

Русская оккупация и органический регламент 1831 года. Таким образом, дунайские княжества были почти совершенно освобождены от турецкого владычества, но не от русского. Царские войска продолжали занимать страну, которой от имени царя управлял в продолжение почти пяти лет генерал Киселев. Если бы это зависело только от воли русского императора, Молдавия и Валахия, наверное, были бы окончательно присоединены к России — по крайней мере в качестве вассальных провинций. В 1830 и 1831 годах Николай I давал понять румынам, что готов согласиться на административное объединение обоих княжеств, которого они очень желали, если новое государство предложит корону одному из русских великих князей. Несколько позднее (1833), очень осмелев после трактата в Ункяр-Искелеси, царь предложил Порте уступить ему княжества в возмещение военной контрибуции, которую Порта ему еще не выплатила, но сопротивление Франции, Англии и Австрии не позволило ему добиться от султана этой новой уступки. Вмешательство вен-

ского кабинета повело даже к заключению договора 29 января 1834 года, в силу которого русские должны были в конце концов эвакуировать обе провинции. Возвещенный в 1826 году органический регламент был разработан Киселевым, который, получив на него предварительно одобрение в С.-Петербурге, предложил его, для соблюдения формы, на обсуждение двух «генеральных собраний», созванных в Бухаресте и Яссах в 1831 году. Однако эти собрания, членов которых назначил сам Киселев, приняли регламент не без сопротивления, так как последние трактаты давали румынской нации основание полагать, что в делах внутреннего управления она будет иметь полную свободу. Лица, пытавшиеся возражать против регламента, были силою принуждены к молчанию, а один из них был даже выслан в Россию. Таким образом, навязанный иностранцами статут сделался в Валахии и Молдавии государственным законом. Он предоставлял боярам, иерархическая и военная организация которых напоминала строй русского дворянства, подавляющее преобладание в управлении страной. Только бояре могли быть выбраны в господари и депутаты, и только они одни могли быть избирателями. Они были свободны от налогов; все общественные повинности ложились на мелких собственников *(mosnani)* и на крестьян, в большинстве своем прикрепленных еще к земле в качестве крепостных. В каждом из княжеств законодательная власть и контроль над действиями администрации принадлежали «общему собранию», избираемому на пять лет. Но господарь имел право отсрочить заседание собрания или вовсе его распустить; а так как, кроме того, он составлял избирательные списки почти по собственному усмотрению, ему нетрудно было сделать национальное представительство орудием своей личной политики.

Русское влияние и господари. Русское правительство имело среди румынских бояр много друзей и верных слуг. Тем не менее оно не хотело предоставить им права свободно выбирать господарей, которые должны были взять в свои руки кормило правления после отъезда Киселева. Трактат 29 января 1834 года гласил, что «на этот только раз» князья будут назначены по обоюдному соглашению царя и султана. Это значило, что они будут назначены первым из этих двух монархов, так как султан ни в чем не мог тогда отказать царю. И действительно, новые господари Михаил Стурдза (в Молдавии) и Александр Гика (в Валахии) фактически были просто русскими наместниками. Но они гораздо больше заботились о своем обогащении путем вымогательств, на которые

покровительствующая им держава была склонна смотреть сквозь пальцы, чем о верном служении интересам подвластного им населения, так как в последнем случае они могли только скомпрометировать себя в глазах России. Ловкий дипломат Стурдза, с успехом лавировавший между национальной партией и иностранным влиянием, сумел удержаться у власти до 1848 года. Но судьба Гики, человека слабого и нерешительного, была иная. Благодаря его соучастию и вопреки мнению общего собрания, распущенного в 1837 году, органический регламент был осложнен прибавкой новых статей, которые превращали старые декреты Киселева в государственные законы и ставили изменение статута в зависимость от согласия державы-покровительницы. С этого момента патриоты (Кампинсано, Телейеско, Бальческо, Филиппеско и др.) стали стремиться к низвержению Гики. Им не удалось достигнуть своей цели, но он сам себя погубил помощью, которую в свое время оказал Порте в подавлении болгарского восстания 1841 года, тайно поддерживавшегося Россией. Петербургский кабинет не простил Гике этого противодействия русской политике. Вскоре он принужден был отказаться от власти (октябрь 1842 года), а на его место господарем избран был другой протеже царя — Георгий Бибеско.

Развитие национальной идеи в Румынии. Румынская нация с нетерпением ждала того момента, когда она будет в состоянии не только разорвать последние узы, еще связывавшие ее с Турцией, но и освободиться от русской опеки. Последнее стремление было еще сильнее первого. Самые популярные румынские ораторы и писатели доказывали стране, что она должна быть независимой; они требовали, чтобы Молдавия и Валахия, население которых имеет одно и то же происхождение, говорит на одном и том же языке и имеет одинаковые интересы, слились в одно государство. Более того, они мечтали о воссоздании великого румынского отечества путем присоединения к нему всех тех из его провинций, которые находились в руках Австрии и России (Трансильвания, Буковина, Бессарабия). В области внутренней политики они желали освобождения крепостных, отмены всех привилегий и установления действительно свободного и демократического режима. Народное просвещение, распространявшееся с 1821 года все больше и больше, и явно заметный рост материального благосостояния усиливали народную партию и делали ее все более смелой. *Филармоническое общество*, основанное Кампинеано, сделалось с 1835 года главным центром литературной и политической пропаганды в княже-

ствах. Под его влиянием было основано много новых школ. В Бухаресте был открыт национальный театр. Периодическая печать начала играть значительную роль в этом городе и даже в Яссах. *Румынский вестник*, под редакцией Элиада, «стремился, проводя реформу языка, развивать попутно национальное самосознание и ненависть к панславизму. Николай Бальческо и Лавриани в *Историческом обозрении Дакии*, а Когальничеано в *Румынском архиве* воскрешали в памяти читателя великие национальные традиции и рисовали перед ним картину древних учреждений». Образовались тайные общества, имевшие целью подготовку, — а в случае надобности и осуществление, — переворота. Неудача сделанной в конце 1840 года попытки низвергнуть Александра Гику нисколько не обескуражила националистов и либералов. Николай Бальческо, Ян Гика и майор Телль основали в 1844 году *Союз братьев*. Этот союз, как и предшествовавшее ему тайное общество, потерпевшее неудачу при попытке низвергнуть Гику, поставил себе целью восстановление национального единства и древней демократической формы правления. Влияние французского языка, французской литературы и прессы, давно уже бывшее очень сильным в дунайских княжествах, тоже придавало смелости румынским патриотам. Большинство из них ждало из Парижа поддержки и сигнала. Ниже мы увидим, что после февральских событий 1848 года румыны не захотели больше держаться выжидательной политики и видели осуществление своих стремлений лишь в революции.

ГЛАВА VI

ИСПАНИЯ И ПОРТУГАЛИЯ

1814—1847

I. Реставрация в Испании

Восстановление абсолютизма. Фердинанд VII вернулся в Испанию[1] с твердым намерением восстановить старый порядок, если только народ позволит ему это, и народ пошел навстречу желаниям короля. За конституцию 1812 года стояла лишь ничтожная горсть образованных. Придворная же знать, почти все духовенство, значительное количество генералов, невежественная и фанатичная плебейская масса — словом, почти вся Испания желала господина.

Сначала Фердинанд VII занял выжидательную позицию и старался считаться с кортесами, пока не почувствует себя в силах одолеть их. Но овации, которыми он был встречен в Хероне, Реусе, Таррагоне и Сарагоссе, показали ему, что он может дерзать на все. В Валенсии депутат Мосо де Росалес сравнил шестилетие, истекшее со времени отъезда короля, с анархическими сатурналиями, которыми персы отмечали дни, следовавшие за смертью их шахов, «дабы опыт бедствий, которые им приходилось выносить в это время, заставил их быть более верными новому монарху». Либералы после этого прозвали тех из своих товарищей, которые изменили делу свободы, *персами*, но *персы* имели за собой короля и народ. 4 мая 1814 года Фердинанд объявил конституцию и декреты кортесов недействительными, «как если бы эти факты никогда не существовали и даже не оставили следов».

В ночь с 10 на 11 мая генерал Эгиа, генерал-капитан Новой Кастилии, арестовал в Мадриде вождей либеральной партии. 13 мая Фердинанд торжественно вступил в столицу. Он был теперь самодержавным королем.

---

[1] См. т. I, стр. 230.

И тут началась бешеная реакция. Были восстановлены старые советы — Кастильский, Вест-Индский, Финансовый, Военный и Совет орденов. Восстановлена была инквизиция, и создан специальный орденский знак для инквизиторов. 14 апреля 1815 года король посетил инквизиционный трибунал, присутствовал на его совещаниях, подписал его приговоры, осмотрел его тюрьмы и принял участие в трапезе в здании инквизиции. Иезуиты с триумфом вернулись в Испанию. Монастыри были восстановлены, им возвратили все отнятое у них имущество, а покупщики монастырских имуществ, не получив никакого возмещения убытков, оказались попросту ограбленными. Печати заткнули рот, личная свобода попиралась самым бесстыдным образом.

Свои именины (день св. Фердинанда) 30 мая 1814 года Фердинанд отпраздновал изгнанием из пределов королевства всех испанцев, признавших власть короля Жозефа. Тюрьмы наполнились либеральными депутатами. 15 декабря 1815 года король потребовал следственные материалы по их делам и на полях обвинительных актов собственноручно написал меру наказания для каждого из 51 обвиняемых — славнейших представителей страны.

Бывших друзей Годоя постигла не лучшая участь, чем приверженцев короля Жозефа. Фердинанд VII заставил своего отца подтвердить отречение, подписанное им 19 марта 1808 года. Фердинанд требовал, чтобы Карл IV расстался с «князем мира», и приказал своему римскому послу шпионить за тем и другим: в архиве Алкала де Хенарес хранятся копии писем Годоя, королевы и Пепа Тудо, перехваченных агентами Фердинанда VII.

Вместе с тем Фердинанд изображал азиатского монарха, давал аудиенции всякому желающему и ночью, переодетый, расхаживал по улицам Мадрида. Послеобеденные часы он любил проводить в монастыре *Decalzas reales;* монахини угощали его конфетами, а он расплачивался за угощение веселыми сплетнями.

Камарилья. У короля был свой кружок приближенных; в него входили русский посол Татищев, нунций Гравина, каноники Остоласа и Эскоикис, герцоги Инфантадо и Алагон. Бывший уличный рассыльный, комиссионер Антонио Угарте, был поверенным в делах короля, бывший водовоз Педро Кольядо — его шутом. Эти люди распоряжались в Испании всем, но король, вечно опасаясь оказаться под чьим-нибудь влиянием, часто менял своих фаворитов. Иные из его министров сохраняли свой портфель не более 27 дней, а двое

получили отставку даже через 48 часов после своего назначения. Маканас был арестован в своем собственном доме самим королем. Министр полиции Эчаварри нашел приказ о своем изгнании по возвращении домой из дворца, где весело провел вечер с королем.

Казалось, что власть находится в руках умалишенных. В один прекрасный день вице-губернаторы Валенсии, Севильи и Кадикса получили предписания арестовать генерал-капитанов этих городов, расстрелять их и занять их место. Ни один из них не осмелился привести в исполнение столь странный приказ. Видя, что дело приняло такой оборот, военный министр заявил, что здесь произошло предательство, и обещал награду тому, кто укажет дерзкого фальсификатора королевских приказов. Писец, рукой которого были написаны эти приказы, был найден, предан суду, оправдан и тотчас же... получил от короля в награду пенсию в 4000 реалов.

Общие интересы Испании были обеспечены не более, чем личная свобода граждан. Фердинанд тратил без счета, забирал у министров деньги, украденные ими из касс их ведомств, и помещал свои капиталы за границей. Когда однажды морской министр купил в России шесть кораблей и три фрегата, то по прибытии этой флотилии в Кадикс оказалось, что только один корабль и один фрегат пригодны для плавания, и экспедиционный корпус, который должен был отправиться в Америку, не мог отплыть.

На Венском конгрессе Испания была представлена лишь одним ничтожным министром. На конгрессе Испании было предложено вернуть Оливенцу Португалии, и испанский король не смог даже добиться возвращения Пармы инфанту Карлу-Людовику, который должен был удовольствоваться герцогством Лукка и рентой в 500 000 франков.

Первые заговоры. Этот нелепый режим не замедлил вызвать в Испании глубокое недовольство, выразившееся в успехах масонства и в многочисленных военных заговорах. В 1815 году генерал Порлье провозгласил в Корунье конституцию, но потерпел поражение и был приговорен к смерти. В 1816 году четыре человека поплатились жизнью за более или менее доказанное участие в заговоре против короля. В 1817 году Ласи и Миланс — двое ветеранов войны за независимость — безуспешно пытались возмутить Каталонию. В 1819 году открыт был новый заговор в Валенсии; Элио лично арестовал заговорщиков и в тот же день отправил на виселицу тринадцать из них. Едва было подавлено восстание в Валенсии, как вспыхнул мятеж в Кадиксе во главе

с Квирогой, которого Ла Бисбаль тотчас же отправил в тюрьму.

Второй и третий браки Фердинанда VII. Одно время возникла было надежда, что характер короля смягчится. Вдовевший с 1807 года Фердинанд 28 сентября 1816 года женился на донье Марии-Изабелле португальской. Вначале она как будто имела некоторое влияние на короля, но вскоре он вернулся снова к своему беспорядочному образу жизни. Начались скандальные сцены между ним и королевой; их ребенок, принцесса Астурийская, родившаяся 21 августа 1817 года, умерла 9 января 1818 года, а 26 декабря этого же года скончалась от чахотки сама королева. 20 сентября 1819 года Фердинанд вступил в третий брак с Марией-Иозефой-Амалией Саксонской, совершенно неспособной оказывать на него какое-либо влияние. Вероятным наследником престола оставался дон-Карлос. Казалось, Испания была навеки обречена в жертву деспотизму.

II. Революция 1820 года. Кортесы

Революция. Сигнал к восстанию был подан предназначенным для Вест-Индии и Южной Америки экспедиционным корпусом, все еще стоявшим лагерем в окрестностях Кадикса и находившимся под влиянием агитации американских агентов и эмиссаров либеральной партии.

1 января 1820 года один молодой офицер, дон-Рафаэль де Риего, провозгласил конституцию в Лас Кабесас де Сан-Хуан, и вскоре к нему присоединился полковник Квирога из Сан-Фернандо. Однако абсолютистским генералам [1] удалось удержаться в Кадиксе. Риего тщетно пытался поднять Андалузию, но с ним оставалось всего только сорок пять человек, когда он достиг границ Эстремадуры. Все казалось потерянным, когда одно за другим пришли известия, что Корунья, Ферроль, Виго, Сарагосса и Барселона высказались за конституцию и что Мина вступил в Пампелуну. 3 марта Фердинанд VII послал Ла Бисбаля в Андалузию и издал манифест, где в неопределенной форме говорил о созыве кортесов. Прибыв в Оканью, Ла Бисбаль тотчас же перешел на сторону революции. Тогда король приказал напечатать в официальной *Газете* декрет о созыве кортесов (7 марта). Когда декрет стал

---

[1] Приверженцы Фердинанда VII назывались в 1820—1823 годах «абсолютистами»; сторонники революции — «конституционалистами». — *Прим. ред.*

известен, Мадрид вдруг наполнился шумной толпой, крики и угрозы которой доходили до Фердинанда. Он велел возвестить народу, что принимает конституцию. Опьяненные радостью мадридцы носили по улицам текст конституции и разгромили здание инквизиции. 9 марта под угрозой нового восстания Фердинанд восстановил *муниципальные советы (ayuntamiento)* 1814 года, присягнул на верность конституции и созвал временную хунту под председательством толедского архиепископа. Первым действием хунты было упразднение инквизиции (9 марта) и советов (12 марта). Фердинанд VII изъявил готовность добросовестно соблюдать конституцию. Испанцы думали, что революция окончена, и говорили, что она «потребовала только шести лет терпения, одного дня объяснения и двух дней увеселений».

Временная хунта. С 9 марта по 9 июля 1820 года временная хунта с замечательной энергией и деловитостью правила Испанией. Она восстановила *аудиенции* и муниципалитеты в их конституционных функциях, организовала милицию, назначила новых послов и вернула из изгнания высланных в 1814 году сторонников короля Жозефа *(josefinos)*. К сожалению, и она не обошлась без насильственных мероприятий; инициаторы восстания в Кадиксе были сделаны генерал-майорами, каждый испанец должен был присягнуть на верность конституции, а священникам было предписано разъяснять ее прихожанам с церковной кафедры. [1]

Фердинанд VII приветливо встретил своих министров Герероса, Аргуэльеса и Канга Аргуэльеса, вернувшихся с каторги, куда он их сослал, но его поворот к либерализму не был искренним. В Мадриде разыгрались два монархических заговора, и народ был убежден в причастности к ним короля. В кафе Лоренсини и в *Fontana de oro* образовались клубы.

Кортесы 1820 года. Кортесы открылись 9 июля и смело принялись за работу. Но очень скоро возник раскол между деятелями 1812 года *(doceañistas)*, доктринерами либеральной партии и молодыми депутатами, вышедшими из масонских лож, для которых конституция 1812 года являлась лишь отправной точкой.

Кортесы объявили 69 депутатов-*персов*, этих предателей 1814 года, лишенными всех гражданских прав и разрешили сторонникам короля Жозефа вернуться в Мадрид. Они упразд-

---

[1] Читателю неясно, в чем «насильственность» перечисленных мероприятий. Революционная победа не ознаменовалась никакими репрессиями против соучастников и слуг зверского режима Фердинанда VII, и это поражало даже консервативную прессу тогдашней Англии. — *Прим. ред.*

нили майораты и военные ордена и восстановили в законной силе университетские программы 1807 года. Но порядок нарушался не раз. Риего был встречен в театре пением революционного гимна *Tragala*, и министры сочли необходимым сместить его, а мадридские народные массы встали на его защиту. Раздосадованный король уехал в Эскуриал и подготовил там переворот. 16 ноября 1820 года к дон-Гаспару Вигодету, генерал-капитану Новой Кастилии, явился дон-Хозе Кархаваль, назначенный королем на его место. Так как на королевском приказе не было подписи министра, Вигодет отказался повиноваться. Об этом деле скоро стало известно в Мадриде. Постоянная делегация кортесов и муниципалитет пригласили короля вернуться в Мадрид. Он действительно вернулся 21 ноября, но толпа встретила его бранью и угрозами, и он в сильном раздражении ушел с балкона дворца в свои апартаменты.

Партии обозначались все ясней и ясней. Умеренные сделали безуспешную попытку сблизиться с крайними, предложив Риего пост генерал-капитана Арагона. Крайние основали клуб Мальтийского креста и тайное общество «Сынов Падильи», распевали *Tragala* и поднимали бунты в Мурсии и Мадриде.

Ввиду этих эксцессов духовенство решительно выступило против конституции, епископы начали отлучать либералов; монах Сирило Аламеда основал клерикальный журнал *Ламанчский часовой*. В январе 1821 года в Галисии образовался антиреволюционный комитет под названием «апостольская хунта». Два монархических заговора в Мадриде потерпели неудачу, — второй из них был затеян гвардией; король снова подвергся оскорблениям со стороны народа и пожаловался кортесам на министерство, не умеющее охранять достоинство короны. Министры подали в отставку, и король, не желая вручать власть радикалам, образовал деловое министерство, являвшееся копией предыдущего и пользовавшееся еще меньшим авторитетом.

Сессии кортесов в 1821 году. Кортесы имели в 1821 году две сессии. Они прилагали все усилия к тому, чтобы поощрить усердие своих сторонников и обуздать своих врагов репрессивными мерами. Риего и Квирога получили каждый пенсию в 80 000 реалов. Десятинные сборы были уменьшены наполовину. Духовные лица, уличенные в том, что проповедывали восстание, были объявлены подлежащими ссылке. Кортесы провели также несколько важных реформ: бюджет был разумно упорядочен, издан закон о народном образовании,

Р. РИЕГО

С современной гравюры

установивший программы государственных и частных школ и сохранивший за государством исключительное право давать ученые степени. Каждое село в 100 дворов должно было иметь начальную школу. Областные университеты должны были давать среднее образование, а 10 главных университетов Испании и 22 Вест-Индии — высшее. Сверх того, закон предписывал основание 8 специальных школ и учреждение верховной учебной дирекции.

На своей чрезвычайной сессии кортесы разделили испанскую территорию на 52 провинции, вотировали законы о милиции и флоте, издали уголовный кодекс и преобразовали органы общественного призрения.

Но все эти важные мероприятия были бессильны смирить неистовство партий. Печать с каждым днем становилась все более резкой, число политических обществ все возрастало. Абсолютисты группировались вокруг клубов «Зачатие» и «Ангел-истребитель», либералы носили кольцо-эмблему «Друзей конституции». То и дело происходили мятежные вспышки на улицах Мадрида, Барселоны, Сарагоссы, Гренады, Кадикса и Севильи. Риего был вторично смещен; мадридские радикалы («экзальтированные», как они назывались) носили его портрет по городу и прекратили свою демонстрацию только перед штыками регулярной армии на улице Платериас (18 сентября 1821 г.). Месяц спустя (24 октября) друзья Риего пропели *Tragala* под окнами мадридского генерал-капитана. По провинциям шныряли роялистские банды. Местные власти не знали как держаться: абсолютисты угрожали им, радикалы зорко следили за каждым их шагом, правительство не оказывало им нужной поддержки. Они заявляли, что уходят в отставку, требовали, чтобы их предали суду, порою полностью капитулировали перед восставшими и уходили, а порою, под давлением капризной воли народной массы, продолжали выполнять свои служебные функции.

Кортесы 1822 года. В 1821 году должны были быть произведены новые выборы в кортесы. Радикалы приобрели большинство и выбрали в 1822 году президентом кортесов Риего. Король поручил формирование кабинета осторожному Мартинесу де ла Роза.

В провинциях уже начиналась гражданская война. Крестьяне дрались с милицией, милиция с армией, различные армии — друг с другом. 21 июля вождь одного каталонского отряда, по прозвищу «Траппист», овладел Сео де Урхель и захватил здесь шестьдесят пушек. 30 июня при закрытии обыкновенной сессии кортесов произошло восстание королев-

ской гвардии против кортесов, которое едва не вызвало революции в Мадриде. Семь дней восстание держало Фердинанда в плену; в душе он желал успеха повстанцам, но не решался обнаружить это. В конце концов мадридская милиция, предводимая Морильо, восстановила порядок, но эти события произвели сильное впечатление за границей: жизнь короля была под угрозой, и идея интервенции завоевывала себе сторонников.

Король употребил почти месяц на составление радикального кабинета. Новые министры тратили время на пустяки. А тем временем абсолютисты учредили регентство в Сео де Урхель и послали своих представителей на Веронский конгресс. Барон Эролес первый обратился к патриотизму фанатиков-фуэристов.

Гражданская война с самого начала приняла свирепый характер. Жители Мекиненсы перебили весь гарнизон. Мина разрушил до основания большое селение Кастельфульит. Кортесы были уже целиком заняты войной. Они постановили произвести рекрутский набор в 30 000 человек, призвать к оружию 20 000 ополченцев и закупить 8000 лошадей. Они преследовали мятежных прелатов и чиновников, но моральный авторитет ускользал от них с каждым днем, и они держались только опираясь на наиболее крайнюю часть либеральной партии.

Предоставленная самой себе Испания несомненно пережила бы страшный кризис, но в конце концов свобода и прогресс в ней восторжествовали бы. Вмешательство же Франции отбросило ее еще на десять лет назад к абсолютизму.

III. Вмешательство Франции и монархическая реакция

Веронский конгресс. Французская интервенция в Испании была делом французской клерикальной партии. Ее не желали ни Людовик XVIII, ни Виллель. Но в то время как Виллель стремился к миру, оба французских делегата на Веронском конгрессе — Шатобриан и Монморанси — хотели войны. В первом же заседании конгресса (20 октября 1822 г.) Монморанси, под давлением императора Александра, предложил вмешательство Франции в испанские дела. Виллель не скрыл своего неудовольствия против Монморанси, который ввиду этого принужден был оставить пост министра иностранных дел. Но видя, что вся клерикальная партия желает войны,

Виллель в конце концов согласился, чтобы остался министром Монморанси.

Объявление войны. Неосторожное поведение испанского кабинета скоро сделало войну неизбежной. 5 января 1823 года в Мадриде были получены угрожающие ноты Пруссии, Австрии и России, а также нота французского министерства, составленная в гораздо более умеренных выражениях и позволявшая еще надеяться на возможность мирного соглашения. 9 января дон-Эваристо Сан-Мигуэль ответил всем четырем державам, что Испания намерена сохранить свою конституцию. Кортесы горячо приветствовали заявление Сан-Мигуэля, и на следующий день, 10 января, прусский, австрийский и русский послы покинули Мадрид. Виллель сделал еще одну попытку сохранить мир, но его предложения успеха не имели, и война стала неизбежной. [1]

Кортесы и король. Либералы были уверены в победе. Для отражения чужеземного нашествия было сформировано пять армий, и так как не исключалась возможность занятия Мадрида неприятелем, кортесы уполномочили министров перевести правительство в какой-нибудь другой город.

Это постановление вызвало страшный гнев Фердинанда. Он отказался утвердить его и в день закрытия чрезвычайной сессии кортесов (19 февраля) отрешил от должности всех министров. На эту попытку переворота либералы ответили восстанием, и до Фердинанда донеслись крики толпы «Смерть королю! Смерть тирану!» Струсив, он вернул министров и, когда возобновились заседания кортесов (1 марта), изъявил готовность подчиниться закону. 20 марта он без сопротивления был увезен из Мадрида и 11 апреля прибыл в Севилью. Между тем французская армия уже перешла Бидассоа (7 апреля).

Война с Францией. Главнокомандующий французской армии герцог Ангулемский употребил полгода на то, чтобы пройти Испанию от Ируна до Кадикса (7 апреля — 1 октября 1823 г.). Он нигде не встретил серьезного сопротивления. Бальестерос бежал до самой Валенсии, Ла Бисбаль передал командование генералу Кастельдосриусу, который отступил в Эстремадуру. Мадрид сдался 19 мая, и 26-го того же месяца, восстановленный Кастильский совет назначил регентство, первой заботой которого было целиком восстановить режим, существовавший до 7 марта 1820 года.

---

[1] Неясно, в чем именно автор усматривает «неосторожность» кортесов и испанского правительства. Интервенция в этот момент была уже решена, и дело шло только об окончательной подготовке экспедиционного корпуса во Франции. — *Прим. ред.*

В начале июня генерал Пласенсия был разбит Бурмоном и Бордессулем у Деспенья-Перрос, и 17 000 французов вторглись в Андалузию. Охваченные паникой кортесы постановили перевести правительство в Кадикс. Фердинанд категорически отказался последовать за ними туда. Чтобы сломить его сопротивление, кортесы объявили его помешанным, назначили временными правителями дон-Каиетано Вальдеса, дон-Габриэля Сискара и дон-Гаспара Вигодета и заседали непрерывно до отъезда короля, который беспрекословно дал себя увезти. Это заседание продолжалось тридцать три часа. Кортесы последовали за королем в Кадикс, 15 июня возобновили здесь свои заседания и в этот же день восстановили Фердинанда во всех его конституционных правах.

Война продолжалась, и либералы терпели неудачу за неудачей. Бальестерос отступил от Валенсии к Мурсии, затем к Аликанте и Гренаде, 28 июля дал сражение при Кампильо де Арена, а 4 августа признал мадридское регентство. В Галисии Морильо капитулировал 10 июля, и когда затем, 27 августа, сдался генерал Росельо, вся эта область оказалась во власти абсолютистов.

В Каталонии недостаток сил парализовал энергичного Мина. Он мог противопоставить Монсею и бандам барона Эролеса едва 8000 человек. Он выдерживал кампанию, стараясь не допустить неприятеля до прорыва, пытался вторгнуться во французскую Сердань и совершил через горы знаменитое отступление, приведшее его в Таррагону. Но измена Мансо, поражение генералов Фернандеса и Сан-Мигуэля и капитуляция Фигуэраса (26 сентября) все же привели к подчинению Каталонии, за исключением Барселоны, в которой Мина отбивался вплоть до 1 ноября.

Между тем уже сказывались признаки бешеной реакции. «Очистительные хунты» выдавали свидетельства о верности роялизму и подвергали граждан аресту тысячами; подстрекаемая духовенством чернь нападала на тюрьмы и избивала заключенных. Приказом из Андухара герцог Ангулемский запретил подвергать кого бы то ни было аресту без разрешения французских властей. Он спас таким образом жизнь множеству людей, но зато прослыл якобинцем в глазах мадридских правителей. [1]

---

[1] Это фактически совершенно неверно: герцог Ангулемский с целью несколько успокоить оппозицию во Франции издавал в Испании ничего не значившие приказы, будто бы имевшие целью смягчить злодеяния Фердинанда VII; но Фердинанд и его агенты знали совершенно точно, что ни малейших затруднений им со стороны герцога Ангулемского и французских интервентов вообще

Кадикс находился в отчаянном положении. Тогда Риего предложил отправиться морем в Малагу, слить корпуса Заиаса и Бальестероса, призвать к себе гарнизоны Эстремадуры и напасть на французов с тыла. Его предложение было принято министрами. Риего отплыл 17 августа; ему удалось увлечь войска Заиаса, но аванпосты Бальестероса у Приего встретили его выстрелами. Добившись свидания с генералом, он пустил в ход все средства, чтобы заставить его следовать за собой, хотел даже арестовать его, но Бальестерос был освобожден своими солдатами, и Риего принужден был удалиться с несколькими батальонами, оставшимися ему верными. На обратном пути он подвергся нападениям в Хаэне, Манча-Реале и Ходаре, так что в конце концов при нем осталось всего три офицера; 15 сентября он был предательски захвачен в Аркильосе и 7 ноября расстрелян.[1]

Между тем участь Кадикса была решена. Взятие Трокадеро (31 августа) и форта Санти Петри (20 сентября) сделало дальнейшую оборону невозможной. «Честным словом короля» Фердинанд обещал всем сторонникам кортесов полную амнистию и сохранение их воинских чинов и должностей. 1 октября пышно расцвеченная флагами фелука перевезла короля и его семью в Пуэрто де Санта Мария. Всю дорогу король беседовал с Вальдесом и Алавой, но, сойдя на берег, он бросил на них взгляд, полный такой ненависти и угрозы, что Вальдес и Алава поспешили укрыться на английском корабле. В первый же день по прибытии в Пуэрто Фердинанд объявил недействительными все декреты, изданные правительством кортесов с 7 марта 1820 года, санкционировал все действия мадридского регентства и приговорил к смерти Вальдеса, Сискара и Вигодета. 2 октября он издал новый указ, изгонявший на 15 миль от Мадрида и других королевских резиденций всех депутатов кортесов, министров, членов государственного совета и кассационной палаты, комендантов, губернаторов, министерских чиновников и офицеров милиции. Декретом от 6 октября, подписанным в Лебрихе, учреждены были миссии для обращения нераскаявшихся либералов, а заподозренные в либерализме духовные лица были заточены в монастыри, известные чрезвычайной строгостью своих уставов.

13 ноября Фердинанд торжественно вступил в Мадрид; он ехал на колеснице, которую везли восемьдесят юношей,

---

не будет. Избиения и пытки продолжались безнаказанно во всех районах, занятых французами. — *Прим. ред.*

[1] Риего был повешен, а не расстрелян: абсолютисты непременно требовали этого рода казни для Риего. — *Прим. ред.*

сопровождаемый добровольцами-роялистами и приветствуемый теми самыми *majos*, которые полгода тому назад кричали «Смерть тирану!»

Абсолютистская реакция. Эпоха Каломарде. Последние десять лет царствования Фердинанда VII носят в Испании символическое название «эпохи Каломарде» — по имени министра, который был как бы воплощением реакционной политики. Человек узкого и ограниченного ума, заклятый враг всякой реформы, свободы и просвещения, дон-Тадео Каломарде искал удовлетворения своего честолюбия, переходя из одной партии в другую, будучи равно недоволен всеми, и последовательно предавал их одну за другой. 17 января 1824 года Фердинанд назначил его министром, и Каломарде оставался ему верен до того дня, когда ему стало казаться, что королем завтрашнего дня будет дон-Карлос.

Реакция носила в Испании характер настоящего террора. Общество «Ангел-истребитель» и роялисты-добровольцы охотились на либералов, тащили их к позорному столбу, бросали их в тюрьмы, вырывали у них волосы, вываливали их в перьях и расстреливали.

Французское правительство предписало своему мадридскому послу положить конец этим неистовствам. Амнистия, которой Франция потребовала 19 февраля 1824 года, была подписана Фердинандом лишь 1 мая, а обнародована только 20 мая, чтобы дать время Каломарде сделать еще одну облаву на подозрительных. Как ни незначительна была по своим размерам эта мера, в глазах абсолютистов она была уже изменой. Трудно понять этот гнев абсолютистов, так как более гнусного реакционного режима, чем режим Фердинанда, никогда не существовало. «Очистительные хунты» продолжали действовать, военные комиссии осуждали сотни либералов, простая принадлежность к масонской ложе каралась смертью. Две попытки к восстанию привели на эшафот шестьдесят четыре человека. Университеты были закрыты в течение многих месяцев, литературные общества разогнаны, поэты заточены в монастыри, из муниципалитетов изгнаны последние выборные члены.

Война с «недовольными» *(los agraviados)*. Однако уже по одному тому, что правительство Фердинанда VII было официально установленным правительством, оно все-таки в какой-то степени заботилось о сохранении общественного порядка. Апостолическая партия, по временам стесняемая в проявлениях своего фанатизма, не скрывала своего живейшего неудовольствия против короля и возложила все

свои надежды на инфанта дон-Карлоса, разделявшего ее чувства.

Фердинанд смутно чувствовал опасность и, казалось, готов был внять голосу благоразумия и проявить некоторую энергию. Дон-Хавиер де Бургос прислал ему из Парижа замечательную записку о состоянии королевства и целую программу реформ, и Фердинанд, повидимому, не чувствовал себя этим оскорбленным.

Апостолическая партия, в которой уже давно царило возбуждение, издала 1 ноября 1826 года воззвание к каталонцам. В августе 1827 года в Манресе образовалась верховная апостолическая хунта, и вся страна покрылась вооруженными бандами. Хунта уверяла крестьян, что король находится в плену у масонов. Дон-Карлос был причастен к мятежу. На этот раз Фердинанд сумел поступить так, как подобало королю. В сопровождении нескольких министров он отправился в Каталонию, передал командование над войсками старому французскому эмигранту графу д'Эспиньяку, которому путем энергичных и жестоких мер удалось восстановить порядок в Виче и Манресе, и пять месяцев прожил в Барселоне (28 ноября 1827 г. — 28 апреля 1828 г.).

Поражение «недовольных» *(los agraviados)* нанесло чувствительный удар апостолической партии. Но впереди ее ждал еще более тяжелый удар. Королева Амалия Саксонская умерла бездетной 18 мая 1829 года, и 11 декабря этого же года Фердинанд вступил в четвертый брак с Марией-Христиной Бурбонской, принцессой неаполитанской.

Мария-Христина. Новой королеве было двадцать три года, она была красива, умна и образована и очень скоро подчинила своему благотворному влиянию Фердинанда. В марте 1830 года начали поговаривать о беременности королевы. 31 марта Фердинанд обнародовал в официальной *Газете* прагматическую санкцию 1789 года, восстановлявшую в полном объеме древнее наследственное право женщин. Этот закон, вотированный в свое время кортесами, до тех пор хранился в тайне. Гнев апостолической партии и радость умеренных показали королю, где ему следует искать опору.

Но почти в это самое время во Франции вспыхнула Июльская революция. Испанские либералы сделали попытку вернуться в Испанию с оружием в руках, а когда они были разбиты у Эрасо, Урдахса и Веры, Фердинанд приказал безжалостно расстрелять всех пленников, захваченных его войсками. В следующем году генерал Торрихос попытался поднять восстание в Алжезирасе, но был расстрелян вместе со своими пятьюдесятью двумя приверженцами.

Если бы у Фердинанда был сын, абсолютная монархия, вероятно, еще надолго восторжествовала бы в Испании. Но у него были только дочери: Изабелла, родившаяся 10 октября 1830 года, и Мария-Луиза, родившаяся 30 января 1832 года. Итак, Фердинанд VII должен был позаботиться о том, чтобы заблаговременно найти защитников будущего трона Изабеллы II.

В августе 1832 года король заболел, и 17 сентября положение его казалось безнадежным. И Христина и дон-Карлос думали, что наступил решительный момент. Фердинанд на смертном одре отменил декрет 19 марта 1830 года, вследствие чего все решили, что корона переходит к дон-Карлосу. Но против всех ожиданий король поборол болезнь, которая едва не унесла его в могилу. Королева воспрянула духом, а несколько молодых аристократов предоставили свои шпаги в ее распоряжение. 22 сентября инфанта Луиза-Карлота и ее муж, инфант дон-Франсиско, прибыли в Мадрид. Инфанта, говорят, не погнушалась даже дать пощечину Каломарде. Она велела принести ей приказ об отмене мартовского декрета и порвала его собственными руками. Изабелла снова сделалась предполагаемой наследницей престола.

Этой дворцовой революцией и была порождена та междоусобная война, которая волновала Испанию в течение семи лет. Умеренные роялисты в союзе с либералами составили партию *христиносов*, прежние представители апостолической партии — партию *карлистов*.

Зеа Бермудес. Первым результатом переворота 22 сентября было падение Каломарде. Его место занял испанский посол в Лондоне Зеа Бермудес, и 6 октября был издан декрет, назначавший королеву регентшей на время болезни короля. Мария-Христина обнаружила в управлении большое благоразумие. Амнистия, открытие университетов, остававшихся закрытыми уже два года, образование умеренного министерства (*de fomento*), смещение свирепого д'Эспиньяка в Барселоне и очищение королевской гвардии свидетельствовали о добрых намерениях королевы.

4 января 1833 года Фердинанд снова взял управление в свои руки. Сознавая трудность положения, он одобрил все, что сделала королева, и публично восхвалял ее благоразумие. Дон-Карлос, не поднимая открытого мятежа, отказался признать права Изабеллы. Фердинанд под почетным предлогом отправил своего брата в Лиссабон, увеличил состав армии на 25 000 человек и 20 июня созвал кастильские кортесы, которые по старинному церемониалу принесли присягу на верность принцессе Астурийской.

Фердинанд VII умер 29 сентября 1833 года, а спустя четыре дня дон-Мануэль Гонзалес именем дон-Карлоса поднял восстание в Талавере.

IV. Регентство Марии-Христины

Регентство Марии-Христины. Можно с уверенностью сказать, что если бы дон-Карлос в момент кончины Фердинанда VII находился в Мадриде, он и занял бы престол. За него были гранды, духовенство и огромное большинство народа. Карлистская партия имела представителей во всех высших государственных учреждениях, и 200 000 добровольцев готовы были взяться за оружие по первому ее зову. Преимуществом Христины было то, что она владела Мадридом и что в глазах испанцев она олицетворяла законную власть. Поскольку дон-Карлос выступал поборником старого порядка, Христине следовало бы решительно усвоить себе либеральную политику, но при всем своем уме и при всех своих благих намерениях она не обладала достаточной смелостью и энергией, чтобы на это решиться. Она медлила, управляла без принципов и плана и этой игрой быстро утратила свою популярность.

История семи лет правления Христины от смерти Фердинанда VII до ее изгнания представляет собой два параллельных ряда событий, сильно влиявших друг на друга, но которые невозможно излагать одновременно, если желательно дать о них четкое представление. А потому мы изложим сперва политическую историю регентства, а затем историю карлистской войны, называемой в Испании «семилетней войной».

Мария-Христина хотела сперва оставить у кормила правления Зеа Бермудеса. Дон-Карлос был объявлен заговорщиком и узурпатором, и его имущество секвестровано. Но Россия, Австрия и Пруссия отказались признать Изабеллу. Карлистское восстание в несколько недель охватило всю северную Испанию и часть Старой Кастилии. Тогда правительница решилась сделать шаг вперед и призвала (15 января 1834 г.) в министерство Мартинеса де ла Роза, пользовавшегося популярностью за свое либеральное прошлое и не слишком пугавшего двор своими умеренными взглядами.

Королевский статут. Элегантный ритор и светский философ Мартинес де ла Роза считал себя в силах дать Испании окончательную конституцию и, следуя образцу французской хартии 1814 года, обнародовал 10 июля 1834 года *Королевский*

статут. Этим статутом учреждались две палаты: верхняя — палата пэров (*Estamento de proceres)*, состоящая из грандов и известного числа членов, пожизненно назначаемых королем, и нижняя — палата депутатов (*Estamento de procuradores)*, являвшаяся представительницей провинции. Обе они должны были вотировать бюджет и законы, вносимые на рассмотрение короной. Заседания палат публичны, личность пэров и депутатов неприкосновенна. Мартинес де ла Роза предоставил самим палатам решить вопрос о способе голосования при избрании депутатов.

Королевский статут представлял собой в общем громадный шаг вперед, но со смерти Фердинанда произошли такие значительные сдвиги в общественном сознании, что создание Мартинеса было признано не чем иным, как странной и неудобоваримой смесью разнородных элементов. С этих пор за Мартинесом упрочилось в Мадриде прозвище пирожника (*pastelero)*. Кортесы открылись 24 июля при самых дурных предзнаменованиях. Правда, 22 апреля министерство заключило так называемый четверной союз с Англией, Францией и Португалией. Но дон-Карлос, изгнанный из Португалии, инкогнито проехал через всю Францию и 12 июля достиг главной квартиры Зумалакарреги в Элизондо. В Мадриде в это время свирепствовала холера. Толпа, поверив нелепым слухам, будто иезуиты отравили колодцы, разграбила несколько монастырей. Как раз накануне открытия сессии кортесов был обнаружен заговор либеральной партии; многие эмигрировали. Депутаты обнаружили большую неопытность и очень скоро показали, что вовсе не намерены церемониться с Королевским статутом; они представили правительнице петицию о правах, скопированную с французской декларации 1789 года. Испанская казна была почти пуста, а кредит был подорван с тех пор, как Фердинанд VII отказался признать долг по займу, заключенному кортесами. Граф Торено пробавлялся паллиативными мерами и лишь с большим трудом выпросил у парижского банкира Ардуэна аванс в 100 миллионов франков. Организация национальной гвардии дала радикальной партии точку опоры и тем самым еще усилила затруднительное положение кабинета, который едва не был свергнут 15 января 1835 года военным мятежом. Генерал-капитан Мадрида был убит мятежниками, которые сумели добиться почетной капитуляции и вышли из Мадрида с оружием и знаменами, чтобы соединиться с северной армией.

Спустя пять месяцев (7 июня) Мартинес де ла Роза, потеряв всякую надежду на успех, уступил пост президента совета

графу Торено. Последнему удалось собрать некоторое количество вспомогательных войск: английский легион, французский иностранный легион и португальский отряд в 6000 человек; но в разных местах полуострова снова вспыхнули восстания. В Сарагоссе мятежники уступили лишь после сорокавосьмичасового боя. Барселона провозгласила конституцию 1812 года, и газета *Трехцветное знамя (El escudo tricolor)* поясняла: «Конституция — это значит: долой полицию, долой ввозные городские пошлины, долой налоги на соль». Генерал Басса, пытавшийся образумить повстанцев, был убит. Яростные бунты залили кровью Таррагону, Валенсию, Мурсию и Майорку.

Среди этого всеобщего брожения дон-Андресу Боррего и мадридскому генерал-капитану Кесада пришла неудачная мысль вызвать либеральную демонстрацию. Милиция составила петицию, которую делегаты вручили регентше, жившей в это время в Гранхе. На следующий день милиционеры, вооружившись, снова начали дефилировать по улицам, приветствуя конституцию 1812 года. Кесада, не желавший итти так далеко и принявший это выступление за измену, бросился во дворец, испросил себе у министров полную свободу действий и собирался было двинуть королевскую гвардию против милиции, но в это время депутату Бельтрану де Лис удалось убедить милиционеров мирно разойтись по домам. Вместо того чтобы принять данный ему урок за предостережение, Торено решил действовать строгостью и объявил Мадрид на осадном положении. В ответ на репрессивные меры провинции восстали одна за другой. Вальядолид, Саламанка, Малага, Кадикс, Севилья, Гренада, Кордова, Ферроль и Корунья организовали у себя повстанческие хунты и требовали упразднения монастырей, возвращения покупателям имуществ, проданных с 1820 по 1823 год, свободы печати и созыва учредительных кортесов. На этот раз уже не могло быть сомнения: все крупные города Испании требовали уничтожения старого порядка.

Торено решил привлечь к себе на помощь дон-Хуана Альвареса де Мендизабаль, пользовавшегося репутацией необыкновенно талантливого финансиста. Но Мендизабаль отверг портфель министра финансов и согласился (14 сентября 1835 г.) только заменить Торено в качестве президента совета.

Мендизабаль. Первые действия нового министра были энергичны и ловки. Он вступил в переговоры с мятежными хунтами, и ему удалось их обезоружить. Лучшие генералы из умеренной партии были оставлены на своих постах, генерал-капитанами назначены были вожди либеральной партии: Мина,

Квирога, Эспиноса, Лопес Баньос. Королевский декрет 11 октября 1835 года упразднил все монастыри, сохранив только три конгрегации: Escolapios, Filipinos и St. Juan di Dio. Был объявлен созыв ополчения в 100 000 человек, вооружена национальная гвардия и основан Дом инвалидов. Однако Мендизабаль не решался нарушить Королевский статут и оставался в хвосте либеральной партии, вместо того чтобы решительно ее возглавить. Он добился у кортесов одобрения своих финансовых мероприятий и быстрого вотирования бюджета на 1836 год; но умеренные подали голос за прямое голосование и одноименные списки. Прогрессисты объявили это изменой, и Мендизабаль был вынужден распустить кортесы (27 января 1836 г.), не имея даже определенного избирательного закона для предстоящих выборов, потому что верхняя палата не успела утвердить новый закон.

Выборы происходили при полной анархии. В Сарагоссе и Барселоне были перебиты в тюрьмах заключенные там карлисты. Валенсия заставила своего генерал-капитана подать в отставку, в армии было полнейшее отсутствие дисциплины, а Мендизабаль не решался прибегнуть к слишком строгим мерам из боязни утратить свою популярность. В палате депутатов большинство принадлежало прогрессистам, но палата пэров сохраняла свой консервативный характер. На Мендизабаля тут же посыпались яростные нападки по поводу его финансовых мер и предпринятой им продажи имуществ духовенства. Чтобы восторжествовать над своими врагами, он задумал опереться в своей либеральной политике на могущественную поддержку Франции, но это вызвало со стороны оппозиции такие бешеные протесты, что Луи-Филипп поспешил отказаться от всякой мысли о вмешательстве. Мендизабаль, уже имевший против себя карлистов, радикалов и часть кортесов, в довершение всего сделал ошибку, оскорбив правительницу, которая и заменила его (15 мая 1836 г.) вождем умеренных — Истурисом.

Едва прийдя к власти, Истурис сделался мишенью для нападок прогрессивной партии. Одно время он намеревался перевезти правительницу и королеву в район северной армии и открыть кортесы в Бургосе под защитой ста батальонов. Но этот план разбился о мелочное сопротивление инфанта дон-Франсиско. Либералы восстали; Арагон, Эстремадура и Андалузия требовали конституции 1812 года; 3 августа вспыхнул страшный мятеж в Мадриде. Истурис ждал спасения уже только от Франции, как вдруг против него выступила и королевская гвардия.

Бунт в Гранхе. 12 августа, в 11 часов вечера, весь гарнизон Гранхи выстроился перед дворцом с кликами: «Да здравствует конституция 1812 года!» «Да здравствует королева!» Христина согласилась принять депутацию восставших солдат и после долгого и смелого сопротивления их требованиям приказала обнародовать конституцию. Дело было, казалось, уже улажено; но тут министерство прислало в Гранху военного министра, генерала Мендеса Виго, с поручением вернуть солдат на путь долга. Это вызвало новый и гораздо более грозный мятеж; Христина снова уступила и призвала к управлению прогрессиста дон-Хозе-Марию Калатраву. Генерал Кесада, бывший генерал-капитан Мадрида, пал жертвой народной ненависти.

Военный мятеж в Гранхе привел к унижению правительницы и отдал Испанию в руки прогрессистов. Луи-Филипп был менее чем когда-либо склонен к вмешательству, и многие из умеренных начали смотреть на дон-Карлоса без прежнего отвращения. Никогда еще испанской свободе не грозила столь серьезная опасность, как в этот момент.

Конституция 1837 года. Калатрава восстановил в силе законы, вотированные кортесами с 1820 по 1823 год, призвал на действительную службу 50 000 человек, объявил принудительный налог в 200 миллионов реалов и созвал учредительные кортесы, которые и собрались 24 октября. Победа Эспартеро в Лучане как будто указывала на то, что карлистская война вступила в более решительную фазу. Кортесы смело принялись за работу. Они уничтожили десятинные сборы и сеньериальные юрисдикции в деревне и приказали немедленно пустить в продажу не отчужденные еще монастырские имущества. Новая конституция 1837 года благоразумно сохранила за короной ее важнейшие прерогативы и разделила законодательную власть между сенатом и палатой депутатов.

Таким образом, 1837 год, едва не оказавшийся гибельным для конституционного строя, напротив, обеспечил его торжество. Дон-Карлос, появившийся 12 сентября перед Мадридом, не решился вступить в него. Эспартеро восстановил дисциплину, на время подорванную военными бунтами, и новые выборы дали кортесам консервативное большинство.

Эспартеро и Нарваэс. Однако прогрессисты не хотели примириться со своим поражением и, не имея возможности восторжествовать законным путем, оказались столь мало патриотичными, что посеяли раздор между двумя лучшими испанскими генералами — Эспартеро и Нарваэсом. Последний только что умиротворил Ла-Манчу и получил от правитель-

ницы разрешение сформировать резервную армию, которая, действуя совместно с северной и каталонской армиями, должна была положить конец гражданской войне. Тогда прогрессисты решили внушить Эспартеро зависть к Нарваэсу, указав ему на последнего как на опасного соперника и возможного вождя реакционной партии. Эспартеро потребовал роспуска резервной армии и отставки Нарваэса. Этот молодой генерал, оказавшийся против воли замешанным в революционном движении, вспыхнувшем в Севилье, должен был удалиться в изгнание вместе со своим старым другом Кордовой. Победители-прогрессисты распустили кортесы, и избиратели Мадрида послушно дали большинство прогрессистам. Почти в это же самое время соглашение, заключенное в Вергаре, положило конец карлистской войне, и регентша возымела надежду, что умеренная часть бывшей карлистской партии обеспечит за умеренными решительное большинство. Она никогда не любила прогрессистов; теперь она предписала снова произвести выборы, результаты которых обеспечили большинство умеренным.

Консерваторы вернулись к власти, обуреваемые злобными чувствами, противоречившими всякой разумной политике. Они вернули духовенству его недвижимое имущество, которое еще не было продано, частично восстановили десятину и выказали намерение урезать муниципальные вольности. При виде этого прогрессисты обратились снова к Эспартеро и сделали его вершителем судеб Испании.

Падение правительства Христины. Эспартеро оказал огромные услуги делу либерализма; его храбрость, твердость и успехи сделали его неоспоримым вождем армии; вся Испания приветствовала пожалование ему регентшей титула «герцога победы». Она надеялась внушить ему свои идеи, а прогрессисты, в свою очередь, рассчитывали привлечь его на их сторону. Но Эспартеро повиновался только своему честолюбию и поощрял интриги, пролагавшие ему путь к власти.

Окруженная раболепными царедворцами, которые и не догадывались о стремлениях, волновавших народ, Христина вместе с королевой Изабеллой покинула Мадрид и отправилась в Барселону ко всемогущему Эспартеро, только что водворившему мир в Каталонии. В это время всю Испанию волновал реакционный закон о муниципальных советах *(ayuntamientos)*. Арагонцы смело выражали правительнице свое неудовольствие, а Эспартеро просил ее в собственных же ее интересах не давать санкции этому закону. Христина тем не менее подписала законопроект, вотированный кортесами,

и весьма удивилась, когда на следующий день Эспартеро выразил желание уйти в отставку.

В течение трех месяцев (с 15 июля по 17 октября 1840 года) разлад между регентшей и Эспартеро держал всю Испанию в напряженном состоянии. Христина с непостижимым упорством настаивала на сохранении непопулярного закона, но и прогрессисты, в свою очередь, предъявляли неприемлемые требования. Барселона восстала. Регентша и ее дочь покинули город и, скрываясь подобно беглянкам, уехали на торговом судне в Валенсию. В Мадриде вспыхнуло восстание. Прогрессивные хунты возникали даже в небольших деревнях. В продолжение двух месяцев пало два министерства. Христина предложила Эспартеро пост президента совета с правом самому выбирать себе товарищей. Эспартеро потребовал, чтобы королева разделила власть с соправителями, которых он назначит. На этот раз Христина отказалась и, вверив судьбу своих дочерей чести и патриотизму Эспартеро, отреклась от власти. 17 октября она отплыла во Францию, испытывая самую горькую обиду на прогрессистов.

V. *Семилетняя война*

Мучительный период политического воспитания Испании все время сопровождался гражданской войной, непрерывно разрывавшей ее на части. 29 сентября 1833 года умер Фердинанд VII, а 1 октября дон-Карлос принял титул короля. Дон-Карлос был весьма посредственным человеком, еще более самовластным и менее разумным, чем Фердинанд. Но он воплощал в себе монархическую и религиозную традиции, был королем духовенства и знати, и симпатии значительной части нации были, несомненно, на его стороне. Христина же имела то преимущество, что она первая захватила власть: она владела Мадридом и армией, ее поддерживали все либералы, тогда как за дон-Карлоса готовы были поднять оружие только наиболее рьяные абсолютисты. Оцепеневший от ужаса народ наблюдал борьбу и по окончании ее покорился победителю, которого ему навязала судьба.

Обе стороны обладали лишь незначительными средствами, и борьба, в сущности, была лишь долгой партизанской войной, в которой христиносы и карлисты соперничали в выносливости, безумной храбрости, а также, надо признаться, и в варварской жестокости. Война прекратилась вследствие усталости обеих сторон; в один прекрасный день карлисты

убедились в ничтожности своего претендента и отказались драться; война кончилась, когда они этого захотели. Фактически не было ни победителей, ни побежденных, но вместе с претендентом исчез и старый порядок.

Карлистскую войну можно также рассматривать как одно громадное фуэристское восстание против кастильской централизации.[1] Карлистская война почти не захватила кастильские области, — здесь действовало лишь несколько отрядов, предводимых грабителями, как Мир, Орехита, Эль Лечеро, Пеко, Рома, Палильос. Несколько набегов сделали также Горостиди в Галисии и Мерино в Старой Кастилии; но в общем здесь не произошло ничего серьезного. Совсем иначе обстояло дело в Васконгадах, Наварре, Арагоне, Каталонии и Валенсии. В этих провинциях только крупные города остались верны либеральной партии, а сельское население и небольшие города стали на сторону дон-Карлоса, так как видели в нем защитника веры и надеялись, что в его правление будут сохранены или восстановлены их *фуэрос* (права).

Война разыгралась преимущественно на двух театрах — в Васконгадах и в горной стране, расположенной к югу от Эбро и известной под именем Маэстразго. Дон-Томас де Зумалакарреги в Васконгадах и Кабрера в Маэстразго организовали силы карлистов и располагали одно время контингентом в 70 000 человек.

Эту войну можно разделить на три периода. В первый период обе стороны организуются, набирают свои армии, очищают и укрепляют свои территории. Во второй период карлисты переходят в наступление и одно время близки к победе. В третий период в их ряды проникает измена, и карлизм, побежденный утомлением своих собственных приверженцев, терпит крушение.

Первый период (1832—1836). 2 октября 1833 года город Бильбао провозгласил королем дон-Карлоса, и всю северную Испанию очень быстро охватило восстание. Священник Мерино с 11 000 человек дошел до Гальяпагара, в нескольких милях от Мадрида. Смерть карлистского генерала Сантоса Ладрона и взятие Витории и Бильбао генералом Серсфильдом, казалось, готовы были уже погасить мятеж, но Зумалакарреги принял начальство (27 января 1834 г.) над всеми карлистскими отрядами, нашел в Орбаисете пушку, ружья и 50 000 патронов и двинул своих помощников Ла Торре и Забалу на

[1] Фуэристскими (от средневекового термина *fueros*) назывались в Испании восстания провинций с определенной целью обеспечить свою местную автономию. Особенно сильны были эти движения именно в Каталонии. — *Прим. ред.*

Бильбао, который был, однако, спасен героическим сопротивлением Эспартеро. Начиная с марта 1834 года, положение либералов стало настолько критическим, что их главнокомандующий Вальдес вышел в отставку.

Мадридское правительство употребило величайшие усилия, чтобы смирить Васконгады. Кесада пытался склонить Зумалакарреги на сторону конституционной партии; но это ему не удалось, и, дав несколько сражений с сомнительным исходом, он уступил командование Родилю (9 июля 1834 г.). Родиль располагал 45 000 человек, но прибытие дон-Карлоса в главную квартиру Зумалакарреги (12 июля) и поражения христиносов при Лас Пеньяс де Сан-Фаусто и Алегрии сделали положение Родиля чрезвычайно опасным. 30 октября Мина принял начальство над северной армией. Новый военачальник, пользовавшийся большой популярностью в этом крае, обратился с ловким манифестом к наваррцам, сделал попытку организовать вольные отряды, укрепил линию Эбро и нижнюю Наварру, одержал небольшие победы при Мендосе и Арквихасе, но, не видя деятельной поддержки со стороны правительства, подал в отставку (апрель 1835 г.). Вальдес снова стал во главе армии, но последняя терпела удар за ударом. Вальдес был разбит при Эулате, его помощники Ораа и Эспартеро были побеждены при Ларраисаре и Дескарге, либеральные гарнизоны Толозы, Вергары, Эйбара и Дуранго принуждены были сдаться. Почти все Васконгады перешли в руки карлистов, и Зумалакарреги с четырнадцатью батальонами осадил Бильбао. Смертельно раненный перед крепостью (14 июня 1835 г.), он был заменен генералом Эрасо, который превратил осаду в блокаду. Сменивший Вальдеса дон-Фернандес де Кордова одержал над карлистами блестящую победу при Мендигоррии (16 июля). Эрасо должен был снять осаду Бильбао, и во время отступления Эспартеро разбил его у Арригорриаге. Вслед затем Эспартеро отважно прошел через всю Бискайю и утвердился в Витории. Взятие Эстельи Кордовою (16 октября) блестяще закончило наваррскую кампанию.

Но тут со стороны Эбро явился новый враг. Кабрера, бывший семинарист в Таррагоне, снял рясу и отдал на службу карлизму пламенный фанатизм, беспощадную решимость и организаторский талант. Сначала он служил под начальством Карнисеро, а затем устроил так, что последний был послан в Наварру. Но Карнисеро был взят в плен христиносами в Миранде и расстрелян, а Кабрера сделался единственным вождем карлистов в Маэстразго. Поддерживаемый духовен-

ством и привлекая крестьян соблазном добычи, он занял важные позиции в горах, укрепился здесь и в конце 1835 года был уже достаточно силен, чтобы предпринять осаду Алканьиза. В начале 1836 года генерал христиносов Ногуэрас, выведенный из себя непрерывными нападениями Кабреры, с варварской жестокостью расстрелял старую мать этого партизана. В ответ на это беспримерное зверство Кабрера приказал расстрелять жену полковника Фонтивероса и тридцать других своих пленниц — жен либеральных офицеров.

Второй период (1836—1837). Дважды отразив генерала Кордову, который пытался прорвать их линии к северу от Витории, карлисты энергично перешли в наступление. Они отрядили две экспедиции: в Кастилию и на Бильбао.

Во главе кастильской экспедиции был поставлен генерал Базилио Гомес, выступивший из Амуррио 26 июня 1836 года с 2000 человек, 150 лошадьми и 2 горными орудиями. Он занял последовательно Овиедо, Сант-Яго и Леон. Находясь под угрозой со стороны войск Эспартеро, он прошел вдоль Сиерра-Гвадаррамы, вышел ущельем Хадраке, где разбил отряд королевской гвардии, и 7 сентября соединился с Каброй. Но разбитый 20 сентября в Виллар-Робледо генералом Алаиксом, Гомес устремился в Андалузию и занял на очень небольшой срок Кордову. Будучи вынужден очистить ее, он снова поднялся к Альмадену, перешел (2 ноября) Тахо по Алькантарскому мосту и стал очень серьезно угрожать Мадриду. Он совершил ошибку, отделившись от Кабреры, с трудом отступившего в Арагон, и потому принужден был повернуть на Андалузию. Министерство решилось теперь вверить командование войсками, отправленными в погоню за Гомесом, одному молодому генералу, энергия которого приобрела уже легендарную известность в армии. В девятнадцать дней дон-Рамон Нарваэс прошел со своим войском 150 миль, догнал Гомеса и оттеснил его к Осуне (24 ноября). Но генерал Алаикс, помощник Нарваэса и друг Эспартеро, отказался пустить в дело свою дивизию; Гомес ускользнул, и Нарваэс вместо ожидаемых наград получил приказ о высылке. Он пал жертвой зависти Эспартеро. Дело в том, что генералы, служившие в войске, посланном в Перу, образовали между собой нечто вроде масонского союза и были известны в публике под именем *ayacuchos*. Алаикс и Эспартеро принадлежали к этому союзу, а Нарваэс не был его членом. Эспартеро видел в нем соперника, и Алаикс, помешав окончательному торжеству Нарваэса, угодил могущественному начальнику северной армии.

Вторая осада Бильбао длилась с 20 октября по 25 декабря 1835 года. Город, защищаемый небольшим гарнизоном и милицией, отразил три штурма и устоял против бомбардировки. Однако город неминуемо сдался бы, если бы Эспартеро не двинулся к нему на помощь.

Сначала Эспартеро был разбит карлистами на мосту Кастреханы; тогда он отступил к Португалете, перешел Нервион и напал на карлистские окопы у Лучаны (24 декабря). Исход сражения оставался сомнительным до 11 часов вечера. Но тут болевший тогда Эспартеро вскочил с постели, сел на коня и ринулся со своими солдатами в новый бой, который и дал ему победу. Бильбао был освобожден, и регентша даровала Эспартеро титул графа Лучана.

Борьба в Каталонии продолжалась без выдающихся событий. Марото, посланный дон-Карлосом, чтобы дисциплинировать каталонские банды, был разбит при встречах с силами либералов и принужден отступить во Францию. Кабрера продолжал укрепляться в Маэстразго и занял сильную позицию при Кантавиэхе, который и сделал своим плацдармом. Кампания 1837 года началась с наступательного движения христиносов. В первые дни марта Эспартеро, Эванс и Серсфильд двинулись из Бильбао, Сан-Себастиана и Пампелуны с намерением гнать карлистов до самого Эбро. Эспартеро занял Дуранго, Эванс ценою больших жертв добрался до Гернани, но Серсфильд, задержанный в Ирурсуне снежной метелью, вернулся в Пампелуну, а его отступление заставило и обоих его товарищей вернуться на их прежние позиции. В мае Эспартеро высадился в Сан-Себастиане, и ему удалось достигнуть Пампелуны, куда он 3 июня вступил с двадцатью девятью батальонами.

14 мая дон-Карлос покинул Наварру с прекрасной армией в 12 000 человек пехоты и 1700 конницы и двинулся в Каталонию. Христиносы, дав врагу занять Уэску и Барбастро, не сумели воспользоваться тем бедственным положением, в которое на время из-за недостатка припасов попала небольшая карлистская армия, и дон-Карлос, к которому подоспел Кабрера, перешел Эбро у Черты. Но вместо того чтобы итти прямо на Мадрид, как этого желал Кабрера, дон-Карлос потерял два месяца в Валенсии, был разбит у Чивы и двинулся к Мадриду лишь в начале сентября. Таким образом, он не имел возможности действовать заодно с корпусом Заратиеги, который, перейдя 23 июля Эбро, 10 августа достиг Лас Розаса, в четырех милях от Мадрида, а затем принужден был отступить до Вальядолида (18 сентября). Между тем дон-Карлос

утром 12 сентября достиг Арганды, лежащей близ самого Мадрида. Он ожидал, что весь город выйдет ему навстречу; удивленный и встревоженный враждебным поведением мадридцев, он не решился штурмовать город и ждал весь день, «чтобы господь обратил их сердца». Регентша нашла себе защитников, проехала с королевой Изабеллой по рядам войск в открытой коляске и была встречена восторженными приветствиями. Ночью дон-Карлос снялся с лагеря и передвинулся в Чилоечес, чтобы отпраздновать здесь день скорбящей божьей матери, считавшейся покровительницей его армии. Во время праздника Эспартеро прочно утвердился в Алкала де Хенарес и отрезал дон-Карлосу путь к Мадриду (17 сентября). Еще раз сразившись у Арансуэки, карлистская армия двинулась обратно на север, подобрала Заратиэги в Роа и обратно перешла Эбро (15 октября). С этого момента карлистская партия морально была побеждена.

Оставленный дон-Карлосом в Каталонии Урбизтондо тщетно пытался приучить к дисциплине каталонских партизан, «настоящих бандитов, способных разве обесславить дело, которому они будто бы служат». Тристани совершал такие жестокости, что в конце концов вся провинция восстала против него. Один Кабрера продолжал держаться в Маэстразго и простирал свои набеги до Хуэрты в Валенсии.

Третий период (1838—1840). В 1838 году карлисты еще раз попытались занять Кастилию, но Базилио Гомесу и Негри удалось только пройти через эту провинцию, не овладев в ней ни одним сильным опорным пунктом; они принуждены были вернуться в Бискайю.

В карлистском лагере царили сильнейшие раздоры. Ближайшие советники претендента находили, что он слишком снисходителен к либералам, и требовали систематического преследования черных *(negros)*. Генералы Элио, Заратиэги и Гомес казались им недостаточно благонадежными; они настояли на возвращении Марото, уже несколько лет жившего во Франции, и убедили претендента назначить его главнокомандующим.

В то время как на глазах северной карлистской армии Эспартеро очищал Бальмаседу и занимал Пеньясераду, граф д'Эспиньяк был разбит в Каталонии генерал-капитаном Меером, а Кабаньеро, сделав неудачную попытку внезапно захватить Сарагоссу, потерял 200 человек убитыми и 700 пленными. Тем временем Кабрера заставил генерала Ораа, «лысого волка», как он его называл, снять осаду Морельи, истребил 29 сентября три батальона либералов у Маэльи и расстрелял

250 пленных. В отместку толпа в Сарагоссе и Валенсии перебила пленных карлистов, находившихся под стражей в этих двух городах. Генерал-капитан Валенсии дон-Нарсисо Лопес, пытавшийся их защитить, был убит разъяренной толпой.

По отъезде дон-Карлоса Ла-Манча осталась наводненной разбойниками. Дон-Рамону Нарваэсу было поручено очистить от них страну; меньше чем в три месяца он собрал, вооружил и обучил армию в 15 000 человек и меньше чем в два месяца совершенно подавил восстание. Регентша хотела назначить его начальником резервной армии в 40 000 человек. Но, как мы видели, завистливый характер Эспартеро послужил препятствием к осуществлению этого проекта.

Раздоры в лагере карлистов способствовали торжеству либералов больше, чем победы либералистских военачальников. Марото очень скоро сделался врагом камарильи дон-Карлоса и, чтобы обезопасить себя против ее козней, в феврале 1839 года велел расстрелять без суда генералов Гарсиа, Санза и Герге. Дон-Карлос сначала объявил его бунтовщиком и изменником, но так как армия была на стороне Марото, претендент вступил с ним в переговоры и в конце концов даровал ему амнистию. Таким образом, апостолическая партия лишилась главы: дон-Карлос уже не мог считаться хозяином в своем собственном лагере.

Марото пытался энергично вести войну, но все его встречи с христиносами оканчивались для него неудачно. Эспартеро снова занял Ордунью и Дуранго, в котором долгое время находился двор дон-Карлоса. Дон-Диего Леон разбил карлистов у Беласкавина. Обе стороны желали мира, и Марото вступил в переговоры с Эспартеро. Марото тщетно пытался положить конец войне путем женитьбы сына дон-Карлоса на королеве Изабелле и безуспешно ходатайствовал о сохранении *фуэрос* в полном объеме. После нового свидания с дон-Карлосом (27 августа) он 29 августа 1839 года подписал Вергарское соглашение, положившее конец гражданской войне. Дон-Карлос уехал во Францию, где, по распоряжению Луи-Филиппа, был водворен в Бурже.

Кабрера, располагавший еще войском в 22 000 человек пехоты, 2100 конницы и 108 орудиями, решил держаться до последней возможности; чтобы одолеть его, пришлось начать новую кампанию. Она продолжалась пять месяцев (февраль—июль 1840 г.), и *кабесилья* перешел французскую границу (8 июля) лишь после того, как потерял одну за другой все свои крепости.

VI. Испания с 1840 по 1847 год

Регентство Эспартеро. Эспартеро, вождь прогрессистов и умиротворитель Испании, был в 1840 году самым популярным человеком на всем полуострове. Назначенный после отъезда Христины президентом совета, он восстановил порядок в стране и дал внешней политике Испании новое и более энергичное направление.

Но едва достигнув власти, Эспартеро предался бездействию, и умеренные решили воспользоваться раздорами среди прогрессистов и инертностью регента. В сентябре О'Доннель, Пикеро и Монтес де Ока сделали попытку поднять войска против регента. 7 октября Конча ворвался во дворец с целью похитить молодую королеву и отступил только перед мужественной твердостью дворцовой стражи («алебардистов»).

Эспартеро сурово подавил эти попытки к восстанию. Три генерала и несколько офицеров были расстреляны; ввиду того, что в Васконгадах восстание носило фуэристскую окраску, старинные фуэрос были отменены, и кастильские таможни перенесены на французскую границу. Раздражая испанцев своей чрезмерной строгостью, Эспартеро одновременно восстановил против себя Англию, отказавшись уступить ей Аннобом и Фернандо-По, и оскорбил Францию, потребовав эвакуации госпиталя, устроенного ею на Балеарских островах для своих африканских больных.

Сессия кортесов 1842 года ознаменовалась еще бо́льшими разногласиями, чем сессия 1841 года, и 28 мая оказалось, что министерство имеет в кортесах меньшинство. Эспартеро потратил два месяца на составление нового кабинета, президентом которого должен был стать, по приказанию регента, генерал Родиль.

Особенно яростное раздражение вызвал среди партий торговый договор, который Эспартеро собирался заключить с Англией. Умеренные и каталонцы воспользовались невежеством народа, чтобы выставить прогрессистов изменниками, а договор — плодом британского коварства. 13 ноября в Барселоне вспыхнул страшный мятеж; генерал-капитан ван Гален был принужден очистить город (16 ноября), и после бесплодных двухнедельных переговоров Эспартеро приказал 3 декабря бомбардировать Барселону. Четыреста домов было сожжено. Испания не простила регенту этой зверской экзекуции.

Правление Эспартеро приняло характер военной диктатуры. Казалось, Испании грозила опасность попасть в руки *Ayacuchos*, и недовольство сделалось настолько всеобщим, что мно-

гие из прогрессистов перешли на сторону умеренных. Министерство распустило кортесы, но новые выборы дали ему лишь семьдесят голосов. Родиль должен был уступить свое место депутату Лопесу, который относился враждебно к военной власти. Лопес, в свою очередь, был принужден удалиться вследствие вражды к нему Эспартеро, и 26 мая 1843 года третий кабинет во главе с президентом сената дон-Альваресом Бесеррой снова распустил кортесы. На следующий день все газеты выбросили грозный лозунг: объединение всех испанцев для борьбы с «англо-айакучами» (т. е. с айакучами, предавшимися на сторону Англии).

Падение Эспартеро. Не дожидаясь новых выборов, умеренные под предводительством О'Доннеля и Нарваэса, начали войну против регента. 27 мая 1843 года дон-Хуан Прим поднял в Реусе знамя восстания; Аликанте, Картагена, Мурсия, Вальядолид и Севилья высказались против Эспартеро. 27 июня Нарваэс, высадившись в Грао, предложил валенсийцам свою помощь против «разрушителя Барселоны». Он отправился из Валенсии в Теруэль и начал здесь формировать войско. Тогда Эспартеро решил оставить Мадрид, но вместо того чтобы итти против Нарваэса и сжать его силы между своим войском и войсками Сеонана и Зурбано, занимавшими Сарагоссу, регент направился к Севилье. Путь к Мадриду был открыт. Нарваэс быстро двинулся к столице и недалеко от нее соединился с генералом партии умеренных Аспиросом, шедшим из Вальядолида. Сеонан бросился в погоню за ним и встретил его 22 июля у Торрехон де Ардоз; но все войско Сеонана перешло в лагерь Нарваэса, и последний 23 июля, в 11 часов вечера, вступил в Мадрид. 27 июля военный министр, генерал Серрано, предупредил Эспартеро, осаждавшего Севилью, что Мадрид находится во власти Нарваэса и что если он станет продолжать военные действия, то будет признан изменником. Сначала Эспартеро, имевший еще в своем распоряжении 10 000 человек, думал итти на Мадрид. Но его солдаты стали толпами дезертировать, Кадикс высказался против него, и 30 июля, обратившись к народу с выражением протеста против свершившихся событий, несчастный «герцог победы» сел со своими приверженцами на английский корабль «Малабар».

Поражение прогрессистов. Коалиция, свергшая Эспартеро, состояла в большинстве своем из прогрессистов; но ее вождь, Нарваэс, был всецело предан реакционной партии, и народ, утомленный тринадцатилетней смутой, казалось, был готов отдать свою судьбу в руки партии умеренных.

Девять месяцев прогрессисты боролись с Нарваэсом, постепенно утрачивая все свои преимущества. 8 ноября кортесы, где умеренные составляли подавляющее большинство, объявили Изабеллу II совершеннолетней. Изабелла опять назначила президентом министерства прогрессиста Олозагу (24 ноября). Шесть дней спустя Олозага уже не видел другого спасения, кроме роспуска кортесов. Он убедил королеву в необходимости прибегнуть к роспуску, но вместо того чтобы тотчас привести декрет в исполнение, дал *камарилье* время снова переубедить королеву. Тринадцатилетней девочке внушили, что роспуск кортесов был бы с ее стороны неблагодарностью и что Олозага выманил у нее согласие хитростью. Изабелла не постеснялась даже обвинить Олозагу в желании прибегнуть по отношению к ней к насильственным мерам. Впавший в немилость министр бежал в Англию и был заменен дон-Луисом Гонзалес Браво, который очень скоро усвоил себе реакционную политику. Во всей Испании было объявлено осадное положение, установлен строжайший надзор над прессой, многие прогрессистские депутаты были брошены в тюрьму; королева Христина вернулась в Испанию, ее брак с дон-Фернандо Муньосом был официально объявлен, и Изабелла даровала мужу своей матери титул герцога Рианзарес.

Но Браво был только статистом, в действительности же главою правительства являлся дон-Рамон Нарваэс. Пожалованный в герцоги Валенсии, он 2 мая 1844 года решился принять пост министра-президента. Реакция восторжествовала.

Некоторые из консерваторов желали восстановления Королевского статута, возвращения духовенству недвижимого имущества и восстановления десятины. Но Нарваэс понял, что так далеко заходить не следует. Он распустил кортесы, добился на новых выборах большинства умеренной партии и беспощадно подавлял всякую попытку восстания, или пронунсиаменто.

Три важных дела поглощали внимание кортесов: реформа конституции 1837 года, восстановление дипломатических сношений с папой и брак королевы. Конституция была изменена в монархическом духе. Отношения с курией медленно улучшались ценою опасных уступок со стороны министерства, а вопрос о замужестве королевы принял размеры европейского события.

Брак королевы и инфанты. Австрия желала выдать испанскую королеву за сына дон-Карлоса, Англия — за одного из кобургских принцев, Франция — за принца Орлеанского; неаполитанский король предлагал своего сына, графа Тра-

пани. Чтобы выпутаться из всех этих трудностей, Мария-Христина предложила выдать королеву за ее кузена дон-Франсиско да Асис, сына инфанта дон-Франсиско де Паула. Правда, молодой принц был хвор и тщедушен, и Изабелла относилась к нему с явным отвращением, но Луи-Филипп высказался в его пользу. Герцог Монпансье собирался жениться на инфанте Луизе-Фернанде, и французский король рассчитывал, что в конце концов, если Изабелла умрет бездетной, испанская корона достанется его внукам. Нарваэс, отказавшийся содействовать планам французской партии, подал в отставку, и под эгидой ультраконсервативного министерства с Истурисом во главе 10 октября 1846 года состоялось два бракосочетания: Изабеллы II с дон-Франсиско и Луизы-Фернанды с герцогом Монпансье.

Разлад между королем и королевой обнаружился очень скоро. Изабелла приблизила к себе молодого генерала Серрано, при котором власть снова перешла к прогрессистам. Эспартеро вернулся в Испанию и был назначен пожизненным сенатором. Но Мария-Христина покинула королевство, и умеренные произвели такое давление на королеву, что она решилась снова призвать Нарваэса (3 октября 1847 г.). Для управления Испанией нужны были способности и качества, которых у Изабеллы не было. Она была добра и милосердна, и имя ее было очень популярно в Испании, но она не обладала ни политическим умом, ни волею и до своего низвержения являлась игрушкой в руках честолюбцев, оспаривавших друг у друга ее милость.

Литература и наука в Испании при Фердинанде VII. Враг всякой умственной культуры Фердинанд VII предоставил университеты их «собственным силам», отменил конкурсы на соискание кафедр, удалил лучших профессоров и закрыл с помощью полиции литературные общества.

Во время краткого конституционного периода в Мадриде возникло множество журналов, но за недостатком читателей все они превратились в политические газеты. Кортесы пытались преобразовать университеты, но все их попытки остались только на бумаге, и либеральный коллеж Сан-Матео, основанный в Мадриде Листой, был закрыт на следующий же день после вступления в Мадрид войск герцога Ангулемского.

Вторая половина царствования Фердинанда VII была в культурном отношении более плодотворна. На сцене появилось несколько хороших испанских комедий. В этот период начали приобретать известность Бретон де лос Геррерос — «испанский Скриб» — и Хиль-и-Зарате. Квинтана, бежавший

в Эстремадуру, издал несколько поэм. В мадридской академии *El Mirto* были прочитаны первые стихи Вентура де ла Вега, Патрисио де ла Эскосура и Хозе де Эспронседа.

Но царствование Фердинанда VII было более благоприятно для научной литературы, чем для поэзии. Испанская академия издала *Fuéro Jurgo*, Историческая академия — *Siete partidas*, *Юридические сочинения Альфонса X*, несколько томов *España sagrada* и *Архитектуру в Испании* Льягуно-и-Амирола. Бофаруль издал своих *Графов Барселонских*, Амат — *Церковную историю*, Наваррете — *Собрание путешествий*, Конде — *Историю арабов*, Антонио Гонзалес — *Испанские соборы*, Клеменсин — *Похвальное слово Изабелле Католической*.

Точные науки имели немного представителей. Дон-Мариано Лагаска был выдающимся ботаником и в течение четверти века пользовался европейской известностью. Лагаска прожил в изгнании до 1831 года.

Романтизм в Испании. Первая половина царствования Изабеллы II была ознаменована чрезвычайно любопытным литературным движением. Французский романтизм нашел в Испании тем более подготовленную почву, что в новой школе Испания видела — и не без основания — проявление своего собственного национального духа.

Возникло несколько литературных газет. Месонеро Романос печатал здесь свои прекрасные *Мадридские сцены*, Ларра — *Письма бедного маленького болтуна*. Первыми провозвестниками литературной реформы были Мартинес де ла Роза, Августин Дюран и Анхело де Сааведра. Драма Сааведра *Дон Алонзо, или Власть судьбы* воскресила старую кастильскую драму со всей ее напыщенностью. Одновременно с Мадридом и в Барселоне возникла литературная школа, представителями которой были поэт и музыкальный критик Пабло Пиферрер, фольклорист Мила-и-Фонтанальс и поэты Арибо и Квадрадо.

Вскоре появились на сцене лучшие комедии Бретон де лос Герреросa: *Марчелла*, *Умри и увидишь*, *Все в этом мире шутка*. Вентура де ла Вега поставил *Дон Фернандо д'Антекера*, *Смерть Цезаря* и прелестную комедию *Светский человек*. Хиль-и-Зарате написал драмы *Гузман верный* и *Карл II* и комедию нравов *Год спустя после брака*. В 1836 году рекрут из Леганеса дон-Антонио-Гарсиа Гутьерес сразу показал себя в своей драме *Трубадур* блестящим версификатором и замечательным драматургом. В 1837 году Хуан-Эухенио Гарцембуш поставил одну из классических пьес испанской сцены

Теруэльские любовники, а в следующем году — *Донью Менсию*. Дон-Хозе Зоррилья, лирический, эпический и драматический поэт, с большим успехом поставил одну за другой пьесы *Сапожник и король* (1840), *Санчо Гарсиа* (1842) и *Дон-Хуан Тенорио* (1844).

Основание мадридского Лицея (1837) обеспечило лирическим поэтам доброжелательную аудиторию. Рядом с маркизом де Молинс, пастором Диасом и Габриэлем Гарсией Тассара появляются новые крупные имена. Кампоамор издает свои *Ласки и Цветы*, донья Каролина Коронадо — грандиозную повесть *Amor de amores*, Эспронседа — песни, рассказы в стихах и лишенную всякого плана и системы поэму *Мир-дьявол*, изобилующую великолепными местами, каковы *Фантастическое введение* и неподражаемая *Песня к Терезе*. Поэзия занимает в Испании первенствующее положение, и всякий политический деятель начинает свою карьеру обязательно с попыток поэтического творчества.

По значительности и плодотворности с поэтическим творчеством в Испании может соперничать только периодическая печать. Дон-Серафин Эстебанес Кальдерон пишет *Андалузские сцены*, дон-Антонио Мария Сеговиа приобретает широкую известность своими изумительными пародиями. В 1836 году Месонеро Романос начинает издавать *Живописный еженедельник* — первый испанский иллюстрированный журнал. Мадрасо украшает своими литографиями журнал *Артист*, Феррер дель Рио издает *Лабиринт*, дон-Модесто Лафуэнте — *Fray Gerundio*. Политические газеты — *Пчела*, *Национальный вестник*, *Кормчий* — начинают с грехом пополам воспитывать политическое сознание народа, и хотя большинство писателей весьма поверхностны, хотя литература часто подражательна и ценность ее заключается больше в блеске формы, чем в серьезности идей, — во всяком случае, это яркое возрождение испанской литературы уже само по себе доказывает, что свобода сказалась в стране благоприятными последствиями и что страдания, ценой которых она была куплена, были не напрасны.

VII. Португалия с 1814 по 1847 год

Португалия в 1815 году. Англия спасла Португалию, но заставила ее дорого заплатить за эту услугу. С 1807 до 1814 года народонаселение Португалии уменьшилось на миллион, а невежество народа еще увеличилось — факт, казавшийся невоз-

можным: на тысячу новобранцев едва оказывался один умевший читать и писать. Между тем расходы двора, несмотря на отсутствие короля, оставались те же; они поглощали ежегодно 260 контос-де-реис, а ежегодный дефицит возрос до 2000 контос.[1]

Португальцы надеялись, что с водворением всеобщего мира двор вернется в Лиссабон, но Иоанн VI прекрасно чувствовал себя в Рио де Жанейро. Он знал, что его возвращение в Лиссабон явится для Бразилии сигналом к провозглашению своей независимости, а Португалия останется ему верна, хотя бы он жил и в Рио. Он приглашал знатные португальские фамилии переселяться в Бразилию.

Революция 1820 года. Восстание, усмиренное в 1817 году лордом Бересфордом, снова вспыхнуло 24 августа 1820 года в Опорто. Гарнизон под предводительством своих офицеров образовал мятежную хунту. 29 августа Лиссабон примкнул к восстанию. 9 сентября регентство созвало кортесы, которые посвятили четыре месяца выработке основ новой конституции, следуя испанской конституции 1812 года. Феодальный строй был отменен, инквизиция упразднена, администрация преобразована, церковные имущества пущены в продажу, и королю предложено вернуться в Лиссабон управлять на основании конституции.

Возвращение Иоанна VI в Португалию. Иоанн VI вернулся в Португалию 4 июля 1821 года. Ближайшим последствием его возвращения было освобождение Бразилии, провозгласившей инфанта дон-Педро императором (август 1822 г.).

Между тем кортесы восстановили против себя всю Европу своими якобинскими тенденциями, а Англию — расторжением торгового договора 1810 года. На новую конституцию в Португалии никто не обращал внимания. Не прошло и двух месяцев с открытия регулярной сессии кортесов, как граф Амаранте поднял Тразос-Монтес против конституции. Абсолютисты сосредоточили свои силы в Сантареме (май 1823 г.). Иоанн VI выехал из Лиссабона. Гражданская война казалась неминуемой, но кортесы, видя себя морально изолированными, сами разошлись, и Иоанн VI, по совету Пальмеллы, назначил хунту для составления хартии конституционной монархии. Иоанн VI охотно помирился бы с ролью конституционного короля, но королева и инфант дон-Мигуэль и слышать не хотели об умалении прерогатив короны. 30 апреля 1824 года дон-Мигуэль овладел дворцом, изгнал Пальмеллу и стал пра-

---

[1] Один контос-де-реис равнялся 210 рублям золотом. — *Прим. ред.*

вить именем своего отца, которого он будто бы освободил от тирании либералов. Но Иоанн VI, боявшийся жены и сына еще больше, нежели революционеров, сбежал и укрылся на английском судне (9 мая). Он вернулся во дворец Келюс лишь после того, как дон-Мигуэль отправился в изгнание. Созванные на основе старой избирательной системы кортесы уничтожили все достижения революции, и Португалия снова впала в анархию. Народ был до того суеверен, что многие крестьяне еще ждали возвращения дон-Себастиана, убитого в Африке в 1578 году.

Дон-Педро. Смерть Иоанна VI (март 1826 г.) вызвала новый кризис. Регентша Изабелла-Мария провозгласила королем бразильского императора дон-Педро.

Если бы дон-Педро отрекся в пользу своего брата дон-Мигуэля, как этого все ожидали, то Португалия отделалась бы только сменой наследника престола. Но дон-Педро вздумал проявить себя целым рядом чрезвычайных мер. В качестве короля он даровал Португалии хартию 26 апреля, затем отказался 2 мая от престола в пользу своей дочери доньи Марии да Глориа и, наконец, чтобы примирить все партии, обручил свою семилетнюю дочь со своим братом дон-Мигуэлем, которому было двадцать четыре года.

Португалия не препятствовала провозглашению хартии (июль 1826 г.). Дон-Мигуэль тоже признал ее и даже через поверенного обручился в Вене со своей племянницей. Но в Португалии внезапно вспыхнула гражданская война между либералами и абсолютистами. Одно время англичане пытались поддержать либералов и продлить изгнание дон-Мигуэля, но дон-Педро настаивал на своем плане и 3 июля 1827 года назначил дон-Мигуэля своим наместником в Португалии. 22 февраля следующего года дон-Мигуэль прибыл в Лиссабон, и в июне абсолютисты провозгласили его королем; почти в тот же самый момент дон-Педро пожаловал ему из Рио титул регента и прислал донью Марию в Португалию.

Дон-Мигуэль. Прибыв в Гибралтар, донья Мария узнала о захвате престола ее дядей и уехала в Англию.

Наступившая теперь монархическая *(мигуэлистская)* реакция носила исключительно гнусный характер. Видную роль в ней играло духовенство: оно измышляло всякие чудеса для возбуждения фанатизма народа и постоянно подстрекало короля покончить с либералами. «Имеются, — говорил придворный проповедник Хоано, — три способа, чтобы с ними покончить: их можно повесить, уморить голодом в тюрьме или дать им яду — да, яду, государь!»

Один из центров сопротивления образовался на Азорских островах, где эскадре дон-Мигуэля не удалось высадить войска (1829). Тем не менее претендент, вероятно, сохранил бы корону, если бы Июльская революция в Париже не лишила его необходимого союзника в лице Карла X. Дон-Мигуэль неосторожно восстановил против себя правительство Луи-Филиппа, результатом чего было появление адмирала Руссена с эскадрой на реке Тахо (11 июля 1831 г.). Почти в тот же момент дон-Педро, вынужденный отречься от бразильской короны, прибыл в Европу, чтобы лично отстаивать права доньи Марии.

Дон-Педро организовал свое правительство на Азорских островах. Он обнародовал ряд реформ и, получив субсидии и подкрепления от Франции и Англии, отплыл в Португалию.

Опорто открыл перед ним свои ворота (9 июля 1832 г.), но затем в продолжение целого года дон-Педро не мог добиться никаких успехов. Наконец, 5 июля 1833 года победа флота либералов у мыса св. Винсента дала возможность небольшому конституционному отряду занять Альгарвию, а вскоре затем и Лиссабон, эвакуированный мигуэлистами. Сражения при Альмостере (18 февраля 1834 г.) и Ассейсейре (16 мая), заключение четверного союза и вступление испанских войск в Португалию заставили дон-Мигуэля подписать соглашение в Эворамонте (27 мая) и отплыть в Геную. Таким образом, оба претендента вынуждены были искать помощи у чужеземцев. Народ мало интересовался их борьбой и, будучи предоставлен самому себе, остался бы верен самодержавному королю.

Кортесы собрались в августе 1834 года и еще раз утвердили за дон-Педро титул и права регента, но ему оставалось жить уже всего несколько дней. Донья Мария, объявленная совершеннолетней, 20 сентября присягнула на верность конституции, а четыре дня спустя дон-Педро умер во дворце Келюз, «в зале Дон-Кихота», даже без иллюзии, что оставляет Португалию свободной и умиротворенной. В январе 1835 года донья Мария вышла замуж за герцога Лейхтенбергского, сына принца Евгения. 26 марта того же года герцог Лейхтенбергский умер от ангины, а 9 апреля 1836 года донья Мария вышла замуж за принца Фердинанда-Августа Саксен-Кобург-Готского.

Мусиньо. Реформы, декретированные дон-Педро и его министром Мусиньо, упразднили старый режим в Португалии. До 1834 года главная часть государственных доходов делилась между короной, *фидальго*, владельцами майоратов и церковью; земельная рента помещика достигала иногда одной четверти валового дохода с земли. Духовенство насчи-

тывало до 30 000 человек и получало 33 336 000 франков дохода; 12 000 монахов и монахинь населяли 534 монастыря. Военные ордена кормили 3000 чиновников и насчитывали 653 командорства. Бюрократия правила на восточный лад; *capitão-mor* (капитан-майор) был настоящим восточным кади: он набирал солдат в армию и девушек в свой сераль. Большая часть земель оставалась необработанной, скотоводство стояло еще на такой первобытной ступени развития, что крестьяне не умели приготовлять даже масло и сыр. Продуктов земледелия населению хватало лишь на треть года, а чтобы прожить остальное время, ждали бразильского золота.

Мусиньо да Сильвеира задался целью убедить португальцев, что истинная Бразилия находится у них под рукою и что необходимо поделить земли «мертвой руки» (main morte) и пустить их в обработку. Его революционные декреты больше способствовали искоренению мигуэлизма, чем все усилия Европы и все армии дон-Педро. Мусиньо отменил десятину, феодальные налоги и монополии, закрыл мужские монастыри, запретил женщинам давать монашеский обет, пустил в обращение монастырские земли, ограничил право майората, сбавил наполовину поземельную подать, уничтожил наследственную передачу должностей и отделил судебные функции от административных.

Все эти реформы были произведены слишком быстро и поэтому вызвали глубокую смуту; португальцы еще не созрели для политической жизни и вносили в нее больше страсти, чем благоразумия и осторожности.

По мнению одних, пора было положить конец революции, так как все желательные результаты были достигнуты: хартия, обнародованная дон-Педро в 1826 году, даровала стране все законные реформы. Для других же эта сверху пожалованная хартия являлась лишь даром деспотизма; освобожденной нации, по их мнению, следовало бы ее отвергнуть и восстановить конституцию, вотированную кортесами 1822 года. К революционной партии примкнули абсолютисты, не желавшие ни конституции 1822 года, ни хартии 1826 года. Абсолютистам сочувствовало духовенство, часть национальной гвардии и население Лиссабона.

Сентябрьская революция. 9 сентября 1836 года, в то время как в Урике возникло движение в пользу дон-Мигуэля, лиссабонские массы подняли восстание под лозунгом «Да здравствует конституция 1822 года!» Король и королева должны были согласиться на образование министерства из прогрессистов, куда вошли граф Лумиарес и виконт Са да Бандеира.

Королева, бледная от волнения, должна была выйти на балкон дворца и против своего желания выслушать приветствия толпы. Она приняла конституцию лишь под давлением восстания. Дважды — в ноябре 1836 и в марте 1838 года — она пыталась уничтожить последствия восстания. Энергия Мануэля Пассоса парализовала первую попытку, известную в португальской истории под названием Белемского покушения *(a Belemzada)*. В 1838 году министры снова восторжествовали над дворцовыми интригами, но генералы возмутили армию, и в конце концов парламент преобразовал конституцию 1822 года в монархическом духе.

Коста Кабраль. Шесть лет «сентябристы» удерживали в своих руках власть, несмотря на ряд мятежей и пронунсиаменто, несмотря на беспрестанную смену министров. Но в январе 1842 года гарнизон Опорто провозгласил хартию 1826 года, и один из министров, Коста Кабраль, своим присутствием поощрил мятеж. Месяц спустя хартия была восстановлена, и Коста Кабраль, получивший титул графа Томар, был назначен министром-президентом. В течение четырех лет он был настоящим диктатором.

Вторая гражданская война. В апреле 1846 года по всей Португалии вспыхнуло страшное восстание против бюрократического правления Кабраля. Крестьянин, которому либеральные идеи все еще оставались совершенно непонятными, возмутился, когда его захотели хоронить на кладбище, «под открытым небом, как собаку». Восстание охватило всю страну, и потребовалось бы 100 000 человек, чтобы его подавить. Мигуэлисты и «сентябристы» одновременно взялись за оружие; и те и другие выражали намерение переменить династию. Салданья тщетно пытался спасти последнюю; понадобилось вмешательство Англии, чтобы одолеть мятежную хунту в Опорто; город сдался лишь 26 июня 1847 года. Но это восстание не было последним. Португалии понадобилось не меньше времени, чем Испании, чтобы завершить свое политическое воспитание.

ГЛАВА VII

РЕВОЛЮЦИЯ 1830 ГОДА ВО ФРАНЦИИ

I. Последнее либеральное министерство

Министерство Мартиньяка. Министерство, назначенное 4 января 1828 года, принимало власть при довольно неблагоприятных условиях. Оно не могло рассчитывать ни на благосклонность короля, ни на сплоченное большинство в палате. В первом же заседании совета министров Карл X ясно выразил свои желания: «Его система была моей системой, — сказал он о Виллеле, — и я надеюсь — вы будете по возможности сообразоваться с нею». В палате 170 либеральных и 70 крайних правых депутатов, образовавшие большинство против Виллеля и его политики, — если не считать общей ненависти к низвергнутому министру, — не могли иметь и не имели ни одной общей идеи, ни одного объединявшего их интереса. Правая и правый центр, где министерство естественно должно было искать поддержки, насчитывали всего 130 депутатов. Мартиньяк и его коллеги рассчитывали найти среди либералов недостававшее число необходимых им голосов, чтобы вместе с правым центром составить большинство. Таким образом, политика нового кабинета приближалась к политике, некогда проводившейся Деказом.

Мартиньяк, фактически управлявший министерством не имея звания председателя совета министров, в глазах общественного мнения был тогда фигурой второстепенной и «мелкой монетой, на которую разменяли Виллеля». Он еще ничем не отличился. Бордосский адвокат при Империи, Мартиньяк вступил на государственную службу после второй реставрации. Сделавшись с 1821 года депутатом, он стал решительным сторонником войны с Испанией, так же как и уплаты миллиарда в вознаграждение эмигрантам. Виллель назначил его генерал-директором главного управления гербового сбора и государственных имуществ. Но, будучи сотрудником Виллеля, Мартиньяк остался чужд честолюбивым страстям своего принци-

пала. Он отличался возвышенным духом, умеренностью, благородством и искренно желал сблизить короля с народом. По его собственному выражению в особой декларации, напечатанной в *Монитере*, он хотел «заставить уважать достоинство короны и королевский авторитет, обеспечить лойяльное и добросовестное исполнение хартии, управлять страной в нераздельных интересах трона и граждан». Этим он напоминал Ришелье, на которого походил также и полным отсутствием личного честолюбия. Но все его качества до времени оставались под спудом: он проявил их, лишь получив власть.

Возврат к либеральной политике. Первые меры, принятые министерством, свидетельствовали о его намерении следовать либеральной политике. Дирекция общей полиции, этот пережиток министерства полиции времен Империи, была упразднена, и префект полиции Делаво, человек вполне преданный Конгрегации, смещен. Гораздо более знаменательным актом было учреждение ордонансом 22 января комиссии, уполномоченной «обсудить мероприятия, каких может потребовать распространение действия государственных законов на преподавание в церковных средних школах». Подбор членов комиссии, составленной из епископов, пэров и депутатов всех партий, доказывал, каким искренним стремлением к справедливости было одушевлено министерство. Но учреждение комиссии свидетельствовало также о решимости заставить всех, даже иезуитов, относиться с уважением к закону. Наконец, народное просвещение было изъято из министерства духовных дел и преобразовано в особое ведомство, во главе которого был поставлен Ватимениль. В то же время в Сорбонне снова были разрешены запрещенные Виллелем курсы Гизо и Вильмэна.

Как только открылась сессия и Ройе-Коллар, избранный в семи округах, был королем назначен председателем палаты, проверка полномочий дала либералам повод к целому ряду враждебных манифестаций против Виллеля. Они протестовали против давления, произведенного во многих местах префектами. Эти дебаты побудили Мартиньяка изложить в палате программу честной политики, которой он намеревался следовать. «Мы поставим добросовестность, — сказал он, — на первый план в ряду требований, предъявляемых нами всем чинам администрации, ибо для нас, министров короля, взятое нами на себя полномочие, точно так же, как и для вас — ваше, есть завет чистосердечия, лойяльности и французской чести».

Но либералы отнюдь не были склонны ограничиться одними только словесными выпадами против Виллеля. Они хотели заклеймить его официальным порядком; многие даже желали

формального обвинения. Для посрамления Виллеля либералы воспользовались ответным адресом на тронную речь; этот адрес был принят большинством тридцати четырех голосов, причем Мартиньяк отказался принять участие в дебатах, не желая быть «ни обвинителем, ни защитником павшего правительства». «Франция, — говорилось в адресе, — желает только, чтобы уполномоченные вами (королем) представители власти не мешали осуществлению ваших благодеяний. В своих жалобах она обвиняет лишь *плачевную систему*, слишком часто делавшую ваши благодеяния иллюзорными. По великой милости вашего величества дух раздора исчез навсегда. Освобожденная своим королем Франция видит одну из главных своих гарантий в мощном и попечительном авторитете, принадлежащем вашей короне». Король, крайне раздраженный обвинением, направленным против его любимого министра, сумел, однако, скрыть свою досаду.

Что касается ходатайства о предании суду, то оно было спустя три месяца доложено Лабей де Помпьером: Виллель обвинялся здесь в государственной измене и лихоимстве. Специально избранная комиссия высказалась за возбуждение судебного следствия по указанным обвинительным пунктам. Но этот доклад не обсуждался, ибо сессия была закрыта тотчас после утверждения бюджета.

Законы об избирательных списках и о печати. Дополнительные выборы, обусловленные несколькими кассациями выборов и перебаллотировками, могли только поощрить Мартиньяка к продолжению либеральной политики: из 51 мандата — 40 досталось либералам. Виллеля это побудило бы принять меры к усилению давления администрации на выборы; Мартиньяк, напротив, внес проект закона о составлении избирательных списков, долженствовавшего дать избирателям широкие гарантии против всякого давления со стороны представителей центральной власти: отныне в каждой коммуне избирательный список должен был расклеиваться с 15 августа по 1 января, после чего он считался не подлежащим дальнейшим изменениям; каждое лицо, поименованное в списке, имело право требовать внесения или устранения избирателя, не внесенного или неправильно включенного в список. Этот закон, принятый в палате большинством 150 голосов, прошел также и через палату пэров, несмотря на резкую и нетерпимую оппозицию членов, назначенных при Виллеле.

То же случилось и с новым законом о печати и периодических изданиях, выработанным Порталисом. Этот закон отменял всякую монополию, предварительное разрешение, предвари-

тельную цензуру и судебное преследование за общее направление; он сохранял, впрочем, систему залогов и лишал коллегии присяжных права выносить приговоры по делам о печати. Усилия одной части левой и всей крайней правой провалить проект разбились о прямодушие и красноречие Мартиньяка, которого Бенжамен Констан зло назвал «стыдливым конституционалистом», но которому Ройе-Коллар в конце прений сказал: «Франция гордится вами!»

Июньские ордонансы. Если закон о печати только отчасти удовлетворил либералов, зато меры, принятые против дозволенных конгрегаций и церковных учебных заведений, встретили полное их одобрение, точно так же, как и одобрение со стороны галликанцев школы Монлозье и всех, кому надоело заведомое и постоянное вмешательство духовенства в дела государственного управления. Мартиньяк почти силой добился ратификации королем ордонансов 16 июня 1828 года. Его поддержал при этом епископ Бовесский, монсиньор Фетриэ, преемник на посту министра духовных дел аббата Фрейсину, вышедшего в отставку после того, как был возбужден вопрос о предании суду министерства Виллеля.

Первый ордонанс подчинял малые семинарии надзору Университета (ведомства народного просвещения); директора и преподаватели должны были давать подписку в том, что не принадлежат ни к одной из недозволенных конгрегаций. Ордонанс был контрассигнирован Порталисом. Он был направлен прямо против иезуитов. Второй ордонанс заявлял, что малые семинарии, организованные во время Империи для пополнения рядов духовенства, уклонились от своего первоначального назначения, он ограничивал число учеников, которые могут быть в них приняты, двадцатью тысячами и учредил 8000 стипендий по 500 франков взамен платы за казеннокоштных учеников, составлявшей дотоле главный доход малых семинарий. Несколько дней спустя палата одобрила эти ордонансы, приняв громадным большинством голосов предложение о передаче на рассмотрение министров петиций об упразднении ордена иезуитов.

Часть епископов с архиепископом Тулузским, кардиналом Клермон-Тоннером, во главе восстала против того, что конгрегационистские газеты называли притеснительными мерами. В *Записке Французских епископов к королю*, составленной архиепископом Парижским, епископы, торжественно изъявляя королю свою покорность, утверждали, однако, что совесть не позволяет им принять вновь изданные постановления, в особенности те, согласно которым директора малых семи-

нарий должны были утверждаться гражданской властью и члены неразрешенных конгрегаций не могли занимать в семинариях никаких должностей. Правительство прибегло к уловке, заручившись папским посланием (brevet), в котором указывалось, что папа не видит в ордонансах никакого посягательства на права епископов и отнюдь не имеет намерения навязывать французскому правительству конгрегации, недозволенные законами королевства.

Оппозиция роялистов и либералов. Тем не менее ордонансы вызвали сильное недовольство против Мартиньяка со стороны очень многих правых депутатов. Он должен был теперь отказаться от надежды составить при их помощи большинство. Принятие бюджета, непосредственно предшествовавшее закрытию сессии, было его последним успехом. Отныне он вынужден был искать свою главную опору у либералов. Однако среди них оказалось слишком много неосторожных и нетерпеливых людей, не желавших и слышать о тех осторожных и умеренных уступках, на которые был готов Мартиньяк. Недовольные из среды левой и правой составляли почти большинство, и существование министерства находилось теперь под ударами коалиции, аналогичной той, которая низвергла Виллеля. При первой неудаче в палате кабинет должен был пасть, потому что король, конечно, не стал бы поддерживать министров, не пользовавшихся его симпатиями. Отставка Ла Ферронэ, вынужденного по болезни покинуть пост министра иностранных дел, послужила для Карла X удобным поводом сделать некоторые изменения в личном составе министерства: ввести в него своего человека — князя Полиньяка, тогдашнего посла в Лондоне. Король призвал князя в Париж, и только угроза Мартиньяка и Порталиса выйти в отставку заставила короля на время отказаться от своего плана. Портфель министра иностранных дел временно был вверен Порталису.

Сессия 1829 года. Читая тронную речь короля, которой была открыта сессия 1829 года, никто не мог бы догадаться об упорной враждебности Карла X ко всем либеральным идеям. Король хвалился только что достигнутым упрочением греческой независимости, в области внутренней политики он указывал на освобождение печати, выражал удовольствие по поводу благоразумной твердости, с которой приводились в исполнение ордонансы 16 июня. Затем он наметил вопросы, подлежащие рассмотрению палаты, и в числе важнейших назвал выработку закона об организации муниципального и департаментского управления, которое должно обеспечить

общинам справедливое участие в разрешении вопросов, затрагивающих их интересы. «Благо Франции, — говорилось в конце речи, — должно заключаться в искреннем единении королевского авторитета с вольностями, освященными хартией». Палата призывалась сделать это единение более тесным и прочным: «Вы выполните эту счастливую миссию как верноподданные и лойяльные французы, и вашим стараниям равно обеспечены и помощь вашего короля и признательность общественная». Речь была встречена громкими рукоплесканиями. Председательство в палате снова досталось Ройе-Коллару.

Однако инцидент, происшедший при обсуждении адреса в палате пэров, ясно обнаружил тайные замыслы Карла X. Князь Полиньяк, некогда страстно восстававший против хартии, счел нужным заявить, что, «по его мнению, французские государственные учреждения во всех отношениях примиряют силу и достоинство трона с разумной независимостью нации; поэтому он поступил согласно со своей совестью и убеждениями, обязавшись содействовать сохранению этих учреждений». Это было первым шагом по пути к министерской кандидатуре и как бы исповеданием принципов, рассчитанным на то, чтобы задобрить общественное мнение. В действительности же эта речь встревожила общество. Не менее опасным показалось и то обстоятельство, что во время голосования адреса в палате депутатов почти вся правая воздержалась, хотя текст адреса заключал в себе только выражение благодарности королю.

Законопроекты о коммунальном и департаментском управлении. 9 февраля Мартиньяк внес два законопроекта — о коммунальном и департаментском управлении. До сих пор, по системе, установленной во время Империи, все генеральные советы, как окружные, так и муниципальные, назначались правительством, строго опекавшим их. Мартиньяк считал необходимым привлечь народ к управлению его собственными делами и полагал, что коммунальные и департаментские собрания послужат своего рода школами для подготовки нового поколения политических деятелей. Прямое назначение должностных лиц королевской властью проект заменял избранием в особых избирательных коллегиях. Только мэры должны были назначаться прежним порядком. Оба проекта, на первых порах очень одобрительно встреченные депутатами левой, показались им недостаточно либеральными, когда дело дошло до прений. Себастиани, докладчик проекта о департаментских собраниях, предложил, по совету Гизо, существенные и логичные поправки и требовал, в частности, чтобы все

парламентские избиратели являлись уже в силу этого факта членами департаментских и коммунальных избирательных коллегий. Далее он предлагал упразднить окружные советы. Мартиньяк отказался принять эти поправки, может быть, в надежде снова привлечь на свою сторону многочисленных роялистов, которые, несмотря на то что при Людовике XVIII настоятельно требовали выборной системы для организации советов, теперь принципиально отвергали ее как институт революционный и способный ослабить авторитет короля. «Демократия, — сказал Ла Бурдоннэ, — только и ждет результатов ваших совещаний, чтобы все захватить в свои руки». Мартиньяк отказался итти на компромисс еще и потому, что король, которого он с великим трудом заставил принять его проекты, без сомнения, не согласился бы ни на какую новую уступку. Но его старания были тщетны. Вопреки требованию министра палата решила поставить на обсуждение департаментский закон раньше муниципального и затем вотировала упразднение окружных советов. Результат голосования вызвал сильнейшее волнение. Министры оставили зал. Час спустя они вернулись с заявлением, что оба проекта взяты обратно. «Ведь я говорил вам, — воскликнул Карл X, когда Мартиньяк пришел испросить у него согласие на эту крайнюю меру, — с этими людьми ничего не добьешься!»

Отставка министерства Мартиньяка. Неудача, постигшая министров, доставила королю живейшее удовольствие, и он тотчас же принялся подыскивать им заместителей. Карл X решил оставить министерство Мартиньяка только до принятия бюджета на 1830 год. Однако, не дожидаясь даже закрытия сессии, он призвал в Париж князя Полиньяка, которого намеревался сделать главой нового министерства, вполне отвечавшего его идеалу. Со времени злополучной неудачи Мартиньяка у всех зародилось предчувствие, что готовится нечто важное, и это тревожное чувство было даже во всеуслышание высказано с трибуны генералом Ламарком: «Тысячи зловещих слухов циркулируют в столице и возбуждают смятение в департаментах. Боятся нового усиления гнета, считают возможными те нарушения хартии... те государственные перевороты, которыми нам грозят некоторые павшие министры, призывающие хаос, чтобы вернуться к власти. Уцелев в стольких кораблекрушениях, мы не желаем вновь искушать провидение. Печальный опыт слишком хорошо научил нас, что народы также умеют производить государственные перевороты». При характере Карла X по-

добные слова должны были только еще более раздражить его против либералов и расположить к крайним мерам.

II. Революция 1830 года

Министерство Полиньяка. Сессия закрылась 31 июля 1829 года. 8 августа королевский ордонанс определил состав нового министерства: министром иностранных дел был назначен князь Полиньяк, военным — предатель 1815 года Бурмон, [1] морским — адмирал де Риньи, внутренних дел — Ла Бурдоннэ, юстиции — Курвуазье, духовных дел и народного просвещения (эти два ведомства снова были соединены в одно министерство) — Монбель, финансов — Шаброль. Последний согласился принять портфель лишь под давлением короля. Хотя он и был сотрудником Виллеля, но понимал все же, какую большую ошибку делает правительство. «Если бы г. Мартиньяк жил в Китае, — сказал он князю Полиньяку, — следовало бы снарядить флот, чтобы доставить его оттуда».

Все понимали важность решения, принятого Карлом X. Меттерних писал 13 августа: «Перемена министерства имеет громадное значение. Все новые министры — роялисты чистой воды. Да и вообще это событие носит характер контрреволюции». Таково было общее впечатление: французы, без различия партий, увидели в этом решении начало контрреволюции. Газеты, роялизм которых стоял вне подозрений, тотчас напали на новое министерство в необыкновенно страстных выражениях. Бертэн писал в *Журналъ де Деба*: «Итак, снова порвана связь любви и доверия, соединявшая народ с государем. Опять двор с его закоренелой злопамятностью, эмиграция с ее предрассудками, духовенство с его ненавистью к свободе встали между Францией и королем». Задавшись вопросом, что сделают министры, чтобы противостоять ненависти, которую способны навлечь на них самые их имена, Бертэн продолжал: «Будут ли они искать опоры в силе штыков? Но штыки стали понятливы: они знают и уважают закон... Хартия обладает теперь престижем, о который разобьются все усилия деспотизма. Народ уплачивает миллиард, если закон у него этого требует, а приказы ми-

---

[1] В 1815 году перед битвой при Шарлеруа генерал Бурмон изменил Наполеону и перебежал в лагерь Блюхера. Блюхер отказал ему в личном приеме, заявив: «Передайте изменнику Бурмону, что я его теперь считаю собачьей нечистотой». — *Прим. ред.*

нистра не вынудят у него и двух миллионов. Несчастная Франция! Несчастный король!» «Кобленц! Ватерлоо! 1815! — вот три принципа этого министерства, — писал он в другой раз. [1] — Давите и крутите это министерство сколько хотите, — вы не выжмете из него ничего кроме унижений, бедствий и опасностей!» За эти статьи Бертэн был приговорен в первой инстанции к штрафу в 500 франков и шестимесячному заключению; однако по апелляции его оправдали. Адмирал де Риньи, назначенный министром без предварительного запроса о его согласии, подал в отставку, чтобы не сидеть рядом с Бурмоном, и даже герцог Ангулемский сказал одному близкому человеку: «Это — авантюра, а я их не люблю: они никогда не приносили нам счастья».

Беспокойство Франции вполне оправдывалось прошлым Полиньяка и некоторых его сотрудников.

Мать князя Жюля де Полиньяка была ближайшей подругой Марии-Антуанетты; самая его фамилия стала непопулярной еще со времени революции. Будучи замешанным в заговоре Кадудаля и осужденным на смерть, Полиньяк избежал казни благодаря заступничеству Жозефины. В 1815 году он заявил протест против хартии и долго отказывался присягнуть ей. Связанный тесной дружбой с графом д'Артуа, князь при Людовике XVIII был одним из членов котерии, обосновавшейся в павильоне Марсан, а при Карле X — одним из инициаторов наиболее ненавистных мероприятий, между прочим — закона о праве первородства. На посту посла в Лондоне Полиньяк выказал себя довольно ловким дипломатом. Это был человек недалекого ума, самонадеянный, очень склонный к мистицизму, почти «духовидец»: он был убежден, что получает внушения непосредственно от святой девы, которая явилась ему и призвала на спасение Франции. Недавние заявления Полиньяка в пользу хартии, сделанные в палате пэров, никого не убедили и не изгладили воспоминания о его предшествующем отказе от присяги в 1815 году

Ла Бурдоннэ всегда выказывал себя пламенным ультрароялистом, ожесточенным врагом революции и отъявленным сторонником всевозможных реакционных мер. Что же касается Бурмона, то никто не забыл его измены в 1815 году, —

---

[1] В Кобленце в годы революции сосредоточивалась армия эмигрантов и интервентов против Франции. Ватерлоо и вся эпопея 1815 года соединялись в умах французов с позорным изгнанием Бурбонов при появлении Наполеона с острова Эльбы и с еще более позорным их возвращением «в обозе союзников» после поражения императора. — *Прим. ред.*

того, как утром в день сражения при Шарлеруа он бросил свою дивизию перед лицом неприятеля и перешел в прусскую армию.

Либералы готовятся к отпору. Орлеанская партия. Предвидя скорый натиск со стороны властей, либералы сочли своим долгом организовать самооборону и легальное противодействие исключительным мерам. Движение началось в Бретани, где была основана *лига сопротивления*, ставившая себе задачей массовый отказ от платежа податей. Члены лиги устраивали складчину для возмещения штрафов, связанных с этим отказом. Вторая такая же лига образовалась в Лотарингии. Газеты горячо приветствовали эти попытки; привлеченные к суду, они были осуждены, но только за оскорбительные нападки на министров. С другой стороны, общество «Aide-toi, le ciel t'aidera» разрасталось, и рядом с первыми его основателями — либералами и конституционалистами, как Гизо и герцог де Бройль, — в него теперь вступили активные элементы — республиканцы, например: Жубер, Годфруа Кавеньяк, Бастид. Многочисленные разветвления этого общества в провинции необычайно укрепляли его силу.

Общественное мнение энергично высказывалось против министерства. Поездка Лафайета по департаментам Роны и Изера превратилась в своего рода триумфальное шествие, потому что Лафайет был в глазах народа как бы воплощением Великой революции и свободы. Часть политических деятелей уже сознавала, что конституционный режим несовместим с легитимной монархией, и помышляла о перемене династии. История Англии была тогда в моде: готовясь не платить податей, французы вспоминали о Гэмпдене и мечтали о Вильгельме Оранском, подготовляя воцарение герцога Орлеанского. Еще в 1815 году, во время Ста дней, Фуше сделал попытку организовать орлеанистскую партию. В 1829 году ее составили Талейран и барон Луи при содействии Тьера и Минье. 3 января 1830 года начала выходить новая газета *Насьоналъ (National)* под редакцией Армана Карреля; она заменила *Конституционалиста* и должна была служить органом новой партии. Падение Стюартов в Англии в XVII веке сделалось одной из ежедневных тем газеты, восхвалявшей *консервативную* революцию 1688 года, которая сменила лиц, не тронув учреждений.

С своей стороны, роялистская печать не только не старалась хотя бы умеренностью тона рассеять беспокойство страны, но, напротив, требовала от министров крайних мер и обсуждала всевозможные проекты нажима на закон. Она настаивала

на необходимости распустить палату и закрыть либеральные общества и рекомендовала посредством королевского ордонанса установить новую избирательную систему и даже диктатуру.

Бездействие министерства. Открытие сессии. Между тем министерство ничего не делало, как бы изумляясь возбуждению, вызванному в стране. По выражению Гизо, оно боялось самого себя и своей репутации. В нем произошли некоторые перемены еще до того, как оно явилось перед палатой. Место де Риньи занял д'Оссэ; Ла Бурдоннэ с досады подал в отставку в тот же день, когда Полиньяк был назначен председателем совета министров, и министром внутренних дел стал Монбель, а портфель народного просвещения получил Гернон-Ранвиль. Между министрами не было ни малейшего единства во взглядах. Если Полиньяку улыбалась мысль управлять без палаты и изменить посредством ордонансов законы о выборах и о печати, то Гернон-Ранвиль, наоборот, заявлял, что это был бы «крайне насильственный государственный переворот... и нарушение присяги, что такой поступок неприличен ни для короля, ни для министров».

Решено было созвать палаты на 2 марта. Король был чрезвычайно раздражен. Герцогине Гонто-Бирон, воспитательнице его внуков, которая нашла слишком строгим показанный ей набросок тронной речи, он ответил: «Они этого заслужили. Всюду и особенно в Париже возникают интриги против моей власти. Клянусь вам, я не могу вынести этого; порою мне хочется бросить все и уйти».

«Пэры королевства, депутаты департаментов, — говорил король, — я не сомневаюсь в вашей готовности содействовать моим благим намерениям и отвергнуть коварные внушения злонамеренных лиц. Если преступные козни воздвигнут на пути моего правительства препятствия, о которых я не хочу наперед говорить, я почерпну силу, чтобы преодолеть их, в моей решимости поддержать общественное спокойствие, в справедливом доверии французов и в любви, которую они всегда выказывали своему королю».

Адрес 221. Отсрочка сессии палаты. 18 марта председатель палаты Ройе-Коллар представил королю адрес, принятый большинством 221 голоса против 181. Ройе-Коллар и Гизо составили этот адрес при содействии Этьенна. Они хотели выказать величайшее почтение к королю, но в то же время заставить его выслушать всю правду. «Правде довольно трудно бывает пробраться в королевские кабинеты, — сказал Гизо

с трибуны, — постараемся же, чтобы она явилась туда не слабой и бледной; пусть будет так же трудно не узнать ее, как и обмануться в искренней лойяльности наших чувств».

«При единодушной любви и уважении, которыми окружает вас ваш народ, — гласил адрес, — обнаруживается в умах живейшая тревога, смущающая покой, который начала было вкушать Франция... Наша совесть, наша честь, верность, на которую мы присягнули вам и которую вечно будем сохранять, налагают на нас обязанность раскрыть перед вами причины этой тревоги. Государь, хартия, которой мы обязаны мудрости вашего августейшего предшественника, чьи благодеяния ваше величество твердо решили упрочить, формально признает за страной право на участие в обсуждении государственных нужд. Постоянное единение политических взглядов вашего правительства с пожеланиями вашего народа она ставит непререкаемым условием правильного хода всех государственных дел. Государь, наша верность и преданность заставляют нас сказать вам, что единения этого более не существует. Руководящей идеей администрации является теперь несправедливое недоверие к чувствам и разуму Франции... Между теми, кто неспособен понять чувства нации столь спокойной и столь верной, и нами, приносящими в ваше лоно скорбь целого народа, высокая мудрость вашего величества пусть учинит свой выбор».

Таким образом, на угрозы Карла X палата отвечала просьбой об отставке министров. На следующий день, 19 марта, в обеих палатах был прочитан королевский ордонанс, которым сессия палат отсрочивалась до 1 сентября. Это было как бы прелюдией к роспуску палат, который на деле был уже бесповоротно решен. Всем стало ясно, что надо ждать самых отчаянных авантюр.

«А! вы намерены отсрочить сессию? — сказал Талейран одному из министров. — В таком случае я покупаю себе поместье в Швейцарии».

Роспуск палаты. Но недостаточно было отсрочить сессию и подготовлять роспуск палаты: надо было принять меры против вероятного сопротивления со стороны либералов, — и д'Оссэ предложил правительству выяснить, может ли оно положиться на верность войск. Полиньяк счел эту предосторожность излишней. Между тем либералы организовались, не теряя минуты. Их первой манифестацией был грандиозный банкет на 700 приборов, устроенный 1 апреля в ресторане «Vendanges de Bourgogne». Одилон Барро, главный органи-

затор этого банкета, произнес тост в честь 221 депутата, отказавших правительству в помощи, и воскликнул, что «в борьбе между законом и произволом победа не может быть сомнительной».

14 апреля Полиньяк представил королю секретный доклад, где, признавая, что «представительное правление вошло в нравы французского народа», заявлял вместе с тем, что для упрочения этого порядка может понадобиться некоторое легкое и временное «уклонение». 21-го решено было распустить палату вопреки мнению Курвуазье и Шаброля, после чего эти два министра вышли в отставку. Их примеру последовал бы и д'Оссэ, если бы не вмешательство герцога Ангулемского, доказавшего необходимость его присутствия в тот момент, когда заканчивались приготовления к экспедиции против алжирского дея.

Министерство пополнилось новыми членами лишь без малого месяц спустя. Министром юстиции был назначен Шантелоз, старший председатель гренобльской судебной палаты; учредили новое министерство общественных работ, вручив портфель его Капеллю, префекту Сены-и-Уазы, который считался мастером по части предвыборных махинаций. Наконец, министром внутренних дел вместо Монбеля, принявшего портфель министра финансов, стал Пейронне. Назначение Пейронне, более решительного и грубого, чем когда-либо, показывало, что правительство готово на самые крайние меры. Полиньяк добился всех этих перемещений, не спрашивая мнения своих коллег.

16 мая был обнародован ордонанс о роспуске палаты. Избиратели по округам созывались на 23 июня, по департаментам — на 3 июля; палата должна была собраться 3 августа. Эта мера внушила живейшее беспокойство даже людям, беззаветно преданным династии. «Монархия, — писал Виллель, — производит на меня впечатление крепости, под которую во всех направлениях подведены мины и контрмины, так что достаточно малейшей искры, чтобы взорвать ее на воздух». Сальванди на балу у герцога Орлеанского повторил знаменитое изречение: «Мы пляшем на вулкане». Король сделал одну лишнюю ошибку, непосредственно вмешавшись в борьбу и опубликовав 13 июня заявление, в котором выражал твердое желание сохранить хартию, но вместе с тем и защищать права короны: «Избиратели, спешите сходиться в ваши собрания! Этого требует ваш король; к этому вас призывает он, ваш отец. Исполняйте ваш долг, я сумею исполнить свой!»

По мере приближения срока выборов беспокойство усиливалось. Успех либералов, превосходно дисциплинированных, был заранее ясен для всех, кроме короля и Полиньяка. Поэтому министр не принимал никаких мер, чтобы предотвратить поражение. *Глоб* очень метко характеризовал его словами, что «лично министр обладает большой решимостью, но не знает, к чему ее применить». Австрийский посол Аппоньи писал Меттерниху: «Это — мильтонов рай сумасшедших; их состояние весьма плачевно, но они все время считают себя в вожделенном здравии».

Выборы. Лозунгом либералов было переизбрание 221. 23 июня выборы, хотя и произведенные наиболее аристократической частью избирательного корпуса, дали 57 министерских депутатов и 140 оппозиционных. Не менее сильное поражение потерпело министерство на выборах 7 и 19 июля (последние состоялись в 20 департаментах, где они были умышленно отсрочены вследствие враждебного настроения избирателей). Из 221 переизбраны были 202; оппозиция насчитывала 270 голосов, министерская партия в палате сократилась до 145. Известие о взятии Алжира, сообщенное 9 июля по телеграфу, не оказало никакого влияния на исход выборов.

Зато это известие сильно и самым пагубным образом повлияло на решения, к которым пришли король и его министры. Они думали, что успех французского оружия позволит им навязать стране свою волю. Виллель в тот же день, 9 июля, почувствовал опасность. «Очень вероятно, — писал он, — что министры вовлекут несчастного короля и страну в плохо подготовленные, плохо задуманные и плохо осуществляемые перевороты и тем нанесут тяжелый удар принципу легитимизма, нашей чести и нашему благоденствию». Королю следовало пойти на уступки, дать отставку министрам; эта уступка удовлетворила бы большинство либералов, которые начинали уже опасаться последствий борьбы и своей победы. Наиболее самовластные государи, особенно русский царь через своего посла Поццо ди Борго и через французского посла Мортемара, склоняли короля к примирительным мерам. Но скудно одаренный в умственном отношении Карл X был упрям. «Уступки погубили Людовика XVI, — говорил он. — Мне остается сесть либо на лошадь, либо в тележку палача».

Ордонансы. 29 июня министры обсудили вопрос о том, как может быть использована статья 14 хартии: «Король является верховным главой государства. Он командует сухопутными и морскими силами, объявляет войну, заключает мирные, союзные и торговые договоры, замещает по своему выбору все

административные должности и издает регламенты и ордонансы, необходимые для исполнения законов и безопасности государства». 7 июля решено было дать новое толкование хартии посредством ордонансов: кассировать выборы и издать новый избирательный закон и закон о печати. Возражал один Гернон-Ранвиль, назвавший эти меры «экстралегальными»; однако в воскресенье 25 июля в Сен-Клу он подписал ордонансы, как и д'Оссэ; который накануне, при чтении их текста, выработанного Шантелозом, также выразил свое неодобрение. Сам король, хотя был искренно убежден в правомерности и законности своего решения, под конец, прежде чем подписать, на минуту поколебался. «Чем больше я думаю об этом, — сказал он, — тем более убеждаюсь, что иначе поступить невозможно». Д'Оссэ поглядел на стены, и на вопрос Полиньяка «Что вы ищете?» отвечал: «Портрет Страффорда». [1]

Ордонансы, хранившиеся в строгой тайне, появились 26 июля в *Монитере*. Их было всего четыре.

Первый упразднял свободу печати и восстанавливал режим предварительных разрешений, которые всегда могли быть взяты назад и должны были возобновляться через каждые три месяца.

Второй объявлял палату распущенной.

Третий представлял собой новый избирательный закон. Число депутатов было определено в 258. Состав выборных коллегий был изменен, число избирателей было сокращено на три четверти. Палата лишалась права вносить поправки в законопроекты.

Четвертый ордонанс созывал избирателей на 6 и 13 сентября и назначал открытие сессии палат на 28 сентября.

Не было принято никаких мер на случай массовых беспорядков; правительство совершенно положилось на заверения префекта полиции Манжена, объявившего, что Париж и не пошевельнется. Полиньяк тем легче поверил этому, что считал — и не без основания — народную массу равнодушной к выборной системе и готовой удовлетвориться огромным ростом материального благосостояния. [2] Одна буржуазия была

---

[1] Он имел в виду министра английского короля Карла I, лорда Страффорда, казненного по особому биллю Долгого парламента в начале английской революции. Этот билль подписал сам король Карл I, хотя все свои беззакония Страффорд совершал в течение 11 лет (1629—1640) самодержавного правления Карла — в прямом согласии с королем. Д'Оссэ намекнул тут, что он ждет и для них, министров Карла X, той же участи. — *Прим. ред.*

[2] Автор совсем забывает о полуголодном существовании 60 процентов рабочего населения Парижа в 1830 году — *Прим. ред.*

задета ордонансами; и правительство полагало, что она не посмеет взяться за оружие и не найдет союзников среди рабочих. Поэтому власть имела под рукой, в Париже и Версале, лишь 14 000 человек и не сделала никаких распоряжений о быстрой переброске в столицу в случае нужды 25 000, собранных в то время в Люневильском лагере, и кавалерийской дивизии из Сент-Омера. Карл X уехал охотиться в Рамбулье, а оттуда — во дворец в Сен-Клу.

26 июля: законное сопротивление. Ордонансы, напечатанные 26-го утром в *Монитере*, довольно поздно дошли до сведения публики. На бирже рента упала на 6 франков. Журналисты, собравшиеся в редакции газеты *Конституционалист*, решили обнародовать протест, составленный Тьером в чрезвычайно энергичных выражениях: «Действие правового порядка прервано, начался режим насилия. Правительство нарушило законность и тем освободило нас от обязанности повиноваться. Мы попытаемся выпускать газеты, не испрашивая навязанного нам разрешения. Правительство утратило характер законности, обязывающий к повиновению. Мы будем сопротивляться в сфере нашей деятельности; дело Франции решить — до какого предела следует ей довести свой отпор». Закончив составление протеста, Тьер огласил его и сказал: «Никаких коллективных подписей! Под этим документиком нужны имена. Вот мое имя!» И он подписался первым.

Кроме этого состоялось несколько собраний депутатов, не приведших, однако, ни к какому решению. Объявлено было, что надо оставаться в пределах законности. Депутаты выступили только тогда, когда успех восстания показался им несомненным. Судьи проявили больше гражданского мужества. По ходатайству газет *Тан*, *Журналь де Коммерс*, *Журналь де Пари* и *Курье Франсе* суд первой инстанции, где председательствовал Дебеллейм, и коммерческий суд под председательством Ганнерона обязали типографщиков, у которых печатались эти газеты, набрать и выпустить очередные номера, поскольку ордонанс 25-го числа, как противоречащий хартии, не может быть обязателен ни для священной и неприкосновенной особы короля, ни для граждан, на права которых он посягает».

Вечером 26-го начались манифестации в Палэ-Рояле. Кричали: «Да здравствует хартия! Долой министров!» Полиньяк, проезжавший в карете по бульварам, едва спасся от толпы.

27 июля: начало вооруженного сопротивления. 27-го утром большинство типографий было закрыто, и типограф-

ские рабочие, рассеявшись по улицам, увлекли за собой рабочих других специальностей. Читали вслух и страстно обсуждали ордонансы, протест журналистов и передовые статьи газет, вышедших в свет: *Глоб*, *Насьональ* и *Тан*. На улицу Ришелье, в типографию *Тан*, явился полицейский комиссар, чтобы сломать печатные станки. Бод запер ворота. «В силу ордонансов, — сказал он комиссару, — вы хотите разбить наши станки. Ну, так вот: во имя закона требую, чтобы вы их не трогали». Комиссар должен был вызвать тюремного слесаря, на обязанности которого лежало заклепывать цепи каторжников, так как все другие слесари отказывались сломать замок по его требованию.

Затем пронеслась весть, что командующим войсками в Париже назначен Мармон. Это был самый непопулярный из генералов: Эссонская измена в 1814 году была еще свежа в памяти у всех. [1] Мармон, открыто порицавший ордонансы, с отчаянием принял вверенный ему пост. Своим офицерам он дал самые сдерживающие приказания: «Не стреляйте, пока мятежники не начнут перестрелку. А под перестрелкой я разумею самое меньшее пятьдесят выстрелов».

Между тем народ начал строить баррикады. Вечером войска взяли баррикады, воздвигнутые на улице Сент-Оноре. Уже пролита была кровь. Крики о мщении раздавались повсюду. Разбивали фонари, поджигали барьеры у городских застав, на бульварах начали рубить деревья. Полиньяк объявил город на осадном положении. Но в то же время он писал Карлу X в Сен-Клу: «Мой долг — сказать королю, что наперекор сеятелям паники, старающимся запугать его, я убедительно прошу верить лишь мне и моим донесениям. Это все преувеличенные слухи; в сущности все сводится лишь к простому волнению. Если мои предвидения ошибочны, я отдаю вашему величеству мою голову на отсечение». Карл X должен был исполнить просьбу своего министра. По словам очевидца — герцогини Гонто-Бирон, — «король заботливо старался скрыть всякие признаки тревоги: ни один из параграфов дневного расписания не был отменен, все шло заведенным порядком, — была и короткая послеобеденная прогулка на террасе, где играли королевские внуки, была и партия виста за столиком, поставленным как раз против

---

[1] Мармон отвел свой отряд (в решающие апрельские дни 1814 года) в расположение неприятельских войск и этим выдал солдат австрийцам и русским, окружившим их. Наполеон лишился возможности продолжать переговоры с союзниками о передаче престола. — *Прим. ред.*

большого балкона, откуда все время видны были пожары в Париже и доносился набат».

28 июля: трехцветное знамя. В ночь с 27 на 28-е восстание организовалось под руководством бывших военных, карбонариев и маленькой кучки энергичных республиканцев, состоявшей из студентов и рабочих во главе со студентом Политехнической школы Годфруа Кавеньяком. К ним примкнула часть бывших национальных гвардейцев, сохранивших свое оружие. Впрочем, организовать уличную войну было нетрудно. На извилистых улицах тогдашнего Парижа артиллерия была совершенно бесполезна, да и войска были вооружены немногим лучше повстанцев. Утром 28-го улицы были пересечены сотнями баррикад, сооруженных из булыжника мостовых, опрокинутых телег, мебели, бочек, срубленных деревьев. Мятежники занимали Арсенал, Ратушу, собор Парижской богоматери; на башнях развевалось трехцветное знамя, набат гудел не умолкая. Восточная часть Парижа была целиком в руках повстанцев.

Мармон писал королю: «Это уже не волнение, это революция. Ваше величество немедля должны принять меры для успокоения народа. Честь короны еще можно спасти; завтра, боюсь, будет поздно». Король не отвечал. Между тем министры были вынуждены бежать из своих особняков и искать убежища в Тюильри.

Около 11 часов Мармон сделал попытку перейти в наступление. Четыре колонны были двинуты против площади Бастилии и Ратуши. Войска взяли баррикады под убийственным огнем и под дождем всевозможных предметов, сыпавшихся на них из окон и с крыш. Но лишь только войска проходили, баррикады воздвигались снова. В 3 часа Мармон, все более теряя самообладание, отозвал войска, чтобы сосредоточить их вокруг Лувра, который он хотел превратить в некое подобие цитадели. Здесь он снова написал Карлу X по требованию депутации, избранной членами палаты и состоявшей из Казимира Перье, Жерара, Лобау и Могена. На площади Побед один полк перешел к мятежникам. Из 8000 человек, которыми Мармон до сих пор располагал, он потерял уже 2500. Из Сен-Клу ему отвечали: «Держаться и ждать до завтра приказаний».

29 июля: взятие Лувра; отмена ордонансов. 29-го утром прибыло из Версаля подкрепление в 1500 человек. Но войска изнемогали от голода и жажды, а на левом берегу повстанцы занимали уже западную часть столицы и Бурбонский дворец, угрожая Дому инвалидов. На их сторону перешли еще два

полка, и Мармон оказался запертым в Лувре и Тюильри. Из церкви Сен-Жермен-л'Оксеруа парижане начали оживленную перестрелку со швейцарцами, засевшими позади колоннады Лувра. Колоннада, очищенная на одну минуту, чтобы произвести смену первого швейцарского батальона, была захвачена нападающими. Швейцарцы, застигнутые врасплох во дворе Лувра, преследуемые воспоминанием о 10 августа[1] (1792), обратились в бегство через Карусельскую и Тюильрийскую площади, увлекая за собой остальные войска, которые Мармону удалось собрать только у заставы Звезды. Трехцветное знамя было водружено над Тюильрийским дворцом, где народ, только что разгромивший резиденцию архиепископа, показал пример удивительной честности (ничего не похитив из вещей).

В Сен-Клу Семонвилю и д'Аргу удалось наконец проникнуть к королю. С помощью Витроля и д'Оссэ они раскрыли перед ним всю истину. Мортемар, французский посол в Петербурге, еще накануне тщетно пытался разъяснить ему положение дел. Король сдался перед очевидностью лишь тогда, когда назначенный на место Мармона герцог Ангулемский, произведя смотр остаткам войска в Булонском лесу, заявил, что Париж окончательно потерян. В 3 часа Карл X подписал отмену ордонансов. Мортемару поручено было образовать министерство, в которое должны были войти Казимир Перье и генерал Жерар. В 6 часов Витроль, д'Аргу и Семонвиль отправились в Париж, чтобы сообщить эти новости, но всех их ждал один ответ: «Поздно!»

Падение династии; орлеанисты. После взятия Тюильри депутатам уже нечего было бояться выступить открыто. Собравшись в большом числе у Лаффита, они решили взять на себя руководство победоносной революцией. Лафайету поручено было командование вооруженными силами, и была учреждена муниципальная комиссия, на которую возложили административные функции и заботу о снабжении города съестными припасами; в нее вошли Лаффит, Казимир Перье, Лобау, Моген, Шонен и Пюираво. Это было настоящее временное правительство; благодаря генералу Жерару оно располагало теми полками, которые перешли на сторону народа.

Д'Аргу явился сначала в Ратушу, где нашел Лафайета, только что сменившего неизвестного субъекта, называвшего себя генералом Дюбуром и фактически весь день полно-

[1] 10 августа 1792 года швейцарские телохранители Людовика XVI были почти полностью перебиты восставшим народом. — *Прим. ред.*

*

властно распоряжавшегося в Ратуше. Лафайет отослал д'Аргу к Лаффиту, у которого собралось человек 40 депутатов, в том числе Тьер, Минье, герцог де Бройль и Беранже. Лаффит заявил посланцу, что перемена династии сделалась неизбежной, и, хотя пообещал не принимать окончательного решения до завтра, все же вместе с Тьером и Минье начал подготовлять воцарение герцога Орлеанского. Лаффит написал последнему, что ему остается выбор лишь между троном и изгнанием, а Тьер составил манифест, который утром 30 июля был расклеен на парижских улицах. «Карл X уже не может вернуться в Париж: он пролил народную кровь. Учреждение республики возбудило бы среди нас гибельные раздоры и поссорило бы нас с Европой. Герцог Орлеанский предан делу революции. Герцог Орлеанский не сражался против нас. Герцог Орлеанский был при Жемаппе. Герцог Орлеанский — король-гражданин. Герцог Орлеанский носил в сражении трехцветную кокарду. Герцог Орлеанский один имеет право носить ее; других цветов мы не желаем. Герцог Орлеанский еще не высказался. Он ждет изъявления нашей воли. Объявим же ее, и он примет такую хартию, какую мы всегда желали иметь. Ему вручит корону французский народ».

В то же время по инициативе Лаффита было решено, что находящиеся в Париже депутаты должны собраться на заседание в Бурбонском дворце. Лаффит понимал, что, лишь действуя без всяких проволочек, можно провести кандидатуру герцога Орлеанского; республиканцы являлись хозяевами Ратуши, и надо было не дать им времени организоваться.

Герцог Орлеанский — наместник. Депутаты решили провозгласить наместником королевства герцога Орлеанского. Он до сих пор благоразумно оставался вдали от Парижа, сначала в Нэйи, потом в Рэнси. Прибыв в Париж ночью с 30 на 31-е июля, утром он допустил к себе депутацию палаты, согласился принять звание наместника и вместе с Дюпеном и Себастиани составил воззвание, в котором заявлял, что «не колеблясь явился разделить все опасности с героическим населением Парижа», и возвещал, что палаты соберутся для обсуждения «мер, при помощи которых могли бы быть обеспечены царство закона и поддержание прав нации...» «Отныне, — говорилось в заключение, — хартия станет действительностью».

Но для народа, продолжавшего оставаться под оружием, решения палаты не имели никакой цены. Нужно было добиться хотя бы видимости народного одобрения. За этим одобрением отправились в Ратушу. Герцог поехал туда вер-

хом среди баррикад, которые почти все были еще целы. По пути его встречали криками: «Да здравствует свобода! Долой Бурбонов!» Толпа была скорее враждебна. Одной театральной сцены оказалось достаточно, чтобы изменить это настроение: герцог появился на балконе с трехцветным знаменем в руке, а Лафайет вышел за ним и обнял его. Тотчас же со всех сторон раздались рукоплескания. Герцогу Орлеанскому больше нечего было бояться Парижа.

Отречение Карла X; изгнание. Тотчас по своем приезде в Париж герцог Орлеанский написал Карлу X следующую записку:

«Если среди этой ужасной смуты мне придется принять звание, которого я никогда не домогался, да будет ваше величество уверено, что я возьму власть, какова бы она ни была, не иначе, как временно, и единственно в интересах нашего дома; сим беру на себя формальное обязательство в этом перед вашим величеством».

Нет сомнения, что эта записка не была вручена Карлу X в Сен-Клу. Ночью герцогиня Беррийская, охваченная паническим страхом, умолила короля покинуть Сен-Клу, и в два часа утра двор выехал в Трианон, а отсюда отправился в Рамбулье. Здесь Карл X 1 августа подписал ордонанс о назначении герцога Орлеанского наместником королевства и одобрил созыв палат на 3 августа.

2 августа он вместе со своим сыном, герцогом Ангулемским, отрекся от престола в пользу внука, герцога Бордоского. Генерал Фуассак-Латур, который должен был вручить эти акты Филиппу Орлеанскому, не мог добиться приема, и 3-го Лафайет, по настоянию наместника, организовал поход парижского населения на Рамбулье. Надо было выжить Карла X из Франции. Трое комиссаров — Шонен, Одилон Барро и маршал Мезон — были посланы вперед с поручением запугать старого короля, но оградить его жизнь и проводить его до границы. Они добились полного успеха. 16 августа Карл X покинул Францию, отплыв из Шербурга в Англию на американском корабле. [1] Еще за семь дней до того герцог Орлеанский уже сделался Луи-Филиппом I, королем французов.

Пересмотр хартии; избрание Луи-Филиппа. Муниципальная комиссия передала свои полномочия наместнику, который

---

[1] Ошибка: корабль был французский, под командой знаменитого своими плаваниями в Тихом океане Дюмон-Дюрвиля, действовавшего по приказу нового правительства. — *Прим. ред.*

поспешил образовать министерство. Министром внутренних дел был назначен Гизо, иностранных дел — маршал Журдан, народного просвещения — Биньон, военным — генерал Жерар, морским — адмирал де Риньи, юстиции — Дюпон де л'Эр. Палата собралась 3 августа; явилось всего 252 депутата. Герцог Орлеанский присутствовал на заседании, сидя на табурете по правую руку от пустого трона. В своей речи он объяснил, что ввиду опасности, грозившей общественному порядку, он принял от палат звание наместника. Он указывал на задачи, стоящие перед депутатами: организация национальной гвардии, передача дел о печати в ведение суда присяжных, создание муниципального и департаментского управления, пересмотр «столь возмутительно истолкованной» 14-й статьи хартии. Затем он прибавил, что акт отречения Карла X и дофина будет сообщен палатам, как только палаты сформируются. Ни слова о герцоге Бордосском, в пользу которого было составлено отречение.

Палата, избрав своим председателем Казимира Перье, занялась пересмотром хартии. Берар представил план пересмотра, который, однако, показался слишком радикальным и вследствие этого был изменен герцогом де Бройлем и Гизо. В конце концов ограничились следующими поправками: статья, провозглашающая католицизм государственной религией, упраздняется; статья 14 изменяется в том смысле, что отныне король не может отменять законы или приостанавливать их действие. Право законодательной инициативы принадлежит обеим палатам; заседания верхней палаты должны быть публичными; возраст, дающий право быть выбранным в депутаты, понижается до 30 лет; возраст избирателя — до 25. Под давлением общественного мнения и ввиду энергичных манифестаций решились уничтожить наследственное пэрство и признать недействительными все назначения в пэры, состоявшиеся при Карле X. Наконец, уничтожено было предисловие к хартии, «потому что оно оскорбляет суверенитет нации, как бы *жалуя* французам те права, которые принадлежат им по существу». Отныне хартия становилась договором между французским народом и свободно избранным государем, который при вступлении на престол должен был в присутствии палат клятвенно обязаться уважать народные права и добросовестно соблюдать конституционные законы. 7 августа эти поправки были приняты большинством 219 голосов против 33. В предисловии заявлялось, что «вследствие нарушения хартии король Карл X и все члены старшей ветви королевского дома в настоящую минуту покидают фран-

цузскую территорию, а потому престол фактически и юридически свободен, и следует неотложно позаботиться о его замещении».

Под условием принятия названных поправок палата призывала на престол герцога Орлеанского и его мужских потомков в порядке первородства. Предложение о созыве новой палаты, специально уполномоченной на избрание короля, и другое предложение, имевшее в виду подвергнуть хартию ратификации со стороны народа, были отвергнуты. Только один депутат — Корменен — заявил, что палата не имеет учредительной власти, и сложил свои полномочия. Не дожидаясь вотума палаты пэров, новую хартию представили герцогу Орлеанскому, который ее принял.

9 августа Филипп Орлеанский прибыл в палату, чтобы присягнуть на верность конституционной хартии. «Перед лицом бога, — сказал он, — клянусь свято соблюдать конституционную хартию с изменениями, изложенными в декларации, управлять лишь посредством законов и согласно законам, каждому строго воздавать по его праву и во всех делах руководствоваться единственно выгодами, благоденствием и славой французского народа». Затем он подписал хартию, после чего четверо маршалов вручили ему королевские регалии. Отныне он получал имя: Луи-Филипп I, король французов.

Июльская революция явилась политической неожиданностью. Действительно, в стране, в сущности, не было глубокого недовольства. С материальной точки зрения период Реставрации был для Франции счастливым временем.[1] Земледелие и промышленность достигли небывалого расцвета. Разумное финансовое управление дало возможность народу вынести огромное податное бремя, обусловленное военными неудачами Империи, причем налоги не тяготили населения, и бюджет почти ежегодно сводился с превышением доходов над расходами. Правда, на Реставрации тяжким грузом лежали те условия, при которых она совершилась, — патриоты еще не забыли 1814 и 1815 годов. Но национальное самолюбие было несколько раз удовлетворено: в Греции, в Алжире и даже во время злополучной испанской экспедиции слава озарила новое французское знамя. По отношению к иностранным державам Людовик XVIII и Карл X даже в период окку-

[1] Автор упорно не желает сделать совершенно необходимую оговорку о крайне тяжелом положении подавляющего большинства рабочего класса в эти годы введения и распространения машин, при полнейшей невозможности легального отстаивания рабочими своих интересов в борьбе с капиталистической эксплоатацией. — *Прим. ред.*

пации всегда умели сохранять достоинство, подобающее властителям великого народа. А долгие пререкания о печати и выборах все время интересовали лишь буржуазию, т. е. ничтожное меньшинство нации. Сельское население и городские рабочие, если не считать Парижа и нескольких больших городов, относились равнодушно к большинству вопросов, волновавших палаты. Даже в среде буржуазии многих пугала возможность революции, и даже сразу после издания ордонансов можно было небольшими уступками остановить движение. Всему виной было ослепление Полиньяка и упрямство короля. При тех условиях, при которых Карл X потерял корону, Людовик XVIII потерял бы только министерство.

ГЛАВА VIII

КОРОЛЕВСТВО ПОЛЬСКОЕ. ВОССТАНИЕ

1815—1846

I. Конгрессовая Польша

Июльская революция во Франции, имевшая столько откликов во всей Европе, потрясла также и Польшу; но в то время как в Нидерландах результаты ее выразились в образовании нового королевства — Бельгии, на востоке Европы она в конце концов явилась виновницей исчезновения королевства Польского, по крайней мере исчезновения фактического. Чтобы уяснить себе события, обагрявшие кровью эту страну с ноября 1830 по сентябрь 1831 года, нам нужно вернуться к самому возникновению нового польского государства.

Польша после упразднения великого герцогства Варшавского. Государство, основанное Наполеоном, не пережило гибели Великой армии. Поляки были не в силах защищать это государство именно потому, что большая часть национальных сил погибла во время разгрома наполеоновской армии в России, а небольшое количество, которое уцелело, должно было под предводительством Иосифа Понятовского следовать за французами в их отступлении. 18 февраля 1813 года русским стоило только появиться перед воротами Варшавы, чтобы вступить в нее. Остальные крепости старой Польши — Данциг, Замостье, Модлин — пали в свою очередь; Модлин сдался 25 декабря 1813 года. Поляки, связывавшие надежду на восстановление отчизны с Францией и с успехами Наполеона, пережили трагическое разочарование; очистилось поле для тех, кто основывал те же надежды на России и на великодушии Александра. Главой этой партии попрежнему оставался князь Адам Чарторыйский, бывший царский министр, который по требованию сейма 1812 года должен был отказаться от всех чинов и должностей, принадлежавших ему в Российской

империи. Как только военное счастье изменило Наполеону, князь попытался восстановить с Александром переговоры, начатые в декабре 1806 года и продолжавшиеся при каждом обострении политического положения в Европе — в 1809 и в 1811 годах.

6 декабря 1812 года Чарторыйский писал царю: «Если вы вступите в Польшу победителем, то вернетесь ли вы к вашим старым планам относительно этой страны? Покоряя страну, захотите ли вы покорить сердца?» Ответ был получен им только в письме от 13 января 1813 года. Царь не отказывался от своих «любимых идей», но ссылался на те препятствия, с которыми должно, без сомнения, столкнуться его стремление к воссозданию Польши. «Положитесь на меня» — говорил он. И добавлял: «Все, что предпримут поляки для содействия моим успехам, будет в то же время способствовать осуществлению их собственных надежд». Он требовал, чтобы великое герцогство, еще существовавшее в этот момент, заключило формальный союз с Россией и чтобы поляки доказали этим «перед лицом России и Европы, что они возложили на меня все свое упование». Поляки не могли или не хотели содействовать успехам русских. Великое герцогство пало само собой. Со своей стороны, Александр в трактатах, подписанных с Пруссией (в Калише и Бреславле), повидимому, забыл о Польше, оказавшейся бесполезной или враждебной. Чарторыйский в своих письмах и во время свидания с царем 25 июня снова защищал перед ним интересы соотечественников. Если армия Понятовского, уверял он, не соединилась с русскими, то лишь потому, что генералы Александра ничего не сделали для этого. «Когда хотят склонить на свою сторону какой-нибудь кавказский народец или какого-нибудь персидского хана, то гораздо больше хлопочут, чем теперь, когда нужно было привлечь к себе князя Понятовского и его армию; ему отказали в перемирии; позволили австрийцам перерезать линии его сообщений с Россией». Чарторыйский умолял царя не уступать Пруссии и Австрии ни пяди польской территории. Трактат между этими двумя державами и Россией, подписанный в Теплице (9 сентября 1813 г.), должен был положить конец надеждам Чарторыйского, так как предусматривал раздел великого герцогства между тремя державами. 19 октября Понятовский погиб в волнах Эльстера. Царь дозволил, по крайней мере, устроить герою пышные похороны в присутствии русских и польских войск. Польские войска в походе 1814 года упорно шли под знаменем Наполеона. Во время измены Мармона во всем его корпусе только поляки сохранили

верность императору. Составляя акт своего первого отречения в Фонтенебло, Наполеон приказал включить следующую статью в пользу своих поляков: свободное возвращение на родину «с оружием и обозами, в качестве свидетельства об их достохвальных заслугах», а также сохранение знаков отличия и пенсий, присвоенных этим знакам отличия (11 апреля 1814 г.).

Александр I все чаще и чаще выказывал знаки уважения и симпатии польским войскам. На одно из писем Костюшко он ответил герою битвы при Мацеевицах: «Я надеюсь осуществить возрождение вашего храброго и почтенного народа... Я взял на себя эту священную обязанность... Еще немного, и поляки посредством благоразумной политики вернут себе родину и имя». Генералу Домбровскому, главе и вдохновителю знаменитых «легионов», просившему разрешения вернуться в Польшу с уцелевшим остатком этих удальцов, он ответил, что они вступят туда одновременно с русскими войсками. Их главнокомандующим он назначил своего брата Константина. Этому последнему русский император приказал представить себе в Сен-Дени депутацию, посланную от 12 польских генералов и 600 польских офицеров. Александр удовлетворил все их ходатайства: создание «армии Варшавского герцогства»; сохранение каждым полком своего мундира и наименования; сохранение за каждым военнослужащим его чина; помощь деньгами, припасами и фуражем. Он изъявил согласие на образование в Париже комитета из шести польских генералов, которые должны были работать над реорганизацией этих войск, и на отправку трех других генералов в Лондон, в Берлин и в Австрию для переговоров о возвращении на родину пленных поляков. Александр соглашался на снятие секвестра в Польше и в России с имений магнатов, служивших при Наполеоне.

Восстановленные таким образом польские войска на своем пути к востоку через Нанси посетили в этом городе часовню Бон-Секур, где покоятся останки короля Станислава Лещинского, и оставили там надпись, прославлявшую великодушие Александра.

Уже давали себя чувствовать те препятствия, которые предвидел царь: ревнивое беспокойство держав, противодействие барона Штейна и всей немецкой национальной партии, недовольство русских, которые не могли простить полякам сожжение Смоленска и Москвы и негодовали при мысли о возвращении их наследственному врагу Литвы и Западной Украины и о восстановлении Польши на фланге Российской империи, да притом еще Польши автономной, с конституционным устрой-

ством, в то время как победители попрежнему останутся под властью самодержавия. Мы уже знаем, что Александр, несмотря на поддержку прусского короля, столкнулся с непреклонным сопротивлением Англии, Австрии и даже Франции. [1] Он должен был отказаться от мечты о Польше, целиком объединенной под его скипетром как конституционного короля. Несчастная страна подверглась новому разделу: образовалась Польша австрийская, Польша прусская, Польша русская и, сверх того, крошечная независимая Польша — Краковская республика.

Мы знаем, что русская Польша была политической новинкой, так как при разделах 1772, 1793 и 1795 годов Россия взяла в качестве своей доли одни литовские и украинские территории.

Так было образовано новое королевство Польское (Царство Польское), получившее название «конгрессового королевства». В итоге это было наполеоновское великое герцогство, без провинций Познани и Гнезна, обратно отданных Пруссии (около 810 000 душ), и без галицийских земель, возвращенных Австрии (около 1 500 000 душ), [2] за исключением Кракова и его пригородов (около 61 000 душ).

Во время споров по польско-саксонскому вопросу, когда из-за него едва не вспыхнула снова европейская война, главнокомандующий польскими войсками, великий князь Константин, в декабре 1814 года, обратился к ним со следующим воинственным воззванием: «Его величество император Александр, ваш могущественный покровитель, призывает вас. Объединитесь под его знаменами. Пусть рука ваша возьмется за оружие на защиту отчизны и для сохранения вашего политического существования... Те самые вожди, которые в течение двадцати лет водили вас по полям чести, укажут вам путь... Император сумеет оценить вашу храбрость... Высокие военные подвиги отличили вас в борьбе, цели которой вам были чужды. Теперь же, когда ваши усилия посвящены только служению вашему отечеству, вы будете непобедимы». Эти великодушные слова, в которых новая власть усыновляла польскую славу, должны были изгладить из памяти старинные раздоры между русскими

---

[1] См. т. II, стр. 34.

[2] Из прежней австрийской Польши Александр удержал только округ Замостье. В возврат Австрии была включена восточная Галиция, уступленная Наполеоном России в 1809 году, население которой по происхождению, языку и вероисповеданию было чисто украинским. — *Прим. во франц. тексте.*

Неточность: Россия получила в 1809 году лишь Тарнопольский округ. — *Прим. ред.*

и поляками. Они доказывают, что если Александру и не удалось восстановить Польшу в ее целости, то в своем стремлении к этому он доходил до пределов возможного и почти до войны.

Польская конституция. Венские трактаты[1] заключают в себе следующую статью, введенную, очевидно, под давлением Александра: «Поляки, как российские подданные, так и австрийские и прусские, будут иметь народных представителей и национальные государственные учреждения, согласные с тем образом политического существования, который каждым из вышеназванных правительств будет признан за полезнейший и пригоднейший для них в кругу его владений». Намерения Александра выражены еще яснее в другой статье тех же трактатов: «Е. и. в. предполагает даровать, по своему усмотрению, внутреннее очертание сему государству, имеющему состоять под особым управлением». Это было формальное обещание автономии и, быть может, расширения на Восток. Александр не дождался подписания этих трактатов и 30 апреля объявил Островскому, председателю варшавского сената, об образовании «королевства Польского» и о даровании конституции. Тогда поляки были охвачены столь глубоким всеобщим чувством признательности, что старик Костюшко написал императору, предлагая «посвятить остаток дней своих службе его величества». [2]

25 мая в воззвании к полякам Александр объявил им о создании королевства Польского и о введении конституции. 20 июня гражданские и военные власти были приглашены сначала в варшавский Замок, а затем в собор св. Яна, где были прочитаны отречение короля саксонского от великогерцогской короны (деликатное внимание к польской лойяльности) и манифест Александра о конституции. Была принесена присяга конституции и «королю». Белый орел и национальные польские цвета были водружены повсюду. Был отслужен молебен со включением молитвы *salvum fac impera-*

---

[1] Трактат 3 мая 1815 года между Россией и Австрией, статья 6; трактат от того же числа между Россией и Пруссией, статья 3; та же статья образует § 1 *Заключительного акта* 9 июня 1815 года, по которому этот трактат вошел в европейское международное право.

[2] Вена, 10 июня 1815 года. Три дня спустя в письме к Чарторыйскому старый воин начинает делать оговорки по поводу «маленького клочка территории», носящего громкое название «королевства Польского»; он требует возврата восточных воеводств, беспокоится по поводу русского вмешательства в польскую администрацию. Несмотря на это, он прибавляет: «Я сохраню до самой смерти чувство справедливой благодарности к государю за то, что он воскресил имя Польши». Костюшко умер в Золотурне в 1817 году. Тело его было перевезено в Краков.

torem et regem. [1] Затем на равнине у предместья Воли был произведен большой смотр польским войскам, которые при криках «Да здравствует наш король Александр!» также принесли присягу. В общем поляки могли быть признательны царю: он даровал им автономию, конституцию, национальную армию под национальным знаменем, национальное просвещение в Варшавском, Виленском и Краковском университетах.

В принципе конституция была провозглашена. Оставалось выработать ее содержание. Для этой цели Александр еще в Париже назначил комитет из 5 членов. [2] 27 ноября конституция была подписана императором в Варшаве. Она заключала в себе 165 статей, разделенных на 7 глав. Вот главнейшие из ее постановлений: королевство Польское навсегда присоединяется к Российской империи и подчиняется одному с ней порядку престолонаследия. Король представлен в Варшаве наместником (или вице-королем), каковым может быть только член королевско-императорской фамилии или поляк. Католицизм — господствующая религия; но широкая терпимость и равноправие предоставляются и другим исповеданиям. Обеспечивается свобода печати; но особый закон будет издан для предупреждения злоупотреблений ею. Обеспечивается свобода личности. Все акты совершаются на польском языке. Все должности предоставляются полякам. Король, особа священная и неприкосновенная, имеет власть исполнительную и часть законодательной. Учреждается государственный совет. Существует сейм, который созывается раз в два года и заседает в течение тридцати дней. Он разделяется на *сенат*, где заседают члены королевско-императорского дома, епископы, воеводы, каштеляны, назначаемые королем пожизненно, и *посольскую избу*, в которую 77 *послов* выбираются сеймиками или шляхетскими собраниями, а 51 — общинами. Послы исполняют свои обязанности в течение шести лет и каждые два года должны быть избираемы вновь в количестве одной трети. Для сенаторов требуется ценз в виде уплаты государственных податей не менее 2000 польских злотых (*злотый* = 60 сантимам), для послов — в 100 злотых. Остальные постановления касаются провинциальных и муниципальных учреждений, шляхетских собраний, судебной организации; есть мировые суды, но суда присяжных нет.

---

[1] [Боже] храни императора и короля. — *Прим. ред.*

[2] Островский, председатель сената; Матушевич, министр финансов великого герцогства; сенатор Замойский; члены государственного совета Линовский и Грабовский.

Осуществление конституции. Должность наместника, дававшая право на титул высочества, была вверена Александром ветерану революционных и наполеоновских войн, генералу Зайончеку.[1] Адам Чарторыйский надеялся получить эту должность: его не утешило назначение просто членом государственного совета. Государственный совет принимал форму либо административного совета, либо общего собрания под председательством короля или наместника или первоприсутствующего члена. Правительственный совет состоял из шести министров (в него вошли почти все бывшие министры великого герцогства Варшавского).[2] Наряду с советом стоял императорский полномочный комиссар: этот важный пост был доверен Новосильцеву, члену бывшего «Комитета общественного спасения» при Александре. Высшее командование войсками было поручено великому князю Константину. Фактически в правительство было назначено только двое русских — великий князь и Новосильцев, но один из них был братом царя, другой выдавался по своему характеру и уму, — и оба заняли господствующее положение, особенно ввиду старости и слабохарактерности наместника и официального устранения Чарторыйского.

Великий князь Константин и польская армия. В 1815 году великому князю было 36 лет. Он был вылитый портрет своего отца, Павла I: внешне — так же несколько курносый; морально — с таким же нравом — причудливым, резким и грубым, но с проблеском великодушия, с внезапными проявлениями рыцарства. Константин участвовал в больших войнах: в швейцарском походе Суворова, в битве под Аустерлицем и в тяжелых кампаниях 1813 и 1814 годов. Не менее отца любил он все мелочи казарменной жизни и страдал страстью к военным смотрам — «парадоманией». Хотя он и был учеником Жомини,[3] но остался капралом. Получив от царя повеление организо-

---

[1] Родился в 1752 году, умер в 1826 году. В 1815 году ему было 63 года, и он был несколько надломлен и слаб волей. Он участвовал в польских войнах 1793 и 1794 годов; получил чин бригадного генерала в итальянской армии, дивизионного — в египетской кампании; участвовал во всех битвах с 1805 по 1807 год; в походе 1812 года получил перелом обеих ног и попал в плен к русским.

[2] То были: Игнатий Соболевский — первый министр, историк Матушевич — министр финансов, Мостовский — министр внутренних дел, Станислав Потоцкий — народного просвещения и культов, Томаш Варжецкий — министр юстиции, Вьельгорский — военный.

[3] Знаменитый теоретик и историк наполеоновских войн; бригадный генерал, перешедший в 1813 году из войск Наполеона в русскую армию (швейцарец по происхождению). — *Прим. ред.*

вать сначала польскую (позже литовскую) армию, Константин предался этому делу всей душой, вносил в него серьезные технические познания, терпеливый и упорный труд, вставал летом в 5, а зимою в 6 часов утра. Но успеху дела мешало его излишнее пристрастие к мелочам и недалекий ум. Он ввел в польских войсках тесные мундиры, короткие кафтаны, панталоны в обтяжку, так что солдат еле мог двигаться, и вдобавок к этому костюму — множество кожаной амуниции и высокие султаны; сократил до восьми лет воинскую повинность, что позволило ему значительно увеличить число людей, проходивших солдатскую выучку; создал артиллерию, выписав пушки и порох из России; снабдил варшавские арсеналы ружьями нового образца; создал школу подпрапорщиков для пополнения офицерских кадров. В сущности, великий князь добросовестно потрудился над созданием польской армии, которая и послужила делу восстания 1831 года. Он так близко принимал к сердцу свою роль защитника польской территории, что против русской крепости Тирасполя вооружил Бобруйск.

За этот необыкновенный польский патриотизм поляки должны были бы обожать Константина. Но он возбудил ненависть мелочным деспотизмом, постоянным вмешательством в гражданское управление, подчеркнутым презрением к конституции. «Все, что является правилом, формой, законом, — писал Чарторыйский Александру, — поносится и осмеивается... Он хочет во что бы то ни стало ввести в армии палочные удары и приговорил вчера солдата к этому наказанию, вопреки единодушным представлениям комитета» (1814). Между тем солдаты, которых великий князь наказывал палками, служили в армиях Французской республики и Наполеона. За неудачное учение он наносил кровные оскорбления офицерам и генералам. Вскоре число офицерских отставок и солдатских побегов увеличилось. Офицеры и унтер-офицеры кончали самоубийством. Наряду с грубостью у Константина бывали проблески рыцарского великодушия. Однажды, оскорбив офицеров, он раскаялся, взял обратно свои слова и в качестве удовлетворения предложил дуэль. Не лучше, впрочем, относился он и к штатским, призывая к себе и распекая войтов и бургомистров, сажая под арест бургомистра города Варшавы, наказывая палками мещанина, обвиняемого в укрывательстве вора.

Этот необузданный нрав несколько смягчился, когда после развода с первой супругой, принцессой Кобургской, он 12 мая 1820 года женился на Иоанне Грудзинской, принадлежавшей к старинной дворянской польской фамилии. Свадьба, состояв-

шаяся два месяца спустя после развода, была совершена почти тайком в часовне замка. Но слухи о ней тотчас распространились по городу, и при выходе из дворца новобрачные увидели толпу народа, осыпавшую их приветствиями и благословениями. Поляки были польщены и в то же время успокоены, надеясь найти защитницу в молодой супруге князя. В самом деле, Иоанна Грудзинская, морганатическая, законная супруга великого князя, получившая вскоре титул княгини Лович, приобрела на него огромное влияние; это был «лев, укрощенный голубкою». Она иногда говорила ему: «Константин, надо сначала подумать, а потом действовать; ты же поступаешь как раз наоборот». Константин был самым нежным, самым покорным, самым покладистым мужем. Княгиня Лович знала о своем влиянии, и он доказал ей это самым очевидным образом, отрекшись ради ее руки от российского престола. Своим влиянием она пользовалась в интересах отчизны, так же как, разумеется, и в интересах мужа. Она не могла, однако, изменить настолько нрав последнего, чтобы его привычки не остались важным препятствием для правильного осуществления конституции.

Первый сейм (1818). 25 марта 1818 года Александр прибыл в Варшаву, чтобы председательствовать на первом из двухгодичных сеймов, предусмотренных конституцией. Он сам составил тронную речь, отвергнув все критические замечания, представленные его русскими советчиками, обеспокоенными в своем русском патриотизме. 27-го сенаторы и депутаты собрались в Замке, в сенатской зале. В числе депутатов — необычайное явление — находился великий князь Константин, только что избранный варшавским предместьем Прагой. Царь произнес по-французски тронную речь, в которой выразил надежды, возлагаемые им на конституцию, и в которой русские отметили следующее место: «Вы дали мне возможность показать моей стране, что́ я давно уже для нее готовлю, когда все элементы столь важного дела достигнут необходимого развития». [1] Затем Александр дал общие указания относительно предстоящих законодательных работ: надлежало укрепить государственные финансы, провести конституционные начала во всех отраслях управления, организовать судебную часть, пересмотреть гражданское и уголовное законодательство, наконец,

[1] Из рассказа, переданного старым князем Орловым ориенталисту Ханыкову (Исторический вестник, 1897), можно видеть, какое беспокойство овладело великим князем Константином и некоторыми русскими вельможами при мысли о предполагаемом введении конституции в России. См. франц. Le Temps, 28 июля 1897 года.

вотировать «законы, имеющие целью охрану наиболее драгоценных благ: безопасность вашей личности, безопасность вашей собственности и свободу ваших мнений». Прения по поводу конституции длились всего один месяц. Представление бюджета пришлось отложить, так как ресурсы и потребности нового государства были еще плохо изучены. Проект уголовного уложения был принят, но законопроект о браке был отвергнут депутатами; этот законопроект был направлен к изменению Кодекса Наполеона — именно тех статей, в которых дозволялся развод. Хотя император Александр и очень стоял за этот проект, но закрыл сессию речью, общий смысл которой заключен был в первой фразе: «Вы оправдали мои ожидания», и в следующей фразе, намекающей на отвергнутый проект: «Свободно избранные, вы должны и решать свободно».

К несчастью, Александр был не такой человек, которому долго могла нравиться роль конституционного монарха; в силу тех же причин, которые заставили его навязать России режим аракчеевщины и обскурантизма, он скомпрометировал свое дело и в Польше. С другой стороны, его подданные на Висле далеко не закончили своего политического воспитания. В довершение всего, пробуждение национального чувства, поддерживаемое тайными обществами, делало для поляков невыносимой власть чужестранного государя. Они не отказались ни от мысли получить обратно части своей территории, уступленные Австрии и Пруссии, ни от требования, чтобы Александр уступил им — с риском восстановить против себя русское общественное мнение — Литву и украинские воеводства, не бывшие польскими ни по происхождению, ни по языку, ни по религии.

Выборы 1819 года для частичного обновления палаты депутатов сопровождались на сеймиках резкой критикой правительства и горячей полемикой в газете *Белый орел;* было несколько случаев враждебных России выборов, как, например, избрание Бонавентуры Немоевского, брат которого Винцент был уже депутатом от Калиша.

Второй сейм (1820). Когда 13 сентября 1820 года открылся второй сейм, то в речи Александра, произнесенной при открытии, вновь сказалось влияние г-жи Крюднер в общих местах о христианской морали и влияние Меттерниха — в намеках на «пробуждение духа зла» в Европе. Со своей стороны, и представители нации выказали меньше уступчивости. В адресе сейма был намек на провинции, оторванные от королевства. Винцент Немоевский произнес речь, показавшуюся столь резкой, что председатель лишил его права участия в заседании. Прави-

тельственный проект об уголовном процессе, упразднявший присяжных, которые были введены наполеоновским Кодексом, был отвергнут большинством в сто семнадцать голосов против трех. Раздражение Александра было велико. Оно прорвалось в его речи при закрытии сейма 13 октября. Царь предлагал депутатам и общественному мнению добросовестно задуматься над тем, не «отдалили ли они дело восстановления отчизны, увлеченные иллюзиями, слишком обычными в наши дни». Сверх того, первому министру было поручено ознакомить поляков со следующей теорией Александра: будучи автором конституции, он один имеет право на ее толкование. Это был тезис Карла X в июле 1830 года.

После отъезда Александра борьба между министрами и общественным мнением обострилась. Лелевель, профессор виленского университета, открыл свой курс всеобщей истории; первые стихотворения Мицкевича воспламенили молодежь; Виленский, Варшавский и Краковский университеты, подобно германским, стали очагами национального духа. Новосильцев требовал преследования студентов. Великий князь заставлял студентов носить форменную одежду. Цензура свирепствовала по отношению к книгам и к театру почти так же жестоко, как в России. Наконец, конституция была открыто нарушена: не стало более ни выборов, ни сейма. Новосильцев нападал на Чарторыйского, подозреваемого в том, что он слишком поляк. Князь пробовал бороться; но в 1823 году подал в отставку, оставив все занимаемые им должности. Человек, добившийся от Александра автономии и конституции, удалялся в частную жизнь. С ним вместе, казалось, уходила сама душа королевства.

Тайные общества в Польше. Наиболее горячие польские патриоты группировались в тайные общества. Самое значительное из них было *Национальное масонское общество*, превратившееся впоследствии в *Национальное патриотическое общество*. Оно было основано учениками Домбровского,[1] князем Яблоновским, полковниками Кржижановским и Прондзинским. Отставной майор Лукасинский распространил его в армии. Дух этого общества виден из следующих слов устава: «Как велика твоя ложа? — Границами ей служат высокие горы, два моря и две большие реки». Именно таковы были границы старой Польши. Общество, основанное в Варшаве, вскоре распространилось за пределы королевства на польские

[1] Домбровский умер в 1818 году, предсказывая, что Польша вскоре воскреснет с конституцией 3 мая 1791 года и с границами 1772 года.

*

центры трех соседних государств, участвовавших в разделах. Во главе общества стоял центральный комитет; общество разделялось на ложи первой и второй степени. В последних клятвы были определеннее, а язык резче. Члены одной ложи не знали ни членов других лож, ни членов центрального комитета, кроме одного доверенного на каждую ложу второй степени. Таким образом, общество было почти неуловимо. Немногие отдельные аресты не давали никаких сведений относительно общей организации. Один из арестованных офицеров, Дзвонковский, перерезал себе горло прежде, чем его успели подвергнуть допросу. Лукасинский и некоторые другие томились в казематах до 1824 года, когда были приговорены к заключению в крепости. *Филаретам* — обществу, возникшему среди виленских студентов, — пришлось иметь дело с Новосильцевым; один из членов, Зан, был сослан в Сибирь. Другие, как Адам Мицкевич, были заключены в тюрьму в Вильне, потом разосланы по городам Российской империи. Национальное патриотическое общество пережило эти преследования. Оно вступило в сношения с русским Южным обществом; но, несмотря на тайные совещания, имевшие место в Киеве, а затем в Тульчине, общество не дало склонить себя на цареубийственные замыслы ни против великого князя Константина, ни против императора. Кроме того, среди членов общества существовали некоторые разногласия по вопросу о республике или монархии. Они сошлись только на идее единой польской *отчизны*, восстановленной во всей ее целости.

Третий сейм (1825). Выборы в третий сейм были произведены еще в 1822 году. Александр не решался его созвать. 3 февраля 1825 года в Царском Селе он издал указ, уничтожавший публичность заседаний, за исключением первого (в день открытия сейма) и последнего (в день закрытия). Выборы братьев Немоевских были кассированы, — они были избраны вторично; тогда у Калишского воеводства было отнято право избирать депутатов. После этих новых нарушений конституции 13 мая Александр лично открыл сейм. Винцент Немоевский, приехавший, чтобы занять свое место, был арестован у варшавской заставы. В тронной речи Александр заявил, что, откладывая открытие сейма, он хотел дать время установиться мнениям и улечься страстям. Февральский указ имел целью подавить «зародыш смут». Сейм принял все проекты правительства почти без прений.

В речи при закрытии сейма (13 июня) «король» мог сказать: «Я поспешил принять все поправки, вами внесенные... Вы приняли все законопроекты, предложенные мной на ваше

обсуждение». Император громогласно радовался «обоюдному согласию». В действительности же конституция была мертва. Работы сейма перестали интересовать не только поляков, но даже и его собственных членов. Вся общественная жизнь, все народные надежды отлетели от парламента и нашли себе приют в тайных обществах.

Император Николай, царь польский. Смерть Александра повергла Польшу в такое же глубокое волнение, как и Россию. Однако мы видели, что поляки не принимали участия в восстании, которым в России было отмечено начало царствования Николая. Поэтому следственная комиссия, учрежденная в Варшаве по образцу петербургской (составленная, впрочем, почти исключительно из поляков), находившаяся под влиянием великого князя Константина и княгини Лович с их польскими симпатиями, вместо тысячи обвиняемых, как то было в Петербурге, арестовала всего-навсего восемь человек. [1] Дело о них тянулось еще в 1829 году.

25 декабря (н. ст.) 1825 года, т. е. как раз накануне столкновения на Сенатской площади, Николай издал манифест к своим польским подданным. В нем есть следующая фраза: «Учреждения, данные вам блаженной памяти императором и королем Александром I, останутся без изменений. Я обещаю и клянусь перед богом соблюдать конституционную хартию».

В 1826 году умер старый Зайончек, и великий князь Константин объединил в своих руках обе должности — и наместника и главнокомандующего. Сверх того, новый «король» поручил ему начальствование над русскими военными силами в «восьми воеводствах». Первая из этих мер могла заставить поляков опасаться еще более сурового режима; вторая была способна заставить их поверить в присоединение «восьми воеводств».

В 1828 году русская армия выступила в поход против турок, с целью добиться освобождения Греции. Задавали вопрос: неужели польская армия не разделит с ней опасностей и успехов в борьбе против оттоманов — наследственного врага обеих великих славянских наций? Ничто не могло лучше способствовать рассеянию недоразумений между русскими и поляками, ничто не могло примирить их лучше, чем общая слава. Польская армия страстно желала принять участие в этой войне. Повидимому, этому воспротивился великий князь. Полный казарменной мелочности, но, в сущности, совсем не воин, он не любил войны: «Она портит войска», — говари-

---

[1] Между прочим, Кржижановского, графа Станислава Солтыка, графа Залусского, Маевского, некоторое время бывшего главой *Общества храмовников*, и др.

вал он.[1] Мог ли царь, бывший почти двадцатью годами моложе брата и обязанный своей императорской короной его отречению от престола, навязывать ему свою волю? Быть может также убежденный в верности своей польской армии царь оставил ее для защиты западной границы на случай нападения австрийцев? Как бы то ни было, недовольство, охватившее польскую армию вследствие вынужденного бездействия, сыграло большую роль в дальнейших событиях.

Подобно Александру и Константину Николай любил поляков,[2] но, как и его братья, любил на свой лад. Он намерен был уважать конституцию и, несмотря на свои инстинкты самодержца, был склонен добросовестно выполнять ремесло конституционного монарха; он решил приехать в Варшаву короноваться польским королем. По приказу царя Константин должен был спешить с окончанием процесса, возбужденного против участников тайных обществ; все обвиняемые были оправданы, за исключением одного, приговоренного к легкому наказанию за недонесение о русском заговоре. Несколько сотен политических заключенных были выпущены на свободу. Новый «король» мог совершить свой въезд в столицу (1829). Однако Константин пожелал отложить этот въезд: он смутно предчувствовал опасность, которая угрожала во взволнованной Польше ему и брату. Полиция не могла сообщить ничего достоверного; она не имела понятия об изменениях, происшедших в недрах тайных обществ, ибо почти не знала об их существовании.

Между тем из массы недовольных выделились две большие партии: это были *белые*, т. е. умеренные конституционалисты, разделявшиеся на *дипломатов*, к которым принадлежал князь Чарторыйский и другие вельможи, и *оппозиционеров*, вроде братьев Немоевских, — и *красные*, т. е. передовые республиканцы, в свою очередь распадавшиеся на академиков, как профессор Лелевель, и воинов. Воины — почти сплошь офицеры или бывшие офицеры — были людьми действия, решившими не отступать ни перед террором, ни перед цареубийством. В декабре 1828 года Высоцкий, Заливский, Иосиф и Адам Гуровские, Дзялынский и Бернард Потоцкий образовали тайный кружок среди тайных обществ. В январе 1829 года они обсуждали вопрос, не следует ли воспользоваться для восстания польской армии походом русских войск в Турцию.

---

[1] Это слова великого кн. Михаила Павловича. — *Прим. ред.*

[2] Фактически неверно: Николай задолго до восстания 1831 года питал к полякам антипатию, внушенную ему с детства его немецкой и английской воспитательницами. — *Прим. ред.*

Некоторые колебались: таким образом можно было помешать освобождению Греции. Когда заговорщики узнали о проекте коронации, Высоцкий сказал: «Теперь наша обязанность выработать программу празднества». Дзялынский хотел воспользоваться случаем и убить всех: императора, императрицу, цесаревича и других великих князей. Адам Гуровский, говоря о царе, воскликнул: «Бог предает его нам!» Высоцкий вызвался нанести удар. Эти планы были отложены из желания столковаться с депутатами, съезжавшимися на коронацию, и подготовить восстание в других частях Польши (прусской и австрийской): отсюда поездка Дзялынского в Берлин, Бернарда Потоцкого в Вену и т. д. Несколько неосторожных слов дошли до слуха великого князя; он приказал арестовать двух офицеров, произносивших угрозы, но вскоре отпустил их, считая, что они были попросту пьяны. Жена Константина, знавшая многое через своих родных, умоляла его остерегаться и не допускать близко к царю ни одного поляка. Она советовала созвать сейм, — великий князь этому воспротивился.

Николай уже проезжал через Литву; там его встретил ледяной прием. Однако, прочитав нотацию виленским студентам, царь приказал освободить их товарищей. В Варшаве прием был лучше; но здесь все выглядело по-польски: в городе, расцвеченном флагами, русские цвета были видны только на общественных зданиях; аристократия для приема «короля» водрузила национальные цвета. Николай сделал смотр войскам; парад великолепно удался и возбудил народный энтузиазм, но и армия и энтузиазм были чисто польскими. 24 мая был совершон обряд коронования; он прошел без инцидентов, но оппозиционеры пытались представить императору адрес, подписанный шестнадцатью депутатами Калишского воеводства; в этом адресе они просили об освобождении Винцента Немоевского. Император отказался их принять. Он отказался даже и от общей амнистии, которую ранее задумал, и ограничился несколькими отдельными помилованиями. 28 мая был устроен большой праздник для народа, собранного вокруг огромных столов и сотни фонтанов, бивших вином, пивом и водкой. Покидая брата Константина, Николай поздравил его с блестящим состоянием военной части. «Польская армия — недосягаемый образец», сказал он. Затем царь прибавил: «Но не слишком ли ты тяжел, не чересчур ли требователен и строг?» В качестве польского короля царь имел еще и другие поводы быть довольным: впервые за несколько веков страна процветала. Она покрывалась

фабриками и заводами; население королевства увеличилось с 2 715 000 жителей до 4 миллионов, население Варшавы возросло с 80 000 до 150 000, государственные доходы — с 12 миллионов до 40 миллионов марок.

Четвертый сейм (1830). Николай назначил созыв четвертого сейма на 28 мая 1830 года. Константин, как всегда, возражал против созыва. Он говорил: «Языки снова заработают, и придется их урезывать». Император прибыл 20 мая в Варшаву. Министр внутренних дел, для обеспечения на сейме правительственного большинства, представил список шестидесяти депутатов, которым следовало пожаловать пенсии, знаки отличия и другие милости. Николай ответил негодующим отказом. Ни речь при открытии, ни речь при закрытии сейма, произнесенные по-французски, не представляли собой ничего особенного. В числе проектов, предложенных сейму, находился снова проект отмены развода, дозволенного наполеоновским Кодексом, так как Николай, подобно Александру, упорно считал себя обязанным отстаивать католическую точку зрения. Проект был отвергнут. Царь, видимо, был огорчен этим гораздо меньше, чем в подобном случае (в 1818 году) его брат Александр. Зато Николай был обижен враждебным отношением к нему сейма и населения, был недоволен подчеркиванием польских цветов в дамских нарядах и отсутствием слишком многих приглашенных на балу, данном в его честь. Он заметил: «Это, может быть, патриотично, но совсем невежливо». Однако, прощаясь с Константином, он сказал ему: «Я чувствую, что я — польский король и рано или поздно кончу, надеюсь, тем, что заставлю моих польских подданных полюбить меня, покоряя их благодеяниями». Между тем возбуждение умов под влиянием стремлений к свободе и территориальному расширению все возрастало, а произведения Мицкевича *Конрад Валленрод* (1828) и *Польская мать* (1830) дышали ненавистью к «москалю».

II. Польское восстание

Подготовка к взрыву. В августе 1830 года в Варшаву дошли слухи «о трех славных июльских днях» в Париже. Вид трехцветного знамени, поднятого на французском консульстве, еще более усиливал возбуждение. Дамы демонстративно надели трехцветные ленты. Языки «заработали». Полиция арестовала несколько человек. Константин велел их освободить. Революционные силы группировались главным образом во-

круг Лелевеля (студенты), Высоцкого (подпрапорщики) и Заливского, если не самого экзальтированного из всех, то самого неосторожного; 12 августа у него было собрание. Немедленное выступление пришлось отсрочить, так как необходимо было склонить на свою сторону носителя какого-нибудь громкого военного имени: генералов удерживало чувство лойяльности к государю, а также и нежелание компрометировать себя наряду с безумцами. Так же трудно оказалось привлечь и видных гражданских сановников. Тогда снова взялись за пропаганду. Приняли систему *карбонариев*, с организацией по отдельным ложам; особенно настойчиво обращались к армии. Вскоре весь польский гарнизон Варшавы со всеми офицерами уже участвовал в заговоре; в Люблине подвизался генерал Петр Урбанский; в Замостье — подполковник Пашкович. В сентябре — новое собрание; на нем заставили помириться Высоцкого и Заливского, бывших до того врагами; оба были избраны в руководители движения. А движение уже охватило шляхту, женщин, ремесленные цехи, студентов и профессоров университета, большинство членов сейма, нескольких генералов и чиновников польских министерств. Заливский мечтал об одновременном восстании во всей Польше, о войне против трех северных держав, об обращении к Европе и главным образом к Франции. Высоцкий, более практичный, думал только о восстании в Варшаве, которое должно было начаться убийством великого князя и захватом казарм русских войск. Этот план был принят. Выполнение его было назначено на 20 октября. Но в этот день, равно как и в последующие, Константин, предупрежденный женой, не выходил из своего Бельведерского дворца. Противники запаслись терпением, окончательно склонив на свою сторону генералов Хлопицкого, Станислава Потоцкого, Круковецкого и Шембека. Неожиданно появился манифест царя с угрозами по адресу бельгийской революции. Узнали, что польская армия предназначена стать авангардом русской армии и что последняя займет ее место в Польше. Итак, польской армии, которой было отказано в участии в походе для освобождения Греции, суждено было принять участие в подавлении свободы в Бельгии и во Франции! Это ускорило кризис; авангард готовился повернуться фронтом против главных сил и парализовать таким образом европейскую контрреволюцию. Восстание было окончательно назначено на 29 ноября. Заговорщики располагали в Варшаве 10 000 польских солдат против приблизительно 7000 русских, из которых многие были уроженцами Литвы, Волыни и т. д. 28 ноября днем правительство,

обеспокоенное вызывающим поведением варшавян, приказало удвоить повсюду караулы. День 29-го прошел с внешней стороны спокойно, но Заливский обходил казармы и кофейни, сообщая пароль. Высоцкому он сказал: «Завтра Польша будет свободна».

Взрыв. В северных широтах в ноябре ночь наступает рано. В 6 часов вечера Высоцкий вошел в школу подпрапорщиков и сказал им: «Братья, час свободы пробил!» Ему отвечали криками «Да здравствует Польша!» Он прибавил, что русские уже начали резню в городе и что надо торопиться. В то же время пехотные полки потихоньку вооружались в казармах, а студенты — в Лазенковском лесу. Высоцкий со 150 подпрапорщиками напал на казарму гвардейских улан, между тем как 14 заговорщиков побежали к Бельведеру. Сообщники отперли им решетки, окружавшие дворец. В ту самую минуту, когда они готовились захватить великого князя, обер-полицеймейстер Любовицкий, пришедший к князю с рапортом, поднял тревогу и упал, проколотый штыками. Константин — в халате — успел убежать и спрятался в каком-то тайнике. Заговорщики не посмели проникнуть к княгине Лович. Но они убили генерала Жандра. Таким образом, удар, занесенный над Бельведером, не попал в цель. В то же время Высоцкий потерпел неудачу у казармы улан. Вскоре к нему в подкрепление пришли 2000 студентов и толпа рабочих. Дорогой он приказал перебить польских генералов Гауке, Новицкого, Трембицкого и других, виновных в верности своей присяге. Русские полки могли бы подавить восстание в самом начале, но отрезанные в своих казармах, не получая никаких известий и никаких приказаний от великого князя, солдаты бездействовали. С теми из них, кто отважился выйти на улицу, завязался бой. Большинство польских полков еще сдерживалось своими командирами. Один из них, Жимирский, даже увлек за собой гвардейских конных егерей, защищал во главе их Краковское предместье[1] и двинулся вслед за великим князем, которому удалось бежать за город. Ночью Константин призвал к себе русские полки, и в два часа утра Варшава была совершенно свободна. Княгиня также последовала за мужем. Во время этих критических событий Константин держал себя в высшей степени странно. Когда ему обещали верную победу над мятежниками, он вдруг сказал: «Вы можете ошибиться: польские войска — лучшие в Европе, и ничто, ручаюсь, не в силах противостоять солдатам, мною

---

[1] Часть Варшавы. — *Прим. ред.*

воспитанным». Ему предложили взять город обратно, — последовал ответ еще более странный: «Не желаю вмешиваться в эту польскую драку». На его взгляд, дело должно было быть улажено между Польшей и ее королем.

Отступление великого князя. Переворот был совершон *красными;* они не сумели предотвратить крайностей. Русские генералы были все пощажены, но шесть польских генералов были убиты. Что оставалось делать *белым*, партии Чарторыйского и так называемой Калишской *оппозиции?* Кабинет после убийства военного министра Гауке распался. Оставался Любецкий, министр финансов. Заливский, предупредив, что за ним будут следить, оставил Любецкого на посту. Командование войсками он предложил старому генералу Хлопицкому, ветерану наполеоновской армии, [1] который отказался принять это звание от «бунтовщиков», но принял от административного совета.

На министра финансов были возложены самые трудные задачи — добиться удаления великого князя, охранять среди анархии законность и конституцию. Кризис он понимал следующим образом: «Николай, король польский, ведет войну с Николаем, императором всероссийским». Или: «Королю польскому были сделаны представления; как только они будут приняты, все снова придет в порядок, согласно конституции». 30 ноября он собрал административный совет. Этот совет в своем воззвании определил переворот как событие «столь же прискорбное, сколь неожиданное». Он делал вид, что исполняет свои обязанности от имени польского короля. Но 30 ноября образовался *Патриотический клуб*, который потребовал чистки совета и ввел туда новых членов (Владислава Островского, Малаховского, Лелевеля), сохранив, однако, Любецкого.

Одним из последствий отступления великого князя из Варшавы было то, что революция в 24 часа распространилась по всему королевству. Князь, окруженный польскими войсками, готовыми его покинуть, и русскими полками, деморализованными и голодными, сам находился в большой опасности. Он поспешил принять уполномоченных административного

---

[1] Хлопицкий сражался в войнах за польскую независимость в 1792—1794 годах, затем при Наполеоне вместе с легионами Домбровского участвовал в итальянских походах; в Сарагоссе получил бригаду; призванный в 1812 году в Великую армию, в Россию, был ранен под Смоленском; в 1814 году перешел на сторону России и был произведен Александром в дивизионные генералы, но, не будучи в состоянии столковаться с великим князем, находился с 1818 до 1830 года в отставке.

совета, отказался что-либо обещать от имени брата, но согласился отослать от себя польские полки, обязался не призывать войск Литовского корпуса и перейти через Вислу с тем войском, которое у него было под рукой, с условием, чтобы его не тревожили во время отступления и снабдили съестными припасами. Встречая во время отступления польских солдат, спешивших присоединиться к восставшей армии, он приказывал им построиться, производил мелочный осмотр, рекомендовал не забывать его добрых советов, повторяя беспрестанно: «Это мои дети; ведь это я обучал их военным приемам». Офицерам он говорил: «*Я* более поляк, чем все вы. *Я* женат на польке. *Я* так долго говорил на вашем языке, что с трудом изъясняюсь теперь по-русски».

После Вислы был перейден и Буг. Позже, когда начались военные действия и главнокомандующий Дибич пригласил великого князя принять в них участие, тот при виде русской кавалерии, отброшенной польскими уланами, не мог удержаться, захлопал в ладоши и воскликнул: «Браво, дети мои! Польские солдаты — первые солдаты в мире». Он так радовался неудачам Дибича, напевая под его окнами «Еще Польска не сгинела», что фельдмаршал попросил императора отозвать великого князя. Тем не менее Константин был поражен в самое сердце тем, что он называл «неблагодарностью» поляков. В таком душевном состоянии он легко стал жертвой холеры, которая сопутствовала русской армии. На пути в Петербург он должен был остановиться в Витебске, где и скончался 27 июня 1831 года. Его последние слова, обращенные к княгине Лович, были: «Скажи императору, что, умирая, я заклинаю его простить поляков».

Польское правительство. 4 декабря 1830 года временное правительство окончательно сформировалось из семи членов, [1] среди которых преобладал *белый* элемент. Любецкий и Хлопицкий были также *белые*. В итоге *красные* упустили дело из рук, но наблюдали за правительством через посредство своего *Патриотического клуба*. Хлопицкий отделался от Высоцкого, отправив его в полк капитаном, и от Заливского, поручив ему организовать восстание на границе Курляндии и Литвы. Подпрапорщики, которых Хлопицкий сначала хотел предать военному суду, образовали совместно со студентами «легион чести». 5 декабря Хлопицкий, произведя смотр войскам, на который он явился в своем мундире времени наполеоновских

[1] Князя Адама Чарторыйского, Михаила Кохановского, графа Людовика Паца, Леона Дембовского, Юлиана Немцевича (генерала, поэта и романиста), профессора Лелевеля, Владислава Островского.

войн, совершил нечто вроде государственного переворота. Он вошел в зал совета, поставил в вину советникам их пустые разглагольствования, насилия клубов, недисциплинированность армии, объявил совет распущенным и собственной властью провозгласил себя *диктатором*. Хлопицкий был в то время очень популярен и среди *красных* и среди *белых*, ибо первые воображали, что он поведет беспощадную войну, а вторые верили, что он добьется примирения Польши с ее королем. Он постарался успокоить Австрию и Пруссию, обязавшись уважать их границы. Любецкого и Езерского он послал в Петербург для переговоров. Если не считать требования «восьми воеводств», данные им инструкции были довольно разумны: депутаты должны были ходатайствовать перед королем о соблюдении конституции, о свободе и гласности заседаний сейма, о вотировании налогов палатами и об охране королевства исключительно польскими войсками.

Переговоры в Петербурге; воззвание к Европе. Чего можно было ожидать от Николая? 15 декабря, после парада, он объявил своим войскам о «преступлении» поляков, прибавив, однако: «Когда вы выступите против поляков, не забывайте, что вы — братья одной крови». Он выказал величайшую холодность Бургоэну, французскому поверенному в делах, и отдал приказ Дибичу о мобилизации русской армии. 17 декабря он обратился к полякам с воззванием, в котором клеймил «гнусное посягательство» 29 ноября; требовал, чтобы они послушались «отеческих советов» и «повелений своего короля», приглашая польскую армию следовать примеру «храброго конно-егерского полка».

Когда эти факты стали известны в Варшаве, они возбудили сильное раздражение в клубах. Адам Чарторыйский счел своим долгом стать во главе депутации только что созванного сейма и потребовал объяснений у Хлопицкого. Последний высокомерно отказал, заявив, что намерен «управлять именем конституционного короля». Оскорбленный сейм отнял диктатуру у Хлопицкого, затем, ввиду протестов народа и армии, возвратил ее, но назначил ему в качестве помощников двух комиссаров. Зато Хлопицкий добился приостановки заседаний сейма.

В Петербурге Любецкий и Езерский были приняты сначала канцлером Нессельроде, который высмеял столь неразумное в данный момент требование «восьми воеводств». Когда депутаты были допущены к императору, он повторил им то, что говорилось в воззвании от 17 декабря. Его манифест к русскому народу от 24 декабря, в котором он клеймил подданных,

«осмелившихся диктовать условия своему законному государю», окончательно лишил депутатов всякой надежды.

Оставалась Европа, к которой варшавский сейм и обратился, ссылаясь на трактаты 1815 года. Но Николай договорами о взаимной гарантии уже обеспечил себе соучастие Австрии и Пруссии. Англия, которой управлял тогда Пальмерстон, не была расположена ссориться с Россией из-за таких неважных клиентов своей торговли, какими были поляки. Во Франции мнения разделились. Передовая партия ссылалась на двадцатилетнее братство по оружию, на славную память Домбровского и Понятовского, на необходимость в интересах Европы не дать погибнуть свободной нации. Партия, которая в французских национальных интересах надеялась остановить революцию во Франции и в Европе, стала у власти 13 марта 1831 года в лице Казимира Перье. Тогда Николай, отказавшись на время от высокомерного предубеждения против Июльской монархии, послал верительные грамоты Поццо ди Борго, своему послу в Париже, и дал понять, что ему будет приятно снова видеть послом в Петербурге графа де Мортемара. Последний получил инструкцию: в тех случаях, когда речь будет итти о Польше, руководствоваться исключительно текстом трактатов 1815 года.

Низложение Николая. Перед Польшей вставал тот же вопрос, что и перед Францией: желательно ли остановить революцию, ограничившись отстаиванием конституции, или же довести ее до крайности, т. е. броситься в войну сначала с Россией, а потом с Австрией и Пруссией? В Варшаве не могло образоваться, как то было в 1830 году в Париже, умеренное правительство. Партия действия, находившаяся в сношениях с Лаффитом и с франко-польским комитетом в Париже, насчитывала в сейме две трети голосов.

Когда были получены первые известия о неудаче переговоров в Петербурге, сейм возобновил свои заседания. Хлопицкий нарисовал мрачную картину общего положения Европы; он видел спасение только в примирении с Николаем: «Он — ваш король, вы ему присягали». Сейм отнял диктатуру у Хлопицкого и хотел оставить ему командование армией, но Хлопицкий ответил, что намерен служить только простым солдатом. 20 января 1831 года командование было поручено князю Радзивиллу, человеку престарелому и не имевшему никакого военного опыта. Затем депутат Роман Солтык предложил объявить Николая и его наследников лишенными польского престола и освободить от присяги на верность не только поляков в королевстве, но и их «братьев» в восьми воеводствах.

Сверх того, он предложил объявить войну Австрии и Пруссии и не складывать оружия до победы или до полной гибели. Солтык смешивал, без сомнения, варшавский сейм с французским Национальным конвентом 1793 года. Чрезмерность этих предложений на первых порах испугала собрание. Но 25 января 1831 года, когда приехал Езерский и подтвердил, что Николай дарует полякам лишь одно прощение, послышались крики ярости; в одну минуту был составлен и единогласно принят членами сейма, начиная с председателя сената Чарторыйского, акт о низложении.

Этим актом сейм лишил себя всякого права ссылаться перед Европой на текст венских трактатов. Мортемар, проезжавший через Польшу, встретил в лесу эмиссаров польского правительства, рассказавших о намерении сейма вотировать низложение. Мортемар предупредил, что на его помощь они могут рассчитывать только в случае примирения польской нации с королем. Когда по приезде Мортемара в Петербург весть о низложении подтвердилась, его роль должна была ограничиться простыми разговорами с царскими министрами. Поляки поставили себя вне европейского международного права. Им оставалось только испытать счастье своего оружия.

Военные силы Польши. На другой день после ноябрьского восстания 1830 года польская армия состояла из 23 800 пехотинцев, 6800 кавалеристов при 108 артиллерийских орудиях. Правительство развило необыкновенную деятельность: оно призвало старослужащих, объявило набор рекрутов, зачисляло в полки поляков, перебегавших из австрийских, прусских и русских земель, поощряло образование вольных партизанских кавалерийских отрядов, равно как и отрядов *косиньеров*, которые после первых побед должны были обменить свои косы на ружья, захваченные у неприятеля. В марте 1831 года польская армия имела в наличии 57 924 человека пехоты, 18 272 регулярной кавалерии, 3000 волонтеров — всего 79 000 человек с 158 орудиями. В сентябре общая цифра, сильно уменьшившаяся после первых боев, поднялась до 80 821 человек. Это был максимум того, что могло выставить государство, имевшее 4 миллиона жителей, в борьбе против империи с шестидесятимиллионным населением.

Русские с самого начала могли выставить в поле 86 000 человек пехоты, 28 000 человек кавалерии, в общем 114 000 солдат при 356 орудиях, не считая гарнизонов и крепостной артиллерии. Несмотря на первые неудачи, у них в июле 1831 года имелось налицо более 86 000 человек. То был момент, когда обе враждебные армии почти сравнялись численно. И, однако,

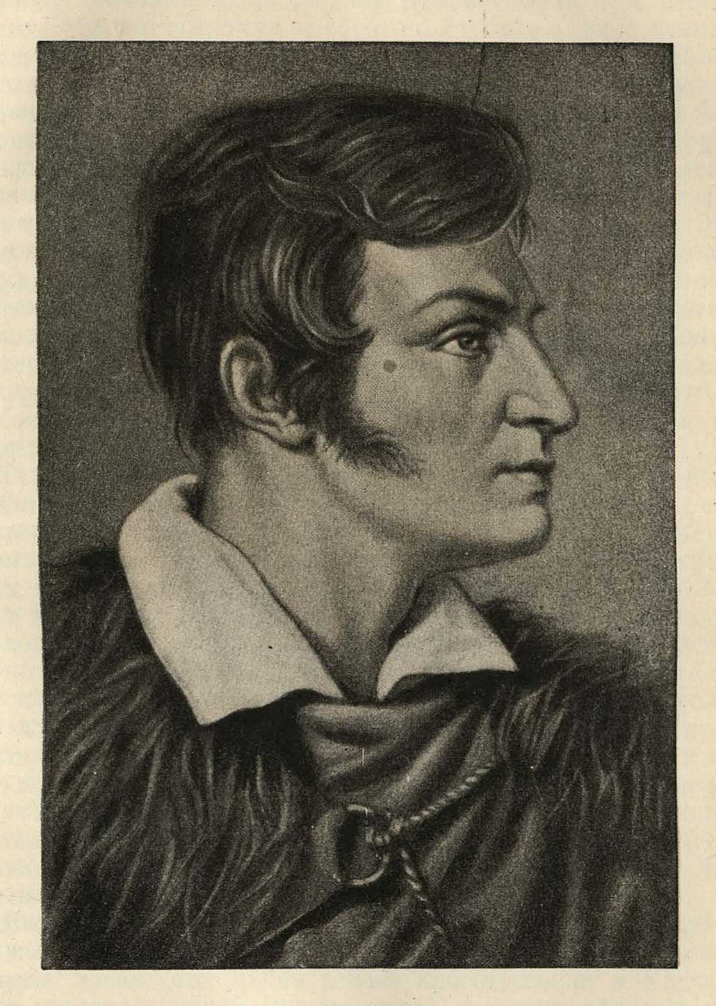
все то, что осталось от польской армии, сформированной Наполеоном и великим князем, растворилось в массе рекрутов, правда храбрых, но не прошедших военной подготовки, тогда как русские имели под знаменами почти исключительно испытанные войска. Помимо того, в продолжение всей войны русские сохраняли двойное превосходство в кавалерии и тройное в артиллерии. Наконец, ни один из польских главнокомандующих не мог сравниться как стратег если не с Дибичем, то, во всяком случае, с Паскевичем, нанесшим последний удар польскому делу.

Бои под Варшавой: Грохов, Прага. В январе 1831 года фельдмаршал Дибич, прозванный Забалканским за свой переход через Балканы, совершонный за два года перед тем, прибыл в главную квартиру русской армии, в Белосток. В приказе по войскам он говорил солдатам: «Русский штык докажет полякам, что их измена столь же бессильна, сколь и преступна». 5 февраля, зная, что приготовления поляков далеко не закончены, Дибич перешел границу пятью колоннами, решив итти прямо на Варшаву. Его воззвание «к польским воинам» с приглашением покинуть национальное знамя и манифест царя к русскому народу, в котором он называл безумием и изменой акт низложения, были оглашены на заседании сейма и возбудили живейшее негодование. Зима позволяла русским переправляться через реки по льду. Поляки были сосредоточены частью влево от них, близ Минска [1] и Калушина, частью вправо, близ Остроленки и Пултуска. Против 100 000 русских их было всего 47 000. Дибич рассчитывал пройти между обеими массами поляков и направиться к Праге. Поражение польской кавалерии при Калушине повлекло за собой отступление всей польской армии к Праге. Розен и Пален слишком увлеклись преследованием, и главнокомандующий Радзивилл надеялся разбить порознь эти две русские дивизии, заманив их в леса и болота Грохова.

19 февраля началась первая битва при Грохове. Пален выступил раньше Розена, не нашел достаточно места, чтобы развернуть свои войска, и на его глазах они были обстреляны сорока пушками Шембека, потеряли два знамени и две батареи. Получив подкрепления, Пален, в свою очередь, заставил отступить поляков, но не мог отбить у них ольховую рощу, служившую им как бы плацдармом. 20-го бой возобновился; Розен также потерпел поражение при атаке

---

[1] Здесь должно разуметь не столицу Белоруссии, а одноименный городок, расположенный на шоссе между Седлецем и Варшавой. — *Прим. ред.*

А. МИЦКЕВИЧ

ольховой рощи, потеряв 2000 человек. Дибич, поспешивший на место боя, был того мнения, что надо подождать подхода корпуса Шаховского. 24 февраля русские взяли Бялоленку; 25-го Круковецкий отнял ее обратно. Русские с ожесточением атаковали ольховую рощу. Хлопицкий был серьезно ранен, и это лишило оборону общего руководства. Русская артиллерия совершенно подавляла польскую числом орудий и быстротой стрельбы. Затем русская кавалерия массой обрушилась на польские позиции, была встречена в упор огнем пехоты и атакована с фланга Кицким. Здесь был совершенно уничтожен кирасирский полк имени принца Альберта. Эта блестящая защита обеспечила лишь отступление поляков к укреплениям Праги. Они оставили на месте боя 10 000 человек, а русские 8000. Битва была, быть может, проиграна поляками, но они с честью померялись силами с цветом императорских войск. Они могли снова восстановить силы в Варшаве, в то время как русские стояли бивуаками под открытым небом в суровую зиму, нуждаясь в припасах, умирая от холеры.

Так как главнокомандующий Радзивилл обнаружил полнейшее отсутствие всяких военных талантов, сейм заменил его Скржинецким, который объявил, что спасет национальную честь, «так как устроит великую могилу для русской армии». Тем не менее он вернулся к политике Хлопицкого и пробовал завязать переговоры с Дибичем. 26 февраля русская пехота силой заняла Прагу и разместилась там. Дибич не делал попытки перейти Вислу ни даже сжечь большой мост: он ожидал предложений капитуляции. Но так как их не последовало, он решил расположиться на зимние квартиры; приказал войскам отступить и разместил их по деревням: в деревне Вавре стал генерал Гейсмар, в Дембе-Вельке — Розен. В это время сейм под влиянием клубов решил пропагандировать восстание в соседних областях; он послал корпус Дверницкого в Подолию и на Волынь, а корпус Серавского — в Люблинское воеводство.

Наступление поляков: Вавр, Дембе-Вельке, Игане (март—апрель). Прондзинский, начальник главного штаба польской армии, узнав, что Дибич делает приготовления в Карчеве для переправы через Вислу, решил попытать сильную диверсию. Он попробовал склонить Скржинецкого к своему плану, заключавшемуся в том, чтобы захватить русских на зимних квартирах и уничтожить поодиночке отдельные корпуса. Скржинецкий потерял две недели на размышления; только в ночь с 30 на 31 марта польская армия перешла через

мост, соединяющий Варшаву с Прагой. 31 марта корпус Гейсмара был первым захвачен в Вавре и рассеян менее чем в час, причем потерял два знамени, две пушки и 2000 человек пленными. После полудня поляки напали на Розена в Дембе-Вельке. Деревня была взята, русская пехота опрокинута блестящей атакой кавалерии, предводимой Скаржинским. Розен едва не попал в плен. Его левое крыло было уничтожено, но правое успело отступить под прикрытием ночи. 1 апреля поляки настигли его у Калушина и отняли три знамени. Прондзинский торопил главнокомандующего воспользоваться разгромом русской армии и захватить самого Дибича. Но Скржинецкий потерял пять дней, затем двинулся очень медленно и 10 апреля встретил в Игане русские части под командой Розена, уже получившие сильные подкрепления и занимавшие позицию под прикрытием двух батарей. Батареи были взяты и отняты вновь, атаки русской кавалерии отбиты, и польская пехота без единого выстрела захватила деревню, ударив в штыки. Русские потеряли 1000 человек выбывшими из строя и 2000 пленными. В результате этой блестящей одиннадцатидневной кампании поляки помешали русским перейти через Вислу под Карчевым, и русская армия потеряла 16 000 человек, 10 знамен и 30 пушек. Победа была бы еще решительнее, если бы Скржинецкий не испортил своей медлительностью планов начальника главного штаба. Тем не менее с этой минуты он прослыл великим полководцем.

Бой под Остроленкой (май). Русская гвардия под начальством Бистрома и великого князя Михаила была расположена между Бугом и Наревом, в деревнях вокруг Остроленки. Надо было помешать Дибичу соединиться с ней. Скржинецкий послал 8000 человек остановить и задержать фельдмаршала; сам же он с 40 000 тайком перешел через Буг и расположился в Сероцке. Великий князь и Бистром, очень встревоженные, поспешили отступить; поляки заняли Остроленку и преследовали русских по направлению к Белостоку. 15 мая русская гвардия и корпус Дибича соединились и смогли выставить против 40 000 поляков 70 000. Русские войска вернулись к Остроленке, вновь захватили этот город и начали переправляться через Нарев. Чтобы помешать им, Скржинецкий дал 26 мая кровавое сражение, но должен был уступить превосходству артиллерии и отошел сначала к Пултуску, а потом к Варшаве.

Между тем, в ту самую минуту, когда затихало восстание в Подолии и на Волыни, первые польские победы повлекли за собой восстание в Литве. Генералы Хлаповский, Гелгуд

и Дембинский, посланные для поддержки этого восстания, не успев захватить Вильны, вскоре должны были отойти.

Замена Дибича Паскевичем. Переход через Вислу (июль). Император был очень недоволен Дибичем, обещавшим вступить в Варшаву в конце февраля. 9 июня граф Орлов был послан к Дибичу с предложением подать в отставку. «Я сделаю это завтра», — ответил фельдмаршал. На другой день он скончался от холеры. Его преемником был назначен Паскевич-Эриванский. Он прибыл, предшествуемый блестящей и прочной военной славой. Начальником штаба у него был Толь. Против 50 000 войска и 142 пушек Скржинецкого, ослабленного отсылкой корпуса в Литву, он располагал армией в 86 000 человек и 438 орудий. Он решил во что бы то ни стало перейти через Вислу, рассчитывая, что левый берег, менее опустошенный, чем правый, позволит ему прокормить армию и что Варшаву легче взять с запада (предместья Чисте и Воля), чем с востока (предместье Прага). Скржинецкий, утверждая, что «никогда нельзя помешать врагу перейти через реку», не сделал ничего, чтобы воспрепятствовать этому переходу, чтобы напасть на русскую армию, разделенную Вислой на две части, или чтобы остановить ее движение по левому берегу. 8 июля Паскевич занял Плоцк. Он сделал вид, что хочет произвести переправу в этом пункте, а в это время Пален при помощи понтонов, присланных из Пруссии, построил мосты в Осецке, и 19 июля армия переправилась.

Паника и резня в Варшаве. Уже 20 июня при известии о поражении, которое потерпел генерал Янковский, в Варшаве вспыхнул бунт. Правительство, уступая крикам толпы, приказало арестовать этого генерала, а также его зятя, генерала Бутковского, и еще нескольких генералов и полковников, кроме того камергера Феншау, состоявшего шпионом при Константине, и жену русского генерала Базунова. Они были заключены в варшавский Замок. Волнение вспыхнуло снова, когда было получено известие о переходе русской армии через Вислу. Скржинецкий был принужден подать в отставку, и польские войска остались без начальника, между тем как гражданское правительство было бессильно поддержать порядок в городе. 15 августа народ оттеснил национальную гвардию, охранявшую Замок, и убил там Янковского, Бутковского, Феншау, еще нескольких генералов и Базунову. Убийства продолжались и по другим тюрьмам. Число жертв достигло тридцати трех.

16 августа генерал Круковецкий после тщетных попыток успокоить толпу объявил себя комендантом города. Утвер-

жденный в этой должности Исполнительной комиссией, он рассеял сборища с помощью войсковых частей, призванных из армии, арестовал клубистов, закрыл помещение Патриотического общества и начал производить расследование. Правительство подало в отставку. Собрался сейм. Он назначил главнокомандующим Дембинского. Последний продолжил следствие, учредил военный суд, обвинил Круковецкого в бездействии, а Лелевеля — в участии в беспорядках. Все ополчились против Дембинского. Его обвинили в стремлении к диктатуре и в желании передать Варшаву русским. Сейм назначил новое правительство из пяти членов и заменил Дембинского Круковецким. Последний велел казнить четверых участников убийств, совершонных 15 августа.

Осада Варшавы (август—сентябрь). 19 августа русская армия расположилась в нескольких милях от Варшавы. Со стороны предместья Воли городу угрожали главные неприятельские силы; со стороны Праги — Розен и войска правого берега. На военном совете, который держали польские генералы, Круковецкий предложил дать битву перед Волей со всеми наличными польскими силами; Уминский — ограничиться защитой города, но захватить обратно территории на правом берегу; Дембинский — избавить столицу от ужасов осады и перейти в Литву с правительством и армией. Кончили тем, что остановились на предложении Уминского: решено было сопротивляться Паскевичу под прикрытием довольно жалких укреплений, преграждавших подступы к городу; Лубенский с 3000 всадников должен был снова занять Плоцкое воеводство; Раморино [1] с 20 000 человек получил приказание атаковать русских на правом берегу. Это разделение армии было великой ошибкой: в Минском воеводстве уже находились значительные силы Хржановского, который оказался не в состоянии уничтожить несколько тысяч русских под начальством Головина; Раморино, преследуя Головина и Розена, в минуту крайней опасности очутился близ Брест-Литовска, в 35 милях от Варшавы.

С западной стороны Варшава была защищена двумя линиями укреплений: в 600 метрах от городского вала тянулся целый ряд редутов, шедших от укрепленного предместья Чисте до деревни Мокотова; в 1600 метрах — второй ряд укреплений, опирающийся на деревню и форт Волю и укрепленную деревню Раковец. Первую линию защищал Дем-

[1] Итальянец, родившийся в Женеве в 1792 году. Его считали побочным сыном маршала Ланна. Он участвовал в битве при Ваграме в качестве солдата, а во время русского похода был артиллерийским капитаном.

бинский, вторую — Бем. Главнокомандующий Круковецкий, испуганный создавшимся положением, сделал попытку завязать тайные переговоры с Паскевичем. Последний предложил полякам амнистию и некоторые гарантии на будущее время; но о «восьми воеводствах» не могло быть и речи, и амнистия не должна была распространяться на литовских повстанцев, в которых царь видел просто взбунтовавшихся русских подданных, недостойных ни малейшего снисхождения. Эти предложения были сообщены польскому правительству и с негодованием отвергнуты. Круковецкий ответил фельдмаршалу, что поляки «взялись за оружие для завоевания независимости в тех границах, которые некогда отделяли их от России». Таким образом, накануне потери самой Варшавы поляки продолжали требовать возвращения Литвы и Украины.

Польская армия насчитывала в Варшаве 50 000 человек, из которых 15 000 приходилось на долю национальной гвардии. В то время как поляки ослабили себя неосторожными диверсиями, Паскевич собрал вокруг себя все рассеянные дотоле корпуса Крейца, Головина и Ридигера. Он располагал более чем 78 000 человек и артиллерией около 400 орудий. Пален должен был вести атаку слева, Шаховской — в центре, великий князь Михаил с гвардией — справа; Крейц и кавалерия составляли резерв. Бем дал знать в Варшаву, что он не в состоянии продержаться на своих позициях долее двадцати четырех часов, «после чего, — сказал он, — все мы будем или убиты, или взяты в плен».

6 сентября на рассвете русская артиллерия открыла страшный огонь по передовым редутам. Они были взяты в штыки русской пехотой, так же как Раковец и другие деревни. Воля была почти окружена. Генерал Совинский, защищавший ее, на требование сдаться ответил русским: «Одно из ваших ядер оторвало мне ногу под Бородиным, и я более не в состоянии сделать ни одного шага назад». Когда деревня была взята приступом, бой продолжался в церкви; Совинский был убит у подножия алтаря; Высоцкий, будучи ранен, сорвал зубами повязки, наложенные на раны хирургами.

Вылазка, произведенная защитниками второй линии и города под начальством Дембинского и Круковецкого, потерпела неудачу; русские уже сильно окопались в укреплениях первой линии. Сам главнокомандующий устроился в Воле. Всю ночь с 6 на 7 сентября русская артиллерия бомбардировала вторую линию; польская артиллерия, которой нехватало зарядов, отвечала с перерывами.

Падение Варшавы. 7 сентября в 3 часа утра Прондзинский явился перед русскими аванпостами с письмом от Круковецкого, в котором изъявлялась покорность армии и нации «законному государю». Паскевич с целью ускорения переговоров просил польского главнокомандующего явиться к нему. Круковецкий в сопровождении Прондзинского прибыл в 8 часов утра, но, указав, что «полное» подчинение, требуемое Паскевичем, слишком унизительно, заявил, что не имеет полномочий от сейма. «Остановимся на этом, — ответил фельдмаршал, вынимая часы, — через час я начну приступ». Между тем время шло; в полдень сейм собрался на заседание; послышались негодующие крики: требовали отставки министров; Островский, Винцент Немоевский требовали предания Круковецкого суду, советовали вооружить народ и всей массой двинуться к укреплениям. Роман Солтык восклицал: «Мы можем погибнуть, но унизиться — никогда! Мы исполнили наш долг членов сейма, исполним же теперь наш долг воинов!» В половине второго бомбардировка по приказу Паскевича возобновилась, — пришлось прервать заседание, и сейм разошелся до 4 часов.

Двести пушечных жерл гремели против городских укреплений; польская артиллерия едва отвечала. Русская армия, построившись тремя колоннами, начала приступ, причем гвардия и кавалерия оставались в резерве. Штыковая контратака, руководимая генералом Уминским, была отбита русской картечью. В 4 часа русские, имея впереди барабанщиков и полковые оркестры, разом атаковали все внешние укрепления и взяли их в штыки. Ничто более не защищало Варшаву, кроме низкой ограды, походившей на простую таможенную заставу для взимания городских ввозных пошлин.

Тогда Прондзинский явился к русским с заявлением, что Круковецкий получил наконец от сейма достаточные полномочия. Паскевич, раненный в руку во время боя, сначала не хотел остановиться, убежденный, что поляки стремятся только выиграть время с целью вернуть 20 000 человек корпуса Раморино. Однако он послал в город своего начальника штаба Берга с двумя другими офицерами. Приведенные в Замок, они целый час ожидали Круковецкого. Последний, протянув еще некоторое время, наконец решился подписать капитуляцию. Но тут вмешался сейм и предложил другие условия. Круковецкий вышел из членов правительства. Пользуясь этими проволочками, он приказал переправить через Вислу 32 000 человек польской армии, сказав депутатам: «Спасайте Варшаву... Мой долг спасти армию».

Берг и русские офицеры напрасно искали по городу, с кем можно было бы вести переговоры. Потеряв терпение, они объявили, что штурм города начнется в 4 часа утра. Малаховский взял на себя написать фельдмаршалу заявление о том, что в 5 часов ворота будут открыты русским, и вверял ему город, отныне беззащитный. Итак, Варшава пала без капитуляции, которой никто не подписывал.

8 сентября в 5 часов русские заняли посты, арсеналы и склады. В 10 часов маршал Паскевич торжественно вступил в город. Он написал царю: «Варшава у ног вашего величества».

В этот день польская армия, сильно уменьшившаяся вследствие дезертирства, сосредоточилась около Плоцка. 20 000 человек с 92 орудиями под начальством Рыбинского перешли границу и сложили оружие на прусской территории. Рожицкий и Каминский увели с собой 10 000 человек в Краков, а Раморино — 15 000 человек в австрийскую Галицию. Осталось всего-навсего 10 000 солдат, осажденных в Плоцке, Модлине и Замостье. В течение октября они сдались русским.

Польша потерпела поражение; не было уже ни королевства, ни армии. Политическое творение Александра и то, что сделал для польской армии Константин, — все это было одинаково уничтожено. Но сопротивление Польши спасло по крайней мере парижскую и бельгийскую революции, так как в то время, как Паскевич совершал свой переход через Вислу, французская армия смогла вступить в Бельгию, прогнать голландские войска и обеспечить таким образом независимость нового королевства. Сверх того Европа обнаружила, что, даже ведя войну в своих собственных владениях, Николай не мог ни разу выставить более 114 000 человек одновременно. С этой минуты престиж русского самодержавия — этот кошмар либеральной Европы — рассеялся. Заметим, что в результате разгрома Польши Россия теряла почти столько же, сколько и сама Польша: парламентский опыт, испробованный в Варшаве, отодвинул на долгие годы всякую возможность подобного опыта в Петербурге. Самодержавие одержало победу в Варшаве в сентябре 1831 года, как и в Петербурге в декабре 1825 года. Итак, расширялась пропасть между Западной Европой, где одни страны уже были конституционными, а другие стремились стать таковыми, и Восточной, вновь подчинившейся принципу абсолютизма.

Польские эмигранты. Генералы, тысячи польских офицеров и солдат, бежавших в Швейцарию, во Францию, в Англию, принятых и как бы усыновленных государствами со свободным устройством, образовали с этих пор грозную силу все-

мирной революции. Они отныне встречались повсюду, где надо было поддерживать борьбу за свободу: в восстаниях в Париже, Берлине, Вене, в революциях в Италии, Германии, Венгрии, Румынии. Во Франции, где палаты вотировали вспомогательные фонды для эмигрантов, где для их детей основали в Батиньоле польскую школу (1842), изгнанники собрались в особенно большом количестве. Мицкевич написал для них *Книгу польского странника;* он воодушевлял их своими пламенными стихами; с 1840 по 1844 год, занимая лекторскую кафедру в Коллеж де Франс, он вместе с Кине и Мишле проповедывал национальные революции и воскресение порабощенных народов. Церковь и кладбище в Монморанси приняли прах многих польских героев, ораторов и поэтов.

Польша под царским игом. Император Николай, когда Польша очутилась «у его ног», решил, сохраняя для нее название царства, а для себя титул царя, уничтожить все, что могло бы поддерживать «иллюзии о независимой Польше» и содействовать ее восстановлению. Вопреки амнистии, провозглашенной 6 ноября, — правда, со множеством оговорок, — избранная часть нации была терроризована конфискациями, ссылками в Сибирь и переселениями целых семейств. Конституция, дарованная Александром, была уничтожена; коронование царя должно было совершаться в Москве одновременно с коронованием императора. Министерства были уничтожены и заменены управлениями и комиссиями, подведомственными различным русским министерствам; административный совет превратился всего-навсего в собрание директоров под председательством наместника; Варшавский университет потерял свой юридический факультет; Национальная библиотека была перевезена в Петербург; польская армия была распущена, и ее составные элементы распределены по русским полкам; охрана королевства была поручена общим силам империи; вся русская организация: система налогов, судопроизводство, денежная система были мало-помалу введены в королевстве; польские ордена уцелели только как русские ордена и раздавались теперь наиболее преданным слугам самодержавия; вместо памятника, который должны были поставить Иосифу Понятовскому, был поставлен памятник Паскевичу. В 1844 году старинные исторические воеводства были переименованы в пять губерний: Варшавскую, Радомскую, Люблинскую, Плоцкую, Модлинскую. В 1833 году попытка Заливского поднять восстание в Люблинском воеводстве окончилась расстрелами

и виселицами. В октябре 1835 года Николай, показывая варшавским нотаблям новую цитадель, предупредил их, что при малейшей попытке мятежа город будет разгромлен и уничтожен. Русская Польша была так жестоко усмирена, что не шевельнулась даже во время кризиса 1848 года.

Литва и Западная Украина под русским владычеством. В тех областях, на присоединение которых к своему королевству поляки рассчитывали и где польская культура и язык являлись в действительности уделом бывших господствующих классов, была предпринята систематическая борьба для искоренения полонизма. Дело шло о руссификации Литвы, об ассимиляции русских земель, принадлежавших некогда Польше, с царской Россией. Университет в Вильне был упразднен, польский язык изгнан из всех школ, из всех административных и судебных актов. Православные крестьяне Украины и Белоруссии в свое время (в XVII веке) подчинились Римской унии лишь после жесточайших насилий со стороны поляков; теперь подобные же насилия были пущены в ход уже со стороны русского правительства, чтобы заставить их отказаться от унии. Крестьян принуждали снова стать православными, чтобы они полнее чувствовали себя русскими. Духовенство, католические монахи и монахини были изгнаны из страны. В Литве, стране глубоко католической, удовольствовались тем, что наблюдали очень строго за духовенством, докучая ему, как и духовенству в Польше, энцикликами покладистого (по отношению к царю) папы Григория XVI. В Литве и в Западной Украине наиболее польским элементом являлось мелкое дворянство. С октября 1831 года оно стало жертвой всевозможных суровых мер со стороны властей. Был произведен строгий пересмотр прав дворянства, и многие дворяне были выключены и переведены в сословие однодворцев, или свободных крестьян. Равным образом был произведен пересмотр денежных и иных повинностей, которые причитались помещикам с крестьян. Земледелец выиграл при этом все, что теряли его прежние господа. Это было для крестьянина как бы преддверием эмансипации 1861 г. Не было ничего упущено, чтобы заставить пана отказаться от земли и перевести владение землей в руки крестьян или русских помещиков. Восточные «воеводства», которых так усиленно добивались поляки, сделались официально «юго-западными губерниями».

Надо сказать, Пруссия и Австрия работали над денационализацией своих польских территорий с тем же рвением. 13 марта 1833 года берлинское правительство издало инструк-

цию для выкупа польских земель и перепродажи их приобретателям германского происхождения. Франкфуртский сейм угрожающе выступил перед Швейцарской федерацией, приглашая ее наблюдать за польскими эмигрантами. Согласие трех держав, участвовавших в разделе Польши, проявившееся во время подавления польского восстания, окрепло на руинах Польши. Это согласие трех держав проявилось особенно в Мюнхенгрецкой конвенции (8 сентября 1833 г.), в силу которой все три двора (русский, австрийский, прусский) обязывались в случае польского движения выставлять на помощь друг другу по 3500 человек, разрешали при военных операциях против поляков не считаться с государственными границами и обязывались выдавать друг другу агитаторов.

Уничтожение Краковской республики. Между тем посреди этих порабощенных частей Польши продолжала существовать маленькая независимая Польша — *Краковская республика*, которую трактаты 1815 года наделили конституцией, сеймом и *правительствующим сенатом*. Со своим университетом эта республика оставалась как бы цитаделью национальной литературы, языка, мысли, национальных упований. Часто она служила также убежищем политическим беглецам — главной квартирой, где замышлялись вооруженные посягательства против соседних территорий. По национальному пристрастию или по слабости сенат компрометировал себя более, чем то допускали его международные обязательства. Бывали моменты, когда у кормила правления его заменяли эмигранты. Сенат получал строгие предупреждения, мотивируемые присутствием иностранных поляков, приютом, даваемым то солдатам Раморино, то бандам Заливского. В феврале 1836 года от сената потребовали изгнания польских эмигрантов; город подвергся оккупации со стороны войск трех держав, существенному изменению органического статута, чистке сейма. Представители трех дворов с тех пор не переставали требовать изменений в конституции или в личном составе краковского правительства, и эти требования подкреплялись военными оккупациями.

В 1846 году произошло польское движение против австрийской императорской власти в восточной Галиции, украинской по населению и православной по религии, за исключением дворянства, говорившего по-польски. Австрийскому правительству стоило только предоставить крестьянам свободу действий относительно дворян, — и крестьянское восстание обагрило кровью страну. В январе 1846 года Краков снова стал сборным пунктом для концентрации эмигрантов, и

законные краковские власти были заменены «национальным правительством Польской республики». Оно состояло из семи членов, выбранных от трех частей Польши и, кроме того, от польской эмиграции, от свободного города Кракова и от Литвы. Во главе этого правительства стояли Людовик Горжковский, Ян Тыссовский и Александр Гржегоржевский и оно заявило миру, что «час восстания пробил». Атака австрийских войск на первых порах была отражена. Затем австрийцы заняли город и цитадель, но вскоре (20 февраля) их вновь изгнали оттуда. Восстание распространяется по западной Галиции, в то время как восточная охвачена украинским крестьянским движением.[1] В прусской Познани вспыхивают беспорядки. Наконец, соединенные силы трех держав подавляют восстание и вступают в Краков (март). Протесты со стороны Франции и Англии со ссылками на Венский трактат несколько отдаляют роковую развязку... Но договор, заключенный в Вене 6 ноября 1846 года между тремя северными державами, «имея в виду, что Краков, очевидно, чересчур слабая политическая величина, чтобы противиться непрестанным интригам польских эмигрантов, держащим этот свободный город в моральном подчинении», — санкционирует уничтожение маленькой республики и присоединяет ее территорию к Австрийской империи. С этой минуты не осталось больше ни одного клочка независимой Польши.

---

[1] Автор совсем не отмечает здесь вполне уже доказанного в настоящее время провокаторского участия меттерниховской полиции в подготовке и организации нападений крестьян на польских помещиков в Галиции в 1846 году с целью терроризовать их и прекратить всякие попытки к польскому национальному восстанию. — *Прим. ред.*

ГЛАВА IX

ВОССТАНИЕ В БЕЛЬГИИ. БЕЛЬГИЙСКОЕ КОРОЛЕВСТВО

1814—1847

I. Соединение Голландии с Бельгией

Тотчас после крушения наполеоновской Империи четыре союзные великие державы — Австрия, Россия, Пруссия и Англия — решили отнять у Франции всякую возможность снова потрясать или подчинять Европу.[1] В числе мер, могущих способствовать этой цели, на первый план было поставлено создание на северо-восточной границе Франции сильного государства, которое держало бы ее в узде. Эта мысль была не нова: не говоря уже о далеком прошлом, когда бургундские герцоги, а за ними Габсбурги, сосредоточивали под своей властью все Фландрские области, — во время коалиции 1805 года некий итальянский аббат, по фамилии Пиатоли, сочинил проект образования особого королевства Обеих Бельгий под властью одного из государей Оранского дома, и этот проект встретил сочувствие со стороны петербургского и лондонского дворов. В 1814 году эта мысль была снова поставлена на очередь и 1 марта в Шомоне лорд Кэстльри предложил союзникам соединить Голландию с Бельгией. Так возникла злополучная комбинация, построенная на априорных принципах вопреки историческому опыту и заранее обреченная на исчезновение вследствие тех самых противоречий, которые она пыталась примирить.

Основание Нидерландского королевства. В общих чертах эта комбинация была намечена в первом Парижском трактате (30 мая 1814 г.). Согласно статье 6 Голландия, «поставленная под верховенство Оранского дома», должна получить «терри-

[1] См. гл. I.

ториальное приращение», а двумя отдельными секретными статьями был определен приблизительный размер этой прирезки на пространстве между морем, Францией и рекой Маасом и даже между Маасом и Рейном (ст. 3 и 4). Три недели спустя уполномоченные четырех союзных держав, собравшись в Лондоне на конференцию, определили основные условия соединения Голландии с Бельгией. Почин в этом деле взял на себя лорд Кленкарти, а принца Оранского, носившего титул «владетельного государя Нидерландов», решено было просить примкнуть к этому плану, с тем чтобы он возможно более либеральным путем осуществил «амальгаму» обоих государств (20 и 21 июля 1814 г.). Условия соединения были изложены в восьми статьях; Вильгельм Оранский принял их в Гааге 21 июля, но публично они стали известны лишь через год. Общий их смысл сводился к следующему: Голландия и присоединяемые к ней территории составят одно государство, «управляемое той конституцией, которая установлена в Голландии», с необходимыми изменениями; бельгийские провинции должны быть «приличным образом» представлены в генеральных штатах и будут отныне делить с голландскими провинциями все тяготы и преимущества.

В знак своей благодарности за добрые услуги Англии Вильгельм поспешил теснее связать себя с нею посредством Лондонского договора, причем Англия возвращала Голландии колонии, отнятые после 1 января 1803 года, за исключением мыса Доброй Надежды в Африке, Демерари, Эссеквибо и Бербиса в Америке. Так как Цейлон был уже уступлен Голландией в 1802 году, то в конечном итоге она отказывалась от всех своих заморских владений, кроме Зондских островов (13 августа 1814 г.). Уплатив таким образом Англии за труды и обеспечив себе дружественное расположение Австрии и Франции путем поддержки их требований на Венском конгрессе против России и Пруссии, принц Оранский отважился, наконец, присвоить себе титул, о котором давно мечтал, и 16 марта 1815 года, в тот самый момент, когда возвращение Наполеона с острова Эльбы грозило Европе новыми потрясениями, он провозгласил себя «королем Нидерландским». Месяц спустя в качестве «короля» он примкнул к лиге против Наполеона, и державы косвенно признали за ним королевский титул, утвердив его вступление в лигу с этим титулом. Различные вопросы, связанные с возникновением нового королевства, были разрешены несколькими соглашениями, заключенными баронами Гагерном и Спаном, представителями Вильгельма Оранского на Венском конгрессе, или его же

лондонским посланником. Таков был акт 19 мая 1815 года, в силу которого Россия получала возмещение военных издержек в форме заключенного в Голландии русского займа в 50 миллионов флоринов, реализацию которого брали на себя Англия и Нидерланды. Четырьмя договорами, заключенными в Вене 31 мая 1815 года с Австрией, Англией, Россией и Пруссией и внесенными затем в окончательный акт конгресса, было официально провозглашено существование Нидерландского королевства и определены его границы.

Новое королевство обнимало старые голландские и бельгийские провинции, епископство Льежское и великое герцогство Люксембургское. В силу германской федеральной конституции (8 июня 1815 г.) нидерландский король входил в состав Германской федерации как государь великого герцогства Люксембургского, которое было уступлено ему в личную собственность взамен его нассауских владений (Дилленбург, Зиген, Диц, Гадамар). После сражения при Ватерлоо и падения Наполеона границы королевства были исправлены вторым Парижским трактатом (20 ноября 1815 г.), — этим трактатом к Нидерландам были присоединены территории Филиппвиль и Мариенбург, а также герцогство Бульонское, до последнего времени входившие в состав Франции. Наконец, дополнительными договорами 1816—1817 годов (особенно договором с Пруссией 26 июня 1816 г.) и Франкфуртским территориальным рецессом 20 июля 1819 года эти постановления были дополнены, и территориальный состав Нидерландского королевства определился окончательно.

II. Правление Вильгельма I и бельгийцы

Едва взойдя на престол, Вильгельм I встретился с большими затруднениями. Правда, в первом порыве энтузиазма бельгийцы восторженно приветствовали своего нового государя и сомкнулись вокруг него для борьбы с Наполеоном. Но когда им стали точнее известны условия их соединения с голландцами, когда они поняли, что с их страной поступили как с пустошью и что она признана лишь «придатком» к нидерландской территории, когда они почувствовали, что их не только соединили, но и подчинили народу, разнившемуся от них нравами, интересами и верованиями, — тогда восторг их стал охладевать и они горько призадумались над своей участью. В сущности, бельгийцы никогда не представляли собой нации, а вековое порабощение их испанцами

и австрийцами плохо подготовило их к независимости. Но революционные потрясения пробудили в них сознание своей индивидуальности, и они радостно приветствовали прокламацию, в которой генерал Бюлов сулил им автономию (февраль 1814 г.). Бельгийцы отнюдь не заслуживали презрения со стороны подкупленных Голландией публицистов, позднее называвших их страну «привычной колонией всех держав» и «собранием областей, где последовательно паслись все кони Европы». В 1815 году это был народ, отупевший от тяжелых испытаний, но уже готовый пробудиться для идей свободы и национального самоуправления. Отсюда — глухая тревога, овладевшая им с самого начала царствования Вильгельма Оранского, и не замедлившая проявиться глухая оппозиция его правлению.

Вильгельм I не сумел рассеять общее недовольство. Его простота и добродушие не искупали врожденной недоверчивости и вялости. Его либеральные стремления очень скоро были подчинены ретроградным предрассудкам. Вильгельм беспрестанно колебался между желанием привязать к себе подданных и страхом выказать слабость. Кроме того, убежденный в своем умственном превосходстве и в непогрешимости своих суждений, он установил режим личного и самовластного управления, тем более невыносимый для бельгийцев, что Вильгельм не постеснялся придать ему вполне голландский и протестантский характер. В придворном кругу считали, что старший сын короля, носивший официально титул принца Оранского и вскоре женившийся на дочери Павла I, великой княжне Анне Павловне, питает особую симпатию к Бельгии. Он был в Бельгии очень популярен, но стоял совершенно в стороне от государственных дел. Министры, которыми окружал себя Вильгельм I, почти без исключения были голландцы и стремились упрочить верховенство за северными провинциями. Притом выдающиеся деятели первых лет — барон Гогендорп, Фальк, ван Нагель, Рулль — не могли долго ладить с королем, который самое большее лишь советовался с ними и важные решения часто принимал без их ведома. Постепенно они уступили место советникам абсолютно послушным и покладистым, вроде министра юстиции ван Маанена, служившего и изменявшего последовательно нескольким режимам до Вильгельма I и справедливо прозванного «злым гением короля», или вроде министра внутренних дел ван Гоббельскроя, или статс-секретаря ван Стрефкерка, которого сравнивали с колоколом, безмолвствующим или трезвонящим по желанию государя. Таким образом, все бестактные меры и необдуман-

ные декреты, на которые жаловались бельгийцы, исходили непосредственно от Вильгельма, и на него в значительной мере падает ответственность за те политические, экономические и религиозные трения, которые роковым образом ускорили мятеж.

Политические трения. Конституция 1815 года. Непосредственно по превращении Нидерландов в королевство особой комиссии было поручено пересмотреть «основной» закон, принятый Соединенными провинциями в марте 1814 года, и внести в него необходимые поправки для согласования с новым порядком (22 апреля 1815 г.). Председателем комиссии был Гейсберт Карел ван Гогендорп, членами — 11 голландцев и 11 бельгийцев, все по назначению короля. В их числе были люди способные и умеренно-прогрессивного образа мыслей (ван дер Дюин де Маасдам и Жандебьен), были и завзятые реакционеры (граф Мерод-Вестерлоо и де Тиеннес) и, наконец, радикалы (Леклерк и Дотранж). В комиссии возникли горячие споры, особенно по вопросу об ответственности министров, — на чем настаивали либералы, но что было отвергнуто, — по вопросу о выборе столицы для королевства, причем голландцы предлагали Амстердам, бельгийцы — Брюссель (в конце концов решено было вовсе не упоминать о столице), главное же — по вопросу об организации представительства: наперекор Гогендорпу, желавшему сохранить единую палату под исконным названием генеральных штатов, решено было учредить две палаты, из коих первую должны составлять 40—60 членов, назначаемых пожизненно королем, а вторую — 110 депутатов (55 голландцев и 55 бельгийцев), избираемых провинциальными штатами. Жандебьен безуспешно восставал против этого уравнения числа депутатов, указывая, что в Бельгии больше 3 миллионов жителей, тогда как в Соединенных провинциях меньше 2 миллионов. Ван Маанен отвечал, что Голландия уже два века представляет собой суверенное и независимое государство и что она не согласится уступить первенство бельгийцам. Гогендорп вместе с тем заявил, что необходимо принять в расчет благосостояние и культурный уровень обеих стран и — если уж принимать за основание число жителей — нельзя игнорировать и миллионное народонаселение нидерландских колоний. Вопрос, несомненно, был крайне щекотливый, и надо признать, что Голландия с полным правом могла требовать себе в генеральных штатах по меньшей мере столько же мест, сколько получали провинции, только что включенные в ее состав. Антагонизм между голландцами и бельгийцами проявился и в дру-

гих вопросах, например при обсуждении статей, касавшихся религии: бельгийские клерикалы не хотели согласиться на равное покровительство всем исповеданиям, установленное Лондонским протоколом (июнь 1814 г.), и когда оно все же было в принципе принято, фанатическое духовенство объявило его несовместимым с существованием католической религии. Несмотря на все эти затруднения, пересмотр конституции был закончен в июле 1815 года. Оставалось только народным представителям санкционировать его.

«Основной закон» Нидерландского королевства устанавливал ничтожные гарантии против самовластия короля. Предоставление последнему права назначать членов верхней палаты и безответственность министров шли вразрез с истинными принципами конституционной монархии. Бюджет утверждался генеральными штатами, но он делился на *чрезвычайный*, обсуждаемый ежегодно, и *обыкновенный*, вотируемый сразу на десять лет. Это исключало всякий действительный контроль в области финансов. Генеральные штаты могли отвергать законопроекты, но не имели права вносить в них поправки. Несменяемость судей была обещана, но лишь в будущем, и вовсе не упоминалось о суде присяжных, к которому бельгийцы привыкли в эпоху французского владычества и который был упразднен простым указом в ноябре 1814 года. Свобода печати была оговорена в конституции, однако при этом остался неотмененным необыкновенно суровый указ, изданный 20 апреля 1815 года, в опаснейший момент войны с Наполеоном, и каравший некоторые проступки по делам печати клеймением, шестилетним тюремным заключением и штрафом в 10 000 франков. Таким образом, в этом «основном законе» было немало недостатков и пробелов, особенно чувствительных для бельгийцев, которых помимо всего раздражали узаконения по вопросам парламентского представительства и свободы культов.

Недовольство бельгийцев проявилось тотчас же, лишь только им предложили высказать свое мнение. В то время как голландские генеральные штаты единогласно утвердили новую конституцию, бельгийские нотабли, созванные в Брюсселе 18 августа 1815 года, не постеснялись ее отвергнуть: из 1323 вотировавших 796 высказались против принятия хартии и только 527 — за нее. Это произвело тем больший эффект, что король не ожидал подобного противодействия. В первую минуту он проявил одновременно гнев и испуг, но быстро опомнился и вышел из затруднения путем совершенно произвольного акта: он сосчитал в числе голосовавших за конституцию

280 нотаблей, не явившихся на собрание в Брюссель, признал недействительными около ста враждебных вотумов под тем предлогом, что они не были законно мотивированы, и объявил конституцию принятой (24 августа 1815 г.). Таким образом, он обошел волю бельгийцев и навязал им ряд пунктов, которые они отвергли подавляющим большинством. С этих пор «основной закон» Нидерландского королевства, уже сам по себе противший бельгийцам постановлениями в области избирательного права, законодательства и суда, прослыл ввиду способа, которым он был установлен, «политическим подлогом» и перманентным затяжным государственным переворотом в ущерб их правам.

Неравномерное распределение власти между северной и южной частями Нидерландов. Так как политический строй королевства определяли голландцы, то все было как нельзя лучше приноровлено к их особым интересам. Главные правительственные и административные органы имели пребывание на севере, а статья 98 конституции, в силу которой генеральные штаты должны были собираться поочередно то в одном из голландских, то в одном из бельгийских городов, обусловливала лишь кратковременные переезды двора, министров и государственного совета на юг. Все канцелярии во время этих кочевок оставались в Гааге, и чиновники, переезжая в Брюссель, считались командированными за пределы своего законного местопребывания, получая прогоны и суточные, как если бы они находились за границей. После революции 1830 года бельгийцы принялись подсчитывать государственные учреждения, находившиеся на севере, и оказалось, что в Гааге находятся все министерства, государственный контроль, верховный дворянский совет и бóльшая часть важнейших административных ведомств, в том числе и горное, хотя в Голландии не существует ни рудников, ни копей; в Гааге и Амстердаме — канцелярии обоих орденов: военного ордена Вильгельма и ордена Нидерландского льва; в Утрехте — монетный двор и верховный военный суд; в Лейдене — инвалидный дом; в Бреде — военная школа. В то же время в южных провинциях не было ни одного сколько-нибудь важного государственного учреждения. В 1830 году не было еще решено, где должна заседать кассационная палата, и вот, декретом от 21 июня 1830 года местопребыванием последней была назначена Гаага. Между тем число гражданских и торговых тяжб в Голландии значительно уступало числу подобных тяжб в Бельгии; за десятилетний период с 1820 по 1830 год в Брюсселе подано было 6352 апелляционные жалобы, в Лье-

же — 3082, тогда как в Гааге — всего 1940. Не удивительно при таких условиях, что бельгийцы протестовали против навязанной им подчиненной роли. При этом голландцы не ограничились тем, что перетянули к себе все органы власти, — они целиком захватили их, оставив своим южным согражданам лишь ничтожную долю гражданских и военных должностей.

Организуя в 1815 году свое первое министерство, Вильгельм I ввел в него лишь одного бельгийца — герцога Урселя, по ведомству *Waterstaat*'а [1] и общественных работ. Так же действовал он и в дальнейшем, предоставляя высшие должности почти исключительно голландцам. Когда в 1819 году герцог Урсель оставил ведомство *Waterstaat*'а, его ставленники в южных провинциях — бельгийские инженеры — были заменены голландцами. Директором банка, учрежденного в 1825 году в Брюсселе, был назначен голландец. В 1829 году в числе 15 министров и статс-секретарей было трое бельгийцев, в числе 14 начальников отдельных ведомств и секретарей — один, в числе 20 обер-секретарей и регистраторов — также один, и далее все было в том же духе. В иных министерствах на весь штат приходилось по 2—3 бельгийца, а в военном и морском ни одного. Такое же неравенство царило и в армии: Бенжамен Констан писал в 1817 году, что на 32 генерал-лейтенанта — бельгийцев только 6, на 53 генерал-майора — 10. Позднее Нотомб на основании армейских списков за 1830 год вычислил, что офицеров — голландцев было почти 2000, бельгийцев — 147 и что высшие чины, за немногими исключениями, давались голландцам. Только в колониальной армии численный перевес был на стороне бельгийцев, плативших здесь дань своей кровью; под тропиками они могли рассчитывать на повышение, в котором им отказывали на родине. Офицеры-голландцы подчас демонстративно выказывали бельгийцам обидное презрение. Так, когда Карл Плетинкс, служивший ранее во французской армии, а потом в Ост-Индии, вынужден был по слабости здоровья вернуться в Европу, с великим трудом добившись чина младшего лейтенанта, — командир полка принял его очень грубо и сказал: «Вот первый брабантец, которого мне навязывают». Разгневанный Плетинкс подал в отставку: впоследствии он оказался одним из вождей революции 1830 года.

Попытки ввести голландское законодательство и единый официальный язык. Положив конец французскому владычеству в Нидерландах, король Вильгельм решил вытравить все

---

[1] Ирригации. — *Прим. ред.*

*

его следы. Кодекс Наполеона был признан дурным и опасным единственно вследствие своего французского происхождения, хотя бельгийцы к нему привыкли. Вильгельм не желал, чтобы суды его королевства руководствовались приговорами парижской кассационной палаты. Уже в 1814 году был издан ряд постановлений, обнаруживших его стремление применять всюду старое голландское право. Таково, например, постановление 21 августа, узаконившее битье палками в армии; таковы указы 6 ноября, отменившие гласность уголовного судопроизводства и суд присяжных. Затем был выработан проект реформы гражданского уложения. При обсуждении этого проекта в палате в 1821 году два бельгийских оратора, Дотранж и Рейфен, обратили на себя общее внимание убедительностью своих доводов в пользу французских законов; проект был взят обратно, и правительство ограничилось изменением ряда статей Кодекса Наполеона и изданием его голландского перевода, полного неясностей и нелепостей. Еще меньше успеха имел проект уголовного уложения, составленный в 1827 году. Правда, в нем были странные пункты: он предлагал, например, восстановить повешение, клеймение, сечение и другие средневековые кары. Эта перепечатка уголовного уложения Карла V была встречена таким всеобщим осуждением, что правительство отказалось от своего творения, даже не внося его на обсуждение генеральных штатов. Однако произведенное проектом впечатление сохранилось, и бельгийцы присоединили эти жалкие потуги на законодательство к прочим пунктам своего обвинительного акта против голландцев.

Не менее раздражали бельгийцев попытки короля установить национальный язык. В эпоху французского владычества официальным языком был только французский язык. Указ, изданный в октябре 1814 года, восстановил свободное пользование теми языками, какие раньше были дозволены австрийцами. Но эта реформа казалась Вильгельму недостаточной. И 15 сентября 1819 года он сделал обязательным для всякого кандидата на общественную должность знание *национального языка*, иными словами — голландского, который мало чем отличается от фламандского. Для усвоения этого языка был дан 15-летний срок. Это постановление, подкрепленное еще другим указом (в октябре 1822 года), было крайне неприятно бельгийцам и особенно валлонцам, и правительство сочло благоразумным в 1829 и 1830 годах отказаться от своего решения по этому вопросу.

Законы о печати. Конституция 1815 года гласила, что «поскольку просвещение с наибольшей легкостью распространяется посредством печати», каждый имеет право пользоваться печатным станком, не испрашивая на это предварительного разрешения (ст. 227). Однако эта оговоренная законом свобода отнюдь не соблюдалась на деле, и голландское правительство не раз беззастенчиво применяло карательные меры, установленные указом 20 апреля 1815 года за распространение слухов и сведений, способных возбудить смуту или тревогу в обществе. На основании этого указа, изданного в качестве временной меры во время войны с Наполеоном, проступки по делам печати карались — в зависимости от их значения — выставлением у позорного столба, поражением в правах, клеймением, тюремным заключением на срок от 1 года до 6 лет, штрафом от 100 до 10 000 франков и даже каторжными работами на разные сроки. Эти дела рассматривал особый чрезвычайный суд. Указ 20 апреля 1815 года был дополнен законом 28 сентября 1816 года, известным под названием «закона о пятистах флоринах»: он карал штрафом в 500 флоринов на первый раз и тюремным заключением на 1—3 года в повторном случае всех, кто путем печати оскорбил личность иностранного государя или принца, оспаривал или заподозревал законность их династии, в оскорбительных выражениях критиковал их действия и пр. При помощи этих указов нетрудно было справляться со всеми действительными и мнимыми правонарушениями печати, особенно бельгийской. В 1817 году аббат Фере и Корнель де Моор — один как автор, другой как издатель ряда статей, напечатанных в газете *Бельгийский зритель*, — в силу указа 20 апреля 1815 года подверглись преследованию за оскорбление конституционных властей. Их судила специальная комиссия, и Фере был приговорен к двухлетнему тюремному заключению, а Моор — к уплате штрафа и судебных издержек. В 1818 году особым законом отменена была специальная форма судопроизводства, установленная в 1815 году, но и после этого сохранились странные формулировки и карательные нормы старого указа, которые теперь столь же неукоснительно стали применяться обыкновенными судами. Одним из знаменитейших процессов по делам печати был процесс Вандерстраатена, обвиненного в том, что он порицал правительство в своем сочинении *О современном состоянии Нидерландского государства*, изданном в 1819 году. Штраф в 3000 флоринов, к которому его приговорили, был покрыт добровольной общественной подпиской. Спустя три года Вандерстраатен был снова предан суду и осужден на тюремное

заключение как редактор газеты *Друг короля и отечества*. Множество бельгийских газет подверглось в этот период суровым карам, немало их и совсем погибло вследствие репрессий, например *Наблюдатель*.

Экономические трения. Голландский государственный долг. Если уния с Голландией тяготила бельгийцев с политической точки зрения, то и в экономическом отношении они чувствовали себя не менее ущемленными. По расчету, произведенному в 1831 году Лондонской конференцией, государственный долг Бельгии до ее соединения с Голландией представлял собой ренту в 2 750 000 флоринов, т. е. около 100 миллионов флоринов капитала (считая по исключительному проценту в 2,5 со 100). Государственный долг Голландии был несравненно больше. В 1810 году Наполеон, присоединив Голландию, отнюдь не собирался погасить этот долг, а приказал списать две трети его. Вильгельм I в 1814 году не счел нужным санкционировать это банкротство и придумал весьма сложную систему, при помощи которой надеялся удовлетворить государственных кредиторов: старый долг был разделен на *активный* (одна треть) и *отсроченный* (те две трети, которые были списаны при Французской империи). За дополнительный взнос в 100 флоринов на каждый лист в 45 флоринов ренты владелец получал право на 2000 флоринов капитала по *активному* долгу, приносивших 2,5 процента, т. е. 50 флоринов, и на 4000 флоринов капитала по конвертированному (отсроченному) долгу, которые в данный момент не приносили процентов, но должны были путем ежегодных тиражей перечисляться из отсроченного долга в активный. Результатом этой обременительной комбинации было то, что в 1815 году над Голландией тяготел активный долг в 573 миллиона флоринов с лишним и отсроченный долг в 1 миллиард 150 миллионов. На основании трактата «о восьми статьях» и конституции 1815 года половина этого огромного долга легла на Бельгию. Мало того: так как ежегодные дефициты были очень велики, то долг этот непрерывно возрастал, несмотря на усилия амортизационной кассы, учрежденной в 1816 году. В 1820 году активный долг равнялся уже 626 миллионам, отсроченный — 1 миллиарду 166 миллионам. В 1830 году государство должно было уплатить своим кредиторам на 10 миллионов флоринов больше, чем в 1815 году. Это гибельное управление народными средствами навлекало тяжелые упреки на короля, присвоившего себе по «основному закону» верховное руководство государственными финансами и вместе с тем лишившего генеральные штаты, в результате вотирования бюджета сразу на десять лет, всякой возможно-

сти контролировать его действия. Когда в 1822 году король основал крупный финансовый орган — амортизационный синдикат, призванный дать ему еще большую свободу действий в изыскивании средств на покрытие целого ряда расходов, отчасти секретных, — бельгийцы справедливо были возмущены этими темными махинациями.

Торговая политика и система налогов. Для покрытия все возрастающих нужд казны приходилось беспрестанно изыскивать новые статьи доходов. Склонились к мысли использовать с этой целью два основных источника средств: таможенные пошлины и налоги. Между тем по отношению к ним голландские и бельгийские интересы были резко противоположны: голландцам, как народу преимущественно торговому, была необходима свобода товарооборота, тогда как бельгийцы, занимавшиеся больше земледелием и промышленностью, требовали покровительственных тарифов. Кроме того, некоторые налоги по самой своей природе главной тяжестью ложились либо на северные, либо на южные провинции. Поставленный, таким образом, перед необходимостью выбирать между недовольством либо одной, либо другой половины своих подданных — голландцев или бельгийцев, Вильгельм I был в крайнем затруднении. Сначала он постарался задобрить бельгийцев: тариф 3 октября 1816 года обложил довольно крупными пошлинами все товары иноземного происхождения как при ввозе, так и при транзите, и значительно повысил грузовую пошлину с иностранных судов сравнительно с отечественными. Несколькими законами, изданными в 1819 году, эти мероприятия, невыгодные для северных провинций, были закреплены. Но в 1821 году картина меняется: под влиянием ежедневно доходивших до него жалоб, король решил изменить свою торговую политику и преобразовать систему налогов. Генеральным штатам был представлен законопроект, устанавливавший максимум пошлин, которые должны быть взимаемы с иностранных товаров (от 3 до 6 процентов — смотря по товару). Притом пошлиной облагались лишь те товары, которые вступали в прямую конкуренцию с отечественными продуктами. Правда, на нужды известных отраслей производства ассигновалось 1 300 000 флоринов, но этот секретный фонд, предназначенный преимущественно для поддержки бельгийской промышленности, далеко не мог вознаградить за ущерб, причиняемый понижением тарифа. Мало того, правительственный проект вводил два новых налога, которые должны были пасть всей тяжестью в особенности на бельгийцев: налог на помол зерна

и налог на убой скота, иными словами — на хлеб и мясо, т. е. на два главных предмета потребления Бельгии. При обсуждении этого законопроекта во второй палате генеральных штатов было произнесено несколько блестящих речей. Дотранж и Рейфен энергично отстаивали интересы своих соотечественников, нападая прежде всего на самый принцип свободной торговли, представлявшийся им зловредным, и затем обличая несправедливость налогов на помол и на убой скота, способных к тому же явиться источником множества самых отвратительных злоупотреблений. Ставя вопрос прямо, по существу, оба оратора указывали на пропасть, которую создаст новый закон, и на семена ненависти, которые он посеет между жителями южных и северных провинций. «Теперь решайте, северные сограждане! — воскликнул Дотранж. — И если вы готовы хладнокровно принять подобное решение, вам остается лишь завершить нынче ночью братоубийственное уничтожение старой лойяльной Бельгии!» При этих пророческих словах энергия бельгийских депутатов пробудилась: на этот раз почти все они исполнились гражданского мужества и подали голос против проекта. Но северные депутаты, вотировавшие за него, имели на своей стороне большинство, и закон был принят 55 голосами против 51. Специальные законы, принятые в 1822 году, довершили организацию нового режима, гибельно отзывавшегося на южных провинциях. Кое-какие изменения в таможенной системе, произведенные несколько лет спустя, и отмена некоторых покровительственных пошлин мало помогли делу; бельгийцы не переставали заявлять страстные протесты и восставать против ненавистных налогов на помол и убой. Этой агитацией в значительной степени был подготовлен последующий разрыв, и когда правительство накануне революции согласилось наконец отменить эти два налога, было уже слишком поздно — никто не почувствовал за это признательности.

Религиозные трения. Католическая оппозиция и процесс епископа Гентского. Религиозный вопрос представлял еще больше трудностей для решения, чем все предыдущие, так как король по темпераменту и убеждению был склонен бороться против клерикальных тенденций и так как в Бельгии существовала ультракатолическая партия, крайне нетерпимая и *a priori* враждебная государю-протестанту. Договор о восьми статьях установил равенство всех исповеданий перед законом: это было одной из наиболее либеральных и достойных похвалы особенностей нидерландской конституции. Между тем именно она вызывала систематическую оппозицию со стороны бельгий-

ского духовенства. В 1814 году духовенство обратилось к державам, представленным в Вене, с докладной запиской, в которой требовало восстановления десятины и «нерушимого утверждения» католической религии во всех преимуществах, которыми она пользовалась до французского нашествия. В июле и августе 1815 года несколькими епископами составлены были *Пастырские послания*, в которых они протестовали против свободы культов и против допущения ко всем званиям и должностям людей любого исповедания: они-де не могут одобрить «пагубный и безусловно противный духу католического вероучения принцип, гласящий, что все религии одинаково хороши».

Поведение епископов сильно повлияло на бельгийских нотаблей, и они голосовали против конституции. Вильгельм I, возвещая о принятии конституции, с гневом отозвался «о людях, от которых общество вправе ждать примера евангельской терпимости и любви». С этого момента началась открытая война. Умеренные представители духовенства, как, например, Меан (ставший вскоре архиепископом Малинским), присягнули на верность конституции, но другие отказались. Среди последних наиболее известным и наиболее страстным был Морис де Бройль, епископ Гентский. Умный и талантливый вельможа, он был вместе с тем крайне упрям и обладал железной волей. Возведенный в епископский сан по желанию Наполеона, он не побоялся вступить в борьбу с императором в защиту прерогатив св. престола и поплатился за свою оппозицию трехлетним тюремным заключением. Столь же неукротимым он выказал себя в своем мятеже против короля Нидерландского. Он был главным автором изданного в 1815 году *Доктринального суждения*, где всякая присяга на верность конституции клеймилась как измена важнейшим интересам религии. Затем он начал держать себя по отношению к правительству надменно и вызывающе. Тогда король велел вызвать его в брюссельский уголовный суд, и когда епископ, отрицая свою подсудность светской власти, отказался явиться, суд, по приказанию короля, приговорил его заочно к ссылке (9 октября 1817 г.). Чтобы уклониться от кары, де Бройль бежал во Францию, а правительство, мстя ему, распорядилось повесить плакат с его именем на огромном бревне меж двумя преступниками, выставленными у позорного столба на главной площади Гента в базарный день. Столь резкий образ действий был весьма неблагоразумен и склонил все симпатии на сторону изгнанного епископа. Это обнаружилось в 1821 году во время суда над гентскими генеральными викариями, обвиненными

в сношениях со своим епископом и в обнародовании его пастырских посланий: они были оправданы под радостные клики толпы.

Законы о народном образовании. Смерть Мориса де Бройля в изгнании не положила конца конфликту, и законы 1825 года о народном образовании дали бельгийским католикам повод к новому возмущению. Статья 226 основного закона гласила, что «народное образование является предметом постоянных забот правительства». Духовенство очень скоро ополчилось против этой статьи, вручавшей руководство народным просвещением государю-протестанту. Оно сокрушалось по поводу внедрения кальвинистского духа и нидерландского языка в три университета, основанные в 1816 году (Льежский, Лувенский и Гентский), и еще больше взволновалось в 1825 году, когда был поставлен вопрос о реформе среднего и низшего образования. Дело в том, что короля начало беспокоить тайное влияние, которое оказывали иезуиты на среднюю и начальную школу, и он задумал преобразовать эти школы так, чтобы уравновесить это влияние, дать юным бельгийцам преподавателей, свободных от всяких фанатических страстей, и путем реформы богословского образования создать на будущее время более просвещенное и более либеральное духовенство. С этой тройной целью и были составлены указы, изданные в июне, июле и августе 1825 года. Указом 14 июня было воспрещено основывать какие бы то ни было латинские школы, коллежи или *атенеи* (гимназии) без формального разрешения министерства внутренних дел. Те из существующих школ, которые не утверждены правительством, должны быть закрыты. В то же время, с целью повысить низкий уровень образования духовных лиц, должен быть создан при одном из южных университетов *философский коллеж*. Указ 11 июля запретил принимать в епископские семинарии лиц, не прошедших курса философского коллежа. Наконец, 14 августа король распорядился не допускать ни в гражданскую, ни в церковную службу лиц, прошедших университетский или богословский курс за пределами королевства, ибо, гласил эдикт, можно опасаться, что в иностранных школах молодым людям «внушаются начала, идущие вразрез с нашими национальными учреждениями».

Вслед за установлением этих правил, из которых иные напоминают указы Иосифа II, король приказал закрыть множество школ, особенно те, которые были открыты братьями христианского учения, игнорантинцами или тайными иезуитами в Динане, Намюре, Льеже и Турнэ. Когда в декабре

1825 года бельгийские клерикалы в генеральных штатах ополчились против новых мероприятий короля, правительству удалось привлечь на свою сторону либералов Дотранжа и Рейфена. Эти два оратора, которые, впрочем, вскоре перешли в голландский лагерь и приняли звание членов государственного совета, осыпали «скуфейников» едкими сарказмами, и министры ван Маанен, Губо, директор католического культа, и ван Гоббельскрой одержали полную победу. Однако во время этих прений обнаружился тревожный симптом, на который в ту минуту не обратили внимания: один из клерикальных вожаков, Герлах, из других вольностей сделал вывод о свободе преподавания и тем перенес борьбу на такую арену, которая представляла серьезную опасность для правительства.

Конкордат 1827 года. Король, довольный своей победой, решил задобрить бельгийское духовенство некоторыми уступками. Уже два или три года он вел переговоры с римской курией о заключении конкордата, сходного с французским, под сенью которого бельгийские провинции жили с 1801 по 1815 год. Граф Селль, назначенный посланником в Рим, успешно довел до конца это щекотливое дело, и 18 июня 1827 года было заключено соглашение: к пяти епископским кафедрам, уже существовавшим в королевстве, было прибавлено еще три (Брюгге, Амстердам и Буа-ле-Дюк); епископ или архиепископ избирается капитулом по списку, составленному им предварительно, и утверждается папою, причем король вправе вычеркнуть из списка неугодных ему кандидатов. При известии о заключении конкордата бельгийские католики принялись славословить короля Вильгельма, и многие депутаты беспрекословно вотировали бюджет, чтобы выразить королю свою признательность. Но это настроение было недолговечно. Когда папа буллою 17 августа заявил, что преподавание в семинариях должно быть всецело подчинено власти епископов, король в циркуляре губернаторам провинций сделал на этот счет некоторые оговорки, и введение конкордата было отложено. Агитация клерикалов тотчас же возобновилась с удвоенной силой.

В 1828 году многообразные неудобства, с которыми была связана уния между Голландией и Бельгией, стали очевидны для всех. Со всевозможных точек зрения и в самых различных областях жизни между нуждами и желаниями обеих народностей обнаруживался глубочайший контраст. Король Вильгельм не сумел слить оба народа воедино: ублюдочную нацию создать невозможно. Чтобы достигнуть объединения,

по крайней мере внешнего, ему пришлось подвести Бельгию под голландский уровень. Он увидел себя вынужденным организовать такое правительство, которое было, по выражению Герлаха, «Голландией в действии». Этот режим с каждым днем становился все ненавистнее и нестерпимее для бельгийцев. Он неминуемо должен был рухнуть в самом скором времени.

III. Революция 1830 года

Бельгийские партии. Одно обстоятельство способствовало сохранению голландского владычества, именно — разделение бельгийцев на две большие партии, которые ненавидели друг друга и которые существуют поныне, не слагая оружия: партию *либеральную* и партию *клерикальную*, или *католическую*. Почти все бельгийцы были католиками, но в то время как одни из них страшились засилия духовенства и вдохновлялись принципами французской революции, другие во всеуслышание выражали самые нетерпимые и ретроградные убеждения. Либералы устами Дотранжа в декабре 1825 года говорили: «Государь, защищайте нас от иезуитов, но освободите от налога на помол!» Напротив, клерикалы на все смотрели глазами своих священников и мечтали об упрочении за католицизмом привилегий государственной религии. Между публицистом Луи де Поттером и адвокатом Жандебьеном — передовыми либералами — и Герлахом или Секюсом — ораторами клерикальной партии — лежала бездна. От правительства зависело оставить эту бездну зияющей и парализовать бельгийскую оппозицию путем раздробления ее на две части. Дебаты по поводу законов о народном образовании показали, что эта политика легко осуществима и что небольшими уступками можно привлечь часть либералов на сторону правительства. Но Вильгельм I не умел или не желал этого видеть; он не отказался ни от одного пункта своей политической, хозяйственной и религиозной программы. Он не дал серьезных ручательств ни либералам, ни клерикалам, и в конце концов объединил против себя тех и других. Умеренные, вроде Сильвена ван де Вейера, Ж.-Б. Нотомба, виконта Вилена или адвоката Лебо, явились посредниками между обеими партиями и заклинали их забыть взаимные предубеждения и обиды, чтобы сообща настаивать на удовлетворении своих требований. Герлах дал лозунг союза, объявив неразрывно связанными свободу культов, свободу печати и свободу

обучения; бельгийцы приняли эту теорию, и с 1828 года они сгруппировались в одну партию под одним знаменем — свободы совести, слова и преподавания.

Бельгийский союз и правительство (1828—1830). Располагая теперь значительными силами, оппозиция быстро распространила свои идеи среди городского и сельского населения южных провинций. Было организовано повсеместное петиционное движение, в газетах велась энергичная полемика, с парламентской трибуны раздавались производившие большой шум речи. Провинциальные штаты Льежа, Намюра и Геннегау обратились к королю с петициями об отмене налогов на помол и убой. Когда же Вильгельм сделал вид, будто считает их поступок противозаконным, вся страна поддержала провинциальные штаты, наводнив палату своими ходатайствами. В последние месяцы 1828 года было собрано более 70 000 подписей. Здесь были, между другими, имена графов де Мерод и виконта Вилена из Брюсселя, маркиза Родригеса и Адольфа Бартельса из Гента, графа Утремона и Шарля Рожье из Льежа. Требовалось известное гражданское мужество, чтобы подписывать подобные петиции, ибо правительство тайно следило за тем, что оно называло «происками, направленными к нарушению общественного спокойствия», и сам король в июне 1829 года, обращаясь к льежскому муниципалитету, назвал поведение петиционеров «гнусным». Эта злополучная фраза не только не остановила движения, но еще усилила его: во Фландрии был учрежден *орден Гнусности*. Члены его получали медаль, на которой изображена была раскрытая книга — намек на право петиций, обеспеченное конституцией, и начертаны следующие слова: «Верны до гнусности». Петиции, обошедшие всю Бельгию, были покрыты в 1829 году 360 000 подписей, и движение охватило все классы общества: дворян и буржуа, промышленников и купцов, горожан и поселян.

Рядом с петиционным движением шла страстная агитация в печати. Ван де Вейер, Нотомб, Дюкпетио, Жоттран и особенно Луи де Поттер в *Нидерландском курьере* и *Бельгийце*, Бартельс в гентском *Католике*, Лебо и Ш. Рожье в льежском *Политике*, другие в *Маасском курьере* указывали на несправедливости правительства и защищали против него интересы бельгийцев. *Маасский курьер* начал в 1828 году печатать ряд статистических материалов, где на основании точных цифр доказывалось, что все видные должности и звания захвачены голландцами. Луи де Поттер, мечтавший о роли бельгийского О'Коннеля, поместил в *Нидерландском*

курьере два письма, которые привели министерство в ярость: «Доныне, — писал Поттер, — травили иезуитов, теперь давайте срамить, бесчестить, преследовать министерскую клику!» Преданный суду за эти подстрекательства, он был приговорен к полуторагодичному тюремному заключению и штрафу в 100 флоринов. Но этот процесс предоставил ему случай публично изложить жалобы бельгийского народа, и из тюремной камеры он продолжал атаковать правительство своими памфлетами. Разосланный им во все независимые газеты адрес, с требованием «свободы во всем для всех», жадно читался публикой, так же как и другие аналогичные его писания. На время Поттер стал кумиром своих соотечественников. Король Вильгельм I, обеспокоенный влиянием, которое приобрела оппозиционная или, вернее, «союзная» печать, основал для самозащиты специальный орган в Брюсселе, *Насьональ*, и во главе его поставил Либри-Баньяно — человека с запятнанной репутацией, родом итальянца, дважды осужденного во Франции за подлоги и побывавшего в каторжной тулонской тюрьме, циничного памфлетиста, способного написать и сделать все, что угодно. При помощи *Насьоналя* король рассчитывал обесчестить своих противников. Но он достиг как раз обратного. Ругань Либри-Баньяно, его бестактные заявления вроде того, что «на бельгийцев надо надеть намордники, как на собак», больше повредили, чем помогли защищаемому им делу, и когда *Нидерландский курьер* раздобыл и напечатал три секретных указа, которыми король жаловал своему защитнику в общей сложности 85 000 флоринов из промышленного фонда, — это вызвало всеобщее негодование. Притом выступление на арену Либри-Баньяно не устрашило публицистов *Союза*. В пресловутом послании к генеральным штатам король возвестил, что вскоре им будет представлен проект нового закона о печати, и без обиняков высказал все свое неудовольствие. Пользуясь случаем изложить «свое личное мнение» о деятельности правительства, он не постеснялся придать своей власти безответственный характер: «Мы никогда не желали, — говорилось здесь, — неограниченно пользоваться правами нашего дома и ограничили их по *нашему собственному побуждению*» (11 декабря 1829 г.). В то же время министр юстиции ван Маанен разослал своим подчиненным циркуляр, где требовал, чтобы они в 48 часов выразили согласие с принципами, изложенными в королевском послании. Этот акт произвола немедленно возымел свое действие: *Маасский курьер* заявил, что послание представляет собой «манифест деспотизма против свободы», а де Поттер

написал *Письмо Демофила* к королю, где суверенитету короны противопоставил суверенитет хартии и делал вывод, что поскольку король отверг конституцию, бельгийцы, со своей стороны, имеют право снова считать себя независимыми. Вскоре затем тот же де Поттер вместе с несколькими журналистами напечатал призыв к национальной подписке для вознаграждения чиновников, потерявших свои должности за преданность общему делу. Тогда правительство решило затеять новый процесс, — и де Поттер был приговорен к изгнанию на 8 лет, его товарищи по скамье подсудимых Тилеманс и редактор *Католика* Бартельс — на 7 лет, владелец типографии, в которой печаталась эта газета, Неве — на 5 лет (апрель 1830 г.). Эта строгость бессилия, разумеется, только усилила злобу бельгийцев.

Тем временем оживилась деятельность оппозиции в генеральных штатах. Напрасно король отменил несколько особо ненавистных мер и обещал ввести в действие конкордат, — бельгийцы не желали мириться. Вскоре они одержали даже неожиданную победу. Это произошло в декабре 1829 года во время обсуждения годичного и второго десятилетнего бюджета: де Селль, де Брукер и Сюрле де Шокье произнесли ряд блестящих речей, и слова: «не будет удовлетворения жалоб, не будет и денег» — послужили лозунгом объединения. Кончилось тем, что десятилетний бюджет, устанавливавший пути и средства финансовой политики, был отвергнут во второй палате большинством 55 голосов против 52. Королю пришлось удовольствоваться временным бюджетом на год, принятым единогласно, одновременно с отменой налога на помол. Это было тяжелое поражение, притом первое крупное поражение, понесенное Вильгельмом I в генеральных штатах. Он не скрывал своего гнева и сместил шесть видных чиновников, голосовавших вместе с оппозицией. Мало-помалу между голландцами и бельгийцами дело дошло до настоящих враждебных действий. Когда 18 мая 1830 года генеральным штатам были представлены два доклада на голландском языке, вопреки обычаю не переведенных на французский, один из бельгийских депутатов, Бартелеми, пригрозил северным коллегам поголовным сложением полномочий южными депутатами. С середины 1830 года стало весьма резко намечаться сепаратистское движение.

Бельгийское восстание (август—октябрь 1830 г.). Возбуждение умов было уже велико, когда в Париже вспыхнула Июльская революция. Это событие немедленно вызвало отклик в Брюсселе. Здесь в августе должны были состояться

большие празднества по случаю промышленной выставки. Особенно пышное торжество готовилось на 24 августа — в 59-ю годовщину рождения короля. Заклятые враги правительства, в частности адвокат Александр Жандебьен, мечтавший в то время о присоединении Бельгии к Франции, решили воспользоваться брюссельскими празднествами, чтобы поднять восстание. Король Вильгельм, приехавший в Брюссель в половине августа, не придал никакого значения общему возбуждению и отверг просьбу генерала Биландта, губернатора южного Брабанта, о присылке подкреплений. Видя смелые афиши оппозиции, возвещавшие программу восстания: «Понедельник 23 августа — фейерверк, вторник 24-го — иллюминация, среда 25-го — революция», власти ограничились тем, что отменили иллюминацию 24 августа. Но они разрешили поставить на следующий день оперу Скриба и Обера *Немая из Портичи*, которая раньше была запрещена и сюжет которой (мятеж неаполитанца Мазаниелло против испанцев) неминуемо должен был дать публике повод к революционной манифестации. 25 августа после представления этой оперы вспыхнуло грозное восстание. Толпа двинулась к редакции газеты *Насьоналъ* и к дому министра ван Маанена и подожгла их. На следующий день грабежи и пожары возобновились, а 27-го взвилось трехцветное брабантское знамя (красно-желто-черное). За восстанием последовали более систематические действия дворянства и буржуазии. Шайки поджигателей исчезли, и гражданская гвардия была организована бароном Гоогворстом и Карлом Плетинксом. Однако для нидерландского короля не все еще было потеряно. Совещание бельгийских нотаблей, состоявшееся в брюссельской ратуше, решило только отправить к нему пять делегатов (в том числе Жандебьена) с почтительнейшей просьбой выслушать жалобы бельгийского народа — отставить ван Маанена и созвать генеральные штаты. Вильгельм I, по обыкновению, выказал себя крайне нерешительным: колеблясь между желанием наказать бунтовщиков и желанием уладить дело кротостью, он уполномочил своего старшего сына, принца Оранского, отправиться в Брюссель, не дав ему, однако, никаких определенных полномочий. Естественно, что миротворческая миссия принца потерпела полную неудачу. Он был принят очень холодно и в бесплодных переговорах (1—3 сентября) только подорвал свою популярность. В то же время король отпустил бельгийских делегатов, не дав им решительного ответа. Правда, 3 сентября было объявлено об отставке ван Маанена, и вскоре генеральные штаты были созваны

на экстренную сессию в Гааге. Но все эти уступки оказались запоздалыми. Партия восстания с каждым днем усиливалась в южных провинциях. Шарль Рожье привел в Брюссель набранный в Льеже отряд в 300 человек, и образовался комитет общественного спасения, куда вошли Жандебьен, ван де Вейер и Феликс де Мерод. С другой стороны, голландцы негодовали; они требовали репрессий, и *Арнгеймская газета* призывала: «К оружию! Кровь мятежников — не братская кровь!» Во время сессии генеральных штатов в Гааге бельгийские депутаты подвергались на улицах оскорблениям, и в самом собрании к ним отнеслись недоброжелательно. Тогда Герлах осмелился заявить от их лица, что если палата не обратит внимания на их ходатайства, они не останутся праздными и равнодушными зрителями гибели своей родины. Спустя несколько дней произошли непоправимые события: принцу Фридриху, второму сыну короля, приказано было вступить в Брюссель с военным отрядом в 10 000 человек, и брюссельцы под руководством Карла Плетинкса и нескольких других энергичных вождей (Дюкпетио, Эверар, Грегуар и др.), взявших на себя обязанности комитета общественного спасения, принялись ожесточенно защищаться. С 21 по 26 сентября бой шел в предместьях и на улицах города. Дело обороны не было подорвано даже и после того, как Дюкпетио, Эверар и Плетинкс, отправляясь парламентерами, один за другим попали в плен. Сопротивление продолжалось с тем же героизмом, и в ночь с 26 на 27 сентября принц Фридрих ретировался, а в освобожденном городе власть перешла к временному правительству, составившемуся из Эмиля Гоогворста, Рожье, Феликса де Мерод, Жандебьена и ван де Вейера; 28 сентября Луи де Поттер, вернувшийся из Франции, с триумфом вошел в состав этого правительства.

Неудача принца Фридриха имела решающее значение. Кровь павших брюссельцев, которым был воздвигнут общий мавзолей на площади Мучеников, освятила дело революции и сделала бесповоротным разрыв между бельгийцами и голландцами. Южные провинции восстали. Бельгийские солдаты, состоявшие на королевской службе, в огромном большинстве зачислялись в воинские части в пределах своей родной провинции, сообразно принятой в королевстве системе местных наборов. Они всюду начали брататься с повстанцами, расстроили полки, возбудили смуту в гарнизонах, и в несколько дней вся Бельгия, если не считать трех или четырех крепостей, была свободна. 4 октября временное правительство объявило, что бельгийские провинции, «насиль-

ственно отделившиеся от Голландии», составляют независимое государство и что будет созван национальный конгресс. Последняя попытка, сделанная в октябре принцем Оранским с целью вернуть Бельгию, — попытка, впрочем, столь же сомнительная, как и первая, — кончилась ничем, и ему лишь пришлось выслушать следующий горделивый ответ: «Революцию произвел народ; народ же прогнал голландцев с бельгийской территории; и он, лишь он, а не принц Оранский, стоит во главе движения, которое обеспечило независимость народа и упрочит его политическое единство». Вильгельм I изменил своим успокоительным обещаниям, призвав обратно ван Маанена и вверив военное командование в Антверпене боевому генералу Шассе. Временное правительство послало несколько тысяч добровольцев с поручением поднять в этом городе восстание. Шассе принужден был очистить Антверпен, но подверг его бомбардировке из цитадели (27 октября). В начале ноября независимость Бельгии была фактически обеспечена. Голландцы держались еще только в Люксембурге и в Антверпенской цитадели.

Бельгийский национальный конгресс. 10 ноября 1830 года торжественно открылся в Брюсселе созванный временным правительством национальный конгресс. Он состоял из двухсот депутатов в возрасте не ниже 25 лет, избранных непосредственно гражданами, причем избирателем мог быть всякий бельгиец, коренной или натурализованный, или живущий оседло в Бельгии не менее 6 лет, не моложе 25 лет, при условии наличия податного ценза, который был различен в разных местах и от которого освобождали известные гражданские и военные чины. На конгрессе были представлены все классы общества; *католиков* и *либералов* оказалось почти равное число. Луи де Поттер, старейший по летам член временного правительства, открыл конгресс речью, в которой напомнил о голландском гнете, оправдывал революцию и перечислил все, сделанное доныне временным правительством. Конгрессу предстояло укрепить независимость Бельгии и довершить ее национальное возрождение.

На следующий день конгресс сформировал свой президиум. Кандидатом католиков на пост председателя был Герлах, но он не пожелал баллотироваться, и по третьему голосованию избран был 106 голосами барон Сюрле де Шокье из Льежа. Это был умеренный либерал, человек 63 лет, лишенный всякого честолюбия и вследствие своего мягкого характера как нельзя более способный поддержать принципы «союза». 12 ноября временное правительство сложило с себя власть и тотчас

же снова приняло ее по просьбе конгресса. Этот акт вежливости не понравился де Поттеру, который требовал, чтобы временному правительству была предоставлена *законная* верховная власть; он подал в отставку и удалился во Францию. Избавившись от этого беспокойного человека, конгресс принялся за работу. Он начал с того, что 18 ноября вотировал независимость Бельгии, «не нарушая, однако, отношений Люксембурга к Германскому союзу»: надо было пощадить щепетильность европейских держав. Затем был поставлен вопрос о форме правления. Конституционная комиссия, избранная в октябре, высказалась за монархию, на что де Поттер заметил: «Не стоило проливать кровь из-за таких пустяков». После бурных прений, в которых особенно выдвинулся Нотомб, конгресс большинством 174 голосов против 13 принял конституционную монархию, а двумя днями позднее навсегда лишил Нассауский дом бельгийского престола (22—24 ноября). После этого конгресс мог не спеша заняться выработкой отдельных параграфов конституции. Она была закончена и обнародована 7 февраля. По этой хартии исполнительная власть принадлежит наследственному королю, личность которого неприкосновенна, и ответственным министрам, которых король назначает и увольняет. Королю предоставляется право распускать палаты под условием назначения новых выборов в сорокадневный срок. Законодательная власть принадлежит совместно королю, палате представителей, избираемых на четыре года непосредственно гражданами, платящими не менее 20 флоринов податей в год, и сенату, члены которого, в количестве вдвое меньшем, избираются на 8 лет из числа лиц не моложе 40 лет и платящих не менее 2000 флоринов прямых налогов. Судебная власть осуществляется назначаемыми пожизненно судьями, а в области уголовных и политических дел — судом присяжных. Вторая глава («Бельгийцы и их права») содержала множество весьма либеральных пунктов, устанавливавших свободу культов, обучения, печати, безусловное право образования союзов и представления петиций. Новый основной закон был утвержден единогласно. Для вступления его в действие требовалось лишь одобрение Европы.

IV. Бельгийское королевство (1830—1847)

Европа и бельгийская революция; лондонская конференция. События, совершавшиеся в Бельгии, уже несколько месяцев привлекали внимание держав: эти державы создали Ни-

дерландское королевство; положение великого герцогства Люксембургского между Вильгельмом I, бельгийцами и Германией было крайне щекотливо; наконец, Нассауский дом был в родстве с русским и прусским царствующими домами. Вмешательство Европы казалось неизбежным. С другой стороны, Франция, создавшая Июльскую монархию, не скрывала своих симпатий к бельгийской революции, и Англия не без удовольствия предвидела разложение Нидерландского королевства, лишь бы это событие не принесло выгод Франции. Совсем иначе смотрела на дело меттерниховская Австрия, но она была всецело поглощена итальянскими делами. Оставались Россия и Пруссия. Первая, быть может, поддержала бы Вильгельма I, если бы ее не парализовало польское восстание. Пруссия же не решалась действовать в одиночку; к тому же категорическое предупреждение графа Моле, что французы вступят в Бельгию с юга, лишь только пруссаки вторгнутся в нее с севера, сразу пресекло воинственные замыслы. Таким образом, вооруженное вмешательство было невозможно, и приходилось улаживать вопрос дипломатическим путем. По просьбе нидерландского короля, в октябре 1830 года в Лондоне собралась конференция послов пяти великих держав. 4 ноября она предложила перемирие, которое вскоре и было принято обеими сторонами. Вильгельм I надеялся, что его союзники поддержат созданную ими же политическую систему. Но он жестоко ошибся. Всеобщее возбуждение, обуревавшее Европу со времени Июльской революции, принудило северных государей отказаться от принципов Священного союза, по крайней мере в отношении Бельгии, и 20 декабря 1830 года лондонская конференция объявила, что Нидерландское королевство упраздняется.

Между тем Голландия с негодованием указывала на то, «как подрывается устойчивость всех тронов», а бельгийский конгресс заявлял притязание на левый берег Шельды, на Лимбург и Люксембург. Конференция следующим образом решила эти вопросы в своих протоколах от 20 и 27 января 1831 года: Голландия возвращается к своим границам 1790 года, а остальные части Нидерландского королевства, за исключением великого герцогства Люксембургского, входят в состав Бельгии. Последняя становится «навеки нейтральною» и должна взять на себя около половины внешних долгов упраздненного королевства. Эти постановления были в территориальном и финансовом отношениях невыгодны для Бельгии. И действительно, Вильгельм I принял их, а брюссельский конгресс заявил 1 февраля протест.

Выбор короля. Бельгийцы полагали, что гораздо авторитетнее смогут разговаривать с Европой, если выберут себе короля. В начале декабря было выставлено несколько кандидатур. Не считая принца Оранского, чье имя — впрочем, вопреки конституции — дерзнул назвать только один депутат, Маклаган, больше всего внимания привлекли к себе три соперника: Оттон Баварский — второй сын короля Людвига, герцог Лейхтенбергский — сын Евгения Богарнэ и герцог Немурский — младший сын Луи-Филиппа. Баварский принц был устранен по мотивам его юности, и на арене остались только два соискателя: герцоги Лейхтенбергский и Немурский. Но первого ни за что не хотела Франция вследствие его бонапартистских связей, а кандидатуры второго она не могла допустить из страха навлечь на себя европейскую войну. Тем не менее конгресс избрал герцога Немурского 97 голосами, тогда как Лейхтенбергский получил 74, а эрцгерцог Карл — 21 (3 февраля 1831 г.). Но Луи-Филипп, жертвуя своими родительскими чувствами, отверг корону, предложенную его сыну. Тогда конгресс решил впредь до нахождения другого кандидата назначить регента, и 24 февраля на эту должность был выбран барон Сюрле де Шокье.

Регентство так же мало обеспечило стране спокойствие, как временное правительство: в Генте, Брюсселе, Антверпене один за другим вспыхнули заговоры в пользу Оранского дома; ни финансы, ни армия не были организованы. Зато министрам иностранных дел — ван де Вейеру, потом Лебо — удалось отыскать будущего бельгийского короля. Это был принц Леопольд Саксен-Кобургский, 41 года от роду, немец родом, ставший англичанином после своего брака с принцессой Шарлоттой (ум. в 1817 г.), космополит по своим вкусам, скитавшийся по всей Европе и соединенный родственными узами с многими царствующими домами. В пользу Леопольда говорило то, что он — человек способный, энергичный и приемлемый для большинства держав. В день, когда конгрессом этот принц был избран в короли (4 июня 1831 г.), бельгийский вопрос сильно подвинулся вперед.

Восемнадцать статей и двадцать четыре статьи (июнь— ноябрь 1831 г.). Новый избранник не без некоторых оговорок принял предложенную ему корону. Он только что отклонил корону Греции, потому что территория греческого государства показалась ему недостаточно обширной, и на бельгийский престол соглашался вступить лишь с одобрения Европы и после предварительного уговора с нею на возможно более

выгодных условиях. Чтобы удовлетворить его, лондонская конференция выработала трактат в 18 статьях (26 июня 1831 г.). Основные начала, изложенные в январских протоколах, были подтверждены, но с весьма существенными изменениями: так, было решено, что по вопросу о Люксембурге будут начаты отдельные переговоры, что Голландия и Бельгия могут совершить желательный обмен захваченными клиньями территории и что долг будет распределен сообразно его происхождению. Когда конгресс утвердил эти 18 статей, Леопольд Саксен-Кобургский выехал из Лондона и 21 июля в Брюсселе при восторженных кликах был торжественно провозглашен королем.

Эта радость оказалась преждевременной: 2 августа Бельгия была потрясена известием, что голландские войска перешли границу. Раздраженный уступками, сделанными Леопольду, Вильгельм I решил прибегнуть к оружию, чтобы добиться уничтожения 18 статей. Эта десятидневная кампания (2—12 августа 1831 г.) явилась для бельгийцев, разбитых во всех стычках, страшным унижением и имела для них тяжелые последствия. Правда, призванная на помощь французская армия без боя заставила голландцев отступить, но Европа очень сурово отнеслась к побежденным и, когда они вздумали сослаться на 18 июньских статей, в ответ она предписала им новые 24 статьи от октября 1831 года: Бельгии предоставлялась лишь часть Люксембурга в обмен на часть Лимбурга. Судоходство по Шельде было объявлено свободным под условием уплаты некоторых пошлин Голландии, раздел государственного долга произведен обременительным для Бельгии образом.[1] Бельгийские палаты сначала было восстали против этих тяжелых условий, но в первых числах ноября дали согласие, поняв, какую опасность может навлечь на страну сопротивление воле Европы. Зато договор о 24 статьях, заключенный в Лондоне 15 ноября и ратифицированный последовательно Францией, Англией, Австрией, Пруссией и Россией (ноябрь 1831 г. — май 1832 г.), гарантировал новое королевство против нападений со стороны Голландии и обеспечил ему долговечность.

Окончательное устройство Бельгийского королевства. Бельгийцы полагали, что договором 15 ноября 1831 года их конфликт с голландцами закончен. Но Вильгельм I, ободрен-

[1] Документами, опубликованными в 1934 году, установлено, что Талейран, представитель Франции на Лондонской конференции, предал интересы Бельгии, получив за это взятку от голландского короля Вильгельма I в десять тысяч фунтов стерлингов. — *Прим. ред.*

ный своими военными успехами, решил продолжать борьбу в надежде на еще большие выгоды; когда ему предложили очистить Антверпен, он ответил отказом. Державы поняли, что его придется заставить, но так как они не могли столковаться относительно принудительных мер, то Франция и Англия решили действовать без них. Их флот блокировал берега Нидерландского королевства, и французская армия под командой маршала Жерара осадила антверпенскую цитадель. Последняя сдалась после трехнедельного сопротивления, и гарнизон ее был взят в плен (декабрь 1832 г.). Голландию, разумеется, очень скоро начала тяготить блокада ее берегов, и она предложила мир. Соглашение, заключенное в Лондоне 21 мая 1833 года, восстановило ее дружеские отношения с Францией и Великобританией и прекратило военные действия в Бельгии. Шельда и Маас впредь до заключения окончательного договора были объявлены безусловно открытыми для торговли. Вопрос о навигации по Маасу был в подробностях урегулирован соглашением между Бельгией и Голландией, заключенным 18 ноября в Зонговене (в Лимбурге). Удовольствовавшись этими временными постановлениями и видя, что король нидерландский не склонен отказаться от них, лондонская конференция закрылась, не дав окончательной санкции своему делу.

Лишь 14 марта 1838 года Вильгельм заявил, что принимает 24 статьи. Договор 1831 года был для него несравненно выгоднее, нежели порядок, установленный в 1833 году, и бельгийцы пришли в сильное волнение, узнав, что они должны отказаться от незаконно удержанных ими земель в Лимбурге и Люксембурге и от льгот, которыми они издавна пользовались фактически. Но этого требовали державы. Лишь с трудом удалось министру иностранных дел де Тё добиться облегчения некоторых условий, особенно пункта о разделе долгов: договор, заключенный в Лондоне 19 апреля 1839 года между Голландией и Бельгией, возложил на последнюю только выплату ренты в 5 миллионов флоринов. Окончательный договор, заключенный Бельгией в Гааге 5 ноября 1842 года с сыном и преемником Вильгельма I (вступившим на престол в 1840 году), уладив все разногласия по вопросам о границе между обоими королевствами, о навигации по рекам и о взаимных финансовых обязательствах, ознаменовал собой окончательное примирение. Только с этого момента Бельгийское королевство может считаться окончательно упроченным.

Бельгия с 1831 по 1847 год. Первая половина царствования Леопольда I была для Бельгии эпохой сосредоточения

сил. По окончании борьбы с Голландией новое государство принимало лишь ничтожное участие в международных делах. В восточном вопросе и в истории испанских браков, где один из Кобургов домогался руки Изабеллы, Леопольд I держался крайне осторожно, руководясь прежде всего заботой о сохранении всеобщего мира. Торговые договоры, заключенные в 1844 году с государствами немецкого таможенного союза, в 1845 году — с Францией и в 1846 году — с Голландией, упрочили его сердечные отношения с соседями, с которыми его уже раньше связывали узы родства или дружбы: Леопольд I приходился дядей английской королеве Виктории и принцу Альберту, равно как и мужу португальской королевы, и, женившись в 1832 г. на Луизе Орлеанской, стал зятем Луи-Филиппа. Кроме того, он находился в наилучших личных отношениях с прусской королевской семьей. Опытность и знание людей придавали значительный вес его советам и обеспечивали ему сравнительно большое влияние на судьбы Европы.

Внутри страны он старался организовать и укрепить королевство. Армия была предметом его особенных забот и с помощью Ш. Брукера, а потом генерала Эвена, он сумел довести ее до внушительных размеров: в 1847 году она насчитывала более 100 000 человек боевого состава и опиралась на крупные резервы. Правительство поощряло промышленность и торговлю и с 1834 года провело сеть железных дорог. К несчастью, казна была истощена, а парламентские субсидии не могли предотвратить банкротства банка, которое произошло в 1839 году. Это была ахиллесова пята правительства, деятельность которого во всех остальных сферах увенчалась полным успехом.

Народное образование значительно развилось. В области высшего образования два государственных университета — в Генте и Льеже — успешно соперничали с двумя свободными университетами — католическим в Лувене и либеральным в Брюсселе; для среднего образования существовало много коллежей и атенеев; наконец, начальному образованию был дан новый толчок к развитию.

Правление Леопольда быстро стяжало популярность, и король сумел упрочить за собой приобретенные им симпатии. По мере возможности он выказывал себя убежденным унионистом, стараясь соединять в своих министерствах католиков и либералов и держать в равновесии обе партии; и до 1840 года эта политика ему удавалась: таковы были кабинеты Мюленаара, генерала Гобле, де Тё. До 1840 года такая по-

литика была возможна. Но потом, когда всякая внешняя опасность исчезла, партийный антагонизм начал проявляться более резко; после либерального кабинета Лебо в 1840 году Леопольд I тщетно пытался снова образовать смешанные министерства вроде кабинета Нотомба или ван де Вейера. Закон 1842 года о начальном обучении, вверивший церковнослужителям преподавание в школах закона божия под надзором государства, обострил вражду между католиками и либералами, и от системы объединения сил пришлось отказаться. Образованное в 1846 году католическое министерство де Тё пало в следующем году под ударами либерального *союза*, и король призвал к власти Ш. Рожье с однородным либеральным кабинетом. С этого времени, благодаря корректному поведению короля в конституционных вопросах, начинается для Бельгии эра парламентского правления, где либералы и католики сменяют друг друга у власти, как виги и тори в Англии. И это является, быть может, главным событием в политической истории Бельгии за данный период.

ГЛАВА X

ФРАНЦИЯ

ИЮЛЬСКАЯ МОНАРХИЯ

1830—1847

Луи-Филипп. Луи-Филиппу, которого 219 депутатов, представлявших около 100 000 избирателей, провозгласили королем французов, в 1830 году уже исполнилось 57 лет. Сын Луи-Филиппа-Жозефа, герцога Орлеанского, прославившегося во время Великой французской (буржуазной) революции под кличкой *Филиппа-Равенство (Эгалите),* он сначала носил титул герцога Шартрского.

В 1789 году ему было всего 16 лет; слишком юный, чтобы играть какую-либо политическую роль, он при первых слухах о войне присоединился к драгунскому полку, в котором числился полковником и который принадлежал ему по праву частной собственности. При Вальми, Жемаппе и Неервиндене он смело и блестяще исполнил свой воинский долг. После измены Дюмурье герцог Шартрский, заподозренный в соучастии, покинул французскую армию, чтобы спастись от грозившего ему преследования, но отказался поднять оружие против своего отечества.

Ненавистный своим родственникам и всем эмигрантам, он бежал в Швейцарию, где жил уроками, которые давал в Рейхенауской гимназии; после нескольких путешествий по Европе и Северной Америке он поселился в Англии и жил в Твикнеме на пенсию в 50 000 франков, выдававшуюся ему британским правительством. Протест против казни герцога Энгиенского подготовил почву для примирения его с Бурбонами. В 1809 году в Палермо он вступил в брак с Марией-Амелией, дочерью экс-короля неаполитанского Фердинанда. Вернувшись после первой реставрации во Францию, он добился от Людовика XVIII возвращения ему всех земельных владений,

которые принадлежали его семейству и еще не были проданы, но не добился титула королевского высочества.

Во время Ста дней Луи-Филипп бежал в Англию и, несмотря на настояния Гентского двора, держался от него в стороне. [1]

Но Бурбоны не слишком сердились на него. Карл X при своем вступлении на престол пожаловал Луи-Филиппу титул, в котором ему отказывал Людовик XVIII, и утвердил в законе о цивильном листе противозаконные ордонансы, предоставившие герцогу Орлеанскому поместья, на которые последний не имел никакого права. Однако его поведение не очень удовлетворяло Карла X. Не выступая с открытой оппозицией, он затворился в Палэ-Рояле и принимал у себя вожаков либеральной партии: генерала Фуа, банкира Лаффита, Дюпона де л'Эр, Тьера и даже самого Беранже. Сыновей своих он отдал учиться в коллеж Генриха IV; это доставило ему известную популярность среди буржуазии, весьма польщенной, что ее дети сидят на школьных партах бок о бок с принцами крови. Его простота, скромная и полная достоинства жизнь, его семейные добродетели окончательно завоевали симпатии общества; приветливый, добродушный, охотник поговорить со встречными, он любил прогуливаться по улицам Парижа один, с зонтиком подмышкой; при этом он отличался способностью находить кстати меткое словцо, которое скоро становилось ходячим.

Согласившись принять звание наместника королевства, он отправился в ратушу, где велел доложить о себе как о «национальном гвардейце, пришедшем повидаться со своим бывшим генералом» — Лафайетом. Даже сделавшись королем, он первое время продолжал свои прогулки по Парижу, останавливался поболтать с рабочими, даже пожать им руку и даже выпить с ними стакан вина. Поселившись в Тюильри, он начал задавать там празднества, которые на первых порах носили чисто буржуазный характер. Иногда королева, окружённая родственниками и фрейлинами, принимала посетителей, не расставаясь с иголкой. Омнибусы могли въезжать во двор Тюильрийского дворца, а мундир офицера национальной гвардии открывал своему обладателю свободный доступ в «Замок». Все это нравилось богатым буржуа, которых Луи-Филипп привлекал к себе, ловко играя на струнках их тщеславия, любви к миру и материальному благополучию.

---

[1] В Генте находился в течение Ста дней бежавший из Франции король Людовик XVIII. — *Прим. ред.*

А между тем король обладал цельным и твердым характером, необычайным упорством и властолюбием. Хотя престол достался ему благодаря революции, он в глубине души не мог примириться с мыслью, что национальное представительство будет пользоваться такой же властью, как и корона. Принцип «король царствует, но не управляет» был ему так же ненавистен, как Карлу X. Охотно щеголяя при случае титулом «короля-гражданина», он вместе с большинством «доктринеров» и многими своими советниками склонен был полагать, что Июльская революция должна ограничиться переменой личности монарха и частичным обновлением правительственного персонала без всяких иных политических последствий. По мнению Луи-Филиппа, если не считать легких изменений в хартии, режим, созданный Бурбонами в 1815 году, не нуждался ни в каких реформах, а страна должна была чувствовать себя вполне удовлетворенной, если влияние и господство родовой аристократии будет заменено влиянием и господством аристократии денежной.

Если в первые годы царствования Луи-Филипп и скрывал свои заветные мысли, то тем не менее он систематически и упорно стремился к установлению системы личного управления, долженствовавшего прежде всего поддерживать установленный порядок. Его упорство увенчалось успехом, но эта победа, едва наметившаяся в 1837 году и окончательно достигнутая в 1840 году, далась не без борьбы. Таким образом, царствование Луи-Филиппа делится как бы на две части: героический период, исполненный битв и продолжавшийся до 1840 года, и затем период полного внешнего спокойствия в стране, когда личная и упорно-консервативная политика Луи-Филиппа торжествует безраздельно вплоть до катастрофы 1848 года.

I. Героический период

Противники. Королю приходилось вести борьбу с противниками двоякого рода: во-первых, с *легитимистами*, а во-вторых, с *республиканцами*.

В глазах легитимистов он был *узурпатором*, который изменнически похитил корону у герцога Бордосского, имевшего право на престол благодаря двойному отречению — Карла X и герцога Ангулемского в Рамбулье. Эта партия в численном отношении не представляла большого значения; она рекрутировалась среди парижской аристократии, а в провинции среди сельского дворянства, и почти везде духовенство открыто под-

держивало ее. Сильнее всего легитимисты были в Вандее, где масса крестьян сохраняла верность легитимной монархии. Это была партия салонов и исповедален, способная на бесплодные интриги, на бесцельную парламентскую оппозицию, пожалуй, на детские, романтические разговоры, но не угрожавшая узурпатору сколько-нибудь серьезной опасностью, так как в Париже легитимисты никогда не отважились бы выйти на улицу, а если бы и отважились, то вся страна, как один человек, восстала бы против них.

Гораздо опаснее была для Луи-Филиппа республиканская партия. Она не располагала такими финансовыми средствами, как легитимисты, зато насчитывала в своих рядах верных людей; она доставила июльскому восстанию первых солдат и самых энергичных бойцов. В составе ее были лица молодые, решительные, мало дорожившие собственной жизнью, не чуждавшиеся народа подобно легитимистам и не замыкавшиеся в надменном удалении от дел, охотно общавшиеся с рабочими. Многие из них раньше принадлежали к карбонариям и прекрасно понимали могущество тайных обществ, в которые объединялись и привыкали к дисциплине по всей стране противники существующего режима.

Они последовательно организовали целый ряд тайных обществ — *Друзей народа*, *Прав человека*, *Семейств*, *Времен года* в Париже и *Мютюэлистов* в Лионе. Правительство сколько угодно могло распускать и преследовать их, но на месте одного исчезнувшего общества немедленно возникало новое. Самой грозной из этих ассоциаций было общество *Прав человека*, оно подготовило большие восстания в Париже и Лионе в июне 1832 года и в апреле 1834 года. Организация его напоминала карбонариев; оно делилось на секции, состоявшие из 20 человек и имевшие каждая своего начальника и его помощника; совокупность известного числа секций составляла «серию».

Подобно легитимистам, республиканцы считали Луи-Филиппа узурпатором. Не говоря уже о том, что палата, вручившая ему корону, не имела полного состава и была уже распущена Карлом X, она даже не получила от избирателей полномочия выбирать короля. Итак, она дарила то, что ей не принадлежало, и Луи-Филипп был избран не Францией и даже не теми 94 000 избирателей, которые составляли «легальную страну», а 219 политиками. Бесспорно, король совершил ошибку, не предложив своего избрания на утверждение народа, который на другой день после революции наверно приветствовал бы его выбор совершенно единодушно.

Впрочем, республиканцы в конце концов примирились бы с сохранением монархии, если бы эта монархия попыталась быть «лучшей из республик», как было обещано в ратуше. Они не стали бы придираться к названию, если бы им сделаны были уступки по существу. Первоначально их требования не шли дальше предоставления избирательного права несколько большему числу французов, отмены наследственного пэрства, дарования нации права выбирать членов верхней палаты, муниципальных и департаментских советников. И лишь позднее республиканцы потребовали всеобщего избирательного права.

Бонапартистская партия не существовала при жизни герцога Рейхштадтского,[1] имя которого было лишь вскользь упомянуто в ратуше. Лица, занимавшие при Империи высокие посты, поспешили последовать примеру маршалов и большей частью примкнули к Луи-Филиппу, когда убедились, что получат от него те же выгоды, на какие могли рассчитывать в случае восстановления Империи. Что касается рядовых бонапартистов, оставленных на произвол судьбы и лишенных всякого руководства, то одни из них, как и во времена Реставрации, шли за республиканцами и вместе с ними боролись против Июльской монархии, а другие совершенно устранились от политики до того дня, когда Луи-Наполеон, ставший наследником наполеоновских притязаний, организовал свою партию.

Правительственные партии. Первое министерство. Люди, сделавшие Людовика-Филиппа королем, были далеко не единодушны в вопросе о политике, которой надлежало придерживаться. Одни из них, близкие к республиканцам, настаивавшие на необходимости реформаторской и демократической программы, образовали так называемую *партию движения*. Когда в различных странах Европы вспыхнули восстания, вызванные Июльской революцией, то деятели этой партии потребовали, чтобы Франция, верная своей революционной традиции, выступила передовым борцом за народы против монархов. Лаффит, Лафайет и Одилон Барро были самыми выдающимися представителями этого политического направления.

Но Луи-Филипп не хотел подчиниться этой программе. Напротив, он всеми силами старался успокоить европейских монархов и заставить их возможно скорее забыть о том, что

---

[1] Сын Наполеона I, имевший до падения Империи титул «римского короля», а впоследствии получивший от своего деда, австрийского императора Франца, титул герцога Рейхштадтского. — *Прим. ред.*

он получил свою корону благодаря революции; все его симпатии были на стороне *партии сопротивления*, которая во главе с Гизо, герцогом де Бройлем и Казимиром Перье полагала, что революция закончилась 9 августа. Тем не менее король еще не смел открыто выступить против передовых либералов; он нуждался в укреплении своей власти и в некотором успокоении волновавшегося Парижа.

Поэтому первое министерство Июльской монархии, составленное с таким расчетом, чтобы удовлетворить честолюбие всех, способствовавших воцарению, представляло картину весьма странных противоречий. Как это верно было указано, [1] в лице этого кабинета мы имеем дело с «длинной афишей, на которой проставлены без указания определенных ролей многочисленные и разнообразные имена, словно для того, чтобы всем и каждому дать гарантии и надежды». Здесь оказались рядом Лаффит, Дюпон де л'Эр, Биньон, генерал Жерар, Моле, барон Луи, Себастиани, Казимир Перье, Дюпен, Гизо и герцог де Бройль. Главное командование всей национальной гвардией королевства было поручено Лафайету, а Сенская префектура — Одилону Барро. Само собой разумеется, что при таком пестром составе министерство было недолговечно, и сторонники сопротивления подали в отставку в ноябре 1830 года в результате беспорядков, вызванных в Париже подготовкою суда над министрами.

Суд над министрами. Из числа министров, подписавших июльские ордонансы, четверо, а именно — Полиньяк, Пейронне, Шантелоз и Гернон-Ранвиль, были схвачены и посажены в Венсеннский замок. В конце сентября палата постановила предать их суду; по мнению июльских бойцов, сообщники Карла X заслуживали смертной казни. Луи-Филипп, который лично испытывал величайшее отвращение к пролитию крови, и много благородно мыслящих людей в палатах и в стране хотели уклониться от этой бессмысленной мести. Еще в августе де Траси внес в парламент предложение об отмене смертной казни за политические преступления; 8 октября это предложение было возобновлено Кератри и поддержано Лафайетом. Палата почти единогласно вотировала адрес, в котором предлагала королю возможно скорее «взять на себя инициативу этой благодетельной реформы». Луи-Филипп объявил, что высказанное пожелание составляет предмет его сердечных помышлений. Так как министерство предвидело, какой гнев вызовет это предложение в Париже, то 10 октября оно про-

[1] *Bardoux*, La bourgeoisie française.

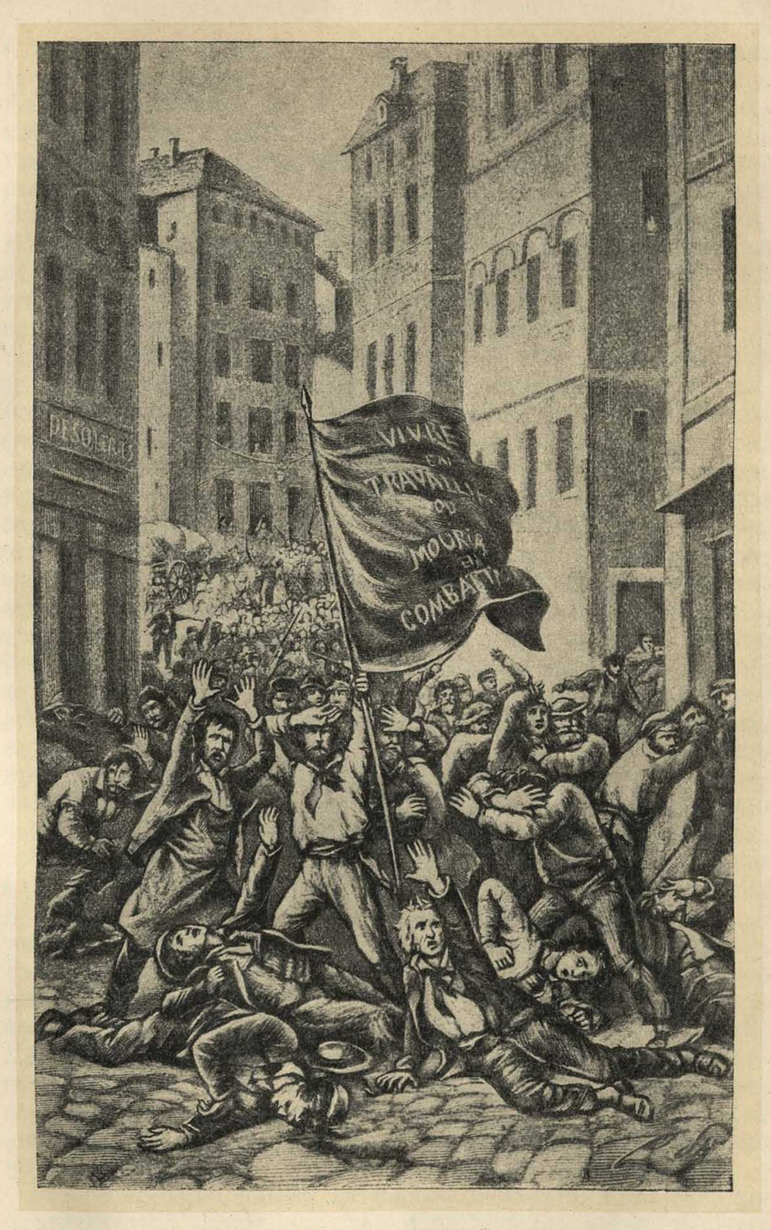
вело закон, назначавший пенсии семьям июльских жертв и открывавший Дворец инвалидов для увечных.

Ничто не помогло. Рабочие предместий, возбужденные несколькими вожаками, двинулись 17 октября в город с криками «Смерть министрам!» и дошли до Палэ-Рояля; 18 октября тысячи исступленных людей с оружием в руках напали на Венсеннский замок, угрожая захватить узников. Они натолкнулись там на генерала Доменилля, который объявил, что если они взломают ворота, то он подожжет пороховой погреб. На следующий день Одилон Барро издал прокламацию, в которой призывал народ к спокойствию, но в то же время называл предложение об отмене смертной казни несвоевременным. Министры, принадлежавшие к партии сопротивления, потребовали увольнения сенского префекта. Тогда Лафайет и Дюпон де л'Эр тоже пригрозили выходом в отставку.

Луи-Филипп еще не чувствовал себя достаточно сильным, чтобы обойтись без их поддержки; с другой стороны, он полагал, что предоставление всей власти сторонникам партии движения явится наиболее надежным средством для их ослабления; поэтому он решил расстаться с герцогом де Бройлем, Моле, Дюпеном, Гизо и Казимиром Перье. 3 ноября Лаффит составил новый кабинет, в который вошли де Монталиве, маршал Мезон, а немного времени спустя Сульт и д'Аргу. Новый кабинет был отнюдь не более однороден, чем предыдущий, но посредственность коллег обеспечивала преобладающее влияние Лаффиту и Дюпону де л'Эр.

Процесс министров начался 15 декабря в палате пэров, превращенной в верховный суд; он продолжался до 21 декабря. В эти дни народное волнение вокруг Люксембургского дворца не прекращалось; особенно велика была опасность 20, 21 и 22 декабря. Приговор, по которому министры осуждались на вечное тюремное заключение, разъярил толпу. 22 декабря пришлось поставить на ноги всю парижскую национальную гвардию и весь парижский гарнизон. Слушатели Политехнической школы и студенты бегали по всему городу, призывая народ к спокойствию. Эти увещания, твердое и сдержанное поведение войск, уверенность агитаторов в том, что всякая насильственная попытка приведет лишь к бесполезному побоищу, — все это позволило избежать кровопролитного столкновения.

Счастливый исход этого дела, казалось, должен был укрепить положение либералов в правительстве. Но когда опасность миновала и министры были спасены, не было больше

ЛИОНСКОЕ ВОССТАНИЕ

нужды церемониться с представителями партии движения. В то время как король в открытом письме благодарил Лафайета за поданный им во время процесса «пример мужества, патриотизма и уважения к законам», палата, обсуждавшая проект организации национальной гвардии, 24 декабря постановила упразднить пост главнокомандующего, занимаемый Лафайетом. Это решение показалось генералу оскорбительным, и он подал в отставку, даже не дожидаясь передачи закона на рассмотрение верхней палаты. Его уход повлек за собой отставку Дюпона де л'Эр. Лаффит остался единственным представителем партии движения в министерстве.

Антиклерикальная реакция. В этой атмосфере всеобщей сумятицы и своего рода правительственной анархии, порождаемой разногласиями между министрами и королем, сторонники старшей линии Бурбонов, так называемые *карлисты*, начали поднимать голову. 14 февраля 1831 года они устроили в самом центре Парижа манифестацию по случаю годовщины смерти герцога Беррийского; в церкви Сен-Жермен л'Оксеруа отслужена была заупокойная месса; в пользу солдат королевской гвардии, раненных во время июльских дней, собирались деньги. Не успела кончиться церковная служба, как явилась толпа, состоявшая главным образом из буржуа. На глазах у национальных гвардейцев, сохранивших полное безучастие, церковь и дом священника были разгромлены в одно мгновение. Затем толпа устремилась к архиепископскому дворцу, который на этот раз удалось отстоять. Но на следующий день принятые меры оказались недостаточными, резиденция архиепископа была совершенно опустошена и одно время можно было даже опасаться за участь собора Парижской богоматери.

Эти события разбудили застарелую ненависть к Бурбонам и повлекли за собой настоящий взрыв ярости против духовенства. Злоба, накопившаяся против Конгрегации в течение предшествовавшего периода, прорвалась теперь наружу. Так как духовенство объявило себя солидарным с легитимной монархией, то буржуазная монархия приняла антиклерикальный и вольтерианский характер. В Лилле, Перпиньяне, Ниме, Дижоне и Арле произошли беспорядки, аналогичные парижским; кресты миссий срубались, а священники подвергались публично оскорблениям. В Париже лилии были соскоблены со всех памятников и даже с королевского герба, а Луи-Филипп не решался открыто присутствовать при богослужении.

Эти беспорядки нашли отголосок в палате. Гизо обвинял правительство в том, что оно использовало мятеж в своих интересах. Правда, некоторые члены правительства вели себя

довольно странно: Тьер, занимавший тогда пост государственного секретаря, находился в толпе перед дворцом архиепископа и уговаривал национальных гвардейцев не выступать против толпы, а министр внутренних дел де Монталиве в прокламации, опубликованной 16 февраля, утверждал, что чувство негодования, подстрекнувшее народ к беспорядкам, было вызвано «к сожалению, весьма основательными мотивами». Но чтобы дать удовлетворение партии сопротивления, он уволил сенского префекта Одилона Барро и префекта полиции Бода. Таким образом либералы постепенно очищали в правительстве одну позицию за другой. Осложнения во внешней политике окончательно принудили их оставить власть.

Падение министерства Лаффита. Вопреки совету Лаффита, король в начале февраля не разрешил своему сыну, герцогу Немурскому, принять бельгийскую корону, предложенную ему брюссельским конгрессом. Равным образом он отказался вступиться за Польшу. Тем временем в Романье вспыхнуло восстание против папы, и Австрия сообщила, что намерена двинуть туда свою армию. Лаффит произнес 1 декабря в палате большую речь, в которой заявил, что «Франция не допустит нарушения принципа невмешательства». «Если австрийцы займут Модену, — воскликнул он, — то война возможна; если вступят в папские владения — вероятна, а если нападут на Пьемонт — несомненна». На это Меттерних ответил: «Мы направим войска во все те места, где произойдет восстание. Если это вмешательство должно вызвать войну, ну что же, мы не остановимся перед войной». Луи-Филипп отказался поднять брошенную ему перчатку. Лаффит подал в отставку.

Законодательная деятельность министерства Лаффита. При министерстве Лаффита в палатах были проголосованы три важных закона, дополнявших хартию: муниципальный, избирательный и закон об организации национальной гвардии.

Муниципальный закон обсуждался с 29 января по 17 февраля 1831 года. Право выбирать муниципальных советников предоставлено было избирательному корпусу, составленному из граждан, плативших налоги по наивысшим ставкам; сюда присоединены были также «таланты»,[1] т. е. врачи, адвокаты, нотариусы, отставные чиновники и т. п. Муниципальные советники, из среды которых правительство назначало мэра, выбирались на шесть лет. Эта организация отчасти соответ-

---

[1] Под *les capacités* (способности) и *les talents* (таланты) в полемике по поводу избирательной реформы понимались люди, личными качествами достигшие положения, которое должно давать им избирательные права. — *Прим. ред.*

ствовала тому плану, который в 1829 году был предложен Мартиньяком; новый муниципальный закон был шагом вперед сравнительно с наполеоновской системой, при которой муниципальные советы назначались центральной властью.

Закон об организации национальной гвардии обсуждался очень долго. Рассмотрение его началось в декабре 1830 года, а окончательно он был принят лишь 5 марта 1831 года. Учреждаемая — гласил первый параграф — «для защиты конституционной монархии, хартии и санкционированных ею прав», национальная гвардия состояла из всех французов, платящих прямые налоги и могущих приобрести обмундирование на собственные средства. Она подразделялась на легионы и сама выбирала своих офицеров; только высшие командные должности замещались королем по списку из 10 кандидатов, представленному национальной гвардией. Она имела отборные роты (гренадер и вольтижеров) и артиллерию. В Париже она заменяла королевскую гвардию и несла гарнизонную службу наравне с линейными войсками.

Так как обязанность иметь собственную обмундировку устраняла простонародный элемент, то национальная гвардия составилась почти исключительно из фабрикантов, рантье, лавочников и чиновников: это была не национальная, а буржуазная гвардия. В течение долгого времени она оставалась всецело преданной Июльской монархии; она мужественно проливала свою кровь за Луи-Филиппа и потеряла свыше 2000 человек только при подавлении восстаний 1832 и 1834 годов. Король всегда смотрел на национальную гвардию как на свою вернейшую опору. Поэтому он старался всячески угодить ей, принимал в Тюильри ее офицеров и раздавал в изобилии кресты. Он часто устраивал смотры и (по крайней мере до 1840 года) считался с теми возгласами, которые раздавались из рядов проходивших перед ним легионов. Он видел в них серьезное выражение общественного мнения.

Избирательный закон был принят 9 марта 1831 года палатой, а 15 апреля пэрами. Двойной вотум был отменен, ценз понижен: для депутатов с 1000 до 500 франков, а для избирателей с 300 до 200 франков налога. Следует заметить, что при этом правительство обнаружило больше либерализма, чем палата; так, оно предлагало (и безрезультатно) предоставить избирательное право без цензовых ограничений генеральным советникам, мэрам и их товарищам, должностным лицам судебного ведомства, адвокатам, нотариусам и стряпчим, врачам, профессорам и приват-доцентам различных факультетов, преподавателям Коллеж де Франс, Музея и высших государствен-

*

ных школ. Палата согласилась только понизить для этих лиц ценз до 100 франков. Эта реформа увеличила число избирателей с 94 000 до 188 000 человек (из тридцати миллионов французов), и только эти 188 000 крупных плательщиков составили «легальную страну» *(pays légal)*. Интеллигенция была отстранена, вся власть принадлежала деньгам: в течение восемнадцати лет Францией правила плутократия.

Переход власти к партии сопротивления. Отставка Лаффита была благоприятно принята общественным мнением: не говоря уже о страхе перед войной, почти всем надоел беспорядок и непрестанно повторявшиеся шумные манифестации. С июля 1830 года мятеж принял характер хронической болезни. Особенно бурно прошли первые дни марта. Прежде всего толпы рабочих явились в Палэ-Рояль требовать «работы или хлеба». 9 марта (1831), по случаю польского восстания, в русском посольстве были выбиты стекла; 10 и 12 марта состоялись новые манифестации с криками «Война с Россией!» Дела приостановились; кредит в 30 миллионов, отпущенный для содействия торговле и промышленности, не послужил ни к чему. Тревога усиливалась в денежных кругах. Трехпроцентная государственная рента упала до 52 франков, а пятипроцентная до 82. Государственное казначейство не было обеспечено необходимыми ресурсами даже на две недели. Банкротства следовали одно за другим. Сам Лаффит вынужден был ликвидировать свой банк.

Состоянию анархии необходимо было положить предел, и даже передовые либералы это понимали.

«Во Франции есть правительство, — писал Арман Каррель, — но о нем ничего почти не слышно, его не видно, и почти никто не знает, где оно находится». Буржуазия хотела иметь твердое и сильное правительство, и 13 марта она получила министерство Казимира Перье. Власть окончательно перешла в руки партии сопротивления.

Министерство состояло из Казимира Перье (председатель совета и министр внутренних дел), Монталиве, барона Луи, Барта, адмирала де Риньи, д'Аргу, Сульта и Себастиани.

Казимир Перье. Казимиру Перье было тогда 53 года. Банкирский дом, основанный еще при Империи, доставил ему очень крупное состояние. Будучи депутатом от Парижа при Реставрации, он в течение долгого времени являлся одним из вождей либеральной оппозиции. К концу царствования Карла X он сблизился с правительством; при обсуждении адреса 221 он воздержался от голосования и хотя после по-

беды инсургентов вошел в состав муниципальной комиссии, но искренно жалел о падении легитимной монархии. Обладая ясным, точным и практическим умом и энергичным характером, он отличался, кроме того, твердостью и страстным властолюбием. Он умел повелевать и требовал строгого, почти слепого повиновения своим приказаниям. При этом он отличался властными и жесткими манерами и резким тоном, доходившим порою до наглости; так, например, однажды в палате он крикнул своему коллеге по министерству, д'Аргу, собиравшемуся начать речь: «Ici, д'Аргу!» [1]

Он принял власть с твердым намерением восстановить правительственный авторитет, причем согласился вступить в министерство не прежде, чем убедился, что никто не посмеет мешать ему и что в правительстве будет господствовать одна только воля, а именно, его собственная. Он хотел быть первым министром парламентской монархии и готов был взять на себя полную ответственность за действия кабинета, лишь бы все решения исходили от него. Ничто не должно было делаться — и, действительно, не делалось в различных министерствах — без его ведома. С самим Луи-Филиппом он держал себя не менее властно: ни одна депеша не поступала к королю раньше, чем министр не ознакомится с нею; ни одно сообщение монарха не появлялось в *Монитере*, пока его не одобрит первый министр.

Как выразился о нем Арман Каррель, «он мужественно выказывал твердую решимость принять на себя как руководство делами, так и ненависть недовольных». Он полагал, что для восстановления правительственного авторитета и возвращения правительству его прежней силы достаточно *захотеть*, что исключительные мероприятия излишни и что для подавления анархии надо лишь применять существующие законы. В палате он в следующих словах изложил свою программу: «Июльская революция имела целью установление свободного, но закономерного правительства. Поэтому наше правительство ни во внутренней, ни во внешней политике не должно отличаться насильственным характером. Всякое обращение к силе внутри страны и всякое подстрекательство иностранных народов к восстанию является нарушением этого принципа. Такова основная мысль и правило нашей внутренней и внешней политики». И дальше: «Франция хотела, чтобы монархия была национальной, но она вовсе не хотела, чтобы королевская власть была бессильной».

---

[1] «Ici» — возглас, которым призывают собаку. — *Прим. ред.*

Первые же меры Казимира Перье ясно показали, что он намерен действительно править. Предлагая палате принять закон против вооруженных скопищ, он в то же время резко напал на те общества, которые претендуют «заполнить пробелы в деятельности правительства», а в особенности на «Национальную ассоциацию», основанную в Меце, а затем в Париже под предлогом борьбы с Бурбонами. Он запретил чиновникам принимать в ней участие и для примера уволил несколько видных сановников, как, например, королевского адъютанта Александра Делаборда и начальника военных сил в западных департаментах генерала Ламарка. Затем, желая иметь парламентское большинство, столь же послушное, как министерство, он распустил палату 31 мая. С грубой откровенностью он заявил, что намерен руководить избирателями. «Правительство не останется нейтральным во время выборов, — писал он префектам, — оно не желает, чтобы администрация обнаружила бо́льшую нейтральность, чем оно само».

Министр получил желательное для него большинство, но ему не удалось помешать избранию вождей оппозиции: генерала Ламарка, Араго, Одилона Барро, Лаффита, Могена, а во время выборов председателя палаты правительственный кандидат победил Лаффита только большинством пяти голосов.

Волнения в Лионе и Гренобле. При всей своей энергии Казимир Перье не мог предотвратить последствий экономического кризиса, вызванного, во-первых, революционными потрясениями, а во-вторых, новыми условиями промышленного развития. Заграничная конкуренция и заминка в делах побудили лионских фабрикантов снизить заработную плату ткачей шелка, так называемых canuts, до голодного минимума — 18 су в день за пятнадцать — шестнадцать часов работы. Лионский префект Бувье-Дюмолар, которого рабочие просили выступить посредником, убедил совещание хозяев и рабочих согласиться на компромисс и установить минимальный тариф заработной платы, но многие фабриканты отказались принять этот тариф. 21 ноября рабочие спустились из предместья *Круа-Русс* с черным знаменем, на котором красовалась знаменитая надпись: «Жить работая или умереть сражаясь». Между войсками и демонстрантами произошло столкновение. Национальная гвардия отказалась действовать против восставших, и после двухдневного боя трехтысячный гарнизон вынужден был покинуть город. Рабочие немедленно прекратили враждебные действия. Восстание совершенно не носило политического характера, и префект даже остался в городе, где старался привести фабрикантов и восставших рабочих

к взаимному соглашению. За это он был уволен в отставку. 3 декабря герцог Орлеанский и маршал Сульт вступили в город во главе 36 000 солдат, не только без всякого сопротивления, но даже при радостных кликах толпы. Рабочий тариф был отменен, а национальная гвардия распущена. Но восставшие не подверглись никаким преследованиям, и правительство оказало щедрую помощь многим беднякам. [1]

Через три месяца в Гренобле вспыхнули беспорядки, также не имевшие политического характера; вызваны они были бестактным поведением грубого префекта Мориса Дюваля, запретившего маскированный бал. Префект, без должного предупреждения, велел двум ротам 35-го линейного полка атаковать толпу. Даже прокурорский надзор был возмущен и распорядился произвести следствие по этому делу. Желая успокоить население, начальник дивизии генерал Гюло перевел 35-й полк в другой город, но Казимир Перье не хотел допустить, чтобы префект был официально признан виновным, и приказал возвратить полк в Гренобль. В результате начались бесчисленные дуэли между штатскими и солдатами. Два месяца спустя, во избежание серьезных волнений, министр удалил и полк и префекта.

Заговоры и оппозиция в Париже. Порядок на парижских улицах был почти восстановлен. Так называемый «заговор на башнях собора Парижской богоматери» (4 января 1832 г.), оказался всего-навсего смехотворной и шумливой манифестацией нескольких неведомых роялистов, которые взобрались на соборную колокольню и ударили в набат, надеясь таким образом взбунтовать Париж и низвергнуть узурпатора. Не более опасным оказался и «заговор на улице Прувер», раскрытый месяц спустя. Легитимистский агент, сапожник Пончеле, вздумал похитить короля и королевское семейство в Тюильри, во время бала, в ночь с 1 на 2 февраля. С этой целью он навербовал от двух до трех тысяч человек. Главные заговорщики были арестованы, в то время как они пировали, поджидая сигнала к нападению.

Зато остервенелая борьба с печатью не прекращалась: *Каррикатюр*, *Трибюн*, *Глоб*, *Немезис* и *Насъоналъ* вели против министерства и короля резкую и систематическую кампа-

[1] Лионское восстание является первым чисто пролетарским, рабочим восстанием в XIX веке, и оно имело огромное значение в истории пробуждения классового самосознания мирового пролетариата. Автор совершенно неправильно характеризует поведение правительства: никакой помощи рабочим оно не оказало; вступив в город, войска приступили к массовым арестам и разоружению рабочих, начались жестокие расправы с повстанцами. — *Прим. ред.*

нию. Конфискации, временное задержание номеров, судебные преследования — ничто не помогало: правда, присяжные в большинстве случаев оправдывали журналистов, подлежавших теперь их юрисдикции.

В палате оппозиция также не складывала оружия. Цивильный лист был установлен в 12 миллионов франков вместо 14, предложенных комиссией, и вместо 18 миллионов, которых требовал король. Монталиве, неосторожно употребивший выражение «подданные», был прерван криками: «К порядку министра! Пусть он возьмет обратно свои слова! Теперь нет более подданных!» Казимиру Перье приходилось все время быть начеку. Внезапное появление холеры, разразившейся в Париже с 26 марта 1832 года и за три месяца унесшей около 20 000 жертв, и ужас, нагнанный на всех этим грозным бедствием, прервали временно борьбу, так как большинство депутатов бежало из столицы. Сопровождая герцога Орлеанского, Казимир Перье посетил больницу Отель-Дье и заразился. Прохворав пять недель, он скончался 16 мая.

Через несколько дней после того как Казимир Перье был назначен председателем совета министров, Гизо писал де Баранту: «Вот июльская революция и разрезана надвое: на правительственную партию и оппозицию». Этими словами он заранее характеризовал деятельность Казимира Перье, каждый акт которого являлся как бы утверждением, что новая монархия хочет жить и жить долго. До него она имела вид смиренного просителя, умолявшего о снисхождении. Казимир Перье придал ей аллюры боевого правительства. И как раз в тот момент, когда со сцены сошел первый действительный министр Июльской монархии, ей предстояло выдержать самые яростные атаки своих противников.

Вандейское восстание. В ночь на 28 апреля 1832 года пароход «Карло-Альберто» высадил в одной из бухт Марсельского рейда герцогиню Беррийскую и несколько верных ее сторонников. Она явилась во Францию требовать короны для своего сына герцога Бордосского; романтически настроенная и мужественная женщина мечтала о роялистском подражании наполеоновскому возвращению с острова Эльбы, об эпическом походе на Париж через всю Францию, поднятую ее героизмом, и о восстановлении легитимной монархии. Она настолько была уверена в успехе, что заранее выработала план новой конституции.

Попытка захватить Марсель кончилась жалкой неудачей, но герцогиня не пала духом и, отказавшись сесть обратно на пароход, решила отправиться в Вандею, где, по ее мнению,

еще жив был роялизм. С поразительной смелостью она миновала южную Францию и даже въехала в Бордо в открытой коляске. Добравшись таким образом до замка Плассак, она оттуда обратилась к вандейцам с воззванием, приглашая их восстать с оружием в руках в день 24 мая. Но роялистам удалось набрать только несколько сот беглых рекрутов; после двух стычек, одной у Шена, а другой у замка Пенисьер, они были разбиты и рассеяны. Герцогиня Беррийская с трудом добралась до Нанта; в продолжение пяти месяцев она скрывалась у девицы Дегиньи, но была выдана полиции некиим Дейцем. Правительство не выказало ни великодушия, ни мужества. Оно не решилось ни выслать герцогиню из пределов Франции, ни отдать под суд; оно заключило ее в цитадель Блэ и держало там, пока не сочло ее обесчещенной, а, следовательно, политически безвредной, — после рождения девочки и признания герцогини Беррийской, что она вступила в тайный брак с графом Гектором Луккези ди Палли, камергером неаполитанского короля.

Республиканские восстания. В тот самый день, когда вандейская вспышка приходила к концу, в Париже разразилось более грозное восстание. Оно было наспех организовано республиканцами и назначено на 5 июня по случаю похорон генерала Ламарка. Солдат наполеоновской армии, изгнанный в 1815 году за подавление вандейского восстания, возвратившийся во Францию в 1818 году, избранный в 1828 году депутатом от департамента Ланд, Ламарк прославился своим либерализмом. Он с энтузиазмом приветствовал Июльскую революцию, но, недовольный мирной политикой новой монархии, снова вернулся в ряды оппозиции.

Члены тайных обществ полагали, что похороны Ламарка, на которые народ должен был собраться огромными толпами, дадут удобный повод начать революцию. При этом они рассчитывали на содействие многочисленных политических эмигрантов, поляков и итальянцев. Восстание началось стычкой с муниципальной стражей на Аустерлицком мосту. Кварталы Тампль, Сен-Мартен, Сен-Дени и Бастильская площадь быстро покрылись баррикадами. В ночь с 5 на 6 июня инсургенты, достигшие площади Побед, одно время могли с уверенностью рассчитывать на успех. Но в действительности их преждевременная попытка была обречена на неудачу: рабочие не откликнулись на призыв; буржуазия была раздражена только против бунтовщиков, и национальная гвардия оказала энергичную поддержку линейным войскам, которыми командовал генерал Лобау.

«Как только пробили сбор, — писала своему брату дочь одного торговца, — мы заперли магазин. Папа оделся, чтобы присоединиться к своему батальону на площади Пти-Пер. Он поцеловал маму и меня со словами: «Нужно раз навсегда покончить с этими негодяями». Никогда я не видела его в таком ужасном гневе». Утром 6 июня инсургенты были отброшены к улице Сен-Мерри. Человек 60 из них под начальством Жанна, одного из украшенных орденом июльских бойцов, были загнаны в тупик у монастыря Сен-Мерри, где они героически защищались до четырех часов пополудни.

В Париже было объявлено осадное положение. Но когда кассационный суд признал незаконным превышением власти смертный приговор, вынесенный военным судом, правительство взяло обратно ордонанс, вводивший осадное положение. Сенский суд присяжных вынес только шесть обвинительных приговоров инсургентам, взятым с оружием в руках, причем наиболее тяжелое наказание понес Жанн, приговоренный к ссылке.

Эта неудача не обескуражила республиканцев, которые как ни в чем не бывало начали готовиться к дальнейшей борьбе. Правительство, с своей стороны, старалось нанести удар тайным обществам, в которых группировались его противники. В феврале 1834 года министерство Тьера — Гизо предложило палатам проект закона, специально направленного против общества *Прав человека*, которое с целью обойти закон, запрещавший составлять ассоциации более чем из 20 членов, разделилось на секции, где число участников не достигало 20. При обсуждении этого закона разыгрались бурные сцены; Вьеннэ объявил этот закон необходимым «для обуздания тигра анархии». Депутаты левой и легитимисты тщетно восставали против этого закона, который сам Тьер называл явно деспотическим, но в то же время безусловно необходимым. Закон был принят 25 марта 1834 года. Отныне всякая ассоциация, независимо от своего характера и числа членов, должна была представлять свой устав на утверждение правительства и не могла образоваться без правительственного разрешения. Дела о нарушениях этого закона передавались на рассмотрение исправительных судов, причем наказанию подлежали не только главари общества, но и рядовые участники.

Едва был принят этот закон, как в Лионе, в различных провинциальных городах и, наконец, в Париже вспыхнули новые республиканские восстания. Это были апрельские восстания 1834 года.

В Лионе движение носило в одно и то же время политический и экономический характер. После восстания 1832 года республиканцы повели активную пропаганду среди рабочих, и общество *Прав человека* завербовало множество сторонников. Кроме того, создалась особая ассоциация мютюэлистов. В начале февраля 1834 года, когда некоторые фабриканты решили понизить заработную плату, мютюэлисты ответили на эту несправедливость стачкой. Против стачечников было возбуждено судебное преследование «за противозаконный сговор». Этот процесс послужил сигналом к восстанию, продолжавшемуся от 9 до 13 апреля. Победа осталась за правительством.

Кроме того, беспорядки произошли в Сент-Этьенне, Гренобле, Марселе, Перпиньяне, Оксере, Шалоне (на Соне), Эпинале, Пуатье и Клермон-Ферране.

13 апреля, когда в Париже получено было известие о лионском восстании, республиканцы начали воздвигать баррикады в лабиринте узких переулков вокруг церкви Сен-Мерри. Тьер приказал немедленно арестовать около сотни наиболее деятельных членов общества *Прав человека*, и таким образом восстание лишилось своих вождей; тем не менее 40 000 человек готовы были двинуться в бой. К утру 14 апреля инсургенты потеряли все свои позиции, и восстание закончилось ужасающей бойней. Когда один офицер был ранен под окнами дома № 12 на улице Транснонен, его солдаты ворвались в дом и перерезали всех, кто там находился, в том числе даже женщин и детей.

Последняя вспышка произошла 16 апреля в Люневиле, где три кирасирских квартирмейстера тщетно пытались возмутить свои полки.

Гонения на республиканцев. Апрельский процесс. Республиканские попытки являлись чистейшим безумием[1] и способны были только оттолкнуть народные массы от республиканских идей, а со стороны правительства вызвать новые репрессивные меры. Прежде всего министерство провело закон, грозивший суровыми наказаниями за хранение оружия или боевых припасов, и усилило строгости по отношению к печати. Правда, оно и прежде не щадило ее: с июля 1830 года по сентябрь 1834 года состоялось не меньше 520 процессов по делам печати, журналисты были приговорены в общем к 106 годам тюремного заключения, а газеты заплатили больше 400 000 франков штрафа. Одна *Трибюн*, самая влиятель-

[1] Правительство Луи-Филиппа относилось к восстаниям 1832 и 1834 годов с самыми серьезными опасениями, так как борьба республиканцев находила горячий отклик в народных массах, ненавидевших режим Июльской монархии. — *Прим. ред.*

ная и резкая из республиканских газет, привлекалась к суду 111 раз, уплатила 157 000 франков штрафа, а ее сотрудники в общей сложности были приговорены в двадцать приемов к 49 годам тюремного заключения. *Насьоналъ*, газета Армана Карреля, также перешедшая на сторону республиканской партии, подвергалась отнюдь не лучшему обращению.

Правительство, одно время предполагавшее по настоянию маршала Жерара даровать амнистию лицам, арестованным за участие в различных восстаниях, в конце концов предало их суду, но только не суду с участием присяжных, которым оно не доверяло, а суду палаты пэров, превращенной в верховный суд для разбора дел о преступлениях против государственной безопасности. Все аналогичные дела были соединены в один процесс-монстр под тем предлогом, что между лионскими, парижскими и люневильскими событиями существует тесная связь. Это был так называемый процесс «апрельских подсудимых». Из 2000 арестованных 164 человека были преданы суду.

Процесс начался 5 марта 1835 года, т. е. больше чем через год после рассматриваемых событий, а последние приговоры были вынесены только 23 января 1836 года. Суд выслушал 4000 свидетелей и рассмотрел 17 000 документов. Процесс сопровождался целым рядом бурных инцидентов. Председатель палаты пэров Паскье произвольно решил допустить к защите только профессиональных адвокатов. Тогда значительное число подсудимых отказалось защищаться, а другие не пожелали отвечать на вопросы и даже являться на заседания суда. Однако обвиняемые по лионскому делу в большинстве согласились принять участие в судебных прениях. Тогда палата постановила выделить дела о военнослужащих, что повело за собою новые скандалы. 12 июля 28 обвиняемых по парижскому делу, в том числе Годфруа Кавеньяк и Арман Марраст, бежали из тюрьмы Сент-Пелажи. Пэры приговорили многих подсудимых к тюремному заключению или к ссылке. Впрочем, все эти приговоры были погашены общей амнистией политических заключенных, объявленной по случаю бракосочетания герцога Орлеанского 8 мая 1836 года.

Последние усилия республиканцев. Террористические покушения. Одно время республиканцы еще надеялись воспользоваться в интересах своей партии министерским кризисом, который тянулся около двух месяцев после падения кабинета Моле в 1839 году. 12 мая Барбес и Бланки попытались овладеть полицейской префектурой и Дворцом правосудия. Барбес располагал при этом не больше чем сотней членов общества

Времен года. Эта попытка закончилась на улице Гренета́. Барбес и Бланки были арестованы и приговорены к смертной казни, но наказание было смягчено для них королем. Париж остался спокоен.

Отдельные фанатики, все сплошь люди с темным прошлым и имевшие дерзость ссылаться на политические партии, которые отрекались от них с отвращением, несколько раз пытались убить Луи-Филиппа. В период 1835—1846 годов на жизнь короля произведено было шесть покушений, и, кроме того, много заговоров было заблаговременно раскрыто полицией. Из всех этих покушений самым ужасным и единственным, имевшим политические последствия, было покушение Фиески, адская машина которого 28 июля 1835 года убила и ранила 40 человек во время смотра национальной гвардии на бульваре Тампль.

Сентябрьские законы. На это преступление палаты ответили «сентябрьскими законами». Этих законов было три: закон об уголовных судах, о присяжных заседателях и о печати.

Закон об уголовных судах давал министру юстиции право учреждать столько уголовных судов, сколько он признает необходимым для разбора дел о лицах, виновных в посягательствах против государственной безопасности. В случае, если подсудимые вздумают шуметь или откажутся являться на заседания суда, последний мог разбирать дело в их отсутствие.

Закон о присяжных заседателях вводил тайное голосование и понижал число голосов, требовавшихся для обвинительного приговора, с восьми до семи.

Закон о печати возвращал периодическую прессу к худшим дням Реставрации. Размер залогов был увеличен; оскорбление особы монарха и нападки на основы государственного строя карались тюремным заключением и штрафом от 10 000 до 50 000 франков. Воспрещено было касаться имени и власти короля при обсуждении действий правительства, открыто называть себя республиканцем или говорить о восстановлении низвергнутой монархии; воспрещено было опубликовывать списки присяжных, печатать отчеты по процессам о диффамации и открывать подписку для уплаты штрафов по политическим процессам; воспрещено было оспаривать принципы *государственного суверенитета*, *собственности* и *семьи*. Для рисунков, эмблем, гравюр, карикатур и театральных пьес восстанавливалась цензура и система предварительных разрешений.

Закон о печати направлен был главным образом против легитимистов и республиканцев. Первыми его жертвами явились *Котидьен*, *Шаривари* и *Реформатер*. Издатель *Реформатера* поплатился трехмесячным тюремным заключением и шеститысячным штрафом только за то, что он напомнил слова Лафайета в Учредительном собрании: «Когда правительство нарушает народные права, то восстание составляет для народа наиболее священный долг». Употребленное Кергорлэ слово «узурпатор» стоило издателю *Котидьен* четырехмесячного тюремного заключения и 2000 франков штрафа. Легитимистская пресса, располагавшая крупными капиталами, могла пережить эти преследования, но республиканская печать сильно пострадала от этого режима: *Трибюн* и *Реформатер* исчезли.

Бонапартистские попытки. В том же 1836 году началась бонапартистская пропаганда. Герцог Рейхштадтский скончался в 1832 году. С тех пор наследником наполеоновских притязаний сделался принц Луи-Наполеон, сын голландского короля и Гортензии Богарнэ, усыновленный Наполеоном на случай отсутствия у него законного потомства. Воспитанный в Швейцарии, в замке Арененберг, на берегу Констанцского озера, получивший чин артиллерийского капитана в Федеральной армии, он всерьез отнесся к своему положению претендента, напечатал *Политические мечтания* и сочинил проект республиканско-имперской конституции. Происходившие во Франции волнения внушили ему мысль, что Июльская монархия еще далеко не окрепла. Рассчитывая на энтузиазм, который должно было пробудить имя великого императора, он сделал в Страсбурге попытку произвести государственный переворот; 30 октября 1836 года ему удалось увлечь за собой 1-й и 3-й артиллерийские полки, но он был схвачен вместе со своими соумышленниками в казармах 46-го пехотного полка.

Правительство велело привезти его в Париж, потом отправило в Соединенные Штаты. Его сообщники, преданные в Страсбурге суду присяжных, были оправданы, ввиду того что против главного обвиняемого не было возбуждено преследования.

Тем не менее министерство было неприятно удивлено этим оправдательным приговором и в январе 1837 года внесло в палату проект закона, по которому военнослужащие и штатские, замешанные в одном и том же преступлении, должны были судиться отдельно, первые — военными судами, а вторые — судом присяжных. Против этого одновременно опол-

чились Берье и сторонник династии Дюпен, тогдашний председатель палаты, и проект был отклонен.

Четыре года спустя, в самый разгар волнения, вызванного восточными делами и тем оскорблением, которое нанесли державы французскому правительству подписанием Лондонского трактата, принц Луи-Наполеон во второй раз сделал попытку проникнуть во Францию. 6 августа 1840 года он высадился в Вимере и пытался возмутить гарнизон в Булони. Неудача была еще более жалкой, чем в Страсбурге. Претендент был арестован и предан суду пэров, которые приговорили его к пожизненному тюремному заключению. Запертый в замок Гам, он бежал оттуда 25 мая 1846 года.

Эти две попытки принца Луи-Наполеона не вызвали в обществе никакого волнения и показались попросту смешными. А между тем бонапартистские симпатии и воспоминания об Империи попрежнему были живы в стране. Да и само правительство Луи-Филиппа делало все от него зависящее, чтобы пробудить эти чувства. Сам король неоднократно брал на себя инициативу бонапартистских манифестаций, рассчитывая (и до поры до времени расчет был верен) приобрести таким образом некоторую популярность.

Так, например, статуя императора, сброшенная в 1815 году, была снова торжественно водворена в 1833 году на верхушке Вандомской колонны. А за три месяца до Булонской попытки Луи Бонапарта правительство Июльской монархии сделало еще более решительный шаг в этом направлении. 12 мая 1840 года оно испросило у парламента миллион франков, чтобы перевезти прах Наполеона во Францию. Это неожиданное предложение встречено было с энтузиазмом, который дошел до апогея, когда прах императора был привезен в Париж. К извлечению останков из могилы приступлено было 15 октября под наблюдением королевского сына, принца Жуанвильского, посланного на остров св. Елены с фрегатом *Бель-Пуль* и небольшой эскадрой. 15 декабря прах императора торжественно прибыл в Париж, где был встречен слезами и приветственными кликами громадной толпы. Король, окруженный всей семьей и принцессами, облеченными в глубокий траур, принял тело «от имени Франции» в Доме Инвалидов. Его возвращение в Тюильри было сплошной овацией, во время которой никто не вспомнил о племяннике императора.

Министерства с 1830 до 1840 года. В период 1832—1840 годов парламент служил ареной ожесточенной борьбы партий. Министерства сменялись почти с такой же легкостью, с какой вспыхивали восстания. После кончины Казимира Перье

кабинет остался без председателя; 11 октября 1832 года он был составлен заново. Председателем совета сделался военный министр Сульт; портфель иностранных дел получил герцог де Бройль, народного просвещения — Гизо, а внутренних дел — Тьер, причем последние три министра играли руководящую роль в правительстве.

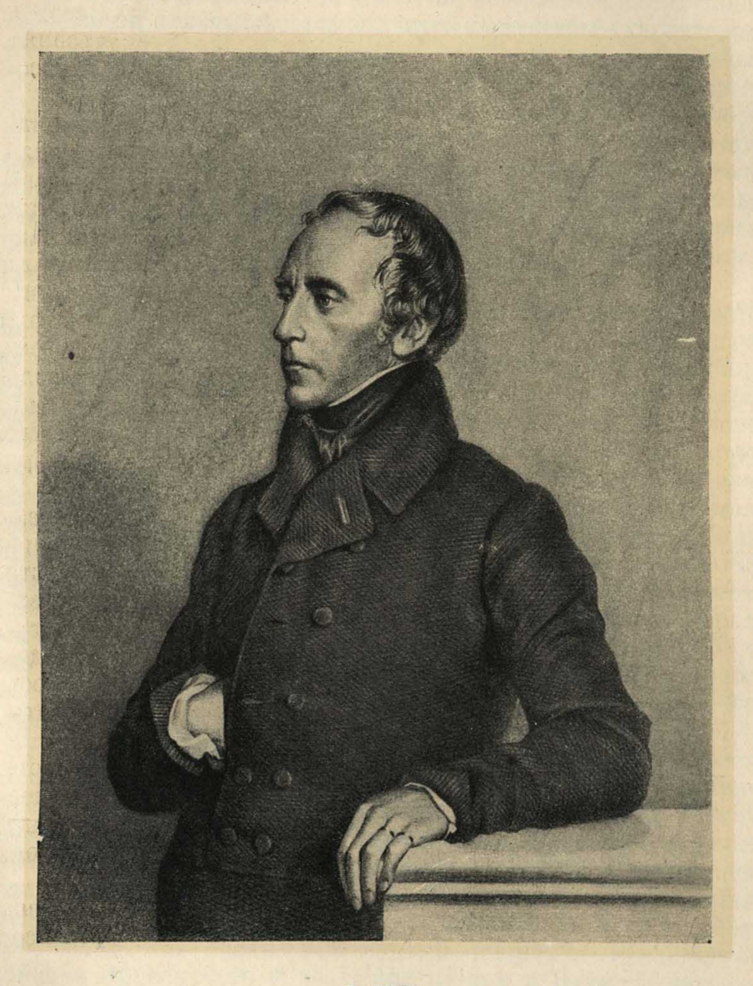
Министерство 11 октября, состав которого изменялся пять раз, просуществовало до февраля 1836 года. Герцог де Бройль вышел из кабинета в марте 1834 года. Отставка его вызвана была вопросом об уплате вознаграждения Соединенным Штатам за убытки, причиненные еще во время Империи американской торговле континентальной блокадой (Франция задолжала эту сумму Соединенным Штатам еще со времен Империи). В июле 1834 года подал в отставку Сульт, побежденный интригами Гизо и Тьера, которые терпеть его не могли. Его преемник, маршал Жерар, согласился принять пост председателя совета лишь после того, как ему обещали помиловать лиц, арестованных за лионские и парижские восстания. Но когда решено было предать их суду, он вышел в отставку (29 октября 1834 г.).

4 ноября 1834 года подал в отставку весь кабинет. Составилось так называемое «министерство трех дней», павшее при общих насмешках, и прежний кабинет вернулся к власти с маршалом Мортье в качестве председателя. Маршал, совершенно не умевший говорить с парламентской трибуны, уступил председательство герцогу де Бройлю 12 марта 1835 года. 5 февраля. к всеобщему удивлению, министерство осталось в меньшинстве по вопросу о конверсии государственной ренты (оно требовало отсрочки этой меры).

Министерство 11 октября, помимо репрессивных законов, закона об ассоциациях и сентябрьских законов, первое выдвинуло в 1833 году вопрос об укреплении Парижа и в том же году провело законы о департаментской организации и о народном образовании. [1]

Единство и долговечность кабинета 11 октября объяснялись присутствием в его среде трех главных вожаков партии сопротивления: Тьера, Гизо и де Бройля. Но герцог де Бройль, человек довольно властного и весьма независимого нрава, был не по душе Луи-Филиппу, который с каждым днем все сильнее стремился к установлению личного управления. Тьер и Гизо хотели каждый с своей стороны председательства в совете, и соперничество их честолюбий не давало более возмож-

[1] См. гл. XI, «Гражданские и военные учреждения Франции».

Ф. ГИЗО

С портрета Делароша

ности держать их в составе одного и того же министерства. Сверх того, они совершенно различно понимали конституционный режим; отличаясь в равной степени властным характером, они расходились в том отношении, что Тьер был решительным сторонником парламентарной теории, согласно которой король должен стоять вне правительства. Ему приписывается изобретение известной формулы: «Король царствует, но не управляет». В этом отношении Гизо готов был сделать Луи-Филиппу широкие уступки, и потому в конце концов одержал верх над Тьером. Между королем и его министром с 1840 года царило полное согласие. «Это мои уста», — говорил Луи-Филипп о Гизо.

Соперничество обоих честолюбцев нашло отголосок в палате. Большинство разделилось на *правый центр* с Гизо и доктринерами, *левый центр* с Тьером и незначительную группу, руководимую Дюпеном, — *среднюю партию*, занимавшую промежуточное положение между обоими центрами. Оппозицию составляли: *либеральная левая*, руководимая Одилоном Барро, имевшая почти республиканский характер, несмотря на свое название *династической левой*, и *легитимистская правая*, оратором которой был Берье. Господствовавшие среди большинства раздоры и личная политика короля вызвали целый ряд министерских кризисов. Франция имела не меньше шести кабинетов с 22 февраля 1836 года, когда составилось первое министерство Тьера, до 29 октября 1840 года, когда было назначено министерство Сульта — Гизо, сохранявшее власть в продолжение последних семи лет царствования Луи-Филиппа.

Тьер. Тьер дебютировал в качестве журналиста в газете *Конституционалист*. В 1823—1827 годах он издал *Историю французской революции*, доставившую ему громкую известность. Он посещал герцога Орлеанского; вместе с Каррелем и Минье он основал в 1830 году газету *Насьональ*. Когда появились июльские ордонансы Карла X, Тьер составил и первый подписал протест журналистов, а когда он убедился в победе революции, то опять-таки первый выдвинул кандидатуру герцога Орлеанского и поспешил за ним в Нэйи. В награду он получил пост помощника государственного секретаря по министерству финансов в кабинете Лаффита. Он сумел умерить свой либерализм настолько, что мог сохранить свой пост в кабинете Казимира Перье. По смерти последнего он, по желанию короля, получил принадлежавший покойному портфель министра внутренних дел, хотя ему было в то время всего 35 лет. С противниками режима он расправлялся так же

энергично, как его предшественник, и во время апрельского восстания 1834 года его видели верхом на коне рядом с генералом Бюжо, бригада которого штурмовала баррикады. Сентябрьские законы были делом его рук.

Тьер обладал необыкновенной хитростью, итальянской гибкостью, утонченной ловкостью, живым и ясным умом, большой трудоспособностью, редким даром приспособления, неутомимой энергией и сверх того необычайным властолюбием. Ламартин в одной из своих речей, произнесенной против Тьера, когда последний в 1840 году вторично занял пост председателя совета, с поразительной рельефностью охарактеризовал эту преобладающую страсть министра. «Вами движет, — сказал он, — беспокойная, ревнивая, неутолимая страсть, которую ничто не в силах удовлетворить и которая ни с кем не хочет ничего разделить... Это — страсть к власти, страсть управлять, управлять одному, управлять всегда, управлять с большинством, управлять с меньшинством, как сейчас; управлять со всеми и против всех; царствовать одному, царствовать всегда, царствовать во что бы то ни стало».

Первое министерство Тьера было недолговечно. Будучи сторонником энергичной внешней политики, он хотел послать в Испанию французскую армию, чтобы поддержать испанских либералов против карлистов. Но король воспротивился вмешательству в испанские дела, и 25 августа 1836 года Тьер подал в отставку.

Моле и личное правление короля. Таким образом, падение Тьера было актом личной политики короля; точно такой же характер носило назначение нового председателя совета министров, Моле (6 сентября 1836 г.). Моле получил портфель иностранных дел; главным сотрудником его был Гизо. Моле, один из фаворитов Наполеона, который сделал его префектом, членом Государственного совета, начальником ведомства путей сообщения и, наконец, министром юстиции, перешел впоследствии на службу к Людовику XVIII и занимал пост морского министра в кабинете герцога Ришелье. С 1822 года он в палате пэров примкнул к оппозиции. В 1830 году Лаффит пригласил его в министерство иностранных дел. Весьма образованный и замечательно умный человек, обладавший твердым и умеренным характером, равно далеким от догматической жесткости Гизо и от оппортунизма Тьера, он имел в глазах Луи-Филиппа то неоценимое преимущество, что выказывал полную готовность проводить его личные взгляды и был убежденным сторонником влияния короля на государственные дела. Так как новый министр не представлял ни

одной из существовавших в палате групп, то он сразу был встречен с недоверием.

После страсбургского покушения принца Луи-Наполеона Моле не мог провести закона о выделении дел военнослужащих в особые суды. Эта неудача, затем дурной прием, оказанный палатой закону о назначении удела герцогу Немурскому, отсутствие солидарности между Моле и Гизо — все это привело в апреле 1837 года к распадению министерства. Но король снова поручил Моле составить кабинет, в который вошли Барт, Монталиве и Сальванди.

Коалиция. Таким образом, парламент очутился лицом к лицу не с новым министерством, а с новой политической системой, так как становилось ясно, что Луи-Филипп намерен управлять с помощью палат, но не посредством палат. Так как Моле надеялся, что новые выборы доставят ему покорное большинство, то палата депутатов была распущена 3 октября, но на самом деле он получил ничтожное большинство всего в несколько голосов.

И вот снова возник конфликт, подобный тому, который произошел в 1815—1816 годах между Людовиком XVIII, Ришелье и «Бесподобной палатой», и возобновилась борьба между теорией преобладания палаты и теорией преобладания короля. В печати «парламентская» доктрина была формулирована в 1838 году Дювержье де Горанном, бывшим сторонником партии сопротивления, в его книге *О принципах представительного образа правления и об их практическом применении*. «Если только выборы не являются пустой декорацией, — говорил он, — то необходимо предоставить законно опрошенной нации решающий голос»; «парламенту должно принадлежать *последнее слово*». «Замена личного управления парламентским режимом» — гласил лозунг, который Дювержье де Горанн дал оппозиции.

Оппозиция состояла из династической левой, левого центра и доктринеров правого центра. Вожди этих групп — Одилон Барро, Тьер и Гизо — сблизились и составили *коалицию* против «придворного министерства». После нескольких маловажных стычек в течение обеих сессий 1838 года коалиция дала министерству генеральное сражение в январе 1839 года при обсуждении адреса. В комиссии, которой поручено было составление этого адреса, Тьер, Гизо и Дювержье де Горанн предложили редакцию, в иных местах напоминавшую адрес 221, поданный Карлу X. Последние фразы в особенности направлены были прямо против короля: «Мы глубоко убеждены, ваше величество, что только тесное единение властей, сдер-

*

живаемых в границах, определенных конституцией, способно обеспечить безопасность страны и силу вашего правительства. Твердая и искусная администрация, опирающаяся на благородные чувства, отстаивающая во внешних делах достоинство вашего престола и ограждающая его во внутренних делах своей ответственностью, представляет вернейший залог того содействия, которое мы с такой охотой готовы вам оказать». Таким образом, политика короля совершенно определенно названа была антиконституционной; наконец, в последнем абзаце проекта адреса, министерству выражалось решительное порицание.

Прения по поводу этого адреса продолжались в палате двенадцать дней. Было произнесено 128 речей, так как каждый параграф в отдельности вызывал ожесточенные споры. Тьер, Гизо и Одилон Барро с крайней резкостью напали на председателя совета. Моле не поддавался и выказал поразительное хладнокровие. Когда дело дошло до окончательного голосования, за министерство было подано 221, а за коалицию 208 голосов. Моле с честью вышел из этой жаркой схватки, но, находя большинство в тринадцать голосов слишком незначительным, он подал в отставку.

Луи-Филипп попробовал, но тщетно, составить министерство во главе с маршалом Сультом, а когда эта попытка не удалась, снова пригласил Моле и решил распустить палату. Избиратели должны были решить спор между теорией личного управления и теорией парламентского верховенства. Отдельные избирательные комитеты, организованные левой, левым центром и правым центром, фактически действовали под руководством единого комитета, а именно триумвирата, составленного из Гизо, Тьера и Одилона Барро. Легитимистские и республиканские комитеты из ненависти к Луи-Филиппу поддерживали кандидатов коалиции. По предложению Гизо, префекты были предупреждены, что коалиция будет беспощадна ко всем, кто осмелится с ней бороться. 6 марта оппозиция выиграла 45 мест, а 8 марта Моле вручил королю просьбу об отставке. Кое-кто начал уже совершенно правильно понимать, что, в сущности, удар нанесен не только министрам, но и самому королю.

Второе министерство Тьера; восточные дела. Но коалиция отличалась слишком пестрым составом, чтобы быть долговечной. Как только министерство было низвергнуто, среди руководителей оппозиции, получивших возможность разделить между собой власть, начались раздоры. Гизо желал получить или портфель иностранных дел, или министерство внутренних

дел, или же пост председателя палаты, а Тьер и Одилон Барро хотели предоставить ему только министерство народного просвещения. В продолжение двух месяцев никак не удавалось составить кабинет, и понадобилась попытка восстания, произведенная Барбесом, чтобы 12 мая Франция получила, наконец, министерство.

Главой кабинета назначен был Сульт, и в него не вошел ни один из вожаков коалиции. Последние не получили даже председательского места в палате; оно досталось лионскому депутату Созе, легитимисту, признавшему Июльскую монархию. Он продолжал занимать эту должность вплоть до революции 1848 года. Гизо назначен был послом при английском дворе; таким образом, для Тьера открывалось свободное поле действия на случай министерского кризиса, так как Одилон Барро казался человеком слишком крайних мнений, чтобы король мог когда-нибудь поручить ему составление министерства.

Это с особенной ясностью обнаружилось, когда палата без прений, молчаливым вотумом, отклонила новое требование дотации для герцога Немурского, после чего Сульт 20 февраля 1840 года вышел в отставку. 1 марта Тьер сделался председателем совета министров. Можно было думать, что король решил лойяльно проводить систему парламентского режима, так как Тьер являлся вождем того большинства, которое отвергло предложение о дотации. Но в действительности Луи-Филипп и не думал отказываться от политики личного управления, как это с величайшей ясностью доказало его поведение в восточном вопросе.

Лондонский трактат (15 июля 1840 г.), которым державы без участия Франции желали уладить конфликт между Турцией и Египтом, возбудил в Париже необычайное волнение. «Этот трактат, — писал *Журналъ де Деба*, — есть наглая выходка, которую Франция не может снести; этого не позволяет честь». Эти слова вполне выражали общее настроение. Тьер хотел, чтобы французское правительство заняло воинственную позицию, и король вначале как будто склонялся к тому же решению. Были призваны запасные. Предписано было сформировать 12 новых пехотных полков, 10 стрелковых батальонов и 6 кавалерийских полков. Численность флотских экипажей была увеличена на 10 000 человек. Приступлено было к вооружению 27 новых кораблей. Не дожидаясь созыва палат, правительство ордонансом 13 сентября открыло кредит в 100 миллионов франков на возведение вокруг Парижа непрерывной крепостной ограды и ряда отдельных

фортов. Страна страстно следила за этими военными приготовлениями; уже мечтали о реванше за 1815 год. Известие о бомбардировке Бейрута довело возбуждение до последней крайности. Ввиду этого накануне открытия палат Тьер представил королю проект тронной речи, в которой говорилось о возможности войны и испрашивался кредит на вооружение 500 000 человек. Король отклонил этот проект, так как решительно не хотел войны; Тьер подал в отставку.

В министерстве, составившемся 29 октября, пост председателя совета принадлежал Сульту. Но истинным главой правительства должен был явиться министр иностранных дел Гизо, отозванный из Лондона и избранный королем, потому что — подобно королю — он был того мнения, что ради сохранения Сирии за Мехмедом-Али не стоит бросать Францию в авантюру европейской войны.

Результаты первых десяти лет царствования. 29 октября 1840 года начинается второй период царствования Луи-Филиппа. Общий баланс истекших десяти лет был приблизительно таков.

Июльская монархия устояла против всех революционных восстаний, равно как король спасся от всех покушений на его жизнь. Монархия привела своих противников в состояние бессилия — по крайней мере на время. Она была искренно признана Францией, во-первых, потому, что доказала свою устойчивость (важное достоинство в глазах народа, всегда отличавшегося твердой привязанностью к существующему порядку вещей), во-вторых, потому, что, несмотря на все волнения, материальное благосостояние не переставало повышаться. Монархия приняла целый ряд серьезных мер для содействия экономическому развитию. С первых дней царствования Луи-Филиппа правительство заботилось о развитии и улучшении путей сообщения. В 1836 году был принят закон о проселочных дорогах. Тьер обнаружил в этом вопросе такой же пыл, как в своей борьбе против железных дорог. В последнем вопросе министерство Моле натолкнулось на неумный скептицизм и дух рутины, царивший в парламенте, и не могло провести в парламенте закона о государственном строительстве железных дорог, несмотря на очевидные выгоды этой системы для страны, на что указывало министерство. Тем не менее в 1837 году удалось настоять в принципе на проведении шести больших железнодорожных линий.

Хотя страна не придавала особого значения бесконечной Алжирской экспедиции и не обращала надлежащего внимания на происходившие там непрестанные военные действия, тем

не менее некоторые героические эпизоды, как, например, штурм Константины, льстили национальному самолюбию. Наследный принц, герцог Орлеанский, и брат его, герцог Омальский, приобрели подлинную популярность, разделяя опасности французских солдат. Под Антверпенской цитаделью, под Лиссабоном и Вера-Крусом французское оружие также покрыло себя новой славой.

Отмена наследственного пэрства, законы о муниципальных и генеральных советах и о народном образовании до известной степени удовлетворили умеренный либерализм большей части буржуазии.

Вопрос об избирательной реформе. Однако уже слышались требования чего-то большего. Изменение состава палаты и реформа избирательной системы представлялись некоторым уже совершенно необходимыми. В палате 1837 года больше трети депутатов составляли чиновники, среди которых насчитывалось 96 должностных лиц судебного ведомства, 50 служащих в администрации, 47 военных высших чинов, 9 королевских адъютантов или чинов придворного ведомства и 4 дипломата. Не говоря уже о том, что эти депутаты не исполняли своих обязанностей, за которые государство продолжало платить им жалованье, общественное мнение с полным основанием могло усомниться в их независимости перед лицом правительства.

Поэтому в апреле 1840 года депутат правой, Ремильи, внес в палату предложение ограничить число депутатов-чиновников и не разрешать их повышения по службе. Это предложение было отсрочено по требованию министерства Тьера. Но общество уже заинтересовалось этим вопросом и требовало расширения избирательного права путем допущения «талантов».

10 июня 1840 года в XII парижском округе состоялся первый реформистский банкет; 14 июля часть национальной гвардии, проходя мимо короля, кричала *«Да здравствует реформа!»* А 31 августа офицеры национальной гвардии организовали в Шатильоне банкет, на котором присутствовало около 6000 человек. Лимож, Тур, Оксер, Тулуза, Мулен, Лилль, Мец, Руан, Марсель, Дижон, Гренобль, Бург и Перпиньян были свидетелями аналогичных манифестаций. Все эти события свидетельствовали о глубоком движении, на которое предусмотрительное министерство, желающее управлять, т. е. руководить и дисциплинировать общественное мнение, должно было бы обратить серьезное внимание. Избирательная реформа была важнейшей проблемой, которую

министерству Гизо, — если бы оно понимало свой долг, а также действительные выгоды страны и короля, — следовало разрешить в первую очередь.

II. Период личного управления (1840—1848)

Гизо. Гизо было 53 года. В эпоху Империи и Реставрации он был либералом; но его прямолинейный ум возвел в неизменные догматы те либеральные понятия, к которым он пришел во времена Деказа, во времена популярности доктринеров и общества «Помогай себе сам — и небо тебе поможет». С тех пор много воды утекло; общественное сознание сделало огромный шаг вперед. Понимание условий свободного общежития значительно расширилось. Число людей, интересующихся политическими вопросами, сильно возросло. Целые общественные классы проснулись к политической жизни. Но Гизо, застывший на тех взглядах, которые он усвоил в 30-летнем возрасте, знать ничего не хотел, да и не мог понять происходящего. Он был не далек от того, чтобы считать хартию 1814 года, при условии ее точного применения, идеальной конституцией. По его мнению, некоторых детальных улучшений было вполне достаточно, чтобы превратить эту хартию почти в совершеннейшее творение, а Июльская революция именно и дала возможность произвести эти частичные поправки. Притом, на его взгляд, парламент в своей реформаторской деятельности заходил слишком далеко, и если бы это зависело от него лично, звание пэра, например, осталось бы наследственным.

По его мнению, с изменением хартии дело революции было завершено, и всякая дальнейшая реформа представлялась ему опасной химерой. Поэтому он с самого начала примкнул к партии сопротивления. С точки зрения Гизо задача правительства должна была ограничиться сохранением существующего, поддержанием порядка во внутренней политике и мира во внешней, т. е., в сущности, — созданием условий, обеспечивающих развитие национального богатства. Именно эту программу он и начал проводить с 1840 года и именно такое определение дал он своей политике в первом же заседании палаты.

Единственно мудрая политика сводилась, по его словам, к «сохранению мира всегда и повсюду». «Поверьте мне, господа, не будем говорить нашему отечеству о завоевании новых территорий, о великих войнах и о великом отмщении за

прежние обиды. Пусть только Франция процветает, пусть она будет свободной, богатой, разумной и спокойной, и нам не придется жаловаться на недостаточность ее влияния в мире». Точно так же смотрел на вещи и Луи-Филипп. Гизо не подчинялся влиянию короля и не играл роли послушного исполнителя личной политики и воли Луи-Филиппа. И если в продолжение семи лет могло казаться, что он является покорным слугой монарха, то это лишь потому, что между министром и. королем существовало единомыслие относительно политических целей.

Система подкупов. В продолжение семи лет палаты шли за Гизо, и так как министерство всегда имело на своей стороне большинство, то — судя по внешности — во Франции установился парламентарный режим. Но это большинство состояло из чиновников. Их было 184 в палате 1846 года. Правительство держало их в своих руках жалованьем, выплачиваемым из государственного казначейства, и обещаниями повышения по службе. А система крупных концессий и привлечения к участию в государственных подрядах давала возможность склонить на сторону правительства 30 или 40 депутатов, необходимых для составления министерского большинства.

Те же самые приемы обеспечивали в стране правительственным кандидатам голоса избирателей. Гизо, отличавшийся строжайшей честностью в своих частных делах, возвел подкуп в государственную систему. Это зло растлило всю администрацию, и в последние годы царствования разразились позорнейшие скандалы. Одновременно с разоблачением лихоимства и воровства в Рошфорском морском арсенале и расхищения интендантских запасов в Гро-Кайу в мае 1841 года стало известно, что пэр Франции, председатель одной из палат кассационного суда, Тэст, министр общественных работ в кабинете 29 октября, продал за 100 000 франков концессию на Гуэнанские соляные копи, причем роль посредника в этой сделке играл другой пэр Франции, генерал Кюбьер, дважды занимавший пост военного министра. Эмиль Жирарден, которого не решились привлечь к суду, обвинил министра внутренних дел Дюшателя в том, что он продал за 100 000 франков в пользу министерской газеты *Эпоха* привилегию на открытие третьего оперного театра и обещал звание пэра за 80 000 франков. Сам Гизо в январе 1848 года признал в палате, что некий господин Пети для получения должности казначея в Корбейле должен был, с согласия правительства, уплачивать ренту в сумме 6000 франков за отставку старшего советника контрольной палаты, причем освободившееся таким

образом место послужило наградой за услуги, оказанные министерству.

Министерство и оппозиция. Внешняя политика. Своей властью над палатой Гизо пользовался, чтобы не допускать никаких политических реформ. Он упрямо проводил политику неподвижности. «Послушать вас, — говорил ему Ламартин в 1842 году, — так вся политическая гениальность государственного человека состоит только в том, чтобы, заняв положение, которое дала ему случайность или революция, оставаться в этом положении инертно и неподвижно, отвергая неумолимо малейшие улучшения. И если действительно только в этом вся гениальность государственного мужа, облеченного правительственной властью, то не нужно нам государственных мужей. Хватит с нас и простой тумбы!»

Эта инертность под конец наскучила даже верным министерству консерваторам, и после выборов 1846 года в их среде сложилась прогрессивная партия. Один из депутатов, всегда поддерживавших Гизо, обозревая деятельность министра в 1847 году, пришел к следующему выводу: «Что сделано в течение семи лет? Ничего, ничего, ничего!»

Оппозиция, состоявшая из легитимистской правой и различных групп левой, главные свои нападки обращала на внешнюю политику министерства и на его отношение к союзу с Англией, а во внутренней политике — на вопрос об избирательной и парламентской реформах. С первых же дней своего существования Июльская монархия искала союза с Англией. Луи-Филипп полагал, что для отпора абсолютистским державам нельзя нигде найти лучшей поддержки, как в стране, политическая организация которой была всего ближе к французской. Отсюда посылка Талейрана в Лондон в сентябре 1830 года и четверной союз 1834 года с Испанией и Португалией. В 1836 году отказ Луи-Филиппа от вооруженного вмешательства в испанские дела повлек за собой охлаждение между двумя странами. Известно, какую ярость вызвала проделка Пальмерстона, обманувшего Францию в египетском вопросе. Вопреки народному чувству, король и Гизо решили, тем не менее, возобновить связь с Англией и попытаться восстановить то, что именовалось *сердечным согласием*. Возможно, что эта политика была не хуже всякой другой, но, стремясь к сердечному согласию, следовало бы все-таки тщательно охранять достоинство, честь и интересы Франции. А между тем в двух случаях министерство недостаточно позаботилось об этом достоинстве и интересах.

В первом случае речь шла о праве досмотра кораблей. На Венском конгрессе Англия в принципе добилась отмены торговли неграми. Кроме того, она потребовала предоставления военным кораблям всех национальностей права осматривать коммерческие суда вблизи африканского побережья. Формально все государства пользовались в данном случае равными правами, но фактически численное превосходство английского флота превращало право досмотра в своего рода общий надзор Англии над коммерческими флотами всех государств, что крайне стесняло торговлю. Правительство Реставрации упорно отказывалось признать право досмотра. Напротив, Июльская монархия в 1831 году согласилась подписать конвенцию, которую возобновила в 1833 году. Применение ее на практике связано было с такими злоупотреблениями, что со всех сторон раздались самые резкие протесты. Это не помешало Гизо 20 декабря 1841 года возобновить договор и согласиться даже на более тяжелые условия, по которым право досмотра отныне могло применяться не только у африканского берега, но и на всем Атлантическом океане.

К счастью, для вступления договора в законную силу требовалось согласие палаты. Гизо ссылался на соображения гуманности, но ему не удалось убедить палату, которая не только отказалась утвердить последний договор, но и осудила договоры 1831 и 1833 годов и предложила министерству их расторгнуть. Это решение было одним из мотивов, побудивших Гизо распустить палату немедленно после принятия бюджета в июне 1842 года. Новые выборы доставили министерству более послушное большинство, что не замедлило обнаружиться в 1844 году во время дела Притчарда.

В сентябре 1842 года силою обстоятельств адмирал Дюпти-Туар вынужден был объявить Таити и острова Товарищества под французским протекторатом. По внушению Притчарда, английского аптекаря-миссионера, уже давно проживавшего на Таити и облеченного званием консула, королева Помаре, воспользовавшись отсутствием французской эскадры, приказала сорвать знамя протектората. Возвратившись, адмирал Дюпти-Туар, считаясь только с оскорблением, нанесенным французскому флагу, по собственной инициативе захватил остров. Известие об этом вызвало в Лондоне сильнейший гнев. Английское правительство потребовало от Гизо, чтобы он выразил порицание адмиралу, и в *Монитере* появилась заметка, сообщавшая, что на Таити послан приказ

вернуться к простому протекторату. Публика ответила на эту меру поднесением адмиралу Дюпти-Туару почетной шпаги, а через несколько дней Ламартин при рукоплесканиях всей Франции заявил, что он понимает необходимость мира, но что Франции нужен «мир достойный и прочный — мир французский, а не английский». Не успел закончиться этот инцидент, как разгорелось второе дело Притчарда, во время которого французское правительство выказало себя еще более смиренным перед лицом английских угроз.

Так как Притчард продолжал интриговать при дворе королевы Помаре, то на Таити вспыхнуло восстание туземцев, стоившее жизни нескольким французским матросам. Тогда лейтенант д'Обиньи приказал арестовать миссионера и продержал его девять дней в тюрьме. Неописуемая ярость охватила всю Англию. Министр Пиль говорил в палате общин о «грубом оскорблении, сопровождавшемся величайшей низостью». Английская пресса требовала, чтобы французское правительство принесло извинения и чтобы офицер, осмелившийся наложить руку на Притчарда, понес примерное наказание. Эти вызывающие выходки глубоко задели патриотическое чувство французов. Гизо заявил в палате пэров, что он «намерен защищать честь французского флота». А между тем через несколько дней в адресованной лондонскому кабинету депеше он не только не колебался «выразить правительству ее британского величества свое сожаление и свое порицание» обстоятельств, сопровождавших арест Притчарда, но, кроме того, предлагал «справедливое вознаграждение за убытки и страдания, которые должно было претерпеть указанное лицо».

В то же время, и опять-таки исключительно с целью не раздражать Англию, правительство подписало 10 сентября 1844 года в Танжере с марокским султаном, войско которого было наголову разбито генералом Бюжо при Исли, мирный договор, причем Франция не получила никаких выгод, ни даже возмещения военных издержек. «Франция настолько богата, — сказал Гизо, — что может платить за свою славу». Тщетно при обсуждении адреса в 1845 году некоторые депутаты, в том числе такие безусловно преданные династии люди, как Дюпен и Дюфор, предлагали поправку, в которой выражалось сожаление по поводу уступки, «не вызывавшейся необходимостью». Нашлось большинство, готовое поддержать министерство, и это большинство объявило себя «вполне удовлетворенным» министерскими объяснениями. Собственно говоря, большинство это не превышало восьми голосов,

причем девять министров приняли участие в голосовании. Ввиду этого Гизо и его коллеги по кабинету заговорили было об отставке, но их решимость не продержалась и сорока восьми часов против настояний Луи-Филиппа.

Избирательная реформа. Как только в палате поднимался двойной вопрос о парламентской и избирательной реформах, за министерство каждый раз высказывалось гораздо более компактное большинство. Но сторонники реформы, отнюдь не смущаясь своими постоянными неудачами, каждый год в период 1844—1848 годов упорно вносили свои проекты. Все эти проекты сводились приблизительно к одному и тому же. В области парламентской реформы оппозиционеры требовали признания несовместимости занятия некоторых должностей с получением депутатского мандата, а для обеспечения независимости депутатов-чиновников предлагали приостановить повышение таких депутатов по службе в продолжение всего срока депутатских полномочий (предложение Мора-Баллапжа в 1841, Гонерона в 1842, де Сàда в 1843, Ремюзà в 1845, 1846 и 1847 годах).

В области избирательной реформы оппозиционеры выдвигали следующие требования: предоставления избирательного права так называемым «талантам», т. е. или гражданам, внесенным в списки присяжных, как предлагал Дюко в 1842 году, или лицам, имеющим ученую степень, нотариусам, офицерам национальной гвардии, городским муниципальным советникам, как того требовали Кремьё в 1845 году, Дювержье де Горанн в 1847 году, и, кроме того, понижения избирательного ценза до 100 франков. В конце концов те, кого тогда называли радикалами, — Ледрю-Роллен и Араго, — стали домогаться всеобщего избирательного права.

Гизо и Дюшатель отвергали все эти предложения, в том числе и предоставление избирательного права «талантам», хотя эта мера увеличивала избирательный корпус всего на 15 000 человек. «Разрешайте очередные задачи, естественно выдвигаемые временем, — говорил Гизо, — и отклоняйте все вопросы, которые легкомысленно и без всякой надобности стараются вам навязать». По его мнению, во Франции имелось не больше 180 000 человек, «способных разумно и независимо осуществлять политическую власть». Сверх того, ведь надо было только работать и составить себе состояние, чтобы сделаться избирателем. Вошедшее в легенду словечко «Обогащайтесь!», которого Гизо никогда не произносил, по существу совершенно верно выражает его взгляд на избирательную реформу.

Банкеты. С 1847 года оппозиция, в которую входили искренние сторонники династии, потеряв надежду добиться каких-либо уступок от министерства и от палаты, решила вызвать широкое общественное движение. Инициативу кампании в пользу реформы взял на себя член династической оппозиции Одилон Барро, которому помогали в этом деле Тьер, Дювержье де Горанн, Ремюза и др. Республиканцы не замедлили присоединиться к ним. Петиция-монстр будет подписана всей страной на банкетах, где ораторы, главным образом из числа депутатов, должны доказывать необходимость избирательной реформы.

10 июля 1847 года в Париже, в Шато-Руж, состоялся первый из этих банкетов. 18 июля в Маконе Ламартин подверг резкой критике господствовавший режим и предсказал близость революции. «Если монархия, — сказал он, — обманет те надежды, которые страна в 1830 году из осторожности связывала не столько с сущностью монархии, сколько с ее именем; если она станет окружать себя избирательной аристократией, вместо того чтобы раствориться во всем народе; если она будет принижать нас до позорного растления... то, будьте уверены, эта монархия потонет не в своей крови, как монархия 1789 года, а в ею самой вырытой яме. И после того как вы присутствовали при революциях во имя свободы и контрреволюциях во имя славы, вы увидите революцию возмущенной общественной совести и революцию презрения».

Первый толчок был дан, и вскоре на банкетах, которые начали устраиваться по всей стране, недовольные заговорили не только об избирательной реформе. Как выразился Паньер в Шартре, речь шла о «возобновлении того, что не удалось в июле», — о «замене бесконтрольной и безответственной системы личного управления таким режимом, при котором страна сама распоряжалась бы собственными судьбами». Даже в королевской семье находились лица, сознававшие, что правительство совершило ряд тяжких ошибок и что страна стоит накануне серьезных событий.

«Министров у нас теперь, собственно говоря, нет, — писал принц Жуанвильский герцогу Немурскому 7 ноября 1847 года, — их ответственности фактически не существует: все дела восходят к самому королю. Наше внутреннее состояние незавидно... В области внешней политики мы тоже не блещем. Перед палатами мы появимся в самом отвратительном положении. Во всем этом виноват только король, который совершенно исказил наши конституционные учреждения... Не могу не заглядывать в будущее, и оно меня немножко пугает».

Один герцог Орлеанский способен был бы раскрыть королю глаза на действительное положение вещей. Но, к несчастью для династии, он погиб самым жалким образом, разбившись насмерть во время прогулки в карете 13 июля 1842 года. Широкая популярность, которой он сумел добиться, его известная всем преданность освободительным идеям, надежда на счастливое царствование, — все это могло бы внушить стране некоторое терпение. Но в перспективе стояли лишь несовершеннолетие будущего монарха и регентство самого непопулярного из принцев королевской семьи — герцога Немурского.

Новые партии. Католическая партия. Во Франции сформировались две новые партии, которым при падении Июльской монархии суждено было оспаривать друг у друга руководящую роль в новом правительстве, а именно — католическая партия и социалистическая партия.

После Июльской революции наступила очень резкая, но непродолжительная антиклерикальная реакция; во всяком случае эти события послужили для духовенства полезным уроком, по крайней мере в рассматриваемый период. Оно в общем поняло невозможность возвращения к прошлому и восстановления клира как привилегированной корпорации, поняло тем легче, что в огромном большинстве своем духовенство пополнялось из народа. Некоторые члены духовного сословия сообразили также, что связывать дело церкви с судьбой какой-нибудь династии и примыкать к какой-либо определенной форме правления было величайшей ошибкой. Они начали приходить к той мысли, что необходимо искать опору в основной стихии государственной жизни, т. е. в народе. А так как народ требовал свободного режима, то и духовенство должно стать либеральным. Вместо того чтобы враждебно выступать против тех принципов, на которых покоилась организация новой Франции, необходимо приспособиться к этим принципам и использовать их с наибольшей выгодой для католической церкви. Вместо привилегий надо требовать от правительства свободы.

Инициатива этой новой тактики принадлежала бывшим легитимистам. Ламеннэ, один из самых ярых защитников абсолютизма, превратившийся в столь же ярого защитника свободы, первый подал сигнал, начав издавать газету *Будущее (L'Avenir)*, первый номер которой вышел в свет 18 октября 1830 года. Главными сотрудниками этой газеты были Монталамбер и Лакордер. Их программа была формулирована Ламеннэ в одном из писем к Монталамберу следующим образом:

«Освободить религию от рабского подчинения правительствам... и завоевать вольности, гражданские вольности, конечной целью которых является свобода духа». В области внутренней политики партия требовала отделения церкви от государства и свободы преподавания. В области внешней политики она стремилась к освобождению Бельгии, Польши и Италии. *Будущее* перестало выходить в 1832 году, после того как папа осудил некоторые излагавшиеся этой газетой учения. Кстати, другой характерной чертой либерально-католической партии был ее полный отказ от галликанских учений и от идеи национальной церкви и откровенное провозглашение ультрамонтанства.

Почти все свои усилия католическая партия направила на завоевание свободы преподавания. Так как свобода преподавания была обещана хартией, то католическая партия требовала, чтобы позволено было свободно открывать католические школы и нападала на монополию Университета (ведомства народного просвещения). Как тогда замечали, «борьба между церковью и государством изменила свой характер: она превратилась в борьбу между епископатом и Университетом». Вначале Монталамбер и Лакордер играли главную роль в этой борьбе; в 1831 году они основали начальную школу, не испросив предварительного разрешения. Школа была закрыта, а виновные преданы суду пэров, к числу которых принадлежал Монталамбер, и приговорены к штрафу в 100 франков.

Ошеломляющий успех проповедей Лакордера в соборе Парижской богоматери увеличил силы партии. С 1840 года выпады против Университета в клерикальных газетах *Друг религии (L'Ami de la Religion)*, *Французская газета (Gazette de France)*, *Вселенная (L'Univers)* (в последней начал писать Вельо) стали принимать все более резкий характер. Католические памфлеты, вроде *Университетской монополии* каноника Дегаре, вызывали в противном лагере вполне справедливое негодование. Однако правительство сделало католикам некоторые уступки в законопроекте о средних учебных заведениях. Этот проект, внесенный в палату в 1834 году, но не обсуждавшийся, попрежнему оставлял частные школы под контролем Университета, но отменял систему предварительных разрешений.

Университет нашел красноречивых и страстных защитников в лице герцога де Бройля, Кузена и Тьера — в парламенте, Мишле и Эдгара Кине — в Коллеж де Франс.

Снова начался поход против иезуитов. В 1845 году Тьер обратился по этому поводу с парламентским запросом

А. СЕН-СИМОН

к правительству, а палата единогласно вотировала резолюцию, приглашавшую министерство «следить за точным исполнением государственных законов». По соглашению с папой, переговоры с которым вел Росси, новициаты были распущены, а иезуитские заведения закрыты ордонансом 6 июля 1845 года. Эта мера имела очень мало значения, так как ничуть не мешала в дальнейшем части французской буржуазии воспитывать своих дочерей в монастырях, а сыновей в католических учебных заведениях.

Социалистическая партия. Другая, менее многочисленная часть буржуазии увлекалась новыми социальными учениями и шла за проповедниками общественного переустройства. В эпоху Реставрации Сен-Симон издал *Катехизис промышленников* и *Новое христианство*. Скорбя о нищете низших классов, он искал против нее лекарства во «всеобщей ассоциации, основанной на любви» и формулировал знаменитый принцип: «Каждому по его способностям, каждой способности по ее делам». Эксцентричные выходки некоторых его последователей (впрочем, людей, выдающихся в умственном отношении), учредивших фаланстер в Менильмонтане [1] под руководством «отца» Анфантена, вызвали в 1832 году судебное преследование за организацию противозаконного сообщества; процесс закончился осуждением и рассеянием его членов. Сен-симонистская пропаганда посредством лекций и газет (*Глоб* и *Продюктер*) не вызвала никакого движения в обществе, и сен-симонистское семейство исчезло при раскатах общего смеха.

Хотя некоторые лица приписывали первое лионское восстание отчасти пропаганде сен-симонистских идей, но в действительности сен-симонисты не пользовались ни малейшим влиянием среди рабочих. То же самое можно сказать о последователях Фурье. Первая французская социалистическая партия сложилась помимо всякого воздействия со стороны теоретиков — путем раскола в республиканской партии. При основании общества *Прав человека* Годфруа Кавеньяк, перепечатывая в качестве программы нового общества Декларацию прав человека и гражданина 1793 года, для определения собственности принял формулу не Конвента, а Ро-

[1] Один из кварталов XX парижского округа. Автор ошибается: община сен-симонистов в Менильмонтане ровно ничего общего не имела ни по своей организации, ни по своим целям, ни, конечно, по своему названию с *фаланстерами* Шарля Фурье, основная идея которых заключалась в том, чтобы показать возможность мирного вкрапления в капиталистическое общество «ячеек будущего общежития». — *Прим. ред.*

беспьера: «Собственность есть право каждого гражданина на пользование той частью материальных благ, которая обеспечивается ему по закону». Тогда те республиканцы, которые признавали собственность естественным правом, отделились от него.

В 1832 году партия Кавеньяка, состоявшая главным образом из ремесленников, заявила, что она имеет в виду «не столько политическую перемену, сколько социальное переустройство»; целью партии являлось «равномерное распределение общественных повинностей и выгод, полное установление царства равенства». Эта партия, участвовавшая во всех революционных выступлениях, приняла в 1839 году название *коммунистической* партии. Ее программа была еще очень неопределенна, а учение нуждалось в формулировке. [1]

В том же году Луи Блан, вышедший из рядов сен-симонистов, напечатал свою брошюру об *Организации труда*. Во Франции существовала доктрина без партии и партия без доктрины. Луи Блан дал доктрину этой партии. Он объявил, что каждый человек имеет «право на труд» и что общество обязано обеспечить каждому гражданину возможность найти работу. Государство, являющееся представителем общества, должно на свой счет основать национальные мастерские, где рабочие сами будут руководить производством и делить между собой прибыль от предприятия; таким образом осуществится сен-симонистская формула: прекращение эксплоатации человека человеком.

В 1840 году Араго по поводу одной стачки впервые заговорил в палате о необходимости организации труда, чтобы положить конец бедствиям фабричных рабочих, а 24 мая того же года депутация от тысячи рабочих явилась в Обсерваторию благодарить его и предложить «свою признательность и поддержку». Газета *Реформа (La Réforme)*, основанная Луи Бланом в 1843 году, сделалась органом новой партии, первым депутатом которой был Ледрю-Роллен. Партия присоединилась к кампании в пользу избирательной реформы, но для нее речь шла не о частичном расширении избирательного корпуса: она хотела добиться *всеобщего избирательного*

---

[1] Годфруа Кавеньяк — крупный республиканский деятель 30—40-х годов XIX века, один из руководителей ряда заговорщических организаций, стяжавший себе имя личной энергией и мужественным поведением во время возбуждавшихся против него судебных процессов. Кавеньяк не только не имел ничего общего с коммунистическими идеями своего времени, но как типичный буржуазный демократ был решительным их противником. — *Прим. ред.*

права как орудия для совершения социального преобразования. Ледрю-Роллен в 1841 году, обращаясь к избирателям Манса, говорил в изложении своих руководящих принципов: «Разрешить политическую проблему, чтобы добиться социальных улучшений, — таков путь, характеризующий демократическую партию».

Важное значение новой партии, с которой сами французы были мало знакомы, не ускользнуло от внимания иностранцев, и немец Штейн писал в 1842 году: «Время чисто политических движений во Франции миновало; будущая революция может быть только революцией социальной».

ГЛАВА XI

ГРАЖДАНСКИЕ И ВОЕННЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ ФРАНЦИИ

1814—1847

С конституционной точки зрения между Империей и Реставрацией с ее «октроированной» хартией, а затем между Реставрацией и Июльской монархией с ее «принятой» хартией существуют глубокие различия. Этого нельзя в такой же степени сказать о гражданских и военных учреждениях. За исключением некоторых неизбежных частичных поправок, учреждения Империи пережили ее падение. Вся административная и судебная иерархия, военная организация, гражданское и торговое законодательство, организация народного образования в период 1814—1847 годов и даже ныне ведут свое начало от эпохи Наполеона I. В общем можно сказать, что в 1814 и в 1830 годах дважды изменялись скорее стремления руководящих деятелей, чем формы учреждений.

I. Административные учреждения

Центральная администрация. Хартия 1814 года, заменившая Сенат палатой пэров и Законодательный корпус — палатой депутатов, ни словом не упоминала о *Государственном совете* и о *министрах*. То же самое повторилось и с хартией 1830 года. Обе хартии, само собой разумеется, предоставляли королю как главе исполнительной власти право назначения и увольнения министров, — а также и право определять их число и круг ведомства, — посредством простых ордонансов. Из двенадцати министров, существовавших к концу Империи, Людовик XVIII первоначально сохранил только шесть:

канцлера (министра юстиции), министров и государственных секретарей иностранных дел, внутренних дел, финансов, военного и морского. Но эта первоначальная организация вскоре подверглась изменениям. Людовик XVIII и Карл X последовательно восстановили бывшее министерство королевского двора, уничтоженное в 1827 году; министерство полиции, просуществовавшее только три года (1815—1818); министерство духовных дел и народного просвещения (1824), преобразованное после 1830 года в министерство народного просвещения; наконец, министерство торговли и мануфактур (1828), разделенное в 1839 году.

Наряду с министрами, носившими название *государственных секретарей* и фактически управлявших каким-нибудь определенным ведомством, Людовик XVIII стал назначать *государственных министров*, — звание, которое было отменено в 1830 и восстановлено в 1842 году. Эти государственные министры фактически никакого участия в ведении дел не принимали. Они лишь входили вместе с принцами, государственными секретарями и различными лицами в некоторые советы, которыми окружали себя Людовик XVIII, Карл X и Луи-Филипп для совещания обо всех вопросах, касавшихся высшей администрации, общей полиции и государственной безопасности (*Верховный совет* 1814 года; *Тайный совет* 1815 года, отмененный в 1830 и восстановленный в 1842 году; *Государственный совет*).

Центральная администрация дополнялась Государственным советом. Этот совет, игравший, как известно, такую важную роль в эпоху Консульства и Империи, совершенно не упоминался в октроированной Людовиком XVIII хартии. Этим самым он терял свой конституционный характер и свои законодательные функции. Он остался, да и не мог не остаться, простым правительственным советом, дававшим только «заключения», с которыми король мог и не соглашаться. Таким образом, значение его сильно сократилось, а организацию его не приходилось больше регулировать законодательным порядком; для этого достаточно было королевских ордонансов. По крайней мере, в таком смысле отвечали министры всем тем, кто оспаривал законность существования Государственного совета.

Государственный совет первоначально состоял из министров — государственных секретарей, из государственных министров, 25 штатных советников и 50 докладчиков (июньский ордонанс 1814 года). Он разделялся на 5 *комитетов*: законодательный, финансовый, внутренних дел, торговый

и судебный. Последний комитет, подобно бывшему тяжебному совету (Conseil des parties), отличался особым характером; мы еще встретимся с ним, когда будем говорить о судебной организации. Задача остальных комитетов заключалась в выработке законопроектов и регламентов, «касающихся предметов, входивших в круг их ведомства». Кроме того, комитеты в форме постановлений (arrêts) ведали всеми административными делами местного или личного характера, не относящимися к области юридических конфликтов. После Ста дней и при Июльской монархии число членов Государственного совета, докладчиков и аудиторов (должность, учрежденная в 1824 году), а также распределение их по отдельным комитетам, несколько раз изменялись (ордонансы августа 1815 года, августа 1824 года, ноября 1828 года, сентября 1839 года). Ордонанс 1839 года учреждал 5 *административных комитетов:* законодательный (ведавший юридическими, вероисповедными и иностранными делами), военный и морской, внутренних дел и народного просвещения, финансовый и, наконец, комитет торговли, земледелия и общественных работ, не считая комитета судебного (спорных дел), который все более и более приобретал своеобразный характер и который в ордонансе определенно отделялся от остальных. Закон 19 июля 1845 года подтвердил большую часть постановлений ордонанса 1839 года и таким образом вернул Государственному совету ту законодательную основу, которой ему недоставало.

Департаментская администрация. Система, установленная законом 28 плювиоза VIII года (17 февраля 1800 г.), который ввел в каждом департаменте префекта, совет префектуры и департаментский генеральный совет, а в каждом коммунальном округе — супрефекта и окружной совет, не претерпела в эпоху Реставрации никаких существенных изменений. Согласно статье 14 хартии, предоставлявшей главе государства право назначения «на все должности по государственной администрации», все члены департаментской администрации назначались королем, подобно тому как прежде они назначались императором. В то время система эта представляла некоторые положительные стороны. Заинтересованный в хорошей постановке департаментской администрации, король назначал на должности префектов компетентных людей, которые в течение долгого времени оставались на своих местах и таким образом успевали основательно ознакомиться с потребностями вверенных им округов. Генеральные и окружные советы занимались местными делами, а не

политикой. Тем не менее департаментская организация подвергалась во время Реставрации многочисленным нападкам.

В первый раз требования реформ послышались в конце 1815 года из уст Виллеля, говорившего от имени правых. В угоду правой партии правительство 9 апреля 1817 года отменило должность супрефекта в главных городах департаментов (бесспорно, совершенно бесполезную) и должность генеральных секретарей префектуры, затем восстановленную 1 августа 1820 года. Сделавшись министром, Виллель, в свою очередь, внес в феврале 1821 года довольно сложный законопроект, имевший целью обеспечить некоторыми гарантиями систему пополнения генеральных советов. Обсуждение этого законопроекта, вызвавшего резкую критику со стороны либералов, было отложено на неопределенное время.

Министерство Мартиньяка представило два других проекта: первый, с которым мы встретимся ниже, касался организации коммун, а второй — организации генеральных и окружных советов (февраль 1829 г.). Отныне члены этих советов должны были *избираться*, но весьма ограниченным числом избирателей. Проект подвергся нападкам с двух сторон: правая усматривала в нем опасную уступку выборному началу, а левая критиковала его за то, что он отводил этому началу слишком мало места. Доклад относительно этого проекта, прочитанный в палате депутатов Себастиани, спутал все построение закона: докладчик требовал уничтожения округов, бесполезность которых признана была уже конституцией III года, и предлагал более широкую избирательную систему, чем та, которая устанавливалась проектом. После продолжительных и страстных дебатов палата, при воздержавшейся правой, приняла предложение об уничтожении окружных советов (8 апреля). А час спустя Мартиньяк от имени короля взял обратно оба законопроекта.

Революция 1830 года привела к власти ту партию, которая в продолжение пятнадцати лет боролась за организацию административных учреждений на более свободных началах. И действительно, принятая Луи-Филиппом хартия обещала, между прочим, «преобразование департаментских и муниципальных учреждений на основе выборной системы» (ст. 69). Во исполнение этого обещания правительство в 1831 году внесло несколько законопроектов о муниципальном устройстве и департаментской администрации. Проект *департаментской организации* был принят палатами в 1833 году. Он сохранил всю организацию, установленную законом 28 плювиоза, в том числе и округа, которые авторами проекта, пока они были

в оппозиции, признавались излишними. Но теперь генеральные и окружные советники должны были *избираться*. Выборы производились избирательной коллегией, составленной из крупнейших плательщиков налогов в кантоне; пассивным избирательным правом пользовались только лица, платившие в данном департаменте 200 или 150 франков прямых налогов. Таким образом, цензовый режим и при местных выборах свирепствовал в такой же степени, как и при выборе депутатов палаты.

Закон 1833 года не вносил изменений в круг ведомства генеральных или окружных советов. Палатам был предложен другой законопроект, который был вотирован только в 1838 году после многочисленных мытарств. Закон 1838 года значительно расширял круг вопросов, подлежавших решению департаментскими собраниями. Но он не предоставлял им никакого действительного контроля над действиями префекта. В то время относились еще враждебно к административной *децентрализации*, на которую, между прочим, с величайшей энергией нападал Тьер. Таким образом, закон подвергался критике с двух сторон: по мнению одних он предоставлял слишком много власти выборным чиновникам; для других «1838 год являлся вторым изданием VIII года». Истина была посредине между обоими крайними мнениями.

Муниципальная администрация. История муниципальной администрации, которую мы для большей ясности должны отделить от истории департаментской администрации, испытала при Реставрации и Июльской монархии те же превратности.

В результате неудачи, постигшей проекты Виллеля и Мартиньяка, закон 28 плювиоза без всяких изменений оставался в силе до самого конца Реставрации. Поэтому мэры, товарищи мэров и даже муниципальные советники назначались королем или его представителем — префектом, — и таким образом муниципалитеты находились в теснейшей зависимости от центральной власти. Проект Мартиньяка о муниципальном устройстве сохранял за администрацией право назначения мэров и их товарищей, в которых этот проект прежде всего видел агентов исполнительной власти, но он допускал избрание муниципальных советников. Мы уже знаем, вследствие каких обстоятельств проект этот не дождался обсуждения.

С некоторыми изменениями проект Мартиньяка снова появился на сцену во время Июльской монархии и сделался законом 21 марта 1831 года. По этому закону, остававшемуся в силе до 1848 года, муниципальные советники *избирались*

на шесть лет специальным избирательным корпусом, составленным из крупнейших плательщиков каждой коммуны и из различных категорий чиновников. Мэры и товарищи мэров *назначались* на три года королем или префектом, но непременно из среды членов муниципального совета. В 1837 году принят был второй законопроект, расширявший круг ведомства муниципальных советов. Париж и Сенский департамент получили особое административное и муниципальное устройство по закону 20 апреля 1834 года.

Специальные административные органы. Бо́льшая часть специальных административных органов, созданных Консульством и получивших дальнейшее развитие при Империи, продолжала существовать без всяких изменений. Так, например, обстояло дело с *департаментом прямых налогов*, на который возложена была обязанность следить за правильным поступлением четырех прямых налогов (поземельный, личный и на движимость, налог на окна и двери, патентный сбор) и многочисленных аналогичных сборов. *Управление объединенных пошлин* и *таможенное управление*, первоначально слитые в одно учреждение под названием Общего управления косвенных налогов (май 1814 г.), снова были разделены Наполеоном и составили, как и прежде (до 1851 года), два отдельных ведомства — *косвенных налогов* и *таможенных сборов*. Ведомства *гербовых сборов*, *государственных имуществ*, *путей сообщения*, *горное*, *судостроительное* (персонал последних трех все время пополнялся лицами, кончившими курс Политехнической школы) остались без заметных изменений. Организация лесного ведомства, установленная Консульством, была подтверждена *Лесным кодексом*, который в 1827 году был прибавлен к пяти кодексам Наполеона. В 1829 году организация была дополнена открытием Лесного института в Нанси.

II. Судебные учреждения

Обыкновенные суды (гражданские и уголовные). В области гражданского и уголовного судопроизводства хартия 1814 года целиком оставила в силе действовавшую при Империи систему. Впрочем, в хартии старый монархический принцип был высказан гораздо определеннее, чем в сенатском указе 28 флореаля XII года (18 мая 1804 г.): «Всякое правосудие исходит от короля» (ст. 57), а это положение в одном из своих важнейших следствий отрицает принцип разделения властей.

Хартия отрицала его и в другом отношении, а именно — заявляла, что только *назначенные королем* судьи признаются несменяемыми (ст. 58). Таким образом, судьи, назначенные при прежнем режиме, не пользовались правом несменяемости, если только они не получили новой инвеституры от короля. Король даровал им эту инвеституру, но воспользовался случаем, чтобы устранить некоторых судей. «Бесподобная палата» хотела пойти еще дальше. Несмотря на усилия Ройе-Коллара, она в ноябре 1815 года вотировала временную приостановку несменяемости судей. Но менее ослепленные страстью пэры отвергли это новое покушение на принцип.

За исключением этого пункта, все судебные учреждения Империи были сохранены: кассационная палата, апелляционные суды, обыкновенные трибуналы (окружные суды), коммерческие судьи, мировые судьи (ст. 59—61). Институты присяжных (ст. 65) и кандидатов на судебные должности (аудиторов, заменяющих действительных членов суда) также были сохранены. Но хартия отняла у короля право учреждать исключительные комиссии и трибуналы, так как «никто не может быть лишен своих естественных судей» (ст. 62, 63); а следовательно, были отменены специальные суды, специальные таможенные трибуналы и превотальные таможенные палаты.

Во время Июльской монархии правительство, делая вид, что уважает принцип несменяемости судей, начало обходить его с гораздо большей ловкостью. Правительство ограничилось тем, что потребовало от судей присяги на верность «королю французов», как и от всех других чиновников. Очень многие судьи отказались исполнить это требование, и таким образом сами себя «вычистили». Затем в судебной организации произведены были некоторые детальные изменения. Институт кандидатов на судебные должности (аудиторов), подозреваемых в недостатке независимости по отношению к исполнительной власти, был упразднен (10 декабря 1830 г.). Сверхштатные судьи были допущены, в случае надобности, к исполнению прокурорских обязанностей (20 декабря 1830 г.). Наконец, тремя законами последовательно была расширена компетенция окружных судов как последней инстанции (апрель 1838 г.), мировых судей (май 1838 г.) и коммерческих судов (март 1840 г.).

Исключительные суды. Наряду с обыкновенными уголовными судами в эпоху Реставрации и Июльской монархии, как и во время Империи, действовали также исключительные суды.

Первоначально хартия 1814 года сохранила в принципе *верховный суд*, но, вместо того чтобы придать ему организацию, независимую от законодательных собраний, она сделала ту ошибку, что предоставила прерогативы верховного суда палате пэров. Палата пэров должна была ведать вообще всеми делами о государственной измене и о покушениях против государственной безопасности, совершонными кем бы то ни было, а также всеми преступлениями, совершонными ее членами.[1] Хартия 1830 года (ст. 28—29) сохранила за верхней палатой эти функции. Читателю уже известны главные процессы, рассматривавшиеся этим политическим судилищем: процесс маршала Нея в 1815 году и процесс министров Карла X в 1830 году.

Хартия 1814 года допускала также восстановление военных превотальных судов, «если такое восстановление признано будет необходимым» (ст. 63). Оно было признано необходимым после Ста дней, и особый закон учредил в каждом департаменте по одному *превотальному суду* (декабрь 1815 г.). Этот суд состоял из председателя и четырех судей, назначавшихся из местного гражданского трибунала, а в качестве следователя к нему присоединялся *прево*, из числа офицеров сухопутной или морской службы, имеющих чин не ниже полковника. Этот суд ведал всеми преступлениями, влекущими за собою серьезные нарушения общественного порядка: незаконное употребление вооруженной силы, погромы, грабежи, мятежные сборища, призывы к ниспровержению правительства, и т. п. Приговоры его не подлежали ни апелляции, ни кассации и должны были приводиться в исполнение в 24 часа. Так как закон 1815 года носил временный характер и продлен не был, то превотальные суды исчезли в 1817 году, а дела, входившие в их компетенцию, перешли в ведение суда присяжных или *военных* судов.

Военные суды, существование которых основывается на соображениях высшего порядка, действовали во все времена. Ни Реставрация, ни Июльская монархия не коснулись различных военных трибуналов, существовавших при Империи. Впрочем, правительство Карла X несколько раз (1827, 1829) требовало упрощения их процедуры и выработки военно-судебного устава. Но события 1830 года помешали осуществлению этих намерений. И только в 1855 году этот вопрос был снова поставлен на очередь.

Реформы уголовного процесса, Уголовного кодекса и тюрем. Гражданское судопроизводство не испытало за этот

[1] Ст. 33 и 34. На эту последнюю статью ссылался Ней, требуя суда палаты пэров.

период никаких существенных изменений.[1] Напротив, в области уголовного судопроизводства мы наблюдаем целый ряд полезных улучшений. Прежде всего преобразован был способ составления списков присяжных заседателей. До сих пор списки составлялись таким образом, что естественно возникало подозрение относительно независимости назначаемых присяжных, и против этого способа давно уже раздавались критические замечания. Принятая палатами новая система дала в этом отношении несколько большие гарантии (в смысле беспристрастия) и обществу и подсудимым (законы 2 мая 1827 года и 2 июля 1828 года). В 1832 году после общего пересмотра Устава уголовного судопроизводства и Уголовного кодекса жюри получило новое право, а именно — право *самостоятельно* признавать наличность *смягчающих вину обстоятельств*, что обязательно влекло за собой смягчение наказания. Кроме того, для обвинения требовалось большинство двух третей голосов. Наконец, в 1835 году открытое (устное) голосование, сохраненное кодексом 1808 года для присяжных, заменено было *закрытой* баллотировкой, но при этом восстановлено было правило, по которому для обвинения достаточно абсолютного большинства голосов.

Уголовный кодекс, который пропитан духом уголовного ордонанса 1670 года, получил множество поправок. Общая конфискация была отменена хартией 1814 года (ст. 66). Зато, ввиду того что случаи кражи священных сосудов из церквей сильно умножились (в течение четырех лет — 440 краж), Карл X счел нужным потребовать усиления кар за преступления этого рода, а особенно в случае осквернения святых даров. С этой целью он провел в парламенте так называемый «закон о святотатстве», который отчасти восстановлял старое понятие об «оскорблении божественного величества» (1826). Этот закон, никогда на практике не применявшийся, был отменен в 1830 году. Новый закон 28 апреля 1832 года отменил вслед за тем выставление у позорного столба, клеймение, отсечение руки у отцеубийц перед казнью. Смертная казнь, полной отмены которой требовали Ламартин и Дестют де Траси, была заменена другим наказанием в одиннадцати случаях, в которых она предусматривалась кодексом 1808 года. Кроме того, введена была новая классификация наказаний по двум различным категориям: для преступлений уголовного характера

[1] Следует указать на расширение (1837) прав кассационного суда в том отношении, что решения его с *юридической* стороны получили обязательную силу в случае вторичного рассмотрения того же дела в кассационном порядке. Хартия 1814 года предоставила членам кассационного суда право несменяемости.

и для политических преступлений. И, наконец, к моменту революции 1848 года основные элементы реформы пенитенциарного режима были уже подготовлены.

В отношении пенитенциарного режима долго господствовали старинные ложные понятия и продолжала держаться безобразно организованная тюремная система, при которой тюремные надзиратели эксплоатировали заключенных, последние получали недостаточную и нездоровую пищу, а отправляемые в лазарет больные помещались потрое и почетверо на одной койке. Людовик XVIII обратил внимание на столь плачевное положение и основал *Королевское тюремное общество*, которому удалось достигнуть некоторых *материальных* улучшений (1819—1829). В эпоху Июльской монархии внимание реформаторов было направлено также и в сторону *моральных* улучшений. Опыт, произведенный в Америке в Оберпской и Филадельфийской исправительных тюрьмах, доказал, что смешение заключенных разных категорий является источником разврата. А отсюда оставался один только шаг к тому, чтобы потребовать разделения различных разрядов заключенных, а затем и изолирования их в одиночных камерах. В 1838 году префект Сенского департамента применил одиночную систему к Малой Рокетской тюрьме, где содержались малолетние преступники: случаи рецидива уменьшились в десять раз. Правительство, убедившись в преимуществах этой системы, внесло законопроект, предусматривавший полное преобразование пенитенциарной системы. После многочисленных проволочек проект этот, в переработанном и исправленном виде, принят был палатой депутатов в 1847 году. Он должен был поступить в палату пэров, когда разразились события 1848 года.

Административная юстиция. Реставрация сохранила все административные суды Первой империи, в том числе Государственный контроль, компетенция которого была расширена в 1843 году, и Государственный совет, история которого в судебном отношении нуждается в некоторых дополнениях.

Как уже известно читателю, в 1806 году при Государственном совете учреждена была специальная тяжебная комиссия, которая должна была относительно каждого дела подготовлять доклады, утверждаемые затем общим собранием Совета. В эпоху Реставрации эта система подверглась живейшим нападкам, а в 1828 году административная юрисдикция испытала кризис, повлекший за собой некоторые реформы (февраль и март 1832 г.). До тех пор заседания происходили при закрытых дверях, с этого же времени они сделались

публичными; судопроизводство, бывшее раньше исключительно письменным, сделалось устным; на докладчиков Государственного совета возложены были функции прокуроров, до того совершенно отсутствовавших. Все эти реформы имели целью придать административному судилищу несколько более *судебный* характер; но Государственный совет попрежнему не имел никакой *собственной* власти. Его судебные решения, обсуждавшиеся на общих заседаниях, попрежнему сохранили характер «мнений», сообщавшихся королю, который и постановлял окончательное решение. Многие депутаты пытались тогда (но безуспешно) добиться предоставления права выносить окончательные решения по спорным юридическим вопросам специальному судебному учреждению, облеченному самостоятельной властью. После продолжительных и часто прерывавшихся прений закон 1845 года отклонил предложенную реформу.

На обязанности Государственного совета лежала подача королю мнений не только по вопросам административной юрисдикции, но и в области конфликтов с судебной властью при спорах о пределах компетенции. [1] В этом чувствовалась некоторая ненормальность, которую депутаты критиковали еще в 1840 году, но которая была устранена лишь в 1848 году.

III. Военные учреждения

Армия в эпоху Реставрации. В начале своего царствования Людовику XVIII пришлось сильно сократить численный состав французской армии. С одной стороны, он принужден был к этому только что подписанным мирным договором, требованиями союзников и тогдашним состоянием французских финансов; с другой стороны, он чувствовал недоверие к бывшим наполеоновским солдатам. В то самое время, когда из зарейнских гарнизонов и немецкого плена возвратилось на родину 300 000 человек, раздраженных заключением постыдного мира, пять королевских ордонансов (12 мая 1814 г.) установили наличный состав армии в 200 000 солдат и определили число полков каждого рода оружия, которые решено было сохранить. Целую толпу оставшихся за штатом офицеров пришлось перевести на «половинное жалованье».

Вместе с тем Людовик XVIII зачислил обратно в ряды войск с повышением старых роялистских офицеров, в свое время вышедших в отставку, восстановил собственный ко-

[1] Ордонанс 1 июня 1828 года, остающийся в силе и доныне, указывает те случаи, в которых вопрос об этих конфликтах может подниматься.

ролевский конвой (так называемые *Красные роты, Телохранителей, Швейцарскую сотню*) и королевскую гвардию, частью отданную под команду бывших эмигрантов. Милости, которыми осыпáли этих последних, страшно раздражали бывших офицеров Империи, особенно тех, которые состояли на половинном окладе. Ни одной недели не проходило без поединков между ними и королевскими телохранителями. Людовик XVIII прибегнул также к помощи *швейцарских* наемников, из которых он навербовал четыре полка — два армейских и два гвардейских. Из остатков восьми иностранных корпусов, набранных Наполеоном во время Ста дней, он составил один — так называемый *корпус Гогенлоэ.*

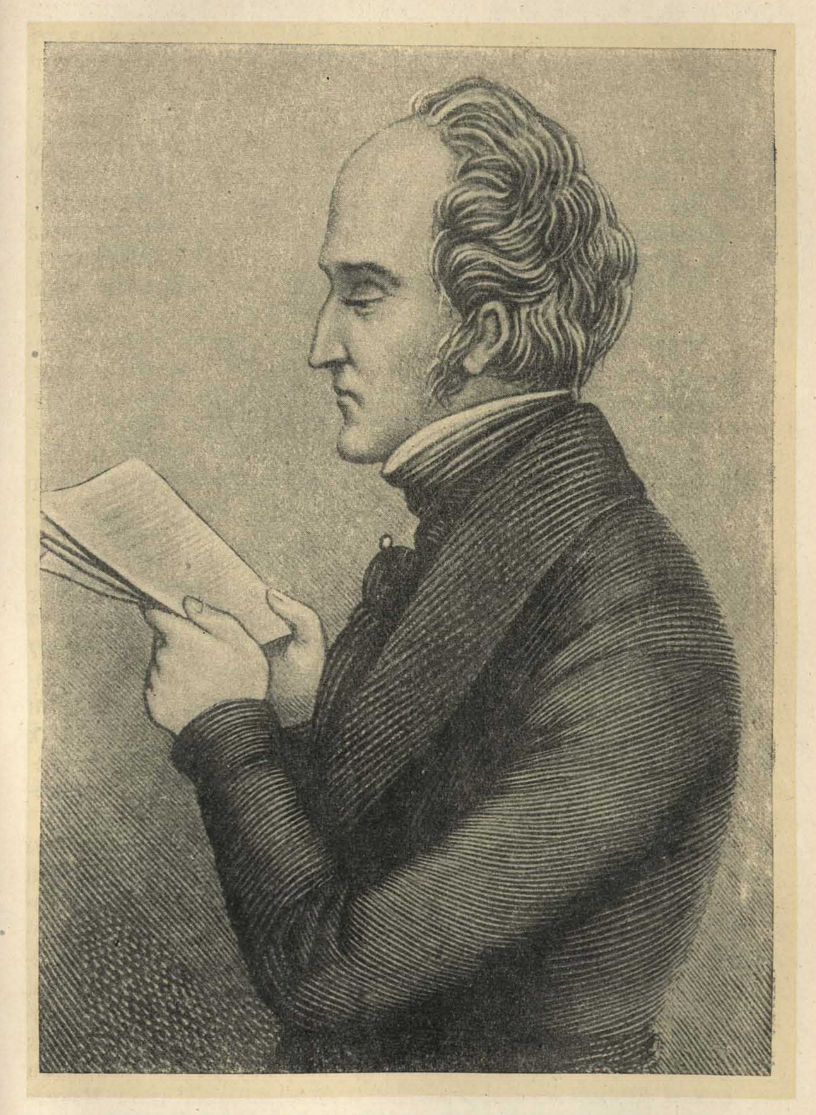
В то же время, с целью привлечь симпатии народа, который столько пострадал от рекрутских наборов, хартия 1814 года провозгласила их отмену (ст. 12). Король думал, что путем вербовки добровольцев удастся обеспечить комплектование полков или, как тогда говорили, избегая всяких воспоминаний об Империи, «департаментских легионов». Надежды короля быстро рассеялись. В 1817 году военный министр Гувион-Сен-Сир поставил ему на вид, что Франции необходимо иметь лучше организованную и более многочисленную армию, и добился разрешения представить палатам законопроект о рекрутском наборе.

Закон 1818 года и реорганизация армии. Гувион-Сен-Сир хотел достигнуть троякого результата: 1) составить боеспособную армию посредством регулярных наборов; 2) обеспечить ей *резерв* в интересах финансовой экономии; 3) установить правила для производства в чины офицеров и унтер-офицеров. Для осуществления этого плана он предлагал сохранить систему добровольной вербовки для отборных корпусов и специальных родов оружия, но дополнять недостающий контингент ежегодным набором 40 000 человек *по жребию* (из этой цифры должны были вычитаться волонтеры). Лица, вытянувшие «хорошие номера», освобождались от военной службы навсегда. Остальные же должны были находиться на действительной службе шесть лет, после чего они на шесть лет зачислялись в *ветераны* и в продолжение этого времени могли быть снова призваны в ряды войск. Эта система давала возможность в случае надобности поставить под знамена 480 000 человек. Было дозволено заместительство. Производство в чины устанавливалось в такой форме, что хотя королю предоставлялась полная свобода выбора, тем не менее третья часть чинов должна была доставаться на долю унтер-офицеров.

Проект встретил враждебный прием со стороны гвардии, от лица которой выступил Монлозье, и со стороны крайних правых, которые утверждали, что этот закон представляет собой замаскированное возвращение к всеобщей воинской повинности и, обставляя известными правилами производство в офицеры, ограничивает королевскую прерогативу. Комиссия палаты депутатов согласилась, однако, с принципом принудительного набора, допустила установление мирного состава армии в 240 000 человек, но сократила продолжительность «ветеранства» до четырех лет, а унтер-офицерам оставила только третью часть вакансий на чин младшего лейтенанта. В таком измененном виде закон прошел 10 марта 1818 года. В течение долгого времени он носил название *закона Гувиона-Сен-Сира*, по имени своего автора. В 1824 году де Дама добился его изменения в смысле усиления действующей армии. «Ветеранство», давшее посредственные результаты, было отменено, ежегодный набор установлен в 60 000 человек, а пребывание на действительной службе продлено до восьми лет. Оба эти закона дали возможность Гувиону-Сен-Сиру и его преемникам восстановить французскую армию.

С другой стороны, Гувион-Сен-Сир преобразовал Ла Флешскую и Сен-Сирскую школы, основал полковые школы, учредил особый генеральный штаб, упорядочил положение офицеров, упрочил интендантский корпус, учрежденный в 1817 году (ордонансы 6 и 10 мая 1818 года). При Карле X (в 1827 и 1829 годах) особенное внимание обращено было на артиллерию, которая была реорганизована; артиллерийские полки сформированы были из батарей троякого рода: пеших, конных и легкоконных. Последние, отличавшиеся большей подвижностью, могли следовать за кавалерией при ее передвижениях.

Национальная гвардия в эпоху Реставрации. Бурбоны не забыли национальной гвардии, которая встретила их, когда они возвратились во Францию, бурными приветствиями и первая нацепила белую кокарду. Людовик XVIII осыпал почестями ее офицеров и ввел в их среду некоторых представителей старой знати. Он назначил брата своего, графа д'Артуа, главнокомандующим всей национальной гвардии королевства, сохранив, впрочем, ее подчинение министру внутренних дел. Это двоевластие, со свойственными ему противоречивыми распоряжениями, вносило в дело элемент беспорядка. Кроме того, в некоторых департаментах национальная гвардия состояла сплошь из людей, принадлежавших к одной партии. Это было явление опасное, так как при случае национальная

Ш. ФУРЬЕ

С современной гравюры

гвардия могла служить столько же поддержанию общественного порядка, сколько народным или местным страстям.

Гувион-Сен-Сир старался прекратить столь ненормальное положение; несмотря на энергичную оппозицию графа д'Артуа, который обвинял его в дезорганизации всего дела, он добился упразднения штабов и главного управления. Префектам, супрефектам и мэрам возвращены были их прежние права, и был отдан приказ сформировать национальную гвардию из граждан, являющихся наиболее крупными плательщиками налогов, независимо от политических убеждений. Но право назначения офицеров оставалось за королем, хотя либералы требовали их избрания. «Король сознавал необходимость остаться полным господином силы, которую нужно было или направлять, или уничтожить» (Дарест). Несмотря на все эти меры предосторожности, парижская национальная гвардия прониклась либеральным духом, и в 1828 году во время смотра, производившегося ей лично Карлом X (29 апреля), кричала «Да здравствует хартия! Долой Виллеля!» После этого она была распущена, но в 1830 году снова появилась в рядах восставших.

Армия во время Июльской монархии. С Июльской монархией и алжирской войной в истории французской армии наступает новый период. Рекрутский набор, подготовка офицеров, организация кадров и формирование специальных корпусов (в особенности для Алжира) — таковы главные вопросы, на которые направлена была деятельность маршала Сульта и его преемников.

В марте 1832 года был принят новый закон о рекрутском наборе. Закон этот, являвшийся открытым возвращением к системе всеобщей воинской повинности, довел число ежегодно призываемых до 80 000 человек, а продолжительность военной службы — до семи лет. Солдатам разрешалось оставаться на сверхсрочной службе от двух до пяти лет, причем им назначалось повышенное жалованье. Таким образом, на бумаге численность армии была доведена до 560 000 человек; в мирное же время налицо состояла лишь часть людей, — остальные увольнялись в отпуск.

Двумя другими законами (апрель 1832 г. и май 1834 г.) регламентировано было *производство* офицеров, и, как это обещала хартия, их *ранг*, с соблюдением различия между чином и должностью: *чин* становится собственностью офицера; он может быть лишен его только в определенных случаях и не иначе как по суду; напротив, *должность* остается в полном распоряжении правительства.

Преобразование наличного состава коснулось главным образом специальных родов оружия. Королевская гвардия была упразднена, швейцарские полки распущены. Корпус Гогенлоэ был целиком принят во французское подданство и переименован в 21-й пехотный полк. Но с 1831 года пришлось принять на французскую службу множество иностранцев-эмигрантов (итальянцев, испанцев, немцев, поляков), изгнанных из своих отечеств. Из них были сформированы два *иностранных легиона*. Один из них в 1835 году был уступлен Испании, а другой отправлен в Алжир, где и остался. В Алжире указом 1 октября 1830 года создан был первый батальон *зуавов* (название, заимствованное у кабильского племени зуауа). Первоначально зуавы набирались среди туземцев, французов и иностранцев, но с 1841 года туземцы уступают место французам, а сами идут на комплектование *туземных стрелков* (впоследствии получивших название *алжирских стрелков*) и *спаги*. Кроме того, для Алжира были организованы: *африканские егеря*, батальоны *легкой пехоты (зефиры)* — из рекрутов, подвергшихся до поступления на службу некоторым определенным наказаниям по суду, и *дисциплинарные роты* — из солдат, осужденных военными судами за тяжкие проступки по службе. Во Франции герцог Орлеанский сформировал в 1838 году корпус *Венсеннских стрелков*, вооруженных карабином, который был изобретен в 1826 году младшим лейтенантом Дельвинем, а впоследствии усовершенствован Минье. По смерти основателя корпуса (1842) Венсеннские стрелки получили название *Орлеанских егерей*.

Национальная гвардия во время Июльской монархии. У Луи-Филиппа не было королевской гвардии, — ее заменяла национальная гвардия, которая помогла ему взойти на престол. Он вернул национальной гвардии право выбирать унтер-офицеров и офицеров до чина лейтенанта включительно, оставив за собой право назначать капитанов и высших офицеров по списку из 10 кандидатов. Зато король обязал национальных гвардейцев иметь собственное обмундирование, что ограничило пополнение их рядов одной буржуазией, в которой новая династия нашла свою главную опору. В случае опасности часть национальной гвардии могла быть мобилизована. Сначала парижская национальная гвардия служила орудием для подавления восстаний, как, например, в 1832 и 1834 годах, но затем мало-помалу она, как и в 1828 году, прониклась стремлениями к реформе и в феврале 1848 года отказалась выступить против восставших. Ее отпадение заставило Луи-Филиппа отречься от престола. Порядок в сто-

лице охранялся, кроме того, специальным корпусом, состоявшим из 3000 человек (пехотинцев и кавалеристов) и носившим название *муниципальной стражи.*

Флот. Боевая сила французского флота подверглась в эпоху Реставрации таким же сокращениям, как и численность сухопутной армии. Морские батальоны, организованные Наполеоном, были сперва упразднены. В 1822 году они были восстановлены под названием *линейных экипажей*, а затем разделены на пять дивизий соответственно пяти морским префектурам: Шербургской, Брестской, Лорианской, Рошфорской и Тулонской. В состав их входили марсовые, рулевые, канониры, фузилеры, машинисты и кочегары. Никаких изменений не было произведено ни в способе их вербовки, обеспечивавшейся «морской записью», ни в кадрах офицеров, производство которых было регламентировано особым законом, изданным в апреле 1832 года. Эти офицеры рекрутировались среди бывших воспитанников *Политехнической школы* или *Морской школы* (основанной в 1816 году в Бресте), среди старших штурманов, сдавших особый экзамен, и среди *помощников (auxiliaires)*, [1] имеющих диплом капитана дальнего плавания торгового флота. Для подготовки штурманов были основаны три штурманские школы: в Бресте, Рошфоре и Тулоне (1819).

Из вспомогательных морских войск следует указать *морскую артиллерию*, которая была учреждена в 1822 году и для которой была основана в 1844 году специальная школа в Шербурге, дисциплинарные морские роты, созданные в 1824 году, и, наконец, *морскую пехоту*, учрежденную в 1831 году.

IV. Гражданское и торговое законодательство

В основе гражданского и торгового законодательства попрежнему лежали кодексы, изданные Наполеоном. Хартия 1814 года (ст. 68) вполне определенно высказывалась в смысле сохранения их в силе. Но во время Реставрации и Июльской монархии в эти кодексы внесены были некоторые частичные изменения, внушенные в одних случаях желанием отчасти восстановить дореволюционное законодательство, в других — необходимостью следовать за движением века.

Законы о дворянстве и эмигрантах. С социальной точки зрения реакция против уравнительного духа Кодекса Напо-

[1] Auxiliaires — офицеры торгового флота, временно служившие на военных судах. — *Прим. ред.*

*

леона проявилась еще при самом императоре, который в 1808 году создал имперское дворянство. Людовик XVIII вернул старому дворянству его титулы и оставил за собой право «возводить в дворянство кого ему угодно» (Хартия, ст. 71). Король сохранил *майораты* и побуждал к учреждению новых, тогда как Июльская монархия, напротив, в 1835 году отменила их на будущее время. В ту пору их насчитывалось четыреста сорок.

Людовик XVIII занят был равным образом и участью *эмигрантов.* В августе 1814 года он отменил это своего рода звание с вытекавшим из него поражением в правах и объявил, что возвратит бывшим эмигрантам те недвижимые имущества, которые еще не были к тому времени отчуждены. 13 сентября 1814 года палате депутатов доложен был составленный в этом смысле законопроект. За конфискованные и невозвращенные имущества предполагалось вознаградить эмигрантов деньгами в размере ценности имуществ. Эта мера была справедлива и обеспечивала владельцев «национальных имуществ» от дальнейших посягательств. Хотя вопрос этот был осложнен партийными разногласиями, все же закон 3 декабря 1814 года был принят. Доход с конфискованных имуществ, вычисленный для 1790 года, был определен в 30 миллионов. Таким образом, пришлось выпустить на 30 миллионов государственной ренты, что, из расчета 3 процентов, составляло капитал приблизительно в один миллиард франков («миллиард эмигрантам»). Лишь в 1825 году министерство Виллеля потребовало от палат принятия этого кредита, обещая ликвидировать расчеты в течение пяти лет. Но на этот раз проект вызвал гораздо более решительную критику, чем в 1814 году. Прадт, Лабей де Помпьер и генерал Фуа стали даже защищать положение, что конфискация имущества эмигрантов была вполне законной мерой. На это Ла Бурдоннэ и Дюплесси де Гренедан отвечали, что эмигранты, ограбленные революционными собраниями, не лишились права собственности на свои имущества и что они должны не *получить вознагражденіе*, а быть *возстановленными в своих правах.* Министерство снова очутилось между двух огней. Разумное предложение внесено было Виллелем, который в конце концов добился принятия своего проекта с небольшими поправками. В действительности роздано было не 30, а 26 миллионов ренты, которые (по курсу 75 франков за 100) представляли капитал в 625 миллионов, т. е. меньше отпущенного кредита.

Законы о рабстве в колониях и об иностранцах. Рабство в колониях, восстановленное Консульством, и работорговля

также занимали внимание палат в эпоху Реставрации и Июльской монархии. На Венском конгрессе Англии удалось добиться принципиальной декларации в пользу отмены *работорговли*. Но этот принцип еще предстояло осуществить на практике. Во время Ста дней Наполеон провозгласил немедленную отмену работорговли (29 марта 1815 г.). Эта отмена снова была вотирована в 1817 и 1828 годах. Но упразднение работорговли еще не влекло за собой упразднения *рабства* в колониях. Июльская монархия ограничилась облегчением отпуска рабов на волю (июль 1832 г.), предоставлением свободным цветнокожим гражданских прав в полном объеме (апрель 1833 г.), восстановлением старого принципа, в силу которого всякий раб, привезенный во Францию, становится свободным с момента вступления своего на французскую почву, и, наконец, было регламентировано общее положение рабов в смысле некоторого смягчения их участи (июль 1845 г. и август 1847 г.). Все эти меры были недостаточны, но они подготовляли путь для предстоящей отмены рабства в колониях (27 апреля 1848 г.).

Бо́льшую благожелательность правительство Реставрации обнаружило по отношению к *иностранцам*. В политических и фискальных целях оно почти совершенно отказалось от принципа взаимности, провозглашенного Кодексом Наполеона (ст. 11), — принципа, в силу которого иностранцы могли пользоваться во Франции лишь теми гражданскими правами, которыми француз мог пользоваться в их стране, в частности — в области наследования (ст. 726, 912). Таким образом, те иностранцы, национальное законодательство которых неблагоприятно относилось к французам, удерживались от переселения во Францию и приобретения там недвижимой собственности. В целях привлечения иностранцев закон 14 июля 1819 года, крайне неточно называемый «законом об отмене права казны на наследство иностранца и налога на наследство иностранцев», упразднил статьи 726 и 912. Отныне иностранцы могли наследовать во Франции даже при отсутствии условия взаимности, и Франция лишилась, таким образом, мощного средства добиваться улучшения участи своих подданных в странах, где к иностранцам относятся не так «по-рыцарски».

Законы о семье. В 1816 году Бональд в интересах укрепления семейных устоев предложил запретить *развод*, дозволенный во Франции законом 20 сентября 1792 года. Это предложение, ставшее 8 мая законом, принято было обеими палатами почти единогласно (199 голосами против 22 в палате депутатов и 113 голосами против 10 в палате пэров).

В 1826 году правительство Карла X, недостаточно учитывавшее общественное настроение, попыталось восстановить в законодательстве *право первородства*, отмененное революцией. Министр юстиции Пейронне ловко старался выставить это право в качестве единственного средства, способного предотвратить столь вредное с политической, экономической и сельскохозяйственной точки зрения дробление земельной собственности. Этот проект вызвал самую резкую критику. Даже правая разделилась по этому вопросу. После продолжительных и оживленных прений палата пэров отвергла законопроект (8 апреля) и приняла только предложение второстепенного значения, относившееся к учреждению субституций. «В Париже зажгли иллюминацию, словно по случаю одержанной победы, и палата пэров приобрела популярность, которой она не домогалась» (Дарест). Впрочем, закон о субституциях (17 мая), облегчавший этот способ распоряжения имуществом, позволял создавать для старших сыновей привилегированное положение; через эту полуоткрытую дверь могло бы пройти и право первородства, если бы оно не встретило неодолимого препятствия в быту. [1]

Различные законы. Июльская монархия почти не пыталась вносить изменения в Кодекс Наполеона, в котором неприкосновенными оставались даже такие устарелые институты, как гражданская смерть. Следует, впрочем, указать на закон 30 июня 1838 года об умалишенных, который обеспечил этим несчастным юридическую защиту, дал возможность проверять состояние их здоровья и принял некоторые меры против незаконного заключения в дома умалишенных; закон этот имел одновременно и благотворительный и полицейский характер. Изданный в апреле 1832 года закон ограничил — в гражданских делах — *заключение за долги*, позволявшее дотоле заселять несостоятельными должниками знаменитую тюрьму Клиши без особой пользы для кредиторов. В июле 1833 и в мае 1841 года были приняты два закона, которыми регулируется во Франции *экспроприация* частной собственности в общественных интересах. Наконец, в Торговый кодекс в разное время был внесен целый ряд существенных улучшений. Так, например, законодательство о банкротстве было коренным образом изменено законом 28 мая 1838 года (выработанным в 1827 году). Бо́льшая часть постановлений этого закона, внесенного в Торговый кодекс, остается в силе и до настоящего времени.

---

[1] Закон 17 мая 1826 года был отменен 7 мая 1849 года.

V. Народное просвещение

Университет в эпоху Реставрации и Июльской монархии. При вступлении на престол Людовик XVIII очутился лицом к лицу с той созданной Наполеоном обширной организацией, которая носила название Университета. Как детище Империи, Университет был антипатичен роялистам; его деспотическая монополия делала его антипатичным в глазах либералов, а его рационалистические тенденции возбуждали неприязнь католиков, которые, сверх того, нападали на него за неподходящий, с их точки зрения, личный состав. Ввиду всего этого можно было ожидать его скорого упразднения. И действительно, в феврале 1815 года королевским ордонансом единый и нераздельный Университет Наполеона был заменен семнадцатью областными университетами, отчасти напоминавшими дореволюционные университеты, но попрежнему остававшимися под верховным руководством министерства народного просвещения. Во время Ста дней Наполеон восстановил организацию Университета на старых основах.

Людовик XVIII, возвратившись во Францию, изменил свое мнение. Императорский Университет служил в руках своего основателя орудием властвования. При условии перемен в личном составе и изменения тенденций он мог сослужить такую же службу и легитимной монархии. Этими соображениями объясняется ордонанс 15 августа 1815 года, который свидетельствовал о повороте во мнении правительства и вызвал некоторое изумление: «Организация *академий* временно сохраняется в прежнем виде». Этим же объясняется целый ряд мероприятий, посредством которых король старался удержать «бесподобную палату» от крайностей и подготовить переход к «королевскому» Университету. Должности *великого магистра (le grand-maître)*, канцлера и казначея, а также совет Университета были упразднены и заменены комиссией из пяти членов, поставленной под начальство министра внутренних дел. Эта *Комиссия народного просвещения*, во главе которой стоял Ройе-Коллар, пользовалась в продолжение пяти лет настоящей диктаторской властью и против всеобщего желания провела намеченный королем переход к созданию «королевского» Университета. Красноречивые памфлеты Ламеннэ, обвинения, выдвинутые Шатобрианом, и нападки Бенжамена Констана — ничто не могло остановить эту комиссию. Когда Ройе-Коллар, утомленный борьбой, которую ему приходилось выдерживать, подал в отставку от должности председателя комиссии (1817), существование Университета было уже

обеспечено; он должен был снова получить свое первоначальное устройство и даже занять более определенное положение среди органов центральной власти, чем во время Империи.

Комиссия народного просвещения сначала была заменена *Королевским советом народного просвещения*, председатель которого (как некогда великий магистр) облечен был особой властью, сносился с правительством, подписывал дипломы и пр. Два другие члена совета пользовались прежними правами канцлера и казначея, а третий был ректором парижской Академии (ноябрь 1820 г.). Затем права председателя получают более устойчивый и определенный характер: он становится помощником государственного секретаря (февраль 1821 г.). В то же время членам преподавательского персонала вменяется в обязанность «положить в основу преподавания принципы религии, монархии и легитимизма»; это — старая формула времен Империи, доведенная до своего логического конца. В 1822 году эволюция эта достигает своего завершения: Университету возвращается его название и должность великого магистра, который получает обратно права, установленные декретом 1808 года. В августе 1824 года великий магистр становится «министром духовных дел и народного просвещения». Таким образом, Университет занимает определенное место в ряду государственных учреждений. Он становится отраслью центральной власти и — в большей степени, чем когда-либо — орудием властвования.

Первым великим магистром и министром народного просвещения был монсеньор Фрейсину, епископ Гермпольский. Во время его управления Университетом последний до известной степени подчинялся власти духовенства. При министерстве Мартиньяка он начал освобождаться из-под этой опеки, и тогда со всех сторон раздались резкие протесты против его монополии. События 1830 года, приведшие к власти многих «универсантов», довершили отделение Университета от церкви. Вместе с тем новая хартия обещала свободу преподавания (ст. 69). Правда, исполнение этого обещания постоянно откладывалось в долгий ящик, и, несмотря на энергичные требования, Луи-Филипп так и не сдержал его до самого конца своего царствования.

Высшее образование. В новом Университете, как и в старом, продолжали существовать три ступени образования: высшее, среднее и низшее.

Высшее образование давалось факультетами богословским, юридическим, медицинским, естественным и литературным. Из этих факультетов процветали только юридический, насчи-

тывавший в 1814 году 3000 слушателей, и медицинский с 1200 слушателей. Естественный и литературный факультеты, почти не имевшие слушателей, являлись в большинстве случаев простыми экзаменационными комиссиями. В 1816 году Людовик XVIII закрыл двадцать отделений этих двух факультетов, и никто от этого ничего не потерял. Высшая Нормальная школа, помещавшаяся тогда на Почтовой улице, в бывшей семинарии «Отцов святого духа», была организована в декабре 1815 года. Профессорам ее, прежде называвшимся *репетиторами*, а теперь получившим название *maîtres de conférences (лекторы)*, поручено было вести свои курсы независимо от преподавания, дававшегося факультетами. Круг предметов, преподававшихся на юридических факультетах, был расширен (март 1819 г.).

Все эти реформы, бывшие делом рук Ройе-Коллара, прошли не без некоторых трений. В 1819 году разыгралось особенно много студенческих волнений. Это набросило некоторую тень на Университет, и когда Ройе-Коллар удалился в отставку, наступила реакция. Последовательно были закрыты: курс Виктора Кузена в Сорбонне (1821); юридический факультет в Гренобле (1821), вскоре восстановленный монсеньором Фрейсину; Нормальная школа (1822); новые курсы, учрежденные на юридических факультетах, которые Корбьер хотел закрыть все разом (сентябрь 1822 г.); парижский медицинский факультет, снова открытый через несколько месяцев при *новом составе* профессоров (ноябрь 1822 г.), и, наконец, курс истории, читавшийся Гизо в Сорбонне (1825).

В 1826 году эра строгостей, видимо, миновала. Был основан под названием *Подготовительной школы* эмбрион Нормальной школы, в виде придатка к Лицею Людовика Великого (9 марта). Ватимениль восстановил на некоторых юридических факультетах закрытые курсы и возвратил Кузену и Гизо отнятые у них кафедры. Но он не смог оживить сонные провинциальные факультеты, которые, если не считать Монпелье и Тулузы, влачили жалкое существование в атмосфере полного равнодушия со стороны общества.

При Июльской монархии Нормальная школа получила свое прежнее название (август 1830 г.), а развитию ее дан был новый толчок. [1] Затем началась шумная борьба между двумя враждебными направлениями: с одной стороны, Гизо и Кузен желали основать в провинции четыре или пять крупных центров научного преподавания, с другой — Вильмэн и Сальванди стремились чрезмерно увеличить число естественных и

[1] См. регламенты 18 февраля 1834 года и 19 апреля 1836 года. В 1847 году Нормальная школа была переведена на Ульмскую улицу.

филологических факультетов и превратить их в «комиссии для выдачи дипломов на звание баккалавра». Вся история высшего образования за период 1836—1847 годов сводится к открытию этих в большинстве случаев бесполезных учебных заведений. Революция 1848 года подоспела весьма кстати, чтобы остановить этот широкий поток. К сожалению, она приостановила и другие проекты Сальванди, внесенные в 1847 году и гораздо лучше продуманные. В этих проектах заключался обширный план преобразования университетского преподавания права, естественных наук, медицины и литературы, — преобразования, которому суждено было осуществиться только в наши дни, тогда как, не будь событий 1848 года, оно, быть может, совершилось бы лет на пятьдесят раньше. [1]

Среднее образование. Реставрация совершенно не занималась средним образованием, постановка которого осталась такой же, какой она была во время Империи. Императорские *лицеи* получили просто название *королевских коллежей*, которое они сохранили вплоть до 1848 года. Что же касается программы средних учебных заведений, то преподаванию закона божия было отведено гораздо больше места, преподавание философии было ограничено изучением логики, а преподавание истории было перенесено в младшие классы.

Наряду с государственными («университетскими») средними учебными заведениями и независимо от них стали развиваться духовные средние школы. Как известно, на основании декрета 1808 года *частные* учебные заведения подлежали надзору Университета и должны были получать от него предварительное разрешение. Действие этого правила не распространялось на «малые семинарии», которые епископы имели право основывать в своих епархиях для подготовки будущих священников. Эти малые семинарии возникли повсюду, и с течением времени число их воспитанников сильно увеличилось, причем только часть учеников впоследствии вступала в духовное звание. [2] На деле эти малые семинарии получили характер настоящих средних учебных заведений, из коих некоторые, вдобавок, находились в руках иезуитов, а это считалось отягчающим обстоятельством.

Общественное мнение в то время еще не свыклось с идеей свободы преподавания, вызываемой одновременно и уважением к правам семьи и заботой о прогрессе науки. В быстром развитии малых семинарий публика не хотела замечать и не

---

[1] Несмотря на известный либерализм, автор не может обойтись без выпадов против революции. — *Прим. ред.*

[2] В 1827 году малые семинарии насчитывали 50 000 учеников, а королевские и частные коллежи — 63 000.

замечала ничего, кроме посягательства на монополию королевского Университета. Со всех сторон раздавались требования, чтобы правительство вмешалось в это дело.[1] 16 июня 1828 года Мартиньяк заставил Карла X подписать два ордонанса. Один из них ограничивал число воспитанников малых семинарий 20 000 человек и, между прочим, требовал, чтобы списки назначаемых епископами ректоров и директоров представлялись на утверждение короля. Второй подчинял малые семинарии надзору Университета и требовал от всех профессоров семинарий присяги в том, что они не принадлежат к недозволенным конгрегациям. Таким образом, монополия Университета была усилена. Тогда стали замечать, что эта монополия, бывшая опасной при Наполеоне, осталась не менее опасной и при Карле X, и отношение к ней изменилось. Ордонансы 16 июня подверглись нападкам в палате депутатов как акт нетерпимости, противоречащий хартии, а епископы заявили, что не могут подчиниться этим ордонансам (август 1828 г.). Чтобы принудить их к покорности, король должен был обратиться к авторитету св. престола.

Дело свободы преподавания сделало большой шаг вперед. На этот раз католики требовали ее с такой же энергией, как и либералы, и Луи-Филипп, каково бы ни было на этот счет его личное мнение, счел политичным обещать ее в хартии. Гизо добросовестно пытался провести это обещание в жизнь. В 1835 году он внес законопроект, имевший целью обеспечить если не свободу преподавания вообще, то по крайней мере свободу среднего образования. Проект этот, принятый палатой депутатов, не был передан в палату пэров, и правительство, поддерживаемое, повидимому, цензитарной буржуазией, намерено было уклониться от выполнения принятых на себя обязательств. Тогда началась энергичная кампания. Монталамбер и Лакордер, против которых было возбуждено преследование за открытие вольной школы, выступили перед палатой пэров с красноречивой защитой своего дела. В 1841 году Вильмэн представил новый проект, который не прошел. В 1844 году повторилась та же неудача. Таким образом, установленный Наполеоном режим оставался вплоть до конца Июльской монархии в полной силе.

Низшее образование. Низшее образование, которым Наполеон мало интересовался, получило окончательное устройство в период 1815—1835 годов.

---

[1] О той роли, которую в этом движении сыграл Монлозье, см. т. IV, гл. «Католическая церковь и другие вероисповедания».

В 1816 году Людовик XVIII учредил в каждом кантоне для надзора за народным образованием *благотворительный комитет*, в который входили старейший по возрасту священник и мировой судья. Всякий, желавший открыть школу, должен был иметь свидетельство о добропорядочном поведении и обладать специальным дипломом, быть *представлен* мэром и священником коммуны, *утвержден* благотворительным комитетом и, наконец, *назначен* ректором. [1] Народные учителя, принявшие на себя обязательство заниматься педагогической деятельностью в течение десяти лет, освобождались от военной службы (закон 1818 г.). Для подготовки народных учителей правительство Реставрации открыло в нескольких местах «низшие нормальные школы», но для пополнения кадров оно главным образом рассчитывало на религиозные конгрегации. [2]

Чтобы получить право на занятие педагогической деятельностью, учитель или учительница из членов конгрегаций не нуждались в дипломах, выданных ректором; для них признавалось достаточным выданное приором ордена «свидетельство о послушании» (lettre d'obédience).

Эта несовершенная организация дала самые жалкие результаты. В 1833 году 7000—8000 коммун не имели народных школ. В это время Гизо и провел закон 22 июня 1833 года, который создал во Франции народное образование. По этому закону каждая коммуна обязана была содержать светскую или конгрегационную школу на свои собственные средства или сообща с соседними коммунами. При каждой школе состоял коммунальный наблюдательный комитет, а в главном городе округа — окружной комитет. Учителя народных школ *представлялись* муниципальным советом согласно мнению коммунального комитета, *избирались* окружным комитетом и *определялись на службу* министром. Они должны были представить свидетельство о нравственности, выданное мэром их коммуны, и обладать аттестатом на звание народного учителя низшей или высшей степени. Только народные учительницы из монахинь могли представить вместо этих документов выданное приором свидетельство. Кроме того, закон предоставлял народным учителям квартиру, жалованье и пенсию. Он не устанавливал ни *обязательного посещения* школы, —

---

[1] В период 1824—1830 годов право назначения католических учителей было предоставлено «департаментскому комитету», состоявшему под председательством епископа.

[2] О развитии конгрегаций в эту эпоху см. т. IV, гл. «Католическая церковь и другие вероисповедания».

это было бы преждевременным, — ни *бесплатности* образования, что предоставлено было только нуждающимся. Указом 1835 года учрежден был институт *инспекторов* народных школ, по крайней мере по одному на округ.

Специальные учебные заведения. Институт. Помимо перечисленных учебных заведений, был сохранен или создан целый ряд специальных учебных заведений, стоявших вне Университета. *Политехническая школа*, одно время закрытая, потому что господствовавший в ней дух внушал правительству опасения, вплоть до 1830 года находилась в ведении министерства внутренних дел, а затем передана была в военное ведомство. В 1819 году получили более полное устройство *Школа изящных искусств* и *Консерватория искусств и ремесл. Школа хартий (École des Chartes)*, задача которой заключается в изучении отечественных древностей, основана была в 1821 году и преобразована в 1829 и 1846 годах. *Центральная школа искусств и мануфактур*, обязанная своим основанием частной инициативе и предназначенная для подготовки гражданских инженеров, основана была Лавалле в 1829 году. Вскоре после этого герцог Ларошфуко-Лианкур побудил правительство учредить в Анжере и Шалоне (на Марне) две *Школы искусств и ремесл* (1832). *Французская школа в Афинах* основана была Сальванди для изучения греческого языка и древностей.

Что касается *Французского института (L'Institut de France)*, то его организация послужила предметом двух важных ордонансов. Первый, изданный в марте 1816 года, разделил его на *Академии*: Французскую академию и королевские академии: надписей и изящной литературы, естественных наук и изящных искусств. Второй ордонанс, изданный в октябре 1832 года по докладу Гизо, восстановил *Академию моральных и политических наук*, закрытую первым консулом в 1803 году. Таким образом, Институт получил свое окончательное устройство и снова сделался тем, чем никогда не переставал быть с той поры, а именно — всеобъемлющим выражением французской научной мысли.

ГЛАВА XII

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ФРАНЦИИ

1815—1848

I. Промышленность

Возникновение крупной промышленности. В промежуток между 1815 и 1848 годами во Франции происходит вытеснение преобладавшей до тех пор домашней мелкой промышленности крупной промышленностью. В последние годы Империи применение позаимствованных из Англии новых механических изобретений в области прядения и ткацкого производства отметило начало этой перемены. Но в 1815 году она еще только начиналась. Текстильная промышленность, за исключением хлопчатобумажной, еще оставалась в стадии домашнего производства. Металлургическая промышленность не изменила своих вековых приемов. К 1848 году промышленное преобразование уже закончено. Подобно хлопку, шерсть и лен теперь прядутся и ткутся механическим способом. Каменный уголь все более и более замещает растительное топливо при выплавке чугуна и железа. Многочисленные остроумные изобретения непрерывно совершенствуют механическое оборудование и последовательно вытесняют ручной труд из тех производств, где последний еще преобладал. Наконец, использование пара как двигательной силы усугубляет значение и быстроту этого преобразования.

Организация промышленности испытала глубокие изменения. Началось мощное движение в сторону концентрации. Мелкие предприятия, разбросанные по территории всей страны и работавшие исключительно на местный рынок и на тесно ограниченный круг покупателей, исчезают. Их место занимают предприятия крупные, обладающие достаточными капиталами для приобретения новых машин и старающиеся расширить размеры своего рынка, чтобы сбывать продукцию, которую

непрерывные усовершенствования делают все более изобильной. При своем возникновении промышленность производила главным образом предметы роскоши; теперь началось массовое производство. Главной заботой предпринимателей является снижение себестоимости, что делает фабричные товары доступными все более и более широким слоям населения. Производство разрастается, специализация ведет за собой создание нового, занятого исключительно промышленным трудом, класса населения, который растет и теснится вокруг заводов и мануфактур, дающих ему насущный хлеб. Можно уже было предвидеть, какое значение приобретет через несколько лет городская жизнь и какую силу получат сгруппированные таким образом рабочие массы, когда они сумеют объединиться и организоваться, чтобы потребовать удовлетворения за свои обиды.

Текстильное производство. Текстильное производство первое испытало на себе последствия этого промышленного преобразования.

Начиная с 1815 года хлопчатобумажная промышленность быстро развивается. Согласно официальному обследованию 1847 года, ее обслуживало более 116 000 станков и около 3,5 миллиона веретен, а общая стоимость ее продукции равнялась 416 миллионам франков. В эту эпоху она потребляла 55 миллионов килограммов хлопка-сырца, тогда как в 1812 году потребляла едва 10 миллионов.

Благодаря новым усовершенствованиям в оборудовании, прядение первое сделало значительный шаг вперед. В 1819 году оно поставляло лишь нитки не выше № 80, а тонкие нитки, необходимые для большого числа тканей, Франция была вынуждена закупать в Англии. В 1840 году французское прядение легко производит нитки № 300. В то же время скорость работы сильно увеличилась: тот самый станок, который в 1813 году давал только 2 килограмма хлопка в день, дает около 1850 года уже 14 килограммов. Эти улучшения, в связи с непрерывным снижением цен на сырой хлопок, ведут к значительному уменьшению стоимости пряжи: килограмм хлопчатобумажной пряжи, продававшийся в 1815 году за 14 франков 60 сантимов, в 1850 году стоит меньше 3 франков.

Хлопчатобумажное ткачество сделало не менее значительные успехи. Ограничивавшееся в конце Империи производством трикотажа, миткаля и некоторых простых сортов муслина, оно стало производить нанку, перкаль, тонкие муслины, трико, бумажные бархат и атлас. Ткацкий станок Жаккара применяется для выработки узорных бумажных тканей. Нор-

мандия, где первоначально возникло это производство, продолжает изготовлять дешевые бумажные материи. Производство высокосортных тканей зарождается в Эльзасе, где Дольфусы и Кёхлины берут на себя руководство промышленным движением. В Эльзасе равным образом быстрее всего развивается механическое ткачество. Из 35 000 станков, которыми обладала промышленность Эльзаса в 1846 году, более 20 000 приводились в движение механическим способом. Производство набойки (набивных бумажных материй), зародившееся в Мюлузе (Мюльгаузене), непрерывно развивается и получает новый импульс благодаря изобретению перротины — машины для набивки в несколько цветов, которая, начиная с 1835 года, вытесняет употребление валика.

Среди новых отраслей промышленности, которым суждено было значительное развитие, одной из наиболее важных является производство бумажного тюля, заменяющего для среднего класса населения кружева. Первый тюлевый станок, привезенный из Англии, был установлен в Дуэ в 1816 году. Но эта молодая промышленность начинает работать полным ходом лишь с 1824 года после изобретения машин с круговым вращением. В 1841 году на этих машинах применяют ход Жаккара и начинают копировать валансьенские и малинские кружева и т. д.

Шерстяная промышленность также сделала серьезные успехи. Потребление шерсти, достигавшее 46,5 миллиона килограммов в 1812 году, поднимается до 89 миллионов килограммов в 1850 году, а общую стоимость продукции, созданной этой отраслью производства, оценивают в 440 миллионов франков. Если прибавить сюда стоимость домашней продукции, еще сохранившейся кое-где в деревнях, цифра эта повысится по крайней мере до 475 миллионов. Усовершенствование чесальных машин позволяет частично заменить в производстве очищенную шерсть чесаной, более дешевой. Механическое прядение шерсти переживает изменения, аналогичные тем, которым подвергалось бумагопрядение, что равным образом снижает себестоимость, и та же самая шерстяная нитка для основы, которая продавалась в 1821 году по цене от 60 до 70 франков за килограмм, продается тридцать лет спустя самое большее за 14 франков.

Важные изменения намечаются и в производстве сукон. Около 1835 года машина для валяния сукон, изобретенная англичанином Дайером, заменяет валяние посредством ударных вальков. Производство смешанных тканей совершенствуется, и они начинают вытеснять из обихода нитяные и

бумажные. В 1833 году седанская промышленность выпускает узорные ткани, так называемые *новые материи*, которые быстро приобретают значительный успех.

Льняная промышленность гораздо позднее начинает пользоваться новейшими изобретениями. В 1815 году Филипп де Жирар, отчаявшись в возможности применить во Франции изобретенную им машину для прядения льна, стал эксплоатировать свое изобретение в Англии, и лишь двадцать лет спустя машина эта была использована французской промышленностью. В 1847 году прядение льна занимает 200 000 веретен, из которых 40 000 приходятся на долю одного Северного департамента. Механическое ткачество в этой отрасли производства — более трудное, чем ткачество хлопка, — применяется лишь при выделке грубых сортов холста. Домашнее производство продолжает преобладать в этой отрасли промышленности, и из всей продукции, оцененной около 1850 года в 350 миллионов франков, лишь 62 миллиона, иначе говоря, меньше одной пятой, производится фабричным способом.

Фабрикация шелка быстро развивается начиная с 1835 года. В 1847 году различные предприятия для прядения и ткачества шелка имеют 90 000 станков, из которых приблизительно 60 000 приходятся на долю лионской промышленности. Общая стоимость ее продукции оценивается в 355 миллионов франков, и французская промышленность ежегодно вывозит заграницу шелковых материй приблизительно на 150 миллионов франков. Ее главными покупателями являются Англия и Соединенные Штаты. В то время как шелкопрядение рассеяно в департаментах Ардеш, Дром, Гард и Воклюз, девять десятых ткацкого производства сосредоточиваются в департаменте Роны. Начиная с 1827 года, лионская промышленность окончательно осваивает станок Жаккара, усовершенствованный Депульи, и благодаря этому имеет возможность производить за умеренную цену смешанные бумажно-шелковые материи. Сент-Этьеннская промышленность занимается специальной фабрикацией лент; она ежегодно производит их на сумму приблизительно в 60 миллионов франков. Около 1828 года заимствуется из Германии новая отрасль промышленности — изготовление шелкового плюша для шляп. Пользоваться машинами и силою пара в шелковой промышленности начали только между 1835 и 1840 годами, но это дает лишь весьма скромные результаты. Лионская промышленность, гнушаясь общими мастерскими, продолжает сохранять ручной станок. Механическое прядение и ткачество применяются лишь в немногих предприятиях, созданных в департаментах Луары и Эна.

Производство одежды и обуви. Производство готовой одежды появляется в Париже в 1830 году, после забастовки портновских подмастерьев. [1] Десять лет спустя изобретение швейной машины ускоряет развитие этой отрасли промышленности. Создаются обширные мастерские, в которых машины, приводимые в движение паром, кроят и шьют одежду.

В 1844 году производство обуви, в свою очередь, изменяется благодаря изобретению подошв на заклепках или на винтах, что позволяет развить массовое производство, и в Лианкуре учреждается первая фабрика обуви.

Металлургическая промышленность. Металлургия подвергается столь же важным изменениям, как и текстильная промышленность. Вплоть до 1820 года чугун и железо выделывались на французских заводах исключительно на растительном топливе. В эту эпоху Англия еще была единственной страной, применявшей каменный уголь в этой отрасли производства. Начиная с 1840 года способ выплавки чугуна на каменном угле окончательно осваивается во Франции, и к 1846 году около половины всей продукции, доходящей до 522 000 тонн, производится новым способом.

Употребление каменного угля для фришевания железа развивалось еще более быстро, особенно начиная с 1830 года, когда начали применять пудлингование, заимствованное из Англии, где им пользовались с конца XVIII века. Выплавка железа в 1846 году увеличивается до 360 000 тонн, из которых менее одной трети получается на древесном топливе.

Выплавка чугуна в шесть раз возросла после 1815 года. Несмотря на это, французские заводы были не в состоянии полностью удовлетворить потребность в чугуне, потребление которого в 1847 году достигло более чем 700 000 тонн.

Результатом этих изменений в производстве было снижение цен. Тонна чугуна, полученного на минеральном топливе, около 1845 года обходилась не более 142 франков, и железные рельсы, продававшиеся в 1825 году по 540 франков за тонну, упали до 350 франков. Только сталь, способ производства которой не испытал никаких изменений, оставалась до некоторой степени предметом роскоши; ее продукция едва достигала 12 000 тонн.

Начиная с 1825 года металлургические заводы обновляют свое оборудование; в них применяют усовершенствованный мех, прокатный вал и поворотный кран. В 1841 году Шней-

---

[1] Это неверно: производство готовой одежды существовало в Париже с начала Консульства. Тогда уже были налицо магазины готового платья, обращавшие на себя внимание иностранцев. — *Прим. ред.*

деры, директора заводов Крезо, выбирают патент на конструкцию парового молота, обычно называемого *вертикальным молотом*. В 1846 году уже применяют вертикальные молоты мощностью от 3000 до 4000 лошадиных сил. В металлообрабатывающей промышленности начали пользоваться механическими станками, и на выставке 1844 года уже экспонировались строгальные станки, станки для нарезки болтов и гаек и т. д.

Производство листового железа, остававшееся в пренебрежении до 1815 года, быстро развивается после 1830 года и десять лет спустя уже может удовлетворить потребность в нем страны. То же самое можно сказать о производстве оцинкованного железа и жести начиная с 1830 года.

Косы, пользование которыми все более и более распространяется в земледелии, ввозятся главным образом из Германии вплоть до 1830 года, когда французская промышленность начинает производить как косы, так и пилы. Игольная промышленность, возникшая между 1820 и 1830 годами, успевает понемногу одолеть двойную конкуренцию: Германии — в производстве дешевых иголок и Англии — в производстве иголок тонких.

Наконец, машиностроительная промышленность, бывшая в начале Реставрации еще в зачаточном состоянии, начинает развиваться параллельно развитию механического оборудования. В 1818 году в Сернэ, в департаменте Верхнего Рейна, возникает предприятие братьев Рислер и Диксона, а в 1827 году в Мюлузе (Мюльгаузене) создается завод Кёхлинов. В 1850 году общую стоимость продукции этой отрасли промышленности расценивают в 27,5 миллиона франков.

Паровые машины. Каменный уголь. Использование пара как двигательной силы прививается лишь начиная с 1835 года. Первые шаги, имевшие место при Реставрации, были необычайно медленны, и в 1830 году французская промышленность использовала всего 10 000 паровых лошадиных сил. В 1847 году 4853 машины дали промышленности более 60 000 лошадиных сил.

Потребление каменного угля не превышало 1 миллиона тонн в 1810 году; оно поднялось до 7,5 миллиона тонн в последние годы Июльской монархии, в то время как добыча каменного угля, несмотря на мощный толчок, полученный каменноугольной промышленностью после 1840 года, стояла значительно ниже этой цифры, и приходилось ежегодно ввозить из-за границы от 2 до 2,5 миллиона тонн каменного угля.

Различные производства. Выделка бумаги в формах ручным способом еще играет важную роль в 1847 году; однако

*

начиная с 1827 года изготовление бумаги механическим способом окончательно устанавливается. Здесь мы опять-таки видим французское изобретение, которое вынуждено было сперва найти себе применение в Англии и потом только было использовано во Франции. В 1849 году было выработано 42 миллиона килограммов бумаги. Эта промышленность сосредоточена главным образом в департаментах Шаранты, Па-де-Кале, Изера и Вогезов.

Производство обоев быстро развивается после 1834 года, когда для этой цели стало возможно уже употреблять бумагу в рулонах. Несколько лет спустя здесь вводится новое усовершенствование путем использования перротины вместо валика для тиснения обоев.

В 1824 году во Францию ввозится печатная машина, изобретенная в 1815 году немцем Кёнигом. В то время для типографского печатания пользовались только ручным деревянным станком (прессом). После многочисленных улучшений весьма несовершенной машине Кёнига удалось войти в употребление; сначала ее применяли исключительно для печатания газет; начиная с 1844 года ее применяют также и для печатания книг. [1]

Химическая промышленность оказывается все бо́льшим и бо́льшим подспорьем для других производств. Для выделки набивных тканей она дала прочную зеленую краску для хлопчатобумажных материй, а также красную (адрианопольскую). В 1834 году Гимэ из Лиона нашел способ изготовлять искусственный ультрамарин, который обходился в 200 раз дешевле натурального ультрамарина, с величайшим трудом получаемого из лапис-лазури, и полностью его заменил. Начиная с 1832 года стеариновая свеча вытесняет восковую и старомодные сальные свечи. Стоимость продукции химической промышленности, которую Шапталь в 1812 году исчислял в 5 миллионов франков, в 1847 году достигает 55 миллионов.

Керамика, производство стекла и хрусталя развиваются в соответствии со все растущим спросом, хотя ни одно важное изобретение не внесло сколько-нибудь существенных изменений в способ их изготовления.

Производство резины возникает около 1831 года, но серьезно осваивается только с 1845 года, после введения процесса вулканизации. В 1830 году Франция ввозит лишь 16 000 килограммов каучука. В 1845 году ввоз увеличивается до 181 000 килограммов.

---

[1] В самой крупной из парижских типографий (Фирмэна Дидо) уже в 1827 году работали при помощи механических приборов. — *Прим. ред.*

Производство свекловичного сахара, прозябавшее до 1820 года, после этого года развивается вопреки фискальным стеснениям, задерживающим его рост.[1]

Это производство, в конце концов, внушает такой страх фабрикантам тростникового сахара, что в 1843 году для устранения бурно растущей конкуренции они решаются потребовать экспроприации фабрик туземного сахара и окончательного запрещения этой отрасли промышленности. Это необычайное требование было, к счастью, отклонено, и за 1847—1848 годы производство свекловичного сахара достигло 64 миллионов килограммов.

Промышленная продукция. Официальное обследование 1847 года оценивает в 4 миллиарда франков всю стоимость французской промышленной продукции; Шапталь оценивал ее к концу Империи немного ниже 2 миллиардов. Как ни велико было увеличение стоимости продукции, количественное ее увеличение оказалось еще значительнее. В самом деле, не надо забывать, что те изобретения, которые вызывали рост продукции, в то же время приводили к снижению себестоимости, что — вследствие конкуренции — в свою очередь отражалось на продажных ценах.

Рабочий класс. Под влиянием развития крупной промышленности рабочий класс, начиная с конца эпохи Реставрации, приобретает все большее и большее значение. Этим он обязан в особенности промышленной концентрации, следствием которой явилась концентрация рабочего населения, дотоле разбросанного по всей территории. Около 1830 года начинается тот быстрый рост городского населения, который является одной из самых характерных черт XIX века. За десять лет, с 1836 по 1846 год, число жителей в общинах, имеющих свыше 3000 душ, возрастает почти на 2 миллиона, и этот прирост населения идет почти всецело на пользу фабрикам. Надо сказать, что прирост населения в городах в точности равняется всему приросту населения между этими двумя датами: перепись 1836 года указывает цифру в 33,5 миллиона жителей; перепись 1846 года насчитывает приблизительно 35,5 миллионов.

---

[1] Свеклосахарная промышленность во Франции, как и в Австрии, в Пруссии, в Саксонии, в России, развивается бурным темпом в годы континентальной блокады, когда пресеклась возможность получать достаточное количество колониального (тростникового) сахара. Но после падения Империи свекловичный сахар на некоторое время уступил место тростниковому, который был несравненно высшего качества в те годы. Свекловичный же сахар был часто грязножелтого и серого цвета и мало сладок. — *Прим. ред.*

Происходящий промышленный переворот вызывает глубокое волнение среди бедного люда. Ручной труд должен постепенно отступать перед трудом механическим; мелкий ремесленник видит, как его вытесняют из традиционного ремесла. С другой стороны, создающиеся фабрики и заводы предоставляют новые занятия людям, которых они лишили пропитания. Но учеба тяжела, и, кроме того, сама промышленность на первых порах почти не отдает себе отчета ни в условиях своего собственного существования, ни в размерах рынков, открывающихся для сбыта. Отсюда множество столкновений и недоразумений, от которых главным образом страдают рабочие. Тем не менее, под влиянием промышленного развития, растущего спроса на рабочую силу и подъема производительности труда в связи с новым механическим оборудованием, заработная плата в промышленности между 1825 и 1848 годами как будто возрастает. Судя по данным обследования парижской промышленности в 1847 году, заработная плата за истекшие двадцать лет увеличилась на 10 процентов. Е. Шевалье даже указывает на несколько больший рост ее на одном металлургическом заводе в промежуток между 1823 и 1850 годами. Нечто подобное можно наблюдать и среди строительных рабочих в главных городах департаментов. Но во всех названных случаях рост заработков кажется несколько преувеличенным, и потому явлений такого рода нельзя обобщать. Но несомненно, что рабочий класс кое-что выгадал от снижения цен на фабричные изделия. С 1827 по 1847 год цены в общем упали на 13 процентов; для некоторых товаров снижение было более значительным: для бумажных ниток и тканей оно составляло 58 процентов и для шерстяных ниток и тканей — 52 процента. Что касается сельскохозяйственных продуктов, то здесь как будто цены остались совершенно неизменными, если не считать, впрочем, довольно значительного вздорожания мяса. Кроме того, квартирная плата в городах, в общем, повысилась.

Впрочем, рабочие во время многочисленных стачек, имевших место в конце Июльской монархии, требуют не столько увеличения заработной платы, сколько сокращения часов работы. Желая использовать свое оборудование и извлечь из него возможно больший доход, фабриканты требуют исключительной продолжительности рабочего дня. Дни в четырнадцать и в пятнадцать рабочих часов не редки на прядильных фабриках. На рудниках отмечают рабочие дни от двенадцати до четырнадцати часов. Однако начиная с 1840 года продолжительность рабочего дня обнаруживает тенденцию к сокраще-

нию. Сами хозяева начинают понимать, что, сберегая силы рабочего, можно достигнуть бо́льших результатов. [1]

Рабочие, которые теперь сгруппированы в крупных центрах, могут сговариваться и объединяться легче, чем прежде. Вопреки закону, развиваются рабочие ассоциации; профессиональные союзы постепенно заменяют старые общества подмастерьев. В результате Июльской революции рабочий класс как будто начинает уяснять себе ту солидарность, которая его объединяет, ту силу, которую может ему дать взаимное согласие. Нарождается рабочая печать; образуется несколько рабочих ассоциаций. Но отсутствие образования мешает им ясно различать цель, к которой надо стремиться, — и не позволяет подчиняться разумной дисциплине, необходимой для достижения этой цели. [2]

Люди науки и даже фабриканты обращают внимание правительства на ужасную эксплоатацию детей нарождающейся промышленностью, которая требует от детей такой же изнурительной работы, как и от взрослых. С 1827 года промышленное общество в Мюлузе (Мюльгаузене) требует регламентации детского труда. После продолжительных прений вопрос этот наконец решается законом 22 марта 1841 года, еще очень несовершенным, причем правительство сделало ошибку, не настаивая на точном его применении.

II. *Сельское хозяйство*

Успехи сельского хозяйства. Сельское хозяйство также делает значительные успехи при правительстве Реставрации и Июльской монархии. Шапталь определяет стоимость необра-

---

[1] Автор очень склонен, все-таки, смотреть на положение рабочего класса в те времена сквозь розовые очки. Во-первых, положение рабочих не потому было плохо, что «сама промышленность не отдавала себе отчета» в новых условиях, а потому, что хозяева планомерно и до последнего предела использовали широчайшую возможность эксплоатировать рабочий труд, пользуясь и запрещением стачек и всеми средствами законодательства и полиции, всецело стоявших на их стороне, и полнейшей неорганизованностью рабочих. Во-вторых, при снижении цен на предметы потребления сплошь и рядом снижалась и заработная плата. Положение рабочих в конце 40-х годов было ничуть не лучше, чем в 20-х годах XIX в. — *Прим. ред.*

[2] Изучение истории многочисленнейших стачек и времени Реставрации и годов Июльской монархии показывает, напротив, полнейшую ясность непосредственной цели: борьбу против жестокой эксплоатации со стороны хозяев и большую выдержку в непосильно трудной борьбе при тогдашних условиях, когда за выступления против штрейкбрехеров рабочему грозила каторга, — или, в лучшем случае, тюрьма. — *Прим. ред.*

ботанной земледельческой продукции за 1812 год в 3 миллиарда франков. В 1850 году Л. де Лавернь оценивает ее в 5 миллиардов, т. е. мы видим рост в 60 процентов, а так как в промежутке между этими двумя эпохами цены на земледельческие продукты изменились не очень сильно, то отсюда следует, что главным образом возросло количество продукции.

Это развитие продукции вызвано растущими требованиями потребления. С 1815 по 1848 год население увеличивается больше чем на 5 миллионов. Возрастание промышленного производства создает также все более значительный рынок для некоторого количества сельскохозяйственных продуктов, как, например, для шерсти, сахарной свекловицы и т. д. Сельское хозяйство, естественно, стремится удовлетворить возрастающий спрос, но — в отличие от фабричной промышленности — прогресс его не облегчается целым рядом изобретений, дающих возможность резко изменить способ производства. Оно прогрессирует очень медленно, постепенно улучшая уже известные методы, расширяя применение приемов, которые почитаются наилучшими.

Главным образом все более и более заменяя трехпольную систему многопольем, земледелие успевает повысить свою продукцию. К концу Империи еще господствует трехпольный севооборот; многополье начинает появляться лишь в некоторых, немногих провинциях. В последние годы Реставрации и при Июльской монархии оно распространяется все более и более. В северных и северо-восточных областях можно отметить наиболее важные улучшения. Паровые поля почти совершенно изгнаны со всех хороших пахотных земель, разведение кормовой свеклы быстро распространяется, а развитие свеклосахарных культур открывает новые источники дохода. В южных областях еще применяется система паровых полей, но вместо трехлетнего севооборота мы видим двухлетний. Западная часть страны, которую политические волнения,[1] начиная со времени революции, держали в неустойчивом положении, после 1815 года начала медленно оправляться, а с 1840 года она принимает участие в общем подъеме, как только сеть так называемых стратегических дорог, построенных после восстания 1832 года, открывает Анжу и Вандее новые рынки для их земледельческих продуктов. Однако некоторые части территории, как, например, Бретань и центральные области, остаются еще вне сферы этих успехов.

[1] Ряд вандейских восстаний. — *Прим. ред.*

Усовершенствования, внесенные в земледельческий инвентарь, также облегчают развитие производительности. Количество плугов сильно увеличилось; обследование земледелия в 1850 году насчитывает их больше 2,5 миллиона, причем около половины этого количества составляют плуги с передним ходом. На юге еще пользуются примитивными сохами, но на севере распространяются усовершенствованные плуги Гранже и Ровиля. Начинают входить в употребление молотилки. Количество их исчисляется приблизительно в 60 000, из которых около 1500 паровых. Пользование ими особенно распространено в северо-восточной области, где повсеместно оказывает свое действие пример, данный Матьё де Домбалем, заведывавшим образцовой фермой Ровиль. Наконец, насчитывается около 200 000 других новых машин, каковы, например, скарификаторы, экстирпаторы и т. д.

Улучшение путей сообщения равным образом является великим благодеянием для сельского хозяйства. Оно позволяет земледельческим областям расширить районы своего сбыта и весьма облегчает эксплоатацию. В этом смысле одним из самых удачных законодательных мероприятий с сельскохозяйственной точки зрения является закон 1836 года о проселочных дорогах, который предписывает переустройство дорог и содержание их в хорошем состоянии.

Обработка земли. Площадь пахотных земель исчислялась Шапталем около 1815 года почти в 23 миллиона гектаров; обследование 1852 года определяет эту площадь в 26 миллионов. В то самое время, когда происходило это расширение, совершилось сокращение площади паровых полей с 10 миллионов до 6 миллионов гектаров.

Площадь под зерновыми хлебами увеличилась больше чем на 2 миллиона гектаров; она составляла уже приблизительно 15 миллионов гектаров. Но, в то время как площадь увеличилась только на 15 процентов, продукция возросла на 50 процентов, что свидетельствует о значительном улучшении обработки земли. Пшеница начинает занимать все бóльшую площадь за счет других злаков, употребляемых в пищу человеком. В 1815 году площадь, засеянную пшеницей, исчисляли лишь в 4,5 миллиона гектаров, к концу Июльской монархии этот злак занимает площадь в 6 миллионов; средний умолот зерновых хлебов, равнявшийся приблизительно 10 гектолитрам на гектар в период 1815—1820 годов, достигает более 13,5 гектолитра в период 1841—1850 годов. Благодаря этому параллельному росту засеянной площади и умолота урожай пшеницы превышает 80 миллионов гектолитров

к 1850 году, т. е. увеличивается вдвое сравнительно с первыми годами Реставрации.

Разведение картофеля, занимающего все более значительное место в питании, особенно после плохих урожаев зерновых злаков 1815, 1816 и 1820 годов, быстро распространяется. В 1840 году засеянная площадь равна 922 000 гектаров, и продукция поднимается до 96 миллионов гектолитров. Но начиная с 1845 года «картофельная болезнь» останавливает этот рост, и к 1852 году засеянная площадь уменьшается на 100 000 гектаров.

Размеры естественных и искусственных лугов быстро увеличиваются. В 50-х годах они занимают площадь больше чем в 7,5 миллиона гектаров, около трети которой составляют искусственные луга. Больше 1,5 миллиона гектаров были объектом ирригационных работ, распространение которых облегчается законом 1845 года.

Разведение винограда, играющего важную роль в вывозной торговле Франции, быстро увеличивается вплоть до 1835 года, после чего остается почти стабильным. Виноград занимает площадь немного более 2 миллионов гектаров и дает в хорошие годы от 40 до 45 миллионов гектолитров вина.

Новая культура — сахарная свекловица, — едва известная перед концом Империи, окончательно крепнет начиная с 1840 года. В результате освобождения от акциза, которым вначале облагался получаемый из свекловицы сахар, эта культура распространилась почти повсеместно. Но обложение свекловичного сахара, последовавшее в 1837 году, заставляет большинство сахарных заводов из простых придатков к земледельческим хозяйствам преобразоваться в промышленные предприятия, способные выдержать конкуренцию с колониальным тростниковым сахаром. Такая концентрация отражается на культуре свекловицы, область разведения которой мало-помалу суживается и наконец ограничивается Северной областью. В 1852 году она занимает площадь в 111 000 гектаров, которые дают 32 миллиона центнеров продукта.

Разведение конопли и льна непрерывно возрастает вплоть до 1840 года, но с этого времени начинает сокращаться. Напротив, культура рапса развивается и дает, если к этому прибавить сурепицу и мак, урожай в 3,5 миллиона гектолитров маслянистых зерен.

Марену продолжают разводить, но вайда быстро сходит на-нет начиная с 1814 года, так как не в силах выдержать конкуренцию с индийской мареной более высокого качества, цена на которую падает сразу после заключения мира.

Разведение шелковичных червей представляет собой все более значительный источник дохода в департаментах долины Роны, главным образом в департаментах Гард, Дром и Ардеш. Количество выведенных коконов с 6 миллионов килограммов в 1815 году поднимается до 12 миллионов в 1840 году. С этого года рост ускоряется, и в 1850 году продукция достигает 25 миллионов килограммов. Этим подъемом шелководства мы обязаны главным образом введению в общее употребление метода Арсе, освобождающего разведение шелковичных червей от рутинных приемов, которых оно до сих пор придерживалось.

Скотоводство. Скотоводство делает быстрые успехи. Для получения количества навоза, необходимого при многопольной системе, которая становится общепринятой, землевладельцы стараются увеличить численность своего скота.

Прежде всего они обращают внимание на овцеводство. Две причины побуждают их к этому: овца — животное, которое лучше всего подходит к мало развитому сельскому хозяйству, а именно таково сельское хозяйство Франции в начале Реставрации; кроме того, растущие требования шерстяной промышленности открывают значительный рынок для шерсти. Количество овец, достигавшее 27 миллионов в 1815 году, возрастает до 33 миллионов к концу Июльской монархии. Независимо от увеличения численности овец произошло также весьма значительное возрастание их ценности. Продолжается улучшение местных пород путем скрещивания с баранами-мериносами. К концу Империи Франция едва насчитывала 1,5 миллиона овец-мериносов или улучшенных пород. В 1850 году число их достигает 10 миллионов, а производство шерсти поднимается с 380 000 до 600 000 центнеров, из которых почти половину составляет тонкая шерсть.

Однако с 1840 года начинает обнаруживаться в овцеводстве важное изменение, которому в дальнейшем предстоит широкое распространение. Под двойным влиянием — понижения цены на шерсть с 3 франков за килограмм в 1817 году до 2,4 франка в 1834 году и до 1,9 франка в 1846 году, и увеличивающегося спроса на мясо, что со своей стороны явилось результатом и умножения городского населения и роста общего благосостояния, — скотоводы отказываются от производства тонкой шерсти. Они принимаются за разведение смешанных пород, получаемых от скрещивания французских национальных пород с английскими, в особенности с породой «дишлей» (dishley), дающих одновременно шерсть средней тонины и мясо. Ввиду того что тонкая

шерсть в ущерб мясу могла быть получена только с животных малого роста, а также под давлением конкуренции со стороны импортной германской и австралийской шерсти, разведение тонкорунных овец перестает быть выгодным. Кроме того, технические усовершенствования создают новый рынок для шерсти среднего качества, которую употребляют теперь для изготовления гладких материй.

Спрос на мясо заставляет скотоводов озаботиться как увеличением количества, так и улучшением породы рогатого скота. В 1815 году поголовье этого последнего едва достигало 7 миллионов, и вес быков, привозимых на рынки Со и Пуасси, за период времени с 1812 по 1820 год в среднем был ниже 300 килограммов. С 1837 года правительство командировало агронома Ивара в Англию для приобретения нескольких голов рогатого скота дургэмской породы, известной высоким качеством и количеством мяса. Начиная с этого времени, частью в результате скрещивания с английскими породами, частью вследствие тщательного отбора среди местных пород, качество рогатого скота значительно улучшается. В 1850 году считали, что поголовье рогатого скота доходит до 11 миллионов и чистый вес животных, отправляемых на бойню, в среднем равняется 350 килограммам. Это преобразование скотоводства дало сельскому хозяйству значительный источник новых доходов.

Число лошадей увеличилось: к концу Реставрации их насчитывают около 3 миллионов; число лошадей, занятых в земледельческих работах, также увеличилось: в этот период их насчитывается около 1 800 000.

Поземельная собственность. Содержащееся в хартии 1814 года обещание не нарушать права собственности владельцев национализованных имуществ и недвусмысленно выраженная от имени правительства бароном Луи [1] твердая решимость честно соблюдать это обещание, не взирая на протесты бывших эмигрантов, успокаивают сельских собственников, которые приобрели эти земли и опасались их потерять. После 1815 года дробление земельной собственности продолжается, и число землевладельцев возрастает с 6,5 миллиона в 1825 году до 7 или 7,5 миллиона в 1850 году.

Увеличение доходов с земельной собственности, прерванное лишь временным кризисом 1830 года, приводит к весьма значительному повышению стоимости сельской земельной

---

[1] Жозеф-Доминик Луи, барон, — министр финансов в эпоху Реставрации и при Луи-Филиппе (1755—1837). — *Прим. ред.*

собственности. Средняя цена гектара, достигавшая 700 франков в начале Реставрации, устанавливается в 1290 франков вскоре после революции 1848 года. Заработная плата в сельском хозяйстве также испытывает довольно заметное повышение: согласно указанию де Фовиля, ежегодный заработок семьи сельскохозяйственных батраков может быть исчислен в ту эпоху в 550 франков, тогда как в 1813 году он не превышал 400 франков.

III. Внутренняя торговля

Пути сообщения. Империя, посвящая войне большую часть своих ресурсов, была вынуждена пренебрегать общественными работами, несмотря на все значение, которое им придавал Наполеон I. Франция в 1815 году имела только одну законченную дорожную сеть — сеть национальных дорог; что же касается департаментских дорог, то едва ли 20 000. километров из них были открыты для движения. Наконец, проселочные дороги, необходимые для хорошего ведения сельского хозяйства, большей частью представляли собой просто тропинки, никем не поддерживаемые в исправности. На реках существовало очень мало мостов, и переправляться приходилось главным образом на паромах. Сеть каналов была еще весьма незначительна, и не предпринималось никаких работ для урегулирования и использования больших рек и их притоков.

Правительство Реставрации поняло важность задачи, которую предстояло разрешить, и последствия, которые должно иметь для экономического развития страны устройство объединенной сети путей сообщения. К несчастью, вынужденное взять на себя ликвидацию тяжелого наследия, оставленного ему императорским режимом, оно могло лишь приступить к выполнению той огромной программы, которую себе наметило, и только при Июльской монархии постройка дорог и каналов могла завершиться.

С 1814 до 1848 года было открыто для движения 7000 километров национальных дорог и 22 000 километров департаментских дорог. В эпоху Февральской революции эти две сети дорог, протяженностью в общем до 75 000 километров, могли считаться законченными. Кроме того, постройка или переделка около 500 мостов сделала ненужными большую часть паромов. В этот период на устройство дорог и мостов было затрачено около миллиарда.

Проселочные дороги благодаря закону 1836 года, имевшему целью обеспечить наилучшее применение средств, ассигнуемых для этой цели, — мало-помалу становятся настоящими дорогами. В 1850 году сеть проселочных дорог дальнего сообщения имеет в длину более 60 000 километров, из которых три четверти были приведены в настолько хорошее состояние, что требовали только очередного ремонта. Что касается местных дорог, то из огромной сети длиною свыше 600 000 километров, лишь очень небольшая часть содержится в порядке.

В 1818 году правительство приступило к изучению судоходной сети. Статистика, обнародованная по этому предмету, исчисляет в 2760 километров длину каналов, которые надо закончить, и более чем в 100 000 километров длину судоходных путей, которые было рационально создать вновь. Осуществление подобной программы потребовало бы свыше одного миллиарда. Государственные средства не позволяли думать о возможности подобного расхода. Однако законы 1821 и 1822 годов предписали продолжение работ по главным из уже начатых каналов, как то: в Бургони, канал от Роны к Рейну и т. д., и постройку нескольких новых путей. К концу периода Реставрации правительство уже успело открыть для движения 900 километров каналов. Июльская монархия стремилась окончить дело, начатое при Реставрации. Избавленная от финансовых затруднений, которые связывали прежнее правительство, Июльская монархия могла ассигновать на этот предмет гораздо более значительные средства: с 1830 по 1848 год были достроены каналы протяжением в общем в 2000 километров. С этого времени можно считать почти совершенно законченной систему французских каналов длиной свыше 4000 километров.

Вплоть до 1835 года крупные работы по внутреннему судоходству состояли только в создании искусственных водных путей. Начиная с этого времени принимаются за работы по мелиорации рек. За десять лет было израсходовано более 150 миллионов для регулирования Шельды, Мозеля, Гаронны, Луары, Рейна и Соны.

В 1847 году эксплоатируемая длина судоходной сети достигает приблизительно 10 000 километров; тоннаж по ним доходит до 1813 миллионов тонн в год.

Многочисленные улучшения были произведены также в морских портах; на эти работы израсходовано более 200 миллионов франков.

Июльскому правительству принадлежит честь почина в деле железнодорожного строительства. В 1832 году небольшая

компания, поддерживавшая сообщение между Сент-Этьенном и Лионом, заменила локомотивом лошадей, дотоле представлявших собою единственное средство тяги. Это была исходная точка важнейшего преобразования транспорта. Но правительство решилось взять на себя руководство этим новым делом лишь несколько лет спустя, после того как оно убедилось в робости частной инициативы и увидело, что Англия и Германия опередили Францию. В 1839 году оно представило в парламент общий план по этому предмету. В результате прений, вызванных этим планом, было предоставлено несколько концессий, но кризис 1838—1839 годов заставил большинство концессионеров потребовать расторжения договоров. Помощь со стороны государства, признанная неизбежной, была разрешена законом 1842 года, что, собственно говоря, и представляет собою исходную точку в строительстве железнодорожной сети во Франции. Государство должно было приобретать нужные земли и выполнять земляные работы и постройку искусственных сооружений. Работы по верхнему строению пути, постановка подвижного состава и эксплоатация дорог были оставлены на обязанности компаний концессионеров. В 1846 году 36 компаний поделили между собой предоставленную концессией сеть длиной приблизительно в 6000 километров. Эксплоатировалось в то время 1814 километров, по которым ежегодно перевозилось 13 миллионов пассажиров и 3,5 миллиона тонн груза, что представляет километрический тоннаж в 217 миллионов тонн.

Благодаря многочисленным улучшениям путей сообщения возросла быстрота перевозок и в то же время значительно снизилась их стоимость. В 1832 году для дилижансов — наиболее распространенного в ту эпоху способа сообщений — требовалось 36 часов, чтобы добраться из Парижа в Кале, покрыв расстояние в 270 километров. В 1848 году тем же дилижансам нужно было не более 22 часов, а по железной дороге этот пробег длился всего 9 часов. Стоимость гужевых перевозок, исчисляемая к 1814 году в 0,3 франка за километрическую тонну, в 1847 году спустилась до 0,2 франка; на железнодорожном транспорте она упала больше чем вдвое, а устойчивость железнодорожных тарифов явилась для торговли благодеянием, почти равным результату от их дешевизны. [1]

---

[1] Мало в чем до такой степени вопиюще сказался безудержно-эксплоататорский характер бесконтрольного владычества крупной буржуазии при Июльской монархии, как в этом безобразном закабалении государства на сто лет вперед в пользу железнодорожных концессионеров-спекулянтов. Прави-

Развитие внутренней торговли. Деловая жизнь возрождалась довольно медленно в первые годы Реставрации. Страна была еще совершенно истощена бедствиями, вызванными двумя последовательными неприятельскими нашествиями. Только после 1817 года, когда союзные армии покинули территорию Франции, возобновляется рост торговли, поощряемый быстрым развитием промышленной и земледельческой продукции. Кризис 1826 года, короткий кризис 1830 года, затем кризис 1837—1839 годов вызывали временные задержки в развитии торговли. Рассматриваемый период закончился в 1848 году среди сильнейшего кризиса, обусловленного неурожаем предыдущего года и революцией.

Несмотря на эти перерывы, коммерческое развитие было весьма значительным. Число торговых патентов, не достигавшее и 1 миллиона в 1820 году, к 1847 году поднялось почти до 1,5 миллиона. Сумма годовых учетов Французского банка возрастает с 449 миллионов в 1816 году до 617 миллионов в 1830 году, превышает 1 миллиард в 1840 году и достигает 1800 миллионов в 1847 году. Девять существовавших тогда департаментских банков, со своей стороны, учли в 1847 году векселей больше чем на 850 миллионов.

После падения Империи Французский банк тщетно пытался возвратить себе независимость, которую он потерял по закону 1806 года. Правительство не согласилось отказаться от своего права контроля и сохранило должность управляющего, назначаемого правительством и пользующегося почти диктаторской властью. В 1840 году привилегия банка, истекавшая в 1843 году, была продолжена вплоть до 31 декабря 1867 года без каких-либо значительных изменений. Между 1813 и 1817 годами банк получил разрешение закрыть конторы, которые он создал в Лилле, Лионе и Руане после настойчивых, резких требований императора. Содержание их в эту эпоху стало для банка убыточным. [1]

В 1817 и 1818 годах три эмиссионных банка, производивших те же операции, что и Французский банк, но имевших право выпускать банкноты только в месте своего нахождения, были учреждены в Руане, Нанте и Бордо. Начиная с 1835 года

тельство брало на себя и больше 60% расходов, и гарантию доходов для концессионеров, — и все выгоды предоставляло этим спекулянтам и их потомкам и наследникам. — *Прим. ред.*

[1] Наполеон еще мог своей железной рукой сдерживать алчность акционеров Французского банка и заставлять их поступаться кое в чем в пользу государства. Со времен Реставрации Французский банк окончательно стал собственностью нескольких семейств миллионеров и орудием сложнейших финансовых махинаций. — *Прим. ред.*

развитие дел постепенно привело к учреждению шести других аналогичных банков, и с того же времени Французский банк снова начал открывать свои конторы, число которых к 1847 году возросло до четырнадцати.

Объединение капиталов, вызываемое важностью новых видов предпринимательства, быстро развивается. С 1818 по 1820 год появляются первые значительные общества страхования от огня. Около 1830 года нарождаются, в свою очередь, первые общества страхования жизни. Формируются компании в целях кредитования государства средствами, необходимыми для окончания каналов, предусмотренных законами 1821 и 1822 годов. Несколько лет спустя учреждаются новые железнодорожные компании. Но так как строгие формальности, предписываемые законом, затрудняют образование анонимных обществ, а форма простого товарищества на вере не позволяет собрать достаточных капиталов, то обходят юридические препятствия путем создания коммандитных акционерных обществ. Это положило начало царству ценных бумаг, к которым большие займы, заключавшиеся правительством Реставрации для погашения долгов Империи, уже отчасти приучили публику. В 1816 году Парижская биржа котирует только семь ценных бумаг, из которых три с фиксированным доходом — пятипроцентная французская рента, облигации города Парижа и английские обязательства — и четыре с непостоянным доходом. В 1826 году котируются 42 ценных бумаги. В 1841 году их уже 258, из которых 204 с непостоянным доходом. Наряду с французскими государственными ценными бумагами фигурируют некоторые ценные бумаги иностранных государств: английские, австрийские, бельгийские, испанские, голландские и т. д. Среди бумаг с непостоянным доходом мы видим наряду с бумагами компаний каналов и новых железнодорожных обществ также акции 19 страховых обществ, 19 банков, 26 каменноугольных компаний и множества промышленных предприятий: железоделательных заводов, доменных печей, прядилен, химических фабрик, газовых заводов, производств свечей, асфальта, битума и т. д.

Сберегательные кассы принимают мелкие сбережения, слишком незначительные, чтобы их можно было вложить в ренту или в ценные бумаги. Они принимают вклады, начиная со скромной суммы в 1 франк, и выплачивают вкладчикам проценты. В 1818 году в Париже была создана первая такая касса. В 1835 году закон придает им характер общественно-полезных учреждений и регламентирует их отношения к казне.

В 1845 году существует 345 сберегательных касс, которые должны более 393 миллионов франков 684 226 вкладчикам.

IV. Внешняя торговля

Развитие внешней торговли. Шапталь, сравнивая коммерческое состояние Франции в 1815 году с тем, что оно представляло собой в 1789 году, заявил, что все приходилось создавать заново. Благодаря промышленному росту внешнюю торговлю удалось быстро восстановить. Общая торговля увеличивается с 818 миллионов франков в 1827 году до 2437 миллионов в 1847 году, а внешняя торговля в этом году достигает 1772 миллионов. Наибольшая часть этой торговли — 70 процентов — совершается морским путем. В 1848 году наличный состав морского торгового флота располагает тоннажем в 683 000 тонн; количественно он остался неизменным с первых лет Реставрации, но качественно изменился весьма чувствительно благодаря изобретению паровых судов, тоннаж которых исчисляется в 11 000 тонн. Первая регулярная линия паровых пакетботов устанавливается в 1830 году между Марселем и Левантом. В 1840 году создается первая трансатлантическая линия Гавр — Нью-Иорк, дополненная вскоре второстепенными линиями, которые обеспечивают быстрое сообщение между французскими океанскими портами и Антильскими островами, а также Южной Америкой.

Французский импорт поднимается до 920 миллионов (специальная торговля) в 1846 году; он состоит главным образом из сырья, необходимого для промышленности: сырого хлопка, шелка-сырца, необработанной шерсти, невыделанных кож, лесных материалов. Экспорт превышает 850 миллионов; он состоит только из готовых изделий. Ткани, которых Франция вывозит на сумму 420 миллионов, составляют в нем наиболее значительную статью. Шелковые ткани, представляющие собой предмет роскоши, большей частью отправляются в Англию, Соединенные Штаты, Германию. Главными покупателями французских шерстяных материй наряду с Соединенными Штатами являются Испания и Сардинское королевство. Бумажные ткани пользуются спросом главным образом в Испании, Сардинском королевстве, Соединенных Штатах и Швейцарии. Вина и водки составляют 60 миллионов в общей сумме французского экспорта.

Торговая политика. Начиная с 1793 года торговая война стала помогать вооруженной борьбе, и к концу Империи та-

моженное законодательство приобретает почти исключительно запретительный характер. Законодательные запреты, соединенные с фактической невозможностью ввоза из-за границы, в результате препятствий, вносимых в коммерческие сношения воюющими сторонами, — в течение двадцати лет обеспечивали французским производителям монополию внутреннего рынка. После заключения мира эти последние отнюдь не желали выдерживать трудную конкуренцию с английской промышленностью, вооруженной механическим оборудованием, почти неизвестным во Франции, а также с уже весьма значительной промышленностью Бельгии и прирейнских провинций, которые при господстве мира оказались в состоянии конкурировать с французской промышленностью на внутреннем французском рынке. Со всех сторон в палаты посыпались многочисленные ходатайства о сохранении существующего таможенного режима. Правительство должно было уступить этим требованиям, и закон 1816 года ограничился частичной переработкой тарифа, который в то время состоял из еще действовавших статей тарифа 1791 года и серии специальных тарифов, изданных при Республике и Империи. Этот закон подтверждал запреты и существующие пошлины.

Однако, сколь грозным ни казался этот тариф, он был все же недостаточен, чтобы совершенно устранить иностранную конкуренцию. В нем имелись еще некоторые прорехи, и вскоре в палаты стали поступать ходатайства о повышении пошлин.

Первой отраслью промышленности, потребовавшей усиленного покровительства, оказалась металлургия. Уже в 1814 году закон повысил ввозные пошлины на железо до 50 процентов его стоимости. Но если таким образом удалось устранить железо, изготовлявшееся в Швеции и России на древесном топливе, то иначе обстояло дело с английским железом, уже несколько лет под ряд производившимся гораздо более экономным способом—на каменном угле и с помощью прокатных вальцов. Новая пошлина была недостаточна, чтобы помешать ему успешно соперничать с французским железом. По просьбе владельцев железоделательных заводов закон 1822 года повысил ввозную пошлину на железо до 120 процентов.

Текстильная промышленность не замедлила последовать этому примеру. Фабриканты льняного полотна, которые должны были одновременно выдерживать конкуренцию как со стороны аналогичных иностранных производств, так и со стороны быстро развивавшейся национальной хлопчатобумажной промышленности, не постеснялись настойчиво ходатайствовать одновременно как о запрещении ввоза иностран-

*

ных полотен, так и о запрещении ввоза хлопка. Это последнее требование было, к счастью, отклонено, но фабриканты добились все же значительного увеличения ввозных пошлин на льняное полотно.

Июльское правительство вначале высказало намерение внести некоторые послабления в действующую систему высоких пошлин. Но подобно правительству Реставрации оно должно было отступить перед протестами, вызванными этой попыткой. Промышленные и сельскохозяйственные интересы так же преобладали в палатах 1830 года, как и в палатах 1815 года, и союз, заключенный между промышленниками и сельскими хозяевами в начале Реставрации, продолжал существовать в течение всего этого периода.

И действительно, сельское хозяйство не замедлило в свою очередь потребовать и для себя всех выгод покровительственной системы. Вторая половина XVIII века и эпоха Империи были периодом возрастания цен на зерновые хлеба и мясо. Внезапно, около 1818—1819 года, обнаруживается понижение цен на эти продукты.

Изумленные этим неожиданным явлением сельские хозяева заявляют, что непосредственной причиной его является конкуренция со стороны иностранных государств. Неурожай 1816 года создал необходимость ввоза иностранного зерна, и в эту эпоху наблюдается значительное поступление русского зерна. Когда нужда миновала, хлеб продолжал, однако, ввозиться во Францию. Старый режим, стремившийся прежде всего обеспечить народное продовольствие в то время, когда трудности сообщения чрезвычайно усложняли эту задачу, ограничивался регламентацией хлебного экспорта, предоставляя импорту полную свободу. Революция, а за ней и Империя продолжали совершать ту же ошибку, и даже сама Реставрация на первых порах сохранила верность традиционной политике. Однако, в целях удовлетворения сельскохозяйственных интересов, закон 16 июля 1819 года совершенно изменил проводившуюся до этого политику. Он ввел во Франции систему, известную под названием *системы скользящей шкалы*, которой предстояло, с некоторыми перерывами, продержаться до 1861 года. Заимствована эта система была из Англии, где она была введена в конце XVIII века. Новый закон устанавливал пошлину, ставки которой изменялись соответственно ценам на хлеб. Целью ее было поддержание хлебных цен на уровне, признаваемом необходимым для обеспечения земледельцам справедливого вознаграждения за зерновые продукты; пошлина повышалась тем больше, чем ниже стояла цена на

этот продукт на внутреннем рынке; наконец, если эта цена падала ниже определенного минимума, ввоз иностранного хлеба запрещался вовсе. В 1832 году первоначальная редакция закона была несколько смягчена: вместо абсолютного запрета закон 15 апреля установил непрерывную шкалу постепенно изменяющихся пошлин. Фактически скользящей шкале не удалось, как надеялись ее защитники, поднять цены на хлеб. Она способна лишь была удерживать цены от снижения, но за это относительное благо пришлось расплачиваться постоянными пертурбациями цен, вызывавшимися ее применением.

Другие сельскохозяйственные продукты, как то: лен, оливковое масло, рис — также были обложены значительными пошлинами. Равным образом была повышена пошлина на ввозимый скот.

Покровительственная система распространилась и на морской коммерческий флот. Сохранили запрещение каботажа для иностранных кораблей. Созданы были добавочные флаговые сборы, которыми облагались товары, ввезенные на иностранных судах, и добавочные сборы за склад товаров, способствовавшие развитию французского торгового мореплавания. Иностранные суда, заходившие во французские гавани, облагались ластовым сбором. Колониальное судоходство почти полностью предоставлялось французскому флоту. Закон 15 марта 1822 года оказывал специальное покровительство морскому судостроению, воспрещая приобретение за границей морских судов.

Следуя примеру метрополии, колонии в свою очередь потребовали таможенных привилегий. Если не считать кое-каких поблажек, «колониальная система» неуклонно проводилась как Реставрацией, так и Июльской монархией. Три принципа, на которых базировалась эта система: монополия национального флота в установлении сообщений между метрополией и колониями, запрещение колонистам покупать товары, идущие из чужих стран, а также запрет колониям продавать свои продукты где-либо, кроме метрополии, — сохранились в полной силе. Главное богатство четырех больших колоний, оставленных Франции договорами 1815 года, составлял сахар. Этот товар, легко поддающийся обложению, был обложен высокими ввозными пошлинами. Кроме того, за метрополией, путем установления добавочной пошлины на импортный рафинад, было сохранено рафинирование. После заключения мира колонисты начали жаловаться, что им приходится выдерживать на отечественном рынке конкуренцию

с иностранным сахаром. Чтобы удовлетворить их, законом 28 апреля 1816 года были установлены весьма высокие дополнительные пошлины на сахар иностранных колоний. Благодаря этому закону на снабжение метрополии в течение некоторого времени шел лишь французский колониальный сахар, но вскоре производителям колониального сахара пришлось считаться с конкуренцией сахара свекловичного.

Несмотря на политику крайнего протекционизма, было проведено несколько удачных мероприятий в интересах торговли. Закон 9 февраля 1832 года расширил льготы для транзита и склада товаров, закон 27 февраля того же года создал внутренние пакгаузы, и, наконец, законом 5 июля 1836 года было установлено право временного хранения.

С 1845 года начинает замечаться отрицательное отношение к действующей торговой политике. Пример Англии, которая только что решительно стала на путь свободной торговли, по мнению многих указывал, какие опасности таит упорное следование протекционной системе. Изолированные до сей поры французские сторонники свободной торговли объединились под руководством Бастиа́ для уничтожения твердыни протекционизма. В феврале 1846 года они учредили в Париже ассоциацию в защиту свободы торговли, и эта ассоциация основала особый печатный орган для отстаивания своих идей. Но все эти усилия увенчались успехом лишь пятнадцать лет спустя.

V. Финансы

Бюджетное законодательство. Правительство Реставрации, принимая снова власть после Ста дней, оказалось перед двойной задачей, выполнение которой представляло величайшие трудности: нужно было ликвидировать старый долг, перешедший по наследству от Империи, погасить долги, создавшиеся в результате двух последовательных неприятельских нашествий, и в то же время приноровить финансовое законодательство к парламентскому режиму, только что санкционированному хартией. Три человека посвятили себя выполнению этой неблагодарной задачи, и при своей твердой воле и сильном уме им удалось довести дело до благоприятного окончания. Это были барон Луи, Виллель и Руа, которые в эту критическую эпоху поочередно управляли министерством финансов.

При Наполеоне «финансы управлялись деспотически, но хорошо»: с отчетами по государственным доходам и расходам был знаком лишь сам император. Под давлением необходи-

мости новое правительство было вынуждено наметить совсем иную линию поведения. Хартия ограничилась заявлением, что налоги будут устанавливаться с согласия народных представителей, — при этом не упоминалось ни о бюджете, ни об отчетах. Вынужденный обратиться к кредиту, барон Луи понял, что единственный способ достичь успеха состоит в том, чтобы дать государственным кредиторам возможность непрерывно контролировать положение должника. Принимая на себя руководство министерством финансов, он заявил, что отныне бюджет будет «сущей правдой: бюджетная роспись не скроет ни одного налога и охватит все государственные расходы». Можно ли придумать лучшее доказательство искренности, чем предоставление парламенту права совершенно свободно обсуждать бюджет? Поэтому, не пытаясь прятаться за лаконические выражения хартии, министр сам указал депутатам, каковы должны быть отныне их обязанности. «Ваша первая обязанность, — сказал он им, — состоит в установлении статей бюджета и фиксировании его суммы. Затем вашему вниманию подлежит выбор наиболее подходящих средств». Это значило признать всемогущество палат в финансовых вопросах. Отсюда для министров естественно вытекала обязанность строго придерживаться бюджета, вотированного парламентом, и соблюдать при всех расходах установленные им границы. Вывод этот, однако, был сделан лишь после довольно оживленных прений. Тем не менее уже закон 21 марта 1817 года ввел принцип специализированного бюджета — по министерствам. Но министры пользовались еще довольно значительной свободой действий. Поэтому, с целью привести к молчанию критику, которую вызывало недостаточно строгое применение окончательно принятого принципа, Виллель ордонансом 1827 года уточнил специализацию бюджета, расчленив ее по числу отделов, образованных в недрах каждого министерства. Спустя несколько лет закон 29 января 1831 года окончательно разрешил вопрос, выдвинув принцип специализации по статьям.

Закон 5 мая 1818 года создал правила отчетности — необходимое дополнение к закону о бюджете, реализацию которого эти правила санкционируют. Ордонанс 14 сентября 1822 года уточнил бюджет, определив сроки окончания бюджетного года. Это мероприятие было дополнено законом 29 января 1831 года, который установил пятилетнюю давность в отношении государственных долгов. [1]

[1] Если государство должно кому-либо ту или иную сумму и эта задолженность длится пять лет или более, то этот долг аннулируется и для его истре-

Наконец бюджеты приблизились мало-помалу к той «правдивости», которую обещал барон Луи в 1814 году, как благодаря постепенному включению в них множества мелких сборов и оперативных фондов, которыми располагали управления государственных монополий и финансовые органы, так и благодаря, главным образом, подотчетности издержек при взимании налогов.

Государственный долг. Долги, которые Империя завещала Реставрации (первой) в апреле 1814 года, были не слишком тяжелы. Но положение значительно ухудшилось после Ста дней. К долгу, существовавшему еще до 1814 года, присоединились расходы на борьбу с новым неприятельским нашествием, военная контрибуция в 700 миллионов, наложенная союзными державами, и, наконец, издержки по оккупации французской территории иностранными войсками, — оккупации, срок которой первоначально был определен в пять лет, но которая, к счастью, закончилась через три года. Общая сумма чрезвычайных расходов, которые пришлось взять на себя правительству в 1815 году, может быть исчислена приблизительно в 3 миллиарда. Раздавалось много голосов, предлагавших аннулировать долги, завещанные ненавистной Империей. Но благодаря энергии барона Луи, заявившего, что честь обязывает Францию уплатить долги, сделанные от ее имени, позор банкротства миновал Реставрацию.

Это мужественное решение, принятое перед пустой казной и перед лицом населения, разоренного двадцатью пятью годами непрерывных войн, было действительно достойно похвалы. Но выполнить подобное обещание было очень трудно. Налоговое обложение при создавшихся обстоятельствах представляло собою лишь весьма слабый ресурс. Единственным средством было обращение к кредиту, и это в тот момент, когда пятипроцентная рента упала до 52 франков.

Чтобы дать государственным кредиторам некоторую гарантию и таким образом успокоить капиталистов, к которым предстояло обратиться, закон 28 апреля 1816 года реорганизовал амортизационную кассу. Функции ее были ограничены исключительно погашением государственного долга, и она получила дотацию, определенную сначала в 20 миллионов, а затем в 1817 году увеличенную до 40 миллионов и гарантированную доходами с почт, с лотерей, гербовым сбором и ценностью государственных лесов. Эта касса, устройство которой было

бования необходим особый вотум парламента при обсуждении очередного государственного бюджета. — *Прим. ред.*

несколько изменено законом 10 июля 1833 года, с момента своего основания и до конца Июльской монархии уменьшила государственную задолженность на сумму свыше 80 миллионов франков ренты.

Благодаря успокоению, внесенному честностью правительства в финансовых делах, последнее немедленно получило нужные ему кредиты. Чтобы выполнить обязательства по ликвидации старого долга, по уплате контрибуций и других военных издержек, правительство Реставрации должно было выпустить ренты более чем на 129 миллионов. Если к этому прибавить займы, произведенные для ведения войны с Испанией и в связи с греческими и ближневосточными делами, а также ренту, выпущенную на основании закона 25 апреля 1825 года для вознаграждения эмигрантов за потерю недвижимых имуществ, проданных во время революции, — приходится констатировать, что общая сумма рент, выпущенных с 1815 по 1830 год, превышает 190 миллионов. Несмотря на эти постоянные обращения к кредиту в размерах, до той поры еще небывалых, курс государственных фондов не переставал улучшаться. В 1818 году пятипроцентная рента достигла курса в 80 франков, и правительство воспользовалось этим, чтобы выпустить в первый раз заем по всенародной подписке. В 1829 году пятипроцентная рента котировалась в 110,65 франка, а трехпроцентная, выпущенная в 1825 году,— в 86,1 франка.

Правительство Реставрации оставило своему преемнику (Луи-Филиппу) финансы в блестящем состоянии. Однако Июльской монархии все-таки пришлось прибегнуть к займам, и она выпустила ренты разных наименований почти на 42 миллиона. Эти эмиссии, независимо от политических причин, как, например, завоевание Алжира, поход в Бельгию и т. д., обусловливались главным образом применением закона 1833 года о начальном образовании и, особенно, бурным развертыванием общественных работ.

Когда разразилась Июльская революция, государственный кредит был значительно прочнее, чем в первые годы Реставрации. В то время как первый заем, заключенный в 1816 году, тотчас после военного поражения, был размещен приблизительно из 9 процентов, правительство в 1844 году могло уже делать займы из 3,5 процента.

Это непрерывное упрочение государственного кредита естественно должно было внушить правительству мысль об облегчении налогового бремени путем конверсии убыточных займов, заключенных под давлением суровой необходимости.

В 1825 году Виллель заставил палаты принять проект факультативной конверсии пятипроцентной ренты в четырех-с-половиной- и трех-с-половиной-процентную ренту. Эта попытка, несколько преждевременная и недостаточно хорошо продуманная, дала весьма посредственные результаты. Под впечатлением этой неудачи правительство Реставрации, а за ним и Июльская монархия стали с большой опаской относиться к подобного рода операциям. Правительство робело пред неудовольствием представителей частных интересов, которым подобная мера, необходимая в интересах общественных, должна была неизбежно нанести ущерб, и потому многочисленные проекты конверсий, представленные в палаты за время с 1835 по 1848 год, не получили осуществления.

Налоги. Хотя Реставрация нашла обильный источник средств в государственном кредите, ей все же пришлось в конечном итоге искать в налогах необходимые ресурсы для покрытия текущих расходов и для уплаты процентов по заключенным ею займам.

При своем возвращении во Францию в 1814 году граф д'Артуа неосторожно обещал отмену *объединенных налогов*, столь ненавистных народным массам. Барон Луи воспротивился исполнению этого обещания, которое причинило бы казне значительный ущерб, и принципиально поставил вопрос о сохранении всех существующих налогов. В 1815 году, после Ста дней, речь шла уже не только о сохранении того, что существовало: надо было повысить тарифы и, сверх того, как полагал министр, решительно обратиться к новым налогам. Но в этом последнем пункте палаты его не поддержали: система объединенных налогов во время Ста дней была дезорганизована. Закон 28 апреля 1816 года восстановил ее под названием *системы косвенных налогов*. Все остальные налоги были сохранены, дополнительные сантимы были прибавлены к прямым налогам, а ставки косвенных налогов увеличены.

После 1821 года состояние финансов позволило понизить обложение земельной собственности. Работы по оценке территориальных доходов, предусмотренные законом 1818 года, выявили чрезвычайное неравенство между различными департаментами, отражавшееся на распределении поземельного налога. Приблизительное равенство было установлено путем снижения налога в тех департаментах, которые считались переобремененными. Таким образом, поземельный налог был сведен приблизительно к 155 миллионам. Кадастр, работы по которому продолжались еще в эпоху Реставрации, был закончен только в 1845 году, но его многочисленные и неиз-

бежные недостатки были давно известны, и закон 31 июля 1821 года ограничил перераспределение налогов по кадастру лишь пределами общин.

Июльская монархия не внесла серьезных изменений в фискальное законодательство. После неудачной попытки в 1830 году превратить личный налог в долевой, закон 21 апреля 1831 года опять объединил его с налогом на движимость, от которого он был недавно отделен, и сохранил для этих двух налогов существующий способ раскладки. В 1844 году налог на патенты подвергся значительным изменениям в результате закона 25 апреля, придавшего патентному сбору ту форму, в которой он существует и по сие время. Закон 18 июля 1837 года впервые обложил акцизом свекловичный сахар, который всего через несколько лет должен был сделаться одной из весьма значительных доходных статей бюджета.

Вследствие роста благосостояния и развития общественного потребления поступление косвенных налогов все время улучшалось, особенно после 1835 года. В то время как в начале Реставрации прямые и косвенные налоги почти в одинаковой мере служили потребностям бюджета, к концу Июльской монархии косвенные налоги дают сумму, почти вдвое превышавшую прямые налоги. Поступления по бюджету 1847 года, превысившему 1 300 миллионов, составили по прямым налогам всего 417 миллионов, тогда как по косвенным налогам достигли суммы свыше 800 миллионов.[1]

---

[1] Крупная буржуазия всегда и всюду была заинтересована непосредственно в том, чтобы центр тяжести доходного бюджета переместился с прямых налогов на косвенные, совершенно одинаково взимаемые со всего населения и поэтому наименее обременительные для богатых людей. Во Франции при Июльской монархии ей это и удалось вполне, — и автор напрасно видит в установлении подобной системы обложения доказательство «роста благосостояния». — *Прим. ред.*

ГЛАВА XIII

ФРАНЦУЗСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

1815—1847

История литературы от 1815 до 1847 года может быть с полным основанием разделена на два периода: от 1815 до 1830 года и от 1830 до 1847 года. В первом периоде романтизм зарождается, развивается и завоевывает симпатии публики; во втором — он сохраняет свое влияние и, повидимому, пользуется даже бесспорным господством, но начинает уже изменяться, осложняться примесью посторонних элементов и обнаруживать симптомы упадка. Помимо романтического движения нам придется при обзоре этой эпохи считаться также с известным числом писателей, никогда не подвергавшихся его влиянию и продолжавших традицию французской литературы с теми изменениями, которые естественно обусловливались распространением знаний, развитием наук и возникновением новых взглядов.

I. От 1815 до 1830 года

Романтизм. Романтизм характеризуется преобладанием в литературных произведениях чувства и воображения над рассудком и наблюдением. Понятно, что романтизм не составлял совершенно нового явления и возник впервые во Франции не около 1815 года. Романтические или аналогичные романтизму направления замечались во Франции неоднократно и до XIX столетия. Романтики 20-х годов не ошибались в своих симпатиях к средневековью, так как литература средних веков, а в особенности поэтическая средневековая литература, отличается отсутствием наблюдения и рассудочного элемента и является главным образом литературой чувства и воображения, но лишенной изящной формы.

В своем увлечении Ронсаром и его школой романтики ошибались, так как литературные произведения Плеяды. не бли-

ставшие особенной наблюдательностью или рассудочностью, только в самых редких случаях могут похвалиться глубоким чувством или свободным и оригинальным воображением; в общем, это литература очень умного подражания, и в этом смысле она уже содержит в себе если не всю французскую классическую литературу, то весьма важный элемент и основной жанр этой литературы.

В своем увлечении литературой времен царствования Людовика XIII романтики не ошибались, так как эта литература открывает простор воображению, часто блестящему, иногда причудливому, и чувствительности, слабой, но милой и грациозной, которую отнюдь не старается прикрывать рассудочностью, ей почти неизвестной, и наблюдением над действительностью, о которой она мало заботилась.

В своем отвращении к школе 1660 года и в своей ненависти к XVIII столетию романтики были правы, потому что школа 1660 года одновременно отличалась резко рационалистическим и реалистическим характером, а XVIII век, хотя и не столь реалистический, довел до крайности резонерство (по крайней мере, перед выступлением Руссо), стараясь все доказать, разъяснить, обосновать, принося в жертву этому стремлению почти всякое чувство и страшась воображения, как сумасшествия.

Против этой-то душевной сухости пылко и с крайним увлечением выступили около 1800 года некоторые большие умы, около 1815 года — многие блестящие умы и около 1830 года — целая толпа посредственностей. Все они были, впрочем, правы, ибо за пределами политики и философии литература в собственном смысле слова обнаруживала в начале XIX столетия явные признаки оскудения.

С одной стороны, французская литература всецело предалась подражанию, и вслед за классиками XVII века, подражавшими древним писателям, и за классиками XVIII века, копировавшими классиков 1660 года, она подражала классикам XVIII столетия, удлиняя таким образом до невероятных пределов цепь подражаний. С другой стороны, она погрузилась в разработку мелких жанров и их подразделений — описательного, эпистолярного, эпиграмматического, анекдотического и всяких иных жанров, требующих посредственного воображения и минимальной чуткости.

Как мы видели,[1] возрождение французской литературы связано с именем г-жи де Сталь и осуществлено Шатобрианом.

[1] См. т. I, гл. IX.

Шатобриан родился 4 сентября 1768 года в Сен-Мало. Он прошел через революцию среди жестоких перипетий напряженной деятельности, нужды, надежды и отчаяния, воевал в армии Конде,[1] объехал Америку, прозябал в Англии и все время работал. В 1800 году Шатобриан вернулся во Францию и привез с собой из изгнания *Опыт о революциях* — блестящий хаос то глубоких, то ребяческих мыслей и противоречивых замечаний. Но при сочинении или переработке этого труда мировоззрение его созрело; к 1800 году оно сложилось окончательно. Бороться с философией XVIII века и вытекавшими из нее литературными концепциями; восстановить христианскую религию ради той художественной красоты, которая ей присуща и которую она порождает; не насилуя своего сердца и свободно раскрывая его другим людям, черпать в нем глубокие и искренние вдохновения; отдаваться свободному полету фантазии, не заботясь ни о правилах, ни о подражании; чтобы доставлять пищу своему воображению, смотреть открытыми глазами на мир и природные красоты, изучать историю и проникаться специфической красотой отдельных эпох, различных рас и цивилизаций, — такова была программа Шатобриана, и он почти целиком выполнил ее.

Шатобриан начал с поэтических романов, составлявших лишь отдельные отрывки задуманного им большого произведения. *Атала* и *Ренэ* имеют самостоятельную ценность; они проникнуты пафосом, отличаются великолепной и как бы беспредельной широтой и богатым, блестящим и гармоническим стилем, о котором Руссо дал лишь предварительное понятие. Морелле со своими предрассудками, свойственными ученику философов XVIII века, не ошибался, — эти повести Шатобриана обличали человека, стремившегося доказать, как прекрасна христианская религия и как богата художественными красотами глубокая меланхолия раненого и неумиротворенного сердца. Затем Шатобриан выпустил свою большую книгу, являющуюся религиозным, литературным и художественным манифестом и содержащую чудесную вереницу красноречиво изложенных размышлений.

«Гений христианства». В этом произведении Шатобриан показывал, какое влияние имело христианство не только на умы и нравственность, но и на чувствования людей и на эстетические проявления. Он показывал, что сама классическая литература проникнута христианским духом, что этому духу была она обязана своими неувядающими красотами, и вина

[1] Армия контрреволюционных эмигрантов. — *Прим. ред.*

классической литературы лишь в том, что она не желала ему открыто подчиниться; что здесь имел место, правда, лишь кажущийся, но тем более досадный разрыв в одном и том же человеке между художником и верующим. Этот разлад, полагал Шатобриан, надо прекратить — христианину писать по-христиански, французу писать «по-французски» и, следовательно, отказаться от подражаний и от привычки скрывать от читателя свои сердечные чувства. Следует основать, таким образом, литературу личную, искреннюю, оригинальную — именно потому, что она будет личной и искренней, могущественную — потому, что она будет искренней и оригинальной, — литературу в конечном итоге классическую, но без странного притворства, которое было лицемерием и, следовательно, слабостью. Шатобриан сразу давал рецепт, теоретическое обоснование, ободряющий пример и образец; он выступал как философ, критик, рассказчик, эстетик и эпический поэт в одном и том же произведении, немного загроможденном, слишком растянутом, слишком гостеприимно раскрывавшем свои страницы для длинных рассуждений и слабых доводов, несколько к тому же беспорядочном, но богатом мыслями и совершенно неистощимом по части отдельных замечаний.

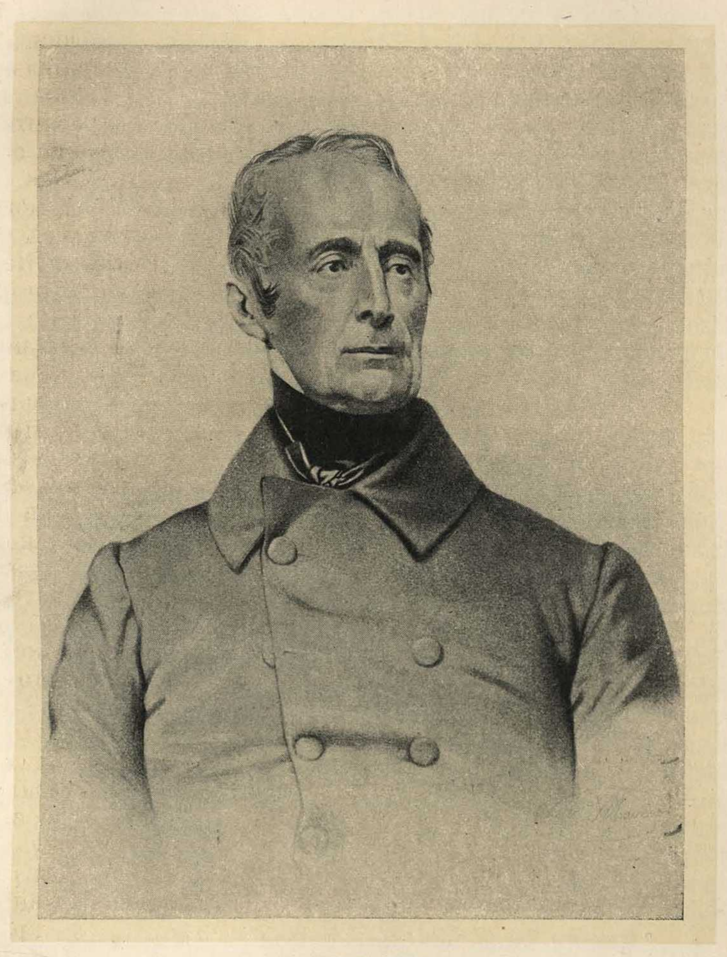
Теперь Шатобриану оставалось дать большой и эффектный образчик нового искусства. Это он и попытался сделать в своих *Мучениках (Les Martyrs)*, христианской эпопее в прозе. Он дал в ней ряд блестящих картин из жизни древнего язычества, древнего христианства, мира образованного и мира варварского, Греции и Рима; он изобразил в ней чувства искренне верующего языческого жреца, нового христианина, греческого философа и кельтской жрицы из мира друидов. Все это дано на великолепном фоне германских и галльских лесов, Греческого и Неаполитанского морей, Аркадии и Колизея. Никогда еще ни один писатель не говорил более роскошным языком и не владел им с большим благородством, силой, легкостью и изяществом. Сначала совершенно сбитое с толку общественное мнение затем спохватилось, пришло в восторг и зачислило *Мучеников* или, по крайней мере, первую половину этого произведения, в ряды шедевров французской фантазии и французского слога.

Остальные сочинения Шатобриана, не будучи столь выдающимися литературными памятниками, как *Мученики*, тем не менее отличаются весьма крупными художественными достоинствами. В *Начезах (Les Natchez)* — произведении несколько монотонном, но содержащем замечательные и прелестные эпи-

зоды, описывается дикая природа Америки; в *Дневнике путешествия из Парижа в Иерусалим (L'Itinéraire de Paris à Jérusalem)* дан Восток, а в *Замогильных воспоминаниях (Mémoires d'outre-tombe)* — весьма неровном произведении, где беспорядочно смешаны все положительные и отрицательные стороны ума и сердца Шатобриана, — изображаются сам автор и его эпоха. Этот великий человек, которого политическую жизнь и внушенные ею сочинения мы совершенно оставляем здесь в стороне, создал французский романтизм. Он сделал даже больше, и, помимо романтизма, немного можно насчитать крупных проявлений французского духа в XIX столетии, которые так или иначе не были бы связаны с Шатобрианом и не напоминали одной из многообразных сторон этого обширного, сложного и властного гения.

Ламартин. Шатобриан был великим поэтом в прозе. Ламартин дал Франции Шатобриана-стихотворца, т. е. истинного поэта, которого страна дожидалась в течение целого столетия. Он был не столь велик, как Шатобриан, но престиж стихотворной формы так силен, что Ламартин добился более бесспорного успеха. Сначала в своих *Размышлениях (Méditations)* и *Новых размышлениях (Nouvelles méditations)* он выступил в качестве элегического поэта, но самого нежного, самого чистого и самого возвышенного из элегических поэтов всех времен. Проникнутый нежным и религиозным настроением, он сочинял любовные стихи, меланхолические и пылкие, ласкающие и целомудренные, написанные с таким тактом и искренностью чувства, что можно было подумать, будто до него поэты не воспевали любви.

Достигнув более зрелого возраста, Ламартин начал выражать чувство любви к природе и богу в гимнах, отличавшихся таким богатством, полнотой и, следовало бы сказать, силой оркестровки, на которые его нельзя было бы считать способным и которые обнаружили новую блестящую сторону его прекрасного гения *(Поэтические гармонии — Harmonies poétiques)*. Впоследствии в поэмах совершенно нового жанра, частью эпических, частью лирических, из которых по крайней мере одна — *Жоселен (Jocelyn)* — представляет почти безукоризненный шедевр, а другая, тяжелая и скучная, — *Падение ангела (La chute d'un ange)* — содержит все же лучшие стихи Ламартина, он пытался широкими штрихами обрисовать различные эпохи в развитии человечества (в первой — современную, а во второй — доисторическую) и набросать в то же время эскиз своей философии, целиком сотканной из чувства, но проникнутой самым решительным, самым не-

А. ЛАМАРТИН

победимым и самым естественным идеализмом, какой только можно себе представить.

Оставаясь поэтом до конца своей жизни *(Сосредоточенность — Recueillements)* и даже в глубокой старости способный взять трогательный и прелестный тон мужественной меланхолии *(Дом и виноградник — La Vigne et la Maison)*, Ламартин во вторую половину своей жизни был прежде всего большим политическим оратором и историком, не слишком достоверным, но обладающим даром необыкновенно увлекательного изложения и восхитительного ораторского стиля, особенно проявившимся в *Истории жирондистов (L'Histoire des Girondins)*. Ламартин не создал школы, хотя и вызвал множество подражаний. Это доказывает, что писателю можно подражать, но нельзя усвоить «переливы и звук его голоса» настолько, чтобы вызвать хотя бы частичную иллюзию индивидуальности, а ни один писатель не отличался более резко выраженной индивидуальностью, чем Ламартин.

Ламартин оставил неизгладимый след в памяти людей, во-первых, потому что был талантлив, а во-вторых, потому что определенная индивидуальность позволяет человеку стать всеобъемлющим, а для того чтобы быть всеобъемлющим, необходимо обладать такой богатой натурой, в которой все люди могли бы узнавать отражение своей собственной природы, доведенной до высокой степени совершенства. Таким образом, Ламартин осуществил идеал, начертанный Шатобрианом: довольно мало знающий, отнюдь не подражатель, не признающий иных правил, кроме естественных ритмов своего прекрасно организованного ума, чрезвычайной чувствительности и плодовитого воображения, которое он никогда не пытался обуздывать, всегда искренний и оригинальный без малейших усилий, он был тем поэтом современности, о котором мечтал автор *Гения христианства (Génie du Christianisme)*, отчасти осуществивший эту мечту на свой лад. Отсюда не следует, что Шатобриан любил Ламартина, но это ничего не меняет в действительном положении вещей; личные симпатии ничего общего не имеют с существом тех или иных учений.

Альфред де Виньи. Почти одновременно с Ламартином Альфред де Виньи обнаружил талант большого поэта и притом поэта современности. Отличаясь не столь счастливым характером и гением, как Ламартин, проникнутый меланхолией отчаяния, а не меланхолией блаженства, мизантроп и пессимист, озлобленный и холодный в одно и то же время, Виньи получил от природы, на которую он так сильно роптал, самое блестящее поэтическое дарование. Он обладал более опреде-

ленной и глубокой философской мыслью, чем Ламартин, и искусством (лишь в самых редких случаях отдававшим искусственностью) выражать ее в осязательных, весьма ярких и новых образах, т. е. умел превращать философскую идею в поэтическую; а эта поэтическая идея отличалась такой живостью и яркостью, таким богатством содержания, что естественно становилась символом, «организованной идеей», имеющей свой центр, свои разветвления и представляющей гармоническую связь отдельных частей.

Выражать философские идеи в ясных поэтических символах — в этом преимущественно и заключался талант Виньи, как это обнаруживается в *Элоа (Eloa)*, в *Моисее (Moïse)*, в *Бутылке, брошенной в море (Bouteille à la mer)* и в *Домике пастуха (Maison du Berger)*. Вместе с тем, как это видно на примере таких произведений, как *Фрегат Ла Серъез (Frégate La Sérieuse)*, *Самсон (Samson)* и некоторых других, Виньи обладал колоритностью, рельефностью и силой рисунка, которые сами по себе уже ставили его выше обыкновенных так называемых талантливых поэтов. Не будучи столь же сильным в области прозы, он оставил исторический роман *Сен-Мар*, некоторые части которого в самом деле превосходны, и в особенности сборник новелл, озаглавленный *Рабство и величие солдата (Servitude et grandeur militaires)*, написанных с таким чувством, а порою с такой трагической величавостью, что эти рассказы, насквозь проникнутые жалостью к страдающему человечеству, врезаются в память читателя, почти как личные переживания.

Удивительная судьба постигла де Виньи. Почитаемый, но причисленный ко второму рангу или, во всяком случае, оказавшийся во мнении современников несколько ниже первого — или потому, что философская основа, имевшаяся у него и отсутствовавшая у других, сбивала с толку и скорее отталкивала, чем привлекала читателя, или потому, что пессимистическая философия отнюдь не соответствовала настроениям эпохи, — он неожиданно сделался любимым писателем последующих поколений, которые, с одной стороны, считают себя более философски образованными и хотят, чтобы у поэта тоже была своя философия, и которые, с другой стороны, по многим причинам склоняются к более или менее пессимистической концепции вселенной. Как бы там ни было, де Виньи все же останется крупным поэтом, быть может, не очень плодовитым, но импонирующим несколько презрительным высокомерием своей мысли, могучей красотой воображения и совершенством формы бо́льшей части его произведений.

Виктор Гюго. Так как литературная деятельность Виктора Гюго продолжалась более 60 лет, то он принадлежит и к рассматриваемому периоду и к последующему. Здесь мы коснемся только той роли, которую Гюго играл до 1830 года.

Не отличаясь такой силою мысли, как Шатобриан, Ламартин и Виньи, Виктор Гюго на первых порах привлек внимание публики изяществом и красотой слога, что всегда, впрочем, оставалось его главным достоинством. Далеко превосходя всех своих соперников гибкостью, будучи настоящим виртуозом стиля, он мог по желанию говорить языком средневековым, или навевавшим мысль о Востоке, или дававшим понятие о Ренессансе, или переносившим читателя в первую половину XVII столетия. Гюго сочинял оды в духе Малерба, баллады, восточные стихотворения, эпические и лирические театральные пьесы.

Современники удивлялись этой разносторонности таланта Гюго; она свидетельствовала о способности художника следовать за веком, никогда резко не выставляя собственной индивидуальности и всегда выражая ходячую мысль общества, но на языке, свойственном ему одному. Ловкость и уменье шутя разрешать трудности, самому создавать и побеждать их как бы для развлечения, понимание красок, глубокое и почти насильственное проникновение в природу материальных вещей, чувство ритма, настолько безошибочное, что в этом отношении его мог превзойти или сравняться с ним только Лафонтен, — таковы были поразительные дарования этого человека, которые он обнаружил с первых же шагов своей литературной деятельности и которые он сохранил навсегда. Эти качества почти до самого конца прикрывали банальность идей Гюго, условность его чувствований и почти полное отсутствие оригинальности ума. Изумляя своих первых читателей, Гюго в то же время очаровывал их то своими лирическими стихотворениями, то своими театральными пьесами, загроможденными, странными, причудливыми, красноречивыми и музыкальными, которые, в сущности, были операми, переряженными в трагедии; и люди задавали себе вопрос: уж не народился ли новый гений, равный Шекспиру, но еще едва научившийся лепетать, или это всего-навсего блестящий ритор, которому суждено бесследно исчезнуть, как только испарится пыл молодости и потухнет сверкающий фейерверк пламенного воображения?

Но романтики в собственном смысле слова признали в Гюго своего главу, так как они инстинктивно чувствовали, что этим главой должен быть виртуоз по преимуществу, что чудесная

программа, начертанная Шатобрианом, трудно выполнима по своей широте и что в данный момент необходима не истинная, великая и справедливая реакция против черствости литературы 1800 года, а реакция, бросающаяся в глаза, прельщающая широкую публику и способная противопоставить элегантной трезвенности 1810 года фантастическую форму и пышность выражений.

Театр. Наконец, трагедия окончательно преобразовалась. Мы тут видим и простое видоизменение старой трагедии, которое дал Казимир Делавинь, ограничившийся употреблением более яркого слога и введением лирического оттенка, в чем и выразилась уступка новым вкусам; мы видим и формально более глубокое изменение, сделанное Виктором Гюго, который распрощался с теорией трех единств, не доходя, впрочем, до свободы английского и испанского театра, и который любил смесь или контраст комического и трагического; мы видим и действительную революцию, произведенную Александром Дюма, который, вернувшись к исторической драме в прозе (до сих пор драма Лемерсье *Пинто* была почти единственным образцом в этом роде), решительно сдал в архив трагедию в стихах — корректную, холодную, несколько тягучую и немного пустую. Трагический театр становился более современным, более живым, более страстным, а также более вульгарным, приноровлялся к новой публике, более многочисленной, более простонародной, не знавшей правил, древних образцов и истории, — публике, которая умела чутьем разбираться в истинных и основных качествах драмы, но главным образом требовала, чтобы пьеса интересовала ее и волновала.

Сицилийская вечерня (1819) и *Пария* (1821) Казимира Делавиня; *Кромвель* Гюго и его же *Предисловие к Кромвелю,* этот манифест романтического театра (1827); *Марион Делорм* Гюго (1829); *Генрих III и его двор* (1829) Дюма — отвечали на эти запросы публики и соответствовали новым условиям драматического искусства, в то время как некоторые новые опыты акклиматизации Шекспира — *Отелло* де Виньи (1829) — способствовали эмансипационному движению и освящали блестящим примером все уклонения новаторов.

Комедия, как и следовало ожидать в эпоху столь повышенных литературных претензий, находилась в некотором упадке. Однако Казимир Делавинь, человек выдающийся, который несколько заблуждался, считая себя трагиком, но при своем остроумии и наблюдательности чувствовал себя гораздо свободнее в области комедии, последовательно дал для сцены

в 1820 году *Комедиантов*, в 1823 году — превосходную драматическую комедию *Школа старцев* и в 1829 году — пикантную и грациозную романтическую комедию *Принцесса Аврелия*, созданную отчасти под влиянием корнелевского *Дона Санчо*. В сравнении с комедиями Колэн д'Арлевиля или Пикара комические пьесы Делавиня представляют большой шаг вперед и, можно сказать, почти возрождение. Во всяком случае, появление их — очень важное событие, на которое далеко не всегда обращают должное внимание в истории французской комедии.

Вне рамок романтического движения период 1815—1830 годов выдвинул целый ряд замечательных произведений, которые в такой же, а, пожалуй, и в большей мере, чем сочинения романтиков, представляют характерные признаки французского духа, рассматриваемого в его специфической последовательности и в его естественном развитии. Даже в области поэзии, где первое место принадлежит названным выше писателям, не следует забывать человека, выдававшегося своим умом и искусством, способного при этом на сильное выражение чувства, мастера в своей ограниченной области, человека, который производит впечатление прекрасного поэта XVIII века, случайно попавшего в XIX столетие.

Жан де Беранже. Никто не был настолько человеком своего времени, способным в такой степени разделять все его политические страсти, склонности и предрассудки, и никто не стоял так далеко от своей эпохи с точки зрения литературных идей и модных вкусов, как Беранже. Прямой наследник сатирических и эпиграмматических поэтов предыдущего поколения, поклонник «славного Панара», шансонетного певца середины XVIII века, страстно привязанный к Парни, он начал с 1812 года сочинять сатирические песенки, проникнутые веселой язвительностью, остроумием и хитростью, полные намеков и недомолвок, блещущие тонкой и тщательной отделкой. Люди, не любившие этих песенок, говорили: «Быть может, их следовало бы послушать в пении»; но с большинством из этих шансонеток, и как раз с лучшими, дело обстоит как раз наоборот. Их отличительная черта заключается не в увлекательной горячности, а в лукавстве и в язвительной насмешке, наполовину скрытой, но тем не менее прямо бьющей в цель. Эти песенки хороши именно при вдумчивом и внимательном чтении, если читатель способен сознательно относиться к читаемому и сам обладает остроумием, но они проходят незаметно, вне поля зрения человека, привыкшего к лиризму и громким фразам; или же их следует медленно декламировать (а не петь) человеку, мастерски владеющему

дикцией и способному обратить внимание слушателей на изящные тонкости, на обдуманные намеки и на необыкновенно точные и удачные выражения. Таким именно образом необходимо читать или декламировать песни *Старый чердак (Le vieux grenier)*, *Добрый старик (Le bon vieillard)*, *Добрая старушка (La bonne vieille)*, *Король Ивето (Le Roi d'Yvetot)*, *Старый фрак (Le vieil habit)* и др., которые в своем роде представляют собою маленькие шедевры.

Здесь, по нашему мнению, выявляется настоящий Беранже — «добрый маленький поэт», как он сам себя называл, человек поразительного ума, недоступный пониманию глупцов. Для последних он сделал кое-что, а, пожалуй, даже слишком много, сказав однажды с напускным простодушием, принадлежавшим к числу его любимых грешков, что «в сборнике песен, если он хорош, кое-что непременно должно быть очень плохо». Беранже сочинял народные песенки, то игривые, то антирелигиозные, несколько простоватые и даже несколько грубоватые, написанные тяжеловато, но все-таки сверкающие блестками истинного остроумия, которое его никогда не покидало. С другой стороны, в некоторых патриотических стихотворениях он поднял песенку до уровня оды. В этой области Беранже, не будучи лирическим поэтом в собственном смысле слова, достиг большого успеха. *Дети Франции (Les Enfants de la France)*, *Пятое мая (Le Cinq Mai)*, а в особенности удивительные *Народные воспоминания (Souvenirs du Peuple)* лишены мощи, но отличаются глубоким чувством, удачными и меткими выражениями, неподдельным волнением и замечательно чистым, точным и искренним языком.

Беранже, который, вдобавок, как это видно из его переписки, был бескорыстным, мягкосердечным, добродушным и благородным человеком, оставался предметом обожания для двух поколений от 1815 приблизительно до 1850 года. Затем, как это часто бывает с людьми, слава которых основана главным образом на широкой популярности, Беранже впал в полную немилость у поколения, выступившего на сцену после его смерти. Между этими двумя крайностями должно быть найдено почетное место для умного человека, милого и искусного поэта, — и потомство несомненно отведет ему это место.

Но литературные группы, оставшиеся как до, так и после 1830 года в стороне от романтического движения, состоят главным образом из прозаиков. Эпоха Реставрации, характеризующаяся блестящим развитием всех отраслей французской литературы, выдвинула целый ряд историков, философов, ораторов и влиятельных журналистов.

История. Историческая наука вследствие целого ряда причин сделала значительный шаг вперед; это движение заметно и в методологии истории. Не надо, между прочим, забывать, какое серьезное влияние оказал на развитие исторической науки Шатобриан, воскресивший в своих сочинениях жизнь далеких эпох. В этом же направлении действовали свежие еще воспоминания о великих исторических потрясениях XVIII и начала XIX веков. Наконец, сильный толчок развитию исторической науки дан был сочинениями Вико и Гердера, поднявшими историю на высоту философии.

Трудолюбивый и проницательный Симон де Сисмонди, историк по природным качествам своего ума, привыкший во время своих юношеских скитаний по Франции, Швейцарии, Англии и Италии к сравнительному изучению различных народов и цивилизаций, в 1818—1840 годах написал обширную *Историю французов (Histoire des Français)* — первое сочинение, в котором историк занялся изучением не столько жизни монархов, сколько жизни самого народа и постарался установить последовательную связь умственных, нравственных, религиозных и хозяйственных явлений. Этот большой, ценный и прекрасный труд занял бы одно из первых мест среди произведений этого рода, если бы автор обладал большим литературным талантом.

Мы не станем упоминать здесь многих специальных сочинений Сисмонди по политической экономии, но *Опыт о литературах южной Европы*, особенно богатый сведениями относительно Италии и пригодный для справок даже в настоящее время, показывает, что Сисмонди был таким же хорошим историком литературы, как и политическим историком.

Огюстэн Тьерри был человек гениальный. Пристрастившись к истории после прочтения *Мучеников* Шатобриана, он выпустил в 1825 году знаменитую *Историю завоевания Англии норманнами*, которая хронологически является первым из шедевров исторической науки в том смысле, в каком история понимается в настоящее время, и *Письма об истории Франции (Lettres sur l'histoire de France)* или, как он озаглавил их в одном последующем издании, *Введение в историю Франции (Introduction à l'histoire de France)* работу, представляющую как бы красноречивую программу методов, которым должна следовать новая историческая наука. Впоследствии, лишившись зрения, но отнюдь не потеряв своего творческого пыла, он написал *Рассказы из времен Меровингов (Récits des temps mérovingiens)*, *Опыт по истории третьего сословия (Essai sur le Tiers État)* и целый ряд других произведений, которые свидетельствуют о широкой эрудиции

автора, полны глубоких мыслей и написаны блестящим слогом. Огюстэн Тьерри считается отцом новейшей истории, а также самым оригинальным, страстным и увлекательным из писателей, оказавших влияние на развитие исторических исследований во Франции.

Брат его, Амедей Тьерри, одновременно с Огюстэном выступивший на то же поприще, если и не достиг равной известности, то во всяком случае завоевал себе заслуженное почетное положение своей *Историей галлов вплоть до полного подчинения Галлии римскому владычеству (Histoire des Gaulois jusqu'à l'entière soumission des Gaules à la domination romaine)* и дальнейшим продолжением этого крупного труда под заглавием *История Галлии во время римского владычества (Histoire de la Gaule sous la domination romaine)*. Историческая наука многим ему обязана, а потомство охотно объединяет хотя и неодинаково славные имена обоих братьев.

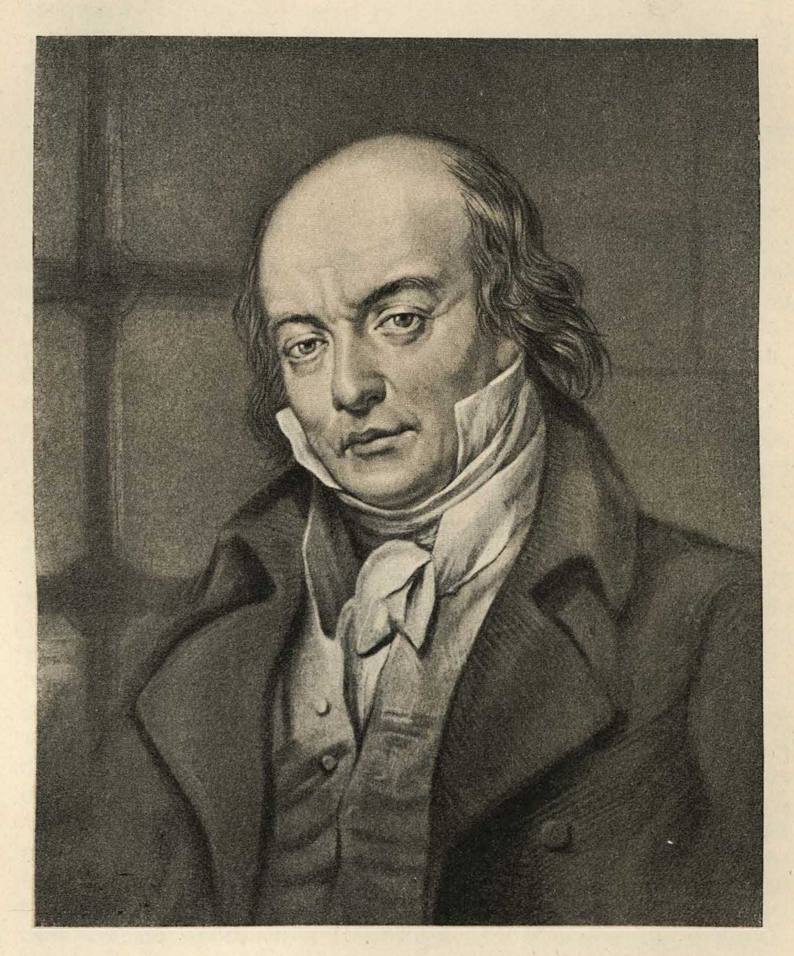
В течение рассматриваемого периода возникли вспомогательные исторические науки, расширившие и обогатившие область исторических исследований, как, например, *египтология*, *ассирология*, *синология*, изучение санскритской литературы, т. е. индусской цивилизации и т. п.

В 1795 году во Франции основана была Школа восточных языков. В продолжение 1798—1801 годов Франция оккупировала Египет, и величайшим результатом этого завоевания было основание Египетского института, ученого общества, задавшегося целью исследовать древнюю страну, которая сыграла такую большую роль в истории религии и искусства, и вырвать у нее ее тайны. Шампольон-Фижак и Шампольон младший одновременно принялись за изучение этой в то время совершенно еще темной области. Первый опубликовал в 1819 году *Летописи Лагидов (Annales des Lagides)* и гораздо позднее, в 1840 году, результаты всех своих работ по истории Египта в сочинении *Древний и новый Египет (L'Égypte ancienne et moderne)*; второй — младший из двух братьев — расшифровал знаменитую Росетскую надпись, найденную во время экспедиции 1798 года, и таким образом нашел ключ к чтению иероглифов. В 1821 году он издал *Мемуар о гиератических письменах (Mémoire sur l'écriture hiératique)*, а в 1824 году — свою *Иероглифическую систему (Système hiéroglyphique)*.

Отцом ассирологии был Сильвестр де Саси, [1] который в 1803 году начал изучать клинообразные письмена древней

---

[1] Автор этой статьи, большой специалист по истории французской литературы, Эмиль Фагэ, совершенно зря называет Сильвестра де Саси «отцом ассирологии». Не только Саси не был ее «отцом», но и вообще никак ей сродни не

П. БЕРАНЖЕ

С портрета Шеффера

Персии. Он же изучал средневековую Персию и перевел *Пенд-Наме (Pend-Nameh)* Ферида, в то время как Гарсен де Тасси переводил *Язык птиц (Langage des oiseaux)* того же Ферида.

Семитическая цивилизация исследовалась и разъяснялась Далером и Каэном, издавшими в 1825 и 1830 годах изящные и точные переводы древнееврейских текстов.

Изучение Индии начинается еще в XVIII веке. В 1770 году Анкетиль-Дюперрон выпустил в свет свое *Путешествие в Великую Индию (Voyage aux grandes Indes)*, в 1778 году — *Восточное законодательство (Législation orientale)* и в 1798 году — *Сношения Индии с Европой (L'Inde en rapports avec l'Europe)*. В 1790 году Полэн де Сен-Бартелеми напечатал санскритскую грамматику. Антуан де Шези, занявший после него кафедру санскритского языка в Коллеж де Франс, подарил науке таких блестящих учеников, как Ланглуа, Бопп, Лассен и Бюрнуф. Эжен Бюрнуф издал в 1826 году свой этюд о *пали*, одном из санскритских диалектов. Ланглуа обнародовал в 1827 году свои *Литературные памятники Индии (Monuments littéraires de l'Inde)* или *Очерки санскритской литературы (Mélanges de littérature sanscrite)* и в 1828 году — *Образцовые произведения индийского театра (Chefs-d'œuvre du théâtre indien)*. В очерке, посвященном периоду 1830—1848 годов, мы еще встретимся с продолжением этих превосходных трудов, которые с самого начала и вплоть до наших дней не переставали глубоко интересовать ученых и значительную часть французской публики.

Философы. Период 1815—1830 годов был преимущественно временем политических философов. Жозеф де Местр, который в молодости дебютировал *Размышлениями о Франции (Considérations sur la France)* (1796) и в 1810 году написал *Опыт о генетических принципах политических конституций и других учреждений человеческого общества (Essai sur les principes générateurs des constitutions politiques et des autres institutions humaines)*, только в 1820 году выпустил в свет свои *Петербургские вечера (Soirées de Saint-Pétersbourg)* или *Беседы о светской власти провидения (Entretiens sur le gouvernement temporel de la Providence)*. Появление этой книги наделало много шума и вызвало великий соблазн. В ней автор излагал радикальную теорию монархического деспотизма и поставленного

приходился: де Саси был знаменитым арабистом и иранистом, автором классических трудов по арабской грамматике, по персидским древностям. Пред самой смертью писал еще о религии друзов. Но никогда решительно он ассирологией не занимался. — *Прим. ред.*

над ним деспотизма теократического. Ученость автора, хотя и не свободная от пробелов, неумолимая и суровая логика, не отступавшая перед самыми крайними выводами, исключительно сильная способность к обобщениям и синтезу, резкая и подчас жестокая ирония, как будто нарочно оскорблявшая общепринятые понятия и их выразителей, выдающийся стилистический талант — доставили этой книге тот особый род *популярности*, который выражается во всеобщей *непопулярности*. Жозеф де Местр сделался предметом общей ненависти.

Этот успех, который де Местр предвидел, которого он желал и для достижения которого сделал все от него зависящее, привел его в восторг. Потомство, менее страстное, чем современники, ознакомившееся, кроме того, благодаря опубликованию переписки Жозефа де Местра, с глубокой и восхитительной добротой этого сатанинского духа, который состоял на службе у господа бога, и вдобавок считающееся прежде всего с силою таланта, отвело почетное место этому обаятельному и мощному теоретику, этому выдающемуся писателю и глубокомысленному политику-философу; можно, впрочем, пожалеть, что де Местр слишком увлекся ролью памфлетиста.[1]

Бональд, одновременно с Жозефом де Местром проповедывавший те же взгляды, не имел ни одной из черт памфлетиста. Логический мыслитель, подобно де Местру, но с логикой, более обращавшейся к абстрактным идеям, чем к фактам, — быть может, даже более к словам, чем к идеям, — отличавшийся умом схоластического пошиба, по существу в достаточной степени пустой, но обманывавший читателя симметрической четкостью своих построений и холодной красотой вылощенного слога, он внушал современникам чувство некоего благоговения, а потомкам — почтение, смешанное с боязнью взяться за его книги. Бональд оставил по себе лишь воспоминание как о сильном и тонком мыслителе, который полагал, что мысль имеет самодовлеющее значение и может, развиваясь в пустоте, притти к важным практическим вы-

---

[1] Ж. де Местр является одним из наиболее характерных представителей самой крайней политической реакции и неистового клерикального мракобесия, вызывавшего отвращение даже у многих консерваторов. Это был писатель, который видел для человечества единственное спасение в возвращении к средневековому укладу жизни и к полнейшему подчинению всех государей и правителей авторитету римского папы. Он с восторгом говорил о великой нравственной роли палача во всяком истинно христианском и благоустроенном обществе. С величайшим восхищением относился и к ордену иезуитов. — *Прим. ред.*

водам. «Резонирующий разум», о котором столько толковал Ипполит Тэн и который, по его словам, составлял отличительную черту людей XVIII века, по какой-то странной иронии судьбы не имеет более типичного и яркого представителя, чем этот ожесточенный враг философии XVIII века.

Балланш, также бывший политическим философом, принадлежит к той категории склонных к мистицизму умов, о скором пришествии которых возвестили «философ Сен-Мартен» и кроткий мечтатель д'Азаис. Глубоко потрясенный страшными революционными событиями, от которых столько пришлось выстрадать его родному Лиону, и проникнутый глубоким религиозным чувством, Балланш старался открыть провиденциальный смысл революционных переворотов в истории человечества и пришел к той мысли, что кризисы являются в одно и то же время искуплением и испытанием, что человечество таким путем идет к более совершенному состоянию, всегда покупаемому дорогой ценой, и что последовательный ряд и совокупность этих событий составляют человеческий «палингенезис» — palingénésie, новое сотворение человеческого рода. Поэтому следует относиться к этим потрясениям, как к провиденциальному закону, с благоговением и ужасом, отнюдь не позволяя себе проклинать их, но, напротив, черпая в них новое, сугубое упование.

Все эти грезы претерпевшего ряд превратностей и ударов оптимизма, всячески изворачивающегося ради самосохранения, были окутаны блестящими и обольстительными мистическими отступлениями и вдобавок затемнены аллегориями, символами и целой туманной мифологией, играя с которой запутывалось необузданное воображение автора. В качестве более или менее практического вывода Балланш советовал принять «плебеянизм» — эту конечную форму постепенно освобождающегося человечества, сохранить христианство, постаравшись примирить его с новыми идеями, и таким образом довести до конца, быть может, без новых искуплений и испытаний, палингенезис человечества. Учитывая этот конечный итог его мысли, Балланша можно и должно считать хронологически первым из тех «либеральных католиков», которые в продолжение почти двадцати лет, от 1830 до 1848 года, пытались осуществить задачу примирения традиционного христианства с новейшими идеями. Впрочем, нас Балланш интересует только своим действительно редким и не лишенным прелести талантом поэта-ясновидца.

В то же время университетская философия привлекала к себе внимание общества красноречием, властными и вместе

обаятельными замашками, подлинной ученостью и новизной если не идей, то, по крайней мере, тенденций Виктора Кузена. Ларомигьер был последним из учеников Кондильяка, преподававшим доктрину учителя с университетской кафедры. После него в течение короткого времени в Сорбонне читал лекции Ройе-Коллар, не имевший определенной системы, но по инстинкту, а также отчасти под влиянием шотландской философии склонявший умы к восприятию спиритуалистических доктрин.

Но истинным восстановителем этих идей был Кузен. Он извлек из мрака забвения Мэна де Бирана, известного лишь немногим знатокам. Он заговорил о Декарте, от которого публика отвыкла и которого она перестала понимать. Съездив в Германию, он побеседовал с Гегелем, которого, быть может, понял и из учения которого, во всяком случае, позаимствовал нечто для своих лекций. Кузен почитывал и Платона. Изучая (чего уже давно не делали) историю философии, он из всех этих элементов составил не систему, а смесь возвышенных мыслей, бессвязность которых скрадывалась красноречием. Эта смесь, которой Кузен дал имя «эклектизма», в общем, направлена была на борьбу с материализмом и старалась внедрять в умы «культ долга, бескорыстия и самопожертвования». Кузен более или менее откровенно ставил себе цель — заменить религиозные учения ясной, практической и возвышенной философией, а духовенство — университетом. Отсюда явились — когда при Луи-Филиппе он сделался чем-то вроде великого магистра философского преподавания — свойственные ему замашки умственного деспота и первосвященника среди профессоров философии и в то же время крайняя робость перед лицом новых открытий и исследований. Ибо для того, чтобы университетская философия могла сделаться своего рода религией, она должна была получить характер законченной системы, ученикам подобало ограничиваться повторением слов учителя, а сам учитель обязан был пребывать в совершенной неподвижности. От этой весьма интересной попытки, которая надолго придала университету, даже не считая профессоров философии «кузеновского толка», специфический, с тех пор исчезнувший дух, сохранились только книги Кузена, порою действительно прекрасные, как, например, *Об истине, добре и красоте* (курс лекций, читанных в 1818 и напечатанных в 1854 году), и сочинения его ученика Жуффруа (*Философская смесь*, *Курс естественного права*). Впоследствии Виктор Кузен, наполовину отказавшись от роли властителя и бойца, ушел в область ли-

тературы и истории и напечатал целый ряд этюдов из истории общества XVII века (*Г-жа де Лонгвилъ*, *Г-жа де Сабле*, *Г-жа де Шеврез* и т. д.). В общем, он дал сильный и благодетельный толчок философским занятиям и оставил о себе память как о большом ученом, великом ораторе и блестящем писателе.

Ораторы. Ораторы парламентской трибуны не уступали в эту эпоху ораторам Сорбонны. Генерал Фуа, Бенжамен Констан, Манюэль, Камилл Жордан, министры Деказ и Мартиньяк доставляли Франции зрелище ораторских турниров, столь же блестящих и страстных, как и во времена революции. Среди них выделялся могучей чистотой и импозантностью речи, учительским тоном оракула, а также едкой и презрительной язвительностью знаменитый Ройе-Коллар, убежденный легитимист и упрямый либерал, формулировавший в точных и красноречивых тезисах «философию хартии» и таким образом как бы вырабатывавший ясную, живую, остроумную и общеобязательную грамматику конституционной политики.

Этот человек обладал столь прочно выработанной доктриной, что за ним и руководимой им группой сохранилось прозвище *доктринеров*; он импонировал и убеждал своей логикой, прозрачностью мысли, а также властностью своего характера, своего тона, всей своей личности. Он остался одним из величайших представителей французской трибуны и так называемой политической философии. Когда пришлось выбирать между легитимизмом и политической свободой, как он ее понимал, то он сумел сделать решительный шаг, а именно: в качестве председателя палаты депутатов 1830 года подал королю адрес 221, послуживший объявлением войны. Этот адрес выражал его мысль и в то же время был для него самого ударом в сердце. После революции 1830 года Ройе-Коллар редко выступал публично: его роль была сыграна. Он скончался в 1845 году.

Журналисты. Рассматриваемый период был также эпохой расцвета прессы, которая в то время была обязана обладать литературными достоинствами. *Журналъ де Деба* под редакцией братьев Бертэн, *Конституционалист* с Ланжюинэ, Кошуа-Лемэром и Тьером, *Глоб* с Жуффруа, Ампером, Дамироном и Дюшателем были не столько листками новостей, сколько альманахами политической философии.

Среди всех этих талантливых журналистов выдавался Поль-Луи Курье, наделенный особым даром иронии, которая напоминала Свифта; в 1815—1825 годах он достиг громкой славы на родине и почти европейской известности.

По рождению он принадлежал к высшей буржуазии, стоявшей на грани дворянства, ибо его отец подписывался Курье де Мере, и молодой человек готовился стать офицером в ту эпоху, когда нужно было представить более или менее достоверные свидетельства о дворянском происхождении, чтобы рассчитывать на производство. В 1791 году он поступил учеником в Артиллерийскую школу в Шалоне и был выпущен оттуда лейтенантом инженерных войск в 1793 году. При Республике и Империи это был офицер, порою дерзкий и отважный, часто довольно неисправный, мало любивший свое ремесло, в общем, предпочитавший ему чтение греческих авторов, ставший понемногу очень недурным эллинистом и окончательно вышедший в отставку в 1809 году. Между 1809 и 1815 годами он со страстью предавался изучению греческого языка, восхитительно перевел *Дафниса и Хлою* Лонгуса и мирно продвигался к Французской Академии или к Академии надписей, или к ним обеим зараз, когда реставрация Бурбонов сообщила новое течение его мыслям. Находясь в своих виноградниках в Верезе, в Турени, он выпустил ряд политических памфлетов, несколько искусственных по общему построению, но блещущих остроумием, иронией, тонко рассчитанной дерзостью и искусной язвительностью и написанных языком классическим, точным, твердым, мощным и ослепительным. Эти маленькие книжечки назывались: *Петиция к обеим палатам*, *Процесс Пьера Клавье*, *Простая речь о приобретении... Шамборского замка*, *Петиция сельчан, которым запрещают плясать*, *Процесс Поля-Луи Курье*, *Памфлет о памфлетах.* [1] Наконец, еще один, очень известный памфлет, относился скорее к области литературы: это — *Письмо к членам Академии надписей*, которые не допустили Курье в свою среду. Они, конечно, были неправы; все же не ему следовало бы в этом их упрекать.

Эти брошюры, делающие честь французскому прозаическому языку, наделали не меньше шума, возбудили и удовлетворили не меньше страстей, чем песни Беранже. До сих пор они с увлечением читаются всеми любителями французского остроумия и изящного слога. Поль-Луи Курье не имел удовольствия дожить до Июльской революции. По слухам, он был умерщвлен своими политическими врагами, но гораздо

---

[1] «Le Pamphlet des pamphlets» у нас обыкновенно переводится *Памфлет памфлетов*, что не имеет никакого смысла. В этом произведении П.-Л. Курье именно говорит о памфлетах как о литературно-политической форме борьбы. — *Прим. ред.*

вероятнее (как это выяснилось впоследствии), что он пал жертвой семейной драмы[1] 10 апреля 1825 года.

II. *От 1830 до 1847 года*

Говоря о литературе этого периода, нам придется сперва рассмотреть романтическое движение в последней стадии его развития, а затем коснуться произведений писателей, оставшихся в стороне от этого движения.

Романтизм. Второй фазис литературной деятельности Виктора Гюго. Начиная с 1830 года, Виктор Гюго, с одной стороны, продолжал писать драматические произведения, а с другой — искал новых путей. Из его драм укажем *Король забавляется*, в прозе (1832), *Лукреция Борджиа*, в прозе (1833), *Мария Тюдор*, в прозе (1833), *Анжело*, в прозе (1835), *Рюи Блаз*, в стихах (1838), и *Бургграфы*, в стихах (1843). В области поэзии в собственном смысле этого слова он склонялся к элегии, к выражению своих интимных чувств, радостей и горестей, — словом, к совершенно новому для него роду поэтических произведений, где, в отличие от прежней его манеры, чувство преобладает над воображением. К этой счастливой полосе, — которую в наши дни несколько недооценивают, забывая, что новая манера представляет собой лишь углубление и расширение прежней, — принадлежат *Осенние листья* (1831), *Песни сумерек* (1835), *Внутренние голоса* (1837), *Лучи и тени* (1840).

Эта совсем новая для Гюго склонность прислушиваться к собственным душевным переживаниям, несколько даже подстрекая свою чувствительность, задумываться над событиями собственной жизни и над тем, что встречается на пути, должна была в более зрелые годы привести к мощным и зачастую глубоким *Созерцаниям*, отметившим конец поприща великого поэта. Несмотря на некоторую небрежность, торопливость и привычку не вычеркивать ни одного слова, вылившегося из-под пера, форма Гюго в таких его произведениях, как *Печаль Олимпио*, *Oceano nox*,[2] *Корова*, *Sunt lacrimae rerum*,[3] *Молитва за всех*, отличается поразительной красотой и богатством.

---

[1] Это неверно: его застрелили деревенские соседи, с которыми у П.-Л. Курье была нескончаемая тяжба и происходили постоянные пререкания. — *Прим. ред.*

[2] Ночь на океане.

[3] Дела, достойные слез.

Наконец, Гюго, начавший почти в детском возрасте с довольно нескладных повестей, попробовал свои силы на большом историческом романе *Собор Парижской богоматери* и сразу увлек широкую публику захватывающим интересом фабулы и пленил художников, ученых, историков и археологов обаятельной картиной средневекового Парижа, набросанной яркими красками, с поразительной живостью и рельефностью. Таков был Гюго в царствование Луи-Филиппа; при этом он продолжал заниматься политикой в звании пэра Франции и приберегал для последующей эпохи поразительные сюрпризы, о которых мы поговорим в своем месте. На сцену начали выступать последователи и молодые соперники, так называемое второе поколение романтиков.

Альфред де Мюссе. Альфред де Мюссе, который сначала был чистым романтиком, влюбленным если не в Восток, то, по крайней мере, в Испанию, Италию и Шекспира, — неуравновешенный, своенравный, всецело отдавшийся полету воображения, самовластно господствовавшего над самим автором, изумлял, смущал и восхищал читателей своими произведениями в начале 30-х годов. Затем бурные страсти и пережитые страдания указали ему его настоящее призвание, которое заключалось в том, чтобы заставлять говорить, плакать и вопить свое сердце. Он воспевал свою трагическую любовь с такой искренностью, с таким глубоким чувством и страстным красноречием, что — как всегда бывает в подобных случаях — из самого субъективного поэта сделался самым всеобъемлющим; при чтении его произведений каждый читатель может подумать, и действительно думает, что Мюссе воспел с такой силой его собственные страдания. *Ночи* и *Воспоминания* образуют как бы эпопею сердечных мук, причиняемых любовью, и через тысячу лет они будут такими же юными и свежими, какими были шестьдесят лет назад, или какими являются в настоящее время. Они были бы такими же, не будучи облечены в подобную форму; а могучая, полная, гармоническая форма без лишних украшений и завитков, безыскусственная, пылкая и истинно лирическая, едва лишь подернутая декламацией (дань времени), дает Мюссе право на звание настоящего классика и ставит его в ряды великих стилистов, подобно тому как по силе вдохновения он является одним из величайших французских поэтов.

Этого уже, без сомнения, достаточно для славы; но в те минуты, когда Мюссе не был страстным и печальным элегическим поэтом, он был приветливым, изысканным и остроумным. Этой чертой характера он связан с XVIII веком, подлинная

ЖОРЖ САНД

С гравюры Каламаты

грация которого была в ту эпоху немного позабыта под влиянием вполне законного презрения к *искусственности* грации. Мюссе был очаровательным рассказчиком. *Исповедь сына века* еще несколько страдает напыщенностью, свойственной людям 30-х годов, но его рассказы и новеллы в прозе написаны легко, просто, без прикрас, самым простым и изящным языком, какой только можно себе представить.

Наконец, драматические произведения Мюссе — то с деликатной и остроумной примесью шекспировской фантазии, то в чисто современном духе, как будто они вышли из салона сороковых годов и написаны для светского любительского спектакля, проникнутые иногда глубокой психологией (*Лорензаччио*), иногда мучительной патетикой автора *Ночей* (*Капризы Марианны*, *С любовью не шутят*) и чаще всего восхитительной легкостью, непринужденной и лукавой грацией, заставляющей вспоминать о Мариво (*Каприз*, *Никогда не надо зарекаться*, *Дверь должна быть заперта или открыта*), — кажутся редкой и драгоценной игрушкой в наш век, заваленный драматическими произведениями, в которых больше ума, чем таланта, больше таланта, чем грации, и в особенности больше ремесленной сноровки, чем естественности.

Этот чудесно одаренный человек, который при желании проявлял много вкуса и вдохновения, и умел, при всей своей фантазии и экзальтированной чувствительности, быть остроумным, слишком рано загубил порывами темперамента свои изумительные духовные способности и за какие-нибудь пятнадцать лет создал все то значительное и изящное, что осталось после него. Он не достиг зрелости. Таланта у него было достаточно, чтобы пройти вторую половину поприща, быть может, не столь прекрасную, как первая, но все же способную увеличить его славу и подарить нам новые наслаждения. Он родился в 1810 году, начал свою литературную деятельность в 1830 году и умер в 1857 году.

Теофиль Готье. Теофиль Готье дебютировал в литературе одновременно с Альфредом де Мюссе. Он был по профессии живописец, но слабость зрения заставила его расстаться с кистью; однако и в своих литературных произведениях он остался исключительно живописцем. Он дебютировал поэмами в романтическом духе, как *Альбертюс* и *Комедия смерти*, где все, что выходит из рамок описаний, никуда не годится, но вся описательная сторона замечательна. В своих прозаических и стихотворных путевых заметках он продолжал давать эскизы, офорты, акварели или масляные картины,

большая часть которых написана очень эффектно, а некоторые положительно превосходно.

Наконец, как бы овладев в совершенстве кистью и резцом, Готье вскоре после 1848 года дал свой стихотворный шедевр *Эмали и Камеи*, где перо писателя соперничает со всеми орудиями изобразительных искусств. На такой степени совершенства эта художественная «транспозиция» (выражение самого Готье) является настоящим чудом и как бы обогащает литературу новой областью. Все победы, даже те, из которых нельзя, повидимому, извлечь особенной пользы, заслуживают уважения, и мы должны быть благодарны Теофилю Готье за это новшество. *Эмали и Камеи* займут свое место во французской литературе, как исключительная художественная редкость, обнаруживающая руку изумительного работника.

Готье писал также романы, отличающиеся тем же характером, что и прочие его произведения. Таковы, например, *Мадмуазель де Мопен* и *Капитан Фракасс*, где при всем изяществе формы почти отсутствует содержание; их можно назвать очень недурными работами или, на худой конец, хорошенькими безделушками, ибо автор, словно сознавая, что ни события, ни действующие лица не представляют для читателя особого интереса, пускает в ход все свои технические ресурсы. Это — посредственные книги с чудесными иллюстрациями, но, как известно, книга обычно для того и иллюстрируется, чтобы скрыть недостаток содержания. А талант иллюстратора был велик.

Готье был в своем роде замечательным стилистом. Немного архаичный, как почти все крупные стилисты, слишком старательно уснащавший свою речь техническими терминами из области архитектуры, живописи и керамики, с которыми он прекрасно был знаком, и вместе с тем прекрасно образованный, воспитанный на классиках, столь же хорошо знакомый с общепринятым литературным языком, знавший его лучше, чем кто бы то ни было, владевший им глубже и увереннее, чем даже Виктор Гюго, он оставил образцы изящного слога, достойные внимательного изучения, причем — даже после самого близкого рассмотрения — они ничего не теряют в своей красоте, и в них не удается открыть никаких изъянов. Его сочинения могут дать пищу критике, но отдельные страницы превосходны, а этого достаточно, чтобы отвести Готье весьма почетное место во французской литературе.

Не следует забывать Огюста Барбье, который стоял гораздо ниже Теофиля Готье, но в продолжение короткого периода обна-

руживал подлинный талант. В 1830 году он сочинил несколько сатирических ямбов в манере Андре Шенье, написанных неуверенным языком, но проникнутых таким могучим воображением и яростным порывом, что у читателей создается впечатление словно от физического толчка. В особенности хороши два стихотворения: *Идол*, направленное против воскресающего бонапартистского фанатизма, и *Добыча* — против жадных интриганов, которые оспаривали друг у друга теплые места после Июльской революции. Стихи эти производят особенно сильное впечатление, если читать их вслух с пафосом, как речь трибуна или проклятие пророка. Имя, подписанное под такими строками, никогда не умрет, но гибнет талант, вдохновляемый исключительно негодованием и злобой. Впоследствии Огюст Барбье писал еще очень недурные стихи; он пережил не свою известность, которая за ним осталась, но свою славу. Скончался он в 1882 году.

Можно ли зачислить Ламеннэ в ряды поэтов? Его позволительно отнести также к ораторам, а с некоторой натяжкой и к философам. В начале своей литературной карьеры Ламеннэ в целом ряде сочинений, из которых самым значительным был *Опыт о религиозном индиферентизме*, защищал те же доктрины, что Жозеф де Местр и Бональд. Затем, будучи в душе демократом, признавая и раньше, чуть ли не в качестве догмата веры, принцип «всеобщего согласия», глубоко потрясенный Июльской революцией и озабоченный примирением католической религии, служителем которой он был, с новыми идеями, — он пытался создать либеральный католицизм. Когда римская курия осудила его идеи, Ламеннэ не счел нужным подчиниться ее решению, порвал с церковью и сделался ярым демократическим писателем, распространявшим в жгучих памфлетах, дышащих страстным и волнующим лиризмом (*Слова верующего*, *Народная книга*, *О современном рабстве*), самые смелые мысли и самые благородные и милосердные чувства. И никто не посмел ни на минуту заподозрить благородство его характера и суровое бескорыстие.

Великий стилист, доводивший до излишеств, — но излишеств, которые ослепляли и опьяняли читателя, — присущие ему качества поэта в прозе, трибуна и пророка, Ламеннэ оставил страницы, имеющие характер од или ямбов, и его одинокая и мятежная старость не прошла бесплодно для искусства. Его теперь мало читают; идеи, которым он последовательно служил, не пробуждают ныне страстей, и обычный тон его писаний не принадлежит к числу тех, которые нравятся широкой публике; но любители торжественного

слога и высокого красноречия еще помнят сочинения Ламеннэ, в которых эти два драгоценные качества содержатся в изобилии и могут дать наслаждение знатокам.

Театр. Театр был весьма блистателен в эту эпоху. Мы уже называли драмы Гюго, которые, за исключением *Бургграфов*, — впрочем, восхитительных, — все имели большой успех. Казимир Делавинь трагедией в стихах *Людовик XI* (1832), трагедией в стихах *Дети Эдуарда* (1833), исторической комедией в стихах *Дон-Жуан Австрийский* (1835), исторической комедией в стихах *Популярность* (1838) и комедией-буфф в прозе *Докладчик* (1841) удачно продолжал свое театральное поприще.

Понсар пытался воскресить корнелевскую трагедию своей *Лукрецией*, которая вследствие начинавшейся тогда реакции против романтического театра или, скорее, благодаря своим достоинствам имела в 1843 году шумный успех. С меньшим успехом автор поставил впоследствии *Агнесу де Мерани* (1846), *Шарлотту Корде* (1850) и комедию *Честь и деньги* (1853). Мы еще встретимся с ним, когда будем говорить о современной литературе в собственном смысле этого слова.

Эжен Скриб, писавший уже давно, добился славы около 1830 года. Родившись в 1791 году, он выпустил свои первые драматические опыты в 1811 году. С этого момента и вплоть до 1830 года он поставил несколько сот пьес, имевших мимолетный успех. В большинстве случаев это были наскоро скроенные водевили, но в них уже проявлялось то знание сцены, которое никогда не покидало автора. С 1830 года Скриб, уверившись в своих силах, рискнул взяться за серьезные драматические вещи. *Бертран и Ратон* (1833), *Товарищество* (*La Camaraderie* — 1837), *Цепь* (*Une chaîne* — 1841), *Битва дам* (*Bataille des Dames* — 1850) — были бытовыми комедиями, *Стакан воды* (*Le Verre d'Eau* — 1842) и *Адриенна Лекуврер* (1849) — комедиями историческими и анекдотическими. Этот жанр, как мы уже видели, был известен во Франции и раньше, но в эпоху Луи-Филиппа он достиг в лице Делавиня и Скриба своего совершенства и апогея.

Скриб был поверхностным наблюдателем. Но он обладал мастерским умением завязывать интригу, вести все время пьесу с неослабевающим интересом и остроумно приводить ее к неожиданной развязке. В технике сцены для него не существовало тайн, и можно сказать даже, что он ее усовершенствовал. Будучи в целом учеником Бомарше, он в этом отношении (составляющем, впрочем, весьма существенную сторону драматического искусства) превзошел своего учителя. Кроме того, Скриб обладал значительным и подчас весьма тонким

остроумием, а его диалоги всегда отличаются большой живостью. Он впадает в вульгарность только в тех местах, которые выходят из рамок комического, но автор позаботился о том, чтобы такие отступления встречались возможно реже.

С такими дарованиями можно пойти далеко. Успех Скриба был огромен. Он приобрел европейскую известность. Прибавьте к этому, что Скриб умел хорошо составлять оперные либретто и что его имя как либреттиста красовалось на самых знаменитых произведениях — Буальдьё, Обера, Мейербера, Верди, Адама и Галеви (*Белая дама*, *Немая*, *Фра Диаволо*, *Роберт Дьявол*, *Жидовка*, *Гугеноты*, *Посланница*, *Черное домино*, *Пророк*, *Африканка*).

Потомство, для которого Скриб, впрочем, и не думал работать, отнеслось к нему крайне строго. И действительно, ни одному из его произведений не суждена была громкая слава. Однако потомство аплодирует ему, само того не подозревая, поскольку все драматические писатели, знающие технику своего дела, изучили ее по Скрибу и, следовательно, до известной степени обязаны ему своими успехами. Скриб помог более крупным людям, чем он сам, да и до настоящего времени он остается тайным сотрудником тех самых писателей, которые отодвинули его на задний план, так как из драматурга он, благодаря внимательному чтению его произведений театральными деятелями, сделался профессором драматического искусства. Об этой большой заслуге Скриба почему-то принято забывать, а между тем отрицать ее невозможно.

Из прозаиков эпохи Луи-Филиппа мы рассмотрим сначала тех, которые подверглись влиянию романтизма, а затем тех, которые остались в стороне от него.

Жорж Санд. Жорж Санд, обладавшая талантом чрезвычайно гибким и доступным всем влияниям окружающей среды, начала свое поприще в 1830 году как чистейший романтик. Романы, которые она тогда писала, — *Лелия*, *Валентина*, *Индиана*, *Жак* — представляют собой в сущности лирические и реторические поэмы, по сравнению с которыми *Новая Элоиза* может показаться простой и проникнутой одним настроением. Их читают еще и теперь со странной смесью скуки, досады и восхищения, что при чтении литературных произведений не часто приходится испытывать одновременно.

После нескольких произведений, более сдержанных, но в равной степени выдающихся, каковы *Андре* (1835) и *Мопра* (1837), которые можно отнести к переходному периоду, Жорж Санд около 1848 года одновременно усваивает две совершенно различные манеры, порою уживающиеся в одних и тех же

произведениях. То она пишет совсем простые повести, лишь в конце отличающиеся слегка романтической развязкой, в которых изображает деревню, главным образом провинцию Берри, нравы и обычаи поселян, причем проявляет искусство пейзажиста и идиллического поэта, изумлявшее и восхищавшее в свое время читающую публику (*Маленькая Фадетта — La Petite Fadette*, *Мастера церковного звона — Les Maîtres Sonneurs*, *Чортово болото — La Mare au Diable*, *Франсуа ле Шампи — François le Champi*); то пытается проводить в своих романах социалистические теории (*Странствующий подмастерье — Les Compagnons du tour de France*, *Грех г-на Антуана — Le Péché de M. Antoine*); то соединяет идиллию с политической пропагандой (*Мельник из Анжибо — Le Meunier d'Angibaut*). Наконец, уже в эпоху Второй империи, мы видим, как она с мастерством, не ослабевавшим до последних дней ее долгой жизни, дает в своих романах милые и трогательные картины буржуазного быта.

Одаренная талантом необычайно гибким, созданным, чтобы последовательно пленять три различных поколения, а также способным понимать и глубоко чувствовать душевные переживания и образ мыслей самых различных людей, и едва ли не различных цивилизаций, — что, кстати сказать, она доказала своими, к сожалению, немногочисленными историческими романами (*Консюэло — Consuelo*, *Красивые господа из Буа-Доре — Les Beaux Messieurs de Bois-Doré*), — Жорж Санд обладала сверх того слогом, который она по своему произволу делала лирическим, элегическим, пасторальным, утонченным, но который по самой природе своей был безыскусственным, текучим и свежим, как молоко, которое пьешь большими глотками под тенистым деревом. Удивительна была плодовитость Жорж Санд, всегда дававшая хорошие результаты, и ее спокойная и безмятежная способность к обновлению. Оригинальная в том смысле, что по своему желанию она могла перевоплощаться без малейшего усилия, — чрезвычайно редкая черта оригинальности, — Жорж Санд была и остается одним из наших великих романистов, одним из наших великих стилистов, свидетелем и одновременно достоверным свидетельством перемен, совершившихся в общественных вкусах между 1830 и 1870 годами.

Бальзак. Бальзак, гораздо более трудолюбивый писатель, во всем творчестве которого чувствуется отчаянное напряжение энергичной воли в борьбе с непокорной натурой, примыкает к романтизму своей склонностью к изображению уродств, колоссальных и неправдоподобных фигур, огромных состоя-

ний, созидаемых одним мановением руки, к таинственным заговорам. Но вместе с тем Бальзака совершенно основательно считают отцом того реализма, который около 1850 года вытеснил романтизм своей точной наблюдательностью, своей мощной психологией, своим искусством создавать характеры правдивые, живые, присутствие которых чувствуешь возле себя, о которых невольно хочется сказать: «Вот человеческая натура, и такой я ее знаю!»

Эта смесь противоположных элементов не обходится без некоторых трений и противоречий; но несравненная мощь творчества, жизненность действующих лиц, естественная одушевленность сцен, правдивость и точность в изображении материальных предметов, домов, мебели и одежды сглаживают все недостатки, неестественность невероятных положений и скуку слишком длинных, мелочных и однообразных описаний и повторений. Типы Бальзака глубоко врезаются в память; таковы: старый неисправимый распутник — барон Гюло; себялюбивый и грубый старый вояка — Филипп Бридо; скупец — Гранде; преступно слабый отец, в котором отцовская любовь становится пороком, — Горио; честолюбец, постепенно заставляющий умолкнуть в своей душе голос совести, — Растиньяк; современная интриганка — госпожа Марнеф, и т. д.

Эти мужчины и женщины, подобно некоторым созданиям Шекспира, до сих пор живут среди нас жизнью, которую мы не в силах не считать столь же реальной, как наша собственная. Бальзак, можно сказать, обогатил Францию новыми типами. И если бы его слог стоял на высоте его творческой силы, то он занял бы место среди величайших литературных гениев. Мы прощаем Бальзаку крайнее несовершенство в этом отношении, но следует опасаться, что так называемое позднее потомство, дорожащее почти исключительно одними хорошо написанными книгами, будет слишком сильно шокировано недостатками бальзаковского слога и забудет одного из величайших мастеров художественной выдумки XIX столетия.

Как на последних романтиков-прозаиков можно указать на Эжена Сю и Фредерика Сулье, которые в своих объемистых романах, часто остроумных и занимательных, но совершенно лишенных настоящего бытового характера, обнаружили ту изобретательность в придумывании событий, которая, конечно, не дается в удел всем и каждому, но которую, однако, нельзя не признать весьма легковесной.

Александр Дюма. Фантазией Александр Дюма обладал в такой степени, что в этом отношении с ним не может срав-

питься ни один писатель XIX века, да, пожалуй, и никакой другой эпохи. События, инциденты, осложнения и перипетии естественно зарождались у него в мозгу и как бы самопроизвольно складывались в обширные захватывающие эпопеи. Никогда люди, знающие литературу, не дочитают до конца *Трех мушкетеров (Les trois Mousquetaires)*, *Виконта де Бражелона (Le Vicomte de Bragelonne)*, *Монте-Кристо (Monte-Cristo)*, но большинство всегда будет читать их, и даже, кажется, чем дальше идет время, тем усерднее оно их читает.

Искусство рассказывать без конца, не надоедая читателю, далеко не безделица, и этим искусством Дюма владел мастерски. Самый слог его нельзя назвать дурным: он имеет все качества, важные и необходимые для тех целей, которые имел в виду автор — он ясен, стремителен, жив и прост. Можно даже пожалеть, что стиль Дюма обладал качествами, способными привлечь к себе внимание и потому мешающими читать «одним духом», т. е. так же быстро, как развертывается действие, и так быстро, как писались эти книги.

Этот плодовитый и легкий талант как нельзя лучше подходил для театра. Напомним, что именно Дюма, спустя долгое время после появления драмы *Пинто*, оставшейся блестящей, но изолированной попыткой, снова ввел в употребление и почти изобрел заново историческую драму своей пьесой *Генрих III и его двор* (*Henri III et sa Cour*, 1829). Так как трагедия в стихах начала выходить из моды, но драматические произведения, написанные на исторические сюжеты, не могли исчезнуть, то не подлежало сомнению, что историческая драма в прозе естественно должна была притти на смену заброшенной трагедии. Правда, это было лишь формальной переменой; но ведь кому-нибудь должно же было притти в голову сделать первый шаг, и этот шаг был сделан Александром Дюма.

Вслед за его первой блестящей драмой появился в царствование Луи-Филиппа целый ряд других: *Антони* (*Antony*, современная драма, 1831), *Карл VII и его вассалы* (*Charles VII chez ses grands vassaux*, 1831), *Башня Нель* (*La Tour de Nesles*, 1832), *Кин* (*Kean*, 1836), *Мадмуазель де Бель-Иль* (*Mademoiselle de Belle-Isle*, историческая комедия, 1839), *Шевалье де Мезон-Руж* (*Le chevalier de Maison Rouge*, 1847). Кроме того, Дюма-отец продолжал писать во время Второй империи, и ниже мы еще с ним встретимся. Он представляет любопытный пример естественного и как бы инстинктивного таланта, никому не подражавшего, не следовавшего никаким правилам и не создавшего для себя никаких правил,

обладавшего такой врожденной способностью развлекать, заинтересовывать и волновать людей, что он действует на них беспрерывно, расточительно и безошибочно, как стихийная сила природы.

Мы уже далеко отошли от романтизма в собственном смысле этого слова с его программой и установленными им новыми правилами. Мы еще дальше отойдем от него, занявшись Анри Бейлем, известным под псевдонимом Стендаля.

Стендаль. Хотя Стендаль в 1822 году защищал романтизм, но, во-первых, он хорошо не понимал настоящего смысла этого слова, а во-вторых, он делал это в такую эпоху, когда романтизм еще не успел сложиться и определиться, как это случилось впоследствии. Стендаль не только не был романтиком, но даже был настолько чужд своему веку, насколько это вообще возможно. По своему нраву, настроению, философским мнениям, литературному духу и слогу Стендаль был человеком XVIII столетия.

Абсолютно недоступный религиозному чувству, сенсуалист и чувственный человек, черствый безрадостный эпикуреец, Стендаль ничего не видел в мире, кроме «погони за счастьем»; свободный от наивного оптимизма своих учителей, знающий, что счастье доступно не для всех, он говорил: «Наслаждайся, кто может». Немудрено, что он был поклонником «энергии», сильного и бесстрашного эгоизма, который завоевывает себе место в жизни, опрокидывая на своем пути все препятствия, хотя бы это были живые люди. Фанатик силы подобно Вольтеру, Стендаль боготворил Наполеона, как Вольтер — Фридриха II. Стендаль шел даже гораздо дальше под влиянием задора и бравады, а также потому, что не умел различать многих вещей: так, например, он восхвалял как проявление энергии внушенные страстью преступления бешеных и порывистых людей, тогда как в действительности это нечто диаметрально противоположное энергии. Стендаль был человеком довольно неприятным и беспокойным, которого друзья не находили нужным презирать, так как предпочитали находить его смешным. Он и впрямь был смешон, но при том испорчен до самой глубины сердца; в оправдание Стендаля можно сказать, что он очень много страдал.

Стендаль был чрезвычайно талантлив. Так как характер человека всегда оказывает сильное влияние на его талант, то неудивительно, что эгоизм Стендаля побуждал его слишком много говорить о самом себе. Двадцать раз он рассказывает о своем детстве, об отце, тетке, о своих победах над женщинами, обо всех людях, которые казались ему неприятными,

потому что он не любил их, и все это однообразно, как вечно повторяемые рассказы старого брюзги. Беда всякого эгоиста не в том, что он антипатичен, а в том, что он скучен.

Стендаль в высокой степени обладал двумя достоинствами, крайне редкими в его время: он умел хорошо наблюдать материальные предметы, и видел людей насквозь. Это был превосходный путешественник и несравненный исследователь человеческих душ.

В этом отношении особенно замечательны его *Записки туриста (Mémoires d'un Touriste)*, *Красное и черное (Le Rouge et le Noir)*, а отчасти также *Пармский монастырь (Chartreuse de Parme)*. *Записки туриста* написаны вовсе не туристом. Стендаль меньше всего был живописцем пейзажей; но он умел удачно схватывать, так сказать, нравственный облик страны, области, провинции или города и характерные черты населения, класса, общества или группы. И, несмотря на все свои промахи, неверное освещение предмета и некоторые детали, которым он придавал преувеличенное значение, Стендаль указал основные, самые ценные элементы той науки, которую в настоящее время называют психологией народов.

Как романист Стендаль еще более замечателен. Если Бенжамен Констан в своем *Адольфе* изобразил человека 1815 года, то Стендаль в *Красном и черном*, быть может, с еще большей глубиной изобразил человека 1830 года. Честолюбивый плебей, неразборчивый в средствах, не без некоторого благородства, подсказанного гордостью, опьяненный примером великой воли, которая торжествовала над всеми препятствиями, сбитый с толку наполеоновской легендой, бросается очертя голову в свет со страшным упорством и яростной жаждой добиться своего, с примесью некоторой робости, и терпит крушение у пристани в результате одного из тех срывов истинной энергии, которые называются бесполезными преступлениями. Эта сложная и вместе с тем понятная личность окружена несколькими столь же жизненными и более симпатичными женскими фигурами. Стендаль вводит своего героя в общество двадцатых годов, некоторые части которого, как, например, духовенство и аристократическая среда маленького городка, описаны с поразительной силой. Все это вместе составляет один из самых живых и реалистических романов французской литературы и одно из тех произведений, которые можно читать несколько раз с неослабевающим интересом. Меньше перечитывается другой его роман *Пармский монастырь*, но описание знаменитой битвы при Ватерлоо и некоторые главы,

в которых изображены мелкие итальянские дворы 1818 года, представляют большой интерес.

В свое время стоявший особняком, Стендаль справедливо был признан родоначальником психологического романа в ту эпоху, когда этот литературный жанр начал возрождаться во Франции.

Шарль Нодье. Мы оставили несколько в стороне Шарля Нодье, который пользовался известностью и почетом во время Реставрации и умер в 1844 году. Обладая гибким умом и большой восприимчивостью, но несколько любивший разбрасываться, натуралист, филолог, поэт, романист и в общем обаятельный человек, наивно добрый, простой, великодушный и отличавшийся такой непритворной скромностью, что она почти переставала казаться добродетелью, — Нодье в промежутке между 1815 и 1830 годами написал множество вещей, начиная с диссертаций об усиках насекомых и мрачных признаний, навеянных *Вертером*, до слишком даже веселых исповедей во вкусе *Фоблаза* и романтических стихотворений, навеянных Оссианом.

Этот эклектик в конце концов сделался оригинальным. Он превратился в повествователя-фантаста, умевшего в надлежащей пропорции сочетать несколько фантастичное воображение с весьма остроумным юмором. К этой счастливой полосе принадлежат *Тереза Обер* (1819), *Трильби* (1822), *История о короле Богемском и его семи замках* (1830), во всех отношениях прелестная *Фея крошек* (1832) и многие другие произведения. Занимая пост директора Арсенальной библиотеки, Нодье стал центром избранного кружка выдающихся людей, куда входили Виктор Гюго, Мюссе, Сент-Бёв, братья Дешан; а благодаря своим обширным знаниям, своему вкусу, который под конец значительно развился, что почти всегда бывает с умными людьми, и благодаря добродушно отеческому тону своих наставлений Нодье оказал значительное влияние на развитие литературы своего времени.

Такое же влияние оказал Нодье и на язык. Обладая большой эрудицией, будучи любознательным и страстным филологом и тонким знатоком стиля, он снова ввел в употребление множество превосходных слов и речений из сокровищницы старинного французского языка, которым романтики впоследствии дали право гражданства, начав пользоваться ими. Если мы вспомним, какое большое число великолепных слов выпало из употребления в XVIII столетии и снова вошло в обиход в XIX, а также примем в соображение, что романтики в большинстве своем читали очень немного, то вынуждены

будем приписать это восстановление Полю-Луи Курье и Шарлю Нодье — единственным «архаистам» между 1815—1830 годами. Это обогащение языка единственно правильным способом, который состоит в сохранении уже накопленных богатств, было делом названных двух писателей, и его продолжал позднее Теофиль Готье.

Проспер Мериме. Менее глубокий, но гораздо более умный, чем Стендаль, о котором он судил как друг, т. е. очень сурово под видом похвалы, наделенный меньшей силою воображения, чем Нодье, но очень тонкий моралист и неподражаемый рассказчик при всей трезвости своей манеры изложения, высокомерный и замкнутый Мериме скрывал под напускной холодностью сердце более нежное, чем ему хотелось в том признаться, и большое благородство, которое заботливо старался не выставлять напоказ. Мериме создавал шедевры психологического анализа или бытовой живописи, — размером чаще всего в несколько страниц, написанных спокойным, чистым и отделанным языком, давая в самом разгаре романтизма пример и образец свободного от лишних украшений, точного и сильного слога.

Его небольшие романы *Хроника времен Карла IX (Chronique du temps de Charles IX)*, *Коломба (Colomba)*, *Кармен (Carmen)* отличаются логической последовательностью, сжатостью и силой впечатления, достойными великого художника; его повести *Двойная ошибка (La Double méprise)*, *Илльская Венера (La Vénus d'Ille)*, *Этрусская ваза (Le Vase étrusque)*, *Взятие редута (L'Enlèvement de la Redoute)*, *Локис (Lokis)* представляют сжатые, насыщенные романы, написанные с самобытной мощью, уверенностью и, несмотря на полное отсутствие заботы о красочности и образности, с ослепительной иногда силой слога, обличающими большого мастера.

Мериме в такой же и, быть может, даже в большей степени, чем Стендаль, был родоначальником психологического романа, т. е. настоящего французского романа, если только верно, что французы — это, по преимуществу, «моралисты, умеющие писать». Историк и археолог, такой же добросовестный, как и в своих беллетристических произведениях, с интересом изучавший иностранные литературы, как он с интересом изучал все, Мериме оставил после себя несколько хороших исторических книг и первый ознакомил французов с русской литературой. Но его вечной славой останется то, что он был первым из французских новеллистов, а может быть — и из новеллистов вообще.

Историки. Царствование Луи-Филиппа было знаменательной эпохой французских историков.

В 1824 году Минье опубликовал свое четкое и мастерски написанное резюме *Истории французской революции*. Затем, почти одновременно, Тьер выпустил свою пространную *Историю революции*, за которой последовала медленно подготовлявшаяся и писавшаяся в продолжение двух десятков лет замечательная *История Консульства и Империи* — образец повествования ясного и легкого (несмотря на подавляющее обилие документов), и вместе с тем образец «правительственной истории», т. е. истории, которая написана государственным человеком, знакомым со всеми деталями, ресурсами и слабостями военной державы в каждый данный момент и при всех обстоятельствах. Она может быть названа «требником государственных людей», как книга Коммина[1] — «требником королей».

Гизо, бывший со времен Империи профессором Сорбонны, выпускал в свет, особенно начиная с 1820 года, целый ряд серьезных исторических трудов, пожалуй, излишне систематичных, импонирующих своей размеренностью и строгим стилем: *Курс новейшей истории*, *Общая история цивилизации в Европе*, *История цивилизации во Франции;* а после своего удаления от власти составил *Мемуары для истории моего времени*, являющиеся полной парламентской историей Франции от 1830 до 1848 года.

Мишле начал писать свою обширную *Историю Франции* от древнейших времен вплоть до 1815 года. В этом сочинении он обнаружил дарование историка, поэта, художника, пылкого оратора, способного с поразительной силой воскрешать исчезнувшие народы и исторические личности, окутанные дымкой седой старины. Сочинение это написано неравномерно, но некоторые отдельные части, например вторая половина средних веков, главы о Жанне д'Арк, Людовике XI, Ренессансе, могут быть признаны шедеврами в научном и в литературном отношениях. Отрываясь по временам от своей огромной исторической работы, Мишле иногда совершал экскурсы в другие области и здесь давал полный простор своим поэтическим склонностям. Он выказал себя настоящим поэтом в прозе в своих восхитительных книжках *Птица*, *Насекомое*, *Море*, *Гора* — каникулярных работах, которые одни могли бы прославить кого угодно.

Товарищ Мишле по Коллеж де Франс, туманный Кине, настолько же пасмурный, насколько Мишле ослепителен

[1] Средневековый французский историк. — *Прим. ред.*

и блестящ, также был поэтом, для которого история служила поводом измышлять и сооружать системы. Эти системы были отчасти поэмами и отчасти грезами. Стилист он был хороший, хотя и многословный, гармонический и плавный в той же мере, в какой Мишле был нервным, изломанным и как бы трескучим; он эффектно развертывал легко раздувавшуюся и ритмическую ткань своей фразы и заставлял читателя попеременно то желать несколько большей простоты, то мириться с торжественностью. Позднее, в двух прекрасных книгах, по своему характеру совершенно различных, Кине сделался более ясным, более простым и, не переставая быть оратором, начал писать более по-французски. *Революция* — книга, богатая новыми идеями, заставляющая мыслить и показывающая историка-философа, — философа, который в значительно большей мере сделался историком, и историка, который создал для себя гораздо более четкую философию. *Сотворение мира* — красиво написанный этюд о переворотах, которые, по всем вероятиям, пережила наша планета, и вместе с тем опыт нравственной философии, почерпнутой из зрелища вселенной и размышлений об ее истории.

Мысль Кине освобождалась постепенно и никогда не была более светлой, а следовательно, и слог его никогда не был более прекрасен, чем в те годы, когда автор уже приближался к своему концу. Такая медленность развития сообщает иногда литературным судьбам в некотором роде драматический интерес.

Изучение Востока за 1830—1848 годы не только не прекратилось, но даже было в чести больше, чем когда-либо. Египтология имела своими представителями попрежнему Шампольона-Фижака, [1] а кроме того Летронна, издавшего в 1833 году свою диссертацию *Звучащая статуя Мемнона с точки зрения ее отношений к Египту и Греции*, *Сборник греческих и латинских надписей в Египте, рассмотренных в связи с политической историей* и т. д., и Прис д'Авена, обнародовавшего в 1836 году собрание важнейших египетских памятников.

---

[1] Слово «попрежнему» может ввести читателя в заблуждение. Французская египтология была представлена гениальным основателем этой науки, первым человеком, открывшим чтение иероглифов, великим Жаном-Франсуа Шампольоном, умершим в 1832 году, тогда как старший его брат Жак-Жозеф Шампольон-Фижак ровно ничем не замечателен в египтологии, которой он, вообще, бросил заниматься еще в 1819 году и перешел к французской палеографии. Именно, чтобы не путать его с его гениальным младшим братом, старшего брата и называют «Шампольон-Фижак» (Фижак — местечко, где он родился).— *Прим. ред.*

Ассирология сделала значительные успехи благодаря трудам французского консула в Моссуле Ботта, открывшего развалины Ниневии и дворец в Хорсабаде. Именно в это время в Луврском музее появились гигантские быки с человеческими головами, увенчанными тиарой.

Изучение Персии значительно облегчилось благодаря сделанному Эженом Бюрнуфом переводу *Вендидад-Саде* — сочинения, приписываемого Зороастру. На семитскую цивилизацию пролит был новый свет Мунком в его книге о Палестине (1846), Франком в его этюде *Каббала, религиозная философия евреев*, *Письмами об истории арабов до Магомета* Фюльжанса де Френеля и *Опытом истории арабов* Коссена де Персеваля.

Исследование индусской литературы энергично велось Эженом Бюрнуфом, который перевел *Бхагавата-Пурана*, и Гарсеном де Тасси, написавшим *Историю индусской литературы*. С другой стороны, Станислав Жюльен (перевод философа Менцзы и т. п.), Теодор Пави (перевод китайских сказок), Гуллар д'Арси (перевод китайских песен и поэм) и другие продолжали и дополняли те исследования в области синологии, которые с таким блеском начаты были во Франции Гинем (*Обзор китайской литературы* в *Записках Академии надписей*, тт. XXVI, XLII, XLIII) и Абелем де Ремюза́ (*Опыты о китайском языке и литературе*, 1811; *Записки о китайских книгах Королевской библиотеки*, 1818).

Ораторы. Главными ораторами рассматриваемой эпохи были те самые люди, которых мы только что характеризовали как историков, — Гизо и Тьер, обладавшие диаметрально противоположными качествами, словно для того, чтобы позволить наблюдателю насладиться зрелищем контрастов и параллелей: один — торжественный и даже несколько надменный, говоривший важно и повелительно, другой — живой, остроумный, по внешности небрежный, умевший, как никто, пленять и покорять слушателя; оба — самодержавные владыки слова как импровизированного, так и заранее подготовленного, оба одинаково грозные в политических спорах, — они сообщили французской парламентской трибуне такой блеск, какого она не имела ни при Реставрации, ни даже во время Революции, и какого никогда не получала уже впоследствии.

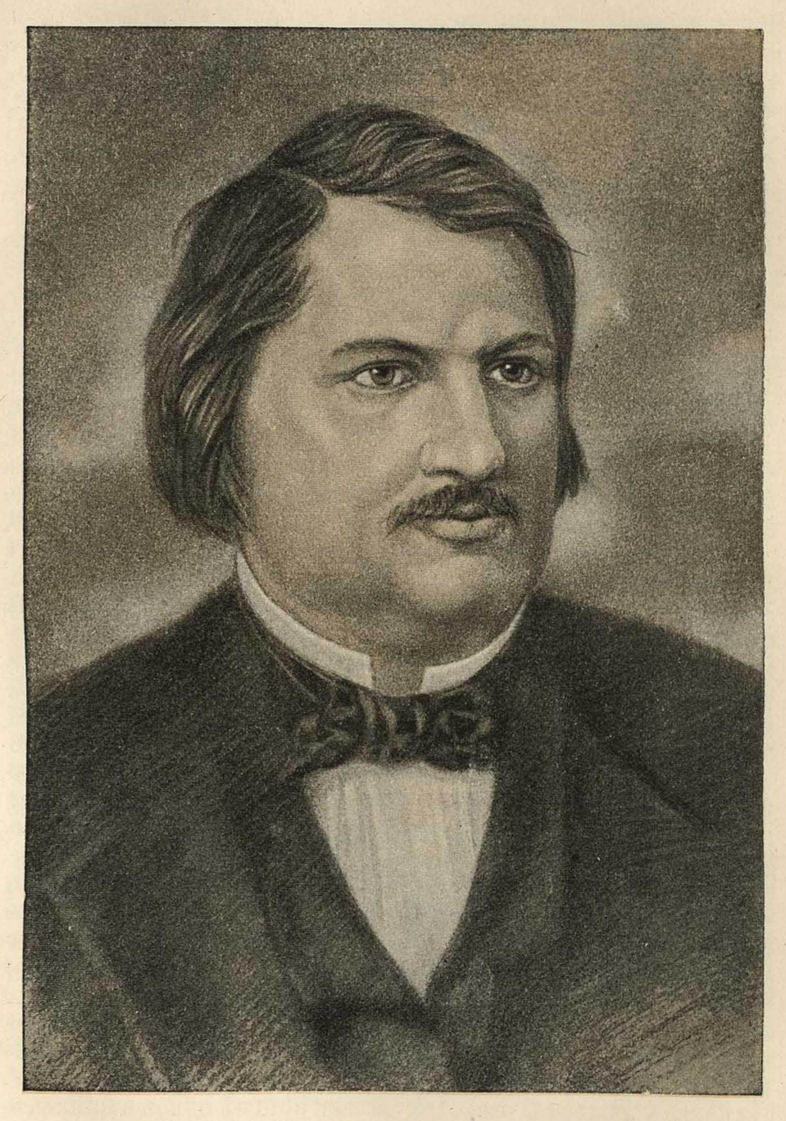
Наряду с ними возвышались: Монталамбер, ученик Ламеннэ, но оставшийся в лоне католической церкви, прекрасный оратор, патетический и сентиментальный, но умевший при случае быть остроумным и едким, написавший превосходную книгу

Иноки Запада, и Берье, уже зрелый в эту пору, прославившийся в молодости как адвокат на процессах Нея, Ламеннэ и Шатобриана, а теперь продолжавший отстаивать легитимизм с горячностью, страстной серьезностью и такой красотой устного слова, о которой долго вспоминали современники.

В стороне от политической трибуны стоял Лакордер, со своим пламенным красноречием, не совсем свободным от влияния дурного вкуса, но глубоко волновавшим умы и сердца; ему удалось отчасти вернуть церковную кафедру к наиболее славным дням ее прошлого.

Критики. Критики в то время были весьма многочисленны, и среди них встречались люди большого таланта. Между 1820 и 1830 годами Вильмэн в Сорбонне делил громкие триумфы с Гизо и Кузеном. Прежде всего он был очень красноречив, помимо того он же положил начало новой критике. Великие успехи исторической науки и искусства поразили его и оказали на него сильнейшее влияние. Он счел нужным тесно связать критику с историей и говорить о писателях не иначе, как старательно выясняя их отношения к стране, к эпохе и к обстоятельствам, среди которых они жили. Это значило обновить критику и сообщить ей всю важность последовательного изучения истории цивилизации. Программа была слишком значительна, чтобы он мог ее целиком выполнить, но хорошо уже то, что он начертал ее и не забывал в своих исследованиях и на своих лекциях. Это сообщало преподаванию Вильмэна характер менее догматический, т. е. менее произвольный, и более реалистический, т. е. более живой. Слушатели до известной степени чувствовали, что живут одною жизнью с теми авторами, о которых он говорил им. Этот метод, продолженный другими гораздо дальше и применявшийся с такой систематической строгостью, на которую Вильмэн, к счастью, не был способен и о которой он не помышлял, дал в конечном итоге очень хорошие результаты и способствовал тому синтезу всех наук, который всегда останется затаенной, неосуществимой и благотворной мечтой человеческого разума.

Сен-Марк Жирарден, менее всеобъемлющий и менее красноречивый, но остроумный и гибкий, сменил Вильмэна в симпатиях публики. Он был прежде всего проникновенным и оригинальным моралистом. Он прослеживал на протяжении всей литературы какое-нибудь чувство, страсть или даже предрассудок, разъяснял его характер и историю с помощью искусных сравнений и сопоставлений. В таком духе задуман и составлен его *Курс драматической литературы*, который,

О. БАЛЬЗАК

в сущности, представляет собой вовсе не курс драматической литературы, а курс морали, иллюстрированный множеством примеров, заимствованных главным образом из драматических произведений. В общем это очень хорошая и оригинальная книга, которую и в настоящее время можно прочитать не без пользы.

Следует еще упомянуть здесь Густава Планша, критика журнала *Ревю де дё Монд*. Гроза бездарных и даже посредственных авторов, завзятый и несколько узкий консерватор, он был ярым защитником классического вкуса. В свое время он сыграл не лишнюю и не бесславную роль, часто обнаруживая крайне точное и верное эстетическое чутье. Его идейная чистота может и теперь быть поставлена в образец, и, как мы могли убедиться из его позднее опубликованной переписки, под грубоватой внешностью он скрывал редкую деликатность и даже нежность сердца.

Но действительно великим критиком этой эпохи был Сент-Бёв. Мы только мимоходом назовем его здесь; так как он начал пользоваться значительным влиянием лишь после 1850 года, то мы и поговорим о нем в другом месте.

Пресса. Литературная пресса играла в период 1815—1847 годов такую же, если не более важную, роль, чем в XVIII веке. *Меркюр де Франс* просуществовал до 1820 года. Незадолго до того либеральная партия основала *Минерву*. В течение своего непродолжительного существования эта газета, бывшая прежде всего политическим органом, касалась множества литературных и философских вопросов, в общем выступая против романтиков, которые в то время были или считались реакционерами. Главными ее сотрудниками были Бенжамен Констан, Жэ, Этьенн, Жуи, Тиссо, Лакретель и другие.

Французская Муза (La Muse française) была органом романтиков. В этом журнале они рекомендовали подражание иностранцам, в особенности Вальтер-Скотту, культивировали любовь к средним векам, религиозное чувство и, само собой разумеется, меланхолическую сентиментальность. Последняя особенно преобладала в молодом журнале романтиков. Здесь, в подражание *Больному юноше* Шенье, появилась знаменитая серия: *Юная больная*, *Больная сестра*, *Больная девица*, *Умирающая мать*, *Больной ребенок*, так что сама редакция в конце концов нашла, что этого довольно, и заявила, что «с этого дня проработка различных агоний надолго изъемлется из поэтического оборота», а для окончательного заключения этого поэтического турнира предложила элегию *Выздоравливающий троюродный дядюшка*. Постоянными сотрудни-

ками этого журнала, просуществовавшего с 1819 по 1822 год, были Виктор Гюго, Альфред де Виньи, Эмиль и Антуан Дешан, Шарль Нодье, Гиро, Софи Гэ, ее дочь Дельфина Гэ (впоследствии г-жа де Жирарден), г-жа Деборд-Вальмор, г-жа Тастю и т. д.

В 1826 году основана была газета *Фигаро*. Эта по внешности чисто литературная газета враждебно относилась к правительству Реставрации. Ее сотрудниками были Жюль Жанен, Рокплан, Поль Лакруа, Альфонс Ройе и другие. После Июльской революции она перешла в руки Латуша, который привлек туда Феликса Пиа, Жюля Сандо и Жорж Санд. Затем газета прекратила свое существование и возобновилась только в 1854 году.

Журнал *Ревю де дё Монд*, основанный в 1829 году, временно прекратившийся и восстановленный в 1831 году Франсуа Бюлозом, без разбора принимал всех писателей, выдвинувшихся в той или иной области, и вскоре завоевал влиятельное положение, которого с тех пор уже не терял никогда. Перечислить его сотрудников — значило бы повторить все названные в этой главе имена и прибавить к ним еще много других.

Ревю де Пари, основанная также в 1829 году доктором Вероном, в 1831 году перешедшая в руки Амедея Пишо, а в 1834 году приобретенная Бюлозом, которому пришлось, таким образом, руководить двумя толстыми журналами, отличалась несколько более легким и более узким литературно-художественным направлением, чем *Ревю де дё Монд*. Здесь писали Бенжамен Констан, Ламартин, Казимир Делавинь, Скриб, Александр Дюма, Альфред де Виньи, Мюссе, Бальзак, Сен-Марк Жирарден и Сент-Бёв; журнал закрылся в 1844 году.

Период между 1815 и 1847 годами видел зарождение, расцвет и упадок романтизма, видел возрождение религиозного чувства и — быть может, как дополнение к нему — возрождение спиритуалистической философии. Это одна из замечательнейших эпох в истории французской литературы.

ГЛАВА XIV

ИТАЛИЯ

1810—1846

I. Крушение наполеоновского владычества и пробуждение национальной идеи

Последние годы французского владычества в Италии [1] были решающим периодом в истории ее национального самосознания. Задавленная армиями Наполеона или убаюканная его обещаниями, национальная идея с неотразимой силой внедрилась в умы под действием его насилий, а его военные неудачи подали надежду на осуществление национальных идеалов. Никогда еще эта идея не находила столь многочисленных защитников и не имела таких серьезных шансов на успех. Однако она и на этот раз потерпела неудачу, потому что если ей и удалось преодолеть политический индиферентизм итальянцев, то она оказалась еще не в силах победить их вековые предрассудки. Но, бесплодная в политическом смысле, эта критическая эпоха оказалась плодотворной с моральной точки зрения: итальянцы вынесли из этого периода ясное понимание конечной цели, к которой следовало стремиться, и тех подводных камней, которых следовало избежать, прежде чем ее достигнуть.

Первые попытки противодействия. Первое противодействие своему владычеству Наполеон встретил на юге полуострова, и притом — со стороны самого преданного из своих сподвижников. Гордясь своим королевским титулом, Мюрат в то же время чувствовал себя униженным необходимостью играть роль префекта, и гордость владетельного государя вступила в его душе в борьбу с верностью солдата.

---

[1] См. т. I, стр. 428 и сл.

*

Еще серьезнее было положение дел в северной части полуострова, где французское владычество породило глубокое и, казалось, всеобщее недовольство. Народная масса ставила в упрек французам непрерывный рост фискальных поборов, тяжесть рекрутчины, гекатомбы испанской войны, [1] купцы — континентальную блокаду со всеми ее стеснениями и приостановку в торговле, сторонники независимости — отсрочку — неведомо до каких пор — осуществления своих надежд, дворянство — милости, расточаемые армии, духовенство — насилия над папой, миланцы — распущенность и высокомерие вице-короля Евгения. Чтобы превратить это недовольство в гнев и эти смутные стремления в страсти, нужно было событие, которое сделало бы и без того тяжкое иго Наполеона окончательно невыносимым. Таким событием явилась русская кампания, следствием которой было образование в Милане боевых политических партий и окончательный разрыв Мюрата с Наполеоном.

Поражения Наполеона и их последствия. 18 февраля 1812 года 27 000 итальянцев, в том числе гвардия и отборные войска, с бодрым духом выступили в Польшу, предварительно весело отпраздновав карнавал в Милане; в декабре лишь около тысячи их собралось в Мариенвердере вокруг императорских орлов. Таким образом, Россия поглотила 26 000 человек из состава итальянской армии, в том числе почти всех гвардейцев, принадлежавших к знатнейшим фамилиям королевства. Эта катастрофа задела все классы общества. Их скорбь превратилась в злобу, когда такими же гекатомбами ознаменовался и следующий год: из 30 000 человек, набранных второпях и направленных на помощь главной армии в Германию, в ноябре 1813 года обратно перешли Альпы лишь 3000; из 30 000, в несколько приемов посланных в Испанию, в декабре вернулось только 7000 человек. В два года итальянцы принесли в жертву чуждому им делу 60 000 жизней — целое поколение. Будучи не в силах ускорить гибель Наполеона, они имели возможность предвидеть ее как результат его повторных поражений и, чтобы встретить желанный миг во всеоружии, начали группироваться, сообразно своим желаниям и программам, в три главные партии.

Первая составилась из той части старого дворянства, которая не поддалась влиянию революционных идей и не пошла на сделки с Империей. Видя во французском владычестве

[1] Наполеон направлял в Испанию итальянские полки в особенности с 1810 года. — *Прим. ред.*

лишь преходящее явление и фактическое беззаконие, не влекущее за собою правовых последствий, она ставила себе целью не более, не менее как закрыть скобки, открытые восемнадцать лет назад, т. е. восстановление в полном объеме режима, существовавшего в 1796 году.

Естественным противовесом этой партии являлась партия вице-короля, более многочисленная и более просвещенная, но зато и гораздо менее однородная. В ее состав входили: бо́льшая часть офицерства, которое связывали с вождем как узы военной верности, так и память о совместных победах и лишениях, почти все чиновники, лично заинтересованные в сохранении существующего строя, и, наконец, часть той либеральной буржуазии, которая, особенно в Романье, образовала умеренную республиканскую партию. Общая программа этих разнородных групп сводилась к тому, чтобы сохранить существующие учреждения, которые сами по себе гарантировали государству достаточную независимость, а также трон вице-короля, все недостатки которого, проистекавшие из чрезмерной преданности Наполеону, должны были исчезнуть с падением последнего.

К несчастью, их усилия парализовала деятельность третьей партии, которая, стоя между двумя первыми, бессознательно играла в руку Австрии. Партия эта возникла недавно, называла себя «национальною» и распадалась на две особые группы, объединяемые лишь общей ненавистью к вице-королю, которого они считали слишком слабым, и к австрийскому владычеству, которого они боялись. Политическим вождем первой группы был директор полиции Луини, военными — генералы Пино и Лекки, идеалом — слияние всей Италии с Неаполитанским королевством под скипетром Мюрата. Во вторую группу вошли знатные молодые миланцы, как Верри, Конфалоньери, Босси, Порро, Кастильони, раздраженные милостями, которыми Евгений осыпал офицеров, и рассчитывавшие, что в независимом аристократическом государстве их ждут почести, видные должности, быть может, даже корона. По своему честолюбию они были способны вызвать кризис, но по своей политической неопытности они не сумели бы им воспользоваться.

В Неаполитанском королевстве исход русской кампании вызвал такое же глубокое раздражение, как и в Итальянском: в России легло до 8000 неаполитанцев. И вот чиновники, средний класс и мелкое дворянство стали группироваться в тайные общества, ставившие себе целью поддержать любого государя, который согласится дать стране либеральную конституцию.

Недовольство народа осложнялось раздражением короля. Мюрат самовольно вернулся из России и был оскорблен одной фразой в *Монитере*, резко порицавшей его поспешный отъезд из армии. Прибыв в свое королевство, он увидел себя между двух огней: либералы осаждали его своими требованиями, союзники тянули его на свою сторону. Это испытание оказалось Мюрату не по силам. Первое время по возвращении из России он, казалось, готов был дать волю своему озлоблению против Наполеона. Тем не менее он уехал командовать конницей под Дрезденом и Лейпцигом. Одну минуту король уже готов был склониться на увещания либералов, предлагавших поднять против Франции знамя борьбы за итальянскую независимость, и в то же время по его распоряжению был предательски схвачен Манесом и расстрелян вождь калабрийских карбонариев Капобианко (сентябрь 1813 г.). Мюрат несколько раз завязывал оживленные переговоры с лордом Бентинком, начальником английских сил в Сицилии, но переговоры эти каждый раз обрывались вследствие нежелания Мюрата представить реальные гарантии верности, которых требовали от него. Наконец, после долгих колебаний, король заключил с Австрией (11 января 1814 г.) договор, по которому обязался оказать союзникам вооруженную помощь против Наполеона, за что ему гарантировалась его корона. Но он чрезвычайно медленно продвигался к Романье, где его войска должны были образовать левое крыло австрийской армии Нугена, и к тому же не стеснялся вести переговоры с Евгением, которому предлагал разделить Италию на два королевства, причем границей должно было служить течение реки По.

Кампания 1813—1814 годов в Италии. Евгений уже шесть месяцев отстаивал с оружием в руках свои владения. Действуя на одном из второстепенных театров европейской войны, он нес на себе последствия военных и дипломатических поражений, какие терпел его отчим. Объявление войны Австрией, напавшей на него с фронта, заставило его отступить от Альп к Изонцо (сентябрь 1813 г.); отложение Баварии, грозившей его левому флангу, вызвало в ноябре отход к Адидже (Эч), а измена Мюрата, обнажившая его правый фланг, принудила уйти на линию Минчио (февраль 1814 г.).

Известие об отречении Наполеона Евгений получил в Мантуе. Это событие возвращало ему свободу действий: отныне он мог бороться за свою корону и за неприкосновенность своих владений. Для достижения этой двойной цели он заключил с Бельгардом в Скиарино-Риццино (16 апреля) перемирие на следующих условиях: французским полкам его армии

предоставляется право вернуться во Францию; итальянская армия сохраняет свои позиции вокруг Мантуи; разрешается послать в Париж делегатов от армии и правительства для исходатайствования у союзных государей независимости. Это ходатайство, казалось, имело шансы на успех; из всех королевств, созданных Наполеоном, одно лишь Итальянское сохранило особое правительство, частью нетронутую территорию, хорошую военную границу, национальную армию и государя, связанного узами симпатии или родства с несколькими монархами, принадлежащими к коалиции. Стоило народу сомкнуться вокруг трона Евгения Богарнэ, и он добился бы от союзников сохранения существующих учреждений. Но миланцы не поняли этого. Двух революций оказалось достаточно, чтобы превратить независимое государство в австрийскую провинцию; из них одна насильственно заменила власть вице-короля временным правительством, другая — заменила временное правительство чужеземным господством Австрии.

Миланская революция. Первая из этих революций представляет собою кровавую драму, разыгравшуюся в Милане и состоявшую из трех актов, в которых общественные власти, образованный класс и народные массы поочередно играли главную роль. Созванный 17 апреля 1814 года для избрания делегации, которая должна была отправиться в Париж ходатайствовать за Евгения, сенат по наущению австрофилов вынес двусмысленное постановление, недостаточное, если большинство стояло на стороне Евгения, и бесполезное в противном случае. Это была одна из тех полумер, которые в минуты кризисов способны лишь создавать новые осложнения.

Сенат убедился в этом на следующий день, 18-го; упрекая его за нерешительность, крайние партии выступили на сцену, чтобы покончить с режимом, в устранении которого все они были равно заинтересованы. Сторонники Мюрата во главе с Пино, итальянцы-патриоты во главе с Конфалоньери, австрофилы во главе с Гамбараной — составили общую петицию, которая, оспаривая законность решений, принятых сенатом, требовала немедленного созыва избирательных собраний. Одновременно из Новары были вызваны полчища вооруженных крестьян, чтобы поддержать эти требования народной демонстрацией.

Но эти своеобразные союзники пошли гораздо дальше, чем этого хотели призвавшие их, и вписали печальную страницу в историю наполеоновской Италии. 20 апреля они, под предводительством Конфалоньери, двинулись к зданию, где заседал сенат, и сначала осыпали бранью сенаторов, преданных

вице-королю, а под конец ворвались в зал заседаний и разгромили его. В этот момент, пользуясь возбуждением, какие-то негодяи бросили в толпу имя Прина, министра финансов, в котором народ давно видел олицетворение фискального гнета. Этого оказалось достаточно, чтобы толпа осадила дом Прина, вывела его из тайника, где он спрятался, четыре часа волочила по улицам и медленно прикончила ударами палок и зонтиков. Являлись итальянские либералы соучастниками этого преступления или нет, — их цель, во всяком случае, была достигнута: они отняли у французской партии законную власть роспуском сената и моральную силу — убийством Прина.

Временное правительство и восстановление австрийского владычества. После разрушения надо было созидать, но на это либералы оказались неспособны. 21 апреля было учреждено временное «регентство», которое должно было подготовить почву для установления настоящего правительства. Но установить его можно было только в том случае, если бы регентство могло опереться на войско и было поддержано народом, санкционировано державами и одобрено Австрией. Шаги, предпринятые итальянскими либералами во всех этих направлениях, оказались безрезультатными, и, пользуясь их стесненным положением, Австрия уверенно пошла к своей цели. 23 апреля ее войска заняли Мантую, 26-го — Милан, 25 мая Бельгард издал прокламацию, возвещавшую уничтожение Итальянского королевства; 12 июня новая прокламация сообщила миланцам, что их судьба окончательно решена Парижским трактатом и что все провинции к северу от По безвозвратно вошли в состав Австрийской империи. Так как итальянская армия была рассеяна, то о сопротивлении нечего было и думать, и благородные, но неловкие усилия итальянских либералов имели лишь то последствие, что подготовили путь к восстановлению чужеземного владычества.

Последняя кампания Мюрата. Но в последнюю минуту на защиту независимости Италии выступил тот самый человек, который раньше нанес такой удар итальянскому национальному делу. Неаполитанский король Мюрат вернулся в свою столицу тотчас после прекращения военных действий. Не помышляя ни о чем, кроме сохранения своей короны, он сначала решил прибегнуть для этого к заступничеству той державы, которая гарантировала ему престол, и послал на Венский конгресс для защиты своих интересов князя Кампо-Кьяро. Происки Марии-Каролины Бурбонской и Талейра-

на,[1] настойчиво домогавшихся низложения Мюрата, встретили отпор со стороны Меттерниха, которому было неудобно нарушить формально заключенный договор. Таким образом, начатые переговоры должны были, повидимому, окончиться к выгоде Мюрата, если бы он не совершил промаха и не испортил развязки из желания ее ускорить. Получив известие о договоре 3 января, разделившем Европу на два лагеря, он счел войну неизбежной, и, спеша принять в ней участие, чтобы использовать ее в своих интересах, заявил, что намерен провести свои войска через папские владения, отделявшие его от остальной Европы. Этим он дал Австрии предлог немедленно мобилизовать армию на берегах По. Но в то самое время, когда Мюрат таким образом навлек на себя вражду своей недавней покровительницы, он снова стяжал милость Наполеона, который, готовясь высадиться во Франции, прислал ему свое прощение и просьбу о поддержке. Большего и не надо было, чтобы Мюрат решил переменить свою политику: перейти снова в лагерь Наполеона и вознаградить себя войной за неудачу дипломатических переговоров. Он остановился на той мысли, что теперь единственным средством сохранить свои владения является их увеличение, что, смело перейдя в наступление, он может прогнать австрийцев с полуострова и что, воскресив идею независимости, он подстрекнет тем итальянцев к восстанию в его пользу. 15 марта Мюрат выступил из Неаполя с армией в 35 000 человек и без труда занял Рим, Тоскану и Марки;[2] в Римини он издал широковещательную прокламацию к тем, которых надеялся сделать своими подданными. «Итальянцы, — говорилось здесь, — настал час, когда должны исполниться судьбы Италии; провидение наконец призывает вас стать независимым народом; да раздастся же от Альп до Сицилийского пролива единодушный клич: независимость Италии!» На первых порах удача сопутствовала Мюрату; встреченный в Романье как освободитель, он взял Чезену, занял Болонью и после блестящего боя овладел Моденой. Но это был его последний успех. Перед ним стояла многочисленная армия в укрепленном лагере позади линии реки По, которую он безуспешно пытался форсировать у Оккиобелло (7 апреля); его собственное войско было плохого качества, разнородно по составу и малочисленно; народона-

[1] Талейран получил за это денежную взятку от Марии-Каролины и ее мужа Фердинанда. За получением взятки Талейран специально посылал из Вены к ним в Сицилию своего секретаря. — *Прим. ред.*

[2] Так назывались провинции: Песаро, Урбино, Анкона, Мачерата и Асколи.— *Прим. ред.*

селение его королевства было утомлено войной и прислало ему лишь 500 добровольцев вместо тысяч, которых он ждал; да сверх того, ему еще вредило французское происхождение и память о его былой покорности велениям Наполеона.

Мюрат подвигался вперед уже нетвердой поступью, когда известие более важное, нежели все предыдущие, заставило его отступить: англичане готовились напасть на берега его королевства. Ему предстояло поспешно вернуться, чтобы затем отразить атаки армии Нейперга, следовавшего за ним по пятам. Он дал Бианки неудачное сражение при Толентино (3 мая), вернулся в Капую с армией, сократившейся вследствие дезертирства до 6000 человек, и заключил в Казаланце с английскими и австрийскими генералами военную капитуляцию, по которой он обязался покинуть свое королевство. Таким образом, выступив из своей столицы 15 марта как освободитель, Мюрат 9 мая вернулся в нее побежденным, а 20-го покинул Неаполь как изгнанник. Его место занял Фердинанд IV, поспешно прибывший из Сицилии.

Безрассудный поход стоил Мюрату короны, а за новое безрассудство он заплатил жизнью. Удалившись на Корсику, Мюрат получал здесь донесения, продиктованные, вероятно, бурбонским министром Медичи, где положение дел изображалось таким образом, будто под Фердинандом колеблется почва, всюду царит недовольство, и народ, как и армия, готов стать под его знамя, если он сам явится в свое бывшее королевство. Введенный в заблуждение этими лживыми известиями, Мюрат попал в ловушку, расставленную ему врагами: 8 октября он с горстью людей высадился в Пиццо, в Калабрии. В народной памяти надолго сохранилась легенда о его смерти и последних минутах: не успел он сойти на берег, как был схвачен и передан в руки военной комиссии, которая, учинив над ним суд единственно для формы, приговорила его к смерти (13 октября). Он умер, как подобает солдату: сам скомандовал «стреляй!» — взводу, присланному для исполнения казни.

II. Реставрация

Общий характер этого периода. Завоевав Италию, надлежало организовать ее. Многочисленные изменения, которым она подверглась за последнюю четверть века, характеризовались тремя главными чертами: они являлись первыми этапами эволюции, конечной целью которой были территориальное единство, национальная независимость и политическая сво-

бода. Итальянцы одобрили замысел и оценили благие плоды дела, предпринятого Наполеоном, и упрекали они его не за то, что он начал это дело, а за то, что бросил его не закончив и остановил итальянцев на полдороге к цели, к которой вел. Поэтому наилучшим средством снискать их доверие было — не расстроить это дело, а завершить его и упрочить. Властелины Италии не поняли этого; они круто вернули ее к той точке, на которой она стояла в 1789 году: ее единство было разрушено Венским конгрессом, независимость принесена в жертву Австрии, а свобода задушена государями.

Венский конгресс и территориальное положение. Венский конгресс упростил карту Италии лишь в двух пунктах и в ущерб двум независимым государствам — Венецианской республике, у населения которой нехватило сил даже для протеста, и Генуэзской республике, которая устами своего уполномоченного в Вене, маркиза Бриньоля, подтвердила свое отвращение к навязанному ей сардинскому господству. Венеция отошла к Австрии, Генуя — к Сардинскому королевству.

Австрия и независимость. Это нескончаемое дробление, разбив Италию на мелкие государства, по слабости неспособные стоять на собственных ногах, должно было, как в былое время, сделать их игралищем в руках той из соседних держав, которая пожелала бы подчинить их своему верховенству. Этой державой была Австрия.

Прежде всего она уничтожила в Ломбардии и Венецианской области то политическое устройство, которое ввел в этих провинциях Наполеон. Когда после разрушения понадобилось строить заново, венский двор, стремясь одновременно осуществить цели своей политики и выполнить обещания, данные подданным, решил образовать из своих итальянских владений особое королевство, не имеющее, однако, своего знамени и своей армии, с вице-королем, лишенным всякой власти, с представительными собраниями, которые правительство пополняло по своему усмотрению, и территорией, лишенной единства в результате деления на два больших округа по ту и эту сторону Адидже (Эч). В новоприобретенных областях Австрии не сохранилось ни одного учреждения, которое каким бы то ни было образом могло стеснить ее господство.

Чтобы завершить это устройство, оставалось лишь распространить его за пределы этого края, т. е. привести в покорность всех итальянских государей. Некоторые из них, будучи связаны с габсбургским домом узами родства, должны были без особенного сопротивления согласиться стать его клиентами: таковы были Франческо IV Моденский, Фердинанд III

Тосканский и Мария-Луиза Пармская. Первый добровольно отдался под покровительство императора Франца II; второй заключил с императором (12 июня 1815 г.) союзный договор, очень напоминавший отречение; наконец, Мария-Луиза легко согласилась передать имперским агентам управление своим герцогством. Таким образом Австрия приобрела неограниченное господство над северной Италией, которую она к тому же держала в страхе частью крепостями известного «четырехугольника», [1] частью через посредство Феррары и Пьяченцы, где она выговорила себе право иметь гарнизоны. На другом конце полуострова она убедила неаполитанский двор, искавший себе покровителя против посягательств сторонников Мюрата, заключить с ней наступательный и оборонительный союз, по которому Фердинанд обязывался всегда поддерживать ее политику — как внешнюю, так и внутреннюю. Один только государь, если не считать Пия VII, не поддавался влиянию Австрии — это король Виктор-Эммануил I, который, повидимому, предчувствовал великую роль, предназначенную Пьемонту (Сардинскому королевству). Меттерних не брезгал ничем, чтобы склонить его на свою сторону: в 1814 и 1815 годах он предлагал Виктору-Эммануилу союз, результатом которого должна была быть уступка верхней Новары; продлил до 1816 года военную оккупацию его владений, наконец, тщетно предлагал Виктору-Эммануилу вступить в федеративную итальянскую лигу, которая должна была быть организована наподобие Германского союза и где Австрия играла бы руководящую роль. Виктор-Эммануил упорно отвергал все эти предложения, но вся остальная Италия казалась лишь придатком империи Габсбургов.

Государи и абсолютистская реакция. Ломбардо-Венецианская область. Нетрудно было предвидеть, какой политики станут отныне держаться государи в отношении своих подданных: их управление неминуемо должно было приобрести ретроградный характер. Они всюду силятся истребить дотла все политические учреждения и гражданские реформы, внесенные в Италию французским владычеством.

Это реакционное движение началось в Ломбардо-Венецианской области, получившей к тому времени окончательное устройство. От наполеоновского режима Австрия сохранила одни злоупотребления: она восстановила рекрутские наборы и в полном объеме сохранила существующие налоги. Система

---

[1] Речь идет о четырех крепостях, совокупность которых называется «четырехугольником» — Верона, Мантуя, Пескьера и Леньяно. — *Прим. ред.*

ее политического управления характеризовалась всемогуществом полиции, проникавшей в частную жизнь и поощрявшей доносы, раболепием чиновников, полным бессилием выборных органов или корпораций, располагавших лишь правом представлять заявления, большей частью чисто платонического свойства; ее административная система характеризовалась учреждением судов, члены которых в большинстве были иностранцами (т. е. австрийцами), и введением в Ломбардо-Венецианской области австрийского уголовного и гражданского уложений, из которых первое устранило суд присяжных, второе — гражданский брак. Экономическая политика Австрии характеризовалась установлением таможенных пошлин и налогов, имевших целью сделать итальянские провинции данницами австрийской промышленности и австрийского казначейства. Все эти мероприятия уже в начале австрийской оккупации вызвали всеобщее недовольство, которое могло бы стать опасным, если бы правительство не ослабило его, сохранив частично социальные реформы, осуществленные в предыдущий период, усвоив уравнительную политику Наполеона, остерегаясь допускать в придачу к государственному абсолютизму еще и преобладание какого-либо привилегированного класса: не позволяя дворянству восстановить свои привилегии, не даруя духовенству права изъятия из общей юрисдикции, не позволяя армии притеснять население, чиновникам — злоупотреблять своей властью. Сравнительная умеренность этого режима ценилась тем выше, что она представляла полный контраст с самодурством соседних государей.

Сардиния. Из всех этих государей при наилучших, пожалуй, предзнаменованиях вступил на престол король сардинский. По свидетельству современников, народ с небывалым энтузиазмом приветствовал Виктора-Эммануила при его въезде в столицу предков (20 мая 1814 г.). К несчастью, Виктор-Эммануил принадлежал к числу тех государей, которые ничего не забыли и ничему не научились за последние двадцать лет. На другой день по его прибытии в Турин, 21 мая, появился знаменитый эдикт, который отменил все французские законы и учреждения, не удостоив даже упомянуть о них, и предписал «руководствоваться королевскими конституциями 1770 года, не считаясь ни с каким иным законом». С этого момента в стране воцарился самый необузданный деспотизм и все безобразия режима сословного неравенства. Король, хвалившийся, что «проспал двадцать лет», доходил в своей ненависти к революции до того, что собирался закрыть дорогу через перевал Мон-Сени и разрушить мост через По,

потому что и эта дорога и этот мост были делом французских рук. Он так любил прошлое, что восстановил в должностях чиновников, отставленных в 1800 году, и воскресил учреждения, уничтоженные тогда же. Он был до того самовластен, что вмешивался в частные дела, раздавая своим приверженцам *патенты*, дававшие им отсрочку для уплаты долгов, несмотря на протесты кредиторов. Наконец, король так уважал традицию, что восстановил касты, упраздненные французами: дворянству он вернул не только должности в армии, но и феодальные права, десятины, майораты и фидеикомиссы,[1] духовенству — земли, право «мертвой руки», особые суды, равно как и цензуру книг. С момента реставрации Пьемонт, казалось, вернулся вспять на полвека.

Церковные владения. Те же невзгоды угрожали на первых порах и церковным владениям. Кардинал Риварола, замещавший Консальви во время пребывания последнего в Вене, также — эдиктом 13 мая 1814 года — отменил все французские законы и восстановил те, которые раньше действовали в Риме; Кодекс Наполеона был устранен, светский административный персонал заменен духовенством, и стремление искоренить все, созданное французами, побудило правительство отменить даже прививку оспы и освещение Рима по ночам. Консальви, назначенный по возвращении с Венского конгресса государственным секретарем, с успехом вступил на путь более терпимой политики; оставляя безнаказанными административные злоупотребления и признавая себя бессильным искоренить все усиливающиеся разбои, он выступил с заманчивыми обещаниями и занялся главным образом выработкой гражданского уголовного и торгового уложений.

Королевство Обеих Сицилий. В королевстве Обеих Сицилий реакция, казалось, должна была носить особенно резкий характер ввиду личных свойств государя. К счастью, в 1815 году Фердинанд IV уже ослабел от старости, освободился от влияния жены, свирепой Марии-Каролины, умершей в 1814 году, был стеснен контролем держав и надзором со стороны Австрии, под опеку которой он отдался, и поглощен заботой об уничтожении политической автономии и либеральных учреждений,

---

[1] Право объявлять свои имения заповедными, т. е. обеспечивать их навеки за известной дворянской семьей, причем такие имения нельзя было ни в каком случае продавать или отчуждать даже в случае претензии, предъявляемой кредиторами или казной. Это именно право и понималось в Сардинском королевстве под термином «фидеикомисс», или, точнее, «семейный фидеикомисс». — *Прим. ред.*

которые он принужден был даровать Сицилии. Именно в 1812 году, когда все его владения ограничивались одним этим островом, он — по настоянию своих подданных и по ходатайству английского комиссара Бентинка — заменил старые феодальные учреждения либеральной конституцией по образцу английской — с двумя палатами и ответственным министерством. Но едва он занял неаполитанский престол, как решил при помощи австрийского союза восстановить на острове свою абсолютную власть и заодно уничтожить административную независимость Сицилии. Объявив, что налоги, вотированные последней сессией, имеют отныне постоянный характер, он перестал созывать парламент и принял титул Фердинанда I, короля *Соединенного королевства Обеих Сицилий*. Избавившись раз навсегда от финансовой заботы, он перестал следовать советам послов, по обыкновению предался лени, старался даже умерить пыл своих приверженцев и обнаруживал свою ненависть к наполеоновскому режиму лишь тем, что упорно отказывался посещать аллею для прогулок в Позилиппо, обсаженную деревьями при Мюрате. В общем Фердинанд сохранил французские законы, касавшиеся личных и имущественных прав, издав их в новой редакции и с некоторыми поправками; дворянству он не вернул ни феодальных прав, ни фидеикомиссов, духовенству возвратил только те земли, которые оставались непроданными, и под тем условием, чтобы епископы служили интересам его короны, донося о заговорах, возникающих в пределах их епархий.

Итак, от северного до южного края полуострова одна и та же политика, разнообразная в своих внешних формах, но, в сущности, одна и та же по направлению, была предложена державами, навязана Австрией и принята итальянскими государями. Эта политика стремилась превратить Италию в «географический термин», а каждое из итальянских государств — в дореволюционную монархию. Окажутся ли народы настолько смирными, чтобы покориться этой политике и настолько равнодушными, чтобы приспособиться к ней? От решения этого вопроса зависела судьба Италии.

III. Революции 1820 и 1821 годов

Первые симптомы недовольства. Этот вопрос решился очень скоро. Для того чтобы народ мог освоиться со столь резким поворотом вспять, нужно было не только навязать ему снова старые учреждения, но и переделать его понятия.

Люди с благородными и истинно патриотическими убеждениями, смотревшие на диктатуру Наполеона как на переходную ступень к независимости и свободе Италии, гражданские и военные служащие французского режима, привыкшие к системе чинопроизводства, основанной единственно на оценке заслуг, наконец молодые люди, выросшие под сенью наполеоновской власти, блеск которой увлекал их воображение, — с непреодолимым отвращением сносили гнет этого притеснительного режима, признававшего их усердие ненужным, их стремления — опасными, их жажду деятельности — предосудительной. Эти три категории недовольных, составлявшие большинство образованного общества, поддерживали в стране опасное брожение.

Тайные общества. Раздражение, вызванное ретроградной политикой итальянских государей, обнаружилось сначала в той форме, в какой обычно обнаруживается противодействие правительству в самодержавных монархиях: в организации тайных обществ, из которых наиболее прославилось общество *карбонариев*. Происхождение этой политической секты, зачатки которой одни искали в далекой древности и которую другие считали простым ответвлением франкмасонства, остается, в сущности, до сих пор невыясненным. Она появляется лишь около 1807 года, уже с точно определенной целью и многочисленными адептами. Организация имела тогда наибольшее число членов в среднем классе, особенно в Абруццах, и ставила себе целью изгнать Мюрата, если он попрежнему будет отказывать своим подданным в конституции. Когда события 1815 года устранили эту цель, общество карбонариев, казалось, должно было бы постепенно исчезнуть, но бестактные преследования правительства вдохнули в него новую жизнь; оно объединило в своих рядах весь средний класс, перешло границы Неаполитанского королевства и простерло свои разветвления в Романью, в герцогства, в Пьемонт и в Ломбардо-Венецианскую область. В разных городах оно принимало разные формы и разные наименования, но всюду сохраняло ту же организацию в виде *вент* — ячеек из 20 членов, окружало свои собрания той же таинственностью и приучало своих приверженцев к тем же приемам деятельности; всюду оно объединяло всех недовольных, какова бы ни была их окраска, и тем лишало себя того единства политических убеждений и цели, которое сделало бы его усилия более плодотворными.

Военный бунт в Неаполе. Итак, кадры революции были налицо; для того, чтобы она вспыхнула, нужно было одно из

СТЕНДАЛЬ

С портрета Зёдермарка

двух: или чтобы абсолютная власть выказала некоторую слабость или чтобы пример какой-нибудь соседней страны показал, как можно сломить сопротивление абсолютизма. Этот пример подала Испания, и ему последовал Бурбонский конный полк, расквартированный в Ноле, под начальством генерала Гульельмо Пепе, бывшего мюратовского офицера и убежденного карбонария. 2 июля на рассвете младшие лейтенанты Морелли и Сильвати, подстрекаемые патером Миникини, подали сигнал к мятежу; собрав сотню солдат и пройдя по улицам города с криком «Да здравствует король и конституция!», они двинулись к Ноле, комендант которой, подполковник Кончили, такой же карбонарий, как они, открыл им ворота; затем они направились в лагерь Монтефорте, где остановились на некоторое время, чтобы дать своим приверженцам присоединиться к ним и чтобы выждать такой же попытки восстания со стороны неаполитанских карбонариев. Успех восстания оказался более быстрым, и оно охватило большее число сторонников, чем на это можно было надеяться. Двор, обескураженный тем, что генералам Караскоза и Нунцианте никак не удавалось двинуть против мятежников своих солдат, испуганных изменою Пепе, который тайком уехал в лагерь восставших, в конце концов уступил настоянию делегации из пяти карбонариев, прибывшей во дворец и требовавшей издания конституционного статута не позднее как через два часа. 6-го утром по приказанию короля в Неаполе была расклеена прокламация, содержавшая следующие строки: «Идя навстречу общему желанию народонаселения Обеих Сицилий иметь конституционное правительство, мы выражаем на это полное наше согласие и обещаем обнародовать основания нового строя отныне в недельный срок». 9 июля восставшие торжественно вступили в Неаполь. Во главе шел Пепе, за ним — солдаты из лагеря Монтефорте и несколько тысяч карбонариев с кокардами трех карбонарских цветов: красного, черного и синего. Под несмолкающие рукоплескания толпы депутация представилась королю; он обнял Пепе и возблагодарил бога за то, что ему «суждена на старости лет радость оказать своему королевству столь великое благодеяние». Спустя четыре дня (13 июля) Фердинанд присягнул на верность конституции и, прочитав писанную формулу, добавил по собственному побуждению: «Всемогущий боже, читающий в сердцах и в будущем, если я клянусь неискренно или если мне суждено нарушить сию клятву, обрушь на мою голову громы твоего мщения».

Конституционное правительство и восстановление абсолютной власти. «Произвести революцию в Италии так же легко, как трудно организовать в ней новый строй». События, разыгравшиеся в Неаполе в 1820 году, блестяще подтвердили это наблюдение итальянского историка. Карбонариям понадобилась всего одна неделя, чтобы заменить самодержавное правительство конституционным, а еще десять месяцев спустя они безуспешно силились справиться с затруднениями, которых не умели ни предотвратить, ни предвидеть и под бременем которых в конце концов должны были сломиться.

Первой из ошибок, которые погубили карбонариев, было то, что вместо национальной конституции, действовавшей в Сицилии с 1812 по 1815 год, они вздумали навязать ей конституцию по испанскому образцу, которую ввел у себя Неаполь, вынужденный к этому необходимостью торопиться. Это их стремление пробудило в сицилийцах, как в монархистах, так и в либералах, искони дремавший в народе инстинкт независимости. Палермо восстал (17—18 июля 1820 г.), избрал *верховную джунту*, немедленно отправившуюся в Неаполь требовать автономии и особого короля, и с необыкновенной стойкостью отразил сначала нападение со стороны Мессины, высказавшейся против него, а затем армию Пепе, присланную на остров с поручением привести Палермо к покорности. Для усмирения восстания пришлось отправить сюда новую экспедицию под начальством Коллетта; мятеж был подавлен в начале октября, но в течение трех месяцев он поглощал все внимание и все силы правительства.

Между тем задача, предстоявшая правительству, была настолько сложна, что сама по себе требовала полного внимания: нужно было руководить дебатами в парламенте, собравшемся 1 октября, дать отпор притязаниям национальной гвардии и карбонариев, осуществить обещанные реформы и в особенности — расстроить происки Священного союза, направленные к тому, чтобы заставить короля отвергнуть конституцию. Известно, как государи австрийский, прусский и русский, собравшись в Троппау для обсуждения неаполитанского вопроса, пригласили Фердинанда (ноябрь 1820 г.) приехать в Лайбах для переговоров с ними. Так как конституция запрещала монарху покидать пределы королевства, он вынужден был просить разрешения у парламента, причем обязался отстаивать на конгрессе права своего народа (7 декабря). Несмотря на противодействие карбонариев, депутаты, забыв,

что этот король уже однажды, в 1799 году, изменил присяге, дали в конце концов согласие на его отъезд (24 декабря), а Фердинанд поклялся остаться верным конституции и в случае надобности вернуться, чтобы защищать ее с оружием в руках. Он уехал, сопутствуемый благословениями и надеждами народа, оставив своего сына наместником королевства. Эта вторая ошибка решила участь революции.

Действительно, легко было предвидеть, что король, пользуясь предоставленной ему свободой, изменит делу, которое он обязался защищать; так именно и случилось. Удивление, вызывавшееся его непонятным молчанием в течение всего января, перешло в оцепенение, когда сделалось известным, что в Верхней Италии сосредоточивается австрийская армия, и в ярость, когда одно за другим были получены письмо Фердинанда (28 января) и ультиматум посланников Священного союза (9 февраля). Из этих документов явствовало, что державы, признавая созданный неаполитанской революцией режим несовместимым с безопасностью соседних стран, решили устранить его вооруженной силой. Была составлена пламенная прокламация, призывавшая народ встать с оружием в руках на защиту свободы, и народ откликнулся на этот призыв с небывалым одушевлением; всюду шли приготовления к борьбе.

Энтузиазм, с которым население начинало эту борьбу, казалось, предвещал ей счастливый исход. Существовало, повидимому, только одно средство выиграть войну при всем неравенстве сил: нужно было, пользуясь этим порывом и тем брожением, которое господствовало в остальной Италии, смело броситься вперед и вызвать грозное движение в северной части полуострова; только смело нападая, можно было с успехом обороняться. Либеральное неаполитанское правительство не поняло этого и вследствие своей робости и нерешительности упустило единственный имевшийся у него шанс отразить нападение австрийцев. Желая до конца остаться на почве законности, оно заявило, что австрийские войска будут признаваться неприятельскими лишь с момента, когда перейдут границу, и ограничилось приготовлениями к обороне. Были сформированы две армии: одна, под начальством Караскозы, расположилась на пути из Рима, между Гаэтой и Апеннинами; другая, под начальством Пепе, заняла Абруцци, к которым приближалась армия Фримона. Пепе, преувеличивая силу своего войска, состоявшего в большинстве из необученных рекрутов, задумал отнять у своих противников город Риети, был разбит под этой крепостью (7 марта),

вынужден был покинуть ущелье Антродокко, представлявшее собой настоящие ворота королевства, и, сохранив вследствие ужасающего дезертирства лишь горсть солдат, без боя отступить к Неаполю. Теперь восстановление Фердинанда в правах абсолютного монарха было лишь вопросом нескольких дней; 23 марта австрийцы вступили в Неаполь, где парламент разошелся, заявив устами Поэрио во имя народного суверенитета протест против подобного нарушения международного права. Последний акт драмы разыгрался в Сицилии, где мессинцы, под руководством генерала Россароля, решили защищаться; Россароль потерпел неудачу в своем предприятии и в первых числах апреля вынужден был покинуть остров.

Фердинанд, следовавший по пятам за австрийскими войсками, вступил в свою столицу, куда по его приказанию уже раньше прибыл министр полиции, знаменитый Каноза. Нетрудно было предвидеть, какой свирепой реакцией ознаменуется деятельность этих людей. Что касается политических результатов революции, то они были еще более плачевны, так как бремя своего, домашнего, произвола усугубилось теперь всеми невзгодами иноземного порабощения: национальная армия была распущена, и вся неаполитанская территория занята австрийскими войсками. Таким образом, первая попытка итальянцев завоевать себе свободу привела лишь к тому, что самодержавные государи и поддерживавшая их Австрия сделались сильнее, чем когда-либо.

Революция в Пьемонте. Ее причины и ее вожди. Одно время можно было думать, что этот порядок вещей недолго удержится: знамя карбонариев было снова поднято на севере в ту самую минуту, когда оно спустилось на юге Италии. Пьемонтская революция последовала почти непосредственно за неаполитанской; она длилась не так долго и увенчалась лишь мимолетным успехом, но имела большее значение как по принципам, на которые она опиралась, так и по своим возможным последствиям; она носила и национальный и либеральный характер, была вызвана больше отвращением к Австрии, нежели ненавистью к произволу, и стремилась к установлению конституционного строя лишь с целью подготовить образование в Верхней Италии единого королевства под властью Савойской династии.

Ввиду своеобразных условий народной жизни это движение должно было получить в Пьемонте особенную форму — несколько иную, чем в других местах. Чувства непоколебимой

лойяльности и верности, одушевлявшие пьемонтцев, не позволяли им возлагать на своего короля ответственность за те бедствия, на которые они жаловались: они во всем обвиняли Австрию, действовавшую по полномочию Священного союза; на основании нескольких капризных выходок короля, повидимому, подтверждавших подобное мнение, сложилась легенда, изображавшая его действующим против воли, под давлением Австрии. Такая легенда являлась удобным орудием для возбуждения народа к восстанию, целью которого было не низвергнуть короля, а «вернуть ему свободу действий». Это поняли несколько пылких и смелых молодых людей; во главе их стал Санторре ди Сантароза, который при Наполеоне занимал должность супрефекта, а позднее был пехотным майором и чиновником военного министерства; вокруг него группировались многие товарищи, как то: полковник Сан-Марсано — сын министра иностранных дел, Джасинто ди Колленьо, Моффа ди Лизио, Ансальди. Все они рассчитывали найти поддержку даже на ступенях трона, в лице герцога Кариньянского Карла-Альберта.

Этот принц остался для своих современников живой загадкой, и один из новейших его биографов не нашел для него лучшей характеристики, как прозвище «итальянского Гамлета». Это была натура сложная и неуловимая, полная контрастов и странностей. Его характер объяснялся его прошлым: его главными отличительными чертами были пламенное воображение, унаследованное от матери, и неисцелимая меланхолия, которую породило воспоминание о молодых годах, проведенных в изгнании, среди семейных несчастий, на службе у человека, отнявшего корону у его родственников. Мировоззрение Карла-Альберта сложилось еще в лагерях Наполеона, где, несмотря на свои династические предрассудки, он усвоил идею нового государства в противоположность государству старого режима. Наконец, роль его определялась отчасти его положением: по рождению предназначенный в наследники престола, по летам бывший гораздо моложе государей, место которых должен был занять, находясь по должности фельдцейхмейстера в постоянных сношениях с частью офицерского корпуса, Карл-Альберт естественно всегда противопоставлялся королю, считался представителем нового порядка вещей, и на него возлагали свои надежды все недовольные. Если бы герцог смело и открыто взял на себя роль вождя недовольных и решительно действовал в соответствующем направлении, он избавил бы страну от многих несчастий, а самого себя — от многих нападок. Но Карл-Альберт,

к несчастью, не сумел сделать окончательный выбор между своими обязанностями наследного принца и своими симпатиями гражданина, и его нерешительность нанесла непоправимый ущерб тому делу, которому он мог бы доставить торжество своею помощью.

Военный бунт и победа революции. Давно подготовлявшееся восстание началось студенческими волнениями, какие обыкновенно предшествуют народным мятежам в больших городах; оно вспыхнуло в тот момент, когда была подавлена неаполитанская революция, с которой это движение, впрочем, не имело никакой прямой связи. Все дело было в том, что когда австрийские войска перешли реку По, патриоты решили, что дольше медлить нельзя и что необходимо воспользоваться этой благоприятной минутой, чтобы одним смелым ударом установить независимость Италии. 6 марта, вечером, вожди заговора явились к Карлу-Альберту, указали ему на грозящую опасность, подробно изложили свой план и ушли в уверенности, что всецело склонили его на свою сторону. Но на другой день (7 марта) они узнали, что герцог взял назад свое слово; в следующие два дня он обнаружил такое же непостоянство в настроениях. В унынии заговорщики решили отсрочить осуществление своих планов, но соответственное распоряжение, которое они послали своим друзьям в провинцию, опоздало. 10 марта в Александрии полковник Ансальди и капитан Пальма возмутили королевских драгун и овладели цитаделью; 12-го к ним присоединился полк легкой кавалерии из Пиньероля, который привели к ним Лизио и Сантароза, а 13-го — появились солдаты и студенты из Турина под предводительством капитана Ферреро; восставшие подняли трехцветное знамя старого Итальянского королевства и образовали *джунту итальянской федерации*. Тем временем начались волнения в Турине, где народ требовал введения конституции по испанскому образцу, и несколько офицеров-карбонариев овладели цитаделью (12 марта). По совету своего министра иностранных дел, только что вернувшегося с Лайбахского конгресса, Виктор-Эммануил не нашел другого способа примирить свои обязанности по отношению к своим союзникам и свой долг по отношению к народу, как отречься от престола; в ночь на 13 марта он тайно выехал в Ниццу, предварительно назначив своим преемником брата своего Карла-Феликса, находившегося в это время при моденском дворе, а регентом королевства — Карла-Альберта. Герцог, увлекаемый событиями и увещаниями своих друзей, решил воспользоваться своей властью и стать

во главе движения. 13 марта он с балкона своего дворца торжественно провозгласил введение конституции по образцу испанской, которой присягнул на следующий день; непосредственно затем он назначил новое министерство и временную джунту из четырех членов; войска, находившиеся в провинциях, кроме тех, что стояли в Савойе, Ницце и Новаре, признали новый порядок вещей, и революция, казалось, была завершена.

Бегство Карла-Альберта, австрийское вмешательство и восстановление абсолютизма. Новый порядок мог бы укорениться только в том случае, если бы во главе его стоял энергичный и решительный человек, который упрочил бы его внутри страны, вручив власть в провинциях преданным ему людям, и оградил бы его извне, предупредив удачным нападением вероятное вмешательство Австрии. Но Карл-Альберт не был таким человеком. Тотчас по захвате власти он получил от нового короля Карла-Феликса письмо, где последний, категорически отвергая всякую мысль о нововведениях, направленных к умалению королевской власти, приказывал ему немедленно ехать в Новару, к генералу Ла Туру, командовавшему войсками, оставшимися верными абсолютизму. Испугавшись последствий, которые могло бы иметь для него явное ослушание королевскому приказу, Карл-Альберт поспешил уехать, не заботясь о судьбе движения, представителем которого являлся; ему удалось ускользнуть вечером 21 марта, причем до последней минуты он скрывал свое намерение от министров; но вместо того чтобы остановиться в Новаре, принц отправился к Карлу-Феликсу и сделал попытку вернуть себе его расположение, а когда король не пожелал его принять, бежал во Флоренцию.

После внезапного отъезда Карла-Альберта власть перешла к наиболее энергичным представителям революционной партии и прежде всего — к неукротимому Сантарозе, который был назначен военным министром. Помня о конечных целях движения, Сантароза задумал одним ударом достигнуть их, т. е. вслед за установлением конституционного строя немедленно объявить войну Австрии. Александрийские войска, державшиеся по его приказанию наготове, 4 апреля двинулись к Новаре, где рассчитывали увлечь за собой оставшиеся верными абсолютизму полки, чтобы совместно перейти Тичино. Но когда войска конституционалистов приблизились к стенам города, то увидели перед собой австрийцев, по просьбе генерала Ла Тура явившихся к нему на подмогу. Теперь неравен-

ство сил было так велико, что конституционалисты потеряли всякую надежду на успех; они могли только отступить в порядке после героического боя (8 апреля). Отныне нечего было и думать о сопротивлении; в Турине Сантароза, несмотря на всю свою энергию, принужден был передать цитадель национальной гвардии и удалиться при известии о приближении генерала Ла Тура, который и вступил в город 10 апреля. Один за другим покорились остальные города, и вскоре затем Карл-Феликс вступил в свою столицу. Эпилогом революции явился ряд суровых мер, какими всюду сопровождалось восстановление абсолютизма: образованы были чрезвычайные суды и военные комиссии, 73 человека были приговорены к смерти, 105 — к каторжным работам. К счастью, вождям движения удалось бежать, только двое низших офицеров поплатились за отсутствующих, сложив головы на эшафоте.

Процессы в Ломбардо-Венецианском королевстве. Пьемонтская революция нашла отклик в Ломбардии, где она ускорила давно подготовлявшийся разрыв между правительством и подданными. Ближайшим последствием мелочной и самовластной политики Австрии было сплочение в одну группу всех, кто был обманут в своих надеждах или оскорблен в своих убеждениях. Так, несколько людей, служивших раньше Наполеону, именно — Романьози, Пеккио и Бреме, несколько бывших революционеров, как, например, Разори, несколько либеральных вельмож, как, например, Конфалоньери и Порро, и несколько новых людей, как, например, поэты Сильвио Пеллико и Берше, соединились в 1818 году, чтобы совместно издавать газету под названием *Примиритель (Conciliatore)*, которая открыла поход против Австрии в области литературы и была запрещена год спустя, когда вздумала перенести борьбу на политическую почву. После этого сотрудники газеты вступили в ряды карбонарской партии, достигшей в это время своего наибольшего распространения, и решили открыть более прямую и деятельную борьбу во имя своих убеждений. Удобный повод к этому могли дать неаполитанская и пьемонтская революции; но эти же движения побудили и австрийское правительство удвоить строгость, чтобы предупредить агитацию и не допустить восстания. 13 октября 1820 года были арестованы и преданы суду специальной комиссии по обвинению в карбонаризме Сильвио Пеллико, его друг Марончелли и выдающийся законовед Романьози; Порро и Берше успели бежать. Еще прежде чем была решена участь подсудимых, к ним присоединились многие из друзей.

Узнав, что многие ломбардцы принадлежат к пьемонтским карбонарским вентам и уже отправили депутацию к Карлу-Альберту с просьбой, чтобы он перешел границу, Меттерних в декабре 1821 года приказал арестовать одного за другим Кастилья, его друга маркиза Джорджио Паллавичино, Конфалоньери и Борсьери. Чтобы вынудить у этих двух групп обвиняемых признания и улики, Меттерних пустил в ход одни и те же средства: следствие велось тайно, свидетелей запугивали, у подсудимых старались вырвать признания угрозами, хитростью или обещаниями. Когда Меттерних решил, что улик у него достаточно, были произнесены приговоры. По первому из этих приговоров (6 декабря 1821 г.) были осуждены на смерть Сильвио Пеллико и Марончелли, которым император вскоре заменил это наказание 15 и 20 годами заключения в каторжной тюрьме (carcero duro). 21 января 1824 года после следствия, длившегося почти два года, чрезвычайная комиссия вынесла шестнадцать новых смертных приговоров, которые также были заменены каторжными работами в крепости Шпильберг—пожизненно для Конфалоньери и француза Адриана, на 20 лет для Борсьери, Паллавичино и Кастилья. Какую жизнь вели политические заключенные в Шпильберге, какие страдания терпели и каким подвергались жестокостям, об этом вскоре узнала вся Европа из книги Сильвио Пеллико *Мои темницы*.

IV. Революционное движение в 1831 году

Состояние средней Италии. Из всех частей полуострова только в средней Италии до сих пор не возникало революционных движений. Между тем недовольство было здесь не менее сильно, чем в северных и южных государствах, и правительства заслуживали таких же нареканий. Правителям ставили в вину прежде всего их необузданный деспотизм; в Модене Франческо IV, человек недалекий и с непомерными притязаниями, упорно добивался расширения границ своих владений и своей власти в стране; взбешенный убийством своего министра полиции Безини, он учредил чрезвычайный трибунал для суда над карбонариями, вождю которых и пришлось сложить голову на эшафоте. Король подчинил печать строжайшей цензуре и представил Веронскому конгрессу обширный меморандум, направленный против конституций. Правда, Франческо IV так же серьезно относился к своим королев-

ским обязанностям, как и к своим прерогативам, и усердно старался поднять материальное благосостояние государства путем упрочения общественного спокойствия и облегчения податного бремени. Напротив, в Романье население ничем не вознаграждалось за потерю свободы: папское правительство оказалось в одно и то же время и неспособным и упрямым, так что правление Льва XII (1823—1829) и Пия VIII (1829—1830) было ознаменовано лишь новыми строгостями против карбонариев и усилением административной неурядицы. Процессы против лиц, действительно принадлежавших к тайным обществам или только подозреваемых в этом, следовали непрерывно один за другим; за один год (1825) было осуждено 508 человек; в один день (23 мая 1828 г.) были повешены в Равенне семь либералов, и их трупы оставлены на виселице на двадцать четыре часа.

А тем временем разбои приняли такие размеры, что правительство должно было унизиться до переговоров с вождями разбойничьих шаек; нищета до того возросла, что в Риме приходилось по одному очень нуждающемуся на каждый десяток жителей, подати настолько увеличились, что земледельцам оставалась ничтожная часть их доходов. Состояние страны грозило серьезной опасностью, которую Шатобриан, бывший тогда французским посланником в Риме, следующим образом характеризовал в одном из своих донесений Порталису: «Если последует какой-нибудь толчок извне, или если какой-нибудь государь северной Италии даст конституцию своим подданным, тотчас же вспыхнет революция, для которой все созрело».

Восстание в Модене и Романье. Пророчество Шатобриана, высказанное в 1829 году, осуществилось год спустя, когда Июльская революция подняла дух недовольных и когда у них явилась надежда найти себе подходящего вождя в честолюбивом герцоге Моденском. С одной стороны, Лафайет и его друзья расточали добрые слова и неопределенные обещания итальянским патриотам, бежавшим в Париж; министр Лаффит провозглашал с трибуны, что «Франция не потерпит ни малейшего нарушения принципа невмешательства», и из этого заявления итальянцы заключили, что им нечего бояться Австрии. С другой стороны, герцог Моденский, сделав по совету своего министра Канозы неудачную попытку отбить у принца Кариньянского право наследования на сардинский престол, соблазнился затем его примером, т. е. увлекся мыслью стать во главе либерального движения, которое сделало бы его властелином единого северо-итальянского коро-

левства. Преодолев былую ненависть, Франческо IV через посредство одной сомнительной и загадочной личности, доктора Мисли, вступил в сношения с вождем моденских карбонариев, Чиро Менотти, которого когда-то держал в тюрьме. Переговоры герцога с этим человеком до сих пор остаются окутанными некоторой тайной. Эти переговоры были прерваны угрозами Меттерниха, получившего о них сведения. Боясь, как бы Австрия не свергла его, Франческо IV приказал своим бывшим сообщникам остановить подготовляемое ими движение и одного из них, Фабрици, даже бросил в тюрьму. Но вопреки его ожиданиям, это внезапное предательство только ускорило ход событий. 3 февраля 1831 года, в сумерки, в доме Менотти собралось тридцать пять молодых людей, которые в полночь должны были выйти с оружием на улицы, провозгласить революцию и открыть ворота провинциальным инсургентам. Вдруг дом был оцеплен батальоном пехоты и после пятичасовой осады разбит пушечными выстрелами. Менотти с товарищами был схвачен, и Франческо IV, лично руководивший этим делом, собственноручно написал губернатору Реджио, прося его о присылке палача.

Но эта победа абсолютизма оказалась весьма непрочной. 4 февраля при вести о моденских событиях восстала Болонья; легат был арестован, власть папы объявлена упраздненной и составлено временное правительство. Движение, распространяясь с быстротой молнии, охватывало последовательно города Романьи, провозгласившие себя независимыми, Марки, где ветеран Первой империи, полковник Серконьяни, с горстью добровольцев овладел Анконой и подступил было к самому Риму, Модену, откуда Франческо IV был изгнан на третий день после стычки, закончившейся арестом Менотти, наконец Парму, где население, увлеченное общим примером, заставило свою государыню Марию-Луизу удалиться в изгнание (11 февраля). В одну неделю революция была закончена, и знамя восстания развевалось теперь от Пьяченцы до Анконы и от Феррары до Риети.

Австрийское вмешательство и подавление восстания. Месяц спустя старый порядок был восстановлен во всех восставших провинциях, так легко добывших себе свободу. Лишний раз итальянцы, забыв уроки 1820 и 1821 годов, предались пагубным иллюзиям, и те же ошибки обрекли их на те же разочарования. Вожди движения, подсчитывая шансы успеха, надеялись на Францию, на Италию и на самих себя.

Но на французском престоле сидел человек, относившийся подозрительно к революции, в которой видел отдаленную опасность для своей династии с тех пор, как в итальянском движении приняли участие двое сыновей Луи Бонапарта, бывшего голландского короля. Новый французский министр Казимир Перье, убежденный сторонник мирной политики, заявил с трибуны, что «французская кровь принадлежит одной Франции», и не позволил недавнему вождю неаполитанской революции Гульельмо Пепе отправиться в Италию, чтобы стать во главе восставших. В Италии Тоскана оставалась спокойной, несмотря на все старания Либри вовлечь ее в движение, и заговор, возникший в Пьемонте, кончился арестом лиц, намеченных в предводители. Наконец, в восставших провинциях вожди либеральной партии обнаружили поразительное непонимание реальной обстановки: вместо того чтобы собрать воедино все революционные силы, они ограничились тем, что объединили под названием Итальянских соединенных провинций города, принадлежавшие к папским владениям, причем не решились присоединить к ним города Моденского герцогства, чтобы не нарушить так называемый принцип невмешательства. В ту минуту, когда необходимо было прежде всего обеспечить существование нового государства, подготовляя средства, чтобы отразить вероятное нападение, либералы занимались больше всего преобразованием администрации и вотировали законы, вместо того чтобы формировать войска. Это делало неизбежным австрийское вмешательство, которое и не замедлило последовать. Папа Григорий XVI написал императору Францу I, прося у него помощи против революции. И вот армия Фримона, выступив из Пьяченцы, восстановила Марию-Луизу в Парме, без труда одолела моденское ополчение, предводимое старым генералом Цукки, и двинулась к Болонье, где к австрийцам присоединился другой корпус, прибывший из Феррары (21 марта). Встретив и рассеяв добровольческий отряд Армандн в 7000 человек, австрийская армия продвинулась до Римини, где дала удачное для нее, но славное и для ее противников сражение (25 марта), и затем — до Анконы, куда бежало временное правительство Соединенных провинций. Так как отстоять крепость Анкону было невозможно, то 29-го была подписана капитуляция, в силу которой всем находившимся в городе разрешалось беспрепятственно удалиться за границу. Революция была подавлена, и прежние государи восстановлены повсюду. Их возвращение сопровождалось репрессиями и вероломством, как это повторялось везде при

восстановлении абсолютизма: в Модене Франческо IV немедленно по возвращении в столицу отправил на эшафот Чиро Менотти (20 мая 1831 г.) и установил в своих владениях настоящий режим террора; в Анконе папа признал капитуляцию недействительной, и австрийское правительство не соблюдало ее условий: около ста либералам пришлось томиться в венецианских тюрьмах за содействие правительству, учрежденному при победе восставших.

Движение 1831 года увенчалось эпилогом в следующем году. Во-первых, австрийская оккупация, на которую государственный секретарь Григория XVI, кардинал Бернетти, согласился лишь скрепя сердце, прекратилась по его просьбе в июле месяце; во-вторых, реформы, которых державы требовали у папы для его подданных в пресловутом меморандуме 10 мая, не были осуществлены, и население Романьи, уже не сдерживаемое присутствием императорских австрийских войск, начало с оружием в руках требовать их исполнения. В главных городах легатств, особенно в Чезене и Форли, сформировались городские ополчения, дававшие настоящие битвы швейцарским войскам, посылавшимся папой для их разоружения (январь 1832 г.). Чтобы не дать смуте распространиться и с целью предупредить повторение прошлогодних событий, понадобилась вторичная австрийская оккупация, которая сама по себе имела неожиданное последствие: министр Казимир Перье, желая создать противовес престижу, который должно было обеспечить венскому кабинету в Италии это вмешательство, прислал французский полк с приказанием занять Анкону. Впрочем, Казимир Перье заявил, что оккупирует эту крепость от имени папы, и запретил начальнику гарнизона вмешиваться во внутреннее управление папских земель, где продолжало господствовать прежнее беззаконие — вплоть до воцарения нового папы (Пия IX в 1846 году).

V. Умственное движение и «Risorgimento»

Новые идейные течения. Все революционные движения в Италии с 1815 по 1832 год были подняты одними и теми же лицами, носили один и тот же характер и не удались по одним и тем же причинам. Их вызывали тайные общества, ими руководили старые наполеоновские офицеры, их поддерживала либеральная буржуазия, они являлись делом того поколения, которое познало восторги революции и сохранило

память об Империи. Исходной точкой восстаний и толчком к ним было отвращение к господству произвола, их целью — установление конституций, и потому в них следует видеть скорее выражение либеральных тенденций, нежели национальных страстей.

Европа боролась с революционными движениями дипломатическим оружием, Австрия подавляла их силой, и в этой двойной борьбе движения эти терпели крушение частью вследствие неопытности своих вождей, не умевших столковаться между собой, частью вследствие равнодушия населения, не желавшего их поддерживать. Горький опыт трех неудачных попыток не пропал даром: между 1830—1840 годами созрело для политической жизни новое поколение, молодое, пылкое, восторженное, тем более вдумчивое, что оно имело еще мало случаев тратить свою силу, и тем более смелое в своей идеологии, что оно не имело случая наталкиваться на практические затруднения. Исследовать, по каким причинам прежние революционные движения потерпели неудачу и каким образом можно обеспечить им успех в будущем; выяснить, каким путем можно привести Италию к свободе и как надо будет организовать Италию, чтобы она была счастлива; воспитать народ в идее национальности — идее, жившей до сих пор лишь в умах нескольких отдельных мыслителей, — такова была задача этого поколения, которому революция 1848 года дала возможность применить свою теорию на деле.

Вызванное и руководимое людьми этого поколения движение мысли обозначают именем *Risorgimento* (воскресение).

Революционеры и реформисты. Инициаторы этого движения, единодушно осуждавшие ошибочные способы действия, применявшиеся до сих пор, естественно, должны были разделиться на две группы и образовать две школы, отличавшиеся одна от другой как своим учением, так и намечаемой целью. Одни, одаренные более пылким характером и более живым воображением, видели Италию не такой, какой она была в действительности, а такой, какой она должна была быть, рисовали себе ее идеальный образ согласно политической теории или по образцу соседних стран, и для осуществления этого идеала настойчиво предлагали насильственные мероприятия и радикальные решения; другие, более благоразумные и считавшиеся не столько с тем, что желательно, сколько с тем, что возможно,—требовали лишь некоторых улучшений в существующем порядке вещей и ставили своею целью добиться

реформ без революции. Таким образом, первые, известные в истории под названием партии *Молодая Италия*, были революционерами, а вторые, называвшиеся тогда *неогвельфами*, остались реформистами. [1] Три вопроса должны были привлекать их внимание и дробить их усилия: вопрос о территориальном устройстве, о политической независимости и о внутренней свободе отдельных итальянских государств.

Революционеры. Маццини. Основателем и вождем Молодой Италии был человек, неукротимая энергия которого, пламенная любовь к отечеству и героическое самоотречение сделали его в глазах соотечественников чистейшим и благороднейшим олицетворением национального чувства. Его звали Маццини, он родился в Генуе в 1809 году. Сначала он занимался литературой и философией, потом выступил на политическом поприще в качестве редактора двух газет, которые одна за другой были закрыты; на двадцать втором году жизни, заподозренный в карбонаризме, он должен был покинуть родину и оставался в изгнании почти до смерти; его пропагандистское, апостольское служение длилось сорок лет. На службу делу, которому он отдал свою жизнь, Маццини принес разнообразные и могучие духовные качества: упрямую веру мистика, глубокую мысль теоретика и нравственный авторитет учителя. Жизнь его не раз была в опасности, планы часто разлетались впрах, но и в дни гонений он был тверд и в дни испытаний не падал духом; ничто не могло пошатнуть его веры в конечное торжество его идей: ни невзгоды изгнания, ни неудачи попыток; из всей его партии, может быть, только он один никогда не отчаивался в успехе. Позднее Гарибальди в знаменитом тосте в честь Маццини сказал о нем: «Он один бодрствовал, когда все спали». Обладая широким и просвещенным умом, Маццини мастерски умел находить в философии и истории доводы в пользу своей мысли и соединять их в строго последовательную логическую систему, которую излагал с увлекательной ясностью языком, доступным для всех; наконец, его нравственная чистота и внешние данные в такой же

---

[1] В средние века *гвельфами* назывались в Италии люди, стоявшие на стороне римского папства в борьбе пап с императорами. В Италии (особенно со вступления на престол Пия IX) немало людей, желавших объединения Италии, возлагали надежды на то, что римский папа может со временем возглавить это движение. Отсюда и название *неогвельфы* (новые гвельфы). В этом названии был намек и на то, что неогвельфы такие же непримиримые враги австрийского императора, какими были древние гвельфы относительно германских императоров. — *Прим. ред.*

степени помогали ему дисциплинировать людей, как систематический ум помогал ему дисциплинировать идеи. Строгость его жизни и абсолютное бескорыстие в служении убеждениям стяжали ему уважение даже противников, а преданность друзей объясняется влиянием, которое оказывали на них заразительный жар его красноречия, лихорадочный блеск его черных глаз. Тотчас по прибытии во Францию (1830) он начал свою революционную пропаганду; из его упорно направленных в одну точку размышлений родилась пять лет спустя программа-манифест его партии — Молодой Италии.

Молодая Италия. Эта программа была проста и ясна. Так как главными препятствиями к свободе Италии были до сих пор сопротивление государей и местный сепаратизм, то Мадзини хотел избавиться от первого через установление республики, от второго — через объединение. «Молодая Италия, — говорил он, — стоит за республику и единство»: за республику потому, что республика является единственной формой правления, соответствующей как требованиям разума, так и итальянским традициям; за единство потому, что «единство есть условие силы, и потому, что Италии, окруженной объединенными державами, завистливыми и могучими, нужно прежде всего быть сильной», и потому, с другой стороны, что «федерализм, разрушив единство великой итальянской семьи, сделает неосуществимой ту миссию, которую Италия призвана исполнить в истории человечества». Этим учением, смелость которого стояла в резком противоречии с крайней умеренностью программы заговорщиков 1820 и 1821 годов, Мадзини провел ясную демаркационную черту между собой и революционерами, действовавшими до него. Так же разнился он от них и в практическом отношении, рекомендуя для достижения грезившегося ему идеала совсем иной образ действий, чем тот, которому следовали они.

До сих пор недовольные составляли тайные общества, число членов которых было ограничено и проекты которых оставались тайной для равнодушного населения; их попытки, бессильные вследствие своей изолированности и таинственности, надо было заменить национальным восстанием, которое подняло бы в сознании своей силы и своих прав весь народ. «Средствами, которыми думает пользоваться Молодая Италия для достижения своей цели, являются воспитание и восстание; воспитание примером, словом и книгой внедрит в 20 миллионов итальянцев сознание их национальности, так что восстание застанет их уже вполне готовыми подняться против притесни-

телей». Таким образом, они обойдутся без всякого иностранного вмешательства, «потому что для освобождения не силы им недостает, а только веры».[1]

Благодаря своей простоте, ясности и широте учение Маццини должно было увлекать пылкую и неопытную молодежь. И действительно, оно почти тотчас приобрело множество адептов, но с первых же шагов подверглось искажениям, так как от того, кто хотел применять это учение в полном объеме, требовалась долгая подготовительная работа, на какую по своему нетерпению не были способны юные друзья Маццини; поэтому Молодая Италия скоро была увлечена на путь заговоров, которые осуждал ее вождь. Начался ряд вспышек: в Генуе в 1833 году — восстание братьев Руффини, которое было беспощадно подавлено и повлекло за собой настоящий террор во всем Пьемонте; в Савойе в 1834 году — восстание Раморино, тщетно пытавшегося перейти границу, чтобы поднять крестьян; в Романье в 1843 году — восстание «итальянского легиона»; в Калабрии в 1844 году — восстание братьев Бандиера, которые высадились с небольшой дружиной, были взяты в плен и расстреляны. Таким образом, до 1848 года мацциниевское движение имело не больше успеха, чем прежние попытки карбонариев.

Реформисты. Джоберти. Повторные неудачи в конце концов оттолкнули от Маццини целую категорию людей, которых с самого начала пугала смелость его учения; это были все те, кого возраст, опыт, преданность монархии и церкви делали умеренными в желаниях и скромными в требованиях. Эти люди жаждали мирных реформ и с отвращением думали о ниспровержении существующего строя. Их было много в среднем классе и среди либеральной буржуазии, но они не

---

[1] «Молодая Италия» сыграла большую роль в деле борьбы за воссоединение страны. Эта организация объединяла радикальное крыло итальянской буржуазии, ставившей себе целью установление единой и республиканской Италии. Теоретические взгляды руководителей «Молодой Италии», в частности Маццини, представляют собой смесь домарксового мелкобуржуазного социализма с сильными в тогдашней Италии религиозно-католическими мотивами. Это находило себе отражение в девизе организации: *Бог и Народ (Dio e Popolo)*. Отсутствие четкости во взглядах создавало неустойчивость тактической линии «Молодой Италии»: пропагандируя народную революцию, она тратила силы на многочисленные и бесплодные заговоры, борясь за республиканский строй, вступала в сношения с монархами (Карл-Альберт, Пий IX); развязыванию народной борьбы противопоставляла политику социального сотрудничества. Совершенно понятно, что, оказавшись у власти, «Молодая Италия» исключительно ярко обнаружила свои слабые стороны и, не сумев изжить своих недостатков, оказалась разбитой силами итальянской и иноземной реакции. — *Прим. ред.*

составляли особой партии, так как не имели ни программы, ни знамени, ни лозунга. И вот нашлось три человека, задавшихся целью организовать эту группу: то были Джоберти, Бальбо и д'Азелио.

Джоберти был католическим священником; он сначала занимался философией и обратил на себя внимание несколькими крупными работами по метафизике. Человек подвижный, впечатлительный и резкий, он был изгнан из отечества за свои сношения с Мадзини и удалился в Брюссель, где в его мировоззрении произошел перелом. Он изложил свои идеи в 1843 году в книге, которая, несмотря на все свои недочеты, произвела довольно сильное впечатление. Это был его знаменитый *Primato*. В предисловии к этому сочинению, озаглавленном *О нравственном и политическом первенстве итальянцев*, автор следующим образом излагал свою руководящую мысль и свой план: «Выяснив, что́ я понимаю под нравственным и политическим первенством Италии, в доказательство верности этой моей мысли я рассмотрю отдельные области цивилизации как в разрезе мысли, так и в разрезе действия и в каждой из этих областей докажу, что одна только Италия проявила качества, необходимые для первенствующей нации, и что хотя теперь она совершенно утратила это преобладание, но еще может вернуть его себе; затем я укажу главные условия, при которых может совершиться ее возрождение». Действительно, *Primato* состоит из двух частей. В теоретической части Джоберти борется против обессиливающего пессимизма своих соотечественников и старается воскресить в них веру в самих себя, показывая им, как высоко они стоят в качестве нации. В «практической части» Джоберти излагает свои взгляды на способ решения итальянского вопроса. Этот способ был весьма прост: так как Италия никогда не достигала большего величия, чем в эпоху папского всемогущества и господства гвельфов, то для восстановления ее престижа и силы достаточно соединить все образующие ее государства в один союз под политическим и моральным верховенством папы. Таким образом, все вопросы, волнующие страну, будут решены без чужеземного вмешательства, гражданских войн и насильственных переворотов; государям будет обеспечена незыблемость престолов, а подданные будут удовлетворены реформами, которые предпримут государи по совету папы.

Такова была программа Джоберти. Несмотря на свою многословную и напыщенную форму, она увлекла тысячи людей частью благодаря своему философски «обосновываемому» итальянскому шовинизму, частью благодаря своим прими-

рительным тенденциям. Впрочем, программа Джоберти представляла собой скорее идеологическую схему, нежели практическую программу. Другой деятель, Бальбо, задался целью пополнить пробелы этой программы и устранить неясности.

Бальбо. Бальбо был политиком неогвельфской партии, как Джоберти был ее теоретиком, а д'Азелио — ее солдатом. Бальбо был сыном сардинского министра и сам при Наполеоне I служил аудитором в государственном совете. На политическое поприще он принес богатый жизненный опыт и практическое чутье, давшие ему возможность подвергнуть строгой проверке идеи его друга, устранить из них утопические элементы и пополнить их пробелы. Подобно Джоберти, Бальбо не считал нужным, кроме одного пункта, изменить территориальное распределение итальянских областей. Но он открыто поставил вопрос, которого не дерзал коснуться его предшественник, — вопрос о национальной независимости. С помощью убедительной и сжатой аргументации он доказывал, что никакой план федерации не имеет шансов на осуществление, пока Австрия сохраняет сильную позицию в Италии и всей тяжестью своего престижа и всей силой своей армии влияет на решения итальянских государей. Безумно надеяться прогнать Австрию силою; лучше предоставить этому вопросу решиться естественно, в связи с событиями, которые готовятся на Востоке. Теперь уже недолго ждать падения и раздела Оттоманской империи; и вот в момент этой катастрофы достаточно будет поддержать притязания Австрии на Балканском полуострове, где она притом будет менее опасна, нежели Россия, — чтобы взамен потребовать от нее отказа от итальянских провинций, которые затем должны быть присоединены к Пьемонту. Таков был план, который Бальбо изложил в книге, вышедшей в 1844 году под заглавием *Надежды Италии*. Джоберти со свойственной ему гибкостью почти тотчас примкнул к взглядам Бальбо. «Между нами нет разногласий,— говорил он. — У меня есть мысль, а он (Бальбо) ее применяет. Моя задача — теоретического свойства, его — практического. Я указываю цель, он — преграду — Австрию, о которой мне не было надобности говорить: Бальбо сделал это за меня, и весьма толково, весьма сдержанно». Несколько робкий и проникнутый самоотречением тон книги и странность предложенного ее автором решения доставили этому произведению Бальбо прозвище *Надежды человека отчаявшегося, или Книга против надежд Италии*.

Д'Азелио. Спустя два года вышла в свет сенсационная брошюра о последних волнениях в Романье, кончавшаяся

*

следующими словами: «Мы, итальянцы, должны прежде всего собрать все наше гражданское мужество, чтобы добиться от наших правительств всяческих усовершенствований и либеральных учреждений, совместимых с общественным порядком. Затем явится и военная доблесть для завоевания независимости». Эта гордая декларация, тон которой представлял такой резкий контраст со сдержанностью и осторожностью Бальбо, принадлежала перу другого пьемонтца, Массимо д'Азелио. Аристократ по происхождению, офицер по профессии, ставший потом художником по призванию и романистом из патриотизма, д'Азелио полагал, что в деле изгнания чужеземцев итальянцы должны рассчитывать гораздо больше на собственные силы, чем на Европу, и мечтал о том, чтобы во главе их стал государь, другом которого он был и советником которого надеялся быть, — именно Карл-Альберт, вступивший на пьемонтский (сардинский) престол в 1831 году. Таким образом, д'Азелио сыграл известную роль в развитии неогвельфской идеи. Джоберти дал формулу основных начал, Бальбо указал цель, д'Азелио наметил путь, по которому эта цель могла быть достигнута.

Итак, в ту минуту, когда революция 1848 года вызвала в Европе общее восстание всех угнетенных народов, итальянское общество делилось на два лагеря: один стоял за республику и объединение, другой — за федерацию и монархию; но оба были проникнуты национальным чувством и враждой к Австрии. Этим соревнованием в патриотизме и этими частичными разногласиями объясняются мимолетные успехи и конечное поражение итальянского восстания в 1848 и 1849 годах.

VI. Состояние Италии в 1846 году

Пьемонт. В Пьемонте Карл-Альберт в 1831 году наследовал Карлу-Феликсу. Вступая на престол, Карл-Альберт не мог рассчитывать на доверие ни со стороны либералов, ни со стороны монархистов ввиду своего поведения в 1821 году. Он сам определил свое положение, сказав герцогу Омальскому: «Я стою между кинжалом карбонария и иезуитской чашкой шоколада». [1] Будучи слишком нерешительным, чтобы

---

[1] За иезуитским орденом в XVI—XVIII веках числилось несколько случаев, когда его члены путем отравы уничтожали вредных с их точки зрения политических деятелей. Так, в 1774 году иезуиты отравили (именно чашкой шоколада) ненавистного им папу Климента XIV, который за несколько месяцев до того особой буллой объявил орден иезуитов уничтоженным. — *Прим. ред.*

примкнуть к одной из двух крайних партий, он предпочел стать между ними и до некоторой степени пытался протянуть руку каждой из них. С одной стороны, он беспощадно подавлял движения маццинистов, женил своего сына на австрийской принцессе, восстановил майораты и фидеикомиссы, а с другой стороны, тотчас по вступлении на престол учредил государственный совет для выработки законопроектов, отменил феодальную юрисдикцию в Сардинии (1836) и издал гражданское уложение, в общем сходное с французским (1837). Но эти реформы были слишком умеренны, чтобы рассеять недоверие, которое он внушал с 1821 года.

Ломбардо-Венецианское королевство. В Ломбардо-Венеции смерть Франца I (1835) и воцарение Фердинанда I не вызвали никакой перемены в положении страны: своей исправностью и честностью австрийская администрация приобрела симпатии сельского населения, которое было обязано ей своим материальным благосостоянием, успехами земледелия и развитием путей сообщения. Но своей нетерпимостью, подозрительностью и недоверием ко всему итальянскому, своими репрессиями против либералов Австрия окончательно восстановила против себя правящие классы, которые вели с ней глухую борьбу и ждали только случая, чтобы свергнуть ее владычество.

Папская область. Папской областью все еще управлял Григорий XVI, царствование которого было, по словам Джоберти, самой печальной эпохой итальянской истории. Беспорядочное ведение финансов, продажность администрации, преследования в городах, непрекращающиеся восстания в Романье — вот какое зрелище представляла эта страна во время правления государственного секретаря Ламбрускини. Народ терпел такие страдания, что многие из подданных папы мечтали о присоединении страны к Австрии.

Тоскана. В Тоскане Леопольд II, продолжая традиционную в его династии политику терпимости, давал убежище ссыльным и изгнанникам из других частей Италии и позволил им основать, под редакцией женевца Вьессе, единственный свободный итальянский журнал *Антология*. Репрессии, к которым он прибег в 1833 году под давлением Австрии, длились недолго, и Тоскана оставалась до 1848 года самым спокойным и счастливым государством полуострова.

Королевство Обеих Сицилий. В Неаполе Фердинанд II в 1830 году наследовал своему отцу Франческо I. Энергичный, бережливый и деятельный государь, он устранил наиболее вопиющие злоупотребления, ввел некоторую экономию, пре-

образовал все отрасли администрации, установил строгий порядок в финансовом ведомстве и сумел приобрести симпатии народонаселения, которое больше всего ценило хорошую администрацию, не имело политических потребностей и еще не созрело для свободы. [1]

[1] Характеристика совсем не по заслугам лестная: Фердинанд II был гораздо более гнусным тираном, чем даже Фердинанд I, его дед. Именно при нем неистовствовал министр полиции Делькоретто, организовавший такое шпионство, которого не было даже в тогдашней Австрии. Из всех монархов, царствовавших в государствах, на которые была раздроблена тогдашняя Италия, Фердинанд II, король Обеих Сицилий, был *наиболее* ненавидимым и презираемым деспотом. — *Прим. ред.*

ПРИЛОЖЕНИЯ

ХРОНОЛОГИЧЕСКИЕ ТАБЛИЦЫ

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

1814—1848

Венский конгресс

(*1814—1815*)

1814 *май 30*. Заключение в Париже мирного договора между союзными державами и Францией.

» *июль 21*. Заключение союзными державами договора о присоединении Бельгии к Голландии и образовании Нидерландского королевства.

» *сентябрь 28*. Заключение тайного договора между Россией и Пруссией относительно Саксонии и великого герцогства Варшавского.

» *октябрь 1*. Нота Талейрана представителям союзных держав на Венском конгрессе.

» *ноябрь 6—8*. Занятие великого герцогства Варшавского русскими войсками.

» *ноябрь 10*. Занятие Саксонии прусскими войсками.

» *декабрь 7*. Официальный протест германских государств против захвата Пруссией Саксонии.

» *декабрь 24*. Заключение мирного договора между Англией и США в Генте.

1815 *январь 3*. Заключение в Вене тайного договора о союзе между Францией, Австрией и Англией против Пруссии и России.

» *февраль 8*. Принятие декларации о прекращении торговли неграми.

» *февраль 10*. Предварительное урегулирование саксонского и польского вопросов.

» *март 13*. Подписание в Вене декларации восьми держав против Наполеона.

» *март 20*. Подписание декларации восьми держав о «вечном нейтралитете Швейцарии в ее новых границах».

» *март 24*. Принятие постановлений о свободе судоходства по Рейну, Неккару, Майну, Мозелю, Маасу и Шельде.

» *март 25*. Заключение в Вене союзного договора между Англией, Россией, Австрией и Пруссией о совместной борьбе против Наполеона.

» *май 3*. Заключение в Вене договоров между Россией и Австрией и между Россией и Пруссией о разделе великого герцогства Варшавского.

» *июнь 8*. Подписание акта об образовании Германского союза.

» *июнь 9*. Подписание Генерального акта Венского конгресса.

Международные отношения в 1815—1830 годах

Священный союз

1815 *сентябрь 26.* Подписание в Вене императорами России и Австрии и королем Пруссии договора о создании Священного союза.
» *ноябрь 5.* Заключение соглашения между Россией и Англией о создании «Республики Ионических островов».
» *ноябрь 20.* Подписание мирного договора между Францией и союзными державами (второй Парижский мир).
» *ноябрь 20.* Подписание в Париже акта о признании и гарантии вечного нейтралитета Швейцарии и неприкосновенности ее территории.
1818 *сентябрь 29 — ноябрь 22.* Ахенский конгресс.
» *октябрь 9.* Заключение в Ахене соглашения о полной эвакуации французской территории союзными войсками.
» *ноябрь 15.* Подписание декларации о создании нового союза монархов России, Австрии, Англии, Пруссии и Франции.
» *ноябрь 15.* Подписание договора о четверном союзе России, Австрии, Англии и Пруссии в случае войны с Францией.
1820 *октябрь 23 — декабрь 24.* Конгресс в Троппау.
» *ноябрь 19.* Решение конгресса в Троппау о «праве вмешательства» для подавления революционных движений.
1821 *январь 11 — май 12.* Конгресс в Лайбахе.
» *март.* Вступление австрийских войск в Неаполь. Подавление революции.
» *апрель.* Военная интервенция Австрии в Пьемонте. Подавление революции.
» *август 8.* Разрыв дипломатических отношений между Россией и Турцией.
1822 *октябрь 20 — декабрь 14.* Веронский конгресс.
» *декабрь 1.* Подписание Россией, Австрией, Пруссией и Францией протокола Веронского конгресса о подавлении революции в Испании.
» *декабрь 11.* Принятие Веронским конгрессом постановления относительно отмены торговли неграми.
1823 *апрель 7.* Начало французской военной интервенции против революции в Испании.
» *май 24.* Вступление французских войск в Мадрид.
» *декабрь 2.* Послание президента США Монро к конгрессу (против вмешательства европейских держав в дела Америки).
1824 *апрель 17.* Заключение в Петербурге конвенции между Россией и США о судоходстве в Тихом океане и о поселениях на северо-западном берегу Америки.
1825 *февраль.* Петербургская конференция европейских держав по греческому вопросу.
» *февраль 28.* Заключение конвенции между Россией и Англией о североамериканских владениях.
1826 *апрель 4.* Подписание Англией и Россией протокола по греческим делам.
1826 — 1828 Русско-персидская война.
1827 *июль 6.* Заключение Россией, Англией и Францией в Лондоне конвенции о посредничестве между Турцией и Грецией.
» *октябрь 20.* Разгром турецко-египетского флота при Наварине эскадрами Англии, России и Франции.
1828 *февраль 22.* Заключение в Туркманчае мирного договора между Россией и Персией.

1828 — 1829 Русско-турецкая война.
1828 — 1834 Оккупация Валахии и Молдавии русскими войсками.
1829 *сентябрь 14.* Подписание в Адрианополе мирного договора между Россией и Турцией.

Международные отношения в 1830—1847 годах

1830 *февраль 3.* Подписание Россией, Францией и Англией протокола Лондонской конференции об образовании Греческого королевства.
1830 — 1831 Польское восстание.
1830 — 1832 Революция в Бельгии и война между Бельгией и Голландией.
1830 *декабрь 20.* Лондонская конференция великих держав. Признание независимости Бельгии.
1831 *июнь 20.* Отклонение Англией французского предложения о посредничестве между Россией и поляками.
1832 *май 7.* Заключение в Лондоне конвенции между Россией, Францией и Англией о возведении на греческий престол баварского принца Фридриха-Оттона.
» *ноябрь—декабрь.* Осада и взятие Антверпена французскими войсками.
1833 *январь—июль.* Прибытие русского флота в Константинополь по призыву турецкого султана для борьбы с восстанием египетского паши Мехмеда-Али.
» *июль 8.* Заключение в Ункяр-Искелеси союзного договора между Россией и Турцией.
» *сентябрь 18.* Подписание в Мюнхенгретце русско-австрийской конвенции о неприкосновенности Оттоманской империи.
» *сентябрь 19.* Подписание русско-австрийской конвенции о взаимной гарантии польских владений.
» *октябрь 15.* Подписание секретного договора между Австрией, Пруссией и Россией о взаимной помощи против революционного движения.
1834 *январь 29.* Заключение конвенции между Россией и Турцией об эвакуации Россией дунайских княжеств.
» *апрель 22.* Подписание договора о четверном союзе Англии, Франции, Испании и Португалии.
1838 — 1842 Война Англии против Афганистана.
1839 *июль 27.* Нота европейских держав о коллективном вмешательстве в турецкие дела в связи с войной Мехмеда-Али против Турции.
1839 — 1840 Поход в Хиву русского отряда под начальством генерала Перовского.
1839 — 1841 Новая война Египта с Турцией.
1839 — 1842 Англо-китайская война.
1840 *июль 15.* Заключение конвенции между Англией, Россией, Австрией и Пруссией об оказании помощи Турции в египетском конфликте.
1841 *июль 13.* Подписание в Лондоне Англией, Францией, Россией, Пруссией и Австрией конвенции о проливах.
1842 *январь.* Поражение английских войск в Афганистане.
» *август 29.* Подписание в Кантоне договора между Англией и Китаем о преимущественных правах Англии в Китае.
1844 *июнь.* Прибытие Николая I в Лондон. Меморандум Нессельроде о разделе Турции.
» *сентябрь 10.* Заключение в Танжере договора между Францией и Марокко.
» *октябрь 24.* Заключение договора между Францией и Китаем.

1846 *апрель 15.* Подписание в Берлине соглашения между Россией, Австрией и Пруссией о присоединении Кракова к Австрии.
» *июль—октябрь.* Разногласия между Англией, Францией и Австрией по вопросу об «испанских браках».

ФРАНЦИЯ

1815—1847

1815 *июль 6—8.* Вторичное занятие Парижа войсками союзников.
» *июль 8.* Въезд Людовика XVIII в Париж. Разгон палаты представителей.
» *июль 9.* Образование министерства Талейрана—Фуше.
» *июль 24.* Ордонанс о занесении в проскрипционные списки 57 сторонников Наполеона.
» *июль—ноябрь.* Белый террор на юге Франции.
» *август 2.* Убийство маршала Брюна.
» *август 19.* Расстрел Лабедуайера.
» *август 22.* Победа ультрароялистов на выборах в палату депутатов.
» *сентябрь.* 61 департамент Франции из 86 оккупирован иностранными войсками.
» *сентябрь 19.* Отставка Фуше.
» *сентябрь 21.* Отставка министерства Талейрана. Образование нового министерства во главе с герцогом Ришелье.
» *октябрь 7.* Открытие сессии «бесподобной палаты».
» *ноябрь 20.* Подписание мирного договора с союзными державами.
» *декабрь 7.* Расстрел маршала Нея.
» *декабрь 20.* Закон о превотальных судах.
1816 *январь 12.* Закон об изгнании «цареубийц».
» *апрель 27.* Закон об отмене развода.
» *май 5.* Восстание Дидье в Гренобле.
» *июнь 10.* Казнь Дидье.
» *сентябрь 5.* Ордонанс о роспуске «бесподобной палаты».
» Повышение биржевых курсов.
» *сентябрь 18.* Выход в свет брошюры Шатобриана «О монархии согласно хартии».
» *ноябрь 4.* Открытие сессии вновь избранной палаты.
1817 *январь—июнь.* Волнения в ряде департаментов на почве неурожая и дороговизны хлеба.
» *февраль 5.* Принятие нового (цензового) избирательного закона.
» *июнь 8.* Беспорядки в Лионе, спровоцированные полицией.
» *июнь 11.* Подписание нового конкордата.
1818 *январь 23.* Письмо графа д'Артуа Людовику XVIII с требованием отставки министерства Ришелье.
» *март 10.* Закон о военной службе.
» *май.* Успешное размещение займа, выпущенного в целях уплаты военной контрибуции.
» *июнь.* Заговор ультрароялистов против короля и министерства.
» *июль.* «Секретная нота» Витроля европейским дворам.
» *октябрь.* Победы либералов на частичных выборах в палату.
» *октябрь.* Основание ультрароялистского журнала «Консерватор».
» *октябрь.* Решение конгресса европейских держав в Ахене о выводе из Франции оккупационных войск.
» *ноябрь—декабрь.* Министерский кризис.
» *декабрь 30.* Образование министерства генерала Дессоля.

1819 *январь*. Восстановление Сульта в звании маршала.
» *март 5*. Назначение 60 новых пэров и создание правительственного большинства в палате пэров.
» *май 17*. Новый закон о печати; отмена цензуры.
» *июль 16*. Закон о подвижной шкале хлебных пошлин.
» *сентябрь*. Успехи либералов на частичных выборах в палату. Избрание бывшего члена Конвента Грегуара.
» *ноябрь 20*. Выход «доктринеров» из министерства. Деказ—председатель совета министров.
» Выход в свет книги графа Жозефа де Местра «О папе».
» Выход в свет «Параболы» Сен-Симона.
1820 *февраль 13*. Убийство герцога Беррийского.
» *февраль 20*. Отставка Деказа.
» *февраль 21*. Второе министерство Ришелье. Усиление реакции.
» *март 25*. Закон об ограничении индивидуальной свободы.
» *март 30*. Закон о введении предварительной цензуры.
» *май 30, июнь 3*. Демонстрации в Париже под лозунгом защиты хартии.
» *июнь 6*. Массовая антиправительственная демонстрация в Париже на похоронах студента Лаллемана, убитого во время столкновений с войсками.
» *июнь 29*. Принятие нового избирательного закона (о «двойном голосовании»).
» *сентябрь 29*. Рождение герцога Бордосского.
» *ноябрь*. Успех ультрароялистов на частичных выборах.
» Выход в свет книги Б. Констана «Курс конституционной политики».
» Выход в свет книги Гизо «О правительстве Франции со времени реставрации».
1821 Организация тайного общества французских карбонариев.
» *март 20*. Попытка восстания в Гренобле.
» *май 5*. Смерть Наполеона I на острове св. Елены.
» Выход в свет книги Н. Бергасса «Опыт о собственности».
» Выход в свет книги Бональда «Первичное законодательство».
» *декабрь*. Министерский кризис.
» *декабрь 14*. Образование ультрароялистского министерства графа Виллеля.
» Выход в свет книги Огюстэна Тьерри «Письма по истории Франции».
1822 *январь 1*. Неудачное выступление карбонариев в Бельфоре.
» *январь 9*. Раскрытие венты карбонариев в Тулоне.
» *февраль 24*. Неудачное выступление карбонариев под руководством генерала Бертона в Туаре.
» *март*. Закрытие по политическим причинам юридического факультета в Париже.
» Суровая расправа правительства с участниками заговоров карбонариев. Казнь четырех ларошельских сержантов.
» *октябрь 12*. Запрещение лекций Гизо и В. Кузена в Парижском университете.
» *декабрь*. Назначение Шатобриана на пост министра иностранных дел.
1823 *январь*. Отозвание французского посла из Мадрида.
» *февраль 26*. Выступление депутата Манюэля против интервенции в Испании.
» *март 1*. Исключение Манюэля из палаты депутатов.
» *март 2*. Депутаты левой до конца сессии перестают участвовать в работе палаты депутатов.
» *апрель 7*. Вторжение французских войск в Испанию.
» *май 24*. Занятие Мадрида французскими войсками.
» Выход в свет книги Гизо «Опыт по истории Франции».

1823 Выход в свет первых двух томов книги Тьера «История французской революции».

» *декабрь 24.* Роспуск палаты депутатов.

1824 *февраль 25.* Выборы новой палаты. Избирательная победа ультрароялистов («вновь обретенная палата»).

» Основание «Католического общества хороших книг» под председательством герцога Монморанси.

» Выход в свет «Истории французской революции» Минье.

» *июнь 9.* Закон о септеннате (семилетнем сроке полномочий палаты депутатов).

» Выход в свет «Памфлета о памфлетах» П.-Л. Курье.

» *сентябрь 16.* Смерть Людовика XVIII. Граф д'Артуа становится королем под именем Карла X.

» *декабрь 2 и 9.* Ордонансы об увольнении из армии 250 офицеров и генералов Империи.

1825 *апрель 20.* Принятие закона «о святотатстве».

» *апрель 27.* Принятие закона о вознаграждении эмигрантов («миллиард эмигрантам»).

» Выход в свет книги Сен-Симона «Новое христианство».

» *май 1.* Закон о конверсии ренты.

» *май 19.* Смерть Сен-Симона.

» *май 24.* Закон о разрешении религиозным ассоциациям приобретать движимое и недвижимое имущество.

» *май 29.* Коронация Карла X в Реймсе.

» *ноябрь 30.* Массовая антиправительственная демонстрация на похоронах видного либерального деятеля генерала Фуа.

» Образование парижского комитета филэллинов.

» Торгово-промышленный кризис.

1826 *март 4.* Выход в свет памфлета Монлозье против иезуитов.

» *апрель 8.* Отклонение палатой пэров законопроекта о «праве первородства» при наследовании.

» *апрель 17.* Неудача реакционного законопроекта о печати.

» *май 11.* Принятие закона о субституции.

1827 *апрель 29.* Смотр национальной гвардии. Антиправительственные демонстрации отдельных батальонов.

» *апрель 30.* Роспуск национальной гвардии.

» *июнь.* Образование «Общества защиты печати».

» *июль 6.* Подписание Россией, Англией и Францией договора о вмешательстве в греческие дела.

» *октябрь 20.* Победа соединенной англо-франко-русской эскадры над турецко-египетским флотом при Наварине.

» Возникновение либерального общества «Помогай себе сам, — и небо тебе поможет».

» *ноябрь 5.* Ордонансы о назначении 76 новых пэров, роспуске палаты, назначении новых выборов и отмене цензуры.

» *ноябрь 17 и 24.* Поражение правой на выборах в палату депутатов.

» *ноябрь 19—20.* Уличные волнения и баррикадные бои в Париже в связи с избирательной победой либералов.

1828 *январь 5.* Министерство Мартиньяка.

» *февраль 2.* Последнее собрание «Конгрегации».

» *июнь 17.* Ордонансы против неразрешенных конгрегаций и церковных школ.

» *октябрь.* Присуждение народного поэта Беранже к 9 месяцам тюремного заключения и к штрафу в 10 000 франков.

» Выход в свет книги Гизо «История цивилизации в Европе».

1829 *апрель 8*. Неудача правительственных законопроектов о коммунальном и департаментском самоуправлении.
» *июль 31*. Закрытие сессии палат.
» *август 8*. Образование ультрароялистского министерства князя Полиньяка. Падение курса государственной ренты на 4 франка.
» Выход в свет книги Фурье «Новый промышленный и социетарный мир».
» *август—сентябрь*. Триумфальная поездка Лафайета по провинции.
» *сентябрь—октябрь*. Возникновение ассоциаций налогоплательщиков для противодействия планам министерства.
» *октябрь*. Основание либеральной газеты «Тан».
1830 *январь 3*. Выход первого номера орлеанистской газеты «Насьональ».
» Возникновение тайной революционной «патриотической ассоциации» газеты «Трибуна».
» *февраль 24*. Первое представление драмы Гюго «Эрнани».
» Выход в свет книги Базара и Анфантена «Изложение учения Сен-Симона».
» *март 2*. Открытие палат.
» *март 16*. Ответный адрес палаты на тронную речь короля, вотированный 221 депутатом.
» *март 19*. Ордонанс об отсрочке сессии палат до 1 сентября.
» *апрель 1*. Банкет парижских либералов в честь 221 депутата.
» *апрель 3*. Осуждение газет «Насьональ» и «Глоб» за нападки на министерство.
» *май 16*. Ордонанс о роспуске палаты и назначении новых выборов.
» *май 19*. Частичные перемены в составе министерства.
» *май 25*. Отплытие французского экспедиционного корпуса в Алжир.
» *июнь 23 — июль 7 и 19*. Выборы в палату депутатов. Увеличение антиправительственного большинства с 221 до 270 депутатов.
» *июль 5*. Капитуляция Алжира.
» *июль 26*. Опубликование шести королевских ордонансов.
» *июль 26*. Падение курса ренты.
» *июль 26*. Увольнения типографских рабочих.
» *июль 26*. Стихийные уличные демонстрации.
» *июль 26*. Собрание оппозиционных журналистов в редакции газеты «Насьональ». Принятие протеста против ордонансов.
» *июль 26*. Собрание оппозиционных депутатов.
» *июль 27*. Закрытие правительством газет «Насьональ» и «Тан».
» *июль 27*. Прекращение работ в ряде мастерских.
» *июль 27*. Вооруженные схватки народа с войсками.
» *июль 27*. Назначение маршала Мармона командующим войсками парижского гарнизона.
» *июль 28*. Протест депутатов против ордонансов.
» *июль 28*. Баррикадные бои по всему Парижу.
» *июль 29*. Победа восставшего народа в Париже. Отступление королевских войск в Сен-Клу.
» *июль 29*. Образование временного правительства в Ратуше.
» *июль 30*. Собрание депутатов у банкира Лаффита. Образование муниципальной комиссии.
» *июль 30*. Прокламация Тьера и Лаффита в пользу герцога Орлеанского.
» *июль 30*. Образование республиканского «Общества друзей народа».
» *июль 31*. Провозглашение герцога Орлеанского наместником королевства.
» *август 2*. Отречение Карла X от престола в пользу своего внука герцога Бордосского.

1830 *август 3*. Поход парижского населения на Рамбулье.
» *август 3*. Открытие сессии палаты депутатов и палаты пэров.
» *август 7*. Провозглашение на соединенном заседании палат герцога Орлеанского «королем французов».
» *август 9*. Вступление на престол герцога Орлеанского под именем Луи-Филиппа.
» *август 11*. Министерство Гизо—Дюпона де л'Эр.
» *август 14*. Опубликование новой конституционной хартии.
» *август 16*. Отъезд Карла X в Англию.
» *октябрь 2*. Закрытие «Общества друзей народа».
» *октябрь 11*. Отмена закона о «святотатстве».
» *октябрь 18*. Демонстрации в Париже с требованием казни бывших министров Карла X.
» *ноябрь 2*. Министерство Лаффита.
» *декабрь 15—21*. Суд над бывшими министрами. Демонстрации в рабочих кварталах Парижа.
» Выход в свет романа Бальзака «Шагреневая кожа».
» Выход в свет романа Стендаля «Красное и Черное».
1831 *февраль 14*. Легитимистская манифестация в церкви Сен-Жермен л'Оксеруа.
» *февраль 15*. Народные волнения в Париже. Разгром дома парижского архиепископа.
» *февраль*. Петиция рабочих Лиона.
» *март 10—11*. Волнения в Париже в связи с событиями в Польше.
» *март 13*. Министерство Казимира Перье.
» *март 21*. Закон о местном самоуправлении.
» *март 22*. Закон об организации национальной гвардии.
» *март 26*. Закон об увеличении личной подати и квартирного налога.
» *апрель 18*. Закон о чрезвычайном 30-сантимном поземельном налоге.
» *апрель 19*. Новый избирательный закон (понижение имущественного ценза).
» *сентябрь 16—18*. Уличные волнения в Париже в связи с известием о подавлении польского восстания.
» *октябрь 8*. Собрание обществ взаимопомощи в Лионе.
» *ноябрь 21 — 23*. Восстание рабочих Лиона.
» *ноябрь 23 — декабрь 3*. Лион в руках рабочих.
» *декабрь 3*. Вступление в Лион маршала Сульта с войсками и подавление восстания.
» *декабрь 29*. Закон об отмене наследственности звания пэров.
1832 *январь—февраль*. Раскрытие легитимистских заговоров в Париже.
» *январь 10—12*. «Процесс 15-ти» (Бланки и других членов «Общества друзей народа»).
» *март—сентябрь*. Эпидемия холеры.
» *апрель 10*. Закон о вечном изгнании членов династий Бурбонов и Бонапартов.
» *апрель 30*. Прибытие герцогини Беррийской в Марсель. Попытка легитимистского мятежа.
» *июнь*. Легитимистский мятеж в Вандее.
» *июнь 5—6*. Республиканское восстание в Париже.
» *июнь 7—29*. Осадное положение в Париже. Роспуск ряда батальонов национальной гвардии.
» *октябрь 11*. Министерство Сульта—Гизо—Тьера.
» *ноябрь 19*. Покушение на Луи-Филиппа.
» Выход фурьеристского журнала «Фаланстер, или Индустриальная реформа».

1832 Первая железная дорога во Франции (между Сент-Этьенном и Лионом).
» Образование республиканского «Общества прав человека».
1833 Запрет незарегистрированных обществ и хранения оружия.
» *июль 22.* Закон о выборности членов генеральных советов департаментов.
» Судебные преследования республиканцев
1834 *февраль 14—22.* Стачка ткачей в Лионе.
» *март 25.* Закон против обществ.
» *апрель 5.* Начало судебного процесса против руководителей рабочих организаций Лиона.
» *апрель 9—13.* Восстание в Лионе.
» *апрель 13—14.* Восстание в Париже.
» *апрель 14.* Бойня на улице Транснонен в Париже. Разгром «Общества прав человека».
» *апрель.* Вооруженные столкновения народа с войсками в ряде провинциальных городов.
» Выход в свет книги Ламеннэ «Слова верующего».
» Выход в свет романа Бальзака «Отец Горио» и создание им плана «Человеческой комедии».
1835 *март 5* — **1836** *январь 23.* Судебный процесс-монстр против республиканцев.
» *март 12.* Закон о запрещении создания новых майоратов.
» *май 12.* Министерство герцога де Бройля.
» Образование тайного республиканского «Общества семей» под руководством Бланки и Барбеса.
» *июль 28.* Покушение Фиески на Луи-Филиппа.
» *сентябрь.* Чрезвычайные законы об уголовных судах, о присяжных заседателях и о печати.
1836 — 1840 Период частых министерских кризисов.
1836 *август 2.* Судебный процесс руководителей «Общества семей».
» *октябрь 30.* Прибытие принца Луи-Наполеона Бонапарта в Страсбург. Попытка бонапартистского переворота.
» Выход в свет книги Альфреда де Мюссе «Исповедь сына века».
1837 Образование тайного коммунистического «Общества времен года» под руководством Бланки.
» *октябрь 8.* Смерть Ш. Фурье.
1838 *октябрь 25.* Эвакуация Анконы.
1839 *май 12—13.* Восстание в Париже, организованное «Обществом времен года».
» Абд-эль-Кадер объявляет священную войну против французов.
1840 *январь.* Процесс руководителей «Общества времен года».
» Выход книги Л. Блана «Организация труда».
» *март—сентябрь.* Крупная стачка в Париже.
» *март—октябрь.* Министерство Тьера.
» Установление регулярной пароходной связи с США, Бразилией и Мексикой.
» Продление на 25 лет привилегий Французского банка.
» Передача железнодорожного строительства акционерным компаниям.
» *июль 1.* Коммунистический банкет в Бельвиле (близ Парижа).
» *август.* Банкеты и манифестации с требованием избирательной реформы.
» *август 6.* Высадка Луи-Наполеона Бонапарта в Булони и новая попытка бонапартистского переворота.
» *сентябрь 17.* Ордонанс о возведении укреплений вокруг Парижа.

1840 *октябрь 6.* Осуждение Луи-Наполеона Бонапарта на пожизненное заключение.
» *октябрь 29.* Образование министерства Сульта—Гизо.
» Основание рабочего журнала «Ателье».
» Выход в свет книги Кабе «Путешествие в Икарию».
» Выход в свет книги Прудона «Что такое собственность?»
» Выход в свет книги Пьера Леру «О человечестве».
» Организация «Общества рабочих-эгалитариев».
» *декабрь 15.* Перенесение останков Наполеона I в Париж, в Дом Инвалидов.
1841 Выход в свет книги Дезами «Кодекс коммунизма».
1842 Избрание Ледрю-Роллена депутатом.
» Приобретение Маркизских островов и островов Товарищества.
1843 *май 16.* Взятие Смалы (в Алжире) — центра Абд-эль-Кадера.
» Заключение первого коллективного договора палатой (профессиональным союзом) печатников с владельцами типографий.
» Выход демократической газеты «Реформа».
» *октябрь.* Приезд Маркса в Париж.
1844 *февраль.* В Париже выходят в свет «Немецко-Французские Ежегодники», издаваемые Марксом и Руге.
» «Дело Притчарда». Резкое обострение франко-английских отношений.
» Договор с Китаем.
» «Великая стачка» угольщиков в Рив-де-Жье.
1845 *январь 11.* Распоряжение французского министерства внутренних дел о высылке Маркса из Франции.
» Франко-английская экспедиция на Мадагаскар.
1846 *май 25.* Бегство Луи-Наполеона Бонапарта из заключения.
» Стачка угольщиков в Рив-де-Жье.
» Выход в свет книги Прудона «Философия нищеты».
» Неурожай хлеба и недород картофеля.
1847 Голодные волнения.
» *июль 9.* Банкет в Шато-Руж и начало банкетной кампании в пользу избирательной реформы.
» *июль 17.* Процесс о хищениях бывших министров и других высших сановников.
» *июль 18.* Выступление Ламартина на банкете в Маконе.
» Выход в свет «Истории жирондистов» Ламартина.
» *август 24.* Убийство герцогини Шуазель-Праслен.
» *сентябрь 19.* Отставка Сульта и замена его Гизо в качестве главы кабинета.
» *ноябрь.* Неудача политики Гизо в Швейцарском вопросе.
» *ноябрь 23.* Взятие в плен Абд-эль-Кадера.
» Финансовый и торгово-промышленный кризис.
» *декабрь 28.* Открытие сессии законодательных палат.

РОССИЯ

1815—1847

1815 *сентябрь 26 (14).* Акт о создании Священного союза.
» *декабрь 24 (12).* Манифест Александра I о конституции в Польше.
» Волнения в Тамбовской губернии на фабрике Тулякова и в Ярославле на шелковой посессионной фабрике Красильникова.
» Крестьянские волнения в Полтавской, Курской и Оренбургской губерниях.

1815 Первое в России пароходство.

1816 *январь 5* (**1815** *декабрь 24*). Поручение Аракчееву докладов по делам комитета министров.

» *февраль 21 (9)*. Возникновение тайного общества «Союз спасения, или общество истинных и верных сынов отечества».

» *апрель 12 (март 31)*. Установление нового тарифа, понизившего таможенные пошлины.

» *июнь 4 (май 23)*. «Освобождение» крестьян в Эстляндии.

» *ноябрь 18 (6)*. Лишение купцов-промышленников права покупать крестьян.

» Бунт военных поселян Новгородской губернии.

1817 *май 19 (7)*. Учреждение Государственного коммерческого банка.

» *сентябрь 6 (август 25)*. «Освобождение» крестьян в Курляндии.

» *ноябрь 5 (октябрь 24)*. Создание министерства духовных дел и народного просвещения.

» Волнения крестьян в связи с преобразованием Бугского войска в военные поселения.

» Организация тайного общества «Друзей природы» (Н. и А. Борисовы).

» Начало постройки шоссейных дорог. Первое шоссе между Петербургом и Москвой.

1818 *февраль*. Выход в свет «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина (первых 8 томов).

» *июнь 28 (16)*. Второй государственный шестипроцентный внутренний заем.

» *декабрь 19 (7)*. Заключение коммерческой конвенции между Россией и Пруссией.

» Организация тайного общества «Союз благоденствия».

» Выход в свет книги Н. И. Тургенева «Опыт теории налогов».

» Проекты уничтожения крепостного права Е. Ф. Канкрина.

» Проект дворянской конституции Н. С. Мордвинова.

1819 — 1820 Восстание крестьян в Имеретии.

1819 *январь 13 (1)*. Установление казенной продажи питей.

» *февраль 20 (8)*. Учреждение Петербургского университета.

» *апрель 7 (март 26)*. «Освобождение» крестьян в Лифляндии.

» Разгром Магницким Казанского университета.

1819 — 1821 Ревизия Сперанского в Сибири.

1820 *март 25 (13)*. Изгнание иезуитов из России.

» *май 17 (5)*. Ссылка А. С. Пушкина на юг.

» *июнь 4 (23)*. Опубликование правил об образовании военных поселений.

» *август 28 (16)*. Заем в Лондоне и Амстердаме на 40 миллионов рублей серебром.

» *октябрь 29 (17)*. Выступление Семеновского полка в Петербурге.

» *декабрь 17 (5)*. Обращение московских промышленников в министерство финансов с ходатайством о повышении таможенных пошлин на хлопчатобумажные изделия.

1820 — 1824 Экспедиция Врангеля к северо-восточным берегам Сибири.

1821 *февраль 22 (10)*. Повышение таможенных пошлин на хлопчатобумажные изделия.

» *май 12 (апрель 30)*. Декларация России, Австрии и Пруссии о подавлении революции в Пьемонте.

» Записка Н. И. Тургенева о крепостном праве.

» Записка В. Н. Каразина о дворянской конституции.

» Заключение Каразина в Шлиссельбургскую крепость.

» Съезд членов «Союза благоденствия» в Москве.

*

1821 Образование «Северного» и «Южного» обществ.
» Разгром Д. П. Руничем Петербургского университета.
1822 *февраль 18 (6).* Арест в Одессе майора В. Ф. Раевского за пропаганду среди солдат.
» *март 24 (12).* Покровительственный таможенный тариф.
» *июль 5 (июнь 23).* Заем у Ротшильда в Париже 43 миллионов рублей.
» *август 13 (1).* Указ о тайных обществах и закрытие масонских лож.
1823 Попытка организации тайного общества на Верхне-Исетском заводе Яковлева. Организация «Общества соединенных славян» в Киевской и Волынской губерниях.
» Съезд «Южного общества» в Киеве.
1823 — 1830 Написание А. С. Пушкиным «Евгения Онегина».
1824 *май 27 (15).* Отставка министра духовных дел и просвещения А. Н. Голицына.
» *сентябрь 26 (14).* Массовая высылка поляков (Мицкевич и др.) в Россию по приговору комиссии Новосильцева.
» *ноябрь 19 (7).* Наводнение в Петербурге.
» Выход в свет первого номера «Полярной звезды» (К. Ф. Рылеев и А. А. Бестужев).
» Предоставление фабрикантам права отпускать на волю посессионных рабочих с особого разрешения в каждом отдельном случае комитета министров.
1825 *февраль 28 (16).* Конвенция о разграничении владений России и Англии в Северной Америке.
» *март 26 (14).* Учреждение секретного комитета по делам о раскольниках.
» *март.* Съезд близ Житомира членов «Общества соединенных славян».
» *июнь 28 (16).* Указ, воспрещавший отдавать крепостных на фабрику.
» *сентябрь.* Восстание в Саратовском полку на Украине.
» *декабрь 1 (ноябрь 19).* Смерть Александра I.
» *декабрь 9—30 (ноябрь 27 — декабрь 18).* Междуцарствие и вступление на престол Николая I.
» *декабрь 25 (13).* Арест П. И. Пестеля в Линцах.
» *декабрь 26 (14).* Восстание в Петербурге.
1826 *январь 9* (**1825** *декабрь 28*). Восстание Черниговского полка в Василькове.
» *январь 16 (4).* Столкновение восставшего Черниговского полка с правительственными войсками близ Белой Церкви.
» *январь.* Экспедиция А. П. Ермолова в Чечню, закончившаяся подчинением России ряда аулов.
» *апрель 4 (март 23).* Подписание в Петербурге протокола Россией и Англией об отношении к греческому восстанию.
» *апрель 15 (3).* Восстание крестьян в Киевской губернии под предводительством солдата Семенова в связи со слухами о воле.
» *апрель 16 (4).* Преобразование Комиссии составления законов во II отделение собственной е. и. в. канцелярии.
» *май 7 (апрель 25).* Начало работ по составлению (1826—1830) первого Полного собрания законов под руководством М. М. Сперанского.
» *май 24 (12).* Манифест Николая I о незыблемости крепостного права.
» *июль 15 (3).* Преобразование «Особой канцелярии» при министерстве внутренних дел в III отделение собственной е. и. в. канцелярии.
» *июль 24 (12).* В ночь на 25-е казнены пять декабристов: Пестель, Рылеев, С. И. Муравьев-Апостол, Бестужев-Рюмин и Каховский.
» *июль.* Вступление персидских войск в пределы России и занятие Ленкорани и Карабаха.

1826 *август 21 (9)*. Установление военных судов для дел о крестьянских восстаниях.

» *сентябрь 3 (август 22)*. Учреждение министерства императорского двора.

» *сентябрь 25 (13)*. Победа русских войск над персидскими.

» Крестьянские волнения в шестнадцати губерниях в связи со слухами о воле и выступлением декабристов.

1827 *февраль 27 (15)*. Закон о минимальном наделе крестьян.

» *август 16 (4)*. Утверждение приговора по делу революционного кружка в Сибири (Колесников, Завалишин и др.).

» *август 27 (15)*. Аресты в Москве участников революционного кружка.

» *август 31 (19)*. Запрещение принимать крестьян в высшие и средние учебные заведения.

» *сентябрь 5 (август 24)*. Учреждение морского министерства.

» *сентябрь 13 (1)*. Введение винной откупной системы.

» *октябрь 13 (1)*. Взятие русскими войсками под начальством генерала Паскевича Эривани.

» *октябрь 20 (8)*. Наваринская битва.

» Восстание матросов на корабле «Александр Невский» во время стоянки его у острова Мальты после боя при Наварине.

» *октябрь 25 (13)*. Занятие русскими войсками Тавриза.

» *ноябрь 6 (октябрь 25)*. Ссылка В. Ф. Раевского на поселение в Сибирь.

1828 — 1829 Русско-турецкая война.

» Крестьянское движение в Грузии.

1828 *февраль 22 (10)*. Туркманчайский мирный договор между Россией и Персией.

» *февраль 26 (14)*. Опубликование манифеста о войне России с Турцией.

» *май 7—12 (апрель 25—30)*. Переход русской армией Прута, занятие Молдавии и Валахии.

» *июль 5 (июнь 23)*. Занятие Карса русскими войсками под начальством генерала Паскевича.

» *сентябрь 3 (август 22)*. Суд над декабристом Сухиновым и другими за попытку поднять восстание в Зерентуйском округе Забайкальской области.

» *сентябрь 8 (август 27)*. Занятие русскими войсками Баязета.

1829 *февраль 11 (январь 30)*. В Тегеране убит посланник А. С. Грибоедов и чины русской миссии.

» *июнь 11 (май 30)*. Русские войска нанесли решительное поражение турецкой армии при Кулевче.

» *июль 9 (июнь 27)*. Занятие Эрзерума войсками под начальством Паскевича.

» *июль*. Переход русской армии под начальством Дибича через Балканы.

» *август 20 (8)*. Занятие русскими войсками Адрианополя.

» *сентябрь 14 (2)*. Заключение мирного договора в Адрианополе между Россией и Турцией.

1830 *март 9 (февраль 25)*. Начало борьбы горцев Дагестана и Чечни с Россией за независимость.

» *март 29 (17)*. Заключение договора между Россией и Пруссией о выдаче политических преступников.

» *апрель 6 (март 25)*. Манифест Николая I о созыве сейма в Варшаве.

» *апрель 13 (1)*. Окончание работ по составлению первого Полного собрания законов.

» *май 28 (16)*. Открытие сейма в Варшаве в присутствии Николая I.

» *июль 12 (июнь 30)*. Бунт солдат, матросов и городского населения в Севастополе.

1830 *август 28—31*. Посылка Николаем I в Вену ген.-адъютанта А. Ф. Орлова и в Берлин фельдмаршала И. И. Дибича для переговоров о совместных действиях против Июльской революции во Франции.

» *ноябрь 29 (17)*. Начало восстания в Польше.

» *декабрь 17 (5)*. Воззвание Николая I к народу и войску Царства Польского.

1831 *январь 14 (2)*. Запрещение ввоза товаров из Польши в Россию.

» *февраль 6 (январь 25)*. Манифест Николая I о борьбе с Польшей.

» *июль 4 (июнь 22)*. Холерный бунт в Петербурге.

» *июль 10 (июнь 28)*. Новый рекрутский устав.

» *июль 23 — август 3 (июль 11—22)*. Бунт в Новгородских военных поселениях.

» *сентябрь 7 (август 26)*. Взятие Варшавы русскими войсками.

» *сентябрь 28 (16)*. Учреждение Комитета о западных губерниях.

» *ноябрь 24 (12)*. Повышение пошлин на товары, ввозимые из Польши в Россию.

1832 *октябрь 29 (17)*. Взятие русскими войсками аула Гимры; убит Казимулла.

» *декабрь 18 (6)*. Заключение торгового договора между Россией и США.

» Крестьянские волнения в Воронежской, Рязанской, Саратовской и Пензенской губерниях.

1833 *февраль 12 (январь 31)*. Опубликование Свода законов Российской империи.

» *апрель 17 (5)*. Высадка у Босфора русского десанта в помощь туркам против Египта.

» *май 14 (2)*. Указ, воспрещающий продажу крепостных с публичного торга.

» *июль 8 (июнь 26)*. Подписание на азиатском берегу Босфора союзного договора между Россией и Турцией.

» *октябрь 15 (3)*. Подписание в Берлине Россией, Австрией и Пруссией конвенции о борьбе с революционным движением.

1833 — 1834 Волнения рабочих на Баташевских заводах во Владимирской губернии.

1834 *июль 3 (июнь 21)*. Арест в Москве кружка А. И. Герцена.

» *июль 27 (15)*. Открытие Киевского университета.

» Волнения рабочих на Купавинской шелковой фабрике в Богородском уезде.

1835 Восстание крестьян (3000 человек) в Пермской губернии.

» *июнь 5 (май 24)*. Начало фабричного законодательства в России: «положение» об отношениях между хозяевами фабрик и заводов и рабочими.

» *июль*. Восстание башкир.

» *август 7 (июль 26)*. Новый университетский устав.

1836 — 1843 Восстания крестьян в Витебской губернии.

1836 *июль 20 (8)*. Восстание в Осетии.

» *декабрь 9 (ноябрь 27)*. Первая постановка в Петербурге оперы М. И. Глинки «Иван Сусанин».

» Опубликование «Философических писем» П. Я. Чаадаева в журнале «Телескоп».

» Издание А. С. Пушкиным журнала «Современник».

» Первая постановка комедии Н. В. Гоголя «Ревизор».

1837 *февраль 10 (январь 29)*. Смерть Пушкина, раненного на дуэли Дантесом.

» *ноябрь 11 (октябрь 30)*. Открытие движения по первой железной дороге в России между Петербургом и Царским Селом.

1837 Волнения рабочих на полотняных фабриках в Тульской губернии.
1838 *май 10 (апрель 28).* Заключение торгового договора между Россией, Швецией и Норвегией.
» *июнь 10 (май 29).* Закрытие Киевского университета.
1839 — 1840 Поход в Хиву русского отряда под начальством генерала Перовского.
1839 *февраль 27 (15).* Казнь польского революционера С. Конарского за попытку поднять восстание в Польше.
» *июль 13 (1).* Денежная реформа, осуществленная министром финансов Е. Ф. Канкриным: введение расчета на серебро путем девальвации.
1840 *июнь 30 (18).* Опубликование закона, разрешавшего отпускать на волю рабочих посессионных фабрик и заводов.
1841 *январь 14 (2).* Запрещение помещикам, не владеющим населенными имениями, приобретать крестьян без земли.
» *июнь 3 — сентябрь 17 (май 22 — сентябрь 5).* Вооруженное восстание крестьян в Гурии.
» *июль 13 (1).* Заключение конвенции между Россией, Англией, Францией, Пруссией и Турцией о воспрещении военным судам иностранных государств входить в проливы (Дарданелы и Босфор).
» *июль 27 (15).* Смерть М. Ю. Лермонтова, убитого на дуэли в Пятигорске Н. С. Мартыновым.
» *декабрь.* Восстание в Южной Осетии, жестоко подавленное войсками.
1842 *апрель 12 (март 31).* Заявление Николая I о недопустимости уничтожения крепостного права.
» *апрель 14 (2).* Указ об обязанных крестьянах.
» *декабрь 9 (ноябрь 27).* Первая постановка оперы Глинки «Руслан и Людмила».
» Опубликование статьи В. Г. Белинского «Русская литература в 1841 году».
» Выход в свет поэмы Н. В. Гоголя «Мертвые души».
1843 *июнь 13 (1).* Манифест о замене ассигнаций и других бумажных денежных знаков кредитными билетами.
1844 *июнь 24 (12).* Опубликование указа, разрешавшего помещикам отпускать дворовых на волю без земли по обоюдному соглашению.
» Крестьянские волнения в трех казенных волостях и шестнадцати помещичьих имениях разных губерний.
» Волнения на Вознесенской фабрике и на бумагопрядильной фабрике близ Москвы.
1845 *август 27 (15).* Издание Уложения о наказаниях уголовных и исправительных.
» Записка министра внутренних дел Перовского «Об уничтожении крепостного состояния в России».
1846 *март 17 (5).* Казнь Потоцкого и других за попытку организовать восстание в Польше.
» Основание «Кирилло-Мефодиевского братства».
1847 *апрель 8 (март 27).* Арест в Киеве поэта Т. Г. Шевченко и историка Н. И. Костомарова за принадлежность к «Кирилло-Мефодиевскому братству».
» *август 3 (июль 22).* Заключение конкордата между Россией и папским престолом.
» *ноябрь 20 (8).* Закон о праве крестьян выкупать себя на свободу при продаже дворянских имений с публичного торга.
» Письмо В. Г. Белинского к Н. В. Гоголю.
» Переход журнала «Современник» под редакцию Н. А. Некрасова.
» А. И. Герцен эмигрирует из России.

ЦАРСТВО (КОРОЛЕВСТВО) ПОЛЬСКОЕ

1815—1847

1815 *апрель 30.* Сообщение Александра I польскому сенату о принятии им титула царя польского.

» *май 15.* Ратификация договоров между Россией, Австрией и Пруссией о новом разделе польских земель.

» *май 25.* Воззвание Александра I к полякам об образовании Царства Польского и о введении конституции.

» *июнь 20.* Торжественное провозглашение Царства Польского.

» *декабрь 12.* Обнародование конституции.

1818 *март 17.* Открытие первого сейма. Тронная речь Александра I. Прения по вопросу о конституции.

» *май 14.* Торжественное открытие Варшавского университета.

1819 *май 22.* Подчинение всей периодической печати предварительной цензуре.

1820 *сентябрь 13 — октябрь 13.* Второй сейм. Отвергнут законопроект об уголовном судопроизводстве и устав Сената.

1821 *май 1.* Преобразование масонского «Национального общества» в «Национальное патриотическое общество».

1823 Отставка князя Чарторыйского.

1824 *июнь.* Процесс руководителей «Патриотического общества».

» Заключение торгового соглашения между Россией и Пруссией, благоприятствовавшего развитию польской торговли и промышленности.

1825 *февраль 3.* Указ Александра I об отмене публичности заседаний сейма.

» *май 13 — июнь 13.* Принятие проекта Любецкого об учреждении Земского кредитного общества (Земельного банка).

1826 Аресты в Варшаве по делу декабристов.

» Великий князь Константин — наместник Польши.

1828 Основание Польского банка.

» Выход в свет поэмы Мицкевича «Конрад Валленрод».

1829 *май 24.* Коронация Николая I в Варшаве царем польским.

» *май.* Переговоры тайного кружка Высоцкого с Лелевелем об участии в восстании.

1830 *май 28.* Открытие четвертого сейма Царства Польского.

» *август—сентябрь.* Подготовка восстания против царизма революционными кружками Лелевеля, Высоцкого, Заливского. Разработка плана восстания.

» *ноябрь 29.* Начало восстания в Варшаве.

» *ноябрь 30.* Уход русских войск во главе с великим князем Константином из Варшавы.

» Назначение командующим польскими войсками генерала Хлопицкого.

» *декабрь 4.* Создание временного правительства Польши из семи членов.

» *декабрь 5.* Генерал Хлопицкий провозглашен диктатором.

» *декабрь 17.* Воззвание Александра I к польскому народу.

1831 *январь 20.* Сейм отменяет диктатуру Хлопицкого и назначает вместо него командующим войсками князя Радзивилла.

» *январь 25.* Сейм провозглашает низложение Николая I.

» *февраль 5.* Русская армия во главе с фельдмаршалом Дибичем направляется к Варшаве.

» *февраль 19—24.* Битва между русскими и польскими войсками при Грохове и Бялоленке. Отступление поляков к предместью Варшавы — Праге.

» *март 30.* Поражение русских войск при Вавре и Дембе-Вельке.

» *март—апрель.* Восстание охватывает Литву.

ОПЕЧАТКА

Страница	*Строка*	*Напечатано*	*Следует читать*
536	11 снизу	Александра I	Николая I

История XIX в., т. III

1831 *май 26*. Кровавое сражение при Остроленке и отступление поляков к Пултуску и Варшаве.
» *июнь 10*. Смерть Дибича. Назначение князя Паскевича Эриванского командующим русской армией, действующей против поляков.
» *июнь 20*. Народные волнения в Варшаве в связи с поражением польских войск.
» *июль 8*. Занятие русскими войсками Плоцка.
» *июль 27*. Смерть великого князя Константина в Витебске.
» *июль 31*. Обращение французского правительства к английскому с предложением посредничества между поляками и русским правительством. Отказ Пальмерстона от вмешательства в польские дела.
» *август 15*. Убийство народной толпой генерала Янковского и других виновников поражения польских войск.
» *август 16*. Генерал Круковецкий объявляет себя губернатором Варшавы.
» *август 17*. Образование сеймом нового правительства и назначение главнокомандующим генерала Круковецкого (вместо Дембинского).
» *август 19*. Начало осады Варшавы русскими войсками.
» *сентябрь 8*. Взятие Варшавы русскими войсками.
» *ноябрь 6*. Провозглашение Николаем I амнистии участникам восстания.
1831 — 1856 Князь Паскевич — наместник Царства Польского.
1832 *февраль 25*. Учреждение в Польше особого уголовного суда над повстанцами.
» *февраль 26*. Издание нового «Органического устава» Царства Польского.
1833 *январь 4*. Съезд польских эмигрантов в городе Лионе, на котором решено начать партизанскую борьбу против царизма.
» *сентябрь 19*. Заключение в Мюнхенгретце соглашения между Россией, Австрией и Пруссией о взаимной помощи в случае восстания поляков.
» Неудачная попытка восстания в Люблинском воеводстве под руководством Заливского.
1834 Объявление военного положения в Польше.
1835 Учреждение в Варшаве Римско-католической академии.
1837 Замена официального французского языка в Польше русским.
1841 *сентябрь 18*. Указ об упразднении Государственного совета в Царстве Польском.
1844 Разделение Польши на пять губерний: Варшавскую, Радомскую, Люблинскую, Плоцкую и Модлинскую.
1846 *июнь 7*. Указ Николая I о выполнении крестьянами повинностей.
1847 — 1848 Брожение среди крестьянства Царства Польского под влиянием слухов о крестьянской реформе.

ТУРЦИЯ И ЮГО-ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА

1814—1843

1814 Основание литературного общества «Филомузы» в Афинах и тайного общества «Дружественная гетерия» в Одессе с целью борьбы за независимость Греции.
1815 Бегство валахского господаря Константина Ипсиланти в Россию.
1817 *июнь*. Убийство Кара-Георгия по прибытии его из Петербурга в Сербию.
1820 *апрель*. Решение Гетерии о вооруженном восстании против Турции. Принятие князем Александром Ипсиланти главного командования над греками.

1820 Восстание Али-паши янинского против султана.

1821 — 1823 Персидско-турецкая война.

1821 *февраль.* Начало восстания в Валахии под руководством Теодора Владимиреско.

» *февраль 25.* Переход Ипсиланти через реку Прут. Подъем национально-освободительной борьбы в Морее.

» *апрель 2.* Резня греков в Константинополе.

» *июнь 19.* Поражение восставших греков при Драгашани.

» *июнь 27.* Бегство Ипсиланти в Австрию.

» *июнь 28.* Нота Александра I султану в связи с событиями в Греции и в дунайских княжествах.

» *август 8.* Отозвание русского посланника из Константинополя.

» *август—октябрь.* Восстание против турецкого гнета в Пелопонесе, Фессалии, Македонии и Эвбее.

» Образование в ряде европейских городов и в США комитетов по сбору пожертвований и вербовке волонтеров для поддержки греческого восстания.

1822 *январь 27.* Греческое национальное собрание в Эпидавре провозглашает независимость Греции и приступает к выработке временной конституции.

» *апрель 11.* Резня греческого населения на острове Хиосе.

» *апрель.* Восстание греков на острове Самосе.

» Отставка графа Каподистрии (министр Александра I). Александр I выражает свое недовольство греческим восстанием.

1823 Занятие греками Навплии, Коринфа и Афин. Снятие осады с Мисолунги. Уход турецкого флота в Дарданелы.

» *февраль.* Греческое национальное собрание в Агросе.

» *декабрь.* Попытка узурпации власти в Греции Колокотронисом.

» Начало гражданской войны в Греции между сторонниками русской и сторонниками английской ориентации.

1824 *январь.* Образование нового исполнительного совета под председательством Кондуриотиса.

» *апрель 19.* Смерть Байрона в Мисолунги.

1825 *февраль 24.* Прибытие в Модон (Морея) экспедиционного корпуса египетского паши Мехмед-Али для подавления восстания в Греции.

» *февраль—апрель.* Конференция в Петербурге по греческому вопросу.

» *май 18.* Капитуляция греков в Наварине.

» *июль.* Отступление египетской армии в связи с угрозой вмешательства Англии в греческие дела.

» Организация в Париже Филантропического общества помощи грекам.

1826 *апрель 4.* Подписание Англией и Россией протокола о посредничестве между турками и греками.

» *апрель 22—23.* Взятие турецкими войсками крепости Мисолунги.

» *апрель.* Удаление Кондуриотиса из состава правительства национальным собранием в Эпидавре.

» *май 28.* Указ султана Махмуда II о сформировании корпуса новой регулярной армии (акинджи).

» *июнь 15—16.* Восстание янычар против указа султана Махмуда о создании регулярной армии. Жестокое подавление янычар войсками султана.

» *июнь.* Начало войны России с Персией.

1827 *апрель 1.* Объединение греческих национальных собраний в Трезене.

» Принятие новой конституции Греции.

» Избрание главой исполнительной власти графа Каподистрии, сторонника русской ориентации.

1827 *июнь 5.* Взятие турками Акрополя.
» *июль 6.* Заключение в Лондоне конвенции между Россией, Англией и Францией по греческому вопросу.
» *октябрь 20.* Уничтожение турецко-египетского флота эскадрами Англии, России и Франции в сражении при Наварине.
1828 *январь 18.* Прибытие графа Каподистрии в Навплию. Приостановка действия конституции 1827 года. Установление диктатуры Каподистрии.
» *апрель 26.* Начало русско-турецкой войны.
» *май 7.* Переход русской армии через реку Прут.
» Оккупация Болгарии, Молдавии и Валахии русскими войсками.
» Восстание в Сербии под руководством Милоша Обреновича.
» *октябрь.* Эвакуация турецкими войсками Пелопонеса.
» *октябрь 6.* Занятие Мореи французскими войсками.
1829 *март 22.* Заключение на Лондонской конференции соглашения между союзными державами по вопросу о независимом греческом государстве.
» *август 20.* Взятие Адрианополя русскими войсками.
» *сентябрь 14.* Заключение в Адрианополе мирного договора между Россией и Турцией.
1830 *февраль 3.* Подписание в Лондоне Россией, Францией и Англией протокола об образовании независимого греческого государства.
» *май 21.* Отказ принца Леопольда Саксен-Кобургского от греческой короны.
» *август.* Признание султаном автономии Сербии.
» Восстание на о. Крите.
1831 *апрель—октябрь.* Восстание в Греции против диктатуры Каподистрии
» *октябрь 9.* Убийство Каподистрии.
» Принятие в Бухаресте и Яссах «Органического регламента».
1832 *май 7.* Заключение в Лондоне конвенции между Россией, Францией, Англией и Баварией об избрании на греческий престол баварского принца Оттона.
» *декабрь 21—27.* Разгром турецкой армии египетскими войсками Ибрагима-паши.
1833 *февраль 6.* Прибытие Оттона в Навплию.
» *июль 8.* Заключение русско-турецкого договора в Ункяр-Искелеси.
1834 *январь 29.* Эвакуация Молдавии и Валахии русскими войсками.
1834 — 1839 Гражданские реформы султана Махмуда II.
1835 Восстание против турок в Албании.
1838 *декабрь 24.* Хатти-шериф султана о создании сербского сената.
1839 *июнь 12.* Отречение Милоша Обреновича от сербского престола.
» *июнь 30.* Смерть султана Махмуда II. Восшествие на престол султана Абдул-Меджида.
» *ноябрь 3.* Опубликование Гюльханейского хатти-шерифа (начало периода танзимата в Турции).
1840 Учреждение государственного совета и выработка уголовного кодекса в Турции.
» *июль 15.* Заключение в Лондоне конвенции об оказании Турции помощи в египетском конфликте.
1841 Восстание в Болгарии.
1842 *август.* Избрание на престол Сербии Александра Карагеоргиевича.
» *октябрь.* Отказ от власти господаря Молдавии Михаила Стурдзы и избрание на его место князя Георгия Бибеско.
1843 — 1846 Восстания курдов.
1843 Основание тайного общества «Союз братьев» в дунайских княжествах.

ИСПАНИЯ

1814—1847

1814 *май 4.* Фердинанд VII объявляет конституцию 1812 года и декреты кортесов недействительными.
» *май 10—11.* Арест в Мадриде вождей либеральной партии.
» *май 13.* Вступление Фердинанда VII в Мадрид.
» *май.* Восстановление инквизиции.
» *май 30.* Изгнание из пределов королевства всех испанцев, признавших власть короля Жозефа Бонапарта.
» *сентябрь.* Революционное выступление в Пампелуне под руководством генерала Мина.
1815 *сентябрь 18—22.* Попытка восстания под руководством генерала Порлье в Корунье (Порлье повешен 3 октября).
1817 Попытка восстания за независимость Каталонии под руководством Ласи и Миланса.
1819 *январь и июль.* Раскрытие военных заговоров против короля в Валенсии и Кадиксе (под руководством генерала Квирога).
1820 *январь 1.* Провозглашение конституции 1812 г. в Лас Кабесас де Сан-Хуан (в окрестностях Кадикса) полковником Рафаэлем де Риего.
» *январь 2.* Присоединение к восстанию генерала Квирога в Сан-Фернандо.
» *январь 27 — март 11.* Неудачная попытка Риего поднять восстание в Андалузии.
» *февраль 20.* Провозглашение конституции в Корунье.
» *март 7.* Опубликование декрета Фердинанда VII о созыве кортесов.
» *март 9.* Фердинанд присягает на верность конституции и созывает временную хунту.
» *март 9.* Упразднение инквизиции.
» *март 9 — июль 8.* Временная хунта.
» *июль 9.* Открытие чрезвычайных кортесов.
» *сентябрь 22.* Принятие кортесами закона об уничтожении монастырей и коллегий военных орденов.
1821 *январь.* Образование в Галисии контрреволюционного комитета под названием «апостольской хунты».
1821 *март 1* — **1822** *февраль 19.* Сессия чрезвычайных кортесов.
» *сентябрь.* Победа радикалов (экзальтадосов) на выборах в кортесы.
1822 *февраль 29.* Открытие кортесов. Избрание президентом Риего.
» Развертывание гражданской войны.
» *июль 6—7.* Вооруженное восстание в Мадриде.
» *ноябрь 15.* Решение Веронского конгресса об организации интервенции для подавления революции в Испании.
1823 *январь 5.* Угрожающие ноты Пруссии, Австрии, России и Франции испанскому правительству.
март 2. Постановление о переезде кортесов и короля в Севилью.
» *апрель 7.* Французская армия под командованием герцога Ангулемского переходит испанскую границу.
» *май 24.* Вступление французских войск в Мадрид.
» *май 26.* Восстановление старого Кастильского совета.
» *июнь 15.* Возобновление заседаний кортесов в Кадиксе.
» *август 31.* Взятие французскими войсками Трокадеро.
» *октябрь 1.* Прибытие короля Фердинанда VII во французский лагерь в Пуэрто. Аннулирование всех указов кортесов и правительства, изданных после 7 марта 1820 года.

1823 Начало массового белого террора.
» *ноябрь 7.* Казнь Риего.
» *ноябрь 13.* Возвращение Фердинанда VII в Мадрид.
1824 *январь 17.* Назначение Каломарде министром.
1825 *январь 1.* Нота Англии о признании независимости испанских колоний.
1827 *август.* Образование в Манресе (Каталония) верховной апостолической хунты.
1829 *май 18.* Брак Фердинанда VII с Марией-Христиной Бурбонской, принцессой неаполитанской.
1830 *март 19.* Указ Фердинанда VII о восстановлении права женщин на наследование испанского престола.
» Восстание либералов против Фердинанда VII.
1831 Попытка генерала Торрихоса поднять восстание в Андалузии (Торрихос и пятьдесят два участника восстания расстреляны).
1832 *сентябрь 22.* Отставка Каломарде и назначение на его место Зеа Бермудеса.
» *октябрь 6.* Декрет о назначении королевы Марии-Христины регентшей на время болезни короля Фердинанда.
» Образование партий христиносов и карлистов.
1833 *сентябрь 29.* Смерть Фердинанда VII.
» Назначение Марии-Христины регентшей.
» *октябрь 2.* Брат Фердинанда VII дон-Карлос принимает титул короля. Начало «семилетней войны».
1833—1836 Первый период «семилетней войны». Восстание карлистов в северной Испании (в Наварре, Арагоне, Каталонии и т. д.). Борьба прогрессистов во главе с Эспартеро против карлистов во главе с Зумалакарреги и Каберой.
1834 *январь 15* — **1835** *июнь 7.* Министерство Мартинеса де ла Роза.
» *апрель 22.* Заключение союза Испании с Англией, Францией и Португалией.
1835 *январь 15.* Военный мятеж в Мадриде.
» *июнь 7 — сентябрь 14.* Министерство графа Торено.
» Восстания по всей стране с требованием введения конституции 1812 года.
» *июль 16.* Поражение карлистов.
1835 *сентябрь 14* — **1836** *май 15.* Мендизабаль — председатель совета министров.
» *октябрь 11.* Королевский указ об упразднении всех монастырей и сохранении лишь трех конгрегаций.
1836 *январь 27.* Роспуск кортесов Мендизабалем в связи с обострившейся борьбой прогрессистов с умеренными.
» *май 15.* Вождь умеренных (модерадос) Истурис назначается председателем совета министров.
» *август 3.* Начало восстания в Арагоне, Эстремадуре и Андалузии под лозунгом конституции 1812 года.
» *август 12.* Восстание гарнизона королевской гвардии в Гранхе против министерства Истуриса. Депутация восставших солдат заставляет Марию-Христину обнародовать конституцию 1812 года и призвать к власти прогрессиста Калатраву.
» *октябрь 24.* Открытие учредительных кортесов.
» Уничтожение десятинных сборов и сеньоральной юрисдикции, начало продажи монастырских имуществ.
» Восстановление законов, принятых кортесами в 1820—1823 годах.
1836 — 1837 Второй период «семилетней войны». Поход карлистов в Кастилию и на Бильбао, их поражение и отступление на север.

1837 *июнь 18*. Принятие кортесами новой конституции (компромисс между конституцией 1812 года и статутом 1834 года).
1838 — 1840 Третий период «семилетней войны».
1839 *август 29*. Подписание Вергарского соглашения между дон-Карлосом и генералом Эспартеро.
» *сентябрь 13*. Бегство дон-Карлоса во Францию.
1840 *июль 8*. Переход остатков карлистских войск через французскую границу. Конец гражданской войны.
» *июль 15 — октябрь 17*. Восстания под руководством прогрессистов в Барселоне, Мадриде и других городах.
» *октябрь 17*. Отъезд Марии-Христины во Францию.
» Назначение генерала Эспартеро председателем совета министров.
1841 *апрель 12*. Избрание кортесами Эспартеро на пост регента.
» *октябрь 2*. Восстание в Пампелуне.
1842 *ноябрь 13*. Восстание в Барселоне.
» *декабрь 3—4*. Бомбардировка Барселоны войсками Эспартеро.
1843 *май 26*. Новый роспуск кортесов.
» *май 27*. Восстание против Эспартеро.
» *июль 23*. Вступление генерала Нарваэса в Мадрид.
» *июль 30*. Бегство Эспартеро из Испании.
» *ноябрь 8*. Кортесы объявляют 13-летнюю королеву Изабеллу II совершеннолетней.
1844 *май 2*. Назначение генерала Нарваэса председателем совета министров.
1845 *май 23*. Реформа конституции 1837 года на основе полной централизации власти.
» Основание первого социалистического журнала в Испании под редакцией Гарридо.
1846 Замена Нарваэса Истурисом.
» *октябрь 10*. Бракосочетание Изабеллы II с дон-Франсиско и инфанты Луизы-Фердинанды с герцогом Монпансье.
1847 *октябрь 3*. Возвращение Нарваэса к власти (до 10 января 1851 г.).

ПОРТУГАЛИЯ

1814—1847

1809 — 1820 Диктатура английского генерала Бересфорда, управлявшего Португалией в качестве регента.
1816 *март 16* — **1826** *март 10*. Иоанн VI — король Португалии.
1817 Жестокое подавление восстания против господства англичан.
1820 *август 24*. Восстание гарнизона в Опорто против правления лорда Бересфорда.
» *сентябрь 15*. Восстание в Лиссабоне. Образование временного правительства и изгнание Бересфорда.
» *октябрь*. Открытие учредительных кортесов.
1821 *январь 1*. Принятие конституции.
» *июль 4*. Возвращение короля Иоанна VI в Лиссабон.
1822 *август 1*. Провозглашение независимости Бразилии.
» *август 30*. Провозглашение новой конституции Португалии.
» *октябрь 12*. Провозглашение дон-Педро, старшего сына короля Иоанна, конституционным императором Бразилии.
1823 *май*. Выступление абсолютистов против конституции.
» *июнь 5*. Изменение конституции королем.
1824 Изгнание претендента дон-Мигуэля.

1825 *август 29*. Признание Иоанном VI независимости Бразилии.
1826 *март 10*. Смерть Иоанна VI. Регентство королевы Изабеллы-Марии и провозглашение королем бразильского императора дон-Педро.
» *апрель 26*. Дарование дон-Педро конституционной хартии.
» *май 2*. Дон-Педро отказывается от престола в пользу своей дочери Марии и назначает дон-Мигуэля регентом.
» *август 29*. Принятие новой конституции Португалии.
1828 *февраль 22* — **1834** *май 27*. Регентство дон-Мигуэля.
» *июль 4*. Абсолютисты провозглашают дон-Мигуэля королем Португалии.
1831 *июнь 16*. Прибытие дон-Педро в Англию.
» *июль 11*. Появление французской эскадры на Тахо.
1831 — 1834 Борьба за престол между дон-Мигуэлем и дон-Педро.
1834 *май*. Вступление испанских войск в Португалию.
» *май 31*. Удаление Мигуэля в Геную.
» *июль 24 — сентябрь 24*. Реформы Мусиньо, министра дон-Педро.
» *сентябрь 20*. Кортесы объявляют донью Марию совершеннолетней.
1836 *сентябрь 9—11*. Революция в Лиссабоне. Принятие королевой конституции 1822 года.
1836 — 1842 «Сентябристы» (прогрессисты) у власти.
» *ноябрь 4*. «Белемское покушение». Попытка королевы Марии II отменить конституцию 1822 года.
1838 *апрель 4*. Изменение конституции 1822 года.
1842 *январь*. Мятеж гарнизона в Опорто.
» *февраль 10*. Провозглашение хартии 1826 года.
1842 — 1846 Диктатура Кабраля (графа де Томар).
1846 *май 11* — **1847** *июнь 30*. Народное восстание против диктатуры Кабраля.
» *ноябрь*. Прибытие английской эскадры на Тахо.
1847 *январь 9*. Вступление повстанцев в Опорто и образование либеральной хунты.
» *май 21*. Лондонская конференция по вопросу о подавлении восстания.
» *июнь 26*. Вступление испанских войск в Опорто. Капитуляция хунты.

БЕЛЬГИЯ И ГОЛЛАНДИЯ

1814—1847

1814 *июнь 20—21*. Выработка конференцией в Лондоне условий соединения Бельгии с Голландией.
» *ноябрь 6*. Указы об уничтожении гласности уголовного судопроизводства и об упразднении суда присяжных.
1815 *март 16*. Провозглашение принца Оранского нидерландским королем под именем Вильгельма I.
» *апрель 20*. Указ о карательных мерах против печати.
» *май 31*. Официальное провозглашение Нидерландского королевства и определение его границ по Венскому договору.
» *июнь 8*. Заключение в Вене акта об образовании Германского союза и о вступлении в него нидерландского короля в качестве великого герцога Люксембургского.
» *июль*. Окончание пересмотра Основного закона, принятого Соединенными провинциями в марте 1814 года.
» *август 18*. Бельгийские нотабли высказываются против нового Основного закона (796 голосами против 527).

1815 *август 24.* Признание королем решения бельгийских нотаблей недействительным.

» *ноябрь.* Выступление католиков против Основного закона.

» *ноябрь 20.* Присоединение к Нидерландскому королевству (на основании второго Парижского договора) французских территорий: Филиппвиля, Мариенбурга и бывшего герцогства Бульонского.

1816 Основание университетов в Льеже, Лувене и Генте.

1817 *октябрь 9.* Гентский епископ Морис де Бройль заочно приговорен к ссылке.

1819 *июль 20.* Франкфуртским рецессом окончательно определены границы Нидерландского королевства.

» *сентябрь 15.* Голландский язык объявлен государственным и обязательным во всем Нидерландском королевстве. Опубликование книги Вандерстраатена «О современном состоянии Нидерландского королевства».

1825 Учреждение Брюссельского банка.

1827 *июнь 18.* Заключение конкордата с Римом.

» *август.* Возобновление агитации клерикалов в связи с новым столкновением между папой и королем Вильгельмом.

1828 Заключение союза бельгийских партий: либеральной и клерикальной.

» Петиционная кампания в Бельгии в пользу отмены налогов на помол и убой.

1829 *июнь.* Король в обращении к льежскому муниципалитету осуждает поведение петиционеров и называет его «гнусным».

» *декабрь.* Принятие генеральными штатами временного бюджета, отменившего налог на помол.

» *декабрь 11.* Послание короля генеральным штатам о подготовке законопроекта по делам печати (в связи с движением протеста против преследования газет).

1830 *апрель 30.* Процесс журналистов в Брюсселе.

» Усиление сепаратистского движения в южных провинциях.

» *август 25.* Начало революции в Брюсселе. Поджог редакции газеты «Насьональ» и дома министра ван Маанена.

» *август—октябрь.* Революция в Бельгии.

» *сентябрь 1—3.* Неудача переговоров принца Оранского с представителями бельгийских нотаблей.

» *сентябрь 3.* Отставка ван Маанена.

» *сентябрь.* Образование в Брюсселе комитета общественного спасения.

» *сентябрь 21—28.* Бои в Брюсселе между восставшими и правительственными войсками, закончившиеся победой восставших и отступлением королевских войск.

» *сентябрь 27—28.* Образование в Брюсселе временного правительства.

» *сентябрь 29.* Генеральные штаты высказываются за разделение королевства Нидерландов.

» *октябрь 4.* Провозглашение временным правительством независимого бельгийского государства.

» *октябрь 27.* Бомбардировка Антверпена голландскими войсками.

» *ноябрь 4.* Лондонская конференция пяти держав (Англии, Франции, России, Австрии и Пруссии) предлагает Бельгии и Нидерландам перемирие.

» *ноябрь 10.* Открытие в Брюсселе национального конгресса, избранного на основе имущественного ценза.

» *ноябрь 18.* Провозглашение национальным конгрессом независимости Бельгии.

1831 *январь 20 и 27*. Принятие Лондонской конференцией протоколов о признании Бельгии нейтральным государством и о возвращении Голландии к границам 1790 года (Люксембург оставлен за голландским королем).
» *июнь 4*. Избрание королем Бельгии принца Леопольда Саксен-Кобургского.
» *июнь 26*. Принятие Лондонской конференцией «договора восемнадцати статей».
» *июль 9*. Принятие бельгийским конгрессом «договора восемнадцати статей».
1831 — 1840 Правление партии унионистов в Бельгии.
1831 — 1865 Леопольд I — король Бельгии.
1831 *август 2—12*. Военные действия Голландии против Бельгии. Поражение бельгийских войск.
» *август 9*. Вступление французских войск в Бельгию.
» Занятие французами Брюсселя и отступление голландских войск.
» *ноябрь 15*. Подписание в Лондоне «договора двадцати четырех статей», гарантировавшего Бельгийское королевство от нападений Голландии.
1832 *август 8*. Брак бельгийского короля с дочерью французского короля Луи-Филиппа.
» *декабрь 23*. Взятие Антверпена французскими войсками.
1833 *май 21*. Подписание в Лондоне соглашения об окончании военных действий Голландии против Бельгии.
1838 *март 14*. Признание королем Вильгельмом договора от 15 ноября 1831 года.
1839 *апрель 19*. Заключение в Лондоне договора между Голландией и Бельгией по вопросу о разделе долгов бывшего Нидерландского королевства.
1840 *октябрь 7*. Отречение голландского короля Вильгельма I от престола в пользу сына.
1840 — 1849 Вильгельм II — король Голландии.
1842 *ноябрь 5*. Заключение в Гааге договора между Бельгией и Голландией об урегулировании спорных вопросов.
1847 *август 2*. Образование либерального кабинета Ш. Рожье в Бельгии.

ИТАЛИЯ

1814—1847

1814 *январь 11*. Заключение Мюратом договора с Австрией об оказании им вооруженной помощи союзникам против Наполеона.
» *апрель 18—20*. Национальное восстание против французского господства в Милане.
» *апрель 21*. Учреждение временного «регентства» в Милане.
» *апрель 23 и 26*. Взятие Мантуи и Милана австрийскими войсками.
» *май 13*. Отмена всех французских законов в Риме.
» *май 20*. Вступление на сардинский престол короля Виктора-Эммануила.
» *май 21*. Указ сардинского короля об отмене всех французских законов. Возвращение дворянству и духовенству всех феодальных прав.
» *май 24*. Возвращение папы Пия VII в Рим.
» *июнь 12*. Присоединение Ломбардии к Австрии.
» *август 7*. Папская булла о возвращении иезуитов и восстановлении монашеских орденов.
» *август 15*. Папская булла о восстановлении инквизиции.

1815 *март 15.* Выступление Мюрата с войсками из Неаполя. Занятие Мюратом Рима, Тосканы и Марки.
» *май 3.* Поражение Мюрата при Толентино.
» *май 20.* Отречение Мюрата от неаполитанского престола.
» *июнь 9.* Венским заключительным актом Италия разделена на десять государств.
» *октябрь 8.* Высадка Мюрата в гавани Пиццо (Калабрия) и его попытка вернуть себе власть в Неаполе.
» *октябрь 13.* Расстрел Мюрата.
1816 — 1820 Распространение тайных организаций карбонариев в Романье, Пьемонте, Ломбардии и Венецианской области.
1820 *июль 2—13.* Революция в Неаполе, руководимая карбонариями. Провозглашение конституции.
» *июль 17—18.* Революция в Палермо (Сицилия). Требование автономии Сицилии.
» *сентябрь.* Подавление революции в Сицилии неаполитанскими войсками.
» *октябрь 1.* Открытие парламента королевства Обеих Сицилий.
1820 — 1821 Подъем революционного движения в Ломбардо-Венецианском королевстве. Осуждение на каторжные работы вождей карбонариев (Сильвио Пеллико, Конфалоньери и др.).
1821 *январь.* Решение конгресса в Лайбахе о подавлении революции в Неаполе вооруженной силой. Борьба неаполитанской армии во главе с генералом Пепе против австрийских войск.
» *март 10—13.* Революция в Пьемонте. Требование конституции и объединения Италии.
» *март 12.* Отречение сардинского короля Виктора-Эммануила I от престола в пользу своего брата Карла-Феликса. Объявление временным регентом сына Виктора-Эммануила, Карла-Альберта.
» *март 13.* Провозглашение Карлом-Альбертом «испанской конституции».
» *март 19.* Закрытие парламента королевства Обеих Сицилий.
» *март 21.* Бегство Карла-Альберта из Турина.
» *март 23.* Вступление австрийцев в Неаполь.
» Восстановление абсолютизма в королевстве Обеих Сицилий.
» *апрель 10.* Вступление австрийских войск в Турин.
» Подавление революции в Пьемонте и восстановление абсолютизма.
1821 — 1831 Карл-Феликс — король Сардинии.
1823 — 1829 Папа Лев XII.
1825 Осуждение 508 человек в Риме за принадлежность к обществу карбонариев.
1827 Эвакуация австрийских войск из Неаполитанского королевства.
1829 — 1830 Папа Пий VIII.
1830 *ноябрь 8* — **1859** *май 22.* Фердинанд II — король Обеих Сицилий.
1831 *февраль 2.* Избрание папы Григория XVI.
» *февраль 3—11.* Восстания в Модене, в Парме и в Романье. Изгнание герцога Моденского и герцогини Пармской.
» *февраль 25.* Открытие в Болонье конгресса депутатов освобожденных городов Папской области. Отмена светской власти папы и учреждение союза итальянских соединенных провинций. Образование временного правительства.
» *март 21—29.* Подавление австрийскими войсками восстаний в Модене, Парме и Романье.
1831 — 1849 Карл-Альберт — король Сардинии.
1831 *май 20.* Казнь Чиро Менотти — вождя моденских карбонариев.

1831 *июль*. Уход австрийских войск из Романьи.
» Основание в Марселе революционного общества «Молодая Италия» под руководством Мадзини.
1832 *январь 28*. Вторичная оккупация легатств австрийскими войсками в связи с возобновлением революционной борьбы в Италии.
» *февраль 23*. Занятие Анконы французскими войсками.
» *апрель 21*. Заключение соглашения между Францией и Австрией об очищении французами Анконы и австрийцами легатств.
1833 *июнь 13 и 17*. Революционное восстание в Генуе под руководством братьев Руффини (последователей Мадзини), подавленное правительством.
1834 *февраль 2*. Революционное восстание в Савойе под руководством Раморино.
1836 *май 21*. Отмена феодальной юрисдикции в Сардинском королевстве.
1837 *июнь 20*. Издание Гражданского уложения в Сардинском королевстве.
» *октябрь*. Революционное восстание под руководством мадзинистов в Сицилии.
1838 *октябрь 25*. Эвакуация Анконы французскими войсками.
1840 Начало «Risorgimento» — борьбы за национальное возрождение и воссоединение Италии «сверху».
1843 Выход в свет книги аббата Джоберти «О нравственном и гражданском первенстве итальянцев».
» *август*. Восстание «итальянского легиона» в Болонье.
1844 *июнь 17*. Попытка восстания братьев Бандиера в Калабрии.
» Выход в свет книги графа Чезаре Бальбо «Надежды Италии».
1845 *сентябрь 23*. Восстание в Романье.
1846 *июнь 1*. Смерть папы Григория XVI.
» *июнь 16*. Избрание папы Пия IX.
» *август*. Занятие Феррары австрийскими войсками.
1847 Присоединение княжества Лукки к Тоскане.
Проведение либеральных реформ в Риме.
» Проведение либеральных реформ в Пьемонте.
» Демонстрации и волнения в Ливорно, Пизе и Флоренции.
» Проведение либеральных реформ в Тоскане.
» Основание газеты «Risorgimento».

*

МАРКС, ЭНГЕЛЬС, ЛЕНИН, СТАЛИН О ГЛАВНЕЙШИХ ЛИЦАХ И СОБЫТИЯХ, ВСТРЕЧАЮЩИХСЯ в т. III

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ [1]

Бем. *Маркс* и *Энгельс*. Бем (*М.* и *Э.*, т. XI, 2, с. 578—581). — Письмо М. от 15-IX—1857 (*М.* и *Э.*, т. XXII, с. 225, 226).

Беррийский, герцог. *Маркс*. Письмо к Э. от 26-X—1854 (*М.* и *Э.*, т. XXII, с. 65).

Виллель. *Маркс*. Письмо к Э. от 26-X—1854 (*М.* и *Э.*, т. XXII, с. 62, 63, 65).

Гизо. *Маркс* и *Энгельс*. Манифест Коммунистической партии (*М.* и *Э.*, т. V, с. 483). — Вопросы жизни и смерти (*М.* и *Э.*, т. VI, с. 141). — Кельн в опасности (*М.* и *Э.*, т. VI, с. 158). — Известия из Парижа (*М.* и *Э.*, т. VI, с. 199).— Министерство Ганземана (*М.* и *Э.*, т. VI, с. 267).— Согласительное заседание 4 июля (*М.* и *Э.*, т. VI, с. 286). — «Франкфуртская главная почтовая газета» и венская революция (*М.* и *Э.*, т. VI, с. 464). — Англо-французское посредничество в Италии (*М.* и *Э.*, т. VI, с. 479, 480). — Германская центральная власть и Швейцария (*М.* и *Э.*, т. VII, с. 81). — Ф. Гизо: «Почему удалась английская революция?» (*М.* и *Э.*, т. VIII, с. 275—280).

Маркс. Первый процесс «Новой Рейнской газеты» (*М.* и *Э.*, т. VII, с. 230). — Восемнадцатое брюмера Луи-Бонапарта (*М.* и *Э.*, т. VIII, с. 386).— Французский «Crédit Mobilier» (*М.* и *Э.*, т. XI, ч. 1, с. 27). — Бюжо (*М.* и *Э.*, т. XI, ч. 2, с. 641, 642). — Письмо к Э. от 7-VI—(1849) (*М.* и *Э.*, т. XXI, с. 188). — Письмо к Фердинанду Лассалю от 23-II—1852 (*М.* и *Э.*, т. XXV, с. 138). — Письмо к Ф. А. Зорге от 20-VI—1881 (*М.* и *Э.*, т. XXVII, с. 139). — «Гражданская война во Франции». Текст первого издания (Архив М. и Э., т. III (VIII), с. 13). — Выписки из газет от 18-III до 1-V—1871 г. (Архив М. и Э., т. III (VIII), с. 215). — Первый набросок «Гражданской войны во Франции» (Архив М. и Э., т. III (VIII), с. 257).

Энгельс. Истинные социалисты (М. и Э., т. IV, с. 548, 549). — Маркс, Генрих-Карл (*М.* и *Э.*, т. XVI, ч. 2, с. 256). — Письмо к М. от 19-VIII—1846 (*М.* и *Э.*, т. XXI, с. 24).

---

[1] При составлении именного и предметного указателей использованы труды классиков марксизма-ленинизма в следующих изданиях: *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*, Соч., тт. I—XVIII, XXI—XXVIII, изд. Института Маркса, Энгельса, Ленина, М.—Л., 1928; *К. Маркс*, Капитал, т. III, М.—Л., 1936; *К. Маркс*, Теории прибавочной стоимости, тт. I—III, М.—Л., 1932; Архив *К. Маркса* и *Ф. Энгельса*, тт. I—IV (ст. изд.) и тт. I (IV)—IV (VIII) (нов. изд.); *В. И. Ленин*, Соч., тт. I—XXX, изд. 3-е ИМЭЛ; Ленинские сборники, I—XXXI, изд. ИМЭЛ; *И. В. Сталин*, Вопросы ленинизма, изд. 10-е, М.—Л., 1936, и все отдельно изданные произведения.

Аннексия королевства Ауда англичанами (*М.* и *Э.*, т. XI, ч. 1, с. 310). — Торговый кризис во Франции (*М.* и *Э.*, т. XI, ч. 1, с. 477). — Правление преторианцев (*М.* и *Э.*, т. XI, ч. 1, с. 492). — Бюжо (*М.* и *Э.*, т. XI, ч. 2, с. 641, 642). — Господин Фогт (*М.* и *Э.*, т. XII, ч. 1, с. 361, 395, 396). — Письмо к Э. от 20-I—1852 (*М.* и *Э.*, т. XXI, с. 319). — Письмо к Э. от 12-X—1853 (*М.* и *Э.*, т. XXI, с. 525). — Письмо к Э. от 29-III—1854 (*М.* и *Э.*, т. XXII, с. 14). — Письмо к Э. от 3-V—1854 (*М.* и *Э.*, т. XXII, с. 29). — Письмо к Э. от 26-X—1854 (*М.* и *Э.*, т. XXII, с. 65). — Письмо к Э. от 17-I—1855 (*М.* и *Э.*, т. XXII, с. 78). — Письмо к Э. от 30-X—1856 (*М.* и *Э.*, т. XXII, с. 161). — Письмо к Э. от 17-(IX)—1857 (*М.* и *Э.*, т. XXII, с. 226). — Письмо к Э. от 20-X—1857 (*М.* и *Э.*, т. XXII, с. 246, 247). — Письмо к Э. от 25-XII—1857 (*М.* и *Э.*, т. XXII, с. 275). — Письмо к Энгельсу от 24-III—1863 (*М.* и *Э.*, т. XXIII, с. 140, 141). — Письмо к Э. от 14-XI—1868 (*М.* и *Э.*, т. XXIV, с. 130). — Письмо к Н. Ф. Даниэльсону от 10-IV—1879 (*М.* и *Э.*, т. XXVII, с. 33). — «Гражданская война во Франции». Текст первого издания (Архив М. и Э., т. III (VIII), с. 11, 13, 15, 45, 65). — Выписки из газет от 18-III до 1-V—1871 г. (Архив М. и Э., т. III (VIII), с. 167, 231). — Первый набросок «Гражданской войны во Франции» (Архив М. и Э., т. III (VIII), с. 251, 265, 271, 273, 275, 281, 283, 299).

Энгельс. Фридрих-Вильгельм IV, король Прусский (*М.* и *Э.*, т. II, с. 259). — Континентальный социализм (*М.* и *Э.*, т. II, с. 418). — Начало конца Австрии (*М.* и *Э.*, т. V, с. 250). — Из Парижа в Берн (*М.* и *Э.*, т. VI, с. 531). — К истории «Союза коммунистов» (*М.* и *Э.*, т. XVI, ч. 1, с. 209). — [Создавшееся положение. Из письма к французскому товарищу от 12-X—1885] (*М.* и *Э.*, т. XVI, ч. 1, с. 228). — Редакционному комитету «Socialiste» (*М.* и *Э.*, т. XVI, ч. 1, с. 229). — Введение к брошюре Маркса «Гражданская война во Франции» (*М.* и *Э.*, т.XVI, ч. 2, с. 85, 86). — К критике проекта социал-демократической программы 1891 г. (*М.* и *Э.*, т. XVI, ч. 2, с. 109). — Введение к брошюре «Развитие социализма от утопии к науке» (*М.* и *Э.*, т. XVI, ч. 2, с. 298, 303). — Письмо к Марксу от 17-III—1851 (*М.* и *Э.*, т. XXI, с. 173).

Людовик XVIII. *Маркс.* Умопомешательство Прусского короля (*М.* и *Э.*, т. XI, ч. 1, с. 435).

Мадзини (Маццини). *Маркс* и *Энгельс.* Международные обзоры. Обзор третий, от мая до октября (*М.* и *Э.*, т. VIII, с. 243, 258, 262).

Маркс. Мадзини и Наполеон (*М.* и *Э.*, т. XI, ч. 1, с. 512). — Письмо к Э. от 27-II—1861 (*М.* и *Э.*, т. XXIII, с. 14). — Письмо к Э. от 30-VII—1862 (*М.* и *Э.*, т. XXIII, с. 87). — Письмо к Э. от 9-IV—1863 (*М.* и *Э.*, т. XXIII, с. 145). — Письмо к Э. от 4-XI—1864 (*М.* и *Э.*, т. XXIII, с. 209). — Письмо к Э. от 14-XI—1864 (*М.* и *Э.*, т. XXIII, с. 214). — Письмо к Э. от 25-II—1865 (*М.* и *Э.*, т. XXIII, с. 259). — Письмо к Э. от 4-III—1865 (*М.* и *Э.*, т. XXIII, с. 261). — Письмо к Э. от 11-IV—1866 (*М.* и *Э.*, т. XXIII, с. 273). — Письмо к Э. от 24-VI—1865 (*М.* и *Э.*, т. XXIII, с. 288). — Письмо к Э. от 24-III—1866 (*М.* и *Э.*, т. XXIII, с. 333, 334). — Письмо к Э. от 17-V—1866 (*М.* и *Э.*, т. XXIII, с. 352). — Письмо к Э. от 4-IX—1867 (*М.* и *Э.*, т. XXIII, с. 440). — Письмо к Иосифу Вейдемейеру от 11-IX—1851 (*М.* и *Э.*, т. XXV, с. 112). — Письмо к Иосифу Вейдемейеру от 25-III—1852 (*М.* и *Э.*, т. XXV, с. 148). — Письмо к Фердинанду Лассалю от 4-II—1859 (*М.* и *Э.*, т. XXV, с. 242). — Письмо к Ж. Лонге от 11-IV—1881 (*М.* и *Э.*, т. XXVII, с. 128). — Письмо к В. Либкнехту от 29-VII—1870 (Архив М. и Э., т. I (VI), с. 4). — Письмо к В. Либкнехту от 6-IV—1871 (Архив М. и Э., т. I (VI), с. 11).

Энгельс. Европейские рабочие в 1877 г. (*М.* и *Э.*, т. XV, с. 398). — К истории «Союза коммунистов» (*М.* и *Э.*, т. XVI, ч. 1, с. 209, 212, 224). — Внешняя политика русского царизма (*М.* и *Э.*, т. XVI, ч. 2, с. 31). — Маркс,

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

народного товарищества рабочих (*М.* и *Э.*, т. XIII, ч. 1, с. 353, 354). — Письмо к Э. от 25-I—1854 (*М.* и *Э.*, т. XXII, с. 5). — Письмо к Э. от 3-V—1854 (*М.* и *Э.*, т. XXII, с. 29). — Письмо к Э. от 13-VI—1854 (*М.* и *Э.*, т. XXII, с. 39). — Письмо к Э. от 26-X—1854 (*М.* и *Э.*, т. XXII, с. 61—65). — Письмо к Э. от 30-X—1856 (*М.* и *Э.*, т. XXII, с. 161). — Письмо к Э. от 29-XI—1858 (*М.* и *Э.*, т. XXII, с. 369). — Письмо к Э. от 1-IV—1859 (*М.* и *Э.*, т. XXII, с. 394). — Письмо к Э. от 22-IV—1859 (*М.* и *Э.*, т. XXII, с. 399, 400). — Письмо к Э. от 18-V—1859 (*М.* и *Э.*, т. XXII, с. 406). — Письмо к Э. от 19-VII—1859 (*М.* и *Э.*, т. XXII, с. 425).

Энгельс. Фридрих Вильгельм IV, король Прусский (*М.* и *Э.*, т. II, с. 266). — Положение в Германии (*М.* и *Э.*, т. V, с. 13). — Революционное движение 1847 г. (*М.* и *Э.*, т. V, с. 247). — Англия и Россия в Афганистане (*М.* и *Э.*, т. XI, ч. 1, с. 135, 136). — Персия и Китай (*М.* и *Э.*, т. XI, ч. 1, с. 163). — Савойя, Ницца и Рейн (*М.* и *Э.* т. XII, с. 240—246). — Какое дело рабочему классу до Польши? (*М.* и *Э.*, т. XIII, ч. 1, с. 151—161). — Рецензии для «Der Beobachter» (*М.* и *Э.*, т. XIII, ч. 1, с. 223). — Письмо к М. от 20-IV—1854 (*М.* и *Э.*, т. XXII, с. 20). — Письмо к М. от 21-X—1858 (*М.* и *Э.*, т. XXII, с. 364). — Письмо к М. от 18-VII—1859 (*М.* и *Э.*, т. XXII, с. 424).

Ленин. См. справочник к II и III изд. сочинений Ленина. Партиздат, 1935, раздел «История России», с. 176, 177.

Сталин, И., Жданов, А., Киров, С. Замечания по поводу конспекта учебника по истории СССР (Сб. «К изучению истории» (М.), 1937, с. 22).

Русско-турецкая война (1828—1829). *Маркс* и *Энгельс.* Турция и Россия. — Преступное потворство министерства Эбердина по отношению к России (*М.* и *Э.*, т. IX, с. 406—408). — Лорд Пальмерстон (*М.* и *Э.*, т. IX, с. 529, 534—536, 538). — Четыре пункта (*М.* и *Э.*, т. X, с. 248, 249). — Последняя конференция в Бирмингаме (*М.* и *Э.*, т. X, с. 432, 491—493).

Маркс. К восточному вопросу (*М.* и *Э.*, т. XV, с. 383—385). — Письмо к Э. от 28-X—1853 (*М.* и *Э.*, т. XXI, с. 526).

Энгельс. Внешняя политика русского царизма (*М.* и *Э.*, т. XVI, ч. 2, с. 25).

Священный союз (1815—1823). *Маркс* и *Энгельс.* Русская нота (*М.* и *Э.*, т. VI, с. 252). — Прения по польскому вопросу во Франкфурте (*М.* и *Э.*, т. VI, с. 382).

Маркс. Господин Фогт (*М.* и *Э.*, т. XII, ч. 1, с. 359). — Конспект книги Бакунина «Государственность и анархия» (*М.* и *Э.*, т. XV, с. 148). — Письмо к Э. от 10-III—1853 (*М.* и *Э.*, т. XXI, с. 467). — Письмо к Э. от 26-X—1854 (*М.* и *Э.*, т. XXII, с. 64). — Письмо к Э. от 31-VIII—1864 (*М.* и *Э.*, т. XXIII, с. 196). — Письмо к В. Либкнехту от 4-II—1878 (Архив М. и Э., т. I (VI), с. 382).

Маркс, Энгельс, Лафарг, Лесснер. Митингу в Женеве, созванному в память 50-й годовщины Польской революции 1830 г. (*М.* и *Э.*, т. XV, с. 548).

Энгельс. Возможности и предпосылки войны Священного союза против Франции в 1852 г. (*М.* и *Э.*, т. VIII, с. 453, 455—464). — Савойя, Ницца и Рейн (*М.* и *Э.*, т. XII, ч. 1, с. 240, 245). — Прусская война в Германском рейхстаге (*М.* и *Э.*, т. XV, с. 311). — Внешняя политика русского царизма (*М.* и *Э.*, т. XVI, ч. 2, с. 21, 22, 25). — Письмо к М. от 3-IV—1851 (*М.* и *Э.*, т. XXI, с. 186). — Письмо к М. от 22-I—1852 (*М.* и *Э.*, т. XXI, с. 321). — Письмо к М. от 3-I—1864 (*М.* и *Э.*, т. XXIII, с. 172). — Письмо к М. от 2-IX—1864 (*М.* и *Э.*, т. XXIII, с. 197). — Письмо к К. Каутскому от 7-II—1882 (Архив М. и Э., т. I (VI), с. 189).

Утопический социализм. *Маркс.* Господин Фогт (*М.* и *Э.*, т. XII, ч. 1, с. 311, 312). — Доклад генерального совета (о праве наследования)

(*М.* и *Э.*, т. XIII, ч. 1, с. 337). — Учредительный манифест Международного товарищества рабочих (*М.* и *Э.*, т. XIII, ч. 1, с. 11, 12). — Заработная плата, цена и прибыль (*М.* и *Э.*, т. XIII, ч. 1, с. 104, 105).

Энгельс. Рецензия для «Der Beobachter» (*М.* и *Э.*, т. XIII, ч. 1, с. 222). — Рецензии для «Demokratisches Wochenblatt» (*М.* и *Э.*, т. XIII, ч. 1, с. 230). — Анти-Дюринг (*М.* и *Э.*, т. XIV, с. 259—269). — Развитие социализма от утопии к науке (*М.* и *Э.*, т. XV, с. 507—547).

Учение Сен-Симона. *Маркс.* Французский «Crédit Mobilier» (*М.* и *Э.*, т. XI, ч. 1, с. 26, 27). — Политический индифферентизм (*М.* и *Э.*, т. XV, с. 92). — Письмо к Людвигу Кугельману от 16-VI—1867 (*М.* и *Э.*, т. XXIV, с. 491).

Энгельс. Прогресс движения за социальную реформу на континенте (*М.* и *Э.*, т. II, с. 394, 395, 397, 400). — Рецензии для «Demokratisches Wochenblatt» (*М.* и *Э.*, т. XIII, ч. 1, с. 230). — Анти-Дюринг (*М.* и *Э.*, т. XIV, с. 19). — Предисловие к книге «Крестьянская война в Германии» (*М.* и *Э.*, т. XV, с. 143). — Развитие социализма от утопии к науке (*М.* и *Э.*, т. XV, с. 509, 512—515). — Национальному совету французской рабочей партии (*М.* и *Э.*, т. XVI, ч. 2, с. 79).

Ленин. Еще одно уничтожение социализма (*Л.*, т. XVII, с. 274, 275). — Империализм, как высшая стадия капитализма (*Л.*, т. XIX, с. 174, 175). — Тетради по империализму (Лен. сб., XXIX, с. 195).

Учение Фурье, Ш. *Маркс.* Коммунизм и «Всеобщая Аугсбургская газета» (*М.* и *Э.*, т. I, с. 220). — Из переписки 1843 года (*М.* и *Э.*, т. I, с. 365). — Французский «Crédit Mobilier» (*М.* и *Э.*, т. XI, ч. 1, с. 33). — Политический индифферентизм (*М.* и *Э.*, т. XV, с. 92). — Письмо к Павлу Васильевичу Анненкову от 23-XII—1846 (*М.* и *Э.*, XXV, с. 31).

Энгельс. Очерки критики политической экономии (*М.* и *Э.*, т. II, с. 311). — Прогресс движения за социальную реформу на континенте (*М.* и *Э.*, т. II, с. 393, 395—397, 400). — «Таймс» о немецком коммунизме (*М.* и *Э.*, т. II, с. 411, 412). — Рецензии для «Demokratisches Wochenblatt». Рецензии на «Капитал», т. I (*М.* и *Э.*, т. XIII, ч. 1, с. 230). — Анти-Дюринг (*М.* и *Э.*, т. XIV, с. 19). — Предисловие к книге «Крестьянская война в Германии» (*М.* и *Э.*, т. XV, с. 143). — Развитие социализма от утопии к науке (*М.* и *Э.*, т. XV, с. 509).

Ленин. К характеристике экономического романтизма (*Л.*, т. II, с. 97—99). — Конспект книги Маркса и Энгельса «Святое семейство» (Лен. сб., т. XII, с. 69, 77, 79, 81).

Франция (1815—1847). *Маркс.* Восемнадцатое брюмера Луи-Бонапарта (*М.* и *Э.*, т. VIII, с. 355). — Русско-французский союз (*М.* и *Э.*, т. XII, ч. 2, с. 114—118). — Гражданская война во Франции. Текст первого издания (Архив М. и Э., т. III (VIII), с. 45,51—53). — Капитал, т. III, с. 300.

Энгельс. Вильгельм Вольф (*М.* и *Э.*, т. XV, с. 332). — Внешняя политика русского царизма (*М.* и *Э.*, т. XVI, ч. 2, с. 23—26).

Сталин, И. В. Беседа с первой американской рабочей делегацией (Вопросы ленинизма, с. 171). — *Сталин, И. В.* Международный характер Октябрьской революции (Вопросы ленинизма, с. 203).

БИБЛИОГРАФИЯ

К ГЛАВЕ I

ВЕНСКИЙ КОНГРЕСС

Официальные материалы и документы

Angeberg, d' [Chodźko, L.]. Le congrès de Vienne et les traités de Vienne, précédés et suivis des actes diplomatiques, v. 1—4. P., 1863.
Congrès de Vienne. Recueil de pièces officielles, relatives à cette assemblée, des déclarations qu'elle a publiées, des protocoles de ses délibérations et des principaux mémoires qui lui ont été présentés, v. 1—6. P., 1816—1818.
Convention zwischen den Höfen von Wien, St. Petersburg, London und Berlin, in Bezug auf die sieben Jonischen Inseln. Unterzeichnet zu Paris am 5. November 1815. Wien, 1815.
Déclaration de l'empereur de Russie aux souverains réunis au congrès de Vienne du 1—15 mai 1815 sur les affaires politiques amenées en France par le retour de Napoléon Bonaparte. P., 1815.
Документы для истории дипломатических сношений России с западными державами европейскими, от заключения всеобщего мира в 1814 до конгресса в Вероне в 1822 году, изданные Министерством иностранных дел, ч. 1, т. 1. СПБ., 1823.
Донесения французских представителей при русском дворе и русских представителей при французском дворе (1814—1830). Под ред. А. А. Половцова, т. 1. СПБ., 1901. (Сборн. Р. И. О., т. 112.) [На франц. яз.].
England, Russland und Polen, diplomatische Correspondenz aus der Zeit des Wiener Congresses. Nach der Times und den Statepapers, nebst Einleitung und Anmerkungen. Brüssel, 1847.
Gagern, H. C. E. Mein Antheil an der Politik, Bd. 2. Stuttgart-Tübingen, 1826.
Gentz, F. Tagebücher, Bd. 1. Leipzig, 1873.
Jaucourt, A. F. Correspondance avec le prince de Talleyrand pendant le congrès de Vienne. P., 1905.
Klüber, J. L. [Herausgeber]. Acten des Wiener Congresses in den Jahren 1814 und 1815, Bd. 1—9. Erlangen, 1815—1835.
Мартенс, Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россиею с иностранными державами, т. 3. СПБ., 1876.
Mowat, R. B. [editor]. Select treaties and documents to illustrate the development of the modern European states system (1815—1916). L., 1933.
Neumann, L. [éditeur]. Recueil des traités et conventions conclus par l'Autriche avec les puissances étrangères depuis 1763 jusqu'à nos jours, v. 1. Leipzig, 1855.
Pozzo di Borgo, C. A. Correspondance diplomatique (1814—1818), v. 1. P., 1890.

Stein, H. F. K. Tagebuch während des Wiener Kongresses (17. IX. 1814 — 8. V. 1815). (Hist. Zeitschr., 1888, Bd. 60, S. 385—467.)

Talleyrand, C. M. Correspondance inédite du prince de Talleyrand et du roi Louis XVIII pendant le congrès de Vienne. P., 1881.

Traité d'alliance entre les cours de Vienne, de St. Pétersbourg, de Londres et de Berlin, signé à Paris le 20 nov. 1815. Vienne, 1815.

Webster, C. K. [editor]. British diplomacy (1813—1815). Select documents dealing with the reconstruction of Europe. L., 1921.

Weil, H. Les dessous du congrès de Vienne, d'après les documents originaux des archives du ministère impérial et royal de l'intérieur à Vienne, v. 1—2. P., 1917.

Wellington, A. Supplementary despatches and memoranda, v. 9. L., 1862.

Мемуары

Allonville, A. F. d'. Mémoires tirés des papiers d'un homme d'État sur les causes secrètes qui ont déterminé la politique des cabinets dans la guerre de la Révolution, depuis 1792 jusqu'en 1815, v. 12—13. P., 1838.

Castlereagh, R. Memoirs and correspondence, v. 1—42. L., 1849—1853.

Czartoryski, A. Mémoires et correspondance, v. 1—2. P., 1887. (Есть русск. перев.: *Чарторижский, А.* Мемуары и переписка с имп. Александром I, т. 1—2. М., 1912—1913.)

Eynard, J. G. Journal de Jean Gabriel Eynard au congrès de Vienne. Genève, 1914.

Guizot, F. P. G. Mémoires, v. 1. P., 1858.

Haussonville, J. O. B. d'. Souvenirs et mélanges. P., 1878.

Metternich-Winneburg, C. L. W. Mémoires, documents et écrits, v. 1—2. P., 1880.

Pasquier, E. D. Histoire de mon temps. Mémoires, v. 3. P., 1894.

Pradt, D. [Dufour de]. Du congrès de Vienne, v. 1—2. P., 1815.

Талейран, Ш. Мемуары. Старый режим. Великая революция. Империя. Реставрация. М.—Л., 1934.

Позднейшие труды

Дебидур, А. Политическая история 19 в. История внешних сношений европейских держав с 1814 по 1878 г., т. 1. Священный союз. СПБ., 1903.

Dupuis, C. Le principe d'équilibre et le concert européen, de la paix de Westphalie à l'acte d'Algésiras. P., 1909.

Файф, Ч. История Европы 19 века. СПБ., 1904.

Hazen, C. D., Thayer, W. R. etc. Three peace congresses of the 19th century. L., 1917.

Котляревский, С. А. Венский конгресс. (Книга для чтения по истории нового времени, т. 4, ч. 1, с. 84—104. М., 1913.)

Lockhart, J. G. The peacemakers (1814—1815). L., 1932.

Соловьев, С. Венский конгресс. (Русск. вестник, 1865, кн. 2, с. 375—438.)

Сорель, А. Европа и французская революция, т. 8. СПБ., 1908.

Webster, C. K. The congress of Vienna (1814—1815). L., 1920.

Специальные труды

Chodźko, L. La Pologne et le congrès de Vienne en 1815. P., 1831.

Duncker, A. Der Freiherr von Stein und die deutsche Frage auf dem Wiener Congresse. Hanau, 1873.

Engerand, F. Le secret de la frontière (1815—1871—1914). P., 1918.
Ф. Б. Талейран на Венском конгрессе. (Истор. вестник, 1881, т. 6, сент., с. 148—157.)
Fournier, A. Die Geheimpolizei auf dem Wiener Kongress. Wien, 1913.
Maresca, B. Murat e il congresso di Vienna. Napoli, 1882.
Mendelssohn-Bartholdy, K. Graf Johann Kapodistrias. B., 1864.
Уваров, С. Штейн и Поццо ди Борго. Дерпт, 1847.
Paléologue, G. M. Talleyrand, Metternich, Chateaubriand. P., 1924.
Sorel, A. Essais d'histoire et de critique (Metternich, Talleyrand). P., 1894.
Тимощук, В. Тайная полиция на Венском конгрессе. (Русск. старина, 1913, кн. 12, декабрь, с. 558—574.)
Тимощук, В. Имп. Александр I на Венском конгрессе. По донесениям агентов Венской тайной полиции. (Русск. старина, 1914, № 1, январь, с. 135—145.)
Тимощук, В. Александр I и польский вопрос на Венском конгрессе. По документам Венской тайной полиции. (Русск. старина, 1914, кн. 2, февр., с. 386—395.)
Troska, F. Die Publizistik zur Sächsischen Frage auf dem Wiener Kongress. Halle, 1891.
Der Wiener Congress. Culturgeschichte, die bildenden Künste und das Kunstgewerbe, Theater—Musik in der Zeit von 1800 bis 1825. Wien, 1898.

К ГЛАВЕ II

СВЯЩЕННЫЙ СОЮЗ И КОНГРЕССЫ

Документы

Albin, P. Les grands traités politiques. Recueil des principaux textes diplomatiques depuis 1815 jusqu'à nos jours. P., 1911.
Документы для истории дипломатических сношений России с западными державами европейскими, от заключения всеобщего мира в 1814 г., до конгресса в Вероне в 1822 г., изданные Министерством иностранных дел, ч. 1, т. 2. СПБ., 1825.
Донесения французских представителей при русском дворе и русских представителей при французском дворе (1814—1830), т. 1—3. СПБ., 1901—1908. (Сборн. Р. И. О., т. 112, 119, 127.) [На франц. яз.]
Gentz, F. Dépêches inédites du chevalier de Gentz aux hospodars de Valachie, pour servir à l'histoire de la politique européenne (1813—1828), v. 1—3. P., 1876—1877.
Guizot, F. Histoire parlementaire de France, v. 1—5. P., 1863—1864.
Мартенс, Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россиею с иностранными державами, т. 4, 7. СПБ., 1878, 1885.
Nesselrode, C. R. Lettres et papiers du chancelier comte de Nesselrode (1760—1856), v. 5—8. P., 1904—1912.
Николай Михайлович. Донесения австрийского посланника при русском дворе Лебцельтерна за 1816—1826 гг. СПБ., 1913.
Pozzo di Borgo, C. A. Correspondance diplomatique (1814—1818), v. 1—2. P., 1890—1897.
Serre, P. F. H. Correspondance (1796—1824), v. 1—6. P., 1876—1877.
Wellington, A. Supplementary despatches and memoranda, v. 12. L., 1865.

Мемуары и труды современников

Шатобриан, Ф. Замогильные записки (1768—1813), т. 1—6. СПБ., 1851.
Chateaubriand, F. R. Le congrès de Vérone. Guerre d'Espagne, v. 1—2. P., 1838.

Hyde de Neuville, J. G. Mémoires et souvenirs, v. 2. P., 1890.
Marcellus, M. L. J. Souvenirs diplomatiques. P., 1853.
Metternich, C. Lettres du prince de Metternich à la comtesse de Lieven (1818—1819). P., 1909.
Metternich-Winneburg, C. L. W. Mémoires, documents et écrits divers, v. 3—4. P., 1881.
Pasquier, E. D. Histoire de mon temps. Mémoires, v. 1—6. P., 1893—1895.
Pradt, D. [Dufour de]. L'Europe après le congrès d'Aix-la-Chapelle. P., 1819.
Villèle, J. B. S. J. de. Mémoires et correspondance, v. 1—5. P., 1904.
Vitrolles, E. F. A. [d'Arnaud]. Mémoires et relations politiques (1814—1830), v. 1—3. P., 1883—1884.

Позднейшие труды

Achorn, E. European civilization and politics since 1815. N. Y., 1934.
Cambridge modern history, v. 10. The Restoration. Cambridge, 1907.
Дебидур, А. Политическая история 19 века. История внешних сношений европейских держав с 1814 по 1878 гг., т. 1. Священный союз. СПБ., 1903.
Гервинус, Т. История девятнадцатого века от времени Венского конгресса, т. 1. СПБ., 1863.
Hayes, C. J. H. A political and social history of modern Europe (1815—1924). N. Y., 1926.
Higby, C. P. History of modern Europe. A survey of the evolution of European society from the national risings against Napoleon to the present day. N. Y., 1932.
Кареев, Н. И. Девятнадцатый век. Период от 1814 до 1859 г. Пг., 1923.
Кареев, Н. И. История Западной Европы в новое время, т. 4. СПБ., 1907.
Mowat, R. B. The States of Europe (1815—1871). L., 1932.
Renouvin, P. Histoire diplomatique (1815—1914). Conférences. P., 1930.
Сеньобос, Ш. Политическая история современной Европы. Эволюция партий и политических форм, т. 1—2. М., 1922—1923.
Тарле, Е. В. Европа от Венского конгресса до Версальского мира (1814—1919). Пг., 1924.

Специальные труды

Bianchi, N. Storia documentata della diplomazia europea in Italia dall'anno 1814 all'anno 1861, v. 1—8. Torino, 1865—1872.
Bourgeois, E. Manuel historique de politique étrangère, v. 2. P., 1905.
Boyce, M. The diplomatic relations of England with the Quadruple Alliance (1815—1830). Jowa City, 1918.
Бутенко, В. Священный союз и международная политика эпохи реставрации. (Книга для чтения по истории нового времени, т. 4, ч. 1, с. 105—127. М., 1913.)
Cresson, W. P. Holy Alliance the European background of the Monroë doctrine. N. Y., 1922.
Герцог Арманд-Эммануил Ришелье. Документы и бумаги о его жизни и деятельности (1766—1822). СПБ., 1886. (Сборн. Р. И. О., т. 54.)
Градовский, А. Д. Система Меттерниха. (Собрание сочинений, т. 3, с. 545—613. СПБ., 1899.)
Martignac, J. B. S. [de Gave, v-te de]. Essai historique sur la Révolution d'Espagne et l'intervention de 1823, v. 1—3. P., 1832.
Надлер, В. К. Меттерних и европейская реакция. Харьков, 1882.
Phillips, W. A. The confederation of Europe. A study of the European alliance (1813—1823), as an experiment in the international organisation of peace. L., 1914.

Пресняков, А. Идеология Священного Союза. (Анналы, 1923, № 3, с. 72—81.)
Rain, P. L'Europe et la Restauration des Bourbons (1814—1818). P., 1908.
Rambaud, A. Le duc de Richelieu en Russie et en France. (Revue des Deux Mondes,1887, 1 déc., p. 618—662.)
Schulthess, H. Die Anteilnahme d. schweiz. öffentl. Meinung an d. Verhandlungen der Europäischen Kongress. 1814—1816. Zürich, 1928.
Sorel, A. Le traité de Paris du 20 novembre 1815. P., 1872.
Webster, C. K. The European alliance (1815—1825). Calcutta, 1929.
Weil, M. H. Joachim Murat, roi de Naples. La dernière année du règne (1814—1815), v. 1—5. P., 1909—1910.
Weill, G. L'éveil des nationalités et le mouvement libéral (1815—1848). P., 1930.

К ГЛАВЕ III

ФРАНЦИЯ

ВТОРАЯ РЕСТАВРАЦИЯ

Официальные материалы, документы

Cahen, L., Mathiez, A. Les lois françaises de 1815 à 1914, accompagnées des documents politiques les plus importants. P., 1933.
Lepage, A. Les discours du trône, depuis 1814 jusqu'à nos jours. P. 1869.
Robert, A. E. Traités et conventions diplomatiques entre la France et la Russie depuis 1814. P., 1915.

Мемуары, переписка, речи, труды современников

Barante, A. Souvenirs, v. 1—8. P., 1890—1891.
Beugnot, J. C. Mémoires. P., 1889.
Broglie, A. C. L. V. Souvenirs (1785—1870), v. 1—4. P., 1886.
Шатобриан, Ф. Замогильные записки (1768—1813), т. 1—6. СПБ., 1851.
Argenson, M. R. [de Voyer, d'Argenson]. Discours et opinions, v. 1—2. P., 1845—1846.
Courier, P. L. Oeuvres complètes, v. 1—4. P., 1829—1830.
Damas, A. H. M. Mémoires, v. 1 (1785—1822). P., 1922.
Dupin, A. M. J. J. Mémoires, v. 1—4. P., 1855—1861.
Ferrand, A. F. C. Mémoires. P., 1897.
Hautpoul, A. H. Mémoires (1815—1848). P., 1906.
Hyde de Neuville, J. G. Mémoires et souvenirs, v. 2. P., 1890.
La Roche, J. F. F. Souvenirs d'un officier de gendarmerie sous la Restauration. P., 1914.
Marmont, A. F. L. Mémoires, v. 7—8. P., 1857.
Nettement, A. Souvenirs de la Restauration. P., 1876.
Ozaneaux, G. La vie à Colmar sous la Restauration. Lettres de 1817 à 1820. P., 1929.
Pasquier, E. D. Histoire de mon temps. Mémoires, v. 4—6. P., 1894—1895.
Procès de la conspiration des patriotes de 1816, au nombre de vingt-huit. P., 1816.
Rémusat, C. Correspondance pendant les premières années de la Restauration, v. 1—6. P., 1883—1886.
Талейран, Ш. М. Мемуары. Старый режим. Великая революция. Империя. Реставрация. М.—Л., 1934.
Villèle, J. B. S. J. Mémoires et correspondance, v. 1—5. P., 1904.
Vitrolles, E. F. A. Mémoires et relations politiques (1814—1830), v. 1—3. P., 1883—1884.

*

Позднейшие труды

Artz, F. B. France under the Bourbon restoration (1814—1830). Cambridge, 1931.
Bourgeois, E. History of modern France (1815—1913), v. 1—2. Cambridge, 1919.
Бутенко, В. Вторая реставрация Бурбонов и «бесподобная» палата. (Вестн. Европы, 1913, кн. 3, март, с. 138—169.)
Cambridge modern history, v. 10. The Restoration. Cambridge, 1907.
Charléty, S. La Restauration (1815—1830). P., 1921. (Histoire de la France contemporaine, publ. sous la direction d'E. Lavisse, v. 4.)
Dayot, A. La Restauration. Louis XVIII. Charles X. P., 1902.
Duvergier de Hauranne, P. Histoire du gouvernement parlementaire en France (1814—1848), v. 1—10. P., 1857—1871.
La Gorce, P. La Restauration Louis XVIII. P., 1926.
Pastre, J. L. G. Histoire de la Restauration (1814—1830). P., 1935.
Pinon, R. Histoire diplomatique (1515—1928). P., 1929. (*Hanotaux, G.* Histoire de la nation francaise, v. 9.)
Васютинский, А. Основные моменты реставрации во Франции. (Книга для чтения по истории нового времени, т. 4, ч. 1, с. 212—250. М., 1913.)
Vaulabelle, A. Histoire des deux Restaurations jusqu'à l'avènement de Louis-Philippe, v. 1—8. P., 1864.
Viviani, R. La Restauration (1814—1830). P., 1906. (Histoire socialiste (1789—1900), sous la direction de Jean Jaurès et collaborateurs, v. 7.)
Weill, G. La France sous la monarchie constitutionnelle (1814—1818). P., 1912.

Специальные труды

Bardoux, A. La bourgeoisie française (1789—1848). P., 1893.
Beau de Loménie, E. La carrière politique de Chateaubriand (1814—1830), v. 1—2. P., 1929.
Blaison, L. Une ville de garnison sous la Restauration. Le complot militaire de Belfort, 1822. P., 1914.
Бутенко, В. А. Из истории французского законодательства о печати. (Вестн. Европы, 1913, кн. 7, июль, с. 156—171.)
Бутенко, В. А. К истории революционного движения во Франции в эпоху реставрации. Саратов, 1921.
Бутенко, В. А. Либеральная партия во Франции в эпоху реставрации, т. 1 (1814—1820). СПБ., 1913. (Зап. Ист.-фил. фак. СПБ. ун-та, ч. 115.)
Бутенко, В. А. Перелом в истории реставрации Бурбонов. (Анналы, 1923, № 3, с. 82—103.)
Durry, I. M. Chateaubriand et Hyde de Neuville, ou trente ans d'amitié. Correspondance inédite. P., 1929.
Crémieux, A. La censure en 1820 et 1821. P., 1912.
Dechamps, J. Une affaire Chateaubriand en 1818. (Revue d'histoire littéraire de la France, 1924, v. 31, p. 404—418.)
Daudet, E. Louis XVIII et le duc Decazes (1815—1820). P., 1902.
Daudet, E. La police politique. Chronique du temps de la Restauration d'après les rapports des agents secrets et les papiers du cabinet noir (1815—1820). P., 1912.
Daudet, E. La terreur blanche. Épisodes et souvenirs de la réaction dans le Midi en 1815. P., 1906.
Dumolard, H. Jean-Paul Didier et la conspiration de Grenoble, 4 mai 1816. Grenoble, 1928.
Forgues, E. Le dossier secret de Fouché (1815). P., 1908.
Gabory, E. Les Bourbons et la Vendée. P., 1922.
Grosjean, G. La politique extérieure de la Restauration et l'Allemagne. P., 1930.

Кареев, Н. И. Французские либералы начала 19 в. в новом освещении. (Вестн. Европы, 1913, кн. 11, ноябрь, с. 171—199.)
Perceval, E. Le vicomte Lainé (1767—1835) et la vie parlementaire au temps de la Restauration, v. 1—2. P., 1926.
Pierre, E. Histoire des assemblées politiques en France, du 5 mai 1789 au 8 mars 1876, v. 1 (1789—1831). P., 1877.
Плеханов, Г. В. К вопросу о развитии монистического взгляда на историю. Гл. 2. Французские историки времен Реставрации. М.—Л. 1933.
Плеханов, Г. В. Огюстен Тьерри и материалистическое понимание истории. (Сочинения, т. 8, с. 7—25. М., 1924.)
Thureau-Dangin, P. Le parti libéral sous la Restauration. P., 1888.
Thureau-Dangin, P. Royalistes et républicains. P., 1874.
Чернышевский, Н. Г. Борьба партий во Франции при Людовике XVIII и Карле X. (Полное собрание сочинений, т. 4, с. 154—219. Пг., 1918.)
Weil, G. D. Les élections législatives depuis 1789. P., 1895.
Вейль, Ж. История республиканской партии во Франции с 1814 по 1870 г. М., 1906.

К ГЛАВЕ IV

РОССИЯ [1]

ВНУТРЕННЯЯ ИСТОРИЯ

Официальные материалы. Документы

Бумаги гр. А. А. Закревского. С биограф. замет., сост. Д. В. Друцким-Соколинским. Под ред. Н. Дубровина, т. 1—2 (1812—1852). СПБ., 1890—1891. (Сборн. Р. И. О., т. 73—78.)
Донесения французских представителей при русском дворе и русских представителей при французском дворе (1814—1830), т. 1—3. Под ред. А. А. Половцова. СПБ., 1901—1908. (Сборн. Р. И. О., т. 112, 119, 127). [На франц. яз.]
Charte constitutionelle de l'Empire de Russie. En français et en russe. Varsovie, 1831.
Журналы [и] бумаги Комитета, учрежденного высочайшим рескриптом 6 декабря 1826 года (ч. 1—2). Изд. под наблюдением А. А. Половцова. СПБ., 1891—1894. (Сборн. Р. И. О., т. 74, 90.)
Мартенс, Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами, т. 15. Трактаты с Францией (1822—1906). СПБ., 1909.
Nesselrode, C. R. Lettres et papiers, v. 1—11. P., 1904—1912.
Памятники истории крестьян 14—19 вв. Под ред. А. Э. Вормса, Ю. В. Готье, А. А. Кизеветтера, А. И. Яковлева. М., 1910. (Памятники русской истории, вып. 6.)
Pozzo di Borgo. Correspondance diplomatique, v. 1—2. P., 1890—1897.

Мемуары, переписка, труды современников

Bourgoing, P. Souvenirs d'histoire contemporaine. Épisodes militaires et politiques. P., 1864.
Чарторижский, А. Мемуары и переписка с имп. Александром I, т. 1—2. М., 1912—1913.

[1] См. также в т. II библиографию к главе 6-й.

Ostrowski, *C*. Lettres slaves (1833—1857). Orient — Pologne — Russie. P., 1857.
Quesnet E., *Santeul A*. France et Russie. Avantages d'une alliance entre ces deux nations. P., 1843.
Свербеев, *Д*. *Н*. Записки (1799—1826), т. 1—2. М., 1899.
Tourgueneff, *N*. La Russie en présence de la crise européenne. P., 1848.

Позднейшие труды

а) Общего содержания

Bernhardi, *T*. Geschichte Russlands und der europäischen Politik in den Jahren 1814 bis 1831, Bd. 1. Leipzig, 1863.
Кизеветтер, *А*. История России в 19 в., ч. 1—2. М., 1916.
Корнилов, *А*. Курс истории России 19 в., ч. 1—2. М., 1918 (с библиографией).
Lee, *R*. The last days of Alexander and the first days of Nicholas. L., 1854.
Schnitzler, *J*. *H*. Histoire intime de la Russie sous les empereurs Alexandre et Nicolas, v. 1—2. P., 1854.
Три века. Россия от смуты до нашего времени, т. 5—6. М., 1913.

б) Специальные вопросы

Belani, *H*. *E*. Russische Hofgeschichten, Bd. 3. Leipzig, 1857.
Блиох, *И*. *С*. Финансы России 19 столетия, т. 1. СПБ., 1882.
Boudou, *A*. Le Saint-Siège et la Russie; leurs relations diplomatiques au 19-e siècle. P., 1922.
Golder, *F*. *A*. Russian expansion on the Pacific (1641—1850). Cleveland, 1914.
Гурьев, *А*. Денежное обращение в России в 19 столетии. СПБ., 1903.
Пажитнов, *К*. *А*. Промышленный труд в крепостную эпоху. Л., 1924.
Покровский, *М*. *Н*. Дипломатия и войны царской России в 19 столетии. М., 1923.
Skrine, *F*. *H*. The expansion of Russia (1815—1900). Cambridge, 1915.

АЛЕКСАНДР I

Последние годы царствования (период реакции)

Официальные материалы

Полное собрание законов Российской империи с 1649 г., т. 32—45. СПБ., 1830.

Мемуары, переписка и т. д.

Василич, *Г*. Император Александр I и старец Федор Кузьмич. По воспоминаниям современников и документам. М., 1911.
Греч, *Н*. *И*. Записки о моей жизни. СПБ., 1886.
Жиркевич, *И*. *С*. Записки (1789—1848). (Русск. старина, 1874, т. 9—11; 1875, т. 13; 1876, т. 16—17; 1878, т. 22—23.)
Correspondance inédite du roi Frédéric-Guillaume III et de la reine Louise avec l'empereur Alexandre I. Leipzig — P., 1900.
[Меттерних]. Император Александр I. Из записок князя Меттерниха. (Истор. вестник, 1880, т. 1, янв., с. 168—180.)
Мориолль, граф. Записки (1821—1833). (Истор. вестник, 1909, т. 117, июль—сентябрь; т. 118, окт.)
Николай Михайлович. Император Александр I, т. 1—2. СПБ., 1912.
Пассек, *Т*. *П*. Из дальних лет. Воспоминания. М.—Л., 1931.
Rain, *P*. Un tzar idéologue: Alexandre I (1777—1825). P., 1913.

Де-Санглен, Я. И. Записки (1776—1831). (Русск. старина, 1882, т. 36, дек.; 1883, т. 37, янв., февр., март.)
Соловьев, С. Император Александр I. Политика — дипломатия. СПБ., 1877.
Сушков, Н. В. Из записок о времени императора Александра I. (Вестн. Европы, 1867, т. 2, кн. 6, с. 175—200.)
Тарасов, Д. К. Император Александр I. Последние годы царствования, болезнь, кончина и погребение, по личным воспоминаниям. Пг., 1915.
Царскосельский лицеист. Воспоминания царскосельского лицеиста IV вып. (1820—1826). Сообщил М. А. Белуха-Кохановский. (Русск. старина, 1890, т. 65, март, с. 833—849.)
Шильдер, Н. К. Император Александр I. Его жизнь и царствование, т. 3—4. СПБ., 1905.
Шиман. Александр I. М., 1911.
Шишков, А. С. Записки. М., 1868.

Внешняя политика

Bernhardi, T. Geschichte Russlands u. d. europäischen Politik in den Jahren 1814—1831, Bd. 1—3. Leipzig, 1863—1875.
Бородкин, М. История Финляндии. Время имп. Александра I. СПБ., 1909.
Военский, К. Император Александр I, князь Меттерних и Священный союз. (Журн. мин-ва народн. просв. Новая серия, ч. 50, 1914, апрель, с. 356—369.)
Goetze, P. Fürst A. N. Galitzin und seine Zeit. Leipzig, 1882.
Жигарев, С. Русская политика в Восточном вопросе, т. 1. М., 1896.
Maggiolo, A. Corse, France et Russie. Pozzo di Borgo (1764—1842). P., 1890.
Надлер, В. К. Император Александр и идея Священного союза, т. 1—5. Рига, 1886—1892.
Pierling, P. La Russie et le Saint-Siège. Études diplomatiques, v. 5. Catherine, Paul I, Alexandre I. P., 1912.
Шугуров, М. Ф. Черты русской политики в 1819 г. (Русск. архив, 1867, кн. 5/6, с. 861—903.)

Внутренняя политика. Состояние государства при Александре I

Богданович, М. История царствования Александра I, т. 5—6. СПБ., 1871.
Ковалевский, Е. Граф Блудов и его время. СПБ., 1866.
Материалы для жизнеописания гр. Н. П. Панина (1770—1837), т. 1—7. СПБ., 1888—1892.
Морошкин, М. Иезуиты в России с царствования Екатерины II и до нашего времени, ч. 2. СПБ., 1870.
Пыпин, А. Н. Религиозные движения при Александре I. Исследования и статьи по эпохе Александра I, т. 1. Пг., 1916.
Стоюнин, В. Исторические сочинения, ч. 1. Александр Семенович Шишков. СПБ., 1880.
Феоктистов, Е. Материалы для истории просвещения в России. Магницкий. СПБ., 1865.
Schnitzler, J. H. Histoire intime de la Russie sous les empereurs Alexandre et Nicolas, v. 1. P., 1854.

Общественное движение

Пыпин, А. Н. Общественное движение в России при Александре I. СПБ., 1900.
Пыпин, А. Н. Очерки литературы и общественности при Александре I. Пг., 1917.

Крестьянские и солдатские движения

Гессен, С. Солдатские волнения в начале 19 в. М., 1929.
Пичета, В. И. История крестьянских волнений в России. Минск, 1923.
Рачинский, В. И. К истории лейб-гвардейского Семеновского полка. Возмущение 1820 года. (Русск. архив, 1902, т. 3, кн. 11, с. 410—423.)
Семевский, В. И. Крестьянский вопрос в России в 18 и первой половине 19 в., т. 1. СПБ., 1888.
Семевский, В. И. Волнение в Семеновском полку в 1820 г. (Былое, 1907, кн. 1, с. 1—35; кн. 2, с. 83—118; кн. 3, с. 96—121.)

Аракчеев и военные поселения

Брадке, Е. Ф. Автобиографические записки. (Русск. архив, 1875, т. 1, с. 13—53, с. 257—294.)
Верещагин, Г. А. Материалы по истории бунтов в военных поселениях при Александре I. (Дела и дни, 1922, кн. 3, с. 148—165.)
Вяземский, кн. По поводу записок графа Зенфта. (Русск. архив, 1876, т. 1, с. 362—373; 464—480.)
Гессен, С. Я. Аракчеевская барщина. М., 1932.
Жиркевич, И. С. Записки (1789—1848). (Русск. старина, 1874, т. 9—11; 1875, т. 13; 1876, т. 16, 17; 1878, т. 22, 23.)
Кизеветтер, А. Император Александр I и Аракчеев. (*Кизеветтер, А.* Исторические очерки, с. 287—401. М., 1912.)
Серяков, Л. А. Моя трудовая жизнь. Рассказ академика гравера (1824—1875). (Русск. старина, 1875, т. 14, с. 161—184; 339—366; 506—516.)

ДЕКАБРИСТЫ

Библиография

Ченцов, Н. Я. Восстание декабристов. Библиография. М.—Л., 1929.

Документы

Восстание декабристов. Материалы, т. 1—5, 8. М.—Л., 1925—1927.
Государственные преступления в России в 19 в. Сборник извлеченных из официальных изданий правительственных сообщений. Сост. под ред. Б. Базилевского (В. Богучарского), т. 1 (1825—1876). СПБ., 1906.
Довнар-Запольский, М. В. Мемуары декабристов. (Записки, письма, показания, проекты конституций, извлеченные из следственного дела, с вводн. статьей.) Киев, 1906.
Пестель, П. И. Русская правда. Наказ Временному верховному правлению. [Ред. П. Е. Щеголев.] СПБ., 1906.
Якушкин, В. Е. Государственная власть и проекты государственной реформы в России. С прилож. проекта конституции Никиты Муравьева. СПБ., 1906.
Щеголев, П. Е. Катехизис Сергея Муравьева-Апостола. (Минув. годы, 1908, № 11, с. 50—80.)

Мемуары и переписка

Анненкова, П. Е. Воспоминания. М., 1932.
Беляев, А. П. Воспоминания о пережитом и перечувствованном с 1803 г. (Русск. старина, 1880, кн. 9, 12; 1881, кн. 1, 3, 4, 7, 9, 10, 12; 1884, кн. 4, 5; 1885, кн. 3, 12; 1886, кн. 2, 11.)
Бестужев, М. А. Записки. (Русск. старина, 1881, кн. 11, с. 591—658.)

Вигель, Ф. Ф. Записки, т. 1—2. М., 1928.
Волконская, М. Н. Записки. Л., 1924.
Дельвиг, А. И. Мои воспоминания, т. 1 (1813—1842). М., 1912.
Дубровин, Н. Ф. Письма главнейших деятелей в царствование имп. Александра I (1807—1829). СПБ., 1883.
Жиркевич, И. С. Записки (1789—1848). (Русск. старина, 1874, т. 9—11; 1875, т. 13; 1876, т. 16, 17; 1878, т. 22, 23.)
Завалишин, Д. И. Записки декабриста. СПБ., 1906.
Комаровский, Е. Ф. Записки. СПБ., 1914.
Кюхельбекер, В. К. Дневник. Материалы к истории русской литературной и общественной жизни 10—40 годов 19 в. Л., 1929.
Муравьев-Апостол, М. И. Воспоминания и письма. Пг., 1922.
Николай I. Из записок [о 14 декабря 1825 г.]. (Былое, 1907, кн. 10, с. 76—88.)
Переписка имп. Николая Павловича с вел. кн. Константином Павловичем, т. 1 (1825—1829). СПБ., 1910. (Сборн. Р. И. О., т. 131.)
Розен, А. Е. Записки декабриста. СПБ., 1907.
Трубецкой, С. П. Записки. СПБ., 1907.
Тургенев, Н. Россия и русские, т. 1—2. (Библиотека декабристов, вып. 2, 5, 9. М., 1907—1908.)
Энгельгардт, Л. Н. Записки (1766—1836). М., 1868.
Якушкин, И. Д. Записки. М., 1926.

Позднейшие труды

Герцен, А. И. О развитии революционных идей в России. (Полн. собр. соч. и писем, т. 6, с. 197—411. Пг., 1917.) [Франц. и русск. тексты].
Герцен, А. И. Кондратий Рылеев и Николай Бестужев. (Полн. собр. соч. и писем, т. 21, с. 46—67. М.—Пг., 1923.)
Герцен, А. И. Русский заговор 1825 года. (Полн. собр. соч. и писем, т. 9, с. 136—155. Пг., 1919.)
Гессен, С. Я. Солдаты и матросы в восстании декабристов. М., 1930.
Дмитриев-Мамонов, А. И. Декабристы в Западной Сибири. М., 1895.
Довнар-Запольский, М. В. Идеалы декабристов. М., 1907.
Довнар-Запольский, М. В. Тайное общество декабристов. М., 1906.
Кобеко, Д. Императорский Царскосельский лицей. Наставники и питомцы (1811—1843). СПБ., 1911.
Нечкина, М. В. Декабристы. М., 1933.
Нечкина, М. В. Общество Соединенных славян. М.—Л., 1927.
Отечественная война и русское общество (1812—1912), т. 7. М., 1912.
Павлов-Сильванский, Н. П. Возмущение декабристов на Сенатской площади. (Историко-революционный альманах, с. 371—375. СПБ., 1907.)
Павлов-Сильванский, Н. П. Декабрист Пестель перед Верховным уголовным судом. Ростов н/Д., 1907.
Памяти декабристов. Сборник материалов, т. 1—3. Л., 1926.
Плеханов, Г. В. 14-е декабря 1825 года (Речь, произнесенная на русском собрании в Женеве 14/27 декабря 1900 г.). (Сочинения, т. 10, с. 351—372. Пг., 1924.)
Попов, М. М. Число жертв 14 декабря 1825 года. (Былое, 1907, кн. 3, с. 192—199.)
Семевский, В. И. Политические и общественные идеи декабристов. СПБ., 1909.
Столетие военного министерства (1802—1902), т. 2, кн. 3. СПБ., 1908.
Тайные общества в России в начале 19 столетия. Сборник материалов, статей и воспоминаний. М., 1926.
Щеголев, П. Е. Декабристы. М.—Л., 1926.

НИКОЛАЙ I

Мемуары, переписка, труды современников

Гр. А. Х. Бенкендорф о России в 1827—1830 гг. (Красн. архив, 1929, т. 6 (37), с. 138—174; 1930, т. 1 (38), с. 109—147.) [Ежегодные отчеты III отделения и корпуса жандармов.]

Бенкендорф, А. Х. Из записок. (Истор. вестник, 1903, т. 91, янв., с. 37—65.)

Бочаров, И. В Правительствующем Сенате 1840—1852 гг. (Русск. старина, 1884, т. 44, с. 145—170.)

Custine, A. de. La Russie en 1839, v. 1—4. P., 1846. (Есть русск. перев.: *Кюстин, А.* Николаевская Россия. М., 1930.)

Дельвиг, А. И. Полвека русской жизни. Воспоминания (1820—1870), т. 1—2. М.—Л., 1930.

Dolgoroukof, A. La vérité sur la Russie, v. 1—4. P., 1860.

Герцен, А. И. Былое и думы. (Полн. собрание сочинений, т. 12—14. Пг., 1919—1920.)

Варун-Секрет, И. Л. Воспоминания о службе в армии (1823—1860). (Русск. старина, 1879, т. 25, с. 159—167.)

Вигель, Ф. Ф. Записки, т. 1—2. М., 1928.

Голицын, Н. С. Записки (1825—1855). (Русск. старина, 1880, т. 29; 1881, т. 30, т. 32.)

Henningsen, C. F. Revelations of Russia, or the emperor Nicholas and his empire in 1844, v. 1—2. L., 1844.

La vérité sur l'empereur Nicolas. Histoire intime de sa vie et de son règne. Par un Russe. P., 1854.

Poggenpohl, N. L'empereur Nicolas I. Bruxelles, 1855.

Санглен, Я. И. де. Записки (1776—1831). (Русск. старина, 1882, т. 36; 1883, т. 37, 40.)

Селиванов, М. В. Записки. Три заметных личности. Сенат и сенаторы. (Русск. старина, 1882, т. 33, с. 625—636.)

Позднейшие труды

Bapst, E. L'empereur Nicolas I et la deuxième République française. P., 1898.

Lacroix, P. Histoire de la vie et du règne de Nicolas I, v. 1—8. P., 1864—1873.

Mayne, F. The life of Nicholas I emperor of Russia. L., 1855.

Полиевктов, М. Николай I. Биография и обзор царствования. М., 1918 (с библиографией).

Пресняков, А. Е. Апогей самодержавия. Николай I. М., 1925.

Эпоха Николая I. М., 1911.

Schiemann, T. Geschichte Russlands unter Kaiser Nicolaus I, Bd. 2—4. B., 1908—1919.

Шильдер, Н. К. Император Николай I, его жизнь и царствование, т. 1—2. СПБ., 1903.

Внешняя политика

Белов, А. Иностранцы о России. Глухие годы царствования имп. Николая I. (Истор. вестник, 1914, кн. 6, с. 1107—1121.)

Блудова, А. Д. Воспоминания. Усмирение польского мятежа 1831 г. Граф

Каподистрия. (Русск. архив, 1875, т. 1, с. 129—195; т. 3, с. 182—216.)
Вессель, Н. Х. Британская империя в Индии. (Истор. вестник, 1885, т. 20, июнь, с. 535—558.)
Молок, А. Царская Россия и революция 1830 года во Франции. (Борьба классов, 1936, кн. 7, с. 53—66.)
Переписка имп. Николая Павловича с в. кн. Константином Павловичем, т. 1 (1825—1829). СПБ., 1910. (Сборн. Р. И. О., т. 131.)
Савин, А. Николай I и Фридрих-Вильгельм IV (1840—1848). (Россия и Запад. Историч. сборн., кн. I, с. 107—139. Пг., 1923.)
Татищев, С. С. Император Николай и иностранные дворы. СПБ., 1889.
Татищев, С. С. Внешняя политика имп. Николая I. СПБ., 1887.
Татищев, С. Император Николай I в Лондоне (1844). (Истор. вестник, 1886, февр., с. 343—359.)
Феоктистов, Е. Русская дипломатия в борьбе Греции за независимость. (Русск. вестник, 1868, т. 75, май, с. 190—246.)

Внутренняя политика

Заблоцкий-Десятовский, А. П. Граф П. Д. Киселев и его время, т. 1—4. СПБ., 1882.
Иконников, В. С. Граф Н. С. Мордвинов. СПБ., 1873.
Кизеветтер, А. Внутренняя политика в царствование имп. Николая I. (*Кизеветтер, А.* Исторические очерки, с. 419—502. М., 1912.)
Корнилов, А. А. Теория «официальной народности» и внутренняя политика Николая I. (Книга для чтения по истории нового времени, т. 4, с. 82—118. М., 1914.)
Рождественский, С. В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения (1802—1902). СПБ., 1902 (с библиографией).

Законодательство

Корф, М. А. Жизнь графа Сперанского, т. 1—2. СПБ., 1861.
Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е, т. 1—22 (1825—1847). СПБ., 1830—1848.
Филиппов, А. Н. Сперанский как кодификатор русского права. (Русск. мысль, 1892, кн. 10, с. 195—221.)

Правительственные учреждения

Государственный совет (1801—1901). СПБ., 1901.
История Правительствующего Сената за двести лет (1711—1911), т. 4. СПБ., 1911.
Майков, П. М. Второе отделение собственной е. и. в. канцелярии. Исторический очерк (1826—1882). СПБ., 1906.
Покровский, С. П. Министерская власть в России. Ярославль, 1906.
Середонин, С. Исторический обзор деятельности Комитета министров, т. 2, ч. 1—2. СПБ., 1902.
[Уваров, С.]. Десятилетие Министерства народного просвещения (1833—1843). СПБ., 1864.

Штукенберг, А. И. Из истории железнодорожного дела в России. Николаевская дорога между Петербургом и Москвой в 1842—1852 гг. (Русск. старина, 1885, т. 46, 48; 1886, т. 49.)

Цензура

Котович, А. Духовная цензура в России (1799—1855). СПБ., 1909.
Лемке, М. К. Очерки по истории русской цензуры и журналистики 19 стол. СПБ., 1909.
Лемке, М. К. Николаевские жандармы и литература 1826—1855 гг. СПБ., 1908.

Экономика

Гарелин, Я. П. Город Иваново-Вознесенск или бывшие село Иваново и Вознесенский посад Владимирской губ., ч. 1. Шуя, 1885.
Гулишамбаров, С. О. Итоги торговли и промышленности России в царствование имп. Николая I (1825—1855). СПБ., 1896.
Туган-Барановский, М. И. Русская фабрика в прошлом и настоящем. М., 1938.

Финансы

Блиох, И. С. Финансы России 19 столетия, т. 1. СПБ., 1882.
Канкрин, Е. Краткое обозрение российских финансов. СПБ., 1880.
Кауфман, И. И. Из истории бумажных денег в России. СПБ., 1909.
Кауфман, И. И. Канкриновская система табачного обложения в России. СПБ., 1912.
Кауфман, И. И. Серебряный рубль в России от его возникновения до конца 19 в. СПБ., 1910.
[Сперанский, М. М.] Записка о монетном обращении графа Сперанского с замечаниями графа Канкрина. СПБ., 1895.

Крестьянские и рабочие восстания

Бочкарев, В. Крестьянский вопрос в царствование Николая I. (Книга для чтения по истории нового времени, т. 4, с. 171—206. М., 1914.)
Гакстгаузен, А. Исследования внутренних отношений народной жизни и в особенности сельских учреждений России. Перев. с нем., т. 1. М., 1869.
Игнатович, И. И. Крестьянские волнения в первый год царствования имп. Николая I. (Русск. богат., 1912, кн. 6, с. 98—134; кн. 7, с. 70—98.)
Каргин, Д. И. Рабочий быт на постройках первых наших железных дорог. М.—Л., 1926.
Куклин, Г. А. Народные волнения в царствование Николая I. Женева, 1904.
Слезскинский, А. Бунт военных поселений в холеру 1831 г. (по неизданным конфирмациям). Новгород, 1894.

Общественное движение

Бороздин, И. Н. Университеты в России в первой половине 19 в. (История России в 19 в., изд. т-ва Гранат, вып. 5, с. 349—379. М., 1907.)
Бродский, Н. Ранние славянофилы. М., 1910.
Гершензон, М. П. Я. Чаадаев. Жизнь и мышление. СПБ., 1908.
Нелидов, Ф. «Западники». (Книга для чтения по истории нового времени, т. 4, с. 261—290. М., 1914.)

Нелидов, Ф. Философский романтизм в Западной Европе и России. (Книга для чтения по истории нового времени, т. 4, с. 240—260. М., 1914.)
Плеханов, Г. В. Пессимизм как отражение экономической действительности. (Пессимизм П. Я. Чаадаева.) (Сочинения, т. 10, с. 133—162. М.—Пг., 1923.)
Плеханов, Г. В. История общественной мысли в 19 в. (материалы). Книга 1. Западники и славянофилы. (Сочинения, т. 23, М.— Л., 1926.)
Семевский, В. Сен-симонисты и фурьеристы в России в царствование имп. Николая I. (Книга для чтения по истории нового времени, т. 4, с. 340—384. М., 1914.)
Соловьев, В. Чаадаев и его «Философические письма». (Под знамен. маркс., 1938, № 1, с. 63—83.)
Сыромятников, Б. И. Славянофильство. (Книга для чтения по истории нового времени, т. 4, с. 291—339. М., 1914.)

Литература

Анненков, П. Воспоминания и критические очерки. СПБ., 1886.
История русской литературы 19 в. под ред. Д. Н. Овсянико-Куликовского, т. 1—2. М., 1911.
Коган, П. С. Очерки по истории новейшей русской литературы, т. 1—2. М.—Л., 1929.
Плеханов, Г. В. Литературные взгляды Белинского. (Сочинения, т. 10, с. 253—304. М.—Пг., [1923].)
Пыпин, А. Н. История русской литературы, т. 4. СПБ., 1899.
Пыпин, А. Н. Характеристика литературных мнений от 20-х до 50-х годов. СПБ., 1906.
Сакулин, П. Н. Русская литература, ч. 2. Новая литература. М., 1929.
Чернышевский, Н. Г. Очерки гоголевского периода русской литературы. СПБ., 1892.

Искусство

Бенуа, А., Лансере, Н. Дворцовое строительство имп. Николая I. (Старые годы, 1913, июль—сент., с. 173—197.)
Врангель, Н. Искусство и государь Николай Павлович. (Старые годы, 1913, июль—сент., с. 52—163.)

К ГЛАВЕ V

ЮГО-ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА

Восточный вопрос

Ancel, J. Manuel historique de la question d'Orient (1792—1925). P., 1926.
Beer, A. Die orientalische Politik Oesterreichs seit 1774. Prag, 1883.
Богданович, М. И. История царствования имп. Александра I и России в его время, т. 6. СПБ., 1871.
Driault, E. La question d'Orient depuis les origines jusqu'à nos jours. P., 1912.
Gentz, F. Dépêches inédites aux hospodars de Valachie (1813—1828), v. 1—3. P., 1876—1877.
Gentz, F. Zur Geschichte der orientalischen Frage (1823—1829). Wien, 1877.
Guichen, E. La crise d'Orient de 1839 à 1841 et l'Europe. P., 1921.
Guizot, F. P. G. Mémoires, v. 1—8. P., 1858—1863.
Жигарев, С. Русская политика в Восточном вопросе. Историко-юридический очерк, т. 1. М., 1896.

Marriott, J. A. R. The Eastern question. An historical study in European diplomacy. Oxford, 1918.
Metternich-Winneburg, C. L. W. Mémoires, documents et écrits divers, v. 3—8. P., 1881—1884.
Stapleton, A. Georg Canning and his times. L., 1859.
Татищев, С. С. Внешняя политика имп. Николая I. СПБ., 1887.
Шильдер, Н. К. Император Николай I, его жизнь и царствование, т. 2. СПБ., 1903.

ТУРЦИЯ

Документы, мемуары

Annuaire historique universel, publ. par C. L. Lesur. P., 1818—1848.
Aubignosc, L. P. B. d'. La Turquie nouvelle, jugée au point où l'ont amenée les réformes du sultan Mahmoud, v. 1—2. P., 1839.
Договоры России с Востоком. Политические и торговые. Собрал и изд. Т. Юзефович. СПБ., 1869.
Fabvier, C. N. Orient. P., 1840.
Jouannin, J. M. La Turquie. P., 1840.
Мартенс, Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россиею с иностранными державами, т. 11—12. СПБ., 1895—1898.
Мольтке, Г. Письма о событиях и приключениях в Турции от 1835 до 1839 г. СПБ., 1877.
Slade, A. Records of travels in Turkey, Greece and of a cruise in the Black sea with the Capitan Pacha. L., 1854.
Ubicini, A. Lettres sur la Turquie. P., 1851—1854.
Walsh, R. Narrative of a journey from Constantinople to England. L. 1838.

Позднейшие труды

Fehmi, Y. Histoire de la Turquie. P., 1909.
Lamouche, col. Histoire de la Turquie depuis les origines jusqu'à nos jours. P., 1934.
Miller, W. The Ottoman empire and its successors (1801—1927). Cambridge, 1927.
Розен, Г. История Турции от победы реформы в 1826 г. до Парижского трактата 1856 г. Перев. с нем., ч. 1—2. СПБ., 1872.

Специальные труды

Assad Effendi, M. Précis historique de la destruction du corps des janissaires en 1826. P., 1833.
Engelhardt, E. La Turquie et le Tanzimat ou histoire des réformes dans l'empire Ottoman. P., 1882.
Пукевиль, Г. Жизнь Али-Паши Янинского, ч. 1—3. М., 1822—1824.
Prokesch-Osten. Mehemed-Ali, Vize-König von Aegypten. Wien, 1877.

Русско-турецкая война 1828—1829 гг. и Адрианопольский мир

Betrachtungen über den Frieden zu Adrianopel abgeschlossen den 14 September 1829. Leipzig, 1830.
Бухаров, Д. Россия и Турция. СПБ., 1878.
Chesney, F. R. The Russo-Turkish campaigns of 1828 and 1829. L., 1854.

Епанчин, Н. Очерк похода 1829 г. в Европейской Турции, ч. 1—3. СПБ., 1905—1906.
Fonton, F. La Russie en Asie-Mineur ou campagne du maréchal Paskévitch en 1828 et 1829. P., 1840. (Atlas.)
Горяинов, С. Босфор и Дарданеллы. СПБ., 1907.
Hansen, H. Zwei Kriegsjahre. Erinnerungen eines alten Soldaten. B., 1881.
Мольтке. Русско-турецкая кампания в Европейской Турции 1828 и 1829 гг., вып. 1—2. СПБ., 1876—1877.
Monteith, W. Kars and Erzeroum. L., 1856.
Нессельроде, граф. Письмо вице-канцлера к верховному визирю от 14 апреля 1828 г. Б. м. и г.
[Ушаков]. История военных действий в Азиатской Турции в 1828 и 1829 гг., ч. 1—3. Варшава, 1843.
Valentini, F. Der Türkenkrieg. B., 1833.

СТРАНЫ БАЛКАНСКОГО ПОЛУОСТРОВА

André, L. États chrétiens des Balkans depuis 1815. P., 1918.
Добров, Л. Южное славянство, Турция и соперничество европейских правительств на Балканском полуострове. СПБ., 1879.
Forbes, N., *Toynbee, A.* etc. The Balkans. A history of Bulgaria, Serbia, Greece, Rumania, Turkey. Oxford, 1915.
Пыпин, А., *Спасович, В.* История славянских литератур, т. 1. СПБ., 1879.
Schevill, F. The Balkan Peninsula and the Near East. A history from the earliest times to the present day. L., 1922.
Щепкин, В. Н. Славянское возрождение. (Книга для чтения по истории нового времени, т. 4, с. 1—50. М., 1914.)

Греция

Документы, мемуары и переписка

Annuaire historique universel, publ. par C. L. Lesur. P., 1818—1848.
Capodistrias, J. Correspondance (1827—1831). Genève, 1839.
Correspondance entre deux philhellènes: le docteur Louis-André Gosse et l'amiral lord Thomas Cochrane (1827—1828). Genève, 1919.
Thiersch, F. W. De l'état actuel de la Grèce et des moyens d' arriver à sa restauration, v. 1—2. Leipzig, 1834.
Waddington, G. A visit to Greece in 1823 and 1824. L., 1825.

Позднейшие труды

Canat, R. La renaissance de la Grèce antique (1820—1850). P., 1911.
Couclélis, A. Les régimes gouvernementaux de la Grèce de 1821 à nos jours. P., 1921.
Finlay, G. A history of Greece, v. 1—7. Oxford, 1877.
Lenormant, F. La Grèce et les îles Ioniennes. Études de politique et d'histoire contemporaine. P., 1865.
Mavrocordato, J. Modern Greece: a chronicle and a survey (1800—1931). L., 1932.
Pellion, J. P. La Grèce et les Capodistrias pendant l'occupation française de 1828 à 1834. P., 1855.
Sergeant, L. New Greece. L., 1878.
Xéméniz, E. La Grèce moderne. P., 1862.

Революция и война за независимость

Blaquière, E. Letters from Greece, with remarks on the treaty of intervention. L., 1828.
Byron, G. G. Letters and journals. (Works, v. 6.) L., 1901.
Chambers, C. D. The Greek war of independence (1821—1827). L., 1906.
Codrington, E. Retrospect of the proceedings in Rex v. Woollcombes. L., 1833.
Driault, E. L'expédition de Crète et de Morée (1823—1828). L., 1930.
Driault, E., Lhéritier, M. Histoire diplomatique de la Grèce de 1821 à nos jours, v, 2—3 (1830—1878). P., 1925.
Гервинус, Г. История 19 в. от времени Венского конгресса, т. 5—6. Перев. с нем. СПБ., 1868—1888.
Gordon, T. History of the Greek revolution, v. 1—2. L., 1832.
Ibrahim-Manzour-Effendi [Alphonse Cerfberr]. Mémoires sur la Grèce et l'Albanie pendant le gouvernement d'Ali-Pacha. P., 1827.
Métaxas, C. Souvenirs de la guerre de l'indépendance de la Grèce (1821—1830). P., 1888.
Nicolson, H. Byron. The last journey (april 1823 — april 1824). L., 1924.
Texier, E. La Grèce et ses insurrections. P., 1862.
Voutier, col. Mémoires sur la guerre actuelle des grecs. P., 1823.
Xéméniz, E. Scènes et récits des guerres de l'indépendance. Grèce moderne. P., 1869.

Бой при Наварине

Богданович, Е. В. Наварин (1827—1877). М., 1877.

Война за независимость и европейские государства

Charnisay, P. L'insurrection hellénique et la diplomatie européenne. P., 1904.
Crawley, C. W. The question of Greek independence (1821—1833). Cambridge, 1930.
Driault, E., Lhéritier, M. Histoire diplomatique de la Grèce depuis 1821 à nos jours, v. 1 (1821—1830). P., 1925.
Феоктистов, Е. Русская дипломатия в борьбе Греции за независимость. (Русск. вестник, 1868, т. 75, май, с. 190—246.)
Isambert, G. L'indépendance grecque et l'Europe. P., 1900.
Strupp, K. La situation internationale de la Grèce (1821—1907). Zürich, 1918.

Каподистрия

Oeronomos, L. Essai sur la vie du comte Capodistrias (1822—1828). P., 1926.
Райко, А. Н. Записка об убиении Каподистрии. (Русск. архив, 1869, кн. 5, с. 881—919.)
Стурдза, А. С. Воспоминания о жизни и деяниях графа И. А. Каподистрии, правителя Греции. (Чтения, 1864, кн. 2, с. 1—192.)
Теплов, В. А. Граф Иоанн Каподистрия, президент Греции. СПБ., 1893.

Сербия

а) Общие труды

Гавриловић, М. Милош Обреновић, т. 1—3. Београд, 1908—1912.
Погодин, А. Л. История Сербии. СПБ., 1909.
Ранке, Л. История Сербии по сербским источникам. Перев. с нем. М., 1876.
Robert, C. Les slaves de Turquie, serbes, monténégrins. P., 1844.
Temperley, H. W. V. History of Serbia. L., 1917.

Войнович, Д. История сербского народа. Одесса, 1903.
Вукичевич, М. М., Семиз, Д. И. Сербы и болгары в борьбе за свободу и культуру. СПБ., 1913.

б) Специальные труды

Gopčević, S. Russland und Serbien (1804—1915). München, 1916.
Karažić, V. S. Правительствующіи совѣтъ сербскіи за времена Кара-Ђорђијева. Вена, 1860.
Караджич, В. Сербские народные песни. М., 1884.
Попов, Н. Россия и Сербия, ч. 1. До устава 1839 г. М., 1869.
Yakschitch, G. L'Europe et la résurrection de la Serbie (1804—1834). P., 1907.
Zebitch, M. La Serbie agricole et sa démocratie. P., 1917.

Болгария

Blanqui, E. Voyage en Bulgarie pendant l'année 1841. P., 1843.
Иречек, К. И. История болгар. Одесса, 1878.
Погодин, А. История Болгарии. СПБ., 1910.
Songeon [le P. Guérin]. Histoire de la Bulgarie, depuis les origines jusqu'à nos jours. P., 1912.

Черногория

Brunswik, B. Recueil de documents diplomatiques relatifs au Monténégro. Constantinople, 1876.
Chiudina, G. Storia del Montenero. Spalato, 1882.
Maton, E. Histoire du Monténégro ou Tsernogore. P., 1881.
Milaković, D. Storia del Montenero. Ragusa, 1877.

Румыния

Борецкий-Бергфельд, Н. История Румынии. СПБ., 1909.
Ghica, J. Amintici dìn pribegia dupǎ 1848. Noue scrisori càtre, V. Alecsandri Bucuresti, 1889.
Eliade, P. De l'influence française sur l'esprit public en Roumanie. P., 1898.
Eliade, P. Histoire de l'esprit public en Roumanie au 19 siècle, v. 1—2. P., 1905—1914.
Палаузов, С. Н. Румынские господарства Валахия и Молдавия в историко-политическом отношении. СПБ., 1859.
Quinet, E. Les roumains. (Oeuvres complètes, v. 6. P., 1857.)
Régnault, E. Histoire politique et sociale des principautés danubiennes. P., 1855.
Soutzo, N. Mémoires (1798—1871). Vienne, 1899.
Sturdza, A. De l'histoire diplomatique des roumains (1821—1859). P., 1907.
Thouvenel, E. La Hongrie et la Valachie. P., 1840.
[Ubicini, A.]. Mémoire justificatif de la révolution roumaine du 11—23 juin 1848. P., 1849.
Urechiâ, V. Istoria Românilor, v. 10—13. Bucureşti, 1891—1902.
Xénopol, A. D. Istoria Românilor din Dacia traiana, v. 1—12. Jaşi, 1896. (Сокращенный франц. перев.: Histoire des roumains de la Dacie trajane, v. 1—2. P., 1896.)

Русско-румынские отношения

Épisode de la question d'Orient. Russie, Valachie, Moldavie. P., 1842.
Filitti, J. C. Les principautés roumaines sous l'occupation russe (1828—1834). Bucarest, 1904.

Ghica, J. Dernière occupation des principautés danubiennes par la Russie. P., 1853.
Заблоцкий-Десятовский, А. П. Граф П. Д. Киселев и его время, т. 1—4. СПБ., 1882.

К ГЛАВЕ VI

ИСПАНИЯ И ПОРТУГАЛИЯ

1814—1847

ИСПАНИЯ

Официальные материалы и документы

Comenge, R. Antologia de las Córtes de Cádiz, v. 1—2. Madrid, 1909—1911.
Antologia de las Córtes desde 1840 a 1846, arreglada por D. Juan del Nido y Segalerva. Madrid, 1910.
Decretos del rey Don Fernando VII desde el principio de su reynado hasta fines de 1824, v. 1—9. Madrid, 1815—1825.
Diario de las sesiones de Córtes celebradas en Sevilla y Cádiz en 1823, publicados, por Francisco Arguelles. Madrid, 1858.
Salillas, R. En las Córtes de Cádiz. Madrid, 1910.

Мемуары и труды современников. Памфлеты

Caballero, F. El gobierno y las Córtes del estatuto. Madrid, 1837.
Espoz y Mina, F. Memorias, v. 1—5. Madrid, 1851—1852.
Miraflores, M. P. F. Memorias para ecribir la historia contemporánea de los siete primeros años del reinado de Isabel II, v. 1—2. Madrid, 1843—1844.
[*Onís, M. C.*]. Españoles, alerta! Observaciones imparciales acerca del estado crítico en que se halla España. Cádiz, 1840.
Tanski, J. L'Espagne en 1843 et 1844. Lettres sur les moeurs politiques et sur la dernière révolution de ce pays. P., 1844.
Vega de Mina, J. Apuntamientos para la historia del tiempo en que ocupó los destinos de Aya de S. M. y camarera mayor de palacio. Madrid, 1910.

Позднейшие труды по истории Испании

Altamira y Crevea, R. Spain (1815—1845). (Cambridge modern history, v. 10. Cambridge, 1907.)
Ballesteros y Beretta, A. Historia de España y su influencia en la historia universal, v. 1—4. Barcelona, 1918—1936.
Clarke, H. B. Modern Spain (1815—1898). L., 1906.
Diercks, G. Geschichte Spaniens von den frühesten Zeiten bis auf die Gegenwart, Bd. 1—2. B., 1895.
Градовский, А. Д. Собрание сочинений, т. 4. СПБ., 1900. [Испания: с. 562—566; Португалия: с. 569—571, 601—612.]
Hume, M. Modern Spain (1788—1898). L., 1898.
Klein, J. Mesta. A study in Spanish economic history (1273—1836). Cambridge, 1920.
Lafuente y Zamalloa, M. Historia general de España, v. 18, 19. Barcelona, 1890.
Пискорский, В. К. История Испании и Португалии. СПБ., 1909.
Шашков, С. Старая и новая Испания. (Собрание сочинений, т. 2. СПБ., 1898.)
Трачевский, А. Испания девятнадцатого века. М., 1872.
White, G. F. A century of Spain and Portugal (1788—1898). L., 1909.

Специальные труды

Becker, J. Relaciones diplomáticas entre España y la Santa Sede durante el siglo 19. Madrid, 1908.
Borrego, A. Historia de las Córtes de España durante el siglo 19, v. 1—2. Madrid, 1885—1886.
Ciria y Nasarre, H. Fernando VII y la constitución de Cádiz. Madrid, 1904.
Gallardo, B. J. Juicio politico del año 1834. Madrid, 1919.
Griffin, C. C. The United States and the disruption of the Spanish empire (1810—1822). N. Y., 1937.
Marliani, M. La regencia de D. Baldomero Espartero y sucesos que la prepararon. Madrid, 1870.
Posada, A. Evolución legislativa del régimen local de España (1812—1909) Madrid, 1910.
Saralegui y Medina, M. Un negocio escandaloso en tiempos de Fernando VII. Madrid, 1904.
Sencourt, R. The Spanish crown (1808—1931). L., 1932.
Тарле, Е. В. Политические движения в Испании и Италии в 1820—1823 гг. (Книга для чтения по истории нового времени, т. 4, ч. 1, с. 128—176. М., 1913.)
Villa-Urrutia, W. R. Fernando VII rey constitucional (1820—1823). Madrid, 1925.

Французская интервенция в Испании 1823 г.

Bittard des Portes, R. Les campagnes de la Restauration (Espagne, Morée, Madagascar, Alger). Tours, 1900.
Chateaubriand, R. Congrès de Vérone. Guerre d'Espagne, v. 1—2. P., 1838.
Genty de Bussy, P. Campagne et souvenirs d'Espagne, 1823. P., 1914.
Geoffroy de Grandmaison, C. A. L'expédition française d'Espagne en 1823. Avec 11 lettres inédites de Chateaubriand. P., 1928.
Martignac, J. B. S. Essai historique sur la révolution d'Espagne et l'intervention de 1823, v. 1—3. P., 1832.

Гражданская война

Azan, P. Récits d'Afrique. La légion étrangère en Espagne (1835—1839). P., 1907.
Henningsen, C. F. The most striking events of a twelve month's campaign with Zumalacarregui, in Navarre and the Basque provinces, v. 1—2. L., 1836.
Pirala, A. Historia de la guerra civil y de los partidos liberal y carlista, v. 1—6. Madrid, 1868—1871.
Русский доброволец [М. А. Кологривов] в рядах испанских инсургентов в 1830 году. (Красн. архив, 1937, т. 4 (83), с. 107—120.)

Литература

Келли, Д. Испанская литература. М., 1923.
Смирнов, А. А. Испанский романтизм (1830—1850). (История западной литературы (1800—1910). Под ред. Ф. Д. Батюшкова, т. 3, с. 234—251. М., 1913.)
Тикнор, Д. История испанской литературы, т. 1—3. М., 1883—1891.

ПОРТУГАЛИЯ

Документы, мемуары и труды современников

Baillie, M. Lisbon in the year 1821, 1822 and 1823, v. 1—2. L., 1825.
Cunha Mattos, R. J. Memorias da campanha de D. Pedro d'Alcantara, ex-imperador do Brazil, v. 1—2. Rio de Janeiro, 1833.

*

Goblet d'Alviella, E. L'établissement des Cobourg en Portugal. Bruxelles, 1869.
Hodges, G. Narrative of the expedition to Portugal in 1832, v. 1—2. L., 1833.
Rezende, de. Eclaircissements historiques sur mes négociations relatives aux affaires de Portugal, depuis la mort du roi Don Jean VI, jusqu'à mon arrivée en France. P., 1832.
Silva Maia, I. J. Memorias historicas, politicas e philosophicas, da revolução do Porto em 1828, e dos emigrados portuguezes pela Hespanha, Inglaterra, França e Belgica. Rio de Janeiro, 1841.

Позднейшие труды

Arriaga, J. d' Historia da revolução portugueza de 1820, v. 1—4. Porto, 1886—1890.
Bouchot, A. Histoire du Portugal et de ses colonies. P., 1854.
Luz Soriano, S. I. Historia da guerra civil e do estabelecimento do governo parlamentar em Portugal, v. 1—14. Lisboa, 1866—1884.
Stephens, H. M. Portugal. L., 1908.
Tavares de Medeiros, J. J. Das Staatsrecht des Königreichs Portugal. Freiburg, 1892.

К ГЛАВЕ VII

РЕВОЛЮЦИЯ 1830 ГОДА ВО ФРАНЦИИ

Официальные материалы и документы

Archives parlementaires. Recueil complet des débats législatifs et politiques des Chambres françaises. Imprimé sous la direction de M. J. Mavidal et de M. E. Laurent, 2-e série, v. 15—61. P., 1869—1886.
Cahen, L., Mathiez, A. Les lois françaises de 1815 à 1914 accompagnées des documents politiques les plus importants. P., 1933.
Донесения французских представителей при русском дворе и русских представителей при французском дворе (1814—1830), т. 1—3. Под ред. А. А. Половцова. СПБ., 1901—1903. (Сборн. Р.И.О., т. 112, 119, 127.) [На франц. яз.]

Мемуары, переписка

Apponyi, R. Vingt-cinq ans à Paris (1826—1850), v. 1 (1826—1830). P., 1913.
Guizot, F. P. G. Mémoires, v. 1—8. P., 1858—1867.
Hyde de Neuville, J. G. Mémoires et souvenirs, v. 3. P., 1892.
Montalivet, M. C. (Bachasson de). Fragments et souvenirs, v. 1 (1810—1832). P., 1899.
Nesselrode, C. R. Lettres et papiers, v. 7. P., 1910.
Pasquier, E. D. Histoire de mon temps, v. 6. P., 1895.
Thiers, A. Discours parlementaires, v. 1—3. P., 1879—1881.
Tocqueville, A. Oeuvres et correspondance inédites, v. 1—2. P., 1864.

Позднейшие труды

Artz, F. B. Reaction and revolution (1814—1832). N. Y. — L., 1934.
Daudet, E. Le ministère de M. de Martignac. P., 1875.
Geoffroy de Grandmaison, C. A. La Congrégation (1801—1830). P., 1889.
La Gorce, P. Charles X. La Restauration. P., 1928.
Pouthas, C. H. Guizot pendant la Restauration. P., 1925.

Специальные труды

Abrantès, L. J. d'. 1830. Mémoires. P., 1910.
Biot, col. Souvenirs. P., 1901.

Блан, Л. Июльские дни 1830 г. Перев. с франц. Киев, 1906.
Cabet, E. Révolution de 1830 et situation présente (mai 1833), v. 1—2. P., 1833.
Charavay, E. Le général Lafayette (1757—1834). P., 1898.
Cuvillier-Fleury, A. A. Journal intime, v. 1—2. P., 1900—1903.
Daudet, E. La révolution de 1830 et le procès des ministres de Charles X. P., 1907.
Dayot, A. Journées révolutionnaires (1830—1848). P., 1897.
Debidour, A. Le général Fabvier, sa vie militaire et politique. P., 1904.
Debraux, E. Les barricades de 1830. P., 1830.
Delavigne, C. Événements de Paris, de 26, 27, 28 et 29 Juillet 1830. Bruxelles, 1830.
Dufourg, R. Le procès des ministres de Charles X. Bordeaux, 1935.
Estourmel, J. d'. Souvenirs de France et d'Italie dans les années 1830, 1831 et 1832. P., 1861.
«1830». Études sur les mouvements libéraux et nationaux de 1830. P., 1932.
Gallois, L. La dernière semaine de Juillet 1830 ou relation exacte de tout ce qui s'est passé. P., 1830.
Guichen, E. La révolution de Juillet 1830 et l'Europe. P., 1917.
La Fayette, G. Mémoires, correspondance et manuscrits, v. 1—6. P., 1837—1838.
Lécuyer, R. La révolution de Juillet (1830). P., 1910.
Lucas-Dubreton, J. La manière forte. Casimir Périer et la révolution de 1830. P., 1929.
Marc, E. Mes journées de Juillet 1830. P., 1930.
Mazas, A. Mémoires. P., 1833.
Молок, А. Как июльская революция 1830 года была встречена в провинции. (Историк-марксист, 1936, № 6 (58), с. 139—163.)
Reynaud, P. Les trois glorieuses. 27, 28, 29 Juillet 1830. P., 1927.
Salvandy, N. A. Seize mois ou la Révolution et les révolutionnaires. Paris, Juillet 1830, Lyon, novembre 1831. P., 1831.

К ГЛАВЕ VIII

КОРОЛЕВСТВО ПОЛЬСКОЕ

1815—1846

Официальные документы

Angeberg, d'. [Chodźko, L.] [éditeur]. Recueil des traités, conventions et actes diplomatiques concernant la Pologne. P., 1862.
Documents servant à éclaircir l'histoire des provinces occidentales de la Russie ainsi que leurs rapports avec la Russie et la Pologne. St.-Pétersbourg, 1865.
Конституционная хартия 1815 года и некоторые другие акты бывшего Царства Польского (1814—1881). СПБ., 1907.
Мартенс, Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россиею с иностранными державами, т. 3, 4, 7, 8, 14, 15. СПБ., 1876—1909.
Международные трактаты и законодательные акты, касающиеся вопроса о государственно-правовом отношении царства Польского и Российской империи. СПБ., 1906.

Мемуары, переписка, труды современников

Ciampi, S. Viaggio in Polonia nella state del 1830. Firenze, 1831.
Чарторижский, А. Мемуары и переписка с имп. Александром I, т. 1—2. М., 1912—1913.

Kołaczkowski, K. Wspomnienia, v. 1—5 (1793—1820). Kraków, 1898.
Колачковский, К. Польша в 1814—1831 гг. (Русск. старина, 1902, т. 109, март, с. 623—640; т. 110, май, с. 409—438; июнь, с. 553—574.)
Kraushar, A. Monografia historyczna, v. 3—4 (1828—1836). Kraków—Warszawa, 1906.
Niemcewicz, J. U. Pamiętniki (1809—1820), v. 1—2. Poznań, 1871.
Oginski, M. Mémoires (1788—1815), v. 1—4. P., 1833.
Pamiętniki Polskie. Wydawane przez X. Bronikowskiego, v. 1—4. P., 1844—1845.

Позднейшие труды

Аскенази, Ш. Царство Польское (1815—1830). Перев. с польского. М., 1915.
Кизеветтер, А. Император Николай I, как конституционный монарх. (*Кизеветтер, А.*, Исторические очерки, с. 401—418. М., 1912.)
Козловский, В. Россия и царство Польское в период его автономного быта. (Русск. мысль, 1906, № 4, с. 183—205; № 6, с. 152—180.)
Куклин, Г. А. Польское движение при Александре I и Николае I. Женева, 1905.
Ленский, З. Польша в первой половине 19 в. (История России в 19 в., изд. т-ва Гранат, в. 4—5, с. 260—327. М., 1907.)
Луначарский, А. Мицкевич и Россия. (Мицкевич, А. Избранные сочинения, с. 5—10. М.—Л., 1929.)
Moltke, H. Darstellung der inneren Verhältnisse Polens und des gesellschaftlichen Zustandes in Polen. B., 1832.
Погодин, А. История польского народа в 19 в. М., 1915.
Семевский, М. И. Общественное образование в царстве Польском (1815—1864). СПБ., 1864.
Smolka, S. La politique de Lubecki avant le soulèvement de novembre, v. 1—2. Cracovie, 1907.
Студницкий, В. Польша в политическом отношении от раздела до наших дней. СПБ., 1907.
Verwaltung und Reformen im Königreich Polen von 1815 bis 1867. B., 1867.

Польская конституция 1815 г.

Handelsman, M. Trzy konstytucje, 1791, 1807, 1815. Kraków, 1905.
Любавский, М. Царство Польское и его конституция. (Книга для чтения по истории нового времени, т. 3, с. 687—710. М., 1912.)
Подвинский, Ю. Конституция царства Польского и ее судьба (1815—1830). М., 1906.

Польский вопрос на Венском конгрессе

Influence des cabinets de l'Europe sur les affaires de la Pologne au congrès de Vienne de 1815. Varsovie, 1831.
La Pologne et le congrès de Vienne. P., 1831.
Sirtema de Grovestins. La Pologne, la Russie et l'Europe Occidentale. P., 1847.

Польские сеймы

Lista posłów i deputowanych na seym r. 1820. Warszawa, 1820.
Protokul posiedzeń izby poselskiej z miesiąca czerwca 1830 r. Warszawa, 1831.

Константин и Польша

Constantin (le grand duc) à Varsovie pendant le congrès de Vienne. P.— Strasbourg—Genève, 1847.

ВОССТАНИЕ 1830 г.

Библиография

Hirschberg, A. Bibliografia powstania narodu polskiego z r. 1830—1831. Lwów, 1882.

Мемуары и труды современников

Берг, Н. В. Записки о польских заговорах и восстаниях (1831—1862.) М., 1873.
Блудова, А. Д. Воспоминания. (Русск. архив, 1873, т. 11, с. 2043—2138.)
Богданович, М. Дело при Дембе-Вельке, 19 (31) марта 1831 г. (Истор. вестник, 1881, т. 5, июнь, с. 279—282.)
Brzozowski, M. La guerre de Pologne en 1831. Leipzig, 1832.
Буткевич. Воспоминания прелата. Польское восстание 1831 г. Перев. с польск. (Русск. старина, 1878, авг., кн. 22, с. 591—615.)
Chłapowski, gen. Pamiętniki, v. 1—2. Poznań, 1899.
Czartoryski, A. Mémoires et correspondance, v. 1—2. P., 1887.
Czynski, J. La nuit du 15 août 1831 à Varsovie. P., 1832.
Давыдов, Д. В. Записки. В России цензурою непропущенные. Лондон—Брюссель, 1863.
Головин, Е. Извлечение из военного журнала генерал-лейтенанта Головина в течение кампании против польских мятежников 1831 г. Рига, 1847.
Hordynski, J. History of the late Polish revolution and the events of the campaign. Boston, 1833.
Hundt-Radowsky, H. Polen u. seine Revolution, Bd. 1—2. Stuttgart, 1831.
Император Николай Павлович и его время (1831—1849). [Переписка с Паскевичем о Краковских событиях]. (Русск. старина, 1884, т. 41, с. 135—162.)
Ф. В. Из воспоминаний бывшего гвардейского сапера о польской войне 1831 г. (Русск. вестник, 1867, т. 67, янв., с. 385—437; февр., с. 445—485.)
Mémoires officielles sur la Pologne. Précis des négociations entre le maréchal Paskiéwitch et le commandant en chef de l'armée polonaise. P.—Leipzig, 1832.
Мориоль. Записки (1821—1833). (Истор. вестник, 1909, т. 117, июль, авг., сент.; т. 118, окт.)
Мохнацкий, М. Польское восстание в 1830—1831 гг. (Русск. старина, 1884, т. 43; 1890, т. 65, март; 1891, т. 69, февр. и март.)
Неелов, Н. Д. Воспоминания о польской войне 1831 г. СПБ., 1878.
Переписка имп. Николая Павловича с в. кн. Константином Павловичем, т. 2 (1830—1831). СПБ., 1911. (Сборн. Р. И. О., т. 132.)
Попов, Н. Вольный город Краков (1815—1846). (Вестн. Европы, 1875: № 1, с. 107—156; № 2, с. 460—512; № 3, с. 100—149; № 4, с. 618—669; № 5, с. 255—290; № 6, с. 689—738.)
Пушкаревич, К. А. Из истории польской революции 1830—1831 гг. (Труды Ин-та славяноведения Акад. Наук СССР, 1932, т. 1, с. 337—344.)
Пушкин, А. С. Письма к Ел. Мих. Хитрово (1827—1832). Л., 1927.
Смит, Ф. [*Шмитт, Ф.*]. История польского восстания и войны 1830 и 1831 гг., т. 1—3. СПБ., 1863—1864.
Т. Поездка в главную квартиру фельдмаршала графа Дибича-Забалканского в марте 1831 г. (Военный сборник, 1873, т. 89, кн. 2, февр., с. 235—258; т. 90, кн. 3, март, с. 47—72.)
Толь, К. Ф. Краткий журнал пребывания моего в действующей армии в минувшую польскую войну. М., 1867.
Ульянов, И. Заметки о польском восстании 1830 г. (Русск. архив, 1867, столб. 695—712.)

Военский, К. Император Николай и Польша в 1830 г. Материалы для истории польского восстания 1830—1831 гг. Перев. с рукописи Фаддея Вылежинского. СПБ., 1905.
Война с польскими мятежниками 1831 г. в переписке имп. Николая I с гр. Дибичем-Забалканским. (Русск. старина, 1884, т. 41, 43; 1885, т. 46, 47; 1886, т. 49.)
Würtemberg, A. Die Schlacht bei Ostrolenka geliefert den 14/26 Mai 1831. Leipzig, 1842.
Zbiór pamiętników do historyi powstania Polskiego z roku 1830—1831. Lwów, 1880—1881.
Зеланд, А. Л. Воспоминания о польском восстании и войне 1830—1831 гг. (Русск. старина, 1892, т. 75, сент.; т. 76, окт.—дек.)

Позднейшие труды

Донесение Варшавского следственного комитета [от 22 декабря 1826 (3 декабря 1827) года о тайных обществах]. Б. м. и г.
Gembarzewski, B. Wojsko polskie, królestwo polskie (1815—1830). Warszawa, 1903.
Н. С. К. Польские смуты перед восстанием 1831 г. (Истор. вестник, 1880, т. 3, ноябрь, с. 576—602.)
Neyfeld, C. Polens Revolution und Kampf im Jahre 1831. Frankfurt a /M., 1872.
Писаревский, Г. Г. К истории польской революции 1830 г. Баку, 1930.
Погодин, А. Польша перед восстанием 1830 г. (Русск. богат., 1912, кн. 8, с. 30—52; кн. 9, с. 43—65.)
Пузыревский, А. Польско-русская война 1831 г., т. 1—2. СПБ., 1890.
Рябинин, И. Польское восстание 1830 г. (Книга для чтения по истории нового времени, т. 4, с. 51—81. М., 1914.)
Рубинштейн, Н. Л. Крестьяне и помещики в польском восстании 1831 г. (Каторга и ссылка, 1926, кн. 22, с. 131—137.)
Smołka, S. Polityka Lubeckiego przed powstaniem Listopadowem, v. 1—2. Kraków, 1907.
Тайное общество в Варшаве с целью восстановления Польши, 1843 г. (Русск. старина, 1880, т. 29, с. 184—188.)
Циммерман, В. Материалы для истории польского восстания 1830 г. (Военный сборник, 1869, кн. 8, с. 189—208.)
Шильдер, Н. К. Император Николай I, т. 2. СПБ., 1903.

Взятие Варшавы

Лауниц, В. Ф. Штурм Варшавы 25 и 26 августа 1831 г. Рассказ очевидца. Перев. с нем. (Военный сборник, 1873, т. 93, кн. 9, с. 5—24.)
Mierosławski, L. Bitwa Warszawska w dniu 6 i 7 września 1831, v. 1—2. Poznań, 1888.
Schels, J. B. Die Bestürmung von Warschau am 6. und 7. September 1831. Wien, 1838.

Восстание в разных местностях

Wrotnowski, F. Powstanie na Wołyniu, Podolu i Ukrainie w roku 1831, v. 1—2. P., 1837—1838.
Wrotnowski, F. Zbiór pamiętnikow o powstaniu Litwy w roku 1831. P., 1835.

Уничтожение Краковской республики

Chodźko, L. Les massacres de Galicie et Krakovie confisquée par l'Autriche en 1846. P., 1861.

Дополнительный трактат относительно Кракова, области его и конституции между дворами Российским, Австрийским и Прусским заключенный [Вена, 21 апреля (3 мая) 1815.] Б. м. и г.
Lozinski, B. Galicyjski sejm stanowy (1817—1845). Lwów, 1905.
Szarota, M. Die letzten Tage der Republik Krakau. Breslau, 1911.
Tessarczyk, A. Rzeczpospolita Krakowska, wolna, niepodległa, i ściśle neutralna, pod opieką trzech wielkich mocarstw. Kraków, 1863—1864.
Wodzicki, S. Pamiętniki. Kraków, 1888.

Отклики на польское восстание в Европе

Brisac, M. Lyon et l'insurrection polonaise de 1830—1831. P., 1909.
Débats de la Chambre des communes dans la séance du 9 juillet 1833. P., 1833.
Discussion sur les affaires de la Pologne à la Chambre des pairs de France. P., 1838.
Lafayette, G. de. Discours à la Chambre des députés. Affaire polonaise, séance du 9 avril 1832. P., 1832.

Польская эмиграция

Emigracya polska od 1831 do 1863. Leipzig, 1865.
Gadon, L. Emigracya Polska, v. 1—3. Kraków, 1901.

К ГЛАВЕ IX

ВОССТАНИЕ В БЕЛЬГИИ. БЕЛЬГИЙСКОЕ КОРОЛЕВСТВО

1814—1847

Библиография

Pirenne, H. Bibliographie de l'histoire de Belgique. Bruxelles, 1931.

Документы

Annuaire historique universel publ. par C. L. Lesur. P., 1818—1848.
Мартенс, Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами, т. 4, ч. 1; т. 11—12. СПБ., 1878—1898.
Lagemans, E. G. Recueil des traités et conventions conclus par le royaume des Pays-Bas depuis 1813, v. 1—10. La Haye, 1858—1890.
Тексты конституций. Сборник 1. М., 1905.
Thonissen, J. J. La constitution belge annotée. Bruxelles, 1876.

Мемуары, переписка, труды современников

Falck, A. F. Brieven (1795—1843). 's Gravenhage, 1857.
Froment, C. Études sur la révolution belge. Gand, 1834.
Goblet d'Alviella, A. J. Mémoires historiques, v. 1—2. P., 1864—1865.
Lefebvre de Bécourt, C. La Belgique et la révolution de Juillet. P., 1835.
Nothomb, J. B. Essai historique et politique sur la révolution belge, v. 1—2. Bruxelles, 1876.
Van der Meere, A. L. N. Documents historiques sur l'origine du royaume de Belgique. Bruxelles, 1880.
White, C. The Belgian revolution (1835), v. 1—3. L., 1839.

Позднейшие труды

Blok, P. J. Geschiedenis van het Nederlansche volk, v. 7—8. Groningen, 1907—1908.
Edmundson, G. History of Holland. Cambridge, 1922.
Colenbrander, H. T. Gedenkstukken der algemeene geschiedenis van Nederland (1795—1840), v. 1—11. 's Gravenhage, 1905—1921.
Dechesne, L. Histoire économique et sociale de la Belgique depuis les origines jusqu'en 1914. P., 1932.
Du Chastel, A. Les hollandais avant, pendant et après la révolution. Bruxelles, 1908.
Dollot, R. Les origines de la neutralité de la Belgique et le système de la Barrière (1609—1830). P., 1902.
Kalken, F. Histoire de Belgique. Bruxelles, 1920.
Лозинский, С. Г. История Бельгии и Голландии в новое время. СПБ., 1908.
Pirenne, H. Histoire de Belgique, v. 6—7. Bruxelles, 1926—1932.
Wasnair, E. Histoire ouvrière et paysanne de Belgique. Bruxelles, 1930.

Бельгийская революция 1830 г.

Baussart, E. La révolution belge de 1830 et l'Europe. P., 1913.
Buffin, C. Mémoires et documents inédits sur la révolution belge et la campagne de dix-jours, v. 1—2. Bruxelles, 1912.
Demoulin, R. Les journées de septembre 1830 à Bruxelles et en province. P., 1934.
Discailles, E. Charles Rogier (1800—1885), d'après les documents inédits, v. 1—4. Bruxelles, 1893—1895.
Langenhove, F. La volonté nationale belge en 1830. P., 1917.
Libertas, F. 1830. La révolution. Bruxelles, 1926.
Van Kalken, F. Histoire du royaume des Pays-Bas et de la révolution belge de 1830. Bruxelles, 1910.

Бельгия и европейские державы

Delvaux, F. Le siège de la citadelle d'Anvers en 1832 par l'armée française du Nord du maréchal comte Gérard. Bruxelles, 1930.
Discailles, E. Un diplomate belge à Paris de 1830 à 1864. P., 1908.
Lannoy, F. Les origines diplomatiques de l'indépendance belge. La Conférence de Londres (1830—1831). Louvain, 1903.
Martinet, A. La seconde intervention française et le siège d'Anvers (1832). Bruxelles, 1908.
Ridder, A. Histoire diplomatique du traité du 19 avril 1839. Bruxelles, 1920.
Ridder, A. La Belgique et la Prusse en conflit (1834—1838). Bruxelles, 1919.
Verwée, G. Recueil des ordres étrangers conférés aux Belges depuis 1830 jusqu'à nos jours, v. 1—4. P., 1906—1908.

Бельгийское королевство

Bertrand, L. Histoire de la démocratie et du socialisme en Belgique depuis 1830, v. 1—2. Bruxelles, 1905—1907.
Clough, S. B. A history of the Flemish mouvement in Belgium. N. Y., 1930.
Hymans, L. Histoire parlementaire de la Belgique (1830—1880), v. 1—6. Bruxelles, 1877—1880.
Гюисманс, К., де-Брукер, Л. и др. 75 лет буржуазного господства (1830—1905). Перев. с изд. Бельгийской рабочей партии. М., 1906.

Juste, T. Le congrès national de Belgique (1830—1831), v. 1—2. Bruxelles, 1880.
Lichtervelde, L. Léopold I et la formation de la Belgique contemporaine. Bruxelles, 1929.
Trannoy, H. A. M. J. Jules Malou (1810—1870). Bruxelles, 1905.
Vauthier, M. Das Staatsrecht des Königreichs Belgien. B., 1892.
Wilmotte, M. La Belgique morale et politique (1830—1890). P., 1902.

К ГЛАВЕ X

ФРАНЦИЯ

ИЮЛЬСКАЯ МОНАРХИЯ

1830—1847

Официальные материалы и документы

Annales du parlement français. Par une société de publicistes sous les auspices des deux Chambres. Sessions 1839—1848. P., 1839—1848.
Archives parlementaires (1787—1860). Recueil complet des débats législatifs et politiques des Chambres françaises impr. sous la direction de M. J. Mavidal et M. E. Laurent. 2-e série, v. 60—127. P., 1885—1914.
Cahen, L., Mathiez, A. Les lois françaises de 1815 à nos jours, accompagnées des documents politiques les plus importants. P., 1920.
Guizot, F. P. G. Correspondance avec Léonce de Lavergne (1838—1874). P., 1910.
Guizot, F. P. G. Histoire parlementaire de France, v. 1—5. P., 1863—1867.
Orléans, F. P., duc *d'*. Lettres (1825—1842). P., 1889.
Revue retrospective ou archives secrètes du dernier gouvernement. № 1—33. P. 1848.

Мемуары и труды современников

Apponyi, R. Vingt-cinq ans à Paris (1826—1850), v. 2—3. P., 1913—1914.
Barante, A. de. Souvenirs (1782—1866), v. 1—8. P., 1890—1901.
Barrot, O. Mémoires posthumes, v. 1—2. P., 1875.
Béranger, P. J. Correspondance, v. 1—4. P., 1860.
Béranger, P. J. Ma biographie. P., 1860.
Библиотека политических памфлетов. Серия I. Французские памфлетисты 19 в. СПБ., 1906.
Blanc, L. Révolution française. Histoire de dix ans (1830—1840), v. 1—5. P., 1841—1844.
Boissy, H. E. O. R. Mémoires, 1798—1866, v. 1—2. P., 1870.
Broglie, A. C. L. V. Souvenirs (1785—1870), v. 1—4. P., 1886.
Carrel, A. Oeuvres politiques et littéraires, v. 1—5. P., 1857—1859.
Dino, D. Chronique de 1831 à 1862, v. 1—4. P., 1909—1910.
Duchâtel, C. J. N. Correspondance inédite (1751—1844). P., 1918.
Forster, C. Quinze ans à Paris (1832—1848), v. 1—2. P., 1848—1849.
Guizot, F. P. G. Correspondance avec Léonce de Lavergne (1838—1874). P., 1910.
Guizot, F. P. G. Lettres à sa famille et à ses amis. P., 1884.
Guizot, F. P. G. Mémoires pour servir à l'histoire de mon temps, v. 1—8. P., 1858—1867. (Часть есть в русск. перев.: Гизо об имп. Николае Павловиче и его отношениях к королю Людовику-Филиппу. (Русский архив, 1880, кн. 1, с. 480—489.)
Гейне, Г. Французские дела. Часть 1. Мещанская монархия в 1832 г. Часть 2. Парламентский период мещанской монархии. (Сочинения, т. 7—8. СПБ., 1866.)

Гейне, Г. Французские дела. Французские художники. О французской сцене. (Полное собрание сочинений, т. 6. М.—Л., 1936.)
Joinville, F. d'Orléans, prince *de.* Vieux souvenirs (1818—1848). P., 1894.
La Fayette, M. J. Mémoires, correspondance et manuscrits, v. 1—6. P., 1837—1838.
Ledru-Rollin, A. A. Mémoire sur les événements de la rue Transnonain, dans les journées de 13 et 14 avril 1834. P., 1834.
Metternich, C. Mémoires, documents et écrits divers, v. 5—6. P., 1880—1884.
Montalivet, M. C. Rien! Dix années de gouvernement parlementaire. P., 1865.
Perier, C. Opinions et discours, v. 1—4. P., 1838.
Rumigny, M. T. Souvenirs (1789—1860). P., 1921.
Sers, J. A. Souvenir d'un préfet de la monarchie (1786—1862). P., 1906.
Талейран, Ш. М. Мемуары. М. — Л., 1934.
Thiers, L. A. La monarchie de 1830. P., 1831.
Токвиль, А. Воспоминания. Перев. с франц. М., 1893.

Позднейшие труды

Bourgeois, E. History of modern France, 1815—1913, v. 1—2. Cambridge, 1919.
Charlety, S. La monarchie de Juillet (1840—1848). P., 1921.
Грегуар, Л. История Франции в 19 в. Перев. под ред. И. В. Лучицкого, т. 1—2. М., 1893—1894.
Кареев, Н. И. История Западной Европы в новое время, т. 5. СПБ., 1908.
Лозинский, С. История второй французской республики. Киев, 1904.
Lucas-Dubreton, J. La Restauration et la monarchie de Juillet. P., 1926.
Recouly, R. Louis-Philippe, roi des français. P., 1930.
Чернышевский, Н. Г. Июльская монархия. (Полное собрание сочинений, т. 6, с. 53—151. СПБ., 1895—1906.)
Weill, G. La France sous la monarchie constitutionnelle (1814—1848). P., 1912.

Специальные труды

Bourgeois, E. The fall of constitutionalism in France (1840—1848). Cambridge, 1909.
Бутенко, В. Французский избирательный закон 29 июня 1820 г. (Сборн.: Николаю Ивановичу Карееву ученики и товарищи по научной работе (1873—1913), с. 120—147. СПБ., 1914.)
Chauvet, H. Histoire du parti républicain dans les Pyrénées-Orientales (1830—1877). Perpignan, 1909.
Cochin, D. Louis-Philippe, d'après des documents inédits. P., 1918.
Giraudeau, F. La presse périodique de 1789 à 1867. Lettres au rédacteur de «l'Étendart». P., 1867.
Кареев, Н. Внутренняя политика июльской монархии. (Книга для чтения по истории нового времени, т. 4, ч. 1, с. 251—279. М., 1913.)
La Hodde, L. Histoire des sociétés secrètes et du parti républicain de 1830 à 1848. P., 1850.
Нечаева, В., Дурылин, С. П. А. Вяземский и Франция. (Литературное наследство, 1937, т. 31/32, с. 77—148.)
Тарле, Е. В. Политический деятель старой Франции [Ройе-Коллар]. (*Тарле, Е. В.* Очерки и характеристики из истории европейского общественного движения в 19 в., с. 235—299. СПБ., 1903.)
Тарле, Е. В. Донесения Якова Толстого из Парижа в III отделение. (Литературное наследство, 1937, т. 31/32, с. 563—662.)
Чернов, И. Тайные общества в эпоху июльской монархии и второй республики. (Вестн. Европы, 1912, кн. 11, с. 183—196.)
Weill, G. Histoire du parti républicain en France de 1814 à 1870. P., 1900.

Рабочее движение

Alazard, J. Le mouvement politique et social à Lyon entre les deux insurrections de novembre 1831 et d'avril 1834. (Revue d'histoire moderne et contemporaine, 1911, v. 16, p. 27—49, 273—299.)
Alazard, J. Les causes de l'insurrection lyonnaise de novembre 1831. (Revue historique, 1912, v. 3, p. 48—82.)
Cuvillier, A. Un journal d'ouvriers «L'Atelier» (1840—1850). P., 1914 [1919].
Festy, O. Le mouvement ouvrier au début de la monarchie de Juillet (1830—1834). P., 1908.
Festy, O. L'insurrection de Lyon en 1831 d'après des documents inédits. (Annales des sciences politiques, 1910, p. 85—104.)
Jeanjean. L'insurrection de Lyon en novembre 1831. (La Révolution de 1848, 1914, v. 2, p. 55—81.)
Levasseur, E. Histoire des classes ouvrières et de l'industrie en France de 1789 à 1870, v. 1—2. P., 1903—1904.
Martin-Saint-Léon, E. Le compagnonnage. P., 1901.
Monfalcon, J. B. Histoire des insurrections de Lyon, en 1831 et en 1834. Lyon, 1834.
Потемкин, Ф. Лионские восстания 1831 и 1834 гг. М., 1937 (с библиографией).
Тарле, Е. В. Рабочий класс во Франции в первые времена машинного производства. М.—Л., 1928.

Легитимистское и бонапартистское движения

Courson, A. L'insurrection de 1832 en Bretagne et dans le Bas-Maine. P., 1910.
Gabory, E. Les Bourbons et la Vendée d'après des documents inédits. P., 1922.
Lebey, A. Les trois coups d'État de Louis-Napoléon Bonaparte. 1. Strasbourg et Boulogne. P., 1906.
Lucas-Dubreton, J. La princesse captive: la duchesse de Berry (1832—1833). P., 1925.
Sérieyx, W. L'ascension de Louis Bonaparte (1832—1848). P., 1935.
Simpson, F. A. The rise of Louis-Napoleon. L. — N. Y., 1925.

Политические деятели

Allison, J. M. S. Monsieur Thiers. L., 1932.
Barthou, L. Lamartine orateur. P., 1916.
Brush, E. P. Guizot in the early years of the Orleanist monarchy. Urbana, 1927.
Malo, H. Thiers (1797—1877). P., 1932.
Meaux, C. Montalembert. P., 1897.
Noailles, H. G. H. Le comte Molé (1781—1855), v. 1—6. P., 1922—1930.
Тарле, Е. В. Политический деятель старой Франции [Ройе-Коллар]. (*Тарле, Е. В.* Очерки и характеристики из истории европейского общественного движения в 19 в., с. 235—299. СПБ., 1903.)
Зеваэс, А. Огюст Бланки. Перев. Пг., 1922.

УТОПИЧЕСКИЙ СОЦИАЛИЗМ [1]

Общие труды

Беер, М. Всеобщая история социализма и социальной борьбы. М.—Л., 1927.
Bourgin, G., Bourgin, H. Le socialisme français de 1789 à 1848. P., 1912.

[1] Частично литературу об утопическом социализме см. также в IV томе, глава I.

Виппер, Р. Общественное учение и исторические теории 18 и 19 вв. в связи с общественным движением на Западе. СПБ., 1900.
Лавров, П. Л. Из истории социальных учений. Пг., 1919.
Луи, П. Утопический и научный социализм во Франции. Перев. с франц. М., 1906.
Плеханов, Г. В. Анархизм и социализм. М.—Л., 1929. (См. также: Собр. сочинений, т. 4, с. 169—248. М.—Л., 1923.)
Плеханов, Г. В. От утопии к науке. (Сочинения, т. 18, с. 37—132. М.—Л., 1935.)

Сен-Симон и сен-симонизм

Weill, G. Saint-Simon et son oeuvre. P., 1894.
Weill, G. L'école saint-simonienne, son histoire, son influence jusqu'à nos jours. P., 1896.
Enfantin, B. P. Colonisation de l'Algérie. P., 1843.
Чернышевский, Н. Г. Июльская монархия. (Полн. собрание сочинений, т. 6, с. 53—151. Пг., 1918.)
Чичерин, Б. Сен-Симон и его школа. (Вопросы философии и психологии, 1901, кн. 5 (60), с. 615—698.)

Фурье и фурьеризм

Adler, G. Fourier und der Fourierismus. Leipzig, 1906.
Armand, F. Fourier, v. 1—2. P., 1937.
Бебель, А. Шарль Фурье. М., 1923.
Dameth, C. M. H. Défense du fouriérisme. Réponse à M. M. Proudhon, Lamenais, Reybaud, Louis Blanc etc. P., 1841.
Дворцов, А. Шарль Фурье. М.—Л., 1938.
Pinloche, A. Fourier et le socialisme. P., 1933.
Fourier, C. Oeuvres complètes, v. 1—6. P., 1846.
Фурье, Ш. Избранные сочинения. Перев. с франц., М., 1918.
Фурье, Ш. Избранные сочинения, т. 1. М., 1938.

К ГЛАВЕ XI

ГРАЖДАНСКИЕ И ВОЕННЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ ФРАНЦИИ

Административные и судебные учреждения

Документы

Chailley-Bert, J., Fontaine, A. Lois sociales. P., 1895.
Les Déclarations françaises des droits de l'homme (1789—1852). P., 1928.
Duguit, L. H., Monnier, H. Les constitutions et les principales lois politiques de la France depuis 1789. P., 1925.
Rousselet, M. La magistrature sous la monarchie de Juillet. P., 1937.
Vuatrin, E. A., Batbie, A. Lois, administrations françaises. P., 1875.

Общие труды

Duvergier de Hauranne, P. Histoire du gouvernement parlementaire en France (1814—1848), v. 1—10. P., 1857—1871.
Rambaud, A. Histoire de la civilisation contemporaine en France. P., 1901.
Rogie, L. E., Despiques, P. Histoire de la France et de ses institutions. P., 1906.
Thureau-Dangin, P. Le parti libéral sous la Restauration. P., 1888.

Позднейшие труды

Авалов, *З*. Децентрализация и самоуправление во Франции. Департаментские собрания от реформы Бонапарта до наших дней. СПБ., 1905.
Barley, *J*. Le Conseil des ministres sous la Restauration. P., 1937.
Barthélemy, *J*. L'introduction du régime parlementaire en France sous Louis XVIII et Charles X. P., 1904.
Becker, *G*. L'héritage napoléonien. Cadre administratif. Nancy, 1923.
Bonnecase, *J*. La pensée juridique française de 1804 à l'heure présente, ses variations et ses traits essentiels, v. 1—2. P., 1934.
Muel, *L*. Précis historique des assemblées parlementaires et des hautes cours de justice en France (1789—1895). P., 1896.
Nourrisson, *P*. Trois précurseurs de la liberté d'association: Berryer, Montalembert, Lamartine. P., 1922.
Raisson, *H*. Histoire de la police de Paris (1667—1844). P., 1844.
Rousselet, *M*. La magistrature sous la monarchie de Juillet. P., 1937.
Weil, *G*. *D*. Les élections législatives depuis 1789. P., 1895.

Народное образование

Dupuy, *P*. *M*. L'École normale (1810—1883). P., 1884.
Liard, *L*. L'enseignement supérieur en France, v. 2, appendice A et B: Projets de loi. P., 1894.
Мижуев, *П*. Народное образование во Франции. СПБ., 1899.
Ogès, *L*. L'instruction primaire dans le Finistère sous le régime de la loi Guizot (1833—1850). Quimper, 1935.
Pinet, *G*. Histoire de l'École polytechnique. P., 1887.
Pothier, *F*. Histoire de l'École centrale des arts et manufactures. P., 1887.
Procès-verbaux de la Commission de l'instruction publique de l'Assemblée législative. P., 1889.
Weill, *G*. Histoire de l'enseignement secondaire en France (1802—1920). P., 1921.

Военные учреждения

Bonnal, *E*. Les royalistes contre l'armée (1815—1820). D'après les archives du Ministère de la guerre, v. 1—2. P., 1906.
Fieffé, *E*. Histoire des troupes étrangères au service de France, v. 1—2. P., 1854.
Jouan, *R*. Histoire de la marine française, v. 2. P., 1932.
Monteilhet, *J*. Les institutions militaires de la France (1814—1932). P., 1932.
Tramond, *J*., *Reussner*, *A*. Éléments d'histoire maritime et coloniale contemporaine (1815—1914). P., 1924.

К ГЛАВЕ XII

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ФРАНЦИИ

1815—1847

Общие труды

Clapham, *J*. *H*. The economic development of France and Germany (1815—1914). Cambridge, 1921.
Sée, *H*. La vie économique de la France sous la monarchie censitaire (1815—1848). P., 1927.
Viallate, *A*. L'activité économique en France de la fin du 18 siècle à nos jours. P., 1937.

Статистика

Archives statistiques du Ministère des travaux publics, de l'agriculture et du commerce. P., 1837. (Statistique de la France, 1-re série, v. 2.)

Levasseur, E. La population française. Histoire de la population avant 1789 et démographie de la France, v. 1—3. P., 1889—1892.

Moreau de Jonnès, A. Statistique de l'industrie de la France. P., 1856.

Statistique agricole. P., 1840—1841. (Statistique de la France, 1-re série, v. 6—7.)

Statistique agricole. P., 1858—1860. (Statistique de la France, 2-me série, v. 7—8.)

Statistique agricole de 1814. (Notices, inventaires et documents du Comité des travaux historiques et scientifiques, v. 2.) P., 1914.

Statistique de l'industrie de Paris (1847—1848). P., 1851.

Statistique industrielle de la France, v. 1—4. P., 1847—1852. (Statistique de la France, 1-re série, v. 10—14.)

Финансы

Calmon, A. Histoire parlementaire des finances de la monarchie de Juillet, v. 1—4. P., 1895—1899.

Contamine, H. Les conséquences financières des invasions de 1814 et de 1815 dans les départements de la Moselle et de la Meurthe. Metz, 1932.

Eymard, J. La politique financière sous la Restauration (1815—1830). P., 1924.

Mallez, P. La restauration des finances françaises après 1814. P., 1927.

Marion, M. Histoire financière de la France depuis 1715, v. 4—5. P., 1927—1928.

Nicolle, A. Comment la France a payé après Waterloo. P., 1929.

Ramon, G. Histoire de la Banque de France d'après les sources originales. P., 1929.

Промышленность

Bolifraud. De l'évolution du régime minier en France de 1810 à 1920. P., 1920.

Bourgin, G. Législation et organisation administrative du travail sous la Restauration. (Revue politique et parlementaire, 1910, octobre.)

Chaptal, J. A. C. De l'industrie française. P., 1819.

Damien, M. L'industrie de la verrerie dans le Nord de la France. Lille, 1921.

Pariset, E. Histoire de la fabrique lyonnaise. Lyon, 1901.

Sée, H. Esquisse de l'évolution industrielle de la France (1815—1848). Les progrès du machinisme et de la concentration. P., 1923.

Положение рабочего класса

Bourgin, G., Bourgin, H. Les patrons, les ouvriers et l'État. Le régime de l'industrie en France (1814—1830), v. 1. P., 1912.

Chevallier, E. Les salaires au 19 siècle. P., 1887.

Festy, O. Le mouvement ouvrier au début de la monarchie de Juillet (1830—1834). P., 1908.

Gaumont, J. Le mouvement ouvrier d'association et de coopération à Lyon. Lyon, 1921.

Levasseur, E. Histoire des classes ouvrières et de l'industrie en France (1789—1870), v. 1—2. P., 1903—1904.

Louis, P. Histoire du mouvement syndical en France (1789—1910). P., 1911.

Martin-Saint-Léon, E. Histoire des corporations de métiers depuis leurs origines jusqu'à leur suppression en 1791. P., 1922.

Rigaudias-Weiss, H. Les enquêtes ouvrières en France entre 1830 et 1848. P., 1936.

Тарле, Е. В. Рабочий класс во Франции в первые времена машинного производства. М.—Л., 1928.

Truchon, P. La vie intérieure de la fabrique lyonnaise sous la Restauration. (Revue d'hist. de Lyon, 1910.)
Truchon, P. La vie ouvrière à Lyon sous la Restauration. (Revue d'hist. de Lyon, 1912.)
Villermé, L. R. Tableau de l'état physique et moral des ouvriers employés dans les manufactures de coton, de laine et de soie, v. 1—2. P., 1840.

Сельское хозяйство

Augé-Laribé, M. L'évolution de la France agricole. P., 1912.
Renard, G., Dulac, A. L'évolution industrielle et agricole depuis cent cinquante ans. P., 1912.
Sée, H. Esquisse d'une histoire du régime agraire en Europe aux 18 et 19 siècles. P., 1921.
Sée, H. Les progrès de l'agriculture en France (1815—1848). P., 1921.

Торговля

Avenel, G. d'. L'évolution des moyens de transport, voyageurs, lettres, marchandises. P., 1919.
Levasseur, E. Histoire du commerce de la France, v. 2. P., 1912.
Nogaro, B., Oualid, W. L'évolution du commerce, du crédit et des transports depuis cent cinquante ans. P., 1914.
Ridder, A. Les projets d'union douanière franco-belge et les puissances européennes (1836—1843). Bruxelles, 1932.

К ГЛАВЕ XIII

ФРАНЦУЗСКАЯ ЛИТЕРАТУРА [1]

1815—1847

Asselineau, C. Bibliographie romantique. P., 1873.
Данилин, Ю. Поэты июльской революции. М., 1935.
Evans, D. O. Le théâtre pendant la période romantique (1827—1848). P., 1925.
История западной литературы (1800—1910). Под ред. Ф. Д. Батюшкова, т. 2. М., 1913.
Lasserre, P. Le romantisme français. P., 1922.
Мегрон, Л. Романтизм и нравы. М., 1914.
Nettement, A. F. Histoire de la littérature française sous la Restauration, v. 1—2. P., 1858.
Nettement, A. F. Histoire de la littérature française sous le gouvernement de Juillet, v. 1—2. P., 1859.
Pelissier, G. Le réalisme du romantisme. P., 1912.
Souriau, M. Histoire du romantisme en France, v. 1—3. P., 1927—1928.

К ГЛАВЕ XIV

ИТАЛИЯ

1810—1846

Общие труды

Archivio storico del risorgimento umbro (1796—1870) diretto da G. Mazzatinti, G. Dedle Azzi e A. Fani. Anno 1, f. 1—2. Città di Castello, 1905.
Baldi, G. Storia del risorgimento italiano (1813—1882). Firenze, 1912.

[1] Общие труды по французской литературе 19 века см. в I томе, в Библиографии, к гл. IX.

Berkeley, G. F. H. Italy in the making (1815—1846). L., 1932.
Bourgin, G. Les études relatives à la période du risorgimento en Italie (1789—1870). P., 1912.
Carte segrete e atti ufficiali della polizia austriaca in Italia (1814—1848), v. 1—4. Milano, 1851—1864.
Giacometti, G. La question italienne. Période de 1814 à 1860. P., 1893.
Hartmann, L. M. Hundert Jahre italienischer Geschichte (1815—1915). München, 1916.
Henneguy, F. C. Histoire de l'Italie depuis 1815, jusqu'à 1911. P., 1911.
Орси, П. Современная Италия. История последних 150 лет. Перев. с итал. СПБ., 1907.
Rinaudo, C. Il risorgimento italiano, v. 1—2. Città di Castello, 1911.
Solmi, A. Il risorgimento italiano (1814—1918). Milano, 1919.
Сорен, Э. История Италии от 1815 г. до смерти Виктора-Эммануила. СПБ., 1898.
Стендаль, Ф. Рим, Неаполь и Флоренция. (Собр. сочинений, т. 11. Л., 1936.)
Тарле, Е. В. История Италии в новое время. СПБ., 1901.

Падение владычества Наполеона

Guardione, F. Gioachino Murat in Italia. Palermo, 1899.
Johnston, R. M. The Napoleonic empire in Southern Italy, v. 1—2. L., 1904.
Sassenay, C. H. E. Les derniers mois de Murat. P., 1896.
Zucchi, C. Memorie. Milano, 1861.
Vidal, C. Louis-Philippe, Metternich et la crise italienne de 1831—1832. P., 1932.

Реставрация

Lemmi, F. La restaurazione in Italia. Roma, 1910.
Wiedemann-Warnhelm, A. Die Wiederherstellung der österreichischen Vorherrschaft in Italien (1813—1815). Wien, 1912.

Национальное и революционное движение

Восстания 1820—1821 и 1831 гг.

Latorre, H. À la liberté! L'Italie de 1814 à 1848. P., 1908.
Тарле, Е. В. Политические движения в Испании и Италии в 1820—1823 гг. (Книга для чтения по истории нового времени, т. 4, ч. 1, 128—176. М., 1913.)

Карбонарии

Baretta, A. Le società segrete in Toscana nel primo decennio dopo la Restaurazione (1814—1824). Torino, 1912.
Dito, O. Massoneria, Carboneria ed altre società segrete. Torino, 1905.
Labate, V. Un decennio di Carboneria in Sicilia (1821—1831), v. 1—2. Roma, 1904—1909.
Сидоренко, Е. Итальянские угольщики начала 19 в. СПБ., 1913.

Королевство Обеих Сицилий

Bianco, G. La rivoluzione siciliana del 1820. Firenze, 1905.
Brady, J. H. Rome and the Neapolitan revolution of 1820—1821. L., 1937.
Guardione, F. Il dominio dei Borboni in Sicilia dal 1830 al 1861, v. 1—2. Palermo, 1901.
Guardione, F. La Sicilia nella regenerazione politica d'Italia (1795—1860). Palermo, 1912.
Maag, A. Geschichte der Schweizertruppen in neapolitanischem Dienste (1825—1861). Zürich, 1909.
Pepe, G. Memorie, v. 1—2. Parigi, 1847.

Пьемонт

Alberti, M. Dieci anni di storia piemontese (1814—1824). Torino, 1908.
Friedensburg, W. Cavour, v. 1 (1810—1850). Gotha, 1911.
Masi, E. Il segreto del re Carlo Alberto. Cospiratori in Romagna dal 1815 al 1859. Bologna, 1891.
Matter, P. Cavour et l'unité italienne, v. 1. P., 1925.
Santa-Rosa, S. De la révolution piémontaise. P., 1822.
Santa-Rosa, S. Memorie e lettere inedite. Torino, 1877.
Torta, C. La rivoluzione piemontese nel 1821. Roma, 1908.
Vidal, C. Charles-Albert et le risorgimento italien (1831—1848). P., 1927.

Ломбардо-Венецианское королевство

Andryane, A. Mémoires d'un prisonnier d'État, v. 1—2. P., 1879.
Bianchi-Giovini, A. L'Austria in Italia. Torino, 1853.
Helfert, J. A. Zur Geschichte des Lombardo-Venezianischen Königreichs. Wien, 1908.
Пеллико, С. Мои темницы. М., 1901.
Sandonà, A. Contributo alla storia dei processi del ventuno e dello Spielberg (1821—1838). Torino, 1911.
Стонский, П. Сильвио Пеллико. Биографический очерк. СПБ., 1892.

Средняя Италия

Galvani, C. Memorie storiche, v. 1—4. Modena, 1846—1854.
Ledermann, L. Pellegrino Rossi. L'homme et économiste (1787—1848). P., 1929.
Sforza, G. La rivoluzione del 1831 nel ducato di Modena. Roma, 1909.

«Молодая Италия»

Ciasca R. L'origine del «Programma per l'opinione nazionale italiane» del 1847—1848. Roma, 1916.
Faldella G. I fratelli Ruffini, v. 1—3. Torino, 1895—1896.
Lupo Gentile, M. G. Voci d'esuli. Milano, 1911.

Мадзини

Barr, S. Mazzini. N. Y., 1935.
[Mazzini, G.] La Giovine Italia, v. 1—5. Roma, 1904—1914.
Mazzini, G. Epistolario inedito (1836—1864). Milano, 1911.
Mormina Penna, F. L'idea sociale di Gius. Mazzini e i sistemi socialisti, v. 1 (1815—1851). Bologna, 1907.

*

Vidal, C. Louis-Philippe, Mazzini et la Jeune Italie (1832—1834). P., 1935.
Vidal, C. Mazzini et les tentatives révolutionnaires de la Jeune Italie dans les États Sardes (1833—1834). P., 1927.

Итальянская литература

Гаспари, А. История итальянской литературы, т. 1—2. М., 1895—1897.
Оветт, А. Итальянская литература. Перев. С. И. Соболевского. М., 1922.
Фриче, В. Литература эпохи объединения Италии (1796—1870), ч. 1. М., 1916.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Б

В

З

И

Л

М

Н

О

Э

Я

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВРЕМЯ РЕАКЦИИ И КОНСТИТУЦИОННЫЕ МОНАРХИИ

1815—1847

Часть первая

ГЛАВА I

ВЕНСКИЙ КОНГРЕСС

1814—1815

А. Сорель

ГЛАВА II

СВЯЩЕННЫЙ СОЮЗ И КОНГРЕССЫ

1815—1823

А. Мале

1/240 История XIX в., т. III — 406

ГЛАВА III

ФРАНЦИЯ

Вторая реставрация

1815—1828

А. Мале

ГЛАВА IV

РОССИЯ

Внутренняя история

Александр и Николай

1815—1847

А. Рамбо

ГЛАВА V

ЮГО-ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА

1814—1821

А. Дебидур

ГЛАВА VI

ИСПАНИЯ И ПОРТУГАЛИЯ

1814—1847

Дедевиз дю Дезер

*

ГЛАВА X

ФРАНЦИЯ

Июльская монархия

1830—1847

А. Мале

ГЛАВА XI

ГРАЖДАНСКИЕ И ВОЕННЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ ФРАНЦИИ

1814—1847

Э. Шенон

ГЛАВА XII

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ФРАНЦИИ

1815—1848

А. Виалла

ГЛАВА XIII

ФРАНЦУЗСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

1815—1847

Э. Фагэ

ГЛАВА XIV

ИТАЛИЯ

1810—1846

А. Пенго

Ответственный редактор Е. В. Тарле.
Секретарь издания А. Я. Манусевич.
Художественное оформление Н. В. Ильин.
Технический редактор П. С. Смирнов.
Ученый корректор С. М. Данини.

* * *

Перевод III тома сверен с последним французским изданием А. С. Голинец и П. К. Губер. Библиография составлена Гос. Публ. библиотекой им. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде под руководством Ю. А. Меженко. Хронологические таблицы составлены доц. М. М. Малкиным и М. И. Ахун под руководством проф. А. И. Молок. Художественная обработка иллюстраций — худ. В. М. Соколов.

* * *

Книга набрана, напечатана и переплетена 2-й типографией ОГИЗ'а РСФСР треста «Полиграфкнига» «Печатный Двор» им. А. М. Горького. Ленинград, Гатчинская, 26. Клише изготовлены 21-й типографией ОГИЗ'а РСФСР им. Ив. Федорова. Карты напечатаны 24-й литографией ОГИЗ'а РСФСР.

* * *

Бумага Красновишерского бумкомбината. Картон фабрики им. тов. Калинина. Ледерин Щелковской фабрики «Союзтехноткань» по специальному заказу СОЦЭКГИЗА.

* * *

Сдано в набор 10/VII 1938 г. Подписано к печати 13/VIII 1938 г. ОГИЗ № 2116. Тираж 103 тыс. экз. Леноблгорлит № 3008. Заказ № 406. Формат бумаги 60 $\times$ 92 $^1/_{16}$. Объем $41^1/_2$ уч.-авт. л. $39^1/_2$ печ. л. + 20 иллюстр. и 2 карты. Тип. зн. в 1 бум. л. 78 000.

Цена книги в переплете 7 р. 50 к.

ЕВРОПА
1815
(после Венского конгресса)
Граница Германского союза
к востоку от Гринвича
ШВЕЦИЯ И НОРВЕГИЯ
СЕВЕРНОЕ МОРЕ
ДАНИЯ
БАЛТИЙСКОЕ МОРЕ
АТЛАНТИЧЕСКИЙ ОКЕАН
БИСКАЙСКИЙ ЗАЛИВ
АНГЛИЙСКИЙ КАНАЛ
ИРЛАНДИЯ
ФРАНЦИЯ
ШВЕЙЦАРИЯ
ИСПАНИЯ
ПОРТУГАЛИЯ
ПРУССИЯ
АВСТРИЙСКАЯ ИМПЕРИЯ
РОССИЯ
ЦАРСТВО ПОЛЬСКОЕ
ФИНЛЯНДИЯ
БЕССАРАБИЯ
МОЛДАВИЯ
ВАЛАХИЯ
СЕРБИЯ
БОСНИЯ
ЧЕРНОГОРИЯ
ОТТОМАНСКАЯ ИМПЕРИЯ
КОР. ОБЕИХ СИЦИЛИЙ
ЧЕРНОЕ МОРЕ
АЗОВСКОЕ МОРЕ
СРЕДИЗЕМНОЕ МОРЕ
Марокко
Алжир
Тунис
Триполи
Египет
Лондон
Париж
Берлин
Вена
Прага
Мюнхен
Варшава
Москва
С.-Петербург
Кенигсберг
Данциг
Гамбург
Копенгаген
Стокгольм
Христиания
Эдинбург
Дублин
Брест
Бордо
Лион
Марсель
Тулуза
Мадрид
Лиссабон
Барселона
Валенсия
Севилья
Кадикс
Гибралтар (Бр.)
Милан
Венеция
Флоренция
Рим
Неаполь
Палермо
Мальта (Бр.)
Константинополь
Смирна
Афины
Буда-пешт
Одесса
Херсон
Севастополь
Киев
Крым
Кипр
Крит (Кандия)
Александрия
Каир
Дамаск
Иерусалим
Бейрут
Яффа
Нил

КАРТА КОЛОНИАЛЬНЫХ ВЛАДЕНИЙ В 1815 ГОДУ
(после Венского конгресса)

Условные знаки

Английские владения — Испанские владения — Голландские владения

Масштаб по параллелям 30
1000 0 1 2 3 т. км
(1 см — 1000 км.)

2018813969